

A detailed illustration of a futuristic city. The scene is dominated by several massive, dark-colored skyscrapers with intricate window patterns. In the foreground, a large, glowing red and orange dome structure sits on a circular platform. A wide, multi-lane highway with glowing orange lights curves through the city. The sky is filled with large, billowing white and grey clouds, with a bright sun or light source creating a golden glow and long shadows across the buildings. The overall atmosphere is one of advanced technology and grand scale.

# Под ласковым солнцем: Империя камня и веры

16+

Кирнос С. В.

# Степан Витальевич Кирнос

## Под ласковым солнцем: Империя камня и веры

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=29606465](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29606465)*

*SelfPub; 2021*

### **Аннотация**

От геркулесовых столбов до самого Константинополя простёрлась огромная империя, построенная в пепле прошлого мира и смоге пожарищ войны. Страна, убегая от ужасов многовекового хаоса, превратилась в одну огромную тюрьму, где с утра до ночи звучит хвала во имя правителя и государства, а каждый шаг, каждый вздох скован пристальным взглядом государственной машины и сотней предписаний. Но в сей мрачной сказке есть те, кто решил менять мир. Ничтожная для «железной пяты» сила попытается что-то сделать, однако никто не понимает, что любой поступок может привести к самому неожиданному результату.

# Содержание

Предисловие	6
Пролог	12
Часть первая. Под серой Вуалью	17
Глава первая. Отчёты	17
Глава вторая. Миланское утро	40
Глава третья. Железные Крылья	64
Глава четвёртая. Дела аванпоста	84
Глава пятая. Апогей фанатизма	101
Глава шестая. Коршун расправляет крылья	128
Глава седьмая. Друг обескровленного семейства	188
Глава восьмая. Фанатики идеи	238
Глава девятая. Зажженный в безумии	268
Глава десятая. Сердце ереси	284
Глава одиннадцатая. Идея одна, мысли разные	302
Глава двенадцатая. «Во имя великой цели»	324
Глава тринадцатая. Встреча с «богами»	340
Глава четырнадцатая. Гражданская инквизиция	379
Глава пятнадцатая. Восхождение на шпиль	397
Часть вторая. Свет ложного рассвета	426
Глава шестнадцатая. Серость	426
Глава семнадцатая. На дальних рубежах	447

Глава восемнадцатая. Последний лорд и Командор	466
Глава девятнадцатая. Вселяющий надежду или «плавильщик душ»	481
Глава двадцатая. Царство «Бюрократия» и её король	496
Глава двадцать первая. Посылка	520
Глава двадцать вторая. Конец бесконечной серости	542
Глава двадцать третья. Не верящий Канцлер	568
Глава двадцать четвёртая. Тараканье королевство	591
Глава двадцать пятая. Мягкое дознание	612
Глава двадцать шестая. Истинные цели	631
Глава двадцать седьмая. Цена уплаченная всем	646
Глава двадцать восьмая. Встреча в логове шакала	675
Глава двадцать девятая. Гость из—за стены	693
Глава тридцатая. Медленное начало конца	708
Часть третья. «Зенит новой ночи»	721
Глава тридцать первая. Неожиданное освобождение	721
Глава тридцать вторая. Начало раскола	737
Глава тридцать третья. Нежеланное просветление	755

Глава тридцать четвёртая. В ответ на речь Карамазова	772
Глава тридцать пятая. Восход отступника	794
Глава тридцать шестая. Момент надлома	809
Глава тридцать седьмая. Встреча «братьев»	824
Глава тридцать восьмая. Предреволюционная суета	838
Глава тридцать девятая. Ересь Главного Лорда	854
Глава сороковая. Битва за Рим	868
Глава сорок первая. Встреча долгожданная	892
Глава сорок вторая. Революционный карнавал	908
Глава сорок третья. На неизведанной земле	927
Глава сорок четвёртая. Новый старый порядок	941
Эпилог	955
Вместо послесловия	962
Из размышлений философа–пророка и чёрного оракула времён эпохи Великой Европейской Ночи – Сарагона Мальтийского: Из «Хронологии смерти и перерождения» к «Пророчествам о прошлом и будущем» имперского почтенного и пророка Иезекииля Штурмопровидца:	965
Приложение	980

# Степан Кирнос

## Под ласковым солнцем: Империя камня и веры

### Предисловие

Эта книга открывает новую литературную вселенную «Мир серой ночи». Она рассказывает о далёком будущем, очень страшном, несчастном и довольно мрачном, изображающим, насколько может измениться человечество, если людская цивилизация оступится и пойдёт не по тому пути.

Мир предстаёт после великого апокалипсиса, разразившегося столетия назад и ставшего опустошительным и разрушительным, превратившего большую часть земли, немалое количество городов и стран в один постапокалиптический ад. Все края света безжалостно разорены – Америка, Европа, Африка, Азия и Австралия. Всех постигло крушение надежд человеческих на светлое будущее, всюду обрушилось опустошение на уголки погибающего мира. Затем ситуация сильно осложнилась веками молчаливого пребывания в таком состоянии и самом настоящем демарше истории, что повернулась в развитии обратно. И мир погряз в беско-

нечной, беспрестанной и жестокой войне, став отражением, тенью бывшего величия.

Что же случилось с человечеством в момент пика кризиса? Власть, запятнанная жадностью и празднеством, люди, искалеченные бунтами и нищетой, разруха, извечные распри, человечество, которое знает только лишь войну. Но в один момент некоторые части старого мира потянулись к единству, стягиваясь под неделимые флаги. Запад и восток, север и юг: все вознамерились построить новый, обновленный и славный мир, по идейным лекалам, устремившись к утопическим идеалам, взведя их на свои штандарты и вплетя в девизы. Кто-то стал ваять державу достойную «Царства Небесного», другие же вздумали построить новую «Вавилонскую башню», подражая идеям старого мира. У каждого в этой истории свой путь, ведущий народы дальше в ослепляющую тьму.

Мир серой ночи – это наш мир отдалённого будущего, который пережил страшную ночь, практически забвение цивилизации и упадок в варварство, выжил и явился из кризиса, только о возрождении, о бывшем величии и славе можно забыть. Неизгладимый, глубокий и ужасающий след оставлен на душах миллионов людей, которые до сих пор блуждают в ночи, хоть и над ними воспламенились «солнца» великих истин, указывающих «верный» путь, только светлее от этого не становится.

# Карта Империи "Рейх" и её территориального деления



1

2

3

4

5



6

7



8

9

10

11

12

13

14



15

16

17

18

19

20

21

Рис. 1 Карта «Империи Рейх» с территориальным составом.



## I Итилийская провинция

1 Римская Территория

2 Средеиталийская Территория

3 Южноиталийская Территория

4 Островная Единая Территория Сицилии, Сардинии и

Корсики

5 Ломбарско-североиталийская Территория

## II Французская Провинция

6 Прованская Территория

7 Окситанская Территория

## III Иберийская Провинция

8 Островная Болеарская Территория

9 Восточноиберийская Территория Каталонии, Валенсии

и Арагона

10 Староиспанская Центральная Территория

11 Андалусская Южноиберийская Территория

12 Западноиберийская Единая Португальская Террито-

рия

13 Североиберийская Территория Объединенных Галисийской, Астурийской, Кантабрийской и Баскской Областей

14 Срединная Кастилийская Территория

## IV Балканская Провинция

15 Иллирийские Тиранические Территории

16 Великая Пустошь

17 Константинопольский «Униат Экклесиас».

18 Срединнобалканская Македонская Территория

19 Восточнобалканская Македоно-Фессалоникийская

Территория

20 Греческая Территория

21 Автономная Территория Крита

«Только полным подчинением единому идейному порыву и общей морали, с уничтожением всяких альтернатив мысли можно сковать страну, которая простоит века».

– Канцлер Южно-Аппенинского Ковенанта.

«Чтобы бы можно передать предкам в прошлое, если бы представилась такая возможность? Что бы ни доводили мироздание до состояния полного распада, руководствуясь лишь только хищными и алчными устремлениями, которые обрушили этот мир на колени. Чтобы одумались, когда была возможность, и не обрушили до такого состояния, после которого человечество способно жить лишь одними ограничениями и запретами, а свобода для него стала помехой, злокачественной опухолью, которая убивает цивилизацию. Теперь только полным и всеобъемлющим контролем самых чистых и устремлённых народы смогу возродиться. Наигравшись в свободу единожды, не вынеся её тягостей и сломившись, лю-

ди без тоталитарного подчинения жить больше не смогут».

– Сарагон Мальтийский Чёрный Оракул. Философ эпохи Великого Кризиса.

«Тоталитаризация позволяет планировать полное подчинение человека нуждам власти путём контроля всех форм его жизнедеятельности. Она позволяет также заминировать выходы из тоталитарной системы, подменяя идеи, желания, слова: патриотизм, национализм, религия, демократия, надежды, благородные стремления. Подменённые понятия приводят обратно в тоталитаризм».

– Михаил Геллер. Историк докризисной эпохи времён «архаичного протосоциализма»

«Тоталитаризм – образ правления, при котором мораль, ценности и смысл человеческой жизни входят в компетенцию власти».

– Александр Круглов – мыслитель из докризисной эпохи.

«Долгие и великие страдания воспитывают в человеке тирана».

– Фридрих Вильгельм Ницше – философ из докризисной эпохи.

# Пролог

Это Марсель. На календаре стоит прекрасное тридцать первое августа. Последний летний день щедро одаривает приятной теплотой землю и горожан, грея их. Ласково пригревающее солнце постепенно уходит из зенита, чем говорит о том, что скоро настанет момент прохладного вечера.

На улицах прекрасно, всюду играет музыка, похожая на молитвенные гимны и поднимающие дух агитационные стихи, изливающиеся из всех рупоров, колонок и граммофонов, которыми город был просто усеян. В воздухе витает запах не салюта или сладостей, а устойчивое и резкое амбре благовоний, которые по прошению церкви Рейха разжигались Министерством Ликования и Радости. Обстановка говорит о великом празднестве и тех, кто веселился недостаточно министерство Ликования и Радости могло допросить и если причина хмурого настроения была недостаточной, то следовал огромный штраф. Ведь это праздник, а значит, все должны веселиться. И в любые торжества на улицы выходили не только обычные люди, но и слуги бесчисленных министерств, священники новой католической церкви – Империял Экклезиас и представители Культа Государства, одетые в свои потрёпанные и пропитанные солью пота рясы. Они неустанно следят за тем, как проходит празднество и само их присут-

ствие заставляло радоваться людей сильнее, ведь никто не хотел испытать на себе палящего жара Ласкового Солнца, как называли Канцлера и все его карательные структуры.

По праздничной улице, с папкой в которой лежали бланки, с улыбкой на лице шагал слуга министерства Радости и Ликования, что входило в систему структур «молота правительства» Рейха – «Имперор Магистратос». Ему было поручено важное задание – искать тех, кто недостаточно сильно радуется такому великолепному празднику как День Учреждения Министерства по Надзору за Сбором Древесины. Оно было не таким старым, как остальные, но и здесь, как сказано в Фолианте Гражданина: «Является прозорливость и мудрость нашего великого отца государства – Канцлера». И количество дерева выросло, пускай это министерство стало требовать больше заключённых, которые умирали как мухи, для сбора и заготовки деревянных досок. Главное, что показатели поднялись, а только это важно для Рейха.

Человек с папкой и решил посчитать, сколько же министерств на самом деле. Пока слуга структуры шёл и вспоминал, он насчитал более ста министерств. И он улыбнулся этому, ведь практически все сферы жизни были под контролем великого Рейха, а значит, никакого беспорядка и хаоса в управлении не может быть. Пускай они затянули петлю на свободе, ведь это было не так важно, как порядок и стабильность, обещанные Канцлером. Ведь ещё государственный святой говорил: «нет большего идеала, чем полный кон-

троль над всем, что только можно, ибо тогда ничего и никогда не падёт, и не канет во тьму».

Слуга министерства улыбнулся ещё больше, когда увидел своего старого друга – рабочего с завода по сбору автомобилей.

– Здравствуй. Как на заводе? Как работа? – с заинтересованностью спросил служащий правительства.

– Всё отлично, – радостно и ликующе ответил его друг. – Как видишь, нас отпустили намного раньше. Только помолчились полчаса за здоровье Канцлера и вечное существование Рейха и пошли.

В душе слуги министерства поёт радость, ибо нет ничего важнее в стране, чем неделимое воссоединение церкви и государства, ибо только тогда общество станет просвещённым и морально чистым. Только тогда будет выжжена всякая ересь и противная сути человеческой попирающая нравственность идея. Все отхождения от нравственности и единоверия должны быть строго пресечены, ведь только тогда страна станет нерушимой империей, в которой люди мирно и бесконфликтно сосуществуют друг с другом и их чистые души не развращает всякая пошлая идея. Само слово «пошлость» в архисловаре Рейха трактовалось как: «любое отступление от норм морали, идейности и мировоззрения, заданными Богом и Канцлером». И даже существует статья в уголовном кодексе «За развращающую пошлость».

Служащий министерства был рад такому положению дел,

ведь это обеспечивало единство и братство – недостижимый идеал государств старого мира.

Но рассказ друга продолжался, и покорный слуга правительства продолжал внимать ему:

– Сегодня ещё один рабочий предлагал полностью роботизировать производство.

В душе проверяющего настроения сразу вспыхнул протест, который мгновенно был погашен и перешедший в радость репликой рабочего:

– Но его сразу арестовали.

«И правильно» – подумал про себя слуга министерства. Всем рассказывали про то, как во время Великой Ночи новейшие технологии развратили человека, сделав из него ленивое и похотливое существо. Механизмы выполняли всю работу за человека, чем привели его к морально–нравственной гибели – как было сказано в учебниках Рейха. Помимо этого, падения в лени человек стал ваять из железа, проводов и эмитируемой кожи богопротивные создания, что были похожи на человека, но ими не являлись. И люди стали жить и совокупляться с этими противными нравственности куклами. Человек пал под натиском лени и блуда и всё это подавалось под видом прав и свобод, которые, по мнению Канцлера: «убивали человека в человеке, превращая его в праздное существо».

Это мерзкое грехопадение не должно было повториться в Рейхе, и по постулатам великого Канцлера было строжай-

ше запрещено создавать механизмы, похожие на человека. Ибо, как говорил старый кардинал: «Лень способна развратить человека до такой степени, что он станет иметь мысли и помышлять против Бога, Канцлера и Рейха. Никакой лени не должно было быть. Только труд и отдых».

И Рейх, став воплощением высокоморальных идеалов, по великому усердию Канцлера был спасён от гнусного и страшного грехопадения, что способно было убить любую страну. Как сказано, было в одной и проповедей старого священника: «И теперь весь народ, каждый человек пожизненно должен хвалить Господа за то, что сподобил Канцлера спасти нас от хищников времени прошлого».

Поговорив со своим другом, служащий министерства осмотрелся. Перед собой он увидел светлых людей, что радовались празднику, но почему–то их улыбки и ликования были словно натянуты, подобно маскам. Но все радуются и это главное. Вокруг развивались множественные плакаты с лозунгами про славу и гордость за правителя и государство. Пелись песню в их славу, что обогревали души людей.

«И всюду, каждый божий день лился тот приятный и животворящий тёплый свет Рейха, что исходил от нашего главного и сиятельного солнца, что своим сетом способно развеять самую плотную мглу ереси и предательства – Канцлер», как сказано в Фолианте Гражданина.



# Часть первая. Под серой Вуалью

## Глава первая. Отчёты

Двадцать пятое сентября. Рим.

Стоит сырая и прохладная осень, весьма неприятная и своей досадой, пугающей мрачностью отличавшаяся от остальных, словно говорит о том, что впереди ещё более безнадежные времена. На часах стрелки показывают около девяти часов вечера. Идёт лёгкий дождь, морось одним словом, которая промораживает вкупе с прохладным ветром до костей. Безлистные деревья медленно покачиваются под эфемерным напором ветра, подобно фанатам на концерте, поддавшимся мелодичным и лёгким волнам печальной и плачевной музыки, несущей мотив скорби и печали.

По улочке продвигается высокий человек в чёрных одеждах. Парень одет в длинную трепыхающуюся с каждым шагом накидку с капюшоном. Чёрные штаны уходят под невысокие кожаные сапоги. У мужчины через плечо перекинута чёрная сумка, на которой сияли отблески света фонарей. На него хладно смотрят огромные и монолитные серые дома, больше похожие на бетонные коробки. С каждого дома свисает флаг Рейха. На каждом строении наклеены плакаты с

изображением видных деятелей государства, а под ними лозунги, присущие только для Рейха: «Служи государству как Богу», «Воздай молитву не только о здравии своём, но и о спасителе нашем – Канцлере» или «Лучше отдать жизнь в услужении Канцлеру, нежели провести целый пустой день».

Лицо человека плотно скрыто под капюшоном, но это не помешало ему спокойно оглядеться по сторонам. Он увидел серую улицу, серые здания. Всё вокруг бесцветно и тускло, словно в мире не осталось места для красочности, ибо министерство Культурного Устройства Городов не одобряло использования множества цветов в окраске домов. Гражданин Империи, посматривающий на маловыразительность домов, знает, что это проявление «ласковой» руки матери-церкви – министерство, основываясь на рекомендации Империял Экклесиас, посчитало, что многоцветность способна развратить мысль граждан, ибо, если используется множество цветов, а значит и возможно множество политических идей, которые способны были разрушить всё государство. А где проявление такого идеала, как стабильность, если цвета способны привести страну к распаду? Едина мысль, а значит и один цвет. Однако далеко не всем закралась мысль, что подобный подход... необычен, но всё же такие нашлись. Министерство, по прошению другого министерства – «Эстетического Уюта» решило пойти на ряд послаблений. Оно составило особое постановление, что если уровень почитания Канцлера и Рейха в районе высок, то допускается раскрашивать по-

стройки уже в четыре цвета. Но одноцветность многих районов была скорее связана не с идейными постулатами, а ударным трудом рабочих в начале постройки этого района. Министерство Застройки Городов поставило цель: в самые малые сжатые сроки отстроить город. И рабочие просто строили крепкие дома, отвечающие нормам Культа Государства, не уделяя время на покраску. Серые, крепкие, идеологически правильные, да и греют сердце министерству Культурного Устройства Городов, здания, что ещё нужно для Рейха?

От всего этого министерского разнообразия могло вскружить голову, но флегматично шлёпающий по лужам человек уже привык к этому проявлению «заботы» государства, которое работу свою выполняет просто отлично. И что бы было бы, если не эти министерства? – постоянно убеждают со всех сторон самые рьяные политики. И проходя среди сдавленных монолитом из бетонных домовых нагромождений смотря исподлобья идущий в одиночестве человек понимает, что это лучшее, что могло случиться с этим ройном, да и с Римом в целом.

– Это меньшее из двух зол, – прошептал сам себе парень, рассматривая серо-тусклые джунгли из бетона, стараясь не говорить слишком громко, чтобы вездесущие камеры с передатчиками звука не уловили его речи.

Мужчина помнит, как здесь строился один из новых районов Рима, возведённый после времён Великой Европейской Ночи, как называли этот период на этом континенте

во времена Континентального Кризиса. Эпохи, когда в некогда славном городе разверзлись пучины кромешного ада и Рим захлестнули буйные волны кризиса, разорений и военных действий. И в то жестокое время, куда не кинь взгляд, везде царило запустение и разрушение, кроме Ватикана.

Память идущего наполняется отвратительными картинками, как раньше в этом сером районе были разбиты улицы, стихийные помойки на каждом шагу, разрушены многие дома, где среди руин жили нищие, наркоманы, бедные и нищие, а также и весь мелкий преступный криминалитет. В городе вечной славы, во время правления Римского Престола – сборища богатейших «священников» из Ватикана вкупе с крупным преступным синдикатом, возомнивших себя правителями этой территории, каждый день десятки, если людей умирали от голода, передозировки наркотиками, болезней или просто погибали в бесконечных стычках между бандами. Люди, по удачному стечению обстоятельств, жившие ближе к Ватикану, вели не столь жалкий образ жизни, как на окраинах, и даже могли себе позволить настоящее мясо или чистую, фильтрованную воду, ибо даже простейшие фильтры в городе были роскошью. Всё это отлично запечатлелось в сознании парня, несмотря на то, что он ещё тогда был ещё ребёнком, лет восьми, а с тем ужасом было покончено лет тридцать назад. Он отчётливо помнит, что его существование было жалким подобием жизни по сравнению с жителями Ватикана, именуемыми ещё «Золотым Кру-

гом». Там жительствоваали только богатеишие «священники», промышленявшие церковным бизнесом и самые авторитетные преступники, бесконечно обиравшие народ. Самые ярые и зажиточные из них составляли – Совет Лордов Римского Престола. Это было этакое собрание, провозгласивший себя органом государства, но на самом деле он оказался грабительно-вымогательным механизмом, по максимуму выжимавший все соки из простых людей и, придумывая, как ещё можно обирать население. Совет, полностью коррумпированный, состоявший из тридцати трёх участников, был не способен к здоровому управлению, ставший подобием раковой опухоли, убивающей тело. Солдаты и полиция только и занимались беспрестанным обиранием и показательными казнями, чтобы не поднялось бунта. Единственный шанс для простых родителей хоть как-то обеспечить нормальную жизнь ребёнку это отдать его в местную полицию. Это был самый настоящий ад, сошедший на землю. Тучи мух над городом, непрекращающаяся бойня, жестокая тирания мздоимцев и лиходеев. Казалось, что Господь оставил этот город, ибо это продолжалось долгие лета, однако всему приходит конец.

Пропаганда Рейха рисует следующие события, как великий подвиг первых воинов страны, как жестокое сражение и время величайших свершений, но мужчина был там, когда новая власть установилась. Тогда, тридцать лет назад первый Канцлер начал захват Рима, то народ, простые люди, в го-

роде его полностью поддержал. Часть городских войск перешла на сторону нового владыки, но так, же существенную поддержку оказало новое движение, раньше бывшее только в глубоком подполье – «Союз спасение души». Это было движение священников, которые не просто осуждали, а яростно презирали Папский образ жизни. И они развернули свою борьбу за город – в умах и сердцах людей, стараясь вдохновить народ повсюду. Как и в нищих районах, так и в более благополучных, стараясь всеми силами оказать поддержку возможному правителю, ибо каждому надоел этот кошмар и тогда, в тот момент, увидели шанс, луч света во тьме, надежду на лучшую жизнь. Они вели его воинов потаёнными дорогами и незаметными ходами, сквозь трущобы и руины. Люди канцлера быстро обошли позиции войск Рима и атаковали их с тыла. Соппротивление в Риме было сломлено уже через несколько часов, оставался Ватикан. Все улицы к нему были перекрыты колючей проволоками, блок постами и тяжёлым вооружением. Штурм Ватикана оказался самоубийственен, они бы потеряли всех своих людей раньше, чем прорвали бы оборону. Но тут решил помочь один выходец из трущоб. Он рассказал, что под здание Собория Лордов ведёт канализационная ветвь, и он знает, как можно незаметно пройти в зал заседания лордов. И канцлер доверился человеку, которого не знал. Битва за Ватикан закончилась через два часа, когда все лорды были взяты в плен во время своего заседания. А армия, лишившись командования, решила

просто капитулировать. Народ Рима торжествовал и ликовал свержению тирании. Канцлер, в назидание и устрашение, а также ведомый мыслью о справедливости просто взял и перебил всех лордов с их военным командованием. А в градоначальники назначил того парня, который провёл в зал собрания. И началось восстановление из пепла города на семи холмах.

Первым делом новый повелитель вечного города восстановил в святости Папский престол и всю новую католическую церковь, просто назначив на должности священников из «Союза спасения души»... и теперь этот союз прекратил своё существование, но церковь переродилась, став действительно новым. Церковь отчистилась от старых пороков, встала по правую руку от Канцлера и предстала в новом ослепительном блеске, взяв новое название – Империял Эклесиас. А Ватикан правитель переименовал в «Канцлер Цидалис», полностью перестроив его. С началом долгого восстановления славного города, новый правитель, нарёкший себя Императором, объявил Рим новой столицей Рейха. Из разрухи и нищеты возрождались множество районов. Строители пытались тщательно восстановить каждый дом, который возможно было отстроить, но были и наиболее разрушенные районы, которые не имело смысла восстанавливать. Их попросту сносили и строили новые дома, а вновь возведённые постройки стали огромными и серыми, безвкусными и простыми. Они резко контрастировали со старыми домами Ри-

ма. Тусклые бетонные нагромождения и стали новыми районами вечного города, что своей серостью могли отпугнуть любого ценителя прекрасного.

Мужчина внезапно оторвался от своих воспоминаний. Столько раз он прокручивал тот день у себя в голове, столько раз вспоминая каждую его деталь и всё затем, чтобы не забыть, что новый мир, сложившийся Рейх это не самое худшее, что получилось на исходе, несмотря на всю его сумасбродность. Он практически дошёл до своей цели, но в уме продолжал держать мысль, что если бы не эти министерства, со своими догмами и цифрами, до сегодня Рим вряд ли был славной столицей великого государства. Вдруг он почувствовал влагу на руке и понял, что его одежда безнадёжно промокла, до нитки, кроме содержимого сумки.

Хоть район и пребывает практически в безграничной бледности, как жизнь каменщика, в некоторых местах он не лишён своей эстетики. Люди часто отправляли просьбы о хоть каком-то благоустройстве дворов. Конечно, сначала их проверяли на идеологическую чистоту, ведь это прошение могло быть попыткой подрвать идейные основы Рейха. Проверялось множество факторов: как часто человек бывает в церкви, какой у него гражданский рейтинг, где он работает и ещё множество показателей сверялись, а потом составлялась общая картина. Если человек был идейно правильным, то на его прошение отвечали согласием и отправляли в отдел министерства Эстетического Уюта, где с ним обговари-



вались аспекты работы. А поэтому где-то были разноцветные балконы, цветные карнизы и подоконники. Попадались дома, у которых были пристройки в виде маленьких магазинов. На самих домах попадались, какие-либо рисунки тематики дозволенной Рейхом. Во дворах могли быть посажены кустарники и разукрашены лавки. Но не более этого.

Вдруг человек тревожно огляделся по сторонам, оторвавшись от размышлений о расцветке дворов. Где-то вдалеке заверещала сирена, что говорит о ещё одном выехавшем наряде Культа Государства, который охотится за теми, кто недостаточно любит свою страну, но это стало настолько обыденным явлением, что никто не обращает на это внимание.

Дорога предполагает длинную улицу, с где-то вмятыми бетонными плитами, которой и была умощена улица, поэтому вся улица была в маленьких и неглубоких лужицах. Мужчина уверенно, быстрым ходом, идёт по улице, под его сапогами раздаётся хлюпанье, и брызги разлетались во все стороны. Он знает, что из всех щелей за ним наблюдают тысячи глаз Управления по Наблюдению за Улицами Министерства Уличной Безопасности. Каждый шаг и движение отслеживаются сотнями человек, назначенных для полного контроля над гражданами, дабы они не позволили себе лишнего – хулиганства, акта неуважения к государству, или же аморально-распутное поведение. К этому трудно привыкнуть, а мысль, что слежка не заканчивается никогда подтачивает самообладание, но умелая пропаганда, подача, что

это идеальный механизм безопасности успокаивает людей. Однако проходящий по улицам человек настолько свыкся с мыслью, что его сейчас внимательно разглядывают, что попросту не обращает на это внимание, всё чувство неудобства в нём отсутствует, и он спокойно заканчивает долгий путь.

Парень быстро дошёл до одного примечательного колоссального здания, заметного издали, ибо оно отличается от других построек бетонных джунглей – оно не похоже на огромную бетонную коробку, немного приукрашенную, как большинство домов в окрестности. У здания чёрный фасад, две большие башни с торцов, изукрашенные рамы окон. Вместо стандартных входов у всего два: первый главный, парадный, представленный массивными деревянными дверями простой конструкции, но с красивой резьбой, а второй вход это скромная и короткая винтовая лестница, ведущая в подвал. В окнах неярко горит свет, просвечивая изнутри помещения, в которых то и дело мелькают фигуры.

Человек подошёл к короткой винтовой лестнице и спустился, прыгнув, прямо в лужу и поэтому когда стопы приземлились, то во все стороны с плеском брызнули капли воды, скопившейся от дождя. Инстинктивно отряхнувшись, он отворил маленькую дверку и вошёл в небольшое помещение, пребывавшее в серой монохромности и уходившее в коридор. В нём становится тоскливо от мощного лунного свечения исходящего от старых диодных ламп, которой только усиливает общее нагнетание серости.

Пара взглядов и становится понятно, для чего это место существует. Всё помещение было заполнено бесчисленным количеством коробок, ящиками и контейнерами. Это обычный склад.

Человек прошёл в коридор, стараясь как можно скорее попасть в нужный кабинет, подошёл к следующей лестнице, ведущей вглубь здания, и поднялся выше. Внутри постройка отлично украшена, что идёт вразрез с этико-моральными нормами Рейха, которым подчиняются обычные граждане. Красные махровые ковры смягчают путь идущего, отделка стен из дорогой древесины, роскошнее люстры и лампы, играющие сиянием хрусталя, зелёные изумрудные обои, которые очень трудно увидеть на полках обычных магазинов. Всё это резко контрастирует с тем, что творится за порогом этого места.

Но всю эту роскошь человек не рассматривает, так как свыкся с ней. Он, верно и быстро, двигается к своей цели. Пока мужчина идёт, то по всему зданию разносился звук хлопанья от промокших сапог, а на полу остаются мокрые следы на радость уборщикам.

Человек подошёл к одной из дверей на седьмом этаже и аккуратно, высунув из кулака согнутый указательный палец, стал тихонько постукивать, ожидая ответа. В такое вечернее время все держат кабинеты закрытыми, чтобы не мешали работать, поэтому парня пробирает лёгкое волнение. Он не знает, откроют ему или нет. Если дверь не отворится, то

ему придётся пройти целую чехарду действий в приёмной канцелярии, чтобы сдать документы.

– Заходите, – послышался спокойный, но сильный голос из-за двери, что не могло не вызвать облегчённого выдоха.

Мужчина отворил дверь и тихо прошёл в помещение, окинув его мимолётным взглядом. Кабинет не столь роскошен как остальные: скромная люстра, два непримечательных книжных шкафа, забитых старыми книгами с потёртыми корешками, простой рабочий стол с довольно архаичным компьютером, диван из кожи и небольшой коврик красного цвета.

У единственного окна стоит человек чуть выше среднего роста плотного телосложения, но не имевший лишней плоти с коротким чёрным волосом, в котором уже красуются пара блестящих серебристых волосков. Он сложил руки за спину и внимательно смотрит на улицу в большое раскрытое окно, через которое поступает свежесть и влага. На нём, как на вешалке, висит тёмная монотонная кофта, явно не подходящая по размеру, чёрные штаны, ушедшие под ботинки с высоким берцем. Хозяин кабинета стоит и всматривается в дождь, словно что-то выискивая, как будто видит в нём нечто особенное. Его сосредоточение было настолько сильным, что он даже не обратил внимания на вошедшего человека, хотя сам его и пригласил.

– Командор, – начал вошедший человек.

«Командор» – шёпотом сорвалось с губ владельца каби-

нета. Его так часто зовут по званию, что оно стало подобно второму имени, постепенно заменив старое, засыпав его в песках прошлого. Так часто окликают не по имени, а по чину, что звание превратилось в кличку.

– Принёс? – спокойно, но, не теряя строгости в голосе, спросил человек, стоявший у окна.

– Да, – покорно ответил вошедший

– Так, пожалуйста, пройди и положи.

Человек в капюшоне, размашистым шагом, проследовал к рабочему столу, открыл сумку и вынул оттуда несколько белых листков и кинул их на стол. Командор, стоявший у окна, в тот же момент тяжело оторвался от дождя, обернув сухое лицо в сторону помещения, и подошёл к столу, сел, взял листки со стола и стал рассматривать их. Вошедший увидел на лице Командора морщинистые впадины под щеками и уставшими глазами, которые ещё и украшены беглой синевой. Очами, с нефритово-голубоватым оттенком, он стал водить по строчкам, вбирая суть изложенного.

Это оказались обычные отчёты с полей боя, кроме одного листа, который человек отложил в сторону. Хоть время великих войн в Европе минуло недавно, все были уверены, что кровопролитиям с момента становления Империи от Геркулесовых столбов до Константинополя пришёл конец. Но в этой стране назрел старый конфликт, с неожиданной жестокостью вспыхнувший и потревоживший власть и теперь частенько приходится полк-ордену разбирать про-

блемы войны и мира.

Но вряд ли война может удивить в мире, который пролил океаны крови. Пришедший с куда большим удивлением смотрит на старомодность Командора, истинно дивясь, как так можно работать. Хоть государство максимально переводит всю информацию в электронный вид, а их носители – тонкие гибкие планшеты были почти у каждого гражданина, Командор предпочитал некую архаичность, работая с бумагами. Он очень любил анахронизмы давно ушедших времён, что проявлялась в наличии на столе древних шариковых ручек вместо электронных перьев. Если все его знакомые и сослуживцы пользовались компьютерами и планшетами, обрабатывая электронную документацию, то порой стол Командора просто ломился от бумажных масс, потакая в стиле работы Имперор Магистратос.

Хозяин кабинета долго и пристально вглядывался в листы с бумагами, будто выискивая среди них что-то стоящее, но это всего лишь отчёт. Но потом через некоторое время он просто откинул их на стол

– Скажи мне, Теневик Антоний, каковы потери у правительственных войск? – неожиданно спросил хозяин кабинета.

– Более трёхсот человек убитыми, шестьсот восемьдесят три ранеными, четырнадцать броневиков и уничтожили два танка, Командор, – точно и бесстрастно последовал ответ.

– Нехорошо, – выдохнул хозяин кабинета. – А у нас поте-

рей разве, что подбитый танк, который на ремонте.

– О чём, вы, Командор?

– Будто ты сам не знаешь, – слегка возмущился парень. – Сейчас для нас наступили не лучшие времена... слишком много надуманных претензий со стороны высшей власти. Если для второго Канцлера так плохо началась война с Иберийской Федерацией, с треклятыми сепаратистами, пусть на странность и хорошо вооруженными, то на нас скоро вновь обрушатся жалобы и расследования.

– Мы знаем это, там уже приведены в состояние тревоги наши соединения, – Спокойно ответил Теневик. – Так, на всякий случай.

– Хорошо, – практически шепотом сказал Командор. – Очень хорошо.

Хозяин кабинета спрятал в столе листки, на котором стояла печатать гербового одноглавого орла и с подписью: «Строго для слуг полк-ордена».

– Сегодня пришлось давать ещё одну записку имперским архивариусам, – устало усмехнулся Командор. – Достали меня своими расспросами.

– Что они от вас хотели?

– Истории и структуры, – заприметив смущение на худом лице Антония, пояснил. – Они собирали информацию о полк-ордене, чтобы внести её в Единую Энциклопедию Организаций Рейха.

– И что же вы им рассказали?

– Отправил куда подальше... в наши Архивы.

– Это же в Афинах... далеко же вы их послали.

Сам Командор отлично помнил историю и состав таинственной организации, околосударственного статуса. Созданный для решения любой насущной проблемы он стал местом сбора всех возможных гвардий и специальных отрядов, которых во время становления Империи было неисчислимое множество. И из них первый Канцлер собрал единое подразделение, готовое пойти на всё ради спасения государства и родины, для которого нет преград и барьеров.

«Домината Директорис» – совет четырёх глав при председательстве Великого Консула, заседавший в Риме, единственный орган власти, который имеет право управления полк-орденом. Никто другой, кроме Канцлера не имеет возможности повлиять на деятельность закрытого подразделения, которое подчиняется напрямую верховному правителю.

Численность полк-ордена довольно невелика – четыре тысячи человек, не считая обслуживающего персонала, техники, совета и Консула, за что его и прозвали полком. Каждой тысячей, то есть когортой управляет лорд-командующий, отвечавший за всё в своём округе. Ротой, командует брат-капитан, ответственный за все аванпосты в его распоряжении, и имеющий в подчинении Командоров, заведующих аванпостами полк-ордена. Каждым отделением, командовал брат-лейтенант, а каждым звеном – тактический сержант. К каждому отделению приписывался свой обслужива-



ющий персонал и своя техника, от обычных машин до танков и вертолётот.

Этот орден получил большую автономию во время правления первого Канцлера, ибо для того, что бы искать и терзать отступников на всех уровнях, независимо от государства необходим был определённый уровень свободы.

– Как ты думаешь, Антоний, сколько мы ещё просуществоваем?

– То есть? – симитировав непонимание, спросил Теневик. – Вы о чём?

– Да не прикидывайся. Ты знаешь, что вводит нынешнего Канцлера в ярость. Он одержим властью, и его жажда контроля за всем нас погубит.

– Вы сейчас серьёзно? – смутился Антоний.

– Нет, что-ты... всего лишь предположение... только и всего. Истинная причина ненависть Канцлера к полк–ордену для меня тайна. Сколько было подано петиций в суды Рейха о рассмотрение дел, связанных с полк–орденом... он нас точно хочет задавить.

– Но пока в покорном парламенте остаются единицы сочувствующих и независимых людей, нам ничего не грозит, – пытается успокоить себя и Командора Антоний. – Хотя беспокоиться есть о чём.

– Ты действительно веришь в эту бутафорию, как парламент? – ехидно подметил Командор. – Церковь и Культ Государства – вот у кого сейчас истинная сила влияния на по-

корные массы. И правитель прислушивается к ним... пока что.

Хозяин помещения сделался грузным и усталым, уйдя в думы, но внезапный вопрос Теневика вырвал Командора из туманных размышлений:

– Как думаете, что делать остальным отделениям?

Командор привстал, согнулся, опёршись обеими руками на стол, и втянул немного воздуха.

– Эх, – послышался тяжкий вдох. – Я уже несколько раз говорил с нашим лорд-командующим, чтоб он перевел, хотя бы наши роты в его округе в чрезвычайное положение, но он отвечал, что бояться нечего, что всё в порядке.

– Да как бояться нечего, – неожиданно для Командора запротестовал Теневик. – В высший суд за этот месяц было отправлено на рассмотрение три сфабрикованного дела. Два в измене «великому Рейху» и одно о шпионаже. Это хорошо, что у нас в «Буле» есть покровители, а то бы все уже скрипели на виселицах.

Командор удивлённо посмотрел на своего подчинённого, ибо очень редко замечает в нём частые возмущения. Он решил постараться его успокоить:

– Спокойней, пока всё стабильно и это главное.

– Так не может быть вечно, – снова с неким бесстрашием проговорил Теневик. – Да и вы говорите, что парламентские фокусы нас не спасут.

– Ладно, сейчас не об этом, – стараясь увести тему, заго-

ворил Командор. – Как там наш проект «Новый Дом»?

– Всё в порядке, реализация будет точно в срок. В случае ситуации «Икс» он будет в большинстве своём функционален.

– Спасибо, Антоний, как видишь, для нас есть спасение в случае... беды. Кстати, ты можешь передать это нашим покровителям, что б они и оставались нашими «ангелами хранителями»?

После этих слов Командор вынул из стола тканевый свёрток, перевязанный бечёвкой, и передал его Теневику.

– Благородный металл никогда не переставал быть актуальным, – заявил едко Антоний и тут же добавил. – Хорошо, передам, – и как то нехотя ответил и взял этот свёрток, став ожидать дальнейших распоряжений.

Командор сильно постарался, чтобы найти это золото, ведь большим количеством денег было опасно расплачиваться, ибо министерство Денежных Потокaв ревностно отслеживало каждую банкноту, или монетку, яро преследуя тех, кто использует «несанкционированные деньги».

Однако Командор не предал большого значения передачи оплаты, куда больше его интересует содержание второго сообщения. Хозяин кабинета кинул взгляд на первый отброшенный лист и стал вчитываться в содержимое и это его ничуть не удивляет.

– Одной рукой они пытаются опрокинуть Рейх, проклиная его за все беды, а другой дёргают за плечо и стремят-

ся добиться нашей помощи, – вполголоса сказал мужчина. – Чудны игры политики.

Командор кинул листок на стол и сложил руки на груди, обдумывая свои будущие действия. Прямоугольный кусок бумаги аккуратно прилетел на свет от монитора, и его содержимое оказалось на виду, по буквам которого быстро заплясал взгляд Антония:

«1. Мы партийные лидеры великой коммунистической державы с победившим равенством, просим вас проявить помощь нашему великому делу, по построению благополучного мира. Пусть нас разделяют и классы, и строй, мы просим вас и дальше сдерживать угрозу со стороны Африки и её эмигрантской нечисти, этих варваров, стремящихся разрушить наш справедливый порядок. Благодарим за ранее оказанную помощь, товарищи-враги».

«2. Здравствуйте благородное руководство полк–ордена, мы салютуем вам и просим вас о помощи. Мы долго строили наш мир свобод и прав, наш мир демократии и свободы. Мы покорно просим помощи вас против грязного врага. Вы и сами знаете, кто пытается посягнуть на нашу стабильность. Да мы говорим об эмигрантских ордах, которые долгое время пытались отобрать у нас наш великий мир. Наше свободное руководство, наш Форум и Корпорации предлагают вам немного улучшить ваше благосостояние. Пусть и перед нами есть глубокие различия, думаю, мы можем продолжить наше сотрудничество в сфере сохранения нового чудного ми-

ра. Спасибо за понимание».

Командор посмотрел на Теневика. Он пару секунд размышлял над планом действий, хотя этого и не нужно было, ведь существовала специальная директива, связанная с противодействием напора мигрантов.

– Скажи, Антоний, почему мне поручено вести дела с этими маразматиками? А? Разве для них не нашлось человека более... терпеливого. Все же знают, как я не могу терпеть их.

– Приказ самого лорд-командующего. Ничего поделаться не могу.

– Тогда слушай мой приказ, Теневик Антоний, ты вот эту бумагу с прошениями доставишь в кабинет пятьдесят два, оттуда её прикажешь факсом или электронным письмом отправить брат–капитану на Сицилии... мне всё равно как, главное, доставьте ему сообщение.

– Факсом?

– Ты ещё здесь? – скоротечно и грубо прозвучал вопрос. – Выполняй!

– Так точно, господин Командор, – хладно ответил Теневик, поморщив лицо, от того, что его Командор, вместо того, чтобы отправить прошение по электронной сети полк–ордена, гоняет его с бумагой к единственному факсу, который до сих пор держат из–за него.

– Подожди, Антоний, – резко воззвал Командор, протянув руку. – Не забудь и напомнить мне, что нужно будет заняться одним нашим... «другом». Думаю, его пора вытаскивать, а

то ведь пропадёт. Где он назначил встречу?

– В кофейне «Каффевильт»

– Да... хорошо. Можешь идти. Только после не забудь подготовиться.

После этого Антоний взял бумагу и быстро вышел из кабинета, а тем временем Командор подошёл к карте мира, которая висела на дальней стене, и стал в неё всматриваться, изучая новое положение стран в мире. Чётко ясны границы в Европе, а вот из Азии и Америки поступают противоречивые сведения, поэтому никто не решается составить точную политическую карту.

В кабинете с минуту стояла тишина, пока её не разорвали размышления Командора вслух:

– Ох, Африка, что с тобой стало, – тяжело произнёс Командор.

И действительно, за время эпохи Континентального Кризиса, когда вся система глобального взаимодействия рухнула, этот край мира сильно изменился. Там уже практически не было государств, в привычном понимании этого слова, скорее территории с номинальной властью, пережиток прежних времён. Вся Африка тянулась на север, снова в Европу. Миллионы, если не миллиарды беженцев убегали от болезней, голода, преступности и нищеты. Весь континент превратился в одну большую людскую мешанину, массу, объединённую одной идеей – убежать в более благополучные места. Вся Африка за пару сотен лет страшного кризиса утонула

в мусоре, нечистотах, гное и нищем населении, постепенно превращаясь в одни большие континентальные трущобы.

И, и Турецкий Султанат, и Объединенная Конфедерация Аравия, и Рейх оказались первой преградой на пути эмигрантских орд. Но всегда и везде с ними разбирались одинаково – безжалостное уничтожение тех, кто близко подобрался к границам, дабы не позволить проникнуть эту недавнего падения человечества в восстановленные страны, только отряхнувшиеся от пепла былой цивилизации.

Командор присел за с рабочий стол, активировал компьютер и тут же подключился к сети полк-ордена, сразу попав на передачу приказов сицилийского брат–капитана:

«Боевым баржам: «Средиземноморье», «Слава Рейха» и «Новый Ватикан» приступить к выполнению плана «Упреждение». Удар должен быть нанесён реактивными неядерными ракетами в течении двух минут. Приступайте».

## Глава вторая. Миланское утро

Следующий день. Милан.

На часах около семи часов утра. Солнце начинает монотонный и медленный путь с востока, неспешно поднимаясь из-за горизонта, и заливая утренним заревом весь город, освещая небесным златом каждую улочку, каждый переулок. Старые эпохальные дома выходят из полуночного сумрака, являя миру своё древнее великолепие. Вместе с ними оковы ночного прохладного мрака скидывают и бетонные леса однообразных домов.

В комнату, которая помещена в один из множества однотипных имперских каменных монолитных барачков стали проникать первые лучи прохладного осеннего солнца, рассеивая в комнате ночной мрак, достигшие лица юноши, который лежит в кровати, ожидая пока прозвенит будильник.

Через минуту звон будильника мгновенно развеял и плотное беззвучие, царившее в комнате. Медленно худая, но жилистая, рука юноши потянулась к рядом стоящему будильнику. Дотянувшись, он наугад ткнул на пару кнопок, и ревущее звучание электронного источника верещания резко смолкло.

Юноша, откинув белоснежное одеяло, нехотя встал с кровати, и тяжёлым сонным взглядом окинув свою комнату, в которой он не так давно живёт.



«Целый год, проклятье... триста шестьдесят пять дней», – подумал про себя парень и неохотно провалился в свои воспоминания.

– Габриель, поднимайся! – прокричал электронный голос из будильника – последнее напоминание о том, что необходимо вставать и собираться.

Юноша не стал осматриваться на устройство, выкрикнувшее его имя. Столько раз оно это делает, что всякий интерес к этому потерян и воспринимается как стандартная обыденность, неотделимый атрибут каждого дня. Но как бы парню хотелось, чтобы его окликнул живой родной голос, которого он слышал с шести лет. Живя в маленькой квартирке всего с восемнадцати лет, она уже успела надоесть и приестся, стать символом скорби и боли на сердце.

Все беды свалились двенадцать лет тому назад, и каждое утро начинается с тяжких воспоминаний и колючей печали, сдавливающей грудь. Ещё при правлении первого Канцлера те, кого он любил, были объявлены «Политически нестабильными» и его родителей отправили в трудовые исправительные лагеря, как ему сказали, а его самого отправили в воспитательный детский дом.

Тогда в Милане и его округе происходили чистки по политическим мотивам, и цепные псы нового господина миланских земель отлавливали каждого, кто косо посмотрит на атрибуты власти, не говоря уже об инакомыслии. После падения Альпийско–Северо–Итальянской Республики или

Лиги Севера [2] в этом регионе обстановка всегда оставалась нестабильной, постепенно накаляясь, ибо получив долгожданную свободу от распавшейся Италии народ Падании [3] хранил её на протяжении столетий великого кризиса и не собирался её отдавать после. Накануне тогда проводился несогласованный митинг в поддержку движения «Миланский дух», который требовал от Канцлера более независимого положения для города.

Габриель, в бытности ребёнком, не понимал политических мотивов сторон, ему просто по-детски нравилось, чем занимаются родители, подобно тому, как любое чадо гордится тем, где работают мать и отец. Хотя сейчас, по пришествии лет юноша проштудировав десятки книг, пропущенные Цензурой, понимает смысл происходящего, несмотря на то, что имперская пропаганда пыталась выставить это как подавление страшного акта неповиновения, угрожающего целостности страны и способного породить новый кризис. С обидой и беспомощностью парень читал страницы этих книг, зная, что люди просили обычного права свободы, и ещё большее становилось оттого, что его родители попали под каток репрессий.

Они шли к площади, на которой была временная ставка Канцлера, но на улицах мгновенно выставили заграждение из солдат. Члены движения шли с флагами и транспарантами, чьи лозунги могли показаться опасными для фанатичного последователя Культа Государства. Но, ни смотря, ни на

что это была мирная демонстрация, которая требовала лишь толику свободы для города на их пути встали автоматчики. Люди в грубой военной форме, тяжёлыми берцами, бронежилетами и укреплёнными шлемами с автоматами АК-147 против мирных демонстрантов. Сквозь стройные ряды бойцов прошёл Канцлер. Его чёрное пальто касалось брусчатки, полуседые и чёрные волосы ложились на плечи, его обветренное и морщинистое лицо было гордо поднято, а голубые глаза с презрением взирали на толпу. Перед ним были люди без оружия, требующие мирной жизни, на их невинных лицах читалось доверие и ожидание. Люди чаяли надежду, что новый правитель пойдёт им навстречу, но у него были совершенно другие планы и понятия о преступлении против страны. Этот человек яро ненавидел, тех, кто думает не так как он, ибо как сам говорил: «Я суть истины. Я не могу ошибаться, а значит, те, кто думают иначе, совершают непростижительную ошибку».

Канцлер вздел руку, его ладонь была обтянута кожаной перчаткой, как у палача, который не хочет запачкать руки кровью на казни. Он махнул рукой в сторону толпы с сухим криком «Огонь». И жуткий звон автоматных очередей, и крики разорвали недолгое хрупкое спокойствие. Крики толпы заглушили автоматные очереди. Флаги свободы быстро упали на землю, вместе с наивными надеждами.

Очереди скосили первые ряды демонстрантов. На их лицах вечно остались непередаваемые непонимание и ужас. По

брусчатке быстро потекли реки крови. Толпа не могла быстро развернуться, но им дали фору – слышались звуки отстегивающихся рожков. Все быстро побежали обратно как можно быстрее, с криками и воплями, как подобает до смерти напуганной толпе. Звон затворов и новая очередь. И ещё одни ряды убегающих людей были скошены.

Родителям Габриеля невероятно повезло, они были в последних рядах и не попали под пламенное канцлерское правосудие, хотя их оно настигло немного позже и в иной форме. По всему городу начали искать участников кровавого митинга, ибо они запятнали себя преступлением против Рейха, а это подаётся как самый страшный грех. Родителей мальчика нашли буквально на следующий день, ибо уже тогда неусыпное око – тысячи, сотни тысяч глаз по городу способны отследить любого человека. Сначала в дверь просто стучали. Отец пытался найти какое-либо оружие, но нашёл всего лишь битую, и даже с этим убогим оружием он решил защищать свою семью. Поняв, что бойцам никто не откроет, они просто дверь выбили, щепки от которой разлетелись по всему коридору. В квартиру вломилась трое солдат. Отец кинулся на них с битой, но солдат быстро среагировал, вытащил пистолет и прострелил ему ногу и запястье, и при этом фанатично крикнул – «За Рейх и Канцлера!». Двое других принялись разлучать мать и сына. Он навсегда запомнил её заплаканное лицо и тянущиеся к нему руки. Это были последние моменты, врезавшиеся в память на всю жизнь, когда

он видел своих родителей.

Потом он жил в детском доме, где годы его жизни были далеко не лёгкими, ибо программы воспитания, созданные министерством Детдомовского Образования, отвечали самым суровым стандартам Империи. Эти годы, который Рейх старательно стремился наполнить любовью к себе, вбивая постулаты верности к себе, подавая, что верность родине – идеал гражданина, Габриель старается не вспоминать по причине избыточности огромного количества впихиваемой пропаганды, которую ему пришлось проглотить, чтобы не отправиться в места похуже.

После жизни в детдоме, в восемнадцать лет, ему дали маленькую квартирку в Милане, всего одна комната, чтобы было, где существовать, и приписали к Академическому потоку «Схолум Культурик».

Габриель не разбирался ни в устройстве государства, а поэтому в «Схолум Политика» нему путь закрыт. Ни в финансовых потоках и экономики он ничего не мыслил, а это закрывало путь в «Схолум Экономика», и в сфере технических устройств мало что ведал, что обрывало возможность попадания в «Схолум Техника», но очень хорошо знал культурные аспекты Рейха, что и показал на дне своего распределения. Как он перед шестью членами Распределительной Комиссии – три представителей министерств, которых он не помнил, священник церкви, «монах» из Кюльта Государства и судья из Трибунала Рейха, рассказывал про становление

«Имперского неоренессанса» и обвинительно высказывался о культуре «Заката благоденствия и хрустального мира». После чего его и приписали к факультету «Культура нового Рейха и история её сложения».

Юноша, провертев тернистые, но дорогие ему воспоминания в голове и перестав размышлять про систему высшего образования, быстро встал и пошёл умываться, пролетев всю комнату за пару секунд, спеша на учёбу.

Он зашёл в крохотный туалет и взглянул на дверцу шкафчика. По правилам министерства Идеологической Чистоты в каждом доме должно быть минимум три вещи, присущие Культуре Государства. Это могла быть символика, плакаты или музыка. И на дверце шкафчика у Габриеля висит пожелтевший листок с гимном Рейха. В углу туалета, рядом с ванной, стоит маленькая статуя ястреба, терзающая крысу. Эта статуэтка олицетворяла правосудие Рейха, убивающее отступника. И третьим символом был плакат с изображением одного из министров. Юноша всегда помнил, что «монахи» из Куклы Государства или служители министерств могут в любое время нагрянуть к нему с проверкой. И Габриель их всегда отводил в туалет. Проверяющие люди сначала возмущались такому расположению священной символики, но парень, с едва уловимой язвительностью, им отвечал: «Да как так? Разве свет Рейха не должен светить повсюду? Разве такое место способно притушить яркое сияние истины?». Никто не мог ему возразить, лишь отмечая в своих бланках, что

эта квартира соответствует стандартам и её хозяина не нужно ставить в очередь на понижение Гражданского Рейтинга.

Усмехнувшись над вездесущими слугами режима, парень решил умыться. В зеркале престал помятый и сонный человек. Короткие белые волосы были немного растрёпаны, серо-зелёные глаза были сонными и туманными. Помятые острые черты лица выдают огромную усталость, несмотря на утро.

Парень открыл кран и налил в ладони воды, плеснув ею в лицо, умылся. Он неспешно почистил зубы и помыл голову. Потом он достал из холодильника немного еды – ломоть хлеба и кусок колбасы, и спешно перекусил, запив завтрак стаканом воды. Через полчаса он был уже одет и готов идти на учёбу. На нём красуются бесцветные штаны, туфли из кожзаменителя, тёмная кофта и серая лёгкая куртка, сумка через плечо, в которой лежит электронный планшет, перекинута на левый бок.

Перед выходом юноша презрительно взглянул на свою одежду. Своей серостью и мрачностью она ему очень не нравилась, но что можно было сделать, если по прошению Империял Экклесиас министерство Обеспечения Одеждой издало постановление, по которому, «в целях предотвращения морального разложения душ граждан», для того чтобы повысить свой Гражданский Рейтинг нужно было ходить в монотонной одежде. А если кого ни будь, застанут в разноцветных одеяниях, то сначала его могут допросить, а потом, если

будет нужда, человека просто арестуют за «Подрыв духовных идеалов Рейха и развращение душ».

Выразив в уме недовольство своему внешнему виду, Габриель открыл дверь и вышел в подъезд, где слабо веяло сыростью. Он закрыл дверь квартиры и спешно побежал по ступеням на улицу.

На часах около восьми часов утра это и так понятно по утреннему потоку свежести. Габриелю в лицо ударил лёгкий ветерок, немного проясняющий всё ещё мутное сознание. Юноша вышел на улицу из дома. Эта область очень близка к новым миланским районам, перестроенных по стандартам церкви, Культа Государства и ряда министерств. Ныне они полностью соответствовали идеалам равенства и единства, став равными в своей маловыразительности и едиными в стремлении продавить город массивностью тех идеалов, которые они в себе несут. Основываясь на эти стандарты пол Милана, были перестроены по новому лекалу. Габриель идёт и видит, как куда только можно Рейх пытается поместить идеи морали, сдержанности, послушания и пуританства.

На улице витает запах мокрого асфальта, смешавшись с ароматами машинного масла, сварки, а так же присутствует сладкое амбре из булочной, возле которой проходит юноша. Но всегда есть один-единственный запах, вечно стоящий на улицах и его ни с чем нельзя перепутать. Приторный и липкий, чуть колющий нос – так пахнут благовония Культа Государства, разжигаемые, дабы создать атмосферу церковно-



сти всюду.

Ветер слабо бьёт в лицо, хоть немного развевая пресловутую сонливость. Вдоль всех дорог города стоят колонны, которые наверху венчались неким подобием микрофона. Это были новые граммофоны, установленные министерством Идеологической Чистоты. Их предназначение весьма удивительно, ибо они не используются в целях донесения новостей, но уже Габриель готов закрыться, чтобы не слышать каждодневную порцию пресловутых настояний, но от этого нельзя скрыться.

Стоящие вдоль дороги граммофоны активировались. Оттуда полились сахарные похвалы и чуть ли не молитвы о втором Канцлере, захлестнувшие град одновременно шумовым потоком величайшей похвальбы, вроде: «Служи ему, как служил бы самому себе», «Он наш веет в мрачной тьме», «Его усилиями бережётся жизнь твоя», «Люби его как самого себя» и тому подобное. И так каждый день в восемь пятнадцать. Каждое утро граммофоны доносили до ушей людей, что их государство, их Рейх является единственным, ради чего следует жить, единственным, что может предотвратить разрушения и социальную энтропию.

Эти безмерные похвальбы длились до девяти часов. Сорок пять минут слащавой хвалы, которую, приходится выслушивать каждому жителю Рейха. И по закону было установлено, что если житель Империи встанет позже фантаasmогории хваления, естественного будильника, то его следова-

ло оштрафовать или отправить на исправительные работы. И за этим следит специальный комитет, приписанный министерству Идеологической Чистоты. Его сотрудники ходили по квартирам, и если открывший им человек был слишком сонным, то его могли наказать за «Презрение к государственной символике».

И вот юноша шёл, с презрением выслушивая эту жуткую сахарную какофонию, не зная, куда от неё скрыться, но впереди таилось более серьёзное явление. Уличный комиссар – человек, следивший за исполнением не догм режима, а мелких законов и ещё более незначительных подзаконных актов, и приказов неисчислимых министерств, практически не отличавшихся от тех же самых постулатов Церкви и Протоколов Трибунала, которых было ни счесть. По крайней мере, так видят ситуацию в Риме. Жители Милана, та горсть, которая ещё не впала в фанатичное почитание Рейха, смотрят на комиссаров, как на чуму. Но всё же даже они боятся открыть рот или криво оглянуться на «слуг государевых», предпочитая скрывать мысли неповиновения от себя, чтобы не стать презираемыми отступниками.

Юноша сейчас не думает о друзьях или годах прошлого. Он аккуратно идёт по небольшой серой улочке, чтобы не вызывать подозрений «Я просто парень, идущий на учёбу, что во мне такого? Я ничего не нарушаю» – пытается себя успокоить юноша исподлобья поглядывая на приближающегося комиссара.

Габриель знает, что жалование комиссаров выплачивалось Трибуналом Рейха и зависит от количества задержанных преступников или нарушителей «Идейного спокойствия», чтобы стимулировать государственную машину карать большее количество преступников. Но они не занимались подкладыванием улик или подтасовкой доказательств, им незачем было делать, ибо огромное количество мелких норм государства или малозначительные церковные настояния, приравнённые в Империи к источнику права, давали широкое поле для выявления нарушений, которые Габриель лихорадочно вспоминает, тихо ступая по асфальту, чтобы не попасть впросак.

Юноша понимает, что живя, создаются такие условия, чтобы граждане чувствовали себя всегда виноватыми, дабы оставаться в непреодолимом повиновении к государству. «Ибо человек виновный, всегда готов искупить вину в самопожертвовании своей родине» – так говорил первый Канцлер, так делает государство.

Глаза парня впились в образ комиссар. На нём выглаженные потёртые брюки, начищенные до блеска старые ботинки и скудное на цвет, порванное местами тканевое бежевое пальто. Он похож скорее на бедняка, чем на представителя судебно-силовой системы, но это не просто оборванцы, набранные с улиц. Они являются фанатичными последователями Рейха, верящие, что личное благосостояние ничто, по сравнению с преуспеванием родины.

Габриель ощутил, как суровый взгляд комиссара упал на него. Он сделал быстрый шаг и направился парню, отчего юноша едва не потерял, сознание. Ужас охватил его душу, сковывая даже ход мыслей, а представитель власти тем временем вынул удостоверение комиссара и начал разговор, сделав холодный и грубый голос:

– Гражданин. Назовите ваше имя.

Габриель понимал, что споры с этим человеком ничего не принесут, это может лишь усугубить и то не радужное положение.

– Я... я... Габриель, – коротко и с нотками дрожи в голосе ответил юноша.

– Так, Габриель, сейчас я проведу личный обыск. После этого, независимо, будут ли найдены вещи, запрещённые законодательством Рейха или нет, ты проедешь со мной в участок.

– А почему так?

– На основании Судебного Протокола-790 и Постановления Министерства Уличной Безопасности я имею право вас забрать в участок, – холодно проговорил мужчина. – Плохо вы знаете законы Рейха, гражданин, плохо.

До сердца Габриэля холодной рукой дотронулся испуг. Он, конечно, слышал истории об уличных комиссарах, едва не становился их «клиентом», но сам впервые сталкивается с подобной фанатичностью и беспредельной хладностью лично, помешанной на тоталитарном законодательстве государ-

ства.

– Мне необходимо на учёбу, – пытаюсь хоть как-то уйти от нависшего правосудия, с явной дрожью твердил парень. – Да и вообще, что вы делаете это незаконно. – Пытаюсь хоть как-то улучшить своё положение, вывалил Габриель.

Но эти слова подействовали на комиссара не так, как рассчитывал юноша. Глаза его должны были наполниться фанатичным пламенем, но в голубых очах отсвечивается лишь неумолимый бастион бездушия:

– Гражданин, вы хоть понимаете, кто я?

– Нет... – пролепетал Габриель. – Нет...

– Я не закон, но я тот, кто приводит его в исполнение. Вы препятствуете отправлению предправосудным процедурам, а это уже основание для задержания.

Потом уличный комиссар ухватился за воротник куртки и хорошо тряханул, опрокинув юношу, после чего попытался заковать его в наручники. Габриель уже готов разрыдаться, он уже представляет, как ему зачитают приговор за неподчинение власти. Уже готовился отправиться в тюремный блок Милана, но спасение пришло откуда не ждали.

– Эй, именем Рейха, что происходит?! – послышался со стороны возмущённый крик.

– Кто это? – спросил комиссар и, оставив парня, быстро поспешил к человеку, его позвавшему.

– Что здесь происходит? – Спросил подошедший невысокий человек.

– Гражданин. Кто вы? Я не обязан перед вами отчитываться, – строго ответил ему комиссар.

Стоявший напротив него усмехнулся, вытащил удостоверение и со словами показал его:

– Как раз-таки обязан.

– Простите, господин Надзиратель–Комиссар, не признал вас. – С еле уловимыми нотками извинениями проговорил уличный комиссар.

– Я спрошу ещё раз – Что тут происходит?

– Гражданин по имени Габриель сопротивляется правосудию Рейха. Это осуждается статьями...

– Я понял. – Внезапно прервав своего подчиненного, заговорил другой комиссар. – Отпустить его.

– Что? – с недоумением прозвучал вопрос.

– Подчиняйся, а то могу уже тебя привлечь по статье за «Иерархическое сопротивление» и «Неподчинение приказам». – Грозно ответил ему командир.

Уличный комиссар, так как даже не успел надеть на юношу наручники, просто развернулся и ушёл восвояси, в поисках другой жертвы, словно пребывал не в состоянии человечности, а механической необходимости.

Потом незнакомый спаситель подошёл к Габриелю. На комиссаре парень увидел потёртую кожаную куртку, чёрные туфли и джинсовые бесцветные брюки. Он протянул ему руку со словами:

– Давай поднимайся.

Парень, взявшись за ладонь, встал, отряхнулся, потёрся за щёку, по которой его саданули, и спросил с удивлением в голосе:

– Кто вы?

– Меня зовут Цирус. Я кто-то вроде надзирателя среди уличных комиссаров, поддерживаю порядок, что б они не пересадили всех вокруг, а потом и себя.

Габриель стоял ошарашенный от всей этой ситуации, не в состоянии понять, что сейчас произошло.

– Ох, спасибо вам, – вымолвил щеку, сказал юноша.

– Да не за что, прошу тебя, впредь будь осторожнее, не противься уличным комиссарам. Старайся обходить их стороной.

После чего они холодно друг другу пожали руки и разошлись в разные стороны. У парня не было времени, чтобы разобраться во всей ситуации. Габриель сделал свой шаг быстрее, чтобы не опоздать, направляясь в свою академию. Через пятнадцать минут он уже стоял у дверей нужного здания. Оно представляло обычную коробкообразную постройку четырёхугольного типа, с белыми стенами и обычными пластиковыми окнами старого типа. В этом здании было всего три этажа.

Парень отворил массивную деревянную дверь академии, украшенную гербом Рейха, и перешагнул порог. До занятий оставалось примерно пять минут. Холл здания представляет собой большое помещение с бежевой покраской стен. Там,

где-то в углу устроен гардероб, доска расписаний и место для объявлений, заваленная приглашения на молитвенные собрания и кружки почитания страны. Весь холл просто завален государственной символикой: плакаты с государственными деятелями, молитвы во имя Канцлера и Рейха и лозунги на веленовой бумаге. В пару углов стоят жаровни, в которых горели благовония, рекомендованные Культот Государства. По мнению органов государственно-духовной власти, любое учебное заведение было «храмом науки», а значит, даже воздух должен быть в них одинаковый с тем, что витает в церковных учреждениях. Империял Экклесиас никак не комментировала эту инициативу. На стенах так же свисали листки с бесконечными рекомендациями министерств, под которыми было написано: «Следуй им, ибо это идеал, прописанный Канцлером».

Осмотрев холл, и душевно поморщившись от всего этого государственного фанатизма, Габриель спешно сдал куртку в гардероб и направился к расписанию. Посмотрев, что первым занятием он направился в кабинет на втором этаже.

В коридорах так же висели не правила учёбы, а молитвенные гимны и идеологические установки. По просьбе Кукльта Государства и Империял Экклесиас министерство Высшего Образования, для «Повешения моральной культуры, сохранения духовности и увеличения значимости идеалов государства» было принято решение щедро завалить все академии и учебные потки символикой Рейха и вещами, отражав-



шие его идеалы.

Габриель даже не обращал внимания на всё это. Парень, быстро поднявшись, спокойно зашёл в кабинет, где уже были его друзья. Кабинетное помещение не оказалось чем-либо примечательным. Обычная четырёхугольная комната с белыми одноцветными стенами. Там стояли несколько парт из дерева, были плакаты, как и связанные с культурой, так и связанные с восхвалением Рейха и Канцлера, три обычных окна, стол академика и обычная меловая доска с дорейховских времён, предложенная властью как развивающая моторику учащихся и соблюдающая преемственность поколений.

Когда Габриель, немного запыхавшись, забежал в кабинет, к нему сразу обратили свои приветствия его знакомые и друзья. Проходя к своим товарищам, он легко коснулся своим взглядом прекрасную девушку по имени Элен. Хотя полное её имя было Элеонора, товарищи называли её просто и по-дружески непринуждённо. Вечно весёлая и неповторимая девушка могла вызвать нескончаемую бурю эмоций у любого человека. Проходя, юноша заглянул ей в её глубокие карие глаза, и в его душе прошла лёгкая волна тепла, что можно назвать неважным увлечением, свойственное каждому подростку его годов.

– Ох, Габриель, как... что с тобой случилось, откуда у тебя эта ссадина на щеке, – с неповторимым удивлением спросила Камилла, вырвав парня из собственных душевных томлений.

– Да, так, – последовал короткий ответ.

Габриель всегда сохранял малословие и кротость, но замкнутым человеком он никогда не был. Он любил поговорить, но считал, если разговор пуст и не имел смысла, то просто предпочитал промолчать.

– Тебе лучше следует рассказать, – с явной требовательностью и нажимом заявил Давиан. – Может, сможем помочь.

– Вряд ли вы поможете, – сухо дал ответ Габриель. Я познакомился с уличным комиссаром.

– Хорошее утречко у тебя выдалось, – сдержанно, но с нотками внутреннего бунта, подалось со стороны от одного из друзей юноши.

После этих слов он кинул взгляд на Элен, не обратив внимания на глаза товарищей, полных сострадания, но она стояла без реакции, разговаривая с кем-то в паре метров, не обращая на Габриеля никого внимания.

– Ох, Господи, как ты? – С присущим только для этой девушки волнением спросила Камилла.

– Я? Да, нормально.

Неистовый звон звонка прервал их разговор, ознаменовав начало пары. Все разбежались по своим односторонним партам в ожидании дедушки Гюнтера, как студенты называли своего преподавателя. Но сегодня занятие проводил не он. Вошедший преподаватель был намного моложе и сразу призвал к тишине. На учителе были одноцветные серо-светлые брюки, такой же расцветки пиджак, на котором был прицеплен маленький значок в виде мальтийского креста, туфли и

круглые очки.

Академик окинул холодным взглядом сидящих учеников, будто упиваясь властью над ними. Осмотрев всех, он стал говорить:

– Уважаемые учащиеся, сегодня мы проведём только одно занятие, остальное пожелал вам сказать сам ректор.

По аудитории готовы были пробежаться торжественные вздохи и бодрые переговоры, но тут же они оборвались резким словом

– Прошу вас, прекратите, у нас есть ещё целых полтора часа на занятие, – нервно, не терпя беспорядка, сказал преподаватель.

После чего академик залез в портфель, достал оттуда тетрадь, положил на стол и открыл её.

– Кто ни будь, приготовил, что хотел Гюнтер Вериль. – Не отрываясь от тетради, спросил преподаватель, поглядывая на юношей и девушек, с непринуждённой колкостью добавив. – Можете поволноваться, он мне рассказал, что вам дал подготовить на дом.

В кабинете повисло молчание, которое прервал крайне недовольный голос академика:

– Что ж, я вижу, никто не соизволил подумать над темой. Ну, давайте, ... давайте сейчас её обсудим, если вы ничего не хотите делать дома.

– Простите, господин академик, меня не было, и я хотел спросить, а что за тема? – послышался голос из зала.

Учитель слабо выдохнул, помял ладони и, успокоившись, спокойно ответил:

– Я говорил вам, что бы вы мне нашли информацию по теме «Место миланской и поздне-италийского искусства в культуре великого Рейха», – и ещё раз, тщательно осмотрев зал, спросил. – Никто не хочет начать?

В аудитории продолжала стоять тишина.

– Тогда я начну. Больше двадцати лет тому назад наши территории были присоединены к великому Рейху, и перед нашим народом стоял выбор: найти своё место в лоне новой империи или бесславно погибнуть. Так вот, ради сохранения культуры и народа мы выбрали первое...

И тут академика перебил недовольный, переполненный наглостью, голос из аудитории:

– Сохранить? Мы ничего не сохранили. Культура рейха полностью поглотила культуру Милана, вобрала без остатка наш дух свободолюбия, сделав из нас обычных рабов.

Это Алехандро, уроженец Милана и бунтарь по своей сути. Инакомыслие и диссидентство были его основными столпами в жизни. Однако в таком государстве как Рейх это было жестоко наказуемо, но его спасало только терпение других академиков и добродушие друзей. Алехандро часто спорил с дедушкой Гюнтером, и старый преподаватель прощал ему это неподчинение идеалам Рейха по своей доброте. Но этот академик, который сейчас его слушал, он относительно новый профессор в этом месте, и этот спор был весьма опасен,

но запал юноши ничего не могло остановить...

– То есть, по–вашему, Рейх только и подавляет свободу людей, то есть вы говорите, что Рейх – это тирания над людьми? – Спросил академик.

– Ну, а где наши свободы культуры и жизни, мы все под контролем, мы все рабы, все пленники этого несправедливого закона. – С напыщенностью, чуть ли не брызжа слюной, твердит Алехандро.

– Несправедливого? Почему? Я бы сказал, наши законы сдерживают разнузданность и похоть, а под контролем его величия Канцлера и людям стало жить спокойней.

– Канцлера? – недовольно переспросил юноша. – Да мы все на коротком поводке у его деспотичного величества.

– То есть, сейчас вы оскорбляете Канцлера?

Спор мог ещё долго продолжаться, но тут дверь со скрипом отворилась, и вошёл главный человек академии.

– Простите, – прокашлялся вошедший, – что прерываю ваше занятие.

– Здравствуйте, Господин Ректор, – одновременно встав в единый голос, поприветствовали главу академии, прервав того.

– Здравствуйте, ребята, – так же поприветствовал их светловолосый крупный мужчина. – Уже пора, фестиваль решили начать по раньше, поэтому все сейчас выходим, одеваемся и идём на площадь Великого Канцлера, пойдёмте. – В тоне отдачи приказа заявил вошедший хозяин академии.

Все встали и пошли за ректором. Алехандро проходя мимо нового преподавателя, кинул ему взгляд полный отвращения, но в это время на лице академика пробежала лёгкая и зловещая улыбка.

Учащиеся академии уже стояли у гардероба и одевались. В холле стоял некоторый гул, все кто учились в академии, здесь собрались и, постоянно переговариваясь, поспешно одевались.

Габриель, застёгивая молнию на куртке, в полголоса спросил у своих товарищей:

– А, что сегодня за фестиваль? – тихо, стараясь чтобы никто не услышал, спросил у своих друзей Габриель.

– Ты не в курсе? – с некоторой толикой удивления игриво возмутилась Элен и продолжила. – Сегодня фестиваль посвящённый годовщине восхождения второго Канцлера.

Габриель укорил себя за это незнание и зарёкся выучить эту дату, ибо даже при незнании одного государственного праздника можно было привлечь ненужное внимание со стороны некоторых министерств. После её ответа все из академии дружно вышли и зашагали к площади, на котором уже разоралось неистовое празднество.

...

Тем временем в кабинете:

Академик достал листок белой бумаги, достал ручку и стал судорожно писать. В нём горело фанатичное желание наказать отступника мысли, что сегодня посмел покуситься

на значимость культуры Рейха.

Под светом, падающим из окна, проявлялись роковые строчки:

Заявление.

Куда: Городской отдел министерства Идеологической Чистоты.

Кому: Городской представитель министра.

«Прошу провести расследование связанные с оскорблением личности канцлера и подрыве веры в идеологическую верность курса Рейха. Объект исследования – Алехандро Фальконе, обучающиеся в «Схолум Культурик», а так же добавлю...»

Преподаватель ещё несколько минут яростно и с большим блеском в глазах кропал что-то на бумаге, потом взял её и поспешно вышел из кабинета.

# Глава третья. Железные Крылья

Тем временем.

Это всего лишь обычное мелкое кафе в центре города, коих разбросано по всему Риму не меньше десятка тысяч. За окном уже давно всюду светит солнце, а лёгкий ветер гуляет по улицам вечного города, поднимая мелкий мусор и немногочисленную пожелтевшую листву, кружа её вихрем в воздухе.

В помещении плотно стоит приятный запах настоящего кофе и различных душистых пряностей, которые липким ароматом наполняют заведение и местность вокруг него, отчего кофейня имеет некий мистический шарм, словно внутри неё человек переносится во времена, когда над этим городом ещё витал дух бывшей свободы в очень давние времена существования единой Италии.

Кофейня располагается на первом этаже большого жилого комплекса, возвышавшегося на шестьдесят этажей вверх, что было вдвое больше стандартных «коробчатых» жилых домов и поэтому посетителей в ней всегда предостаточно, несмотря на дороговизну самого кофе, и еды, которой в ней подают.

В помещении уютного заведения несколько тусклое освещение, усиливаемое закрытыми тёмно-бардовыми шторами,



едва угнетающие взгляд, отчего только создаётся приятная для души томность в этом месте. За стеклянными дверями сразу простирается пол, представленный мраморной плиткой, начищенной до зеркального блеска, в зале стоят удивительные круглые деревянные столики с плетёными стульями рядом. У стен, где и поставили двухместные столики, растут ещё и пара экзотических растений из чёрных гранёных горшков.

Хоть с первого взгляда и могло показаться, что это кафе по своему духу как бы противопоставлено нагнетающей атмосфере Рейха, но на самом деле всё обстояло иначе. У дверей кофейни свисают два стяга – флага Империи, на стенах поместили несколько плакатов, с изображением герба, политических деятелей Рейха, что свойским каменным взглядом холодно смотрели на посетителей, будто бы надзирая за гражданами и как они соблюдают нормы, явно не способствуя созданию приятной атмосферы, а так же на стенах красуются несколько полотнищ с надписями, полными идеологической тематикой: «Власть Рейха – непоколебима», «Не забудь молитву вознести не только о вкушении пищи, но и о Канцлере», «Прибывай в вечной верности Рейху» или «Идти против Рейха и Канцлера – значит идти против Бога». На посуде можно было заметить государственную символику – герба различных министерств, простые профили политиков или же памятные даты. А где-то в сторонке, в глубинах кафе есть небольшое, миниатюрная комнатка, святилище, где

люди могут почитать Бога и Его святых, которое тут должно быть в обязательном порядке, согласно «Софиус Лекс Понтификс» – приказу главного Иерарха имперской Церкви. Так же есть ещё одна комнатка, только кресты сменены статуэтками Канцлера, а иконы поменяны на портреты Канцлера и в ней, устроенной по требованию Культа Государства, люди воздают хвалу правителю.

Но посетители не бунтуют и не возмущаются, что заведение, в котором не должно быть резкого почитания государства, забито атрибутикой, и многие как дети радуются, что даже в это, с виду свободное и источающее дух былой свободы, место проник так называемый «Культ государства».

Однако за одним из столиков восседает посетитель кофейни, который явно не испытывает благостного восторга от того, что здесь всё забито символикой Рейха, а само место похоже на монастырь, чем на заведение в котором можно расслабиться. Напряжённый взгляд мужчины рассматривает посетителей и видит, как люди тут веселятся и ликуют, что явно его не радует.

– «Нет, это не кофейня... это чёртов храм Рейха» – поругался внутри себя человек.

Мужчина опустил правую руку в карман длинного бежевого пальто и, проверив время на телефоне, метнул взгляд в сторону дверей, ожидая встречи, а другой рукой нервно потёр тонкий коричневый шарф у горла, поправляя его.

Гражданин был коротко подстрижен, черты лица были

несколько квадратными, довольно зрелыми и на вид ему было дать чуть больше сорока лет. Квадратные очки, надетые как дань старой моде, несколько искажают цвет глаз, делая их насыщенно-голубыми.

Через очки он смотрит на мир, который полностью увяз в почитании морали и силы государства, где полная, безраздельная и абсолютная праведность подаётся как нечто идеальное, а непрерывный и полный контроль державы преподносится как столп бесконечной стабильности.

– Как же мы дошли до этого? – тихо, шёпотом сорвались слова с губ мужчины.

– Вы что-то сказали? – спросил мимо проходящий официант.

– Да, – уверенно ему ответил гражданин. – Принесите мне чёрного кофе «Империалес-ля-глоре», пожалуйста, – после сего посетитель возмутился, думаю – «был же экспрессо, так нет, названием новым обозвали».

Мысли наводят мужчину на то, что всё происходящее вокруг не что иное, как результат долгой и кропотливой работы, развернувшейся на территории Рейха после того, как воины Канцлера прошлись огнём и мечом по непокорённым странам. Но кто же ответственен за построения мира абсолютной определённости? Кто стоит за созданием духа полной верности отечеству и почитанием, как второго после Небесных Сил? Кто дал обществу Рейху крылья из металла, которые вырвали его из цепких лап постапокалиптические-

ской цивилизации и гнетущего образа жизни? «Кульٹ Госу- дарства» – сам себе, в мыслях проговорил мужчина, не же- лая проговаривать название этой организации.

Все знают, что он зародился ещё в начале правления пер- вого Канцлера, когда ему требовались идеи, чтобы скрепить всё общество будущей Империи, дать ему мотивацию к жиз- ни и поддерживать в нём стремление служить державе. Им- периял Экклесиас – церковь, давала лишь моральный хре- бет, оберегающий дух от растрения и впадения в «либераль- ные ереси». Но нужен был стержень, который держит чело- века в постоянной готовности жертвовать ради страны и об- ращал его взор к ценностям материального мира, к благопо- лучию государства, в противовес духовности и антиматери- ализма, идущего от проповедей церковников.

Рассматривая гербовую скатерть у себя на столе, посети- тель окунулся в воспоминания и, несмотря на преклонный возраст, он прекрасно помнит те дне, когда пробил час «Свя- того Дня» и первый верховный правитель добился власти у себя на родинке. Канцлер не принимал догмы коммунизма и ещё с большим презрением относился к либерализму, а по- этому они тут же были вычеркнуты из списка идей. И тогда он нашёл выход – создал собственную систему ценностей, мало похожую на полноценную идеологию, назвав её «Почи- тание родной державы» или Кульٹ Государства, а ей понадо- бились свои опоры.

– Треклятые заповеди, – усмехнулся шёпотом мужчина.

Её суть сводилась к одиннадцати простым заповедям, которые должны быть в памяти любого гражданина Империи, а посему мужчина повертел их памяти:

1. Я Канцлер, господин твой. Да не будет у тебя других правителей пред лицом Моим.

2. Не ищи себе правителя другого и никакого господина того, что за стеной может быть и что самопровозгласит себя правителем внутри Рейха.

3. Не поклоняйся им и не служи другим правителям, ибо я Канцлер твой, повелитель твой, наказывающий детей за вину отцов, ненавидящих Меня, и творящий милость до тысячи родов любящим Меня и соблюдающим догматы Мои.

4. Не произноси имени Канцлера, повелителя твоего, напрасно; ибо правосудие не оставит без наказания того, кто произносит имя Его напрасно.

5. Помни день субботний, чтобы святить Его и провести день в молитвах за Канцлера своего. Пять дней работай, и делай всякие дела твои; а день шестой – суббота Канцлеру. Ибо несколько лет создавал Канцлер великое государство. Посему благословил Господь день субботний и освятил его.

6. Почитай служащих государству как мать свою, чтобы продлились дни твои на земле, которую Канцлер, повелитель твой, дает тебе.

7. Не убивай.

8. Не прелюбодействуй, ибо пойдёшь ты против морали.

9. Не кради у Рейха.

10. Не произноси ложного свидетельства на Рейх или государственного служащего.

11. Не желай богатств Канцлера своего или имущества себе от Рейха».

Эти догматы были очень похожи на те десять заповедей, что некогда Бог через Моисея дал своему народу. И действительно, первый Канцлер в своём стремлении сравняться чуть ли не с Создателем решил банально перефразировать десять священных заповедей.

Мысли посетителя кофейни мгновенно оборвались, когда официант поставил чашку исторгающего в пространство терпкие ароматы кофе.

– Ох, благодарю, – потирая сухие надутые губы, выговорил мужчина перед юнцом в чёрно-белых официантских одеждах, на груди которого наколот значок Государственного Управления Кафетериев – чашка с напитком на фоне орла.

– Да не за что. Главное, не забудьте оставить плату «за услугу государеву», как говорится в «Фолианте Гражданина»

«Как же я мог забыть про “Фолиант Гражданина”» – съехидничал в мыслях человек, посматривая в спину, уходящему наивному пареньку.

Парень помнит, что это небольшая карманная книжка, где трактуются в нужном смысле догматы, и рассказывалось, как нужно правильно служить своему государству. По своей сути

«Фолиант Гражданина» был культовым сборником, где рассказывались правила нужного поведения. Но в первую очередь Канцлер, создавая «Фолиант», стремился навязать почитание самого государства, как сакрального и священного института, по величию и возвышению сравнимого только с Царствием Небесным. Помимо всего он преследовал ещё одну цель – полное и тотальное подчинению государству на всех уровнях и на любом месте и это потакание должно быть повсеместным, не зависимо от региона. По «Фолианту» граждане получали множество обязанностей при взаимодействии друг с другом и государством, морально-этического и политического характера.

Неожиданный возглас с другого столика оборвал ход мыслей мужчины, Он увидел, как молодая дама трясётся над случайно опрокинутым стаканом, возле которого уже копошится уборщик, собирая осколки в мусорный контейнер.

– Вот девушка, – послышалась тихая усмешка. – Захотела себе снижение «рейтинга».

Большинство посетителей кафе сейчас вспомнили о статусе гражданина и его социальных баллах. За такую оплошность, как случайная порча мелкого имущества Рейха, следовало минимальный вычет баллов, что призовет гражданку в будущем быть осторожнее. И если какой-то человек или организация хотели более высокий, так называемый «Гражданский Рейтинг», то они должны были строго и полностью следовать Культу Государства, не уклоняясь от его постула-

тов не на йоту. Министерства, которым нет числа, Культ Государства и Империял Экклесиас строго следили за тем, чтобы почитание государства не падало ни на десятую балла, и снижали «Рейтинг» за всё, даже за случайно разбитую посуду.

Но таинственному посетителю сейчас не до посуды. Лицо мужчины выражает крайнюю беспокойность. Одной рукой он постоянно стал тыкать в экран своего телефона, а другой беспорядочно мям салфетку. На столе возле него стоит чашка недопитого напитка, от которой ещё исходил запах свежего кофе. На него никто не обращает внимания, он похож на невидимку, малозаметного клерка и хоть одежда и недорогой кофе человека могли сказать о невысоком социальном статусе, но действительность совершенно иная.

В кофейню зашёл человек, вызвавший оживление у гражданина в бежевом пальто. Вошедший одет в чёрные едва мешковатые одежды, с короткими сапогами и лихо подпрыгивающей сумкой через плечо.

Мужчина поднял голову и резко обратил свой взор на вошедшего человека, ожидая, когда новый посетитель займёт рядом с ним место.

– Здравствуйте, Лорд Ротмайр, – скупно на эмоции произнес вошедший человек, подойдя к столику. – Простите, задержался.

– Ты почему опаздываешь? Почему, когда я тебе пишу, ты не отвечаешь? У меня не столько много времени осталось,



чтобы с тобой здесь кофе гонять, – с толикой наглости и самомнения заявил Лорд.

– Простите, господин, но у меня ещё довольно много дел... касаясь вашей персоны, телефон просто сел.

– Заряжать надо чаще. Ладно, присаживайся, – немного укротив свой нрав, сказал Ротмайр. – Что ты мне готов рассказать интересного?

– Можно контрвопрос?

– Ну ладно, задавай, – нехотя согласился Лорд.

– И почему же вы решили, что всё настолько изменилось и пришлось поднять нас? Что заставило вас так беспокоиться и искать помощи у таких как мы?

Ротмайр сначала сморщил недовольную гримасу на лице, но всё же потом ответил:

– Боюсь, что ситуация выходит из-под контроля. Кажется, что в его раскисший мозг стали возвращаться сознание и рассудок. Он больше не пускает слюни при виде нас, а это очень плохо.

– И почему же вы так решили?

– Я видел его взгляд и поверь, он похож на то, как смотрит на тебя бешеный пёс.

Рядом сидящий человек от такого ответа опешил, и он тут же задал ещё один вопрос, давась от удивления:

– Все ваши предположения и беспокойства основываются всего лишь на взгляде?

У Роттмайра взгляд сделался весьма недовольным, но всё

же ответ последовал спокойным голосом:

– Знаешь, я помню тот взгляд, когда мы сломали его, помню его глаза после того, как он покинул место «отдыха». И я тебе скажу, что никогда в жизни не видел такой пустоты, и печали... аж холодно становилось, знаешь ли. И это несмотря на то, что я начинал с первым Канцлером в Южно-Аппенинском Ковенанте.

– И что же изменилось сейчас?

– А сейчас он иной. Он не наполнился светом и жизненной силой... безумием скорее, жестокостью и лисьей хитростью, за которой он всё это скрыл. Это сумасшествие не даёт мне покоя, – Ротмайр притих, глубоко задумавшись, а потом, выйдя из ступора, продолжил. – Я знаю, такие люди как вы привыкли доверять фактам и неопровержимым доказательствам, и я надеюсь, что вы мне их принесли. Пойми, я слишком долго был в политике и ещё дольше в грязной политике...

– А между ними есть разница? – оборвал на полуслове Роттмайра собеседник.

– Понимаю, но не об этом. Я знаю, что глаза могут о человеке сказать многое. Его речи могут лукавить, поступки сбивать с толку, но взгляд не подведёт никогда. Как бы это банально не звучало – очи это зеркала души.

– Вы сами виноваты, ибо это чудовище сотворили вы, – обвинительным тоном сказал рядом сидящий человек. – Вы в вашей жадности к власти, создали этого психопата. –

Упрекнул он Лорда.

– Да, мы хотели власти, – нагло и, исказив в грубый голос, заявил Ротмайр. – И мы её получили, взяли заслуженное, которое нам должен был отдать ещё первый Канцлер. И неважно, каким путём.

– А ваши собратья–Лорды не знают, что вы решили уйти от общего пути? Что решили проявить несвойственное для вас благородие? – с лёгкой улыбкой и с сарказмом в голосе сказал напротив сидящий человек. – Вы помните, как решили помиловать жертвенную козу, подменив её?

– Заткнись, – тихо прорычал Лорд. – Ты не знаешь, о чём говоришь. Сейчас идёт большая игра. Есть силы, что стремятся переделать всё по собственному усмотрению, в том числе и мою с тобой родину. Мы эти силы так и не узнали, хотя они нам изрядно попортили мне жизнь. И та спасённая жертва, возможно, сыграет решающую роль в будущем, разрешит конфликт, так сказать.

– А вы не хотите сообщить своим друзьям о надвигающейся угрозе?

– А зачем? – удивлённо чуть ли не восклицая, сказал Ротмайр. – Они послужат для утоления жажды мести того психа и пока он будет их резать, я смогу уйти... скрывается в ночи, – легко оскалился улыбкой Лорд и тут же заметил возмущение в глазах своего собеседника, что ему сильно не понравилось. – И не смотри на меня так, Антоний, слуга полк-ордена. Мне их не жалко...

Теневик знает, зачем он здесь и что сулит всё происходящее. Ничего хорошего в дальнейшем и сейчас он, Роттмаир и полк-орден пытаются предотвратить катастрофу, которой ещё не ощутили. Действительность такова, что своей наглостью, хитростью и неистовым желанием править Лорды Империи, аристократия первого Канцлера, его политические сподвижники, сумели «пододвинуть» второго правителя занять место единственного гегемона у власти, став вертеть Рейхом как игрушкой в собственных руках. Но единственный Роттмаир ощутил, что их правление подходит к концу, а ещё дальше надвигается буря, что сулит глобальные перемены.

– Позвольте, а кем для него вы вообще являлись?

– Мы должны были стать для него наставниками и опорой, нервно поминая салфетку, говорил Роттмаир. – Наш друг, взошедший к единоличной власти, хотел, чтобы мы его научили, как управляться с огромным государством, дали знания...

– А вместо этого вы превратились в его палачей, – упрекнул Лорда Антоний. – Я удивляюсь, почему вы вообще позволили ему *de-jure* оставаться у власти.

– Да, мы сохраняли святость фигуры второго Канцлера, отлично понимая, что народу легче любить только одного царька, присягать на верность только одному правителю, обвинять и взваливать ответственность на одного человека и просто верить можно только в одну сакральную личность.

Антоний понимает, что редко, когда народ примет «нужную» политическую святость несколько личностей у власти и не назовёт их ворами и мошенниками, которые ничего не делают. Люди никогда не теряли веры в «доброго царя», ни до великого кризиса, не после и Лорды воспользовались этим.

– Хоть бы послабления дали от государства, раз вы стали воротилами власти.

– Снять запреты? Убрать множественные ограничения? – недовольно стал перебирать вопросами Лорд. – Да ты безумец, каких ещё нужно поискать.

– Почему? – резко выпалил Антоний. – Разве собратья-лорды были против?

– Мои «сотоварищи», оказались свиньями, которых нужно ещё поискать. Они понимали, если они хотят остаться у власти и продолжить беспрепятственно кормиться, то ни о каких правах и свободах у людей не может быть и речи. Народ должен беспрекословно повиноваться своей власти, не задавая лишних и ненужных вопросов. И для этих целей, после смерти первого Канцлера, наигранно были сняты некоторые ограничения и запреты, всего лишь притворно показывая ослабление деспотизма личности.

– А какой ваш мотив?

– Мой... – опечаленно затянул Роттмаир. – Без них Рейх не может существовать, чтобы не говорила либерально-опозиционная гнусь, которая есть пища для адской мельницы Инквизиции. Тоталитарная модель – идеальная возмож-

ность избежать будущих кризисов и падений, пусть мы и заплатим за это кровью и рабством. Это наш щит от прошлого. Можешь посмотреть на Африку и понять, что нас ждёт без...

– Я понял. И как же вы этого добились?

– Были усилены тайные механизмы подавления воли и свободы. Но сначала многократно приумножили институты пропаганды идеологии – троекратно увеличили состав Империял Экклесиас, расширены полномочия Культа Государства. Но больше всего были напряжены отделы тайных шпионских агентурных сетей, Инспекторской Канцелярии и Трибунала Рейха.

Антоний видит результат этих действий. Сначала Канцлер, а затем и Лорды дали народу железные крылья, на которых он поднимется из пепла, но из-за их тяжести не улетит в полёт вольнодумства. Бегство от кошмаров постапокалиптического прошлого привело, что везде и всюду – от детских садов до городских мэрий читались молитвы и пелись молитвенные гимны во славу Бога, Канцлера и Рейха. Адепты Культа Государства во всех школах и на всех предприятиях читали лекции о пользе почитания Рейха. Везде где только можно было, людям вкладывали в умы и сознания, вписывали в подсознание одну простую установку – «Рейх – единственный абсолют в жизни, ради которого стоит жить». И если где-нибудь, будь то на заводе или во дворце губернатора человек начнёт сомневаться в постулатах Рейха, то, скорее всего через некоторое время он просто пропадал бесслед-

но. Начальство незамедлительно получало приказ сверху о его «необходимом» переводе на другое место, а самого «еретика мысли» можно было встретить на мунофакториатии – невообразимо огромной тюрьме–заводе, где люди работали до конца своей жизни. И из этой тюрьмы можно было выйти лишь по особому приказу. И таких приказа было всего три – Помилование от Великого Отца, Специальный Циркуляр Канцлера и Великое Распоряжение Трибунала Рейха.

И Верховные Лорды всё сильнее утягивали удавку репрессий на шею собственного народа, всё сильнее грабя собственных граждан. Им нужно было поддерживать легенду о сильном и независимом Канцлере, который любит свой народ и поэтому, к тем, кто начинал сомневаться в правильности курса государства вскоре приходили и читали специальную воспитательную лекцию. А на второй раз человек уже бесследно пропадал.

– Пусть ваши мотивы благородны, но вы же видите, к чему привело распутство ваших друзей, – вновь звучит упрёк.

– Конечно, понимаю, но сейчас мне до древней лампочки на это, – отмахнулся Лорд. – Я вижу, что под дурманящие ум и душу молитвенные песнопения, под бесконечные поучительные лекции и под нескончаемый террор мои товарищи, которыми помыкает жадность, стараются как можно больше вытащить из карманов людей. Новые налоги вводились под сладкие песнопения о долге государству. Должен признаться, мы стали худшей пародией на правление первого Канц-

лера. За их правление было введено сорок два новых налога.

– И вот так вот в Рейхе была установлена деспотия олигархии, вместо диктатуры одной личности, – сухо подытожил Антоний вместо Роттмаира.

– Да, ты совершенно прав. И именно поэтому я отдаю на откуп одиннадцать жертвенных баранов. Пусть всё это безумие закончится.

– Но далеко не все так хотели жить и сейчас не пожелают, – стремясь подколоть собеседника, аккуратно поднял болезную тему Антоний. – Нашлись те, кто захотел скинуть ярмо тирании правящего олигархата, – и отметив смущение на лице Лорда, едва красуясь незаметной улыбкой на тонких губах живее продолжил говорить. – На далёком Иберийском полуострове, дети древней Испании подняли мятеж, стремясь скинуть ярмо власти Рима. Город за городом и вся территория бывшей Португалии оказалась под властью сепаратистов, как так получилось... не ваших рук проделка? Чтобы ещё сильнее «попросить затянуть пояса граждан»? Или решили устранить соперников в Иберии, похоронив их под волной мятежа?

– Ах, помню, мы сразу издали директивы, чтобы в Иберию никого не пускали, обосновывая это экологической катастрофой, – со сдержанной радостью отметил Лорд. – А в средства массовой информации, от газеты из киоска до Сети Рейха – подобия интернета, была дана информация, что в Иберии сейчас катастрофа и Рейх всеми силами будет её



устранять.

– Так это ваших рук проделка?

– Нет... обычный акт недовольства, но есть одна странная особенность в этом мятеже – отступники оказались хорошо вооружены и осведомлены обо всех действиях правительственных войск. А армия Рейха наоборот, почему-то оснащена старой техникой, да и её соединений оказалась очень мало в том регионе, чтобы отразить нападения треклятых мятежников.

– Согласен. Это оказались не обычные повстанцы, а люди, ведущую собственную пропаганду собственных ценностей и идеалов, вразрез отличавшихся от идеалов Рейха.

– Да, при расследовании оказалось, что пропаганды церкви и Культа Государства в этом регионе было критически мало, что и повлекло к распространению еретических и отступнических идей. Это всё привело к мысли, что в высшем руководстве есть предатели, но разбираться с этим уже другим людям... я умываю руки. Инквизиция, инспекторы, конечно, занялись своей любимой работой – дознание информации и бесконечные пытки, во время расследования было показательно казнено свыше четырёх десятков чиновников и три десятка священников, ещё сотни отправились в тюрьмы, которых посчитали за еретиков, но этого будет чертовски мало. Хотя мне сейчас плевать на этот мятеж, – небрежно кинул Лорд. – Давай покончим с этим с этим.

– Да, простите за расспрос. Не каждый день удаётся по-

говорить с людьми вашей, как вы говорите масти. Что ж, я принёс вам некоторую информацию, которая подтверждает ваши догадки, – сказав собеседник, протянул несколько листов.

Взяв бумаги, Лорд стал в них внимательно вчитываться, но через несколько мгновений его лицо помрачнело, и он, откинув бумаги на стол, буквально подорвался с места и зашпешил к выходу. Его захотел остановить официант, требуя оплаты за кофе, но Ротмайр отмахнулся со словами:

– Вон тот мужчина уплатит – указывая на своего информатора.

Антоний в свою очередь достал удостоверение Теневика полк–ордена и показал его официанту, избавив себя от траты денег. С недовольным лицом и с расстроившимся взглядом официант, надевшийся на чаевые, которые были строго определены Министерством Заведений Культурного Досуга, взял чашку со стола и унёс.

Теневик полк–ордена, достал устройство, похожее на широкий телефон, но таковым не являлось. Это оказался обычный коммуникатор полк–ордена. Он переключился на индивидуальную связь с Командором и стал печатать в сеть закрытую текст:

– Стервятник решил покинуть гнездо.

– Что прости за чушь? – появился через полминуты вопрос, явно заданный Командором в возмущении. – Вы можете выражаться понятней? Наша сеть не просматривается

со стороны Имперор Магистратос.

Антоний улыбнулся и снова начал набирать текст:

– Простите Командор, я не удержался. Я сообщаю, что Верховный Лорд Ротмайр решил покинуть Рим.

– Отлично. Благодарю за информацию. Пора инициировать план по его перехвату. У нас есть свободная гражданско–тактическая группа в пределах Рима.

– Да, есть такая.

– Хорошо, инициируйте план по перехвату Лорда, а в цитадель–монастырь нашего полк–ордена пока ничего не сообщайте. Им не о чем знать, об этом.

– Слушаюсь, – напечатал Теневик, быстро сунул коммуникатор в карман и вышел из кофейни.

## Глава четвёртая. Дела аванпоста

Спустя час.

В кабинете стоит непроницаемая тишина. Окна и двери плотно закрыты, а поэтому помимо тишины в помещении несколько душно. По крайней мере здешнему единственному цветку, увенчанному желтоватым колоском с белыми тонкими лепестками здесь плохо.

В кабинете присутствует единственный человек. Командор сидит за собственным столом и что-то высматривает в экране монитора компьютера, который являет собой ещё старую сборку, времён до Итальянской Ночи Междоуцарствий, став, ещё как-то работающим анахронизмом давно ушедших времён. Машина тихо постанывает, под тяжестью пережитого времени и оттого в кабинете стоял негромкий гул работающей техники.

Кто он такой, человек работающий день и ночь на полк-орден? Командор из своего кабинета беспрестанно день за днём управляет аванпостом, который ему вверили. С должности он мог лишь перевестись в другой аванпост, если таковой имелся или же его могут попросту снять со службы. В ином случае, с поста командора может снять только смерть.

Хоть главы аванпостов не участвуют в операциях полк-ордена, если не проявят личное желание, но и их жизнь не

была лёгкая. Ежедневно на командора аванпоста взваливалось масса задач, которые необходимо было решать. Это и обеспечение продовольствием, и снабжение инструментами и приборами разного рода для обслуживающего персонала, и техническая поддержка аванпоста, и коммунальные услуги, и канцелярские принадлежности... вплоть до стройматериалов для ремонта или строительства объектов. Проще сказать, что всё, что не касалось обеспечения оружием, амуницией, техникой и информацией солдат, командоры приобретали сами. Каждый аванпост максимально автономен, а это значит, что его экономико–хозяйственная сторона должна была обеспечиваться командорами без частого согласования с центром. Главам аванпостов всего лишь из штаба выделяли деньги, чтобы было на что всё приобретать, а где они возьмут всё им необходимое: купят у Рейха, у частного лица или достанут по-другому не так сильно волновало цитадель-монастырь – сердце полк-ордена.

Несмотря на то, что в кабинете стоит приятный компьютерный гул, его обрывает жужжание панельных ламп над головой, как вдруг и их брэнчание работы развеял звук скрипучей двери и в помещение прошёл мужчина в строгом костюме с листами в руках.

– Вам пришли прошения из четырёх министерств, на которые необходимо ответить в самое ближайшее время, – сказал вошедший человек.

– Хорошо, положите на стол и можете быть свободны, –

спокойно, сильным голосом, чуть оторвавшись от своего компьютера, сказал Командор.

Вошедший человек спешно положил четыре листка на стол и тут же удалился из кабинета. В помещении вновь воцарился тихий и спокойный звук неспешной работы старого компьютера.

Командор мысленно про себя проклял министерства, ведь почти каждую неделю ему, и командорам из других аванпостов, из бесчисленных структур Правительства Рейха слали запросы об отчётах разного рода. А какой направленности может быть прошение, это уже было в воле министерств и их структурных подразделений, которые его составляли. Они могли запросить всё, что придёт им на ум: от отчётов про количество мётел в подвале до лояльности персонала идеалам Рейха. И сейчас ему вновь придётся разбираться в бесконечных требованиях бесконечных министерств.

Командор решил с каждым прошением разобраться по очереди.

Он взял со стола первый листок. От того, что в его в его руках был слегка желтоватый лист, от этого простейшего ощущения особенности у Командора на лице проступила лёгкая улыбка, ведь он единственный, наверное, из всего командорского состава, кто пользовался бумажными носителями. Все остальные предпочитали использовать электронную почту, а приближённость к чему-то архаичному и старому повышает ощущение особенности, что является хоть какой-то попыт-

кой подчеркнуть свою уникальность в сером мире.

На первом листе оказалось прошение от Министерства Идеологической Чистоты.

– Проклятье, – выругался вслух Командор, но довольно тихо для того, чтобы его не услышали за дверью. – Чистоплюи моральные.

И причин не любить это министерство у любого руководителя было предостаточно. Вечно любят следить за лояльностью Культу Государства, и для этого они были уполномочены запросить любую информацию. Это министерство фанатично старалось следить за каждым человеком в Рейхе, практически еженедельно отслеживая его лояльность. И если характеристика не совпадёт с действиями гражданина, то руководитель мог быть арестован сразу по нескольким статьям Идеологического Кодекса: «Подрыв идеологических основ Рейха», «Соккрытие фактов, угрожающих идеологическому строю Рейха» и «Нанесение ущерба идеологическим устоям Рейха».

Было ясно, что любой руководитель яростно, тоже практически с фанатизмом поддерживал Культ Государства и верность Рейху в любом своём подчинённом, вплоть до увольнения, или даже хуже. Бывали случаи, когда руководители собственноручно писали доносы на своих работников в министерство или даже активно принимали участие в поимке нерадивого работника за самые мелкие нарушения – косой взгляд на символ власти, критика действий «Департа-

ментов» или, упаси Боже, обвинение в неправильности выбранного курса.

На волне контроля всех за всеми Культ Государства, в союзе с Империял Экклесиас разработала целую программу. Это оказалась целая система, носившая название «Сердечное отношение», по которой измеряли лояльность, состоявшая из двух вещей: во-первых, рейтинг лояльности работе, который определяли руководители или начальники. Конечно, были даны к ней директивные предписания, по которым «рекомендовалось» оценивать гражданина. Она предполагала собой список вопросов, по которым выводилась оценка. Оценивался в этом вопросе человек по четырём бальной шкале. Чем выше оценка, тем лучше. Если она была меньше трёх с половиной, то следовало уже сообщить в министерство или в Трибунал. И, во-вторых, эта система состояла ещё из одного аспекта – на каждом заводе, предприятии, военной части – везде рекомендовалось иметь небольшую внутреннюю часовню, которая будет посвящена Канцлеру и Богу. И чем больше человек посещал её, то тем большую лояльность он проявлял. За каждое посещение часовни человеку добавляли две десятых балла лояльности или несколько сотых в «Гражданский Рейтинг». Если такой часовни не имелось, то человек был обязан принести бумагу от священника, удостоверяющую, что данный гражданин молился за Канцлера в церкви. И если таких молитв за месяц, было свершено меньше пятидесяти, то такой человек зачастую арестовыв-



вался Инквизицией, за подозрение в ереси.

Недаром на стяге этого министерства красуется гербовый всевидящий глаз с мечом, что довольно символично, ибо это министерство старается неустанно надзирать за каждым жителем Рейха, а при необходимости – беспощадно карать.

Командор взял листки и посмотрел на напечатанный текст. Глубокое негодование сменилось на лёгкую улыбку, и тут же в кабинете послышался лёгкий выдох. Министерство Идеологической Чистоты у аванпоста запрашивало написать оценку общей лояльности Канцлеру всего военного состава. Командор не стал сейчас заниматься делами министерства Идеологической Чистоты, зная, что написать эту оценку это дело менее двух минут.

Отбросив этот листок в сторону, он взял прошение из другого министерства.

На этот раз приказ из министерства Денежных Поток и он гласил, чтобы все солдаты полк–ордена переписали номера своих монет и купюр и предоставили их списком в пределах ближайших двух дней.

– Что ж, не самая страшная просьба, – прокомментировал прошение Командор.

Это министерство занималось отслеживанием денежных потоков, траншей, переводов, покупок, сделок дарения денег – всего того, что касается операций с валютой Империи. И не важно, что за монеты – золотые империалы, серебряные лирицы, медные фиороны или же никелевые тирины – все бу-

дут отслежены. От их всевидящего ока не могла укрыться ни одна организация или частное лицо, ибо они имеют полный и безоговорочный контроль над всеми финансовыми потоками, точнее над движением денег в организации и для них нет преград вроде истошных и визгливых криков «Это моя собственность». Даже в законе чётко прописано, что деньги людям не принадлежат, ибо они собственность государства, а гражданам они даны на мудрое использование и не более того. Они обладают полный доступ к кошелькам граждан, зная, какое максимальное количество денег должно быть у гражданина. По закону, свои деньги нужно было держать строго в кошельке, который вмещал правильно определённое количество купюр и мелочи. Если же деньги найдут в кармане или пакете, то человека имели право арестовать или оштрафовать на месте.

Министерство полностью отслеживает каждое поступление в кошелёк человека: от его зарплаты, до уличной сдачи, для чего деньги, выдаваемые гражданину, пропускали через специальное устройство, которое записывало, что именно эта купюра ушла в «карман» этому жителю. От их всевидящего взора нельзя укрыться – ни единая монетка или заношенная купюра, которые годами могли лежать в кармане человека, были «на карандаше» у министерства.

Естественно, такие жёсткие меры тотального контроля министерство объясняло антитеррористическими мерами. Мол, отслеживание валюты поможет установить, кто и когда

сможет купить оружие, боеприпасы и амуницию и станет готовиться к теракту и откуда у него появились эти деньги. И никто не возмущается такому положению дел, ведь ударные силы Трибунала Рейха всегда были готовы привести канцлерское правосудие в исполнение, несмотря от источника возмущения.

На гербе этого министерства рисуется империал – основная монета Рейха, украшенная растительным орнаментом, а нём присутствует всевидящее око.

Командор вызвал к себе помощника, передал ему приказ министерства, и решил приступить к следующему прошению. Это бумага оказалась из министерства Мониторинга Средств Социальных Коммуникаций, что вызвало на лице Командора беглую неприязненную гримасу.

Сие правительственное ведомство занимается тотальной просушкой телефонных переговоров, вскрытием переписок в социальных сетях, отслеживанием почтовой деятельности и всем тем, что было связано с вторжением в личную жизнь. Вообще, в законах Рейха не было определения «личная жизнь», есть «Жизнь человека», в которую нельзя вторгаться только третьим сторонам, вроде иных простых граждан или юридических лиц. А государство было признано держателем жизни человека и поэтому имеет полное право на вторжение в личные дела человека, вплоть до интимных подробностей.

Служители этого министерства располагают полным до-

ступом ко всем телефонам, что имеются в Рейхе. В каждом устройстве устанавливается специальный жучок, который отправлял всё заслушанное в министерство и его бесчисленные службы. Раз в месяц этот жучок специальные работники меняли, а собранную жатву жучков отправляют на дополнительную обработку... вдруг там ещё что-нибудь обнаружится.

Министерство могло прослушивать любые разговоры, которые ему вздумается и, причём круглосуточно. Никто не был спасён от бесконечного мониторинга личных дел между гражданами, ибо этими жучками были оборудованы все телефоны, от богатых и развитых городов, до самых захолустных деревень.

Командор даже припомнил случай, как в труднодоступную деревню, которую случайно нашли на старой карте, решили привести фургон с жучками и оснастить ими телефоны. На всю кампанию, на, как казалось, великую цель, было потрачено неимоверно огромное количество денег, но по прибытию оказалось, что деревня как год уже заброшена... вымерла подчистую от «Холеры Острабэкера», страшной болезни, разразившейся во время Континентального Кризиса. Никто из высокопоставленных лиц ничего по этому поводу не сказал, лишь в Имперском Буле была поднята эта проблема, а в «Вестнике Рейха» – главном новостном канале, ничего не было сказано про этот случай. Лишь в структурах Император Магистратос было создано ещё одно министерство –

«по делам заброшенных деревень».

Так же министерство Мониторинга Средств Социальной Коммуникации занималось тотальной слежкой за всей перепиской граждан в социальных сетях. От их всевидящего взора не могла укрыться ни одна переписка, будь то общение старост деревень до диалога двух министров. Командор припомнил, что в таком государстве как Рейх существует всего три социальные сети: «Общение в Рейхе», «Имперское братство» и «Культурное обогащение». Первая сеть была ориентировано на простое общение, второе было объединением людей интересующихся политической сферой, а третье приспособлено для общения людей, глубоко увлекающихся музыкой, картиной и всему тому, что связано с культурой. И для каждой социальной сети было создано отдельное министерство, а над всеми ними стояло Министерство Социальных Сетей. И весь этот министерский каскад занимался полным сбором информации на каждого гражданина в Рейхе, независимо от его положения.

Помимо этого, они занимались полным отслеживанием за каждым сказанным в социальных сетях слов. Если вдруг в диалоге появлялась критика на Рейх, Канцлера или всем тем что связано с Департаментами Власти, то сама критика тщательно стиралась, а к самому «критику» выезжала полиция... или того хуже – представители Трибунала Рейха.

Министерство Мониторинга Средств Социальных Коммуникации было вольно собирать любую информацию, ко-

торуую оно сочтёт нужным. Там, где общались люди, им всегда в спину дышало это министерство, неустанно следя за каждым словом, что выйдет из уст человека.

Конечно, людям помпезными речами объяснили, что подобные меры были приняты для того, чтобы защитить их от возможных правонарушений и для установления полной безопасности. Что лучше во имя идеала стабильности отдать часть своих прав, нежели утонуть в царстве анархии и беспорядка. Но гражданам не сказали, что так легче определять и вылавливать преступников мысли, которые стали неуютны Рейху, что объяснили, что благодаря этим средствам диктатора легче пресекать любое вольнодумство. Если нужно было спрятать антигосударственную, аморальную изначально, мысль, то уж лучше её прятать и от себя, чтобы не повязали при первой возможности.

На гербе этого министерства было изображено ухо, с надписью на чёрной ленте под ним: «Канцлер всё видит, не следует обманывать нашего заботливого Отца».

Командор вчитался в прошение. Это министерство требовало от него предоставить длительность разговора каждого человека, что находится в обслуживающем персонале. Его лицо скривилось в отвращении, ибо он не любил рыться в личной жизни чужих людей. Но работа есть работа. Он вызвал к себе одного из помощников и дал ему определённые указания. После чего приступил к разбору последнего прошения.

Он взял листок, на котором нарисована очень редкая печать – песочные часы, на фоне клинка, а внизу, на геральдической ленте бардового цвета, красуется подпись: «Время было дано тебе Канцлером, используй его мудро». Лицо Командора помрачнело, в глазах пропал всякий огонь, а и рук выпал листок, мягко прилетевший на стол.

– Бюрократи Хронос... – Ошарашенно прошептал Командор.

Очень древнее и таинственное министерство – это всё, что о нём знает Командор. Про него редко, когда заводили разговоры, а само оно стало главным героем легенд, бытовавших в народе, вроде изменения хода времени или манипуляциями с датами, которые сводились к банальным переписываниям кипы бумаг и документов. Министерство Времени всегда пугает обычных людей полосой тайн и даже сегодняшнее обращение весьма удивительное явление.

Эта структура невероятно стара, по сравнению с ныне существующими органами правительства Рейха. Если большинство министерств было создано к середине правления первого Канцлера, то «Бюрократи Хронос» существовало всегда. Говорят, что это министерство было создано ещё в самом начале существования Южно–Аппенинского Ковенанта, для поддержки собственной системы летоисчисления.

Крайне закрытое, практически тайное подразделение Имперор Магистратос не подчиняется обычным законам. Его возглавляет не один начальник, а министариум – совет из пя-

ти министров, которые руководят всем правительственным ведомством. И сам аппарат управления этой структурой не такой огромный, всего двести сотен человек, против пятисот тысяч в среднем в других министерствах. Потайное и покрытое мраком неизвестности отделение правительства не присутствовало в Совете Министров и не подчиняется Лорд-Магистрариусу, лишь напрямую Канцлеру. Путь в него был закрыт, потому что министариум назначался лично верховным правителем, а уже эти пять избранных лично выбирали тех, кто будет в министерстве.

Как ни странно, но это министерство не выступает с законодательной инициативой и не проводит в жизнь реформ Канцлера, ибо оно выторговало для себя полномочия проводить реформы без согласия парламента и правительства. О полномочиях этой структуры было ещё меньше известно. Говорят, что в круг возможностей этого министерства входит слежка за ходом времени в Рейхе, и устранение всех неточностей в датах. Именно оно определяет, как граждане должны использовать личное время. Но в то же время кто ещё займётся подлогами времени, когда нужно выкрутить ситуацию в пользу государства, чтобы выставить его праведным? Все нарушения по срокам так же заведует Министерством Времени, а это есть прямой контроль над непогрешимостью державы в плане контроля над выполнением определённых работ или услуг...

Именно министерство Времени установило единую систе-



му летоисчисления, жестоко преследуя всех несогласных с ней. Если остальные структуры полностью контролировали и регулировали жизнь гражданина Рейха, то это министерство целиком определяет её, составляя «желательный» распорядок его дня. Оно составляло, сколько человек должен был работать, сколько спать, сколько посвятить молитвам и досугу, когда принимать пищу. Это министерство было особенно тем, что оно было сильно связано с Империял Экклезиас, ибо свой распорядок оно составляло, основываясь на священном писании.

Но так, же стоит сказать, что распоряжения этого министерства были просто необязательны, нося лишь рекомендательный характер. Но тем, кто строго соблюдал распорядок, составленный министерством, давалось огромное преимущество в «Гражданском рейтинге» – показатели благонадёжности граждан. Командор был удивлён до глубины души, ведь это министерство практически не контактировало с внешним миром, а с полк–орденом практически никогда. В истории был известен случай, когда подобное прошение пришло Консулу полк–ордена и то, тогда последовал ряд реформ в изменении календарных дат. И никто не знает, какое соглашение было заключено между Консулом и министерством.

Командор подобрал этот листок и вчитался в прошение. Министерство Времени запрашивало полный распорядок аванпоста – от момента звонка первого будильника до того,

когда выключается последняя лампочка. А так же, на самом краю листа, содержится просьба доставить просьбу о встрече с Великим Консулом.

Хозяин кабинета был обескуражен и скривил лицо в гримасе удивления. Он отбросил листок, не желая дальше пытаться понять крайне необычные просьбы странного министерства, и вызвал к себе служителя аванпоста, дабы скинуть всю тягость данного на него и быстро дав ему распоряжения – написать распорядок аванпоста, отправить информацию о встрече Великому Консулу, Командор отпустил его.

Прежде чем приступить к прошению министерства Идеологической Чистоты хозяин кабинета облокотился на спинку, закрыл глаза и задумался.

– Господи, зачем нужна вся эта министерская фантазматическая гора? – Уже не шепча, недовольно, в голос сказал Командор.

Людям всегда говорили, что чем больше министерств, тем эффективней управление, больше государственный аппарат, а значит, идеальней будет устроено общество, ибо держава обязывалась принести стальной порядок везде, а без вездесущего контроля это невозможно. С высоких трибун красивыми, сладкими посулами и сахарными речами рассказывали, что весь этот бюрократический скоб был создан для блага народа. Что именно вся эта система поддерживает жизнь государства и общества, а тотальная слежка и выхолащивание личной жизни существует для абсолютной безопас-

ности всего социума. Как сказал министр Средств Массовой Информации – «Чем больше будет создано министерств, то тем больше вырастет эффективность, следовательно, больше увеличится контроль Рейха, а значит, мы ещё на шаг приблизимся к идеалу. Ибо когда установится полнейший контроль над всем, то тогда мы вступим в новую эру процветания».

«Разделяй и властвуй» – подумал про себя Командор. Ведь чем больше министерств, то тем эффективней будет жестче, сильнее и полнее будет контроль над всеми сферами общества, которые только возможно.

Но внезапный стук в дверь отвлек от своих мыслей Командора.

– Проходите, – сказал он и по старой привычке стал перебирать документы.

Дверь со скрипом открылась и в кабинет вошёл один из служителей аванпоста. В его руках был конверт.

– Вам пришло письмо, – сказал вошедший человек и передал его Командору. Тот в свою очередь слегка кивнул, поблагодарил принёсшего и символическим взмахом руки отпустил его.

Хозяин кабинета с энтузиазмом посмотрел на этот конверт. На нём стоит сургучная печать Империял Экклесиас, которой пользовался только самый примечательный иерарх – папский крест на фоне двух раскрытых крыльев.

Командор сломал печать и вынул оттуда письмо. Его содержание было довольно коротким: «Встретимся в месте

вознесения. Время будет указано позже по защищённому каналу. Скорее всего, вечером. Папа»

С недовольством Командор тяжело выдохнул, откинув письмо в сторону, тут же облокотившись на своё кресло, став проклинать тот день, когда он вступил на этот путь. И после того, как в голове были произнесены проклятья, он быстро приступил доделывать мелкие дела, потому что вечер обещал быть долгим.

## Глава пятая. Апогей фанатизма

В это же время. Милан.

На часах по всему городу виднеется около десяти часов дня. На улице стоит прекрасная осенняя погода: солнце блистает на лазурном небе, но всё же осенняя атмосфера даёт о себе знать и солнце не так сильно греет землю, оставляя место прохладе. Лёгкий ветерок всё так же продолжает гулять по городу, даря простую свежесть, трепетная одежды прохожих и вздымая уличную пыль.

На улицах величественного древнего города, прошедшего сквозь кошмар десятков и сотен лет упадка, сегодня оживлённо и шумно. Все люди вышли на улицы праздновать фестиваль под названием «День сердечного соглашения» – праздник, отмечаемый исключительно в Милане в честь восшествия нового Императора на престол. Все кто можно в Милане: от верховных городских служителей Имперор Магистратос и Империял Экклесиас до студентов и школьников вышли на улицы славного города, чтобы отдать честь празднеству... и в то же время не стать обвиняемыми по делам о неуважении к праздникам местного характера.

Люди текут по улочкам подобно тому, как бурная река плескается в тесном ущелье, неся разбушевавшиеся воды к морю. Бурные и шумные потоки людей идут к одному един-

ственному месту – на городскую Канцлерскую Площадь – самое огромное и фанатично почитаемое место в городе.

Площадь действительно неимоверно огромна, она занимает место нескольких кварталов, которые ныне не более чем пыль на трупе истории города. Когда первый Канцлер занял город, он приказал сравнять с землей несколько десятков полуразрушенных домов и возвести площадь его имени. И это беспрекословно выполнили с должной бескомпромиссностью и фундаментализмом. Здания просто взрывали вместе с жителями, которые не хотели из них выезжать, а потом бульдозерами равняли землю, в конце заложив всё это массивными огромными бетонными плитами. А в самом центре площади возвели двухсот метровый мемориал–храм, посвященный первому Канцлеру, возле которого ежедневно происходят таинства церкви. На этой площади могли спокойно уместиться несколько тысяч человек без всякого стеснения, а их молитвенный гул временами становился настолько силён, что стёкла ближайших домов начинали дрожать.

И сейчас на этой площади развернулся концерт бесконечного почитания – начало празднования фестиваля, который, можно сказать является актом, фанатичного культа личности и бесконечной похвалы своему правителю. Никто не смеет во время праздника проявить неуважение к верховному правителю, а если нерадивый гражданин преступит дозволенную черту, определённую на усмотрение слуг государя, то нарушитель поплатится часами жестокой отработки.

Среди тех, кто старается не показывать внутреннего недовольства таким фантасмагорическим размахом любви к единственной личности немного людей. Все наоборот – улыбаются и радуются под надзором сотрудников Службы по Надзору за Ликованием, чтобы не стать пополнением к заключённым в камерах. А поэтому улыбаться приходится и Габриелю. Юноша вместе с товарищами пробирается сквозь народные массы, которые давят его со всех сторон.

– Алехандро! Давиан! ... Элен! – пытается он окликнуть кого-либо из товарищей, но его крики пропадают в дико орущей толпе.

Знакомых лиц он не видит, вокруг только мешанина из опьянённой толпы, которая потными одеждами и разгорячёнными телами сжимает его в людской реке, отчего становится трудно дышать.

Габриель ощущает, как его нос испытывает обонятельный катарсис – запах пота смешался с приторной вонью благоуханий, распыляемых Культom Государства, но юноша не сдаётся и в давке продолжает идти, подгоняемый тучами народа.

Из всех граммофонов и колонок, расставленных по всему городу, льются нескончаемые волны похвальбы и мантры Канцлеру, от которых у парня сейчас лопнут уши. Мало того дикий ор толпы, так и механические глашатаи взхлёб заливаются рассказами о правителе в честь которого праздник. Парень тысячи раз слышал, как глава государства в бытность свою был далеко не примечательной политической фигурой,

но как показывает история только те и побеждают.

– Камилла! – отчаянно закричал Габриель, стараясь выхватить кого-нибудь знакомого из одичавшей людской массы, продолжающей, прикрикивая девизы и молитвы, пробиваться на площадь.

Однако его крик затерялся среди сотни тысяч других, а затем накрылся очередным наставлением из электронных распространителей, вещающих о том, что человеку в Рейхе чтобы начать политическую карьеру в высших кругах ему необходимо приступить к работе сначала начал – поступить в «Политика Схолум», а потом пойти на службу имперскому правительству.

– Алехандро! Пауль! Вы где!?

И эти крики юноши, похожие на мольбу заглушились рассказами о том, как будущий правитель Империи был всего лишь заместителем одного человека из правящих кругов. Но на одном из выступлений первый Канцлер его заметил, потом частые разговоры, политические поручения, а заместителем его назначили заместителем первого, а после его смерти занял место владыки Рейха.

Габриель потерял всякую надежду отыскать друзей. Он слабосильно волочится вперёд не в силах противостать бурному фанатичному потоку, поддавшись устремлением толпы. Всюду были вздеты стяги и плакаты с лицом императора, представляющимся на них грозным владыкой, и изречениями, холодно озиравшие всех ликующих. Из всех звуко-



усиливающих средств без конца лились поздравительные речи, от которых болит голова, готовая лопнуть как арбуз. На площади играют песни, поются гимны, посвящённые Рейху и Канцлеру, отчего происходящее напоминает жуткий спектакль, устроенный чтобы народ Рейха получил ещё одну возможность проявить любовь к отечеству.

Юноша помимо толпы дико ликующих людей заметил слуг бессчётных министерств, что шныряли среди рядов и временами то и дело подлавливали одного человека, у которого могла быть недостаточно широкая улыбка, и устраивая ему допрос. А после этого стандартно выписывали штраф и снижали «Гражданский Рейтинг» через электронные правительственные базы данных.

Все люди бесконечной вереницей тянулись к огромной сцене, на которой должны были объявить начало фестиваля. От всего этого концерта бесконечной похвалы и мистического вождизма у Габриеля начало не просто закладывать уши, но подступил ком к горлу, как символ внутреннего протеста. Возле парня собрались тысячи людей, что, будучи под действием некоего подобия религиозного экстаза вопят и гудят, чуть ли не молитвенным тоном выговаривая лозунги. Но на собранную сцену, что стояла почти посередине всей площади, окружённой фанатично настроенными людьми, вышел человек, что заставило народ остудить разгорячённый норов.

Глаза Юноши улавливает черты вышедшего и становится понятно – он выходец из структур Имперор Магистратос, а

именно представитель Министерства Праздников. К его чёрному тканевому пальто, трепещем на ветру, приколот маленький, начищенный до золотого блеска, значок – салют на фоне раскрытого крыла.

Он медленно подступился к микрофону, который стоит на сцене и заговорил. Тут же из всех колонок и граммофонов полился его пламенный голос:

– Дорогие братья и сёстры, соотечественники. Сегодня мы празднуем день вступления нашего дорого, великого и всеми любимого Канцлера, да будет имя его восславлено всеми. Но кто он для нас? – прозвучал риторический вопрос, на который Габриэлю так и хотелось прокричать «убийца». – Кто-то скажет, что он великий вождь, кто-то, что он гений управления нашим великим Рейхом, а кто-то, что он великий отец своего народа! И все вы будете правы! Все до единого! – радостно, как ребёнок, которому подарили дорогую игрушку, закричал ведущий. – Ведь, если один единственный человек держит в своих руках несколько тысяч городов, если его дети населяют все эти города, если он почти силой мысли повелевает столь огромной империей и держит её в полном порядке, если он лишь одним своим видом устрашает врагов за стеной, то кто он? Он наш великий отец и пророк, посланник Божий, которого мы должны славить. Да хранит его и страну Господь наш Христос!

Эффект был такой, будто у ушей Габриеля выстрелили из акустического ружья. Толпа просто взревела и дикий оглу-

шающий рёв, людей, впавших в фанатичный раж, полностью накрыл площадь. Ор оказался настолько силён, что многих стоящих на площади резко оглушило, послышался гул и писк в ушах, будто рядом ещё один залп дала артиллерийская батарея.

Через некоторое время многие люди начали впадать в какое-то подобие экстаза, они начали качаться, плакать, смеяться и наконец, вся толпа стала с дикостью скандировать имя канцлера, которое без синхронного произношения превратилось в монотонный неразборчивый гул.

Габриель стоит в полнейшем смятении, приложив ладонь к левому уху, которое стремился скрыть от слуг министерств и последователей Культа Государства.

«Как»? – Это его единственный вопрос, пронёсшийся в сознании, а за ним последовали и следующие. – «Как человек, унаследовавший место убийцы, человек, который был сам как палач столь любим своими гражданами? Нет, не любим. Толпа и люди одержимы им до мозга костей. Люди его считают, чуть ли не Богом».

Габриель оглянулся, но далось ему это трудно, ибо он ощущает себя как пьяный, хотя чувства подобного не испытывал никогда, – руки и ноги не слушаются, голова идёт кругом, и вот-вот стошнит, но всё же юноша пытается сохранять самообладание над собой до конца.

Парень всё же смог оглянуться. Его покачивает как хмельного, а всё вокруг кажется несколько размывающимся,

как будто он видит перед собой не явь. Убрав свой взгляд от плакатов, он заглянул в лица людей. Парень посмотрел в лик рядом стоящей женщины. И там он увидел образ, искажённый в гримасе смеха и дикого слезливого рёва. Она потеряла всякое человеческое достоинство, осталась лишь рожой одержимости и безумного подобоострастия. Потом он заглянул в образ рядом стоящего мужчины. У него вместо лица была маска безумного ликования и полностью рабского подражания.

Он снова попытался найти своих друзей, беспокойно начав осматриваться по сторонам, но он не мог найти лица своих товарищей, как, ни стараясь выискать их среди этого всего одержимого каскада искажённых гримас. Однако к его великой радости он обнаружил Элен среди тысячи перекошенных безумством ликов. И, не способный удержать от того, чтобы посмотреть на лице девушки, юноша буквально впился в него пристальным взглядом, пытаясь запечатлеть всё. Овальные черты, но полной она не была, совсем наоборот, очень стройной, и глубокие карие глаза, длинные орехово-тёмные волосы, которые ниспадают, чуть ли не до пояса, да и вместе с этим он заметил, что прекрасная дама лишена рвения толпы и её слепой любви.

Память юноши неожиданно выдала момент, как рассказывая своему другу Алехандро про Элен, то слушатель всегда демонстративно заявлял, что от подобной слащавости его просто стошнит. «Как можно быть таким мягким?» – Але-

хандро заявлял Габриелю.

Как ни странно, но жители Рейха, так же как и Габриель знали, что на празднествах просто необходимо радоваться во имя Канцлера, а посему такое ледяное спокойствие девушки обеспокоило парня. На каждом празднике, посвящённом Рейху, присутствовало, незримо или явно, министерство Ликования и Радости, которое неустанно надзирает за тем, как люди веселятся и какую силу эмоций они испытывают на празднике. Если же веселья будет мало, а эмоции не столь сильные, то в этом регионе усиливалась пропаганда Кльта Государства, учащаются проповеди Империял Экклесиас во имя Канцлера и увеличиваются комиссарские проверки и политические аресты с показательными казнями. И сердце Габриеля кольнуло от одной мысли, что всё это случится с Элен, что она станет ещё одной жертвой адского маховика репрессий.

Но тут на сценку вышел ещё один человек, на котором трясётся серый пиджак, бесцветные брюки и чёрные туфли. Он стремглав подошёл к микрофону и резким жестом руки призвал к молчанию. Толпа ещё минуту неистово ликовала, и только потом гул, подобный молитвенному шёпоту, начал стихать. Через пять минут на площади наступила полнейшая густая тишина, ничем не прерываемая. Человек сглотнул, подошёл к микрофону и заговорил:

– Славные жители прекрасного города Милана, укрытого светом Канцлера, вот и подходит к концу наш момент ис-

креннейшего и чистого ликования на этой площади. Фестиваль ещё будет продолжаться целый день, так что веселитесь и восхваляйте Канцлера, ибо завтра он нам дал день выходной. А перед тем как вы уйдёте, прозвучит гимн нашего славного и великого государства, что вселяет в нас надежду и дарует защиту, кров, еду и жизнь каждый день.

После того как диктор сказал, на площади воцарилась полнейшая тишина. Люди сложили обе руки на сердце и склонили головы. Габриель поступил так, же, чтобы не привлекать ненужное внимание. Музыка заиграла, и зазвучали слова гимна:

Сотни лет мрака минули, за вуалью тайн сокрыты года,  
Былых времён, что должны быть вспомнены теперь навсегда.

И тогда среди громкого плача, стона и боли в ночи,  
Свет человечества гас, словно свет от свечи!

Но не затухли тогда надежды рода людского,  
Никто не забыл предназначенья земного.  
И мир, ликуя, встретил Рейха славный восход,  
Эпоху междуцарствия мы празднуем заход!

Мир захлебнётся в праведном огне,  
Рейх скуёт новый мир в святой войне.  
Огнем вновь вспыхнет небосвод,

Канцлер поведет нас на войну вперёд!

Рейх на ангельских крыльях несёт новый закон,  
И момент славы великих дней будет нам возвращён.  
Истину Веры Господь в нас сохранит,  
Бред свободолобивых глупцов давно позабыт.

Слуги лживых богов, растления верные псы,  
И все те, кто не смог сохранить себя от пакостной лжи,  
Только огнём глаза им можно на правду открыть,  
Мы крестоносцы, готовы Рейха свет истины святой им  
пролить.

Мир захлебнётся в праведном огне,  
Рейх скуёт новый мир в святой войне.  
Огнем вновь вспыхнет небосвод,  
Канцлер поведет нас на войну вперёд!

И не нужно нам ничего, кроме державы великой судьбы,  
Не устанем мы ради Рейха от непрестанной борьбы.  
И пускай путь дальнейший скрывает могильная мгла,  
Но нам путь укажут Крест и Рейха два чёрных крыла!

Мир захлебнётся в праведном огне,  
Рейх скуёт новый мир в святой войне.  
Огнем вновь вспыхнет небосвод,

Канцлер поведет нас на войну вперёд!

Габриель выслушал гимн до последней строчки. Сотни и сотни раз он его слышал и каждый раз видел в нём не более чем песенку о величии державы, но ничего о страданиях и репрессиях. Там ни слова о самопожертвовании граждан Империи.... Ничего.

Когда гимн стих, юноша ощутил, что толпа ещё раз попыталась зализывать, пытаясь как можно больше усладить взор министерства Ликования и Радости, но веселье уже оказалось слабым, постэкстазным, оно было несравнимо с первой волной, захлестнувшей разум и вывернувшей душу, это было всё равно, что сравнивать свет пламени свечи с горением маяка. Но министерству было и этого достаточно.

Постепенно ликования толпы стали стихать, из граммофонов вновь полились мантры и религиозно-государственные гимны. Габриель стоит и раздумывает над тем, что сейчас произошло, его сознание немного затуманено, как к нему подошли его товарищи и так же ощутил всю тяжесть, которую они на себе понесли – так же имеют разбитый и опустошённый вид, как у людей с похмелья.

– Габриель, мы собираемся пройтись, ты с нами? – с тяжёлой подачей спросил Давиан, чему юноша обрадовался – услышать знакомый голос.

– Да, с вами, – сухо, и смотрев печальными глазами в одну сторону, ответил Габриель. – А вы где были? Я вас не уви-



дел... хотя осматривался и звал вас.

– Стояли тут неподалёку, – отчеканил сухо Давиан. – Увидели тебя, когда толпа стала рассеиваться.

– Ребят, никто не видел Элен? – задала вопрос Камилла.

– А она пошла с отцом домой, – тут же ответила Понтия, и в памяти Габриэля на секунду возник образ высокого подтянутого мужчины, с добродушным лицом и прищуренным взглядом, который очень сильно любит свою дочь.

– Ладно, пойдёмте уже, – буркнул Давиан, с небольшой ноткой требовательности в голосе.

– Ох, – сокрушённо начала одна из знакомых. – Так, а куда мы пойдём?

– О, ребят, давайте сходим в «Канцлер Плаза»? – предложила Камилла.

– Ой, – с неким отвращением, исказив лицо в гримасе начала Понтия. – Да там народу сегодня. – Недовольно закончила девушка.

– А давайте пройдемся просто по городу, – предложил Габриель, не особо хотя посещать сегодня разные заведения, которые по праздникам непреклонно стараются следовать Культу Государства и максимально ублажить министерство Ликования и Радости.

Так как все варианты казались менее привлекательными, то все приняли предложение Габриэля и пошли гулять по городу, который медленно, но всё же потонул в фестивале.

Милан в это время предстал в новом амплуа. На улицах

снуют тысячи людей, которые, не снимая улыбок с лиц, и фальшивого ликования в душе, бесконечно ходят и радуются происходящему, чуть ли, не хлопая в ладоши. Ведь если не радоваться в этот день, то к человеку могли запросто подойти не только слуги министерств, но полиция и спросить, почему он не радуется. Если причина окажется не столь значимой, то его могли оштрафовать или арестовать на пять суток за «Акт неуважения к Рейху».

Дома богато украшены плакатами и флагами, посвящённые хвалению государства и Канцлера. На улицах разворачивались различные выставки и красочные выступления, и всё это было посвящено Императору. Все выставки – его имени, плакаты – с его лицами и афоризмами, выступления – главный герой – это Канцлер. Если и была другая тематика, то она посвящалась славе Рейха, восхвалению государства и ничему более.

И друзья, не найдя более лучшего выхода, стали просто гулять по городу. Они ходят, болтают, рассуждают, смеются и просто идут, куда глаза глядят. Заходят в несколько магазинов и галантерей, но там продавались вещи, сувениры, мелочи, посвящённые этому культу личности и государства.

То и дело на их пути встречаются бесконечные чиновники, ведущие за собой скоп более незначительных служащих. Временами, бюрократ указывал на человека и слуги министерств начинали роиться вокруг жертвы, задавая ему россыпь вопросов. Если гражданин хоть где-нибудь проколет-

ся или ошибётся, то его ставили в очередь на «понижение Гражданского Рейтинга» или сразу же снимали пару десятков баллов.

Ребята встретили несколько человек в длинных рясах из мешковины, выкрашенной в коричневый цвет, что делали странное действие. Они возле статуи, символизирующей Рейх – двуглавого орла, встали кругом и читали что-то схожее с молитвой, а один из них ходил и размахивал кадиллом, от которого густой массой валил дым со смердящими «благовониями». И тут же начали монотонно скандировать:

– Сила в праведности... сила в сдержанности... отриньте похоть, и развращение... отдайте всё государству... сила в Рейхе.

Друзьям стало понятно, что это фанатичные служители Культа Государства, проводящие своё немудрёное таинство. Ребята поспешили как можно дальше от этой картины, стараясь так же уйти от роя бюрократов, стоявших возле таинства с благоговением наблюдавших за этим.

– Ох, ребята! – внезапно воскликнула Камилла. – Я знаю одну книжную лавку. Нам следует зайти туда? – Спросила девушка, обратив свой взгляд на Давиана, в глазах которого вспыхнуло лёгкое недовольство.

И не долго колебавшись, друзья решили зайти в эту книжную лавку, потому что в этом городе сегодня не было места, куда можно было пойти.

Проходя сквозь Милан, полностью утонувший в фести-

вале и бесконечном почитании всего «сакрального» ребятам медленно, но верно продвигались к старому книжному магазину. Он не был чем-либо примечательным, обычная старая книжная лавка, каких было сотни в Милане. Лавочный магазин располагается в одном из немногих старых домов, сохранившихся во время Эпохи Италийского Междуцарствия, когда Апенинский полуостров рассыпался на несколько независимых стран и великой перестройки самого города.

Старая деревянная дверь, которую со скрипом открыли ребята, напомнила всем о тех временах, когда Милан был поистине свободным городом, не зная железного хлыста Рейха. Внутри лавка оказалась самой обычной: стены, сделанные из дерева, эпохальные полки с массой книг, второй этаж отсутствовал, помещение было прямоугольного типа, а в углу, перед дверью, наверное, в подвал, стоял стол, за которым и находился продавец.

Навстречу друзьям вышел владелец лавки. Белая шерстяная рубашка, с синими клетками показывает сдержанность мужчины в одежде, как и обычные серые брюки с коричневыми чёрными и коричневая жилетка. Продавец был довольно пожилым человеком: седые кучерявые волосы, белая короткая борода, добродушное морщинистое лицо и уставшие синие глаза.

– Приветствую Да...

– Здравствуйте, а какие книги у вас есть? – Давиан резко перебил продавца, подавляюще задав вопрос.

Владелец книжной лавки оглянулся и увидел Габриеля, и в тот же момент лицо хозяина выразило лёгкое удивление.

– Здравствуйте ребята – я хотел сказать, – спокойно, несколько с темпераментом машины, сказал продавец.

Несколько мгновений подумав и осмотрев ребят, причём пристально разглядывая Габриеля, он продолжил:

– Книги... мне привезли пару новых книг, не хотели бы вы взглянуть, молодой человек? – С практически неуловимо наигранностью сказал продавец.

– Да, было бы отлично, – скоротечно вымолвил Давиан.

Продавец и Давиан вместе отошли в сторону и продолжили не слышимую беседу, будто стараясь, чтобы суть беседы не была уловлена.

Габриель со своими друзьями стали разглядывать стеллажи с рядами самых различных книг. Он прильнул к полке, с наименованием «Политика», и принялся рассматривать их названия: «Возвышение Канцлера или путь к процветанию народа», «Главный праведник государства», «Правильный курс для страны» и тому подобное. Вся полка изобилировала книгами с подобными названиями. Юноша, испытав отторжение, решил подойти к полке с названием «Наука». Там тоже книги не особо отличались идеологическим изобилием: «Основы науки Рейха», «История империи» и ничего идейно отличающегося. Парень отринул от стеллажа с книгами, как чёрт от распятия, и ушёл к полке с наименованием «Драмы и любовные истории»: «Имперская любовь», «Ромео и Джу-

льетта в новой версии или любовь сына министра Обороны и дочери министра Нападения», «Драма в политических тонах или в кого не следует влюбляться». Парень с потерей надежды в глазах и ощущением кома в горле развернулся к полке «Для малышей» и приумножил печаль, увидев идеологически верные книги: «Учим азбуку вместе с Канцлером», «Папа Канцлер рекомендует». Все тут оказались забиты политическими «верными» книгами, которые пропускало министерство Идеологической Чистоты, Культ Государства и министерство Книжных Товаров.

«Как это мог допустить народ, его запугали. Как некогда свободный город стал оплотом Рейха? А может Министерство Агитации и Пропаганды даёт плоды?» – задал себе вопрос Габриель.

Внезапно рассуждение и осмотр полок парнем прервал приятный голос лавочника, который уже поговорил с Давианом:

– Ну, ребят, выбрали, что-нибудь?

Друзья переглянулись меж собой.

– О-у, к сожалению, нет, – сдержанно ответила Камилла.

– Ну, тогда пошли отсюда, – в своей любимой возмущённой манере сказала Понтия. – Думаю, пора разбредаться.

Все тут же засобирались и пошли к выходу, как на плечо Габриеля легко и мягко легла рука лавочника.

– Постой, парень, у меня для тебя кое-что есть, вот держи, – добродушно сказал продавец и протянул парню книгу

в чёрной, кожаной обложке.

– Эта очень хорошая книга, пришедшая ещё с доканцлн-ровских времён, и лучше тебе не говорить о ней с кем либо, – похлопывая по плечу парня, тихо сказал хозяин лавки, дабы не привлечь внимания пары вошедших покупателей. – Мы же не хотим оказаться в одной прохладной камере.

Габриель немного засмутился такого подарка, но все, же чувство любопытства взяло верх над страхом, и он решил взять её с собой.

– Да, спасибо вам, – вымолвил он владельцу книжной лавки.

– Да не за что, ну а теперь ступай, – последний раз, хлопнув по плечу парня, добрым приятным голосом произнёс лавочник.

Габриель вышел из магазина, будучи в некотором смятении от такого подарка, но обнаружив знакомые лица, подошёл к своим товарищам.

– Ребят, уже около двух часов дня, может по домам? – с усталостью в голосе спросила Камилла.

– Знаете, было бы хорошо, – поддержал девушку Давиан.

– Ну, тогда пойдёмте, до остановки, – вставил своё слово Габриель.

И друзья пошли, бурно разговаривая, прямо к остановке. У остановки они ещё долго разговаривали, обсуждая самые разные темы, но вот настал момент расставания – подъехал автобус – чёрная прямоугольная коробка, блестящая от со-

стояния гладкости. И друзья, нежно попрощавшись, сели в машину. Все, кроме одного. Давиан остался на остановке.

– Мне тут не далеко, проводишь? – несколько с вызовом в голосе спросил юноша, смотря вдаль на уезжающий автобус.

– Да, давай, – ответил Габриель и оба друзей устремились прочь от остановки.

Город постепенно собирался ко сну, а поэтому людей на улице становилось всё меньше. Уже не шныряли тучи проверяющих, в поисках слабо радующихся граждан. Совсем не попадались «монахи» из Культа Государства. Но так же, как ночь сменяет ночь, также стражи порядка и режима меняли друг друга. На улице появлялось всё больше полицейских и комиссаров. По углам могли ожидать банды комиссаров. А свой праведный гнев любому нарушителю ночного спокойствия могли вознести храмовники – боевые соединения Империи Экклесиас. Славный город Милан ни на секунду не уходил от всевидящего взора Рейха. Каждый день, час или минуту соблюдался извечный идеал – тотальный контроль и стабильность. Однако мало кто понимает, что такая «опека» вызвана бурным прошлым мира, который только-только стал сбрасывать пепел былого мироустройства с себя.

Оба друга идут по улице. На них холодно с плакатов взирали взгляды знаменитых и видных государственных служащих. Под каждым лицом были однотипные по смыслу лозунги, ни на йоту не отличавшиеся друг от друга. Воздух переполнял постепенно слабеющий запах благовоний, что сего-



дня разжигались целыми тоннами. Они долгое время шли, просто молча, но все, же Давиан начал разговор:

– Послушай, а как тебе сегодняшнее шествие? – аккуратно начал Давиан. – Мне оно показалось несколько... несдержанным.

– О–о–о, не знаю даже, что сказать, оно было довольно...

– Безумно, – как бы угадывая, добавил парень.

– Да, может и так, но будь осторожнее с этим словом.

– Да, а то, что? – напористо и откровенно мятежно спросил Давиан.

– Просто, осторожнее.

Они зашли в безлюдную улочку, которая по какому–то недоразумению осталась без своего комиссара, полицейского, чиновника или храмовника. Давиан с опаской и осторожностью оглянулся по сторонам и заговорил:

– Я хочу спросить тебя об очень важной вещи, которую надеюсь, останется между нами. Как тебе правление Канцлера?

Этот вопрос очень сильно смутил Габриеля. Сердце в его груди забилося сильнее, а дыхание участилось. Парень глубоко в душе ненавидел всё, что связано с Рейхом и тем более с Канцлером, но эту пламенную ненависть он тщательно скрывал, ибо даже если человек без должного почтения и благоговения смотрит на портрет правителя, обычно выполнявшийся в стиле иконы, то гражданина могли оштрафовать, понизить в «гражданском рейтинге» или приговорить к

общественным работам, которые, по мнению министерства Наказания, повышали в человеке духовность и смирение.

– Даже не знаю, что ответить, – растеряно начал Габриель.

После сказанного другом Давиан изрядно напрягся, явно пожалев, что начал этот разговор.

– Не нахожу его правление отвечающим запросом всего общества, – пытаюсь сгладить напряжение, сказал Габриель, в тоже время стараясь не компрометировать себя.

«Если словят, скажу что той части общества, где обитают отступники и предатели» – продумал путь отхода Габриель. – «Может даже похвалят за это».

Послышался лёгкий выдох Давиана, выдавая явное облегчение, после чего уже более невесомым тоном он продолжил:

– Слушай, мы уже почти пришли. Дальше я думаю сам дойду до дома, и, кстати, – неожиданно оборвалась дрожащая речь Давиана. Но внезапно он направил свой взгляд в глаза Габриеля, и он высказал последнее предложение, стараясь как можно быстрее его выдать. – Габриель, приходи, завтра, в десять, к книжной лавке, у которой мы сегодня были, тебе будет интересно.

– Хорошо. – Спокойно промолвил Габриель.

Друзья пожали друг другу руки и разошлись. Габриель быстро, стараясь не попасться в лапы какому-нибудь комиссару, пошёл к ближайшей остановке. И встретив автобус, уже через полчаса юноша был дома.

Он зашёл в свою квартиру, кинул сумку в ближайший удобный угол, включил телевизор и улёгся на диван. В его руках оказалась та самая чёрная книга. Так как по телевизору, в связи с фестивалем, ничего интересного не шло, любое юмористическое шоу во время праздников строго запрещалось, а любые новости не выходящее за рамки цензуры, то Габриель открыл эту книгу и стал в неё вчитываться читать, в буквальном смысле слова исследуя каждую строчку.

Через пять минут чтения парень провалился в удивительный мир справедливых режимов и милосердных правителей, беспристрастных судов и свободных государств. Рассмотрение трудов Маркса и Локка, обзор программ либеральных европейских партий многолетней давности, которые существовали неисчислимы сотни лет тому назад, рассказ о самых древних, так называемых демократиях – союза греческих городов и римской республики: всё это и многое другое уносило Габриеля в далёкий и эфемерный мир нерассказанной справедливости. И он стал страстно поедать эти самые знания и рассказы. Поедать их без остатка, провалившись в мир мечтаний с головой и оставив Рейх, ставший цитаделью фанатичного «себявозвеличивания».

За несколько кварталов отсюда.

Это была самая обычная квартира, каких было миллионы в новых городских районах. Обычная ничем непримечательная серая жутко прямоугольная двух комнатная кварти-

ра, построенная по идеологическим лекалам Рейха.

Женщина что-то готовит на кухне, отчего по всей квартире разносился приятный мясной запах, мужчина лежал на диване и смотрел документальный фильм, а молодой парень сидел за компьютером и переписывался с кем-то в социальной сети «Общение в Рейхе». Он сидит и что-то лихорадочно строчил на старой клавиатуре – гибкая доска с сенсорными клавишами. Ничего не предвещает беды.

Но никто не услышал, как в подъезде раздавался звук тяжёлых военных берез, сопровождаемый бряцаньем оружия. Прозвучал короткий звонок в дверь. Мужчина встал с дивана и направился к двери. Открыв, её, он обомлел от увиденного.

В двери появились три человека: Квартальный Комиссар, облачённый в кожаное пальто, тычущий в лицо своим удостоверением, и два бойца спецназа в полной боевой форме.

– Что вам нужно? – со страхом в глазах и дрожащим голосом спросил мужчина.

– Я квартальный комиссар Маркус, здесь проживает Александро Фальконе, я пришёл за ним.

– Что он натворил? – уже еле шевеля языком, говорил мужчина.

На что комиссар надменным голосом ответил:

– Ему вменяются статьи: «Оскорбление Канцлера», «Усомнение в курсе Рейха», что ведёт к государственной измене. У нас в доказательство имеются: распечатки переписок в се-

ти и анонимное письмо. А теперь вы пропустите нас, – требовательно заявил комиссар.

– Нет, – Тихо, как бы неуверенно, ответил отец.

В глазах матери, которая стояла в проходе, схватившись за стену худощавыми руками, на кухню, читался ужас.

– Что ж вы все такие тупые, – грубо сплюнул комиссар и началось.

Стоявший Комиссар ударил по печени отца семейства. Тот, жутко постанывая и задыхаясь, загнулся, держась за место удара. Потом последовал удар коленом в лицо и мужчина упал. Женщина неистово закричала, но быстрая оплеуха от спецназовца заставила её замолчать. Комиссар ворвался в комнату и направился к парню, но тот попытался убежать. Праведным слугитель Рейха быстрым ударом ногой в живот заставил остановиться Алехандро. Юноша от боли упал и один из спецназовцев его повязал и повёл к выходу. Женщина стояла у стены и тихо всхлипывала, держась за щёку, а неугомонный отец тем временем сумел очнуться и прокрасться на кухню за ножом. Он выбежал из кухни с тупым кухонным ножом и, крича, ринулся на обидчиков, в надежде хоть что-то сделать. Один из бойцов быстро вынул пистолет и выстрелил. Пуля попала в голову, смерть была мгновенная, его безжизненное тело упало на пол, распластав конечности.

Женщина просто заревела, из её глаз градом потекли слёзы. Она медленно сползла по стене, захлёбываясь собственными слезами. Юный парень потерял к этому времени со-

знание.

– Вызовите уборную команду! – громким голосом приказал комиссар.

– Да, господин, – ответил спецназовец и активировал рацию.

Устройство на шее заработало, и прихожая наполнилась статическим треском. Сказав пару слов в неё, передав приказ, он дезактивировал её и характерный треск спал.

Комиссар, глядя на женщину, жестоко ухмыльнувшись, подошёл к матери.

– Ты хочешь остаться с сыном? – со зловещей улыбкой задал он свой вопрос.

Женщина, будучи полностью в слезах, покорно кивнула головой.

– Хорошо, вяжите и её, – надменно приказал он, а потом добавил. – Впишем ей: «Препятствие аресту политического преступника».

Плачущую и всхлипывающую женщину быстро заковали в стальные наручники и вывели из квартиры.

Комиссар, перед тем как выйти из квартиры, оглянулся и сказал:

– Ох, славный сегодня день, ещё одно убийство и арест для нашего славного будущего. Никто не смеет думать иначе, чем наше идеальное государство.

Потом он вытащил пару купюр, заплаченных за арест, сложил их вдвое, положил во внутренний карман, затем подо-

шёл к мёртвому отцу и снял с его руки золотой обручальное кольцо и сунул в карман.

– Преступникам собственность не нужна... эх, славный день, – с кривой улыбкой на довольном лице изрёк комиссар и вышел прочь из комнаты.

## Глава шестая. Коршун расправляет крылья

Примерно к половине одиннадцати вечера.

В Риме стихли все улицы, скверы и дороги, только извечные ночные стражи бдели и следили за порядком в великой столице, а ночь опустилась на землю своим чёрным холодным покровом, но только вокруг Великого Капитолия, величественного здания, что являлось сосредоточением всей силы в Рейхе, бурно кипела жизнь. Великий Капитолий был похож на покрытый куполом Колизей, только украшенный статуями и флагами, посвящёнными Империи.

Огромное исполинское здание, напоминающее своим антуражем величественный, но в то же время простой дворец, цитадель власти Рейха на северном побережье средиземного моря являет собой огромную цилиндрическую многоэтажную постройку, окружённую целым многокилометровым комплексом более мелких строений – базилик, террас, садов, фонтанов и укреплений, за которыми спрятались целые гарнизоны. Но внутри Великий Капитолий показывает аскетизм и сдержанность и именно поэтому он отделан из обычного обработанного камня серого цвета, отчего и получил своё второе название – Каменные Палаты.

К его входу, похожим на царственные ворота, постоянно



подходят всё новые люди, у которых бесчисленное количество военных проверяет документы, удостоверяясь, чтобы ни одного лишнего человека не было на собрании.

– Ваше удостоверение! – звучит требование от одного из воинов, в чёрных, немного мешковатых одеждах, которых тут как рой бешенных мух.

Стоящий посреди огромных ворот, в строгой очереди, мужчина в строгом, чёрном классическом костюме Империи – высокие кожаные сапоги под колено, белая рубашка с высоким воротником и фраком, достал небольшое удостоверение, обтянутое в чёрную кожу. Черноволосый опрятный мужчина, с небольшой бородкой, поглядывая на длинное вытянутое белое ружьё, готовое любого нарушителя испепелить ударом энергии.

– А-а-а, парламентёр... – небрежно выговорил солдат. – Проходите.

– Подожди... пройдёт он, – в дело обследования ввязался ещё один воин. – Нужно занести вас в бланк посещений от Буле, – после сказанного в руках солдата оказывается электронный планшет, отстёгнутый с пояса. – Кто и вы и откуда?

Несмотря на очередь, столпившуюся позади мужчины, все готовы часами стоять и не пикнуть, лишь бы соблюсти порядок, иначе кара за «Нарушение священного порядка в местах сосредоточения власти» настигнет моментально.

– Я Исайя Роними из Иллирии.

– А это кто? – согнутым, как тетрадка, планшетом указал

боец на молодого паренька, который стоит позади мужчины и пробивается вперёд.

– Я его помощник, – молвит парень, но охранник не обращает на молодого человека никакого внимания.

– Вот его Удостоверяющий Лист, – протянул в дрожащей ладони Исаяя двое сложенную бумажку.

– Хорошо, проходите дальше, посмотрев документ, небрежно выговорил солдат.

Два человека продолжили путь, идя по мраморному полу, в котором можно увидеть собственное отражение, так как он наполирован до состояния зеркала. Постукивая каблуками, разнося эхо по исполинской колоссальной зале, Исаяя дошёл до следующего проверочного пункта, на котором уже не воины, а скорее монахи в серых тяжёлых рясах и сандалиях.

– Интересно, а нас на оружие будут проверять? – прозвучал вопрос от светловолосого паренька с водянистыми карими глазами. – Или избыточное содержание металла.

– Что ж, если мы прошли до «Идейного Контроля Благости и Ума» то ты уже чист, – вода строгим взором по холодным серым стенам взором бурых глаз, ответил Исаяя и ощутил некоторое непонимание со стороны помощника. – Суть в том, что по всему прилежащему району спрятаны «скану-мы».

– Это...

– Да, маленькие устройства, сканирующие нас на наличие оружия.

– А почему...

– Гвардия Капитолия уже прочипирована таким образом, чтобы «сканумы» на них внимания не обращали. А теперь приготовься.

На несколько сот метров растянулись столики, и плетёные рамки из стали у которых стоят десятки и десятки мужчин и женщин в пропитанных потом одеждах, напоминая чем-то монахов аскетов. Но это всего лишь служащие Культа Государства, поставленные, чтобы удостовериться в идейной чистоте работников парламента.

– Именем Рейха, стойте, – потребовала старая почти полностью сгорбленная женщина, с копной седых волос и морщинистым лицом, укутавшись в серые полотна ткани, как в одеяло.

Помощник и Исая разошлись в разные стороны – по разным столам, чтобы не скапливать народ в единой очереди. Парламентёр не испытывает волнений, ибо такую процедуру проходит незнамо какой раз, а вот молодой паренёк готов покрыться холодным потом – его колени подкашиваются, и вязнет язык.

– Скажи-ка сынок, – добродушно заговорила женщина. – Что для нас важнее всего?

– Господь, Канцлер... и Рейх, – неуверенно ответил паренёк.

– А почему именно в такой последовательности? С чей-то у тебя Бог поставлен до Канцлера? Разве Творец дал

тебе всё это? – спросила старушка обведя дугу рукой, указывая на Капитолий.

– Потому что Канцлер сам так говорил, – утвердительно парирует молодой человек. – «Нет ничего важнее для нас чем Отец Небесный и его учение».

– Ну ладно... а вот, скажи, как ты относишься к позднему постапокалиптическому либеральному модернизму [4].

– Сугубо отрицательно.

– А почему?!

– Он же либеральный.

– Ладно... проходи.

Парень прошмыгнул через ряды столов и вынырнул через одну из плетёных рамок, олицетворяющих «боковые ворота» – противовес «парадным воротам». Слуги Культа Государства придали столько усилий, чтобы переделать слова Христа об этих вещах и сотворить новый символ, олицетворяющий, что государевы люди не имеют особого статуса или особого влияния у отца государства – Канцлера, ибо входят не через ворота избранных, а как все – через скромные рамочные проходы.

– Что-то ты долго. Я уж было стал волноваться... и кого только не пришлёт полк-орден, – последние слова были сказаны с особой томностью и шёпотом. – Что-то они совсем теряют хватку.

– Я не состою в нём... пока, – вознамерился оправдываться парень, потирая карман чёрного пиджака и поправляя ле-

вую туфлю. – Только готовлюсь поступить к ним младшим скаутом.

– Тебе же нужна от меня рекомендация? – театрально смутился Исайя и покойно продолжил. – Так и веди себя подобающе. А то отправлю жалобу твоему мастер-наставнику, а Антоний не любит такого. Он ныне работает на не самого лучшего командора, поэтому нервы у него плохие стали. Ты хоть помнишь, зачем приставлен?

– Оказать поддержку вам по приказу своего командора и лорд-командира, которые хотят убедиться, что вы полностью выполняете свои обязанности по их охранению, – отчеканил заученно по-солдатски молодой парень и перешёл к вопросу. – Да, кстати, а что это за «модернизм», про который меня спросили?

– Не до этого сейчас. Идём скорее.

Два человека – парламентёр и его помощник, смешавшись с толпой сотен других продолжили путь, пройдя в самое сокровенное место Капитолия – Ложу Департаментов. Внутри эта часть здания устроена по типу амфитеатра, разделённого на несколько секций, где каждая доля отдана представителям определённого Департамента Власти. В самом центре зала возвышается на десяток метров высокая трибуна, с которой говорили ораторы и сам Канцлер. Тут повсюду, куда не кинь взгляд, стены обработаны фресками и резьбой, посвящённые становлению Рейха и величию первого Канцлера – сцены баталий и мира, изображения восхождения к трону

и падение нечестивых... это место пропитано историческими мотивами, нашедшими отражение в грубом камне. Воля и дух в этом месте возносятся едва ли не до небес от ощущения сопричастности к великим деяниям.

Внутри с серых стен свисает множество огромных штандартов Рейха, на которых изображён «максима-герб» Империи – трёхглавая птица, стилизованная под орла из древней партии НСДАП. У страны два герба – обычный, который используется в повседневной жизни и «максима», который предназначен для великих торжеств или значимых событий.

Пройдя внутрь «Ложи» Исайя и его помощник ощутили себя невообразимо жалкими, так как размеры этого места внушительны – они приближаются к размерам великого Коллизея, превосходя того в полтора раза. А такая удалённость стен друг от друга только создаёт прекрасную акустику, а посему религиозные гимны и хоралы тут усиливаются многократно.

– Сколько же тут людей собралось... – констатирует Исайя, рассматривая сотни или даже тысячи людей в разных костюмах. – А Антоний не прогадал, говоря, что тут сегодня случится нечто величественное и важное для Рейха.

– Не думаю, что он вообще ошибается, – напомнил о себе помощник. – Это же полк-орден.

– Вон наши места – указав на кресла, обтянутые алой тканью, зашагал Исайя. – Пойдём, займём их.

Все, кто собрались, понимают, что сегодняшнее заседа-

ние было очень важным, ибо пришли по требованию самого Канцлера, но чтобы пришли все представители Департаментов Власти... такого на памяти не было очень давно. Однако не прийти на это заседание, значит подвергнуть себя жестокому преследованию и позволить себе выпасть из вертикали власти Империи, а она в таком государстве как Рейх была жёстко определена, структурирована и проработана, как нельзя лучше. И вся эта структура, и иерархия отвечают таким идеалам как незыблемое повиновение, почитание старших по иерархии, любовь к начальникам, ибо считалось, что только когда наступит полная и покорная соподчинённость, то и придёт истинный порядок, когда все станут служить выше стоящим.

– Много же в Риме собралось народу от Департаментов, – присаживаясь на кресло, проговорил паренёк. – Тысяч десять... или двадцать?

– На сегодняшнем заседании участвуют главы ветвей имперской власти, которые именовали Департаментами Власти со своей многочисленной свитой и другими высшими чинами, которых очень много.

– Ага, а мы получается на месте парламента и парламентариев?

– Имперского Буле будет правильно.

– Простите, не знал этого. Как и об остальных ветвях, честно признаться.

– Ты не знаешь о них ничего?

– Антоний сказал, что вы всё расскажите мне. Он мне кроме задания о присутствии и наблюдении за происходящим тут сказал, чтобы я узнал о структуре государства.

– Вот зараза, – гневно выругался Исая. – Вообще ничего?

– Только в общих чертах... лишь то, что дают в «Схолум Техник», чтобы было достаточно для любви к государственным символам и власти. Я же не из «Схолум Политика», как вы.

– Ну ладно. Давай я тебя просвещу немного, – недовольство промелькнуло в голосе Исая, которое его помощником осталось незамеченным. – В центре всей вертикали стоит «Имперское Буле». Это четырёх палатный парламент, со строго определённым количеством людей в 204 человека.

– А какие в нём есть палаты?

– Первая палата – «Региональный Совет». Он является представителем интересов каждого региона, и именно он должен был отстаивать в государстве и перед самим Канцлером свои интересы, рассказывая о своих животрепещущих проблемах.

Однако намеренно Исая умолчал, что если вдруг представители региона начинали жаловаться о насилии Культа Государства или Церкви, возмущались глупости действия министерств или высказывались против репрессий в регионах, ссылаясь, что практически не остаётся рабочих рук, то этих людей просто убирали с должности и брали под арест, ибо они нарушают «святость отечества в глазах людей слу-



живых». Что с ними было дальше, мало кто знал... разве что палачи.

– Вся страна была разделена на несколько огромных Провинций, а та в свою очередь дробится на Территории, разделённые на городские области. В Рейхе имеется четыре провинций и больше двадцати территорий, с которых выбирают людей.

– А как происходят выборы в палату?

– Каждого из трёх человек избирает, так называемый «Губернаторский Совет Территории», где естественно председательствовал сам губернатор. А в совете были лишь доверенные лица управителя целой Территории. И прежде чем быть выбранным на заседание совета, человек проходил специальные тесты, где было триста вопросов, составленные Император Магистратос, Империял Экклесиас и Культот Государства. Если претендент не допустил не единой ошибки, то его пропускали на собеседование со священником, представителем Кюльта и человеком от министерства Идеологической Чистоты. И только когда человек прошёл собеседование, то тогда его допускали на встречу с губернатором.

– Хорошо, а что о второй палате?

– «Народный Сенат». Она является представителем наболевших нужд обычного народа, интересов простой многочисленной рабочей массы, неискушённой в политике или религии. Представителей выбирают на «Народных Куриях», этаких контролируемых референдумах, где за два месяца по-

давались кандидатуры на выборы.

– А что бывает с теми, кто недостаточно подходит для этой должности?

– Да... тех, кто был «идеологически нестабилен» и вызывал подозрения у любого представителя власти, отсевали на вступительных этапах, естественно во имя сохранения установленной стабильности и порядка. С ними проводят воспитательные беседы, но к выборам больше не допускают, дабы не осквернить органы власти.

– А что тогда с остальными?

– Остальные кандидаты проходили тяжёлые тестирования и опросы на «идеологическую годность», проводимые знаменитой триадой: церковью, Культуром Государства и министерством Идеологической Чистоты. С каждой Территории была своя квота, которая перед выборами постоянная изменялась, но на исходе всегда должно получиться сто человек.

– Что со следящим механизмом?

– Третьей палатой является Законодательное Собрание. Оно занимается профессиональным составлением новых законов для государства, их разработкой и представлением перед Канцлером.

– Как так можно? Чтобы кто-то диктовал свою волю Канцлеру?

– Не беспокойся ты так, на деле верховным законопринимателем есть именно Император, который имеет право принять или отклонить тот или иной закон и если проект оказы-

вался противоречащим догматам и постулатам Рейха, то всё собрание могли спокойно распустить и собрать новое. Поэтому законы составлялись особо прилежно, с постоянной оглядкой на Империял Экклесиас и Культ Государства.

– А как собираются законотворцы?

– Это собрание набирает сам Канцлер из «идеологически чистых» людей, кандидатуры которых ему предоставляли члены Высшего Капитула. Причём человек мог быть кем угодно, лишь бы он был связан с властными структурами в Рейхе

– Кстати, а что вы можете рассказать об этой палате?

– А-а-а, о нашей «четвёртой». Он же Высший Капитул, состоявший из двенадцати человек, именуемыми верховными лордами, составляющие «парламент над парламентом», – мужчина призадумался, а затем, с нотой извинений продолжил. – Вот о нём я мало что знаю, прости. Знаешь, самое удивительное, что сформированный при первом Канцлере из ближайших и доверенных лиц, при нынешнем правителе сумел продвинуть закон о том, что Канцлер теперь не выбирает членов Капитула, они сами оставляли на местах своих приемников.

Исайя решил не говорить, что власть каждого Лорда была почти неограниченна, она имеет полный деспотичный характер. Они яростно плевали на все постулаты церкви и идеалы Культа Государства, творя жизнь в Рейхе по своему усмотрению. Канцлера просто завалили письмами о посто-

янных нарушениях Верховных Лордов, но правитель огромной империи почему-то бездействовал. Все особенности их правления оставались за кулисами политики, известно было одно, что членом Капитула мог стать любой, кто закончил «Политика Схолум».

– Понятно, а это что за люди в секции с фиолетовыми креслами... и в фиолетовых одеждах? Они похожи на людей из правительства. Из какого они Департамента Власти? – максимально тихо проронил вопрос парень, чтобы не показать своей неосведомлённости перед другими парламентариями.

– Имперор Магистратос – нерушимый и монолитный стержень всей государственной бюрократии. Как было сказано в Кодексе Слуги Государства: «Имперор Магистратос – непоколебимый молот Рейха, готовый своей массой обрушиться на любого, кто отринул ласковый свет Канцлера».

Этот Департамент Власти является административной и бюрократической структурой государства, состоящей из бессчётных десятков миллионов государственных служащих, от чиновников всех рангов и до простого административного персонала. Эти люди, подобно проклятым беспрестанно работают, практически на всех уровнях государства, не оставляя ни один самый порайонный уголок в тени. Как было записано в «Кодексе Имперор Магистратос»: «Хоть все являются слугами государства, но они нечто больше. Они имперская бюрократия, живущая только для управления Рейхом

во всех его аспектах. Будь это составление простых списков, тотальное управления всеми Провинциями или осуществление полного контроля над населением, эти люди живут ради своей работы».

Следуя идеалам Рейха, от каждого служащего государству требовали невероятной отдачи, для того, чтобы вся имперская машина работала исправно. Если человек не укладывался в требования, то его освобождали от должности, а «рейтинг» понижали. А чем выше должность, то тем больше была ответственность и нагрузка. И за исполнением порученного неустанно следил Трибунал Рейха, способный убедительно оружием напомнить о долге служащего государству.

– Да, я немножко знаю, – эфемерно радуясь, решил поделиться званием парень. – Именно в этом Департаменте Власти рассчитывают «Рейтинг Гражданина» и по сути определяют судьбу и участь человека, жившего в нашей великой родине.

– Верно. Но скажу тебе, что за исправность всего этого исполинского механизма отвечает один человек, стоящий на самом верху этой неистово длинной бюрократической лестницы – Лорд–Магистрариус или «Главный Лорд».

Исайя не решил говорить о том, что знают все, посчитав это глупым. Ведь каждая блоха в Империи помнит – глава правительства является ответственным за всё функционирование бюрократического аппарата, став его главой и лицом,

абсолютным и неоспоримым управленцем, который назначался только Канцлером и ему одному лишь подчинялся. Его слово или указ не оспаривались, а принимались на уровне закона, если он не противоречил моральным догмам Рейха, который необходимо исполнить любой ценой.

– У него, наверное, огромный аппарат управления? – посмотрев на тучи людей, роящихся в фиолетовой секции, спросил помощник. – Вон-а, сколько народу.

– Да, ты прав. В Имперор Магистратос есть бесконечная лестница чинов, начинающаяся с Министерского Консула – заместителя Лорд-Магистрариуса и председателя Совета Министров, который обслуживается аппаратом в тысячи человек, а в сам «Совет» входят более ста пятидесяти глав из самых разных министерств. У каждого министра так же есть целый корпус своих заместителей и ещё больше подчинённых. Сама структура министерств была просто огромна и неимоверна разветвлена, что мне трудно об этом говорить.

Помощник Исайи не стал спрашивать, зачем всё это. Он и сам понимает – в Рейхе вся суть такой системы сводилась к одному – установить максимально полную и непрерывную слежку за собственными гражданами со стороны раздутого до грандиозных форм аппарата власти. Министерства и управления, службы и бюро собирают данные по каждому человеку, оказавшемуся в их сфере деятельности не упуская не секунды из жизни. По отношению к гражданам им давались немаленькие полномочия и неважно, зачем пришёл

человек к власти. Гражданин обязан ответить на любой вопрос, который задаст служащий министерства, вплоть до интимной жизни. И если ответ не понравится бюрократу, то гражданину могли запросто понизить «рейтинг», а может, что и хуже, ибо методам воздействия у Имперор Магистратос несть числа.

– А как же они управляются с властью в регионах? Правительство же как-то справляется с массивностью Империи? Губернаторы?

– Хорошие вопросы... я уж действительно подумал, что ты ничего не знаешь. Они ведают полным управлением всей региональной структурой Рейха, от мелких сёл, до крупнейших городов и именно для этих нужд был создан весь губернаторский корпус. Выше всех стоят Гранд–Губернаторы, управлявшие Провинциями. Сразу после них идут Губернаторы, заведовавшие всеми делами на определённой Территории, а ниже них только обычные Градоначальники, да Старосты деревень и сёл. И это не говоря об Распорядителях в Особых Зонах Империи.

И каждый слуга Рейха будь это управитель вверенной ему земли, министр и простой проверяющий, чтобы добиться своей должности просто обязан пройти самые сложные экзамены на идейную годность и соответствие идеалам государства. За каждого претендента на должность должен был поручиться священник, и заявить, что этот человек строго соблюдает заветы, оставленные ещё первым Канцлером. И осо-

бо ревностное наблюдение за всем министерским и управленческим каскадом осуществляет церковь.

– Ясно... о! – громко подметил парень странный аромат. – Чувствуете... чем это пахнет. У меня нос пощипывает...

– Это оттуда, – указал противоположную сторону Исая, где на белоснежных креслах, рассаживаются люди в молочных балахонах, кидая пряности в жаровни, горящие среди стройных рядов. – Разожгли благовония.

– Священники?

– Да, Империял Экклесиас. Поистине, она стала славным перерождением старой католической церкви, поддерживая, и насаждая словом и огнём веру в Бога, просто вдавливая в умы догмы пуританской морали. Никто не должен был преступить священные заветы главной христианской книги. И любые отступления, вплоть до неправильного толкования священных текстов, сурово наказываются и преследуются по всему Рейху.

– И правильно, – поддержал молодой парень. – Единство и равенство и таинствах – залог абсолютной стабильности и моральной святости.

– Конечно, но ты должен знать, что помимо моральной муштры все церковные иерархи яро и пламенными речами убеждают мирян в святости и избранности Канцлера. Во славу Императора проводят таинства, святость его имени воспевали всюду, от огромных соборов до мизерных часовен, а в проповедях священники убеждали мирян в том, что курс



Канцлера единственно верный.

Однако никто из парламентариев не скажет прямо, что Империял Экклесиас постоянно получает огромные суммы на свои нужды, которые от года в год всё растут. Когда обычные граждане Рейха живут в серых бетонных коробках, кафедральные соборы в это время слепили ярым великолепием, ибо, как сказано в Кодексе Империял Экклесиас: «Пусть же народ лучше будет пребывать в нищете и недостатке средств, чем умалится величие церкви нашей святой и, тем более Канцлера. Пускай наш быт будет скуден, но догматы великого Рейха, ведущие нас к процветанию и ограждающие от разнузданности и похоти, должны быть соблюдены любой ценой».

И священная мораль распространилась и насаждалась везде где только можно было. В Рейхе стать атеистом, значит стать еретиком. Однако большинство понимает, что такая линия поведения государства оправдана, ибо вера стала одним из столпов, возле которых получилось объединить Империю. Люди прошлого, живущие в достатке и роскоши, предающиеся разным материальным благам и предающие ближнего, отвергли своим поведением Его любовь, решили, что идеи свободного мироустройства важнее души. Всё кончилось страшным падением и Великим Кризисом, после которого искалеченные души людей, возможно, держать только силой и крепкой рукой. Все помнят слова, которые стали суровым предостережением для народа Рейха на будущее: «Я

накажу мир за зло, и нечестивых – за беззакония их, и положу конец высокоумию гордых, и уничижу надменность притеснителей».

Исайя подумал об иерархии в церкви. На самом вершине церковной иерархии был Верховный Отец. Этот человек был подобием древнего папы римского. Он полностью контролировал свою церковь и в своих решениях опирался лишь на Библию, Фолиант Гражданина и законы Рейха. В его бессменном владении находилась вся структура Империял Экклесиас.

– Я так понимаю, у церкви есть своё деление?

– Да, вся церковь Рейха делилась на три «Ордиума» или отдела: Миссианерос Темпле, Корпус Веры и Инквизиция.

– А можно поподробнее? – почёсывая затылок, спросил помощник.

– Миссианерос Темпле или Имперская Церковь – основной проводником идейно-политико-религиозной линии государства. Его возглавляет Круг Кардиналов, орган коллегиального управления, находящийся в полной отчётности перед Верховным Отцом.

Ниже них располагаются чины соответственно старой католической иерархии, но есть ещё одна должность – Первый Пастор, представитель монашеских общин и крайних захолустных, поместных церквей.

Имперская Церковь с фундаментальной и фанатичной ревностью насаждала веру в Бога и Канцлера, нетерпимо относясь к культам, которые говорили обратное христианству,

обвиняя их в ереси и призывая к уничтожению. Так во время преследований «еретических» учений на территории Рейха были в дословном смысле сожжены все остальные конфессии вроде буддизма или ислама, а также ещё более двадцати тысяч сторонних культов, хоть схожим с католичеством, но говорящих о ложном правлении Канцлера. Так наряду с сектами, выкошенными оказались: церковь «Всех Святых» в Милане, почитавшая людей, которых во времена кризиса венчали влюблённых одного пола. Община «Братство Пророка» явно буддийско-мусульманского характера в Неаполе, движение «Лунное Гетто» в Мадриде, заявлявшее о том, что есть некая высшая сущность, а все религии – это путь к ней, и ещё более двух десятков духовных течений, общин и культов, расходившихся во мнениях с официальной церковью. Но ещё пострадали и те, кто к религии не имеют никого отношения. Верховный Отец обратил свои гневные речи против движения «Зелёных», вегетарианцев, обвиняя их в нарушении постулатов веры, но больше всего пострадали те, кто ходит под стягом радуги, призывая к свободе в любви. За ними объявили самую настоящую охоту, ведомую Инквизицией. Их вылавливали как зверей и сжигали на главных площадях или где придётся, как-то было в Сан-Марино, когда движение в защиту их прав загнали в огромную «недостройку» и подожгли. Запах палёного мяса в городе витал ещё неделю. Их загоняли под асфальт и топили в нечистотах, как-то произошло в Афинах, где сначала люди от страха спрятались в

канализации, а потом агенты Инквизиции спровоцировали в городе коммунальную катастрофу, повредив трубы с горячей водой и отвечающие за биологические отходы. Люди просто сварились заживо в кипящих нечистотах, но все гонения и преследования санкционировались строго с санкции Миссианерос Темпле, так как без последнего слова от священника ничего не будет делаться.

– Ага, а воины в чёрной броне, с автоматами в руках, которые присутствуют на службах в церквах их охрана?

– Почти. Это Следующий «Ордиум» – Корпус Веры или идеологически-фанатическое боевое подразделение церкви, используемое для решения глобальных проблем с еретиками и противниками церкви. Но он поднимается только в случаях крупных восстаний, носящих антицерковный и антиправительственный характер.

Корпус Веры делится на Храмовую Стражу и Церковное Ополчение. Храмовники занимаются непосредственно крупными и официальными операциями или полномасштабными боевыми действиями, а также защитой храмов и священников, возглавляемые Великим Паладином, контролирующей Первый Дружинника, являющегося представителем Церковного Ополчения, армии фанатиков и обычных граждан, которые вооружались только в случаях непосредственных угрозы, состоя из мирян. Первый Дружинник контролировал Вече Дружины, а оно в свою очередь надзидало за Поместными Вождями, занимающиеся обороной и орга-

низацией религиозного войска на местах. У Храмовой Стражи так же есть свой орган управления – это Совет Лорд–Храмовников, состоящий наиболее высших чинов среди Храмовой Стражи, помогающий Великому Паладину в управлении всем подразделением Корпуса Веры.

Все знают, что в храмовники забирают ещё с раннего детства и это есть законодательно установленная обязанность дважды крещеных родителей, то есть прошедших таинство второго посвящения в святость, доказавших непреклонным фанатизмом на службах свою верность Миссианерос Темпле. По закону Рейха, своего мальчика–первенца они отдавали на службу Имперор Экклесиас и во время службы, тренировок и бесконечных молитв, юноша превращался в максимально фанатичного служителя церкви, готового на всё, что скажет ему иерарх. Он был готов на всё... даже пойти на «очищение рода» – убийство во имя веры родственных лиц, если те стали еретиками.

– А вы когда-нибудь сталкивались с инквизиторами? Что вы можете рассказать о них?

– Это ещё одно подразделение церкви, которое праведнее и фанатичней остальных. Она занимается своими прямыми обязанностями – розыск, охота и поимка политических и духовных преступников, а также их уничтожение. Инквизиция – это секретная религиозная полиция Рейха, возглавляемая Верховным Инквизитором.

Для того, что б поступить на службу к церкви Рейха, по-

мимо закона о «Священном Первенце» для Храмовников, надо после окончания школы пойти учиться в Областной Семенариус. После пяти лет службы в нём, Синод Семенариуса определял в какой «Ордиум» человек уйдёт на дальнейшую службу и наиболее талантливые в области розыска и убеждённости в постулатах Имперор Экклесиас зачастую всего поступали на службу в Инквизицию, превратившейся в могущественную религиозную церковную полицию, перед которой дрожат все, ибо в её власти было обречь на уничтожение целые города, как это было с Новой Венецией – самоуправляющимся городом.

Об этом не упомянут в учебниках, не скажут политики, лишь редкий священник упомянет в проповеди, как акт жесточайшего неповиновения. Это произошло за два года перед смертью первого Канцлера. Агенты Инквизиции заподозрили жителей этого города в ереси, по перехвату всего одного сообщения, где говорилось, что политический курс Канцлера не совсем отвечает потребностям народа в духовной сфере. И только по одному этому подозрению было инициировано уничтожение города. Не армия Рейха, а корпус храмовников, ведомый инквизиторами, глубокой ночью обрушил на город сначала град снарядов, потом залил напалмом. И уже в выжженный город вошли инквизиторы, казнив немногих выживших не щадя никого.

– А там кто, на чёрных креслах в тёмных мантиях? Антоний говорил, что это «священники имперского права»

– Это всего лишь Трибунал Рейха, представительство всей судебной власти и системы правосудия в Рейхе, олицетворение его справедливости, законности и всей скоротечности исполнения правосудия, ведомый троими Трибуналяриями, которые осуществляли всё управление и высшее судейство в империи. Этим людей выбирает сам Канцлер из «Политика Схолум».

Верховный Трибунал делится на два «критархиума» или две ветви: Судоустройство и Боевые Соединения Трибунала, ставшие его мышцами и мечом, дабы ускорить исполнимость правосудия. Устройством судебной системы руководит Верховный Судья, от взора которого не укроется ни одно решения суда различного ранга и типа, от Высшего Суда Рейха до обычного сельского поместного судилища, избираемый Канцлером и знающий наизусть «Рейх Лекс» – неимоверно огромный свод основных законов.

В Империи нет отдельных судов по экономическим или гражданским спорам. Всё сводится к одному принципу: «Что не соответствует постулатам Рейха, то подлежит осуждению и уничтожению». Все суды в Рейхе производились с оглядкой на Культ Государства и проповеди церкви. К примеру, в суде если человек докажет, что убитый им гражданин был еретиком или выражал ярое недовольство Канцлером, то его могли спокойно отпустить на свободу, сославшись на «Добрую моральную волю, скрепляющую великий Рейх».

– Но что есть судебная система без Боевых Соединений

Трибунала, – продолжает Исайя рассказ о «Департаментах Власти». – Ничто. Боевой Критарх, возглавляющий Гвардию и Комиссариат, готов с остервенением карать любого, кто нарушит право Рейха.

– Я так понимаю, Военные соединения осуществляют скоростное правосудие, защиту судей и карательные операции, а также тотальную слежку за улицами городов, соблюдением и исполнением законов.

«Лекс Милитарис», Гвардию Трибунала, возглавляет Коммандер. Гвардия есть охранно-боевая структура Трибунала, выполнявшая в основном карательные операции, охрану судей и судов. Известен случай, когда целый полк Гвардии был отправлен на укрощение восстания. Эта операция получила название «Пламенный Рассвет», когда на заре целый полк, под прикрытием реактивной артиллерии сравняла с пылью самопровозглашённый город–демархию, публично заявивший первому Канцлеру, что он хоть и не отделяется от Рейха, но будет сам менять городское законодательство. До сих пор каждое утро можно увидеть чёрные руины этого города, поросшие мхом на восточном побережье Италии.

В полномочия же Комиссариата входит слежение за соблюдением и исполнением законов Рейха. Именно они занимали поддержкой порядка на улице. Непревзойдённые легисты, досконально знающие закон своей страны, во имя порядка и режима холодной и железной рукой соблюдали постулаты Империи. Они спокойно и без объяснений могли



арестовать человека, который не так посмотрел на плакат с лицом Канцлера, ибо, как сказано в Фолианте: «Наш Канцлер и есть наш отец, ты не в праве даже посмотреть на него с осуждением». Комиссары любого ранга могли быть внедрены в совершенно разные структуры и вершить правосудие на своё усмотрение. Все чины, вплоть до Надзирателей, должны пройти обучение в «Политика Схолум» и отслужить в Армии Рейха. Остальные – Надзиратели и Уличные Комиссары, для службы, должны подать заявки к Квартальным Комиссарам, а те их зачисляли на службу.

Комиссары вершили полномочия там, где им вздумается, и как они сочтут нужным. Был случай, когда адепты Культа Государства подали жалобу, что на частном предприятии не соблюдается Культ. Прибывший туда комиссар в назидание другим каждого десятого заставил пройти принудительную лоботомию.

– А те монахи, меня проверявшие... это... там, на серых креслах сидят.

– А они... извечные праведные служители отечества – Культ Государства. По своей идейности Культ двоюродный брат церкви, но только ориентация у него была сугубо светско-гражданская, насаждая святость государства везде, где только можно.

Культ всегда отслеживает ситуацию, пользуясь всеми возможными данными из министерств о гражданах. У Кюльта нет силовых структур, в деле принесения воздаяния и на-

саждения железной праведности она полностью полагалась на Трибунал Рейха.

На её самом верху расположился Великий Патриарший, полностью управлявший Культом. Сразу за ним идут Окружные Магистратии Кюльта, следившие за состоянием почитания государства в Округе, состоявшим из двадцати культуполисариев или Обителей Кюльта – огромных и серых, в сорок этажей, зданий в которых и располагался Кюльт. За ними шли управляющие культуполисариями – Государства Жрецы. Они руководили всей жизнью и деятельностью в Обители Кюльта.

Кюльт Государства насаждается везде и всюду. Адепты Кюльта был вправе проводить любые проверки, когда им захочется. Им обязаны были предоставить любые данные, вплоть до информации, касающейся подробностей интима и мыслей. Если гражданин отказывал служителям Кюльта Государства в предоставлении информации, то запускались стандартные механизмы Рейха, перемалывающие судьбы и души людей, вечно клеймя их отступниками. Помимо всего в Кюльтуполисариях адепты имеют собственные печатные издания, чтобы печатать свои брошюры «правильного поведения». И каждый день выпускались миллионы брошюр и книг, поставляемые во все магазины и раздаваемые прямо на улицах. И любой книжный магазин обязан был закупать определённую квоту этих книг, в противном случае владельца могли арестовать за «Сопротивление распространению».

ния блага и праведности в Рейхе». Если человек отказывался брать на улице брошюру, то его тоже могли спокойно арестовать.

Если из информации, полученной Культом, следовало, что уровень почитания государства упал, то там начинают проводить почти каждые два часа на площадях города и сёл проповеди, а порой увеличивают количество показательных пороков. Так было по всей Северо–Балканской Территории, когда уровень обожествления государства упал на девять сотых процента, то затем весь регион внимал сладким проповедям Кulta и страдал от бесконечных проверок и засилья репрессий всего комиссарского состава.

– Частники... предприниматели, – с отторжением заговорил помощник, смотря вправо, на людей рассаживающихся по зелёным креслам. – Они тоже здесь.

– Как же ты... скрытно-неуважительно говоришь о работниках мелкого предпринимательства.

– Простите, не могу говорить о свободном рынке хорошо, ибо это он на пару с либеральным растлением погрузил прошлый мир в эпоху мрака и войн.

– Но в священном Рейхе иначе. Корпоративная Палата отражает интересы предпринимателей в мелком бизнесе, приближённая к народу, ибо крупные торговые потоки и все самые крупные и значительные экономические возможности были полностью в руках государства. Корпоративная Палата вечно делит экономику с Имперор Магистратос, почти с ним

сравставшись в определённых аспектах.

В её компетенцию входит отраслевое отражение интересов всех сфер и рекомендации насчёт экономического развития Рейха. У неё не было чётко определённых Канцлером глав. Правитель всего лишь мог одобрить или отвергнуть кандидата на пост Куратора Палаты, прошедшего все необходимые идеологические тесты и собеседования. И на каждое заседание приходили определённые люди, которым на данный момент было поручено отражать интересы производителей, предпринимателей и рабочих на заседаниях Департаментах. В сферах влияния Корпоративной Палаты оказывались, как и мелкие магазины с небольшим предпринимательским составом, и огромные торговые центры, где наравне с государственными товарами, поставляемой министерствами, могла продаваться и частная продукция. Именно понимая всю силу и возможность финансовых потоков в руках умелых людей, и была создана эта Палата. Однако в то же время данная структура жёстко ограничена и тотально контролировалась со стороны остальных Департаментов Власти, которые старались максимально полно следить насколько за её деятельностью, сколько за жизнью предпринимателей. Если продукция была «антиморльна» или не соответствовала идеалам режима, то такой предприниматель сурово наказывался, по всем законам Рейха.

– Вот и всё, – выдохнул помощник. – Иных Департаментов Власти нет.

– Ты подожди... помимо всех этих Департаментов Власти при Канцлере ещё был Координационный Кабинет, в котором заседают главы всех ветвей власти. Это высший орган управления Империи.

Все уже начинали рассказываться по собственным местам, а молодой парень так утомился от рассказов о механизмах Рейха, что опустил подбородок на ладонь, опёршись на подлокотник, а на тронных возвышениях уже сидят главы нескольких Департаментов, готовясь к заседанию. Но в зале ещё стоял разговорный гул, который начинал медленно утихать.

– Парламентёр Исаяя, а когда начнётся заседание сегодняшнего Капитула? – прозвучал среди общего шума вопрос.

– В ноль часов, может чуть позже, парламентёр Тиберий. Между двумя людьми наступила лёгкая тишина, которая, несмотря на разговоры возле них, показалась им неловкой.

– Мда, а здесь очень шумно, – рассудительно начал Исаяя, поправив чуть кудрявый волос. – Здесь очень много людей собралось, я не припомню такой явки со времён вступления второго Канцлера на свой пост.

– Сегодня здесь заседают все представители Департаментов Власти, – с еле уловимым вдохновением в голосе сказал Тиберий.

– Говорят, что будет выступать сам Канцлер, без своего заместителя, – искривив губы в улыбке на лице, произнёс

парламентёр. – Тиберий? – Вопросил Исая, пытаясь обратить внимание на свои слова.

– Да, парламентёр Исая, – неожиданно сухо ответил собеседник.

Они были обычными парламентарями, представителями первой палаты, ставленниками родных земель, которые ещё недавно терзались меш друг другом за осколки бывшего мира.

– Парламентёр Тиберий, а вы не видели, кого ни будь из четвёртой палаты? – с удивлением произнёс парламентёр. – А то я не наблюдаю Лордов, хотя они частые гости на заседаниях.

– Парламентёр Исая, – холодно и строго начал Тиберий. – Я не знаю, а теперь пора начинать молчать, заседание уже началось.

Прозвенел сигнальный звонок, похожий на рёв сирены, говорящий о том, что заседание началось. После звона, оглушительного и режущего уши истошного звона в зале стала постепенно наступать тишина. Голоса понемногу спали на нет. Во всей зале пришло гробовое молчание, слышно только чьё-то сопение и работа вентиляции. Свет стался несколько приглушённым. От всего этого в зале создалась некая томная мистическая обстановка. На самом деле никакой мистики здесь не было. По правилам заседаний, после звонка наступает так называемая «Благодатная минута». В это время все про себя, в течение минуты, все присутствующие читали про себя молитву Богу и двести третье песнопение хваления

Рейху, составленное Культом Государства.

Ровно спустя минуту, со своего сидения встал один человек, одетый в обычный костюм Спикария Капитула, человека объявлявшего проблемы и начинавшего заседания: тёмно – синие брюки, пиджак, чёрные туфли и бирюзовую рубашку. В зале стоит такая тишина, что шарканье одежды и стук туфель по каменному полу были слышны на самых последних рядах.

Он по старой традиции немного кашлянул, поправил галстук, и сильным голосом начал говорить:

– Господа парламентарии, великий и всеми любимый Канцлер, да будет имя его вечно восславляться, приветствует вас на заседании Капитула.

И по правилам заседания все присутствующие встали и выполнили Жест Герба – сложили руки на груди и склонили головы. И только когда все с показным благоговением выполнили таинство и уселись, Спикарий продолжил:

– Сегодня на нашем заседании будет обсуждено несколько неотложных и важных проблем. Но первый и самый важный вопрос, это благородная война с Северо-Иберийской Федерацией. И начать с доклада, это заседание, я попрошу маршала Армии Рейха – Тита Аврелиуса.

Из рядов вышел человек одетый в чёрную официальную военную форму, схожую с клоническим костюмом. Он с движениями военной выправки зашагал к трибуне – годы службы дают знать о себе. В его руках зажат электронный план-

шет с информацией. Как только маршал поднялся на трибуну, быстротечно пробежался пальцами по планшету и начал своё выступление:

– Господа и дамы, как вы знаете, наши войска ведут боевые действия в северо-западной части Иберийского полуострова. Вы постоянно спрашивали, почему их не удаётся победить, – военный от волнения слегка поджал губы. – Восставшие оказались хорошо вооружены и подготовлены, не исключено, что в их рядах есть перебежчики из нашей армии. Но есть и хорошие новости, недавно мы взяли города: Виго, Оренсе, Саррию и Вилалбу. На сегодняшний момент мы штурмуем город Луго.

– И что это вы этим хотите сказать? – благодаря привилегии оборвать говорящего, своё вопрос задаёт Лорд-Магистрариус.

– Это всё значит, что мы выходим напрямую к столице мятежников – Сантьяго де Компостела. Но перед этим оплотом отступников сформированы ряды тяжёлых укреплений. Если всё продолжится, темп наступления останется как сейчас и нам окажут поддержку, то через неделю мы возьмём столицу сепаратистов! – помпезно и громогласно сказал маршал, но внезапно для всех с сокрушением в голосе продолжил. – Но наши подразделения нуждаются в продовольственных ресурсах, подкреплениях и боеприпасах. Без всего этого мы не сможем сохранить темп наступления, ни, то, что его ускорить. Мы остро нуждаемся в помощи Рейха, –



молит Тит, вглядываясь в лица и реакцию присутствующих, ожидая помощи, после чего всё же решил закончить. – У меня всё, спасибо за внимание, господа парламентёры.

Маршал взял планшет и с чувством выполненного долга направился на то место, где сидел.

– Кто хочет высказаться по этой теме? – Запросил спикарий, вновь вставший к трибуне.

– Я буду говорить! – послышался на всю залу громкое воззвание, с нотками наглости и самолюбия в голосе.

– Хорошо, – выдохнув, с усталостью, от этого человека, в голосе, начал говорить спикарий. – Лорд-Магистрариус.

Через несколько мгновений у трибуны уже стоял высокий мужчина, облачённый в чёрные одежды, поверх которого покоится лоснящееся фиолетовое пальто. В его глазах игриво пляшет нездоровый блеск, а черты лица отдают формой лисей морды.

– У нас решили попросить помощи... армия решила просить помощи? Решила просить наших ресурсов? – наглый голос глава бюрократии до глубины души раздражает Исаяю, как и большинство парламентёров, но все лишь вздыхают, отгонная «еретические» мысли, продолжая слушать его речи. – Тогда пусть армия ответит на один вопрос: почему это случилось так, что там вспыхнул мятеж и почему его вовремя не подавили? Почему наша великая армия не смогла подавить жалкий бунт? – требовательно и вызывающе возмущается Лорд-Магистрариус.

– Я думал, за состоянием области должен следить территориальный Губернатор, – отчаянно парирует Маршал.

– Но подавление мятежей на ваших плечах, и только на ваших. И направлять к вам дополнительные войска, мы не считаем нужным. Я не считаю нужным. – С жутким самодовольством и гордыней заявил Лорд. – Так как нам нужно охранять наши границы от вторжений мигрантов и враждебных держав.

– Но кто тогда окажет нам помощь? – растерянно и с еле читаемым отчаянием спросил маршал. – Если не собственное правительство?

– Тут мы можем помочь, – послышался из зала обременённый возрастом и мудростью голос.

По направлению к трибуне после этих слов пошёл пожилой мужчина. На нём болтается был изукрашенный кремовый балахон, расшитый золотистыми нитями, и от него пахнет десятком благовоний. Когда старик подошёл к трибуне, то он и Лорд-Магистрариусом возникло заметное напряжение и буквально пару мгновений они сцепились взглядом, будто испытывая друг друга. И после недолгой борьбы, начальник правительства, как-то нехотя, но все, же уступил место у трибуны.

– Я Верховный Отец нашей великой церкви, – громко и вдохновенно начал вставший у трибуны иерарх. – Мы слышали мольбы и нужды армии. Они защищают нас, оберегают наш покой, а теперь пришло время нам отпла-

тить. Империял Экклесиас объявляет Иберийский Крестовый Поход, и отправляет несколько боевых соединений Корпуса Веры в поддержку нашим братьям в борьбе с отступниками. Праведным светом мы искореним эту сепаратистскую ересь, – эффектно и, подавая призыв, басит Верховный Отец, и немного обождав, столь же помпезно продолжил. – Так же мы окажем и ресурсную поддержку доблестным сынам Рейха. Завтра мы объявим о начале благотворительной акции в храмах, мы постараемся помочь вам, чем сможем.

– Спасибо вам, ваше святейшество, – тихо, практически не слышимо проговорил сам себе маршал.

– Ха! – внезапно воскликнул Лорд. – Как можно кормить тех, кто не может подавить мятеж? – С возмущением задал свой вопрос руководитель Имперор Магистратос. – От меня они получают только статью в соответствии с Кодексом.

– Как можно кормить тех, кто не может предвидеть мятеж и тех, кто ставит не умелых губернаторов во главе? Как можно доверять тем, кто убог умом и душой и проваливает ту великую цель, которую на него возлагает наш великий Канцлер. – Спокойно упрекнул Верховный Отец.

– Да, что ты знаешь о нашей работе, господин церковник?! – импульсивно высказался глава правительства

– Вы смеее дерзить верховн...

– А заткнись, – прервал Лорд–Магистрариус кого–то парламентаря.

– А как же полк–орден? – неожиданно для всех присут-

ствующих спросил Исайя. – Если их призвать, они помогут побороть опрометчивое восстание... они для этого и служат.

– Эти предатели мало что могут. И они продемонстрировали своё свинство тем, что просто не хотят жертвовать на этой войне собой, – дерзит Главный Лорд. – Вон-а, мы их ещё звать должны? Пусть сами приходят и берутся за оружие.

– А может, они лучше натренированы, и не бросаются в бой сломя головы, стараясь выполнить ваши, порой безумные, приказы.

– Да как ты смеешь их поддерживать, ты гнида полк-лоялистка.

После этого в зале вспыхнула волна негодования, от нанесённого оскорбления. При первом Канцлере такой дерзости никто себе не позволял, но вот за время правления второго наступило время раскрепощения в кругах власти и взаимные оскорбления почти стали нормой. Священными постулатами Рейха любое оскорбление в стенах Капитолия было запрещено, и поэтому эта ситуация многих просто ввела в неподдельный ступор. Многие стали выражать своё недовольство. Заседание Капитула грозило превратиться в обычный базар, несмотря на присутствующих рядом охранников, что с недоумением смотрят на происходящее. Некоторые из охранников уже потянулись к дубинкам на поясе. Кто-то из парламентариев переглядывался, не зная, как на это реагировать, ибо такой беспорядок грозил собой в первый раз.

Но вдруг неожиданно быстро настала тишина и гул, ор в

зале унялся. А разгневанные парламентарии поспешили покорно занять свои места. К трибуне уверенной походкой идёт второй Канцлер, вызывая благоговейный трепет у каждого присутствующего.

Несколькими минутами ранее.

– Вы готовы? – прозвучал заботливый старческий голос.

– Я готов, помощник Мицелий, – послышался как некогда уверенный ответ.

Это обычная и странно простая для такого человека комната. Её небольшие размеры создают эффект тесноты, и вещей в ней было не много: небольшой книжный шкаф, роскошный рабочий стол, диван из кожи. В комнате есть один лишь окно, которое по углам прикрывают алые занавески. У окна своё место заняли два стула, на которых и расположились присутствующие.

Первый – человек высокого роста, с длинными до плеч светлыми волосами, невероятно утончёнными чертами лица и худощавым телосложением. На нём, как на манекене кожаное пальто, явно большое, тканевые чёрные штаны и кожаные сапоги. Второй же – мужчина низкого роста, с короткими седыми волосами, более плотным телосложением и в простом зелёном костюме дворецкого.

– Скажи мне, Мицелий, почему ты так долго служишь мне?

– Я десятилетия нёс службу и вашему предшественнику,

этой мой долг. Да и нужно же просто работать, а может, я слишком стар и сентиментален и не могу покинуть службу, на которой я столько долго пробыл, что она стала частью меня.

– Хорошо... ты действительно верный слуга, – довольно заключил собеседник. – Верность сейчас редкая штука... её нельзя обеспечить одним лишь страхом, так как это уже не верность... лобзание, чинопочитание... всё что угодно, но не верность.

– Вам ещё понадобится помощь, какая-нибудь?

– Ох, мой старый друг помощь, не нужна, – с безумно расцветшей улыбкой на тонких губах был дан ответ.

– Хорошо, – было начал старик, но вдруг приумолк, после чего всё же договорил. – Старый канцлер гордился бы вами.

У израненного сердца собеседника пробежало странное и неопишное чувство, и он слегка схватился за грудь, а по щеке пробежала слеза. Воспоминания пришли сами собой.

– Старый Канцлер говоришь...

Всё произошло и началось чуть больше года назад, в больнице. Это была одна из самых современных палат во всём Рейхе, полностью белая, несколько окон, драгоценная люстра... тут всё соответствовало основам роскоши и выдержанности в ней, а в середине палаты один единственный пациент – умирающий правитель. К его телу подключено множество жизнеобеспечивающих устройств, которые ещё поддерживали тлеющий и угасающий огонь жизни в могущественном

политике. Сам он был почти весь окутан паутиной из разных перепутывающихся и на вид бесконечно выющихся проводов. В палате стоял характерный звук работы устройств и писк показаний о работе сердца. На кровати лежит некогда великий Император, уже практически ни на что не способный. Но и сейчас немощный старик, даже в таком виде, он повелевает несметной Империей силой слабого голоса и движением своей немощной руки, которая практически была парализована. В палате находится так же ещё два человека: заместитель Канцлера и Высший Лорд. Но даже такой матёрый и повидавший виды мужчина как высший лорд смотрит на умирающего повелителя Рейха с опаской, в его глазах читался неподдельный и животный страх... кто знает, куда в потерянном сознании отправит его правитель... может и на каторгу, а может и на плаху.

– Подойди ко мне, – практически шёпотом и сипло сказал умирающий Канцлер, указывая немощной рукой на своего заместителя.

Заместитель робко и с опаской подошёл к умирающему старику и его аккуратно взял за руку.

– За своё правление... кхе-кхе, – выкашлялся кровью умирающий Канцлер, захлёбываясь ею, которая была уже у него на губах в обильном объёме. – Я много чего совершил за свою жизнь... ужасного и недостойного. Я хотел бы исповедаться, но я знаю, что не успею уже... кхе-кхам... а посему я хочу дать тебе напутствие, – на издыхании, уже за гранью

смерти, отдаёт свой последний приказ Император.

Вдруг Канцлер сжал руку помощника. Его зрачки сильно расширились. А кровь изо рта потекла всё обильней. Все приборы просто сошли с ума, начав истошно пищать и верещать и на фоне медицинского оркестра, Канцлер высказал свои последние слова:

– Не допусти моих ошибок... бойся не тех, кто за стеной, а кто рядом с тобой, – Тяжело и, закашливаясь почти шепча вымолвил умирающий правитель. Ты теперь Канцлер.

Но вот рука Императора стремительно начала мякнуть, сам он стал беспорядочно хвататься за воздух, а приборы залихорадили в бешеном ритме.

– Врач! Врач! – кричал без пяти минут новый канцлер.

– Помни о моих ош...

После этих слов все приборы умолкли, и в палате только раздался истошный писк.

Ещё некоторое время в палате стояла тишина, только врачи уносили безжизненное тело. Новоиспечённый Канцлер сидел, схватившись за голову с пустым взглядом. Глаза же Лорда выдавали огромное облегчение, как после тяжёлой работы раба на плантациях, который лишился своего хозяина.

– Король умер, да здравствует король, – с улыбкой и довольным голосом, разведя в стороны руками, сказал Высший Лорд.

– Что, прости? – с непониманием спросил Второй Канцлер.



– Пойдём, поговорим о будущем Рейха, – поспешно сказал Лорд.

Они оба вышли из больницы и направились к автомобилю Лорда, и через пять минут они уже были в богатом и роскошном ресторане, где за одиноким столиком сидит несколько человек: один новый Император и три Лорда.

– Что ж, Канцлер умер, теперь пора решать, кто будет новой властью, – с коварной улыбкой сказал один из Лордов, самый высокий по росту.

– Я что-то не понимаю? – уже испуганно, но всё так же непонимающе сказал новый Канцлер.

– Что ты не понимаешь? Здесь всё достаточно просто. Власти мало, а нас много. Нам мало того, что мы имеем сейчас, и мы хотим больше. Наша логика довольно проста. – Вызывающе произнёс Лорд.

– Послушайте, народ не готов... – Пытаясь хоть что-то объяснить начал Канцлер.

– Слушай теперь меня, – Грубо и нагло прервал говорившего Лорд. – Либо ты принимаешь наши условия и спокойно живёшь, либо мы, так сказать, отправим тебя на досрочную пенсию. Твой диктат будет окончен, так и не начавшись.

После чего Лорд достал изукрашенный нож, и показал пистолет, который висел у него на поясе, в знак того что он даже сейчас готов исполнить сказанное. Император тяжело вздохнул, потом сглотнул. Он быстро понял, что пойти на противостояние с Лордами сейчас это означало бы верную

смерть... но не его, а того человека, что любимее этого мира.

– Ну, каковы же ваши условия, господа Лорды?

– Ха, правильный выбор, мальчик, – унизительно произнёс матёрый. – У нас есть несколько правил: любое наше решение – это твоя воля, любой наш закон – это твой закон, все, что ты решаешь делать ты согласовываешь с нами... короче говоря: всё что ты делаешь, хоть даже если захочешь чихнуть, ты всё обсуждаешь с нами. Чтоб без нашего ведома – ни шагу, а то отправишься вслед за своим предшественником. Ты нас понял?

– Да, понятно. А у меня вопрос, можно задать?

– Ха, а ты быстро понимаешь всё. Можешь задать.

– А какие у меня права?

– Хм, ты останешься символом для народа, мы будем править из тени, а ты будешь марионеткой, красивой куклой, ведь народ легче верит в святость одной фигуры. Человеческой мешанине легче служить и объединяться возле одной личности, понял?

Пододвинутый Канцлер был шокирован подобными словами. Те, кто был призван служить народу, сейчас готовы были плевать на него. Верховные Лорды напоминали уличных бродяг, что отобрали у прохожего нечто ценное и почувствовали после этого себя избранными до такой степени, что возомнили себя выше всего мира.

– Да, – тихо, покорно и сломлено произнёс Канцлер.

– Вот и славно, что ж, за это можно и выпить... Официант!

Тот, кто стал Канцлером и сам не хотел вставать на этот пост, желая передать его кому-нибудь другому. Он не желал ссоры с Верховными Лордами, ибо им двигало желание уйти в тень, в тихий угол Рейха и разделить эту тишину с той, с кем он хотел быть до конца жизни. Но судьба оказалась жестока, и пост Канцлера стал единственным залогом осуществления страшного возмездия, за нанесённые душе увечья.

Но внезапно добродушно сказанные слова помощника вырвали из воспоминаний больную душу:

– Скоро ваше выступление, вы готовы?

– Я всегда был к этому готов, – холодно кинул Канцлер, но потом более мягко спросил. – Скажи мне Мицелий, ты готов меня поддержать?

Хотя Канцлер и сам не понимал, зачем он спросил верности у обычного слуги, но почему, то сейчас ему это показалось очень важно.

– Господин Канцлер, я вам всегда буду верен. И поверьте, поддержу любое ваше начинание.

В душе Канцлера пробежала волна облегчения, и он обрёл неожиданное спокойствие, позволив сосредоточиться себе на будущем выступлении.

– Твои слова греют мне сердце, – сердечно вымолвил правитель.

– Спасибо, – сказал помощник и на свой страх и риск решил задать вопрос, за которым обычно могла последовать

казнь. – Господин Канцлер, вы можете рассказать, как у вас получилось перехитрить Лордов?

На что ему неожиданно спокойно собеседник ответил:

– Да, я расскажу... тебе можно. Любой мой шаг был поставлен под контроль, но даже в этом положении мне удалось действовать в своих интересах. Да, пускай все мои решения, приняты с оглядкой на Лордов, и они пытались себя сделать олицетворением «святости», но я научился определять их слабости. И у них у всех как под копирку есть один порок: бдительность было довольно легко усыпить.

– Вам понадобился год, чтобы это понять?

– Далеко нет... нет. Всего полгода присмыканий, унижений и они забыли даже о моём существовании. Их гордыня, жажда богатств, их сладострастное корыстолюбие и похоть затмили разум этих развращённых ничтожеств. Потом я нашёл верных мне людей, и теперь мне удалось установить надзор над Лордами. Они были настолько поглощены ненасытностью и вожделием, что не увидели, как возле них меняется обстановка. Но это не главное, мне удалось выяснить самое важное для нанесения решающего удара: где они заседают для принятий решения, как урвать ещё кусок власти. И через несколько минут будет нанесён финальный удар.

– Мда, вами бы гор...

– Не повторяй о нём. Мне больно это вспоминать, – неожиданно по-человечески и, держась за сердце, попросил Канцлер.

– Но почему? Он в вас души не чаял, – тихим и мягким голосом спросил помощник.

Канцлер ничего не ответил, он лишь посмотрел в окно и немного ухмыльнулся.

– Скажи, Мицелий, ты кому бы из нас был бы больше верен? Первому или же мне?

– Я всегда был верен ему и бесконечно буду верен вам.

– Хорошо, задам другой вопрос: кого из нас ты больше уважаешь?

Слуга немного поёжился в кресле, но в его взгляде не пробежало и искры страха. Он повернулся и взглянул в лицо, в глаза Канцлеру.

– Его.

Правитель не был ошеломлён этим ответом, скорее не удовлетворён.

Канцлер хотел спросить, почему так, но тут в комнату вбежал молодой человек высокого роста. Это был ещё один слуга.

– Господин Канцлер, положение требует вашего немедленного вмешательства, – Запыхавшись, и тяжело сказал вошедший.

Канцлер оглядел комнату, выдохнул.

– Хорошо, я сейчас пойду.

Слуга кивнул и быстро вышел из комнатки.

– Я, пожалуй, тоже пойду, мне пора, – выдохнул Мицелий.

– Да, мой старый друг, тебе пора.

Мицелий тяжело поднялся со стула и буквально поковылял к выходу.

– Знаешь, Мицелий, а ты заслужил отдых. Ступай, отдохни пару недель.

– Я вам больше не нужен, – жалобно, почти рыдающе спросил старый слуга.

Канцлер несколько секунд держал молчание, после чего практически шепча, сказал:

– Мой друг, я не хочу, чтобы ты был в Имперском Дворце или в парламенте... я хочу тебя ещё долгие годы видеть...

Слуга вышел за пределы комнаты и стал направляться к запасному выходу. Он знал, что о нём позаботились и только что уберегли его от вихря политики, что готов перетереть в пыль любого слабого или кому-то дорого человека. У слуги есть семья, есть сын и дочь, есть внуки. И Канцлер обеспечил ему то, что последние свои годы старик проведёт с ними.

Целое мгновение стояла тишина, а правитель великой Империей недвижимо сидел, уставившись в одну точку. Но вдруг его рука со скрипом от пальто опустилась в карман. Канцлер тихо вынул кулон на цепочке и обратил в него печальный взгляд от одного вида, которого, становилось тоскливо. Он несколько мгновений смотрел в него, на прекрасное женское лицо, потом мгновенно и с толикой ярости закрыл его и положил его во внутренний карман пальто.

– Калья.

Сущим шёпотом проговорив это, Канцлер, осмотрел ком-

нату и вышел из неё, пойдя на заседание. Правитель пошёл уверенным, но не размашистым шагом. Его пальто легко покачивалось на ходу, чуть касаясь, пола, рассматривая холодные серые залы взглядом, в котором читается жуткая ненависть и холодный расчёт.

Когда он вышел в зал, то все сразу затихли, и от предыдущего накала не осталось и следа – каждый член Капитула затих, будто бы задержал дыхание. К нему тут же подбежал молодой слуга и прошептал на ухо некоторые слова, вводящие в курс дела.

– Господин Канц... – хотел что-то Лорд-Магистрариус.

Канцлер с кожаным скрипом от пальто приподнял руку на уровень своей головы, согнув в локте, и призвал главу правительства:

– Тише... – после чего обратил уничижительный взор на военного. – Маршал, вы получите все необходимые ресурсы для подавления восстания.

– Спасибо, Господин Канцлер.

– Верховный Отец, – воззвал к себе Канцлер священнослужителя.

– Да, ваше пресвятейшество, – благословенно произнёс глава Империи Эклесиас.

– Не стоит пока объявлять крестовый поход. Эта война началась на гражданских основах, а не религиозных. Предоставим дело войны солдатам нашей армии.

– Да, пусть так и будет, – покорно сказал Верховный Отец.

После всего сказанного Канцлер прошагал к трибуне и забрался на неё. В его глазах не было неуверенности или сомнения, лишь холодная и железная решимость.

Он немного потёр подбородок, поднял голову и приступил к выступлению. Колонки так настроены, чтобы не показывать волнений «отца государства», ибо его рисуют только как сильного и непоколебимого лидера. По всей зале из звукоусилителей полился насыщенный голос, не передавая той дрожи, что была в нём:

– Господа и дамы, буду краток. Я решил изменить наше государственное устройство – отныне мною будет учреждена ещё одна личная гвардия! Я усиливаю контроль над всеми Департаментами высшей Власти, теперь все ваши отчёты будут приходить ко мне и зачитываться передо мною лично, за каждым отделом будет установлен мой прямой контроль! – после чего голос Канцлера вздрогнул, так как он собирался читать не номинальное изменение, а то, что в корне изменит жизнь отечества, руки задрожали, колени чуть не подкосились, и всё же твёрдым уверенным голосом продолжил: – И... я распускаю Высший Капитул, теперь в Буле заседают три палаты. – Всё! – мгновенно и скоротечно произнёс вновь пришедший к власти Канцлер.

После этих слов в зале повисла полная и непроницаемая тишина. Многие сидели и переглядывались, не зная, что можно сказать. В глазах людей мелькает сомнение и нерешительность. Люди с опаской смотрели на охрану, которая



стояла подобно статуям в зале и до этого момента оставалась не замеченной.

– Если возражений нет, то предлагаю закончить, – с явной радостью и облегчением в глазах изрек Канцлер.

Зал пребывает в шоке, но что они могут? Обескураженные люди, прежде чем собираться по правилам должны были радостно и ликующе зааплодировать сказанному из уст правителя, ибо, как сказано в Фолианте Гражданина «слова государевы являют мудрость и свет истины, которым все должны радоваться». Никто не хотел противоречить могущественному правителю Рейха. Все молча стали покидать зал, приняв его слово как закон, которому нельзя противоречить. Вдруг шорох в зале был разорван голосом Канцлера:

– Ах, и парламентёр Исайя, требую пройти в мою комнату.

После этих слов ползала удивлённо взглянули на него. Он не мог не подчиниться, ибо это было бы великим оскорблением, с невероятной огромной ценой расплаты. Исайя тяжело выдохнул, отпустил помощника, едва видимо перекрестился, сглотнул и пошёл в комнатку Канцлера. По пути его ноги с каждым шагом всё тяжелели и становились более ватными, а сердце наполнялось страхом.

Когда он зашёл, то он увидел своего худую фигуру правителя, занявшего у окна, с закрытыми алыми занавесками.

– Говорят, ты один из тех, кто защищает полк-орден? – холодно спросил Канцлер.

После этого вопроса в душе у Исайи нечто сжалось, он

ощутил извечный страх, но всё-таки нашёл в себе силы ответить:

– Да, а что, господин? – последовал ответ дрожащим голосом.

– Почему вы его защищаете? – въедливо спросил Канцлер.

– По...

– А можешь не отвечать, – резко и неожиданно оборвал его владыка Рейха.

– А почему вы его недолюбливаете, господин? Чем вам не угодил полк... орден? – Почти с требовательностью, прерываемой явной дрожью и нотами страха, спрашивает парламентёр.

– Почему? Об этом я не смогу тебе поведать. Но я тебе расскажу одну историю. Совсем другую, чтобы ты понял то, о чём я говорил сегодня.

И Канцлер рассказал, как всё было на самом деле в течение долгого года, как кучка олигархов узурпировала власть, как его честь была попрана. Как он больше трёхсот шестидесяти пяти дней пресмыкался перед похотливыми душами, чьё правление было нацелено на максимальное получение удовольствия. И чем дальше рассказ был, тем больше ужаса было на лице парламентёра. С каждым словом в глазах парламентёра читался всё более сильный ужас. После того как Канцлер окончил рассказ, Исаяя ещё долго собирался с силами, но всё же, через глубокое ошеломление, сумел задать

вопрос:

– Почему вы нам не сказали?!

Канцлер лишь ухмыльнулся и ответил:

– Тогда было не время.

Парламентёр ещё около минуты стоял в полном ошеломлении, но он сумел задать ещё один вопрос:

– А причём здесь полк-орден?

– Ох, мой милый, – Коварно начал правитель. – Я тебе уже говорил, что это другая история, и боюсь, ты уже её не услышишь.

На лице парламентёра вспыхнуло непонимание и растерянность. Так же он уловил нотки зарождающегося безумия в голосе Канцлера.

– Почему? – уже с заметным страхом спросил парламентёр.

– Иди ко мне, – Лихорадочно подзвал к себе Канцлер парламентёра. И Исайя неуверенно пошёл к Канцлеру.

Канцлер на него посмотрел, мягко положил ему руку на плечо и, предвкушая реакцию Исайи, резким движением руки сдёрнул занавески. На лице парламентёра мгновенно застыли трепет и страх. Он медленно, скованными от страха шагами, и со слезами на глазах и издаваемыми рыданиями попятился назад. На большой асфальтовой площадке связаны и поставлены на колени несколько десятков человек. Среди них ходили автоматчики в форме и ожидают приказа. Канцлер собрал на площади всех тех, кто защищал полк-

орден, подозревался в предательстве и ереси, или мог составить Канцлеру политическую оппозицию в парламенте.

– За что?! – отчаянно и уже заплетаясь, спросил Исайя. По его лицу потекли градом слезы. Его ослабевшее от страха тело рухнуло на диван, который стоял у Канцлера в комнате.

Канцлер кровожадно улыбнулся и по-отечески развёл руками, крикнув: «За всё!». И тут же мгновенным движением вынул пистолет, который покоился в кобуре и сделал оглушающий выстрел. После звонкого хлопка Исайя завизжал и, схватившись за живот, рухнул на пол, который был уже запятнан кровью.

Канцлер подошёл к окну и открыл его настежь.

– Выполняйте приказ! – во всё горло крикнул Канцлер, и тут же послышались автоматные очереди вперемешку с криками и стонами умирающих людей.

Старая, раритетная рация, лежащая в кармане Канцлера, внезапно зашипела, и послышался характерный статический шум.

– Мы приготовились к штурму «логова». Ваши приказы.

Канцлер выхватил рацию, уже не скрывая безумия, радостно закричал:

– Выполняйте!!! – и незамедлительно спрятал её вновь в кармане, подойдя к умирающему парламентёру. – Что ж, вот и сладострастные паразиты скоро канут во тьму, как и всякая политическая нечисть. И только тогда будет установлен великий порядок, безумие только продолжает нарастать в ис-

калеченном рассудке Императора, дойдя до большого милосердия. – Я смотрю ты хочешь жить... Увы, я может и позво-  
ву сюда гвардейцев, чтобы тебя вытащили, но вот у меня нет  
желания на это.

От дула исходит лёгкий дымок, наполняющий комнатку  
ароматами пороха. Канцлер убрал дымящийся пистолет в  
кобуру. В глазах правителя пляшет бездонная пустота, как у  
человека, который только что вышел из алкогольного ступо-  
ра. Он пустыми глазами осматривал помещение. Правитель  
увидел сжатое тело, которое лежит на полу, катается и по-  
станывает, что-то молит. Он увидел, как подошвы его сапог  
были запятнаны в крови. Канцлер как пьяный решил подой-  
ти к окну и проветрить свою голову, чтобы прийти в себя.

Вся площадка усеяна трупами и залита кровью. На лице  
Императора не расцвело ужасающей улыбки, как можно бы-  
ло подумать. А само жестокое устранение оппозиции не дало  
владыке Рейха никакого удовлетворения.

Потом он механическим движением, с всё ещё потухшим  
взглядом достал рацию из кармана и активировал её.

– Верховный Мортиарий, – сокрушённо начал повелитель  
Рейха и посматривая на окровавленный силуэт. – Придите в  
храмовую комнату. Днём... и вызови ко мне врачей.

Канцлер, выйдя из безумного ступора, почувствовал  
некое отвращение к тем идеалам, что сам воплощал и тому,  
что только что сотворил. Но тут же мгновенно отвергнул эти  
мысли. Ему его предшественник, первый Канцлер завещал

содержать Империю в великом порядке и справедливости. И он исполнит этот долг любой ценой. Железом, огнём и кровью.

Тем временем в предместьях Рима.

Загородная вилла, построенная в древнеримском стиле, в каких некогда жили патриции древнейшей империи золотого орла, изобличает собой оплот роскоши и наплевательского отношения к народу Рейха, вобрав в себя самых прогнивших людей в Империи. Красный фасад, белые колонны, и небольшой бассейн во дворе. Постройку ограждала невысокая кирпичная стена, покрытая малиновой известью.

Тридцать солдат бесшумно, подобно теням, пронеслись через двор, оставляя лишь след из мёртвых охранников, убитых из оружия с глушителем. И сидевшие в вилле достойные господа не знали, что дни их правления сочтены.

Зал большой и роскошно украшенный: фрески, картины, пол из мрамора, резная мебель, а за большим круглым столом сидело девятнадцать человек в богатых изукрашенных костюмах. В гостинном зале на втором этаже вовсю разгоралось шумное веселье. На круглом столе есть выпивка, богатые блюда и самая роскошная сервировка. А в самом зале звучат шутки, смех и стояла атмосфера праздника.

– Э-э-э, а где Ротмайр, где наш наглый друг? – с широчайшей улыбкой на пухлых губах спросил один из Высших Лордов.

– Он сказал, что пойдёт решать некоторые дела, – последовал ответ.

– Ах–хах! Вечно у него какие – то дела. Он, что не поймёт, что мы можем жить как короли, та марионетка за нас всё сделает, – пренебрежительно о Канцлере высказался Лорд.

– Это да.

– Ах–хах! Помнишь ту историю, что случилась почти год назад, как там эту девушку звали – то, Палья, Малья...

– Калья.

– О, правильно. Можешь рассказать ещё раз ту историю, а то меня в тот славный день не было с вами, брат.

Один из Лордов показательно искажил голос, сложил рук на груди и приготовился рассказывать. Остальные замолчали. Кто–то курил сигару, кто–то пил виски, но все перестали переговариваться и готовы были внимать рассказчику.

– Я всегда буду рад рассказывать эту историю, – ехидно начал Лорд. – Это было около года назад, тогда одно ничтожество не захотело проводить в жизнь политику нашего великого Высшего Капитула. Ну, подумаешь, мы хотели увеличить довольствие на содержание четвёртой палаты и уменьшить расходы на обслуживающий уличный персонал. Ничего, они бы с голоду не сдохли бы.

– Ах-аха! – взревел какой-то Лорд, захлебнувшись в гомерическом хохоте. – Не подошли бы! Ах-ах-ха! Точно!

– Так вот, он решил нам устроить лекцию о благах народа. Мы его покорно выслушали и пригласили в театр. Толь-

ко в этот день он работал только для нас, там показывали спектакль – суццая комедия, а для него неистовая трагедия. Ах, забыл упомянуть про Калью. Нам весь этот план предложил наш герой – Ротмайр. Благодаря Теневикам полк-ордена, который наш герой убедил нам помочь, мы смогли выяснить, что именно она и есть возлюбленная той жалкой марионетки. Так вот, мы пришли в театр и заняли места поближе, что б всё разглядеть как следует, а то на задних рядах порою ничего не видно. И вот наступила кульминация: та девка на троне из золота с подключённым к нему электрогенератором.

– Да-да! Помню, помню!

– Ох, как только он увидел эту картину, как верещал то сопливое ничтожество, как же визжал, будто свинья на скотобойне... бился у нас в ногах, плакался, катался по полу, как несчастное дитя, которому не купили игрушку. Он молил, просил, целовал нам ноги, вёл себя как ничтожный червь

– Боже, мы тогда просто не смогли удержаться, наш хохот, наверное, был слышен на улице, – вспомнил кто-то часть происходящего.

– И тогда он пообещал, нет – он вопил, что всё сделает для нас. Мы в своём милосердии и великодушии, конечно, поверили, но все, же решили преподать ему урок. Ток из генератора был дан. Как она извивалась, трепыхалась, как рыбка, которая попалась на крючок. И он к ней ринулся.



– Только мы его остановили, один хороший удар, и он валялся без сознания. А когда очухался парнишка, то было всё кончено, – заключил некто из Лордов.

– Да-а-а, воздух тогда заполнил запах жжёной плоти, а на троне остались только угли. Он медленно поднялся и увидел, что случилось с ней. Мы ему сказали, что это за неповиновение, но он нас не услышал, он просто ушёл в себя. Нам пришлось его вразумлять ещё неделю...

– А-а-а, это когда якобы Канцлер на неделю ушёл в отпуск?! – с нескрываемым весельем спросил один из Лордов.

– Да, но как мы все знаем, он ту неделю провёл в психушке, оклеивался.

Зал заполнил громогласный смех. Все те, кто сидели просто давились им захлёб. Но это ликование было не столь долгим, как хотелось веселящимся Лордам. Дверь взрывом разнесло в щепки, накрывая присутствующих каменной крошкой и щепками. Через пару мгновений в залу ворвалась группа спецназовцев. Они быстро скрутили ошеломлённых олигархов, которые не смогли даже слова сказать, не то что бы сопротивляться.

Один из бойцов вышел вперёд. Высокого роста и крепкого телосложения. Сняв свою каску, припустив маску, он стал говорить:

– Именем и справедливостью Рейха и Канцлера, вы проговариваетесь к смертной казни, через...

– А в чём мы обвиняемся? – испуганно, но держа себя в

руках, спросил один из Лордов.

– А это на усмотрение Канцлера, – последовал ответ. – Посмотри мне в глаза, ты же помнишь меня? – Требовательно спросил воин.

Лорды испуганно и суматошно переглянулись, пытаясь вспомнить, хоть что ни будь. Но потом один из Лордов испуганно и с расширившимися зрачками и костенеющим языком от страха вымолвил:

– Я вспомнил тебя. Ты возглавлял отряд «Зета» у первого Канцлера... его личную охрану.... Мы же тебя отстранили от должности....

– Отстранили?! – злобно воскликнул боец. – Наш славный и великий Канцлер восстановил меня на посту. – Сказал воин и тут же притих, но после полуминутной паузы он сел на корточки с ними рядом и более спокойно продолжил. – Вы должны помнить, что сделали с моей семьёй. Вы не просто отстранили меня от службы. Вы казнили всех, кого я любил, а потом закрыли меня в старой лечебнице, простите, для психов.

– И что снами будет? – уже отчаянно, захлёбываясь слезами, пролепетал один из пленников.

На лице говорившего с Лордами бойца расцвела зловещая улыбка, после чего он довольно промолвил:

– Ох, Канцлер сказал, чтобы правосудие было скоротечным. Но его здесь нет, а вы в моих руках. Я вам обещаю, нет, клянусь, что для вас это будет долгая ночь. Вас похоронят в

закрытых гробах, если окажут подобную честь, не выкинув вас в печи мунуфакториатия. – Грубо и жестоко закончил спецназовец, после чего крикнул своим бойцам:

– Начинаем!

Спецназовцы потащили Лордов через весь дом. Они визжали и брыкались, стонали и плакались, пытаясь избежать ужасающей участи и отчаянно хватаясь за собственную жалкую жизнь. В эту ночь леденящие и душераздирающие крики умирающих Лордов заполнили предместья вечного города. Власть Канцлера сегодня была восстановлена, а священные постулаты первого канцлера сегодня поднять из руин.

## Глава седьмая. Друг обескровленного семейства

Спустя час. Рим.

За окном ступают прекрасные и тихие сумерки, покой которых может опрокинуть лишь только крик нарушителей правопорядка, пойманных комиссарами или полицией, которые тем не менее стараются подальше держаться от аванпостов полк-ордена, так как попасть на территорию юрисдикцию их деятельности, значит посягнуть на проводников воли Канцлера.

В эту ночь Командор оставался работать в кабинете. Он спокойно перебирает бумаги и доклады, говорящие о состоянии аванпоста в его владении. Лицо хозяина кабинета выражает сосредоточение и спокойствие.

На улице спокойная погода, неприсущая периоду Итальянского Раздора. Ночная прохлада мягко проникает в кабинет через открытое окно, а дух умиротворённости создаёт необычайную атмосферу душевного покоя, но внезапно мир и безмятежное состояние прервал внезапный стук в дверь.

– Заходите! – громко пригласил Командор.

Тут же со скрипом открылась дверь, и в кабинет прошёл человек. На нём была накидка с капюшоном, чёрные одеяния и невысокие сапоги – всё «по стилю».

– Да, Теневик Антоний, тебе что ни будь нужно? – спокойным, практически мягким голосом проронил вопрос Командор.

– Да, очень важные доклады, – с явной нетерпимостью ответил Антоний. – Касаемо состояния Буле и расстановке властных сил.

– Ох, а это не может подождать?

– Нет, не может.

– Ну ладно, давай.

Антоний выложил из сумки два белоснежных листка, и положил их на стол, а потом, нисколько по уставу, сколько из-за уважения к владельцу помещения и по привычке вытянулся по стойке смирно.

Командор подобрал первый листок и стал бегло рассматривать доклад. На первом листе попался не доклад, а информативный лист, распространявшийся только среди командоров, об операции полк-ордена в Африке. Большим вниманием его мужчина не наградил, всего лишь сухо и быстро пролепетал «хорошо», откинув его в сторону, сразу же перейдя к настоящему докладу уже личного характера, созданного в единичном экземпляре. Он его рассматривал довольно долго и вкрадчиво, изучая каждую строчку или абзац.

– Очень хорошо. Вы вскрывали квартиру Давиана?

– Да, Командор.

– И что же там вы нашли?

– У него довольно много работ и книг по теме Маркса, Эн-

гельса, Чучхе. Есть немало книг, связанных с построением равного общества, с равным социальным положением, с...

– Короче, – Резко прервал Командор Теневика.

Антоний стоял, ещё молча пару мгновений, потом вдохнув воздуха, он вывалил:

– Он социалист, коммунист, реваншист, народный демократ и далее-далее-далее. То есть является тем, кем априори нельзя.

– Ага, понятно, – несколько встревожено сказал Командор. – Ладно, пока всё хорошо, не снимайте наблюдения с Габриеля.

– Вы же понимаете, что это против священных законов полк-ордена? – Не скрывая обвинительного тона, спросил Теневик. – Использовать наши ресурсы в своих личных интересах... строго воспрещается.

– Ну, надеюсь, никто не узнает о моём другом долге, пусть и идущем вразрез с догмами. Так ведь, Антоний? – будто извиняясь, твердит хозяин кабинета.

– Несомненно, Командор. Но разрешите задать вопрос?

– Да, Теневик, задавай свой вопрос.

– А почему мы следим за этим гражданским? Это даже не в нашей компетенции и не в интересах самого полк-ордена.

Командор опрокинулся на спинку своего кресла и тяжело выдохнул. Воспоминания, промелькнувшие в его сознании, были довольно тяжелы. Но он все, же решил их кратко высказать:

– Понимаешь, – тяжело и опечаленно начал мужчина с опустошённым взглядом нефритовых очей. – В своё время я был знаком с его родителями. Это всё произошло в самом конце эпохи Междоцарствия, Раздора и ещё как там его не помню. В то время, до того, как я ещё вступил в полк-орден, они меня спасли от голодной смерти, когда все мои знакомые и друзья умерли на улице, и дали приют. Когда же мне пришло известие, что их арестовали за участие в митинге, как сейчас говорят «В идейно-подрывных работах против Рейха», я уже вступил в ряды полк-ордена. Немедленно со всех сил я помчался к ним. Они уже тогда знали, что Рейх оправдательных приговоров не выносит, ибо так завещал ещё первый Канцлер. И тогда они попросили меня всего лишь об одной просьбе – приглядывать за их сыном. Мне пришлось взять на себя эту миссию, ибо это есть единственное, чем я смогу оплатить личный долг.

– Понятно.

– Есть новости касаемые Канцлера? – пытаюсь сменить на более нейтральную тему спросил Командор.

– В этом и проблема.

– Что случилось?

– Это одна новость про изменения во власти. Канцлер распустил Высший Капитул.

– Хм, это должно быть интересным. Но я уже знаю это, свои информаторы быстрее любого отчёта или Теневика, думаю, ваш скаут добудет чуть больше информации. Вы задерж-

жали нашего друга, о котором мы говорили?

Теневик взглянул на часы, которые были у него на руке и сказал:

– Операция начнётся через три минуты. И насчёт скаута – он говорит, что лояльного парламентаря увёл сам Император из залы, а позже он смог заметить повышенную активность среди Гвардии Капитолия. Однако я бы не стал полностью полагаться на его сведения... он юн, да малость туповат.

– Ладно, как только возьмёте Роттмайра, доложите мне и доставьте туда, куда я уже говорил.

– Да, Командор. Тут ещё одна новость: есть сведения, что Канцлер начинает охоту на полк-орден. В доказательствах только перехваченная передача и её половинчатая дешифровка... он передал её по защищённому каналу, который мы ещё не полностью взломали. Перевод высшее командование пока не даёт, но Великий Консул уже дал распоряжение перевести войска в режим сосредоточенности на внутреннем ударе.

– Невесело получается. А что руководство?

– Пока молчит.

Командор немного потупился, в его душе пробежал огонёк противоречий – долг службы или личная обязанность, ибо следуя за полк-орденом, он может упустить из виду объект охраны и провалить обещание.

– Дай подумать.

После этих слов хозяин кабинета встал из-за стола и по-



дошёл к окну. Он около двух минут вглядывался в пустоту. На его лице читалось огромное сосредоточение и задумчивость, но не долго – мужчина резко развернулся к Теневику.

– Ладно, вот приказ: иди к моему заместителю здесь и скажи, что б он занимал мой пост. Потом передай по нашей сети, что я перевожусь северо – миланский аванпост, в Менаггио. Там на посту Командора никого нет. Думаю, наше руководство обрадуется, что там появится такой умелый руководитель как я. – С наигранным самовосхвалением сказал Командор и добавил. – И держи меня в курсе всех событий.

– Но...

– Мне всё равно, просто передай приказ, – холодно кинул Командор, обрывая Теневика.

– Да, Командор.

После этого Антоний быстро вышел из кабинета, с недовольной ухмылкой, а Командор отошёл к столу и склонился к нему. Тут ему на глаза попался информативный лист, связанный с Африкой, говорящий о том, что там произошло, и какую работу совершили бойцы полк–ордена. Мужчина поднял этот лист и стал вчитываться в детали операции, представляя, как это могло быть.

Африка, северное побережье Египта, около часа назад.

Один из трущобных районов. Всюду стоят только здания, сделанные из мусора, который был повсюду, но все, же являлся дефицитом в этом месте. Только в середине трущоб-

ного мегаполиса возвышался старый, посыпавшийся и с богатой паутиной трещин, дворец, в котором сегодня и заседает орган управления всем континентом – Совет Синдикатов. Этот дворец не был подобен прекрасному великану, который возвышается посреди уродливых и гнилых трущоб. Скорее старому и полусгнившему дереву посреди трухлявых пней, который постепенно гниет и осыпается, вливаясь в местные трущобы.

Дворец построен в обычном восточном арабско-аравийском стиле из камня и всевозможного мусора. По своему убранству и декору он полностью уступал дворцам в Объединенной Аравии, но то развитее государство, а тут люди крыс едят. Хоть и Аравийский полуостров пережил войну, но из горнила войны он воскрес в новом величии, а здесь этот серый, убогий и рушащийся «дворец» стал самым настоящим произведением искусства, с башнями и небольшим прудом внутри, в котором была вода коричневого цвета от ржавчины и грязи в трубах.

Клановый Советник с опаской пробирается по трущобам к дворцу, временами с боязнью оглядываясь по сторонам. Советник опасался нападений, даже, несмотря на личную охрану. Он и его стража одеты в более приличную одежду, нежели большинство жителей трущоб.

Советник – обычный негр, выходец из юга, худощавого телосложения. Вокруг него шли четыре человека – его охрана. Они в буквальном смысле слова пробиваются сквозь кри-

вые улочки трущобного городка. Им на пути постоянно попадались нищие, голодные дети, проститутки, бомжи и прочие жители трущоб. Порой попрошайки и обездоленные кидались на советника, пытаясь получить от него хоть что-нибудь. Но быстрые штыковые ответы или очереди из стареньких АК-74 проредили ряды несчастных, и эскорт оставлял после себя лишь кровавый шлейф на гниющей земле.

Советник расхаживает уже довольно долго и его взору всегда представлялась одна картина: разбитые, покосившиеся трущобные домики, сделанные из мусора и кучи отходов, как и обычных, так и биологического происхождения возле которых роились тысячи мух, чьё бесконечное жужжание могло свести с ума. В воздухе витает стойкий запах разложения и гнили, человеческих экскрементов и вони от отходов. Запах нищеты и бедствия, уныния и вечного отчаяния просочился всюду. Если бы неподготовленный человек оказался бы в этих трущобах, то ему наверняка бы свернуло лёгкие и желудок от жуткого запаха.

Знатный мужчина завернул за угол и вышел напрямую к дворцу. Он увидел, что дворец окружён сетчатым ржавым забором, а само здание находилось на небольшом возвышении, и советник мог увидеть, что у дворца уже копошатся люди: множественные наёмники и клановые солдаты, охранявшие своих хозяев, вооружённая стража дворца проверяла убогие документы, многие нищие, которых позволяли подпустить, плача вымогали на коленях милостыню. С самого

дворца свисало несколько религиозных стягов. Так же у главного здания стоит множество старых, из давно минувших эпох, машин. Неокрашенных, ржавых и еле работающих автомобилей.

Советник уже более уверенным шагом подошёл охране дворец и быстро дошёл до первого поста охраны.

– Стоять! – махнув рукой, сказал бравый солдат, на котором самые обычные лохмотья – майка рваная, изодранные шорты и старые сандалии. Он был довольно невысокого роста с суровым лицом и единственное, что говорило, о том, что он – воин, это старый РПД через плечо.

– Ваши документы! – пренебрежительно потребовал воин.

– Хорошо, вот они.

Советник вытащил старые скомканные пожелтевшие бумаги и подал их воину. Тот некоторое время сверялся с ними, а потом всё же пропустил советника.

Советник вошёл во дворец. Но он даже не успел насладиться его скудными видами, советника тут, же окликнули.

– Вы опаздываете.

Советник быстро развернулся в поисках источника голоса.

– Простите, а вы кто?

– Я представитель западного синдиката, – сказал довольно высокий мужчина арабской внешности.

– Да, простите, трущобы, – извинительно ответил Совет-

ник.

– Понимаю, а теперь давайте пройдем в зал совета и займем свои места, а то заседание уже скоро начнется.

Два человека пошли на второй этаж. Они дошли до огромной залы, где в полукруге на обычных полуразвалившихся разных стульях сидят множество человек. Эти двое, с одобрения остальных, прошли и заняли отведенные им места.

– Мда, здесь собрались представители всех синдикатов. – Послышался слабый, едва слышимый голос, наверное, обращенный к определенному человеку.

Советник своего клана впал в размышления о синдикатах, на которые он работал всю свою жизнь. Синдикаты Африки. Эти образования чем-то сменили государства. Вначале это были объединения людей, которые хотели выжить и приумножить свои ресурсы и богатства посреди того ада, причём их методы были далеки от идеальных. Убийства, массовый террор, подкупы, подсаживание на наркотики и прочие жуткие методы получения власти стали их союзниками. Потом, преступные объединенные синдикаты, начали набирать могущество, сметая врагов и поглощая более слабые преступные банды. И через некоторое время над Африкой установилась власть пяти Гиперсиндикатов. У них не было названия, лишь обозначения сторон света. Западный синдикат на западе, восточный синдикат на востоке, южный синдикат на юге, северный синдикат на севере и центральный синдикат в центральной Африке и нет им противовеса на своих

территориях, кроме единственного.

Они не являются единственной властью в своей территории, ибо сильнее их всех таинственная религиозная организация, что безраздельно властвовала над всей Африкой, даже диктуя свою власть синдикатам. Предтечи синдикатов – это банды преступников, которых они пускают вперёд, как собак на охоте, а сами они это преступный террор и насилие. После себя эти кланы оставляли только разорение и шлейф из трупов.

Но что было на другой стороне? Эти синдикаты стали чем-то вроде гнилого света в крошечной тьме. Именно они дали работу десяткам тысяч людей и обеспечили кое-какую стабильность на своих территориях. Именно та самая церковь объединила людей, предотвратив многие религиозные войны, уносившие тысячи жизней. Они стали тем самым идеалом, для разодранной земли, последней надеждой. «Если не синдикаты, то никто» – как звучало в одной из африканской проповеди.

В зале полукругом стояли стулья, а ближе к центру на самодельных тронах сидели представители глав своих синдикатов со своей свитой, а посередине трон с пожилой женщиной.

Это женщина была главой Совета. Её мудрость, по рассказу с ней общавшихся людей, была безгранична. И сейчас она говорит речь, голос этой пожилой женщины был по-старчески слаб, но в тоже время он был переполнен глубиной и она

спешит изложить мудрость, как ей кажется:

– Братья и сёстры. Сегодня мы собрались на этот совет, что б решить, как жить дальше. Решить, каковы же будут наши дальнейшие действия. Богатый север – наша цель. Там народ живёт в достатке и благополучии, пока наши народы пухнут от голода и умирают от жажды. А по этому...

Её слова прервала внезапная очередь из автомата, раздавшаяся вне зала. Несколько охранников бегом встали у двери. Многие члены совета со страху подпрыгнули со своих мест. На их лицах появилась маска недоумения и ужаса.

Послышался звук гранаты, катившейся по полу.

Мгновенная вспышка всех ослепила, и оглушил пронзительный писк в ушах. Все тут же зажмурились и прикрыли уши. Когда все члены совета смогли прийти в себя, то они увидели убитых охранников и двадцать солдат в броне спецназа с нашивками полк–ордена, которые стояли посреди всех как таинственные и молчаливые призраки, окутанные саваном ужаса.

– Что вам нужно? – дрожащим голосом спросил один из советников.

Никто не ответил. Один из солдат активировал устройство у воротника и заговорил:

– Брат–Капитан, отделения «снегирь» и «воробей» заняли дворец, что делать с пленными?

Из бусинки на воротнике послышался статичный шум помех, и слова:

– Взять представителей синдикатов и доставить их в Рим, а остальных оставьте там. Они нам не нужны. И выбирайтесь оттуда как можно быстрее.

– Да, Брат-Капитан, – отчеканил боец, и активно жестикулируя, стал раздавать приказы.

Рим.

Командор медленно оторвался от информативного листа, из которого узнал про операцию, и принялся за сбор личных вещей. На его лице вновь пробежала печаль, так как каждый подобный лист заставляет его впадать в некое подобие меланхолии, ощущение беспомощности перед возможностью впасть в подобное состояние общества Мысль о том, что надо действовать против людей, которые голодают, умирают и захлёбываются от болезней и нищеты, была поистине чёрной и жестокой, отягощающей душу.

Он достал из угла небольшую сумку, необходимую для сбора вещей, необходимых для командоров. Мужчина аккуратно стал складывать документы, одежду, личные и вещи и просто некоторые мелочи, как вдруг засветился старый электронный планшет, мирно лежавший на столе, возвещающий о том, что он кому-то нужен. Хозяин кабинета неохотно обратил на него внимание. Он медленным шагом направился к мигающему устройству, небрежно его взял и просмотрел пришедшее сообщение, вызвавшее отягощённую ухмылку и, отбросив сборы, подойдя к дивану, на котором брошена чёр-



ная кожаная куртка, накинув её, покинул аванпост как можно быстрее, стараясь не попадаться на глаза кому-либо из полк-ордена.

Тишина ласковой дланью накрыла Вечный Город, создавая в нём свою, мистическую атмосферу величественного покоя. Как только Командор покинул пределы аванпоста, оказавшись посреди бала из бетонных коробчатых зданий и стареньких эпохальных домиков, его накрыла ночная, особенная прохлада, которая только усиливает ощущения от странного шарма сумерек. Город почти целиком спит, так как это обязанность простых граждан, описанных в законах, и призывающая к отдыху в ночное время, а если какой человек, независимо от возраста появится на улицах города в сонную пору, не обременённый службой отечеству, то его задерживали и принуждали к штрафу, за «нарушение ночного порядка, оберегающего от мерзопакостных посягательств на жизнь и честь».

И ступая по улицам города, сжимаемые джунглями из бетона, Командор старается быть максимально осторожным. Несмотря на принадлежность к полк-ордену, защищающей от действий таких законов, он не особо хочет ввязываться в разборки с служивым людом, которого на дорогах Рима тьма.

Всюду в городе висят плакаты и стяги, посвященные Рейху, так и бьющиеся своим однообразным разнообразием в глаза. Все они такие разные – алые, чёрные, серые, зелёные,

с разными надписями, но смысл всего сводится к единственному – гражданин до смерти обязан служить Империи.

Мужчина ощущает, как в воздухе витают приятные, но стойкие запахи благовоний, напоминающие о таком акте Круга Кардиналов – «Санкта Кардиналь» «О становлении храмовой атмосферы за пределами храмов, что принесёт в уличный быт чувство морального долга и праведности».

С некоторых колонок тихо, стараясь не нарушать сна граждан, пелись молитвы церкви и Культа Государства, что кажется весьма милым и успокоительным. Командор мельком заметил пару служителей министерства Ночного Покоя, которые следит за тем, что в тёмное время суток было не слишком громко и спокойно. Их главной целью является, чтобы граждане не нарушали своего сна и безмятежно отдыхали перед тяжёлым трудовым днём.

Командор прошёл несколько улиц, которые вывели его к небольшой, даже миниатюрной, часовенке, в окнах которой плавно горит свечной свет. Строение довольно простого оформления – квадратной формы с белоснежными стенами, на которых мозаика с изображением ангелов. В небо устремлялся всего один острый, готический купол.

Командор покорно совершил крестное знамение и вошёл в часовню с чувством благоговения. Он аккуратно отворил скрипучие деревянные двери и прошёл за пределы стен. Внутри спокойно, горят маленькие свечки, от которых мягкий свет слабо заливает помещение, позволяя теням пля-

сать на иконах святых, которые сурово, но милосердно взирают на Командора. В часовне приятно пахнет ладаном, но это были не те резкие и приторные благовония, что разжигали на праздниках сторонники Культа Государства. Командор с омерзением вспомнил, что по специальному указу министерства Радости и Ликования Культ Государства и Имперор Магистратос были обязаны на праздник разжигать благовония, подмешивая в них специальные травы, чтобы народ сильнее веселился и радовался празднику. Империял Экклезиас же такой участи избежала, надавив на то, что при общении с Богом нужен чистый разум и не отравленная воля, с чем согласились остальные.

Насладившись запахом в часовне, Командор стал молиться у икон. Он тихо прищёптывал слова молитв, как через несколько мгновений за его спиной появилась довольно рослая фигура, в чёрном монашеском балахоне.

– Ми ждали тебя, – тяжёлым голосом, как бас пропитого капитана, человек с французским акцентом обратил внимание молящегося.

– Я знаю, спускаемся?

– Да.

Два человека подошли к углу часовни и, громко кряхтя, оттащили небольшую гранитовую плиту и едва только она откинута в сторону, по носу сразу ударил запах погребной сырости, а перед мужчинами открылся проход вниз.

Первый полез Командор, он по лестнице спустился в

небольшой тоннель, отделанный камнем в мрачном стиле средневековых подземелий. Вторым тут же спустился человек в балахоне, тяжело подтянув за собой плиту, дабы не привлечь ненужных гостей. Электричество сюда не проводится, отчего тоннель освещён многими факелами, которые расставлены на стенах. Но всё равно свет в тоннеле довольно тускл, и по ходу пути Командор то и дело щурит глаза от нагнетающей световой обстановки.

Они прошли по прямому пути, никуда не сходя, потом разом свернули вправо – единственный поворот и попали в небольшое прямоугольное помещение, оказавшееся довольно простым. Стены, выложенные из потрескавшегося красного кирпича, невысокий потолок, большой прямоугольный камень, похожий на огромный строительный блок по пояс рослого человека и несколько факелов на стенах, отчего здесь свет был намного ярче и глаза так сильно не напрягались.

У камня возвышаются два человека: один, пожилой, в кремовом балахоне от которого веяло благовониями и второй, высокий мужчина средних лет, в плотно прилегающих к телу чёрных одеждах, стилизованных под костюм отдающей периодом Нового Времени.

– Послушник, Дюпон, можете вернуться к службе в часовне, – строго выпроводил человек в Кремовом балахоне лишнего.

– Да, ваше святейшество, – последовал ответ, произнесён-

ным вдохновлённым голосом, после чего послушник развернулся и пошёл прочь из помещения.

– Ваше Святейшество, – сказал Командор, преклонил колено и поцеловал ладонь старика, после чего встал и задал вопрос. – Ох, сам глава Империял Экклесиас, к чему такое почтение? Зачем я, недостойный раб Божий, вам понадобился в столь поздний час?

Рядом два человека стоявших у камня, мимолётно переглянулись. Старик кивнул второму и тот перешёл к изложению мыслей, медленной, размеренной речью:

– Ох, сын мой, я здесь для важного дела. У нас есть одна проблема, которую может решить твой полк-орден.

Командор некоторое время стоял, молча, думая какие слова подобрать, дабы не обидеть таких высокопоставленных персон.

– Верховный Инквизитор, Верховный Отец, простите, но у полк-ордена сейчас много забот... и через некоторое время, я уверен, их станет ещё больше. – Неуверенно, но стойко ответил Командор. – Почему бы вам не подать официальное прошение?

– Во-первых, – по-старчески неторопливо начал Отец. – Любое прошение отслеживается министерством Отслеживания Переговоров между Департаментами Власти, а мы хотим, чтобы наша операция была скрыта от ока Рейха. Во-вторых, нам и не понадобится помощь всего полк-ордена, скорее только твоя и связана она с решением твоей пробле-

мы... отчасти, если ты, конечно, захочешь помочь нам в миссии богоугодной, – прервался Верховный Отец, но подняв руку на собеседника и указав на стоящий перед ними валун, сказал. – Поверь, Командор, я могу многое. Карамазов, объясни ему.

Верховный Инквизитор слегка кивнул. Он приблизился к камню и выложил из сумки несколько листов, фотографии и карту.

– У нас появилась проблема, которую нельзя решить обычными методами. В Территории Великая Пустошь возникла группа сектантов, которую надо немедленно ликвидировать.

– А почему туда нельзя направить отряды Трибунала или армии? – удивился Командор.

Верховный Инквизитор слегка усмехнулся и ответил:

– Потому что нам надо поддерживать миф в то, что вера, насколько в Бога, сколько в Канцлера – непоколебима, а поэтому нельзя прибегать к методам, которые могут вызвать излишнее внимание или привлечь ненужных свидетелей... от которых потом избавляться. Нам нельзя пошатнуть веру в рядах служащих.

– И насколько распространилась эта ересь? – спросил Командор.

– Эта секта в пределах одного суперзавода... мунуфактория, если говорить технически.

– А, что они исповедуют? – вьелся Командор.

– Они пытаются распространять учение, о каком–то многобожии, – поморщился Карамазов. – Я не особо знаю всю тематику их учения, нам хватает этого, чтобы обвинить их в ереси и сжечь тех еретиков.

Командор стоял с некоторым недоумением, и вот он задал главный вопрос:

– А почему вы считаете, что я вам помогу? Я не вижу пока, как связаны еретики с моей жизнью, чтобы я назвал эту проблему своей

Верховный Отец посмотрел на Командора своими серыми и усталыми глазами, зажав серую длинную бороду, тяжело и устало выдохнув.

– Командор, я ещё помню, как во время Корсиканского Крестового Похода ты взял на себя командование храмовниками, когда убили их капитана и капеллана, я помню, как ты повёл их в бой, я знаю, что ты будешь лучшим в предстоящем бою. Пойми, почти все наши войны и умелые командиры готовятся к Крестовому походу на Иберию, на её север. Ты нужен нам по тактическим соображениям.

В глазах Командора не пробежало и искры, он остался таким же железным и непреклонным, безразличным к сказанному Верховным Инквизитором.

– Простите, я просто не обязан вам помогать, пусть даже по молодости и спас парочку новобранцев, – сухо отчеканил мужчина и так же холодно добавил – Я живу почти полвека, как и вы, господин инквизитор, и не горю желанием сложить

голову на одном из полей не угасшей войны. Знаю, что должен выполнить сие священный долг, но работа на полк-орден избавляет меня от этого.

– Командор, вы позволите этой ереси расползтись, несмотря на то, что давали клятву служить Рейху?

– Верховный Инквизитор, – заофициальничал Командор. – Я тоже немного знаю о положении дел в Рейхе. Знаю, что силы храмовников растянуты по всем регионам, в целях усиления власти и присутствия Империял Экклесиас, а Инквизиция работает на пределе, пытаясь уничтожить еретиков, которые в последнее время повылезали из всех нор. Не так ли, господин Верховный Инквизитор? – уже снизошёл до дерзости парень.

– Командор, ты забываешься, – громко, но не без присущей всем инквизиторам угрозы, стал напирать инквизитор. – В какой из наших операций тебя поразила ересь сопротивления духовной власти Империи? Не будь с тобой мы знакомы, тебя казнили как еретика...

– Обожди, Карамазов, – по-старчески тяжело выдохнув, прервал будущий спор Отец. – Прости, ради Бога, нужно было мне начать не со всего этого. Бес попутал. Естественно, твоё право, нам не помочь, но я могу обеспечить амнистию двум заключённым, которых ты оттуда выведешь. Карамазов, давай.

Мужчина недоумевающим взглядом посмотрел на старика, который таинственно примолк и обратил взор на инкви-



зителя.

– У меня есть достоверная информация о том, что там работают, на этом мунуфакториати, двое заключённых: Сцилла и Марк – твои друзья и насколько я помню, не давшие тебе умереть с голоду во время Римского Престола.

Командор мгновенно поник взглядом, отразивший огонёк мрачной надежды, вгрызшейся острыми устремлений зубьями в душу. Мужчина знает, что готов пойти ради их спасения на всё, лишь бы оплатить моральный долг за кров и еду в то беспокойное время. И единственное, что остаётся Командору – ухватиться за небольшую веточку, соломинку спасения, потянув за которую он способен выручить тех славных людей, поплатившихся за право быть свободными.

Он подошёл к камню и склонился над листами, став их аккуратно рассматривать, тщательно исследуя каждую бумажку, каждый доклад. В его взгляде была невероятная печаль, перемешанная с искрой надежды.

– Ну, сын мой, твой ответ, – требовательно воззвал иерарх церкви с блеском в глазах. – Поверь, по волей Божий, мне дана власть их отпустить. Я составлю «Свидетельство об искуплении» и им будет дана воля... об этом тебе говорю я – Верховный Отец, а не кто-то из моих помощников. Вот тебе моё слово, сын мой.

– Да, будь вы прокляты, я готов, что нужно делать? – сокрушённо спросил Командор, позволив себе страшное преступление, на которое никто внимания не обратил – про-

клясть слуг Империял Экклесиас значит навлечь на себя истязания и анафему, но сейчас не до этого Великому Отцу.

На лице Отца пробежала лёгкая улыбка, от удовольствия, вызванного тем, что он добился, однако поняв получше суть ситуации, убрал с лица самодовольную ухмылку. Постояв несколько мгновений в тишине и поглаживая бороду, Верховный Отец заговорил, излагая детали:

– Ты в автомобиле Верховного Инквизитора доберёшься до аэродрома, где тебя будет ждать двухместный реактивный сверхскоростной самолёт. Оттуда ты долетишь до Великой Пустоши. На месте тебя будет ждать Верховный Инквизитор со снаряжением, который доберётся другим самолётом, а оттуда вы доберётесь до объекта. Всё понял.

– Да, ваше святейшество.

Около пяти часов утра. Великая Пустошь.

Это великая пустошь – огромная территория, на которой почти не было городов. В центре Пустоши существует огромная радиоактивная пустыня, в которой жизни нет до сих пор. Но некогда это был цветущий край центральной Европы.

В период войн первого Канцлера, когда ковался Новый Рейх, на этой территории существовал большой союз, на месте Австрии, Венгрии, части Чехии и части Румынии – Конфедерация Свободных Народов, в суматохе и отчаянии собранная из нескольких мелких стран, сплотившихся перед

неминуемой гибели от имперского меча. Эти государства сумели объединиться, во время ада и кризиса, но момент истинного наступил, прежде всего, перед лицом угрозы наступления Канцлера. Их пугал новый каменный мир, который несёт с собой новый владыка, одержимый идеей объединить все земли, которые сумеет и возродить древнюю империю золотого орла. Армия Конфедерации была довольно натренирована, обучена, экипирована и сильна, и ни в чём не уступала войскам Рейха. Канцлер терпел большие потери, не продвигаясь порой даже на йоту, и в один момент перед ним стояла реальная угроза потерять армию и проиграть грандиозную войну, но он не мог себе этого позволить, ибо его армия непобедима, а перед силой нового Рейха должен склониться каждый или ум. И тогда правитель решился на отчаянный шаг: он применил атомное оружие. Несколько ядерных боеголовок сокрушили и дух сопротивления, и государство, и армию врага. Но и цена этому была велика. Вся территория превратилась в пустыню с редкой растительностью и разрушенными городами, а так же заражённой землёй, водой и воздухом. Через некоторое время стали рождаться мутанты, люди стали гибнуть от лейкемии или лучевой болезни. Единственным напоминанием о бурной жизни, кипевшей в этих землях, готовы были оказаться чёрные руины разрушенных городов, что становились ещё чернее в кислотных дождях, будто предупреждая любого о том, чем может закончиться спор с Рейхом.

И люди стали массово покидать эти земли. Край стал превращаться в безлюдный клочок земли и грозил вообще опустеть, но и тут Канцлер нашёл решение, которое было в духе Рейха и всей карательной системы – ссылка.

Великая пустошь стала огромной территорией для ссылки заключённых и осуждённых, но их не просто сюда выслали. По всей Территории было построено множество заводов невероятных размеров, колоссальных промышленных городков, или фабрик размером с половину квартал и высотой как десятиэтажный дом. Такие постройки называли – мунуфакториатий. На этих огромных заводах производили многие вещи в массовом количестве: от мелкого ширпотреба для граждан до больших каркасов, предназначенных этим самым заводам..

Главное, что было неестественно для Рейха: там многим заключённым даруют некоторую степень свободы, и поэтому складывалось впечатление, что на заводах работают люди, похожие на обычных работников, нежели на заключённых, на сон спускавшиеся в огромные подвалы монументальных фабрик. Провиант, инструмент и одежду этим людям привозили время от времени из других областей Империи. Единственным напоминанием о заключении являются охранники, в старой военной форме и автоматами из давно ушедших времён. Но тут и некая свобода окупалась по-своему. Здесь труд и экологическая обстановка полностью забирали здоровье человека, превращая его в иссохший и болезнен-

ный, но в тоже время до некоторой степени ещё живой труп. Каждый человек, попадавший в эту тюрьму, редко проживал тридцать лет. Средний срок жизни в мунуфакториатиях исчислялся десятком годов.

И даже несмотря на беспросветную и мрачную обстановку вкуче с огромной концентрацией ненависти к Рейху здесь продолжают вести проповеди Империял Эклесиас и Культ Государства. Везде и всюду каждый человек, несмотря на своё наказание и вечное проклятье со стороны Рейха, должен был свято чтить Канцлера, ибо как было сказано в Фолианте Гражданина: «Даже отвергнутый сын или дочь Рейха, поправшие ласковый свет Солнца, должны свято чтить его и любить как Бога Канцлера своего. Если же они отвергают и эту любовь, то пускай жизни лишатся». И каждый, будь то обычный заключённый или начальник мунуфакториатия должны безгрешно следовать постулатам и моральным догматам Рейха. И если человек отказывался их чтить, то его подвергали «Очищению Трудом». Осуждённому вкалывали специальные наркотики и стимуляторы и заставляли работать до такой степени, пока его мышцы не отделятся от костей. Таков был суровый закон Рейха, основанный на идеальном почитании морали и преклонении перед отечеством.

Однако, помимо огромных мунуфакториатиев на Великой Пустоши сохранялось ещё несколько малонаселённых городов, ставших символом стойкости Рейха и знака того, что государство отсюда никуда и не думает уходить и его все-

видящее око не оставит в темноте ни одну пядь земли. Но эти городки скорее смахивали на большие деревеньки разросшиеся сёла нежели города, построенные для персонала Имперор Магистратос и инфраструктуры. Но далеко не каждый жаждет попасть в это место. Для чиновника или служащего Рейха быть назначенным сюда, значит потерять жизнь впустую и без перспектив под постоянным серым небом и бесконечными кислотными дождями.

Служащие Департаментов Власти – частые гости тут, а вот полк-ордену редко удаётся побывать в таком славном месте, как Пустошь, но кто-то достаивается такой чести по настоянию высших чинов Рейха, и не всегда это было официально, однако даже Командор, летящий спасти друзей, не рад, что попал в радиоактивный ад. Пока он пролетал над Великой Пустошью, успел насладиться её бесконечными радиоактивными пейзажами и чёрным песком вдоволь, помянув в памяти царство чёрта. На месте его встретила тактическая группа во главе с Карамазовым, и они начали своё продвижение к огромному заводу–тюрьме. По пути разразился напористый кислотный дождь, превращавший почву под ногами в тугую жижу, но всё же через двадцать минут группа дошла до места назначения.

Этот мунуфакториатий располагался в абсолютной пустоши. Четыре километра в длину, один километр в ширину – объёмы и размеры постройки внушают трепет перед размахом архитекторов Империи. Гигантские чёрные трубы ухо-

дили высоко в небеса, выбрасывая в небеса тонны смольного смога. Железная, серая обшивка блестит на кислотном дожде, противопоставляя ему специальное покрытие, чтобы отравы с небес со временем не размывала стены завода.

К заводу ведёт всего одна дорога, идущая от городка. Завод располагался в котловане из насыпи из радиоактивного серого и безжизненного песка. Сетчатый забор полностью обступал завод по периметру, имея «Т – образную» форму. Перед гигантскими главными воротами завода устроился огромный двор, на котором и выгружались грузовые машины, привозя нужный провиант и инструменты, и в тоже время забиралась продукция, произведённая рабским трудом на заводе. Так же на этой площадке, в углу, практически у забора, располагалась и двухэтажная башня связи, блестящая под дождем, как и весь завод. Периметр усеивали множественные фонари, полностью освещавшие местность. Вся асфальтовая площадка перед заводом так же блестит от дождевой влаги, а сама обшивка звенит барабанной дробью под плотными ударами дождевых капель.

Однако тех, кто сюда пришёл карать, не интересуют пейзажи мрака и технологического превосходства Рейха над соседями. Командор лежит, спрятавшись за насыпью, буквально слившись с чёрным песком, благодарю вороному цвету доспеха. Некоторые движения даются несколько тяжело, ведь на нём было стандартное обмундирование полк–ордена: боевые сапоги до колен, усиленный боевой комбинезон,

укреплённый бронезилет, бронированные наручи и перчатки, шлем – маска с противогазом и модифицированный АК – 899, боевой пистолет, удлинённый боевой нож.

С ним присутствует ещё одиннадцать человек: три тактических звена храмовников Корпуса Веры, Верховный Инквизитор, который добрался на другом самолёте, и Теневик Антоний, которого Командор прихватил с собой.

Отделения были размещены по разным сторонам к заводу, для улучшенного наступления на двор.

– Теневик Антоний, доложите обстановку, – потребовал Командор.

– Да, Командор. Помимо основного входа в завод есть ещё три запасных. Открыть бесшумно их я не смог, замки электронные. Сейчас скину координаты входов вам на дисплей. Так же вокруг завода я не обнаружил охраны.

Сию секунду сквозь статические и шумовые помехи, производимые дождём, послышался ответ.

– Спасибо, Теневик. Можешь возвращаться к своему отделению.

Воин от полк-ордена сверил время на дисплее, посмотрел на координаты. Вдруг заработала рация и мужчина активировал её, нажав на бусинку у шеи.

– Командор, докладывает Верховный Инквизитор, отделение Теневика «Сумрак», моё отделение «Благочестие» готово к наступлению. Как ваше отделение?

– Инквизитор, докладываю: моё отделение «Молот» гото-



во к наступлению.

– Да, Командор. Что ж, пора совершить молитву нашему Канцлеру, – послышался в эфире голос старшего храмовника.

Под маской лицо Командора исказилась в некотором отращении, но он все, же спокойно спросил:

– Это нужно?

Ярый последователь Империял Экклесиас тут же импульсивно ответил:

– Это непременно необходимо!

После чего наступило мгновение молчания, но храмовник тут, же начал зачитывать молитву и все стали повторять за ним в унисон:

– Dei nos, сохрани и спаси наши души. О, Великий Канцлер, отец народов могучего Рейха и повелитель миллионов жизней, направь нашу руку в предстоящем бою. Великий Канцлер, император наш, сохрани жизни наши в бою предст...

Командор неожиданно прервал молитву Инквизитора.

– Тише, что-то случается у завода.

Боец Корпуса Веры с огромной долей ярости возмутился:

– Какое богохульство, как ты смеешь.

Командор резко и грубо ответил:

– Да, посмотри ты во двор!

У завода начиналась нечестивая месса. Огромные ворота завода распахнулись уподобившись пасти страшного зверя,

губящего сотни жизней, и из здания стали извергаться толпы людей, опьянённых низменно возвышенным ощущением сопричастности к чему-то великому. Вся процессия проходила под дождём, отчего одежды идущих постепенно становились мокрым тряпьем. Во главе неё расхаживает фигура в чёрном монашеском балахоне, размахивая перед собой неким подобием кадила. Следом плетётся начальник мунуфакториатия, держа в руках бурый штандарт, на котором размеренно колышется четыре вертикальных полосы. За ними пробираются люди толпою, одетые в обычную оранжевую униформу рабочих–заключённых, распевая при этом странные гимны и молитвы, так же рядом с ними шли охранники, ведя с собою пятерых пленных. Выйдя на площадку перед заводом, нечестивая толпа поставила впереди себя «жертвенных баранов» Несколько человек несут с собою переносные столбы – пять штук по одному на каждого пленника, которых вот-вот прикуют цепями к холодному металлу.

Командор стукнул по визорам, крепившимся на том месте, где выемки для глаз и на маске и изображение быстро увеличилось в четыре раза, позволив тщательно пробежать глазами по площадке, что вызвало активные комментарии в эфир:

– Вижу охрану, начальник завода,... похоже, теперь все пять тысяч рабочих на стороне культа... стоп...

Мужчина мгновенно заметил их лица. Глаза зацепили разбитые, иссушенные и обескровленные лики Сциллы и

Марка. Их лица бледны и изнеможены, а тела, которые еле прикрывают трепещущиеся на ветру рваные балахоны, украшены множественными ссадинами и синяками. И никто не увидел, как ярость охватила дух Командора, исказив его лицо в гримасе отвращения и неукротимой злобы, полившейся за пределы маски брони.

– Отделение «Молот» приготовиться в атаку! – в порыве гнева яростно воззвал Командор.

– Стоять. Всем сидеть на месте! – строго, чуть ли не рыча, отдаёт контрприказ Карамазов.

– Ты что!?! Эти проклятые еретики их казнят их сейчас! – возмущённо орёт в рацию парень. – Нужно ударить сейчас!

– Командор, не следует идти слепо в бой. Наша защита и оружие, что дарованы Канцлером, безупречны, но не всемогущи. У них численный перевес и где гарантии, что при моём появлении они тут же не казнят пленников? – Спокойно сказал Инквизитор.

– Что ты предлагаешь? – голос Командора из яростного покрылся дрожью и хрустальным ропотом, что вызвало у инквизитора опасения насчёт успеха операции.

– Ты, я и твой Теневик тихо пройдем в завод, а старший храмовник Дециан с остальными отвлечёт и оттеснит еретиков к мунуфакториатию... главное, чтобы они не увидели инквизиторской печати...

– Почему?

– Все знают, что Корпус Веры убивает сразу и быстро, а

инквизиция за каждое преступление пытается... и увидев они меня, избавятся от пленников, как от свидетелей более глубокой ереси... так что осторожнее.

Командору нечего было противопоставить здравому плану Карамазова, лишь безумную и сумасшедшую атаку в лоб, которая будет, скорее всего, встречена ураганным огнём. Рация снова зашипела, и оттуда донеслись команды Верховного Инквизитора:

– Командор и Теневик, скрытно продвигайтесь точке «А», я отметил её у вас на дисплее. Старший храмовник Дециан, берите командование тремя звеньями храмовников и продвигайтесь к станции связи. Огонь только по моей команде.

– Так точно, господин Верховный Инквизитор, – послушался храмовник.

Теневик и Командор стали спокойно, но, не выдавая своего присутствия стали продвигаться к тому месту, на которое им указал Карамазов. У входа на территорию, на пропускном пункте никого нею, все были на нечестивой процессии, забыв оставить охрану запямятовав в наркотическом угаре о запасных проходах, а поэтому три наступавших бойца с лёгкостью проникли во двор мунуфакториатия.

Командор и Теневик пришли первыми к необходимому месту. Это оказался один из запасных выходов из завода, представленный массивной чугунной дверью с электронным замком. На самой двери был отчеканен герб Рейха, который был буквально исполосован и залит краской. «С какой же

жестокостью, яростью и фанатизмом надо было его пытаться его выводить?» – Подумал про себя Командор.

Буквально через минуту к ним подбежал Карамазов. С его блестящей и мерцающей от бликов немногочисленных работающих фонарей, брони плавно стекала вода, от чего он становился похож на высокого мистического воина, стоящего на фоне рассветного горизонта, укутанного в толстенный слой синюшно-свинцовых туч. Но это был не более чем эффект, рождённый в холодном свете фонарей, каплях кислотного дождя и особенностях восхода солнца во время бури. В отличие от двух своих спутников он предпочёл сражаться более традиционным способом, ссылаясь на архаичность и плохую оснащённость еретиков. В правой руке он несёт длинный полуторный меч с блестящим лезвием, а правой сжат полуавтоматический пистолет, стилизованный под оружие семнадцатого века.

Эта архаичность была присуща только Командору, и порой даже в разговорах Великий Отец называл сына полк-ордена и Карамазова братьями по духу. И действительно, они были во многом схожи. Оба так же мрачны, умны и яростно преданны своему делу. Только Великий Инквизитор всегда предпочитал оставаться спокойным и следовать рассудку, а Командор зачастую отдавался во власть эмоций, превращаясь в пламенную машину фанатизма.

– Ну, вы готовы? – хладно спросил Карамазов.

– Мы здесь не пройдем, – беспокойно начал Антоний. –

Нам нужны электронные ключи.

– Вы готовы? – снова уже требовательно спросил инквизитор.

– Да, – с нетерпением ответил Командор. – Скорее.

– Старший храмовник, – обратился инквизитор по рации. – Приступайте к захвату башни связи и оттесните этих еретиков обратно к мунуфакториатию. После того как захватите башню, передайте ближайшему расположению армии Рейха, что нам нужна поддержка.

Сквозь статику и треск помех послышалось:

– Так точно, господин.

Инквизитор выключил рацию и тут же мгновенно достал пластиковую карту, приложив её сразу к замку, и мгновенно отворил дверь. Где-то вдали послышался отчётливый звук беспорядочной пальбы и крики агонии. Видимо отступники были не готовы к встрече с натренированными храмовниками. Но прислушиваться к бою было некогда, каждая секунда была на счету. Командор тяжело отворил массивную и скрипучую дверь, позволив проникнуть всей команде внутрь.

То, что они увидели дальше, шокировало бывалого Теневика, храброго Командора, но не инквизитора. Пройдя по небольшому коридорчику, они вышли на пространство производственного этажа. Всюду оказались бесчисленные конвейеры, число которых не поддавалось исчислению. Во взгляд постоянно попадались рабочие места, явно брошенные в спешке. Там, где должны были висеть флаги Рейха,

на тех местах свисали уродливые и грязные полотнища ткани, на которых черным цветом, нарисованы четыре вертикальных полосы, а над ними круг. Всюду на стенах попадались надписи, накарябанные гвоздями или нарисованные краской. Надписи больше напоминали несурязицу из опусов сумасшедшего: «Четверо с тобой, они залог нашей свободы», «Око мудрейшего учителя, что дал нам свободу, следит за тобой», «Не согреши против догм, ибо осквернишь свободу» Всюду, куда не смотрел Командор, он видел лозунги, в которых была слово «свобода», похоже, люди настолько помешались на этом понятии, что были отдаться ему в рабство, а так же полностью отдаться в собственность тому, кто обещает дать «свободу».

Но не это самое страшное. Среди конвейеров и рабочих мест виднеются отрубленные изуродованные головы, насаженные на пики.

– Вот посмотрите! – завёл Карамазов. – Так поступают с теми, кто не принимает гнилых посулов «свободолюбцев». И эти люди ещё нас обвиняют в немилосердии.

Весь пол запятнан липкой кровью, которая, как затем сказал Карамазов, пролилась во время бесчисленных жертвоприношений. Но во имя кого или чего? Неужто люди пытались спародировать те далёкие жестокие обычаи дикарей, которые во имя своих богов лили кровь невинных и при этом считали себя свободными? А может это банальная месть людей, чьи рассудки объяты жарким пламенем бреда?

Однако помимо отсечённых частей тела повсюду в муну-факториатии попадались множественные свечи, которые были расставлены в хаотичном порядке, будто попирая порядок. Пламя на удивление плавно горело.

В самом заводе стоит не запах машинного масла или работающих конвейеров, как можно было подумать. Непроницаемой стеной в помещении ходит жуткий запах низкосортных и мерзких благовоний и если бы не респираторы на инквизиторе и Теневике, и шлем–маска на командоре, то все бы давно от этого приторного запаха впали в состояние наркотического транса.

Командор оглядывается по сторонам и глубоко потрясён тем, на что способны безумцы. Его внимание привлекали не тысячи станков, конвейеров, рабочих мест или техника. Всюду и в невероятном количестве были символы «новой власти» – штандарты, свечи, фразы, благовония и отрубленные главы.

«Они стремились освободиться от гнёта Рейха, и в своём влечении к свободе стали маленьким подобием подражания и фанатизма. Их свобода и стремление к новому миру, превратилось в рабство к этой свободе и выродилось в фантасмагорию фанатичного и непреклонного почитания этой идеи. Они стали миниатюрным Рейхом, худшей его копией. Но они считают это идеальным. Разве жалкая фальшивка свободы является настоящей волей?» – Подумал про себя Командор.



– Нам необходимо забраться выше, – Вымолвил Теневик, прервав размышления своего командира.

– В этих мунуфакториатиях есть лифт, ведущий на наблюдательный пост, – не проявляя ни толики эмоций, отчеканил Карамазов.

Все замолчали и стоя переглядывались друг на друга.

– Нам нужен тот, кто будет следить за передвижениями сверху, – указал глава Инквизиции. И, смотря на Командора понимающим взглядом, добавил. – Теневик Антоний, займите место наверху и направляйте нас во имя Канцлера.

– Так точно, во имя Его, господин Верховный Инквизитор, – лихо и театрально отдал честь Теневик, смотря на рядом стоящего Командора, сгоравшего от жажды возмездия.

Карамазов остался на этаже один, разделив его со старым товарищем, и единственное, что он может сделать, так это осмотреться. Весь этаж представляет собой бесконечно длинный и запутанный лабиринт из конвейеров, хаотично расставленных, и видимо в спешке брошенных станков, которых было просто невообразимое количество. Стены суперзавода окрашены в серый металлик – цвет безысходности судеб тех, кто здесь оказался. Сам мунуфакториатий возвышался на несколько этажей, но только на первом этаже было расположено основное производство, остальные же – вспомогательные. На них могли жить охранники, священники, представители Культа Государства или просто храниться инструмент. Потолком представлена только крыша самого ги-

гантского завода, ибо центральное место остальных этажей было представлено пустотой, благодаря которой и просматривалась охранниками ситуация буквально на всех этажах. Посреди всего первого этажа стояло четыре колонны, которые явно не были изначально здесь. Сделанные из железа, и мистически поблёскивая под тусклым светом ламп, они высоко возвышались над всем этажом, подобно обелискам новой веры.

Верховный Инквизитор и Командор подошли к «новым памятникам» и инквизитор сию секунду присел и провёл рукой по полу у колонн.

– Бетонная крошка. Эти колонны поставлены недавно, – потерев пальцами, произнёс инквизитор. – Скорее всего, они хотели провести ритуал изначально тут.

– Что будем делать? – Командор посмотрел на товарища.

Карамазов ничего не сказал, лишь посмотрел куда-то вдаль. Потом, потерев эфес своего меча, указал на большой лист фанеры, который валялся у станка, буквально в трёх метрах стоящего от столбов. Командор его понял без слов. Они быстро спрятались за этим листом и стали ждать начала процессии, только изредка в полусидящем положении временами выглядывали из-за укрытия, высматривая противника.

– Командор, – спокойно начал Карамазов, развеяв напряжённую тишину. – Зачем ты решился нам помочь? Ты ведь мог этого не делать. Разве всё так важно?

На что Командор сокрушённо ответил:

– Это более чем важно. Те люди мне некогда спасли жизнь, и теперь я перед ними в неоплатном долгу. И я всё сделаю, чтобы их отсюда выволить.

Верховный Инквизитор бесстрастно спросил:

– Но ты, же приглядываешь за их сыном? Это разве не оплата за то, что они для тебя сделали?

– Понимаешь, – печально начал Командор. – Они для меня сделали больше, чем просто спасли жизнь. Они за мной присматривали как почти что за родным человеком... как за братом. Не дали мне ни пасть духом, ни разумом в тот момент, когда я потерял надежду на спасение. И моя обязанность по надзору за их сыном всего лишь маленькая толика того чем я могу хоть как-то загладить долг.

– Воспитали как родного, – монотонно повторил Карамазов. – А семья у тебя у тебя есть?

Командор чуть не поник душой от этого вопроса, но всё же он собрался и спокойно ответил:

– Моя семья осталась на севере, откуда я и родом.

– А что произошло? – пытливо спросил инквизитор, хотя сам был свидетелем тех событий.

– Ты же сам знаешь, – без ненужного формализма начал Командор. – Что тогда происходило. Европа была похожа на лоскутное одеяло, которое необходимо было как-то собирать, и в трубы единства пропел не только Рейх. То государство, что сейчас величает себя «оплотом прав и свобод», – с

неким отвращением произнеся название, Командор продолжил. – Тоже стало возникать из разрозненных ломтей. Но если первый Канцлер собрал своё государство железной рукой, основываясь на древней морали, то их методы были куда омерзительней, ибо они стали вбирать себя всю тьму той ночи. Пускай они обошлись без крови и насилия, но их методы куда омерзительней. Они начали большинство людей превращать в пустую, безмозглую массу потребителей, утопающих в безмерной похоти и безумии. Когда это всё началось, то я с несколькими знакомыми решил бежать оттуда.

– Что с семьёй?

– А семья ты спросишь? Они сами призывали меня бежать оттуда. Когда я их в последний раз видел, то им вменили административное правонарушение за «Оскорбление чувств сексуально отличительных в обществе людей».

Карамазов всё так же бесстрастно смотрел на своего спутника. И Командору показалось, что его друг только наделён одной эмоцией – праведным гневом, который тщательно сокрыт. Но вот он задал ещё один вопрос, после которого стало казаться, что человеческие чувства ему всё же присущи.

– Послушай, – как-то по-человечески и с явными нотками дрожи в голосе начал всегда холодный инквизитор. – Я знаю, что там происходило. Мы с семьёй жили в старой русской диаспоре, и там попал в самое пекло нового Содома. И потом этого навиделся при «Пакте Триады». Но не об этом... скажи, ты бы хотел вернуться к семье или обзавестись своей?

– Что прости? – с недоумением в голосе и выражением глубочайшего удивления, которое скрывала шлем–маска, спросил Командор.

– Я читал твоё личное дело. Ты живешь как старый отшельник – немного знакомых, всего один друг и в полном одиночестве.

Командор был несколько удивлён человеческой дрожью в голосе Верховного Инквизитора, которого он давно знал. В этом железном мире этот человек занимал особое место, ибо своей ледяной волей он решал судьбы тысяч людей. Своей незыблемой и каменной волей он руководил десятками тысяч инквизиторов, которые ежемесячно выносили более десятка приговоров. Именно этот человек сжёг и казнил сотни тысяч еретиков и отступников мысли по всему Рейху.

– Полк-орден моя семья и иной у меня нет. – по-железному дал ответ Командор и вот приготовился твердить дальше, как вдруг внезапно прервав речь Командора, зашипела рация у Карамазова, так бестактно прервав важный момент.

– Докладывайте. – Потребовал инквизитор.

Через шум статики, помех и вой стрельбы полилась речь старшего храмовника:

– Господин Верховный Инквизитор, это старший храмовник Дециан. Мы заняли башню связи и вызвали подкрепление. Моторизированная рота армии Рейха прибудет через десять минут. Наступающие еретики безуспешно пытались выбить нас с занятых позиций.

Вдруг речь оборвалась, и где-то вдали в рации сквозь звон выстрелов послышался приказ:

– Брат Франциск, уничтожь скорее это звено с тяжёлым пулемётом.

Потом доклад снова продолжился:

– Простите, господин Верховный Инквизитор. Так вот, их атаки продолжаются, но большинство еретиков, включая и их предполагаемого предводителя, скрылись в глубинах мунофакториатия. Их осталось не более шести десятков. Они вооружены небольшими самодельными пистолетами и холодным оружием.

– Продолжайте держать оборону, – быстро произнёс Кармазов и выключил рацию.

Сердце Командора забилося бешеной птицей. Он передёрнул затвор на своём оружии и взял его наизготовку. Инквизитор аккуратно положил руку на автомат и припустил его.

– Это оружие не для сия пространства. Вот держи, – произнеся, сорвал он со своего пояса небольшой широкий клинок, больше похожий на старинный гладиус.

Командор спокойно его взял и прицепил к своему поясу, но автомат убирать не стал. В отличие от своего старого знакомого, ставшему ему чуть ли не побратимом, Командор в оружии предпочитал более современное оснащение. Кармазов обхватил рукоять своего клинка и со звонким лязгом вынул его из ножен и вознёс перед собой. Клинок мистиче-

ски переливался белым светом, который исходил от тусклых ламп. На клинке был выгравирован некоторый текст, который Командор не мог различить.

– В вашу сторону направляются отступники, – в активированную рацию тихо, практически шёпотом, произнёс Антоний.

Оба воина стояли замерев. Инквизитор сжимал меч и пистолет, а Командор держал оружие так, как будто сейчас его пустит в дело. Буквально через две минуты послышался говор еретиков, которые обсуждали, как будут приносить в жертву пленников. Их разум был наполнен дурманом благовоний, а голос как-то искажён:

– А-а-а-а, вы чувствуете, какой благодатью здесь пахнет! – Уже опьянённым наркотическими ароматами голосом твердил еретик.

– Пока нашего пастора нет, я думаю пора начинать. Прикупите их к столбам, а этого так принесём в жертву нашим великим богам, он будет стоять на коленях... подожди, здесь кто-то есть, – нервно сказал отступник и вынул небольшой ржавый нож.

– Пора! – Прошептал Командор.

– Рано!

– Давайте вон хоть эту в жертву принесём?! Ах-аха-аха! – Лихорадочно и безумно спросил один из отступников. – Зареем как свинью! Или надругаемся как над тварью!? Ах-ах-ах!

Командор не выдержал – жаркий огонь ярости вспыхнул в нём, развеяв повеления рассудка. Он вышел из укрытия, и даже цепкая рука инквизитора не смогла его остановить, цепкие пальцы которой не удержали плечо друга. Отступники опешили от внезапно появившегося бойца. Они были буквально в шоке, не ожидая здесь кого ни будь увидеть. Их глаза расширились от удивления, но ненадолго. Удивление мгновенно сменилось яростью.

– Казнить пленных! – взревел один из мятежников.

Пистолетные залпы оборвали жизнь трёх человек. Грязные, замученные и вымотавшиеся они попадали на холодный бетонный пол, как подкошенные колосья на жатве.

Командор увидел только, как Сцилла смогла спрятаться за каким-то из чугунных станков, уйдя из плена, от которого со звоном рикошетило несколько пуль. И только в этот момент мужчина осознал ошибку. От досады обиды и ненависти в нём вспыхнула чёрная ярость, затмившая здравый смысл окончательно.

Командор резко взвёл дуло автомата, но тут какой-то отступник за два метра ростом одним ударом молота выбил оружие из рук и резко оглушил рукоятью Командора, приложив обухом по челюсти, от которой раздался хруст, а ноги сами попятились назад, но медлить нельзя. Боец быстрым движением руки достал звенящий клинок, присел на одно колено и с силой описал широкую дугу перед собой. Впереди стоящий громила, ощутив, как холодная сталь пляшет по



внутренностям, выронил грузный молот, упавший с глухим брэнчанием, и схватился за живот, став постанывать и скулить.

Жестокость взяла верх над разумом «спасителя невинных». Он стал бить наотмашь, словно мясник, что рубит мясо. Его бой больше напоминает не грациозный танец, который должен быть присущ мастеру боя, а жестокую ритуальную пляску. Под его ударами хрустели кости и рвались мышцы, как под топором палача. После каждого взмаха еретики дико вопили и неистово выли, обливая пол алой жидкостью, но, не умирая до тех пор, пока по ним не пройдёт финальный аккорд сумасшедшей пляски в виде обагрённого лезвия меча.

На секунду Командор отвлёкся посмотреть, как в бой вступил Карамазов. Его стиль подобен изящному и лихорадочному танцу – он пару раз выстрелит и пустится в холодный пляс, лезвие его клинка безумно сверкает белым светом и как будто поёт кровью. С необычайной грацией и точностью он разит отступников, не доступной для большинства фехтовальщиков. Каждый удар не рождал ничего более «очищения» осквернённой ересью души... ни рваных и грубых ран, ни воплей агонии. Инквизитор вертелся, крутился в ледяном танце, временами пуская в ход пистолет, и уже через несколько мгновений он окружил себя умершими отступниками, не ожидавшими такой скорой расправы. Но на них внимания он не обращал, ибо впереди было ещё более

пяти десятка еретиков, одурманенных своими благовониями и идеями.

Спустя некоторое время весь пол был усеян убитыми отступниками, приравнявшись к поверхности, на которой постелили толстый ковёр. Разум Командора ничего кроме мести не знает, но вот интеллект Карамазова был необычайно чист. Он постоянно думает про себя: «Как люди так бездумно могут идти на это смерть? Неужели их идея свободы им это позволяет. Не уж то ради этой идеи готовы бездумно жертвовать собой? Они так ненавидят Рейх, что готовы даже ценой смерти хоть как-то навредить ему или они так преданы своей идеи, что готовы умереть за неё? И тогда какая тут свобода?». Инквизитор не находил ответов. И тем более смотря на Командора, ум которого полностью поглощён чёрной ненавистью, его сознание тоже тянуло в пучину беспросветной злобы. И тут так же бесстрастно лишая жизни одного из отступников он выдернул клинок и кинул взгляд на надпись, что красуется на лезвии. На енохианском выгравировано – «Вера и воля. Не забывай, кому служишь».

Карамазов огляделся по сторонам. Оставшиеся еретики не наступают, вместо этого образуют защитный круг вокруг высокой фигуры в чёрном балахоне. В руках этот «монах» держит странный изогнутый посох с четырёхразветвлённым навершием, которым махает и подманивает к себе воинов Рейха.

Командор, расправившись ещё с одним отступником, раз-

рубив ему ключицу, поднял свой затуманенный багровым туманом взгляд вверх. Впереди он увидел, как оставшиеся в живых отступники окружили своего вожака, который был в ответе за всё, что произошло. Его благородство и терпимость, скромность и милосердие были давно отброшены, уступив место звериной и дикой ярости. Он, опустил клинок и мрачно стал продвигаться к предводителю отступников. Оставалось буквально два метра до ересиарха, который к тому времени остался в одиночестве, ибо его последователи в страхе оставили его, как, отступник быстрым взмахом руки достал странное оружие. Оно оказалось страшным гротеском традиционного оружия, лишь отдалённо напоминая его. Самодельная конструкция с большой трудностью могла напомнить некоторое подобие обреза. И еретик поднял его и вытянул в сторону Командора. Оглушительный залп раздался на весь мунофакториатий – уродливое и извращённое оружие в вихре дыма и вспышки просто разлетелось на части, чуть не оторвав руку ересиарху. Броня Командора с глухим звуком ежесекундно треснула. Он почувствовал, как части панциря расколоты и давят ему на торс, вдавливаясь под кожу и плоть острыми концами. Он испытал ужасающую боль и чувство, как та раскалённая картечь, обожгла ему кожный покров и внутренности. Но он не почувствовал, как кровь обильно потекла по его груди и животу из открывшихся новых ранений. Чёрная ярость притупила всякую боль получше обезболивающего, и только на одной воле он продолжил держаться

на ногах и продвигаться вперёд, дабы свершить справедливое правосудие.

Рассвирепевший Командор поднял обогревший клинок вниз и неумолимо пошёл к архиеретику, а тот от страха пятился назад, его движения сковал неистовый ужас. Мужчина вплотную подошёл к отступнику и в его глазах, скрытых за капюшоном он увидел страх и ужас, который только порадовал безумного мясника. Одним мощным вертикальным от плеча ударом под хруст костей он оборвал жалкую жизнь отступника, располозовав его, как кусок свинины, на скотобойне отбросив в сторону труп врага.

От вида рассечённого тела отступника у Командора по телу пробежала волна облегчения и чувства выполненного долга, которые торжествовали недолго. Его ноги и тело внезапно ослабли и он медленно, и, придерживаясь за крышку рядом стоящего верстака, сполз к полу. По всему телу пробежала немота, конечности переставали слушаться, отдаваясь во власть холода, а в животе вспыхнула с новой силой острая боль, пригвоздившая парня к полу. Командор затемнённым взглядом увидел, как к нему подбежали Карамазов и Антоний, сорвавший с него маску, став его оживлять, попутно отбиваясь от единичных безумцев, которые стали наступать из всех щелей завода, смакуя вкус грядущей победы. Инквизитор ему поставил несколько специальных уколов, чтобы облегчить боль, но их положение ухудшалось с каждой секундой – свободолюбцы подобно крысам – окру-

жают со всех сторон и число подходящих с каждым мгновением только увеличивается. Улюлюканье и безумный смех с непристойными угрозами смешались в единую песнь.

– Проклятье Дециан! – закричал Карамазов в рацию. – Нам нужна мотопехота! Немедленно!

– А вот и мы! – со стороны огромных врат донеслась реплика.

Несколько десятков солдат в серой форме рассыпью подступали, заливая трескучими лучами из энерго-винтовок помещение, и с каждым выстрелом часть завода озарялась ярким светом.

Через пару секунд прибытия мотопехоты стройные ряды отступников стали падать с прожжёнными насквозь телами и вскоре под напором солдат Империи, попятиться назад. Но командирам сейчас не до победного марша. Карамазов несёт под руку Командора, а Антоний на руках выносил обессиленную Сциллу. Она постоянно называет имя Командора, которое вязло в ушах, не достигая сознания парня, стоявшего на грани. Последнее, прежде чем впасть во тьму, запомнил Командор, это как его погружают в бронетранспортёр армии Рейха. И когда его голова коснулась мягкого сиденья, то всё напряжение ослабло, и мужчина провалился во мрак.

## Глава восьмая. Фанатики идеи

На следующий день. Милан.

Зиждется заря нового дня. Солнце вновь начинает свой путь, освещая потонувшие в ночном сумраке кварталы города. Золотые лучи небесного светила проникали всюду, рассеивая мрак и тьму, зависшую над городом.

Габриель пробудился от вновь зазвучавших граммофонов, прославлявших культ Канцлера. Снова зазвучали слащавые слова, бесконечная медовая похвальба, от которых Габриеля уже тошнило. Они для него звучали как гром во время похмелья, разрыва своей болью душу и разум парня. Парень ощутил, как жёсткая обложка книги упирается в грудь ему острием, точно бы острие меча. Он попытался вспомнить, во сколько он заснул, но не смог. Книга унесла его в мир справедливости и честности, где правители уважают свой народ, там, где некогда к публике прислушивались, а не расстреливали её из автоматов, где люди реальная власть, а не обслуживающий персонал и мешанина, переполненная фанатизмом или тайной ненавистью к своему государству и правителю. Книга открыла для юноши новую вселенную, и кажется, он этим миром, его идеями, начинает жить и дышать, задумываясь о том, что неплохо было бы сделать Рейх более либеральным местом или даже отделиться от него. Но

это не более чем лёгкое дуновение ветра перед бурей, им ещё не овладели эти мысли, но они уже изрядно одолеваю юношеское сознание, ибо он всё больше начинал ненавидеть Рейх, хотя не представлял жизни без его механизмов. Это всего лишь хруст старых устоев, которые ещё не были устоявшимися в душе парня.

Габриель кинул взгляд на часы. Было больше восьми. Он медленно встал, предварительно сделав потягивания, подошёл к окну. На улице тихо и спокойно – никто в такой чудесный день не спешит носу высунуть из собственных квартир. Был дан выходной, а значит, на улице было поутру не так уж и много людей. Снаружи шастают только слуги Рейха: легионы комиссаров, жаждущие принести воздаяние нарушителям закона, и несметные орды служащие бесчисленных министерств, контролирующие все аспекты жизни большого города.

Габриель, отвлёкся от созерцания того, что происходит за окном, памятуя о своём обещании подойти к старому книжному магазину к десяти часам. Юноша, посмотрев в окно, и пролистав несколько страниц книги, отнёс её на стол и спрятал в него. Он не хотел, чтобы при осмотре его квартиры вместе с символами Рейха нашли и эту книгу, что сделало из него отменную мишень для инквизиторов или культистов. Потом юноша направился на кухню, поесть, что ни будь перед выходом, ведь вчера, перед тем как прийти домой, он всё же купил себе сыра, хлеба, и лапши на которых стоит герб

Рейха, ибо еда тоже могла отмечаться символами Культа Государства.

Он быстро запарил лапшу и лихо накромсал сыра с хлебом. Его трапеза не была долгой, он всё это быстро проглотил и отправился в свою комнату. Там он улёгся на диван, взглянув на часы, он понял, что у него есть ещё немного времени. Зевнув и почесавшись, он потянулся до пульта, что бы включить телевизор, по которому редко шло что-либо интересное, в основном это то ли скучные новости, празднично рассказывающие об успехах государства или благоговейно повествующее о событиях связанных с политикой или Канцлером. В основном, на телевидении велись программы, прославлявшие всё величие и славу Рейха, но слащавость этих слов, и порой всё их лицемерие, их фантазмагорическое преувеличение приводило Габриеля в ступор. Он всегда удивлялся тому, как люди могли всему потоку политических нечистот, как некогда гордый народ мог почитать и верить в тот режим, который установился и неустанно терроризирует людей, смешав волю и гордость миланцев с грязью. И всегда молодой разум находит верным один-единственный ответ – страх. Банальный, человеческий страх, который существовал, с тех самых пор как Бог изгнал из рая Адама и Еву. Страх всегда является колоссальным мотиватором, великим движущим, что толкает прогресс и само развитие человека. Страх перед болезнью родил лекарства, страх перед стихией породил гигантские города и крепкие дома, страх перед



голодом привёл к развитию в самых различных сферах, ну а страх перед режимом и возможностью вновь окунуться в ласковые объятия разрухи и постапокалиптического неофеодализма породил верность Канцлеру и стабильность самого режима, скрепляя Рейх получше всяких иных мотиваторов.

Габриель нажал пару кнопок, и экран телевизора быстро замерцал картинками новостей. Но эти новости отличались от других, они были скорее воротами характеризующие новую эпоху, чёрную и жестокую эпоху, жесточе прежней. В телевизоре появилась приятная женщина средних лет, а за её спиной висела карта Рейха. Он кинула быстрый взгляд в бумаги, лежащие у неё в руках, и с фальшивой улыбкой на лице начала свой репортаж. Из телевизора полился донельзя отталкивающий приятный голос.

– Здравствуйте, жители великого и славного Рейха. Пусть тепло Канцлера греет вас этим днём и защитит ночью. Пусть его милосердие и щедрость одарит каждого гражданина, – с помпезностью она выговаривает заученное и ещё минуту восхваляла правителя, отчего юноша сильно негодует, ожидая, когда пойдёт информация о состоянии в Империи, чем и должны заниматься «Новости». – Теперь же переходим к новостям. Главной новостью этого дня является новый закон о власти или как его назвали на заседании «Закон об отцовском попечительстве». Теперь ещё больше полномочий переходит в руки нашего славного Канцлера. Отныне его тепло будет ещё сильнее, и мудрое око будет ещё пристальней за

нами приглядывать. В данный закон вошли множество мудрых положений, вот некоторые из них:

Роспуск Верховного Капитула.

Учреждение Сенатарiums, взамен Высшего Капитула.

Учреждение пятой Личной гвардии Канцлера

Ограничение права на собрания, в целях предотвращения распространения вредоносных политических еретических религиозных идей.

Установление новых миллионов камер, которые будут следить за порядком

Усиление идеологического контроля...»

Габриель не смог этого долго слушать, он гневно нажал на кнопку, с такой силой, что маленький пульт страшно захрустел, и выключил телевизор, после злобно отшвырнув его в сторону. В нём снова готово закипеть негодование, смешанное с исступлением и юношеской, наивной, ненавистью к режиму, но озлобленность к Рейху оказалась недолгой. Габриель вспомнит о своём обещании прийти в книжную лавку, только вот он не понимает, что там его ждёт. Может партия новых контрабандных книг? Или же новые сборники, в которых складываются множественные варианты развития социума, которые так нелюбы Рейхом? Однако парень тоскливо ухмыльнулся, понимая, что такое вряд ли возможно, ибо среди всех граждан Империи мало кто будет на себя брать страшной грех – мыслить против единственно верного порядка Рейха, печатая диссидентскую литературу.

Вдруг истошный звонок оборвал все мысли. Он приподнял голову и увидел брезжащий телефон, валявшийся на полу. Габриель мгновенно потянулся до него, сразу же проведя пальцем по экрану, и приложил к уху.

– Здравствуй Габриель, – послышался добродушный мужской голос.

– Привет, Верн, что ты хотел?

– Ох, ты не хочешь с нами пройтись, – так же непринуждённо и весело продолжал старый друг Габриеля, будто разговор совсем не прослушивался министерством Мониторинга Средств Социальных Коммуникаций.

– Ну, я не знаю, а кто будет? – спросил Габриель.

– Я, Артий и Элен.

Габриель недолго сомневался, хотя он помнил, что давал обещание, ... но ведь там будет Элен.

– Да, я с вами, – уверенно, но с лёгкой дрожью в голосе ответил парень. – Только ненадолго.

– Вот это хорошо. Подходи сейчас к «Благость Министерств», мы будем тебя ждать там.

– Отлично.

И после непродолжительного разговора Габриель прервал звонок. Он знал, что долгие разговоры по телефону не желательны, так как Рейх поддерживал идеалы труда, душевности и консерватизма, а значит, все граждане должны телефонное общение заменять реальным, и долгие разговоры по телефону обозначены были бы министерством, как «Преда-

ние и развращение в лениности». А лень, как известно, наказывалась в Рейхе.

«Благость Министерств», старенький паб, находится относительно рядом с книжной лавкой, всего в паре километров. Владельцы заведения назвали его в угоду Культуре Государства, чтобы не терять рейтинг, а наоборот, увеличить его, благодарю «Следованию символике Рейха».

Юноша стал одеваться. Он быстро натянул бесцветные потёртые джинсы, грубые чёрные кроссовки дорейховской эпохи, белую кофту с капюшоном и серую тканевую куртку. Всё неброско и серо, как завещает великий Канцлер и что точно понравится Культуре Государства и церковникам Империял Экклесиас при встрече. Он взял сумку через плечо и пошёл прочь из квартиры. Выйдя на улицу, он почувствовал лёгкое дуновение ветра. На небе собираются серые густые облака, что говорит – всё идёт к дождю. Он оглянулся по сторонам и увидел, что где-то гуляют обычные люди, где-то размахивая руками несут службу уличные комиссары в поисках нарушителей, но в это утро они на удивление довольно спокойны. Юноша увидел на улице служащих министерства по Послепраздничным Дела́м, опрашивающих людей, насколько им понравился праздник и занимались уборкой города после фестиваля. Он оглянулся и наметил путь, где меньше всего роятся слуги государства, после этого он быстрым шагом направился к пабу. По пути он встретил десятки плакатов, оставшихся со вчерашнего фестиваля. Всюду

свисают веленевые свитки с молитвами Канцлеру, которые развешивал Культ Государства. В воздухе до сих пор витает слабый запах благовоний, похожий на тонкий аромат пряностей на сладостях, разжигаемых под пение псалмов Империял Экклесиас.

Всюду в городе он встречал воплощение, того, что в высших эшелонах Рейха называли «принципами идеального государства»: фанатичную преданность государству, тотальная мораль и безграничная, смешанная с детской слепотой, любовь к правителю, а так же почитание, которое граничило с идолопоклонничеством. Даже Верховный Отец должен был мириться с мыслью, что власть над церковью не только в его руках, ибо Канцлер – блюститель строгих моральных законов на земле, как говорилось в Книге Правителя, составленным Култом Государства, был Канцлер, а высший иерарх церкви всего лишь помогает и духовно наставляет правителя в его делах. Хоть глава всей Империял Экклесиас последователь должности Св. Петра на земле, но Канцлер может активно вмешиваться в хозяйственную жизнь церкви, не трогая её догматов.

Габриель помимо этого увидел службы, шедшие в миниатюрных часовенках, но эти места принадлежали не церкви. Они во владении Культа Государства, что стал, по сути, второй церковью и в этих часовенках, они без конца с утра до ночи изо дня в день пели свои песни восхваления и молитвы, превозносящие Рейх.

Идя по улицам города, на глаза Габриэлю попадает бесчисленное количество служителей Имперор Магистратос: от представителей бессчётных министерств, что до мелочей контролировали и документировали работу других людей, до обычных серых мелких чиновников, либо выполняющих работу своих начальников, либо просто спешащих на свою работу, нервно оглядываясь по сторонам.

Габриэль заметил, как представитель министерства по Послепраздничным Дела́м бойко руководит командой уборщиков, что тщательно и старательно подметали улицу, сметая бумажки и конфити, разбросанные во время праздника. В тоже время парень заметил как целая команда из обычных и серых, практически безликих служащих правительства скорописью записывают за своим начальником поручения на день. Габриэль услышал, что начальник одним из поручений указал им, что бы они подходили к людям и спрашивали, понравился ли им праздник. Если они отвечали, что не понравился или не очень или люди затруднялись с ответом, то такого человека следует записать в список «На понижение рейтинга».

Юноша не особо обращал внимание на всю эту министерскую фантазмагорию государственного абсурда, несмотря на то, что проходя мимо служивого люда он становится тих и незаметен, едва ли не сливаясь с серым фоном Милана, как это делают все горожане, дабы не вызвать подозрений. Хоть Габриэль на своём пути и встретил ещё более двух десятков

подобных «идеалов» Рейха, он не обращал на них внимания. Юноша просто хотел поскорее встретиться со своими друзьями.

Габриель прошёл к месту, именуемому – Канал Навильо Гранд [5], одно из самых древних мест в великом городе Милане, дошедших до эпохи Империи. Тут ещё сохраняется атмосфера старого Милана без высоких бетонных ульев или монументальных серокаменных зданий власти, готовых проломить своим весом небесную твердь. Габриель попал в окружение разноцветных фасадов, смотрящих на юношу духом давно ушедших времён, и его душа исполнилась чувством свободы и тяге к полёту мысли. Бежевые, жёлтые, красные двух-трёхэтажные здания, по обе стороны водной глади выражают собой удивительное явление старого Милана, которое не снесли по зову Культа Государства, а бережно восстановили из праха и пепла. Юноша видел множество раз хронику, на которой Канал Навильо Гранд это огромная клоака, в которую сливались все нечистоты района Навильо – вода стухла, провоняла от тонн отходов и стала чистым ядом, а все здания вокруг – бараки и сараи, в которых ютились нищие и бомжи. А сейчас это один из исторических секторов города, существующий, как символ величия Рейха и его милосердия к поверженным странам, которые сохранили свои достопримечательности в более-менее надлежащем виде, которые помогла восстановить Империя.

Юноша хотел бы здесь сейчас прогуляться, но его ждут

товарищи в одном из пабов, расположенных возле живописного канала, создающего венецианскую атмосферу. И когда на горизонте показались двери заведения, то по телу парня пробежала волна душевного тепла вместе с толикой печали оттого, что прогулку придётся оставить. У входа, его встретили люди, с которыми он успел сдружиться за столь маленький период времени.

– Здравствуй! – тянутся к нему с протянутыми в знак приветствия руками Артий и Верн.

Габриель посмотрел на друзей. Вечно весёлые и не унывающие, при встрече с представителями власти, списывающие радость на сам факт существования в Рейхе.

– Ну, привет Верн, – пожимая руку смуглому юноше в чёрной рубашке, такого же цвета джинсах и туфлях, здоровается Габриель и секундой позже уже протягивает руку низкорослому светловолосому парню в синих брюках, светло-голубой утянутой кофте.

– Привет, Габр, – отвечает ему Артий.

С Элен, девушкой в длинной света ночного неба юбке, туфлях без каблуков и белой кофте они поздоровались, обменявшись короткими кивками.

– Пойдёмте? – нетерпеливо зазывает Верн друга.

– Да, вперёд.

Это обычный старый паб, выполненный в английском стиле эпохи предшествующей Великому Континентальному Кризису. Несмотря на всю жестокость царившего вокруг им-



перского устоя, это место остаётся островком свободы и спокойствия, по крайней мере, так кажется, ибо даже атрибутики с символикой Культа Государства здесь практически не было. Само идейное название не что иное, как весьма значимым аргументом в разговоре с ордами проверяющих структур.

Но шагая по пабу, Габриель видит в нём не бастион свободомыслия... ему рассказывали о «ловушках воли» – заведениях, которые специально курируются Культотом Государства, создавая в них атмосферу распущенности, дабы какой-нибудь забывшийся гражданин достаточно размяк, забылся и свершил бы нарушение, за которое его можно покарать, как правившегося нарушителя морально-духовного порядка Империи, а камер слежения на квадратный метр тут достаточно, чтобы в полной мере зафиксировать момент «отступничества» от неисчислимых норм Рейха. Поэтому юноша старается быть тут как меньше вольно, удерживая себя в моральных рамках. Атмосфера одаривала лживой теплотой и душевностью: всюду сидят люди, за кружкой пенного, душевно общаясь, позабыв про тягости жизни, заставляя забыть о тоталитарном влиянии Империи. Роскошно выполненные деревянные столы и кирпичные стены создавали особую атмосферу погружённости в старые времена. В воздухе витает приятный запах жареного мяса и хорошего настоящего пива, количество которого строго контролировалось Министерством Пищевого Обеспечения, министер-

ством Напитков и ещё рядом структур, следящими за тем, чтобы люди не предавались излишнему чревоугодию и пьянству. Если человек съест выше нормы и выпьет много алкоголя, то ему сразу понижали «рейтинг» и штрафовали на большую сумму. Всё должно было соответствовать идеалам пуританской морали: сдержанности и благочестию.

Габриель понимает, что, несмотря на тысячи догматов министерств, Культа Государства и Империял Экклесиас, здесь было место искреннему и непритворному веселью, чего и добиваются карательные структуры – подвести человека к нарушению, вселить ему чувство неизбежной несказанности. Здесь люди находили искренне утешение, то ли от хорошей еды, то ли от выпивки, а может и сама атмосфера ушедшей, когда то мелькнувшей яркой вспышкой в истории свободы заставляет людей кое-как нарушить моральное право Империи.

За большим массивным дубовым сидит Габриель столом и слегка потягивает кофе, напротив него устроился Верн и пил светлое пиво, а рядом сидели Артий и Элен. Они вели тёплую дружескую беседу, местами шутя и смеясь.

– Артий, а как твоя гитара, ты будешь, что-нибудь играть на наше выступление? – Игриво и насыщенно спросила Элен.

– Ох, я даже не знаю, – растерянно ответил Артий. – Габриель, а ты что-нибудь, делаешь?

– Я? Да, нет, буду просто за вами наблюдать, – без напряга

ответил парень.

Верн отпил из бокала, слегка и удовлетворенно выдохнул и непринужденным тоном с улыбкой на тонких губах принялся говорить:

– Ребят, да вы что, как, будто кто–то особо заморачивается. И давайте просто сменим тему.

– Кстати, кто знает, во сколько, завтра, на учёбу? – Бархатным голосом спросила Элен.

– Всё как обычно. – Ответил Габриель.

– В восемь, что ли?

– Да.

– Вот, блин, я думал, завтра посплю. Жалко, что праздник не продлили. – Возмутился Артий.

– Да, ладно вам мой друзья, хорошо, что вообще дали этот день на отдых, а то, сидели бы сейчас в душном кабинете и выполняли бы какое-нибудь безумное задание дедушки Гюнтера. – Поучительно проговорил Верн.

Всех ненадолго накрыла волна слабого смеха, ибо они помнили, какие порой задания давал им их самый любимый преподаватель. Габриель мельком заглянул в глаза Элен. Но ответа не заметил. Омрачённый юноша увидел, как она смотрит на Верна. И его разум наполнили серые тусклые мысли. Парень увидел в её глазах блеск, слабую искру, грозившую перерасти в огромный пожар.

«В этом железном мире остались ещё чувства?» – Удивлённо самого себя спросил Габриель.

Но его мысли довольно быстро развеялись, подобно утреннему туману. Послышался скрип входной двери, разорвавший тёплую обстановку веселья. В заведение вошли служители Культа Государства, развеявшие обстановку свободы и радости напрочь, будто бы утром спал прохладный предрассветный туман. Их можно было заметить издалека, ибо для них была предусмотрена особая одежда. Они были облачены в свободные серые балахоны, подпоясанные толстой чёрной верёвкой, к которой крепился «Молитвенник Рейху». Вошедших не так много – служителей Культа Государства всего три человека, но и такого духовно-просветительского звена хватит, чтобы дюжину человек предать Анафеме, но к их правой нагрудной стороне цепляется небольшая эмблема – на фоне пламени чёрная книга. Это символика самого фанатичного из течений внутри Культа. В руках одного из вошедших служителей гордо возвышался штандарт с «максима-гербом» Империи, второй же зачитывал восемьдесят вторую государственную хвалебную песнь «Слава несущим свет отечества», а третий держал в руках небольшой свёрток.

Их лица скрывали большие капюшоны, что опускаются практически до носа, ибо они обязаны были покрывать лица, дабы с большей праведностью нести свет Рейха в души людей.

Процессия остановилась практически посредине паба. И один из служителей Культа ловким движением развернул

свёрток бумаги и громогласно, но все, же монотонно и нудно стал зачитывать с неё:

– Милостью Рейха и Канцлера, по приказам министерства Идеологической Чистоты, министерства Надзора за Частными Заведениями, министерства Управления Заведениями Общественного Питания, министерства Контроля Мест Собрания Людей, Великого Патриаршия Культа Государства и Трибунала Рейха сейчас буден проведён осмотр и вольный опрос людей в целях поиска предметов и вещей, принадлежащих к классу еретических и являющихся предательской символикой.

Внезапно Элен, со страхом в глазах, схватилась за алую звезду, что приколата к её кофте, делаясь алой кровоточащей ране на мраморном полотнище одежды. Ведь давно алая звезда была символикой коммунистов, когда они начали строить своё постгосударство на востоке Европы, являясь первым символом, который избрали «Сыновья и Дочери коммун по Заветам Маркса».

И Рейх всегда относил «красную чуму» к числу политических и идеологических ересей, за которое следует тюрьма, карательное просвещение и отправка в трудовые лагеря на «отчистку трудом»

Культист так же монотонно продолжает, вселяя в сердца ребят ещё больше страха:

– Сие грамотой закреплено, что в руки проверяющих вложены функции вынесения приговора и исполнения кары для

отступников.

Окончив объявление, и свернув грамоту, три человека в балахонах разбрелись по пабу и стали опрашивать и досматривать людей.

– Элен, – беспокойно начал Габриель. – Спрячь звезду.

Девушка начала судорожно дёргать за кофту, но иголка никак не вынималась.

– Да ладно вам, как давно этот знак был у коммунистов? Они давно сменили его на другой, – всё так же непринужденно говорит Верн. – Не могут же они судить за то чего нет?

– Когда это волновало Культ? – взволнованно, сквозь дрожь, твердит Элен, нервно пытаясь сорвать звезду.

Один из последователей Кюльта обратил своё внимание на девушку и размашистым шагом направился к ней.

– Нам конец, – чуть ли не со слезами лепечет Элен.

Культисты выглядят подобно монахам из древних, давно минувших времён, что усердно, практически беспрестанно молились Богу. Но хоть образ этих людей и соответствовал монахам, но их суть была грубо искажена, если не извращена. Они молились не Богу, а государству и Канцлеру, возводя его в ранг равного Господу. Лже-монахи готовы карать тех, кто хоть на йоту отличается по своим идеям от него. Они преисполнены фанатичной злобой к тем, кого в Рейхе называют отступниками и еретиками, а ненависть исказила в их душах вечные монашеские добродетели: любовь, упорство, скромность, подменив на безоговорочную и слепую предан-

ность своему государству: готовность идти на упорный труд, вплоть до смерти от переутомления и отказ от всего, лишь бы оно ушло в казну Рейха.

Служитель Культа подошёл к ребятам. Он довольно широким жестом скинул с себя бежевый капюшон. Под ним крылось обритое зрелое добродушное лицо, а на его щеке татуировка герба Рейха, а на друзей смотрели душевные карие глаза.

– Сыны и дочь Рейха, я должен сейчас вас обыскать, дабы убедиться в вашей государственнической не погрешности и да благословит вас Канцлер. – С благоговением и в полголоса, но все же утвердительным тоном сказал подошедший «монах».

Парни быстро ему подчинилась, стараясь для Элен хоть время дать, что бы она сняла эту звезду, иголка которой не хочет сниматься, да и девушка была под таким страхом, что с трудом соображала и еле шевелила пальцами. Однако культист быстро и ловко обыскал всех парней, не теряя много времени и не найдя у них ничего запрещённого или подозрительного он обратил свой взор к Элен.

– Дитя, твой черёд, – шепчет культист девушке, приближаясь к ней вплотную.

Элен подошла к «монаху» и убрала трясущуюся руку от кофты и под светом ламп в пабе алая звезда засверкала кроваво–красным светом, ещё сильнее притягивая к себе внимание. Взгляд последователя Культа мрачной тенью сразу

пал на эту звезду. Он буквально впился в этот символ своим, постепенно наливающимся злобой взглядом.

У Габриеля бешено забилося сердце. Ладони покрылись влагой, а по телу пробежала ледяная дрожь. Он жутко беспокоился за Элен, но ещё сильнее его убивало чувство беспомощности. Парень так и хотел растолкать всех культистов, схватить свою возлюбленную за руку и выбежать из этого заведения и нестись, куда глаза глядят. Но Рейх – империя тотальной слежки и вездесущий пропаганды, где народ прижат таким прессом, что лишний вздох мог быть принят за грех и преступление, присутствует везде. Нет такого места, где можно было укрыться от неустанно смотрящего ока Рейха. И если человек совершил проступок, то Империял Экклесиас, Трибунал Рейха, Армия и ещё легион карательных структур принесут своевременное воздаяние любому отступнику. Парень понимал, что если сейчас он совершит этот проступок, то несметные легионеры имперского правосудия воздадут ему за это. В двадцатикратном размере.

– Эта алая звезда, это символ еретиков красной чумы и коммунистических отступников. Как можно его носить на территории нашей великой страны? – фанатично начал «монах». – Как сказано в Фолианте Гражданина: «никто не посмеет на себя надеть символики враждебной державы, ибо это есть грех и преступление против Рейха и священной власти Канцлера». Там же сказано: «Тот, кто примерил на себя враждебную символику, то тот уже является врагом своего



отечества». – Яро заявил последователь Культа.

– Что случилось, брат Бонифаций? – спросил подошедший «монах», учуявший «аромат» потенциального отступничества.

Внутри девушки всё провалилось, она думала, что для неё всё кончено. Из её глаз по щеке пробежала горячая слеза.

– Запретная символика, брат Маний. Знак красных дьяволят.

– Откуда у тебя эта звезда, дочь моя? – спокойно спросил подошедший Маний, пытаясь показать из себя милосердного деятеля Культа.

Элен собралась и утвердительно ответила:

– Мне её мама подарила, когда я была ребёнком.

– Что ж, это не отменяет твоего наказания, ибо ты преступила священные постулаты Рейха, – последовал фанатичный ответ. – Здесь приемлемо только очищение болью, – озвучив наказание, гордо выпрямился «монах»

Слёзы потекли градом из глаз девушки, она накрыла ладонями лицо. Элен знала, что сейчас её жизнь окончена. Если она выживет после наказания, то её стопроцентно отчислят из «схолы» и понизят «рейтинг» до трёх. А это значит, что её максимум, куда она сможет пойти работать – это уборщица в министерстве, и то, к ней вероятней всего будет приставлен надсмотрщик.

– Что здесь происходит? – спросил внезапно подошедший человек, грубым надменным голосом.

Потёртая кожаная куртка, чёрные джинсы и старые туфли, вкуче с матёрым видом. Габриель в нём сразу узнал своего недавнего спасителя – Цируса.

– Мирянин, это не твоё дело. Оставь нас. Мы вершим благодатное правосудие Рейха здесь во имя Его, – недовольно ответил один из культистов.

Мужчина вынул удостоверение и показал его «монахам» со словами:

– Я не мирянин, я сотрудник Трибунала и требую объяснить, что происходит здесь, – с грубостью в голосе требовал Цирус. – Вы знаете «Низший протокол Комиссариата» и «Святой Циркуляр Культа о содействии с Департаментами Власти»... я имею право вмешаться.

«Монахи» как то нехотя и недовольно, скрипя сердцем и мыслями, отступили, выложив информацию:

– У нас мирянка, что носит знаки отступников коммунистической ереси и оскверняет свою душу и отечество своё этой символикой, – с вдохновлённостью в голосе и одухотворённостью в лице, гордо подняв голову, ответил последователь Культа Государства. – За это мы караем!

– Хм, но здесь всего лишь красная звёздочка. Если мне не изменяет память, то коммуняки сейчас на своих штандартах рисуют другую «свастику».

– Но...

– Да и к тому же, как я услышал, эту звезду её подарила родная мать. Это всего лишь подарок, который она чтит.

А разве Рейхом, запрещено, что бы дети любили и уважали своих родителей?

Обескураженные «монахи» таким напором со стороны практически рядового комиссара стояли в изумлении и не знали, что можно было ответить по закону, а Цирус тем временем продолжил противопоставлять право фанатизму:

– А по Округу Рима действует «Иллюзия Санта» – акт Инквизиции, говорящий, что в отдельных случаях можно прекращать дело о «Моральной госизмене посредством ношения вражеской символики, если она в настоящем не существует».

– Режим облапошил сам себя, – тихо и еле слышимо прошептал Артий.

Слёзы с глаз девушки исчезли, на губах появилась легчайшая улыбка, а в душе разлилась теплота и спокойствие, появилась надежда, ведь она увидела, как эти обескураженные культисты просто не могли ответить.

– Но ведь Фолиант...

– Что Фолиант? Призывает судить за то, чего уже нет? – с упрёком спросил Цирус. – Нет. Он нас призывает к справедливости.

Взгляд страстных приспешников Культа медленно наполняться злобой и нетерпимостью, как у стервятников, лишённых добычи.

– Ребята, – обратился Цирус к Друзьям. – Вы можете покинуть это заведение. Я вам разрешаю это от имени Трибу-

нала Рейха.

– Мы рапорт подадим! – гневается один из культистов.

Габриель со своими знакомыми спешно собрали вещи и чуть ли не бегом вышли из паба, стараясь как можно быстрее уйти из «одухотворённого» места, оставив позади фанатичных «монахов», так сильно алчущих наказать еретиков мысли. Юноша оглянулся и увидел, что у входа в паб последователи культа и Цирус о чём-то активно разговаривают, но парня это уже не интересовало. Он отвернул взгляд и продолжил путь с ребятами, имитируя, будто ничего и не было.

– Всё прошло. Слава Богу. Чуть не попались. – Твердил Артий.

– Я предлагаю просто забыть об этом, хорошо? – Попросила Элен, чувствуя невероятный стыд за свои слёзы, хотя и знала, что в такой ситуации мало кто смог бы сдержаться.

Друзья ещё пару минут прошлись в полной тишине, переглядываясь друг с другом и просто не зная, что говорить. Но тут внезапно густую тишину разевал вопрос:

– А, что теперь, куда? – Взволнованно и с лёгкой дрожью спросил Артий.

После этих слов Габриель глянул на часы. Он не хотел расставаться со своими друзьями, особенно с Элен, но он, же обещал прийти:

– Ох, ребят, простите, мне пора, – с неподдельной грустью и, смотря на девушку, твердил парень.

Верн поднял голову, заглянув прямо в глаза Габриелю, но

уже без присущей ему улыбки и посредственности, с серьёзным лицом, спросил:

– Тебе же в книжный магазин?

– Да, – С удивлением в голосе ответил парень, не ожидая такого вопроса. – Именно туда.

– Тогда пошли, – несвойственно по холодному сказал Верн.

Габриель был несколько ошеломлён, он не знал, что ни Верн, ни Артий что-то знают о книжном магазине и тем более тоже идут туда. Но его довольно обрадовала новость того, что Элен в курсе о книжной лавке, ведь она теперь тоже сможет с ним пойти. Это была мысль не более чем парня-простачка, тянущегося к нечто далёкому и холодному, и юноша отлично понимал это, но что её у него оставалось, кроме этих наивных мыслей?

Они, молча, пошли к книжному магазину, сохраняя абсолютное безмолвие, пребывая в своих мыслях. Квартал за кварталом, улица за улицей они уходят от канала и паба, не желая больше возвращаться туда. Так близко к «имперскому правосудию» никто из них ещё не находился, а поэтому всех пробрала дикая дрожь от самой возможности попасть в цепкие лапы опьянённых ревностью к Государству монахов.

Дом за домом и ребята вышли к церкви Санта-Мария-делле-Грацие [6] с фронтовой стороны, пытаюсь держаться правой стороны, где между толстенных бетонных домов-ульев и стареньких миленьких домиков старого Милана уютится

книжная лавочка, находясь в тени древнего циркового сооружения.

Собранная из красного кирпича, чей фасад облицован белым мрамором, церковь величественно заняла место посреди высаженной вокруг неё зелёных рощиц и кустов. Габриель из учебников знает, что ещё недавно во время кризиса Санта-Мария-делле-Грацие стала местом, вокруг которого проводились безумные обряды, а внутри церковь стала пристанищем для культов похоти. Среди той помойки, которой раньше являлся Милан это было нормальное явление и только с приходом Канцлера всё изменилось.

«Такая величественная и такое унижительное прошлое» – подумал про себя Габриель, находя в приходе Рейха на миланскую землю им хорошие моменты, ибо только Империя смогла отстроить город из руин и тут себя юноша поймал на мысли, что обратный переход к «Свободе миланской и правам либеральным», на чём настаивает его друг Алехандро, может привести вновь к запустению города, что только плодит сомнения.

Но все помыслы о политике развеялись сиюсекундно, как только группа ребят подошла к пункту назначения. Дойдя до магазина, они встретили Давиана. Выражение его лица означало недовольство опозданием – парень стоит, сложив руки на груди и нахмутив физиономию, сделав её тошнотворно грузной.

– Что–то долго вы шли, я ж стал беспокоиться. – Как

всегда с требовательностью и высокомерием высказался Давиан.

– Да, небольшие проблемы, – сказал Верн. – Культисты чёртовы.

– Ну, ладно, пойдёмте, – снисходительно потребовал юноша. – Пора нам оставить этот тоталитарно-антикоммунистический мир... хотя бы на часок.

После чего парень повёл ребят к двери магазина и ритмично стал постукивать, будто бы выбивая на дверной коричневой деревяшке мелодию. Дверь открыл тот самый старик – сердобольный владелец магазинчика, разделяющий право собственности на него с Император Магистратос.

– О, пришли, ну проходите скорее, остальные вас ждут, – Сказал с неким добродушием старик. – А то они больно уж разволновались.

После этих слов друзья прошли в магазин. Внутри всё так же когда они пришли и в прошлый раз, но вот та дверь, которая была рядом со столом лавочника, была открыта, маня тем, куда она может привести. Габриель несколько насторожился неизведанному, парень сильно испугался, ведь то, что они делали, было явно против правил и законов Рейха, и страх перед воздаянием разрывает душу. Но он увидел как его друзья уверенно и спокойно пошли к двери, словно зная, что за ней их там ждёт нечто, ради чего можно и преступить закон. В нём проснулась толика сомнений, в том, что он сейчас делает, но всё же он пошёл вперёд, отдаваясь во власть

бунтарского юношеского порыва.

Перед глазами Габриеля открылось обычное подвальное помещение, ничем не примечательное. Отовсюду доносится влажный запах сырости, как в деревенском сарае, всюду разбросанные коробки из-под книг, создававшие атмосферу торгового беспорядка. Несколько старых круглых столов и подгнивших табуреток и стульев говорили о том, что мебель была не куплена в магазинах, а скорее всего, притащена из кладовок. Мусор на полу то тут и там, слабое старое ламповое освещение, давившее на глаза, несколько лавок, так же пару полок, кирпичные стены, покрытые грибком и плесенью, и небольшая трибуна, сколоченная из гнилых досок: всё это создаёт ощущение некоего бодрящего сопротивления жестокому режиму, только вот весь протест больно игрушечный и настолько ничтожный, что завидев это слуги Инквизиции померли бы это смеху.

Но Габриеля это не волнует. Сейчас он может стать кем-то больше, чем пружинка механизма Рейха, объединившись вместе со знакомыми людьми, которых в подвале он узнал много и у каждого в очах полыхает пламень, настоящее пожарище рвения к свободе, окутавшее душу. Все юноши и девушки здесь собрались в надежде укрыться от всевидящего, неустанного и палящего взора Рейха и каждый присутствующий был просто одержим идеей противодействия и бунтарства, желая скинуть с себя ярмо рабства. Пламя неподчинения Рейху здесь сжигало каждого, делая их фанатиками сво-



бодолюбия и безумного бунта.

Габриель, будучи немного в смущениях от общества в который он попал, аккуратно осмотрелся. В нём играет некоторое стеснение, оттого, что он в этом месте был в первый раз, однако как только завидел Давиана, подбежал к нему, желая у него разъяснить несколько вещей:

– Давиан, а что вы тут делаете?

У Давиана в глазах промелькнул нездоровый свет и вспыхнул огонь, схожий с пьянящей романтической оппозиционной обескураженностью.

– Понимаешь, – вдохновенно заговорил Давиан. – Здесь собираются люди недовольные существующим режимом, недовольные самой настоящей антинародной тиранией. Мы тут объединились в... коммуны, чтобы начать народную агитацию против церковно-духовного ига.... Подожди-ка...

Все вели разговор, разбившись на несколько небольших групп по столикам, но вот громогласно заговорил Давиан, отвлекая их:

– Товарищи, попрошу немного тишины. Я хочу вам сказать: у нас появился новый человек, это Габриель, и теперь он состоит в нашей этакой коммуне.

Все обратили свой взор на Габриеля. Кто-то улыбнулся и помахал в приветствие, а кому-то было просто всё равно.

Через пару минут простых разговоров не о чём все начали рассказываться по лавкам и столам.

– Ну, кто думает начать?! – С привычной улыбкой и лёг-

кой толикой непосредственности в голосе спросил Верн у всего зала.

– Я бы хотел начать, – с пламенем во взгляде и рвением в голосе ответил Давиан.

После этих слов парень вышел к импровизированной трибуне. Он немного помялся, показательно кашлянул, и только потом начал говорить, разжигая пламень в сердцах людей:

– Товарищи, мы сегодня собрались не просто так, мы пришли разделить горе нашего товарища – Алехандро... мне его соседи рассказали, что его арестовали, – по залу пробежала волна негодования и скорби, но Давиан продолжил дальше. – По вине этого режима, этой диктатуры, этого тиранистического нового фашизма мы потеряли нашего товарища. И так на каждом шагу. Нет истинной справедливости, нет опоры на народ, есть только власть элиты и бесконечный вихрь давлений на нашу свободу. И сколько нам это терпеть?!

В подвале поднялась волна поддержки и чёрного ликования. Все были в полнейшей солидарности к его пламенным речам. Давиан переждал пока уйдут ликования, и лишь переждав, он продолжил. Все его речи были пропитаны идеей равенства, справедливости, отсутствия свободы. Его пламенные слова полыхали изречениями и афоризмами Маркса, Энгельса и прочих коммунистов.

– И не почитайте Канцлера! – пыхтит в ярости Давиана. – Он не велик, ибо как говорил Маркс – «Великие кажутся нам великими лишь потому, что мы сами стоим на коленях».

– А как же закон? – спрашивает кто-то из толпы ребят.

– Не нужно следовать этой ереси, ибо как заповедовал протоапостол истинного народного учения – законы, мораль, религия – все это ... не более чем ... предрассудки, за которыми скрываются буржуазные интересы.

Давиан ещё долго продолжал заливать о равенстве и братстве рабочего «народного класса», а так же их революционных помощниках – студентах. После того как он закончил свою речь, все радостно заливовали, будучи душевно окутанными пламенем солидарности. За ним было много выступающих, но никто не смог так, же страстно говорить самые обычные вещи, но и его речей было достаточно, души собравшихся людей буквально горели огнём равености, справедливости, честности, а главное ненависти к государству и государственным служащим.

Но Габриель смотрел не на него. Его взор был устремлён на лицо, фигуру Элен. Его сердце радостно билось при её виде, и когда каждый раз он обращал на неё свой взгляд. И в душе Габриеля пламень чувств перерастал в горячий пожар, грозящий сжечь саму душу. Он стал одержим тем чувством, которое лелеял, постепенно проваливаясь в его пучины.

## Глава девятая. Зажженный в безумии

Через час. Рим.

В Вечном Городе часы показывают около одиннадцати часов утра. На улице стоит тёплая и хорошая погода, только белоснежные облака рассекали голубую лазурь. Солнце медленно восходит в зенит, заботливо прогревая землю и воздух. Голубое небо светло простиралось над Римом, даря людям свою не забываемую красоту и прекрасное великолепие.

В одной из частей старых частей города, которые чудом не были тронуты ни временем, ни перестройкой, на семи холмах стоял старый католический храм, сделанный в готическом стиле в ту эпоху, когда ещё начинал править первый Канцлер. Его острые шпили уходили высоко в небо, витражи были самым настоящим произведением искусства, отливаясь на солнечном свете сотнями ярких цветов, а золотые купола блестели и слепили своим сиянием тех, кто поднимал на них свой взгляд.

Внутри храм источал величие былых времён и показывал всё своё великолепие: золотые оклады икон, мраморно-гранитовые полы и украшенные драгоценными камнями стены. Всё это разит и пленяло своей красотой, показывая прихожанам истинную силу церкви Рейха и доказывая, что это один из самых могущественных Департаментов Вла-

сти, определяющий жизнь сотен миллион человек во всём государстве. Великолепие каждой церкви и часовни только доказывало правоту Империял Экклезиас и призывало к преклонению перед Богом, Канцлером и Рейхом, вечно доказывая, что «Смирение и покорность Господу своему, его посланнику на земле и государству есть высший идеал и благо».

Храм естественно похож на тысячи своих собратьев по всему Рейху, но была в нём одна особенность, известная лишь узкому кругу лиц, этакая своя потаённая изюминка – дополнительная комната, спрятанная за самым тёмным и неприметным углом в строении.

Комната самая обычная: мраморный пол, в котором можно было увидеть собственное отражение, одно витражное окно, хрустальная люстра, диван, книжный шкаф, забитый разными книгами, в углу стол и два стула, а в центре простенький алтарь. Помещение, как и весь храм, было наполнено запахом приятных и настоящих благовоний, а не тех дурманов, что разжигают на праздники.

У окна занял место высокий стройный мужчина, облачённый в кожаное пальто, с длинными светлыми волосами, которые ниспадают до плеч. Его вид весьма удручает: повисшие синеватые веки, уставшие глаза, в которых сиял больной блеск, покрывшиеся сетью лопнувших капилляров, легко дрожащие руки и некоторая потерянности... всё это похоже на картину заболевания психики. В это время на стуле,

почти в самом углу сидел лысый человек в приличном классическом костюме. Лицо его было изрядно помято и покрыто шрамами, отражая те битвы, что он сумел пройти. Вид у этого человека вызывал уважение, ибо от него так и исходит надёжность. Это Верховный Мортиарий – глава личной Гранд-Гвардии Канцлера.

Канцлер был вечно благодарен этому человеку и считал его практически как за друга, несмотря на кажущийся формализм и холод в их общении. Правитель всегда помнил, как помог ему этот человек – после выхода из психиатрии Канцлер постоянно искал поддержку. Он не мог в одиночку справиться с Верховными Лордами, ибо их власть и контроль над ним была практически безгранична. И практический отчаявшийся Канцлер обратился к тем, кто всегда шёл на острие революций и переворотов – элитным войскам. Канцлер пошёл на отчаянный шаг – он всё рассказал им, полностью раскрылся тем, кому доверился. И они ответили ему. Никто не посчитал диктатуру Лордов справедливой и отвечающей благу народа, таким, каким его видели солдаты. Два полка дворцовых войск – элитных спецназовцев негласно встали на сторону Канцлера, а во главе их стоял ветеран многих войн и тайных спецопераций, разумный политик и неумолимый боец – Теренций. И именно эти умелые бойцы стали исполнителями в операции по устранению олигархов.

Внезапно, нависшую тишину прервал вопрос Верховного Мортиария:

– Господин Канцлер, что скажите по нашей последней операции? – спросил Теренций, ожидая для себя похвалы.

– Теренций, ты ж знаешь, что смерть этих червей хоть и была мне приятна, но не сделала меня счастливым. Кстати, что с последним?

– Мы продолжаем его поиски, но пока безрезультатно.

– Так ищите! – яростно, брызжа слюной, крикнул Канцлер, не сдерживая своего безумия.

Теренций не опустил голову, он твёрдо и достойно вымолвил:

– Так точно.

Канцлер слабо выдохнул, потом он подошёл к столу и взял из вазы, стоящей на нём, яблоко зелёного цвета.

– Строго вы с ними, господин.

– Ты о ком? О лордах?! – подивился правитель, искривив худосочное мертвенно-белое лицо в гримасе исступления. – Я бы их лично перерезал, как свиней на комбинате!

– Нет-нет, – скоротечно стал перебирать слова собеседник. – Я про оппозиционных парламентёров. Не кажется ли вам жестко их расстреливать? Выжил же только один... и то, врачи помогли, которых вы позвали.

– Они отступники от моей веры, преступили святой моральный закон идейного единства с правителем и встали на сторону предателей... а Исайя? Пусть в тюрьме гниёт, зная, что он последней из тех, кто мог бы спасти полк-орден.

– Понятно.

– Скажи мне Теренций, что ты думаешь насчёт моего плана? Поделись своими мудрыми мыслями, ведь не даром ты носишь звание Верховного Мортиария?

Теренций немного призадумался, но уже через пару мгновений дал точный и внятный ответ:

– Я считаю, что ваш план недостаточно проработан и в нём есть тактические ошибки.

Канцлер был немного ошеломлён подобным ответом, а поэтому спросил:

– О–о–о, и какие же просчёты в моём плане?

Мортиарий с осторожностью продолжил:

– Ваш план слишком эмоционален. Во–первых, не рекомендую уничтожать полк–орден сейчас, пока идёт война на Иберии, он там сослужит отличную службу, а так же может пожертвовать своими силами и кровью, вместо ваших бойцов. Во–вторых, атаковать его подразделения, не ликвидировав его командование, это всё значит, что выбросить тысячи солдат на верную смерть.

Канцлер посмотрел на Теренция, его взгляд наполнился лёгким постоянным безумием, наподобие того, как у маньяка.

– Так, у тебя есть план лучше? – вызывающе спросил правитель.

Теренций залез во внутренний карман своего пиджака и достал оттуда лист, сложенный вчетверо и подал его Канцлеру. Правитель судорожно дёрнул за листок, вырвав его из рук Верховного Мортиария, беспокойно дрожащими руками



развернул его и начал водить глазами по бумаге, читая:

«Предлагается сначала уничтожить верховное командование полк–ордена, но после того как будут уничтожены сепаратисты. Так же, предлагается нанести внезапный удар по всем аванпостам и сразу, что б дезориентировать и полностью уничтожить все подразделения не дав им соединиться и скоординироваться в едином месте, чтобы нанести контрудар. Так же в малолюдных местах рекомендуется нанести удар ракетным вооружением, что б минимизировать потери со стороны армии Рейха».

После чего Канцлер спрятал эту бумажонку в пальто и снова пошёл к окну. В его руках было яблоко, которое он начал судорожно поглощать, с его губ, сначала по подбородку, а потом и по шее потекла густая слюна.

Теренций холодным взглядом окинул комнату, отвернув взгляд от своего правителя, ибо такой вид Канцлера просто тошнотворен ему. В его глазах читалось смущение и того, что он видит, и он с толикой удивления, желая сменить тему, всё же спросил:

– Господин Канцлер, а почему мы собрались именно в этой комнате? Почему не в вашем великолепном дворце?

Канцлер пленным взором оглядел всю комнату. Вдруг из его глаз на долю секунды выветрилось всё безумие, и его взгляд приобрёл здоровый вид, он утёр слюну. Правитель Рейха утёр капающую с подбородка слюну, на его безжизненных тонких губах расцвела ядовитая улыбка и послышался

спокойный рассказ:

– Ностальгия, знаешь ли... ох, это было больше года назад, но хотя кажется, прошла целая вечность. Тогда был прекрасный солнечный день. Солнце было в зените, и оно приятно грело, а не палило, – уточнив, заявил Канцлер. – О–о–ох, Калья не любила роскошных церемоний, и поэтому мы провели свадьбу в этой маленькой комнатушке. Ты бы видел, какое у неё было красивое платье, и как она светилась от счастья. Её глаза были преисполнены радости, она была подобна ангелу, спустившемуся с небес. Пока священник читал молитву, она смотрела мне в глаза. Её глаза источали неистовый свет.... Но теперь я не вижу этого света, я не вижу её прекрасного лица, я не слышу её голоса, подобному свирели, я не могу обнять её и почувствовать бархатной кожи, и всему виноваты эти твари из полк–ордена! – внезапно, сменив свою улыбку и милость на неистовый гнев, стал кричать правитель. – Именно они рассказали всё про неё тем червивым свиньям! Они выдали про неё всё! Именно они повинны в её гибели! Я уничтожу их!

После этих слов Канцлер, брызжа слюной во все стороны, швырнул погрызенное яблоко в стену, оно разлетелось на куски. Он резко развернулся к Теренцию. Верховный Мортиарий увидел всю бездну безумия и отчаяния, которое можно было увидеть в одном человеке. Он уже пожалел что спросил. Верховный Мортиарий и ещё несколько лиц в Рейхе знали, что их Канцлер болен глубоким психическим расстрой-

ством. Что любой неосторожный вопрос способен его вывести из себя и бросить в пучины паранойи, застав разум правителю багровым туманом. И Теренций решил попытаться сменить тему.

– Простите, Господин Канцлер. Я не хотел.

Канцлер стоял ещё примерно полминуты, уткнувшись в стену, будто находясь в ступоре, и только потом, подняв свой опустошённый взгляд, продолжил:

– Ничего.... Бывает... – тяжело выдыхая, вымолвил Канцлер.

– Кстати, как вам, теперь, новые бразды правления? – пытаясь сгладить обстановку о приятном, как ему казалось, спросил Верховный Мортиарий.

После этого вопроса на лице Канцлера возшла улыбка, схожая с тем как улыбается безумец, опьянённый безграничным влиянием. И он стал говорить, довольным и глубоким голосом.

– Ты не представляешь как это прекрасно, как прекрасно ощущать все потоки власти, ощущать её теплое прикосновение, воспринимать её всей своей сущностью. Как прекрасно воспринимать, то, что от тебя и твоих решений зависят судьбы миллионов людей, то, что по одному повелению и взмаху руки их можно отправить чуть ли не на костёр. Что каждый готов преклонить пред тобой колени, что каждый готов плакаться мне в одежду, что б его не казнили. Но так же приятно ощущать ответственность за каждого подданно-

го. Ты заботаешься о них, подобно тому, как отец заботится о своих детях. Мне становится приятно от одной мысли, что я хоть чем-то могу помочь бедствующим и накормить голодающих... Это всё так прекрасно.

Теренция переполняла масса чувств. Он одновременно иступлено, с восхищением, испуганно и с нотками некоего отвращения смотрел на рассказчика, но покорно дослушав, спросил:

– А как же Сенатариум? Каковы его полномочия, если всю полноту власти вы берёте в свои руки?

В глазах Канцлера всё ещё горел тот неистовый и безумный огонь, но он всё же пошёл на убыль, открывая здорового человека.

– Сенатариум? Вся власть и так в моих руках. Мне всего лишь нужны пятнадцать человек, которые помогали бы мне увидеть всю картину в целом, этикие советники и дополнительные глаза, которые смогут рассказать, что происходит в Буле. Ну и к тому же когда мне надоедает заниматься государственными делами, я всю работу теперь буду скидывать на них. Они всего лишь будут приносить мне решения свои, на одобрение, а инструкции «как нужно» я им потом напишу.

Теренций смотрел на Канцлера, он видел, что безумие начинало отпускать его. И он решил, что б ещё понизить градус безумия, спросить об одной, интересовавшей его, странности в политике:

– Господин Канцлер, не примите за дерзость, но я хотел бы спросить об одной деликатной вещи?

Канцлер направил на него свой, ещё не остывший от безумия, взгляд:

– Конечно, спрашивай.

Теренций сглотнул, а потом продолжил:

– Господин Канцлер, я всегда хотел узнать: почему мы на некоторых участках стены, которая ограждает нас от вражеских держав, имеем дыры и пропускные пункты, через которые нам приходится поддерживать некоторое сотрудничество с названными врагами? Почему мы не воюем с ними, хотя постоянно в новостях, газетах объявляем их главными врагами? Почему так?

Канцлер немного поводит головой, как бы осматриваясь или всматриваясь в пустоту и выискивая что-то, одному ему известное. Он несколько мгновений молчал, но всё же потом решил удостоить ответом своего собеседника:

– Понимаешь, мой дорогой Теренций, хоть у нас и идеи на устройство мира и разные, но мир... мир, то один. Им нужна наша защита от африканских варваров, наше попечительское плечо и опора, что сохранит на их землях спокойствие и благоденствие, а нам нужны ресурсы. Нам нужен залог того, что они не предадут нас в своём стремлении распространить свои больные воззрения... Да, хоть идеи наши и высокие, но цели куда прозаичнее, а средства... ну скажем, они довольно жестоки... вообще, всем этим должен заниматься полк-

орден, по заветам первого Канцлера, но эта задача скоро перейдёт к вам...

После этих слов в душе канцлера снова грозил вспыхнуть огонёк безумия, он продолжил свой рассказ, медленно перебирая не связанный по смыслу порядок слов:

– Первый Канцлер... полк–орден.... Наследие... Теренций! – Вдруг вскрикнул Канцлер, так громко, что, наверное, даже в храме раздалось эхо.

– Да, мой господин? – С дрожью и опаской в голосе спросил Верховный Мортиарий.

– Ты хочешь знать, как я встретил первого канцлера?

Теренций смотрел на своего правителя, он видел в его глазах огонь, но это было не пламя безумия, а огонь подобный подростковому, когда ребёнок неистово спешит рассказать чего он достиг, спешит похвастаться или поведать новую интересную историю.

– Да, мой господин.

Канцлер подошёл к окну и стал всматриваться в витраж, после чего резко развернулся, облокотившись на подоконник начал рассказ:

– Когда мы встретились.... Это было давно, я был в делегации первого Лорд–Магистрариуса на посту обычного рассказчика докладов. И в этот день он меня решил взять зачитывать доклад, связанный с увеличением сепаратистских настроений в регионах. И тогда я увидел его. Высокий, с гордым лицом, с пламенными речами. Его пальто всегда каса-

лось пола, он так же всегда носил перчатки. Он был подобен гордой птице, что взирает на всех острым взглядом. Когда Лорд–Магистрариус вызвал меня зачитывать доклад, не знаю почему, но меня пробрал душевный холод, а под взором его у меня даже задрожали колени. Но я быстро взял себя в руки, унял дрожь, взял верх над собой. Мне пришлось взобраться на трибуну и зачитывать свой доклад. Канцлер, своим пронзительным, чуть ли не бездушным и ледяным взглядом, взглядом, смотрел на меня, такое ощущение, что постепенно изучая меня. Но заседание закончилось. Тогда было принято решение усилить территориальный контроль и кару за сепаратизм, вплоть до смертной казни всей семьи бунтовщика, но не об этом. После заседания он подошёл ко мне. Его взгляд был холоден как старая русская зима и пронзителен как стрела, выпущенная из лука гунна. Его лицо выражало остроту и жестокость. Его волосы, уже в то время, были с просединами. Он подошёл ко мне, его острые губы зашевелились: «Юноша, ты произвёл на меня некоторое впечатление. Из молодых служителей нашего великого Рейха ты единственный сумел себя взять в руки в моём присутствии, хотя многие из высших чинов до сих пор не могут на меня даже взгляда поднять... В тебе что–то есть... Ты не хочешь ли стать моим помощником?». Он довольно остро поставил вопрос, но я, ни секунды не мешкался, я сразу ответил согласием. Да, вот так вот я встал на путь наследника великой империи.

Теренций сидел, внимательно слушая, и в это время в его голове созрел один вопрос, и он, не опасаясь, задать его:

– Господин Канцлер, а почему вы хотите уничтожить наследие первого канцлера? По крайней мере, так поговаривают в народе. – В лоб, не юля, задал свой вопрос Верховный Мортиарий.

Канцлер кинул на него ошеломлённый взгляд, наполненный глубочайшим непониманием и полыхающий огнём негодованием. Взгляд был такой выразительный, что у бывалого солдата и ветерана не одной войны пробежал жуткий холодок по спине.

– Я не стремлюсь разрушать наследие первого канцлера! – Воскликнул правитель, но увидев взгляд собеседника он сменил тон на более спокойный и мягкий. – Не то что бы я хотел уничтожить его наследие и память в него. Понимаешь, я тоже хочу стать любимым собственным народом. Мне хочется быть для них духовно–политическим отцом, которому можно довериться. Пока в их душах зиждется память и светлая вера в старого правителя, я для них не могу стать настоящим отцом государства. Поэтому я порой, немного принижаю значимость фигуры моего любимого всеми предшественника. Я хочу, что б для народа я стал единственным отцом. Ты меня понимаешь?

– Да, мой Канцлер. Но у меня ещё один вопрос.

Канцлер неодобрительно посмотрел на Верховного Мортиария и слегка, будто слегка, улыбнулся:



– Ты решил меня сегодня завалить вопросами?

Теренций был рад, что безумие хоть на немного отпустило Канцлера, но он символически повинно пропустил голову к полу, как бы в покорность.

– Ну, ладно, прошу, задай мне свой вопрос. – Ласково–змеинно попросил Канцлер.

– Господин Канцлер, а когда будут уничтожены сепаратисты и полк–орден, когда вся полнота власти перейдёт к вам, когда всё будет в ваших руках и под вашим контролем, когда к вашим ногам падут все диссиденты, отступники и еретики будут повержены, когда в Рейх установится мир, то, что тогда?

На лице Канцлера внезапно вновь расцвела безумная улыбка, а глаза загорелись тем ярким и безумным пламенем, готовым прожечь всё его естество.

– Тогда? Хороший вопрос.... Тогда я продолжу править, я продолжу властвовать. Ибо только власть никогда не заканчивается, её может быть больше, или меньше, но если она есть, она не закончится. Да, её могут отобрать или даровать, но если она есть, то она будет. А, что касается врагов, предателей и еретиков: они найдутся всегда, а если их нет, то их можно найти. – Канцлер ответил с заметным сладострастием, он будто смаковал, каждое слово он говорил с несоизмеримым удовольствием, отчего складывалось ощущение, что он говорил, предвкушая каждое слово.

Теренций испуганно смотрел, взглядом полным страха и

некоторого отвращения на Канцлера. Он боялся его неожиданных и абсолютно непредсказуемых перепадов настроения. Но он и почувствовал гордость. Верховный Мортиарий был военным и свято чтит порядок. А с этим Канцлером, несмотря даже на беспокойное состояние души его, в Рейхе порядок всегда будет.

И за всё время, то, что он расспрашивал и слушал Император, в его голову прокралась мысль: а не зря ли тот, кто планировал, великие перемены и обещался дать свободу всем, воспитывал ярость, безумие и злобу в том бедняге, который вышел из психиатрии. Но он сразу отринул эту мысль, ведь цель того стоила.

– Господин Канцлер, разрешите идти.

Канцлер кинул свой безумный взгляд на Теренция, но все, же смягчил его.

– Конечно, можешь идти, – опустошённым голосом ответил душой вымотавшийся правитель и тут же его одёрнул. – Хотя постой...

– Что вы хотели?

– Подготовь мою поездку в Западную Иберию... я хочу лично проконтролировать ситуацию вокруг мятежа... свободен.

Верховный Мортиарий поспешно встал со стула и пошёл в сторону двери. Он её легко приоткрыл её и юркнул за дверь, стараясь быть как можно незаметнее. Когда Теренций вышел из комнаты, его накрыла волна облегчения и некоторой осво-

бождённости, ибо он покинул комнату с безумцем, который способен практически на любое сумасшествие. Он легким шагом направился к выходу, оставляя позади великолепный, но такой обыденный храм. Его ждала ещё «великая цель».

В храме было довольно спокойно: священник с благоговением читал молитву, одна из послушниц протирала оклады икон, другая собирала погасшие свечи, а немногочисленные прихожане про себя читали псалмы и молитвы. Солнечные лучи спокойно проникали через окна, падая на золотые оклады, даря золотистое мистическое освещение. В той комнате тоже был свет. Туда тоже проникали массы солнечного света, но все, же там было темно. Ненадолго. Тот, кто носил звание Канцлера достал из пальто старый кулон и открыл его. Его глаза по-человечески заслезились, а в самих глазах были и радость ушедших дней и глубочайшая горечь потерь. Эта фотография в кулоне была единственной, что могло спасти Рейх, когда Канцлер очередной раз проваливался в бездну собственного безумия. Из глаз градом потекли горячие слёзы. И эти слёзы отмывали человека от безумия, даря миру на время здорового правителя, но очень бедного и несчастного человека.

## Глава десятая. Сердце ереси

Через час. Где-то в Великой Пустоши.

Около полудня. Небольшой городок нового типа прибывал в полном спокойствии, не зная бедствий столичной суеты. Налитые свинцом небеса, закрывали солнце, даря здешним людям мир бесконечной серости и уныния. Грозил пойти ещё один кислотный дождь. Впрочем, этот край практически никогда не радовал хорошей погодой.

В больничном боксе, в палате стояла полная и нерушимая тишина, только слышен был звук работающей медицинской аппаратуры. Вся палата была белоснежной и стерильной. Единственное окно, в небольшой палате, было слегка приоткрыто, чтобы в помещение поступал тяжёлый, густой, но освежающий воздух.

На единственной кровати лежала женщина. Её вид весьма удручал, и даже мог привести в ужас: ссадины и синяки по всему телу, бледная как мертвечина кожа, сальные и грязные волосы, иссохшее тело, синюшные впавшие глаза в глазницы, посохшие и потрескавшиеся губы, изнеможенное лицо и всё это на фоне страшного диагноза.

Девушка совсем не спала или была в коме. Она, закрыв глаза, пыталась вспомнить, как сюда попала, но ничего не выходило. Последнее, что она сумела чётко запечатлеть в па-

мяти, это как несколько воинов вели неутомимый бой против орд сектантов, как высокий мужчина в странной броне вёл под руку старого знакомого, как они все садились с бронетранспортёр, а после всего этого её сознание просто решило взять покой.

Тут дверь в палату открывается и туда легко и, боясь нарушить покой входят несколько человек: две медсестры, доктор и с полностью перебинтованным торсом Командор ковыляет. Женщина мгновенно открыла свои глаза, цвета шартреза, тут же бросив взгляд на Командора, пропуская всех остальных. И на её песочных губах начала рассветать слабая, натужная сквозь боль, но все, же улыбка. Медсестры быстро готовились исполнять свои обязанности. Командор потянулся к уху доктора и шепнул ему пару слов. Доктор посмотрел на Командора с неодобрением, но все, же отдал указания медсёстрам:

– Медсестры, на выход, потом всё сделаете!

Две медсестры с удивлением взглянули на доктора, но послушаться не посмели и через мгновение быстро вынырнули из палаты, а за ними вышел и доктор, кинув неодобрительный взгляд напоследок.

Командор медленно подошёл к постели и аккуратно присел и взял её за руку. Они могли бы долго смотреть друг на друга, но женщина первой начала разговор, слегка приподняв худющую руку, прорезав эту тёплую тишину:

– Эстебан, – это имя прозвучало в ушах Командора бук-

важно звону. Этим именем его уже довольно давно не называли – оно звучит странно, непривычно, будто пришло прямиком из старой жизни. – Как я долго тебя не видела. Сколько же времени прошло... – Сказала женщина хриплым, тихим и сиплым голосом, но с неподдельной радостью.

– Спокойней, поменьше говори, тебе нужно меньше напрягаться, – с заботливостью промолвил Командор. – А времени действительно прошло много.

Взгляд женщины внезапно сделался печальным, а на глазах навернулись слёзы.

– У меня всего один-единственный вопрос к тебе: как Габриель? – дрожащим голосом вымолвила девушка.

– Всё хорошо. Он здоров и учится, а об его безопасности мы заботимся.

После этих слов улыбка женщины стала шире. Её иссохшие губы полопались в нескольких местах, и на устах показалось пара капель алой крови. Но Командор заботливо утёр кровь и женщина все, же задала свой вопрос:

– А кто об его безопасности заботится?

– Мой друг, ты должна его помнить, – немного улыбаясь, ответил Эстебан.

– Бродяга Цирус?

– Он самый.

Женщина попыталась даже засмеяться, но горло её не было способно к этому. Похоже, она недавно надорвала свои связки. Смотря на её раны и ссадины, Эстебан старался не

думать, что с ней могли сделать.

– Ох, Эстебан, а ты ранен. – Тяжело оторвав свою костлявую руку от кровати и указав на торс, вымолвила Сцилла.

Командор бросил взгляд на свою перебинтованную грудь.

– Да, не беспокойся, царапины, – слегка натужно ответил Эстебан, потирая рану. – Медицина в Империи способна на многое.

– Как кстати твоя служба в полк–ордене? – тяжело поинтересовалась Сцилла.

– Всё хорошо, меня значительно повысили с того момента как мы. – Внезапно оборвал Командор, нехотя вспоминать тот день.

– Не беспокойся, сил на переживания и злобу у меня нет, – и после не долгой паузы продолжила. – Вы хоть Марка по-человечески похороните?

Эстебан опешил от такой просьбы, и тут он задумался, какие муки пришлось пережить Сцилле, что б потерять всякое чувство в той слабой радости, которая её приковывала к постели, ибо Командор видит, что женщина пытается усидеть из последних сил. Как сильно тирания Имперор Магистратос и надзор Культа Государства на заводе выбил из души человеческой сострадание и жалость к себе. Её не одолевает печаль за смерть супруга – слишком мало моральных сил осталось для скорби над смертью любимого человека.

– Да, Сцилла, похороним, – и тут же с горечью добавил. – По-человечески. И поминальную закажем.

Спасибо, Эстебан, – проронив пару слёз надрываясь, вымолвила девушка.

– Это вам спасибо, за всё, что вы тогда сделали... за то, что приняли, как брата у себя... спасибо.

Сцилла тогда хотела, что сказать, но вдруг в палату зашёл врач. Он сказал Командору, что больной нужен покой, и попросил его выйти. Парню было не охота, оставлять Сциллу, но грозный вид врача, заставил его подчиниться. Эстебан мягко попрощался со Сциллой, поцеловав её в лоб, после чего отправился с доктором из кабинета. Сцилла вслед ему кинула последний тяжёлый взгляд, мысленно прощаясь с ней. С мунуфакториатия живым ещё никто не уходил...

Они оба вышли из палаты и остановились у двери. Доктор глядел на Командора, в его руках сжимался листок с анализами, а на лице читалась некоторая печаль.

– Командор, у меня для вас плохая новость.

– Что случилось? – с волнением спросил Командор. Доктор после некоторой паузы, решил продолжить, выдавив сочувствие в голосе:

– Понимаете, имперская медицина хоть и совершенна, но не всемогуща... регенерировать повреждения на вашем теле это одно, но вот что с ней, – заёрзал врач. – Помимо множественных ушибов, переломов, побоев, пищевого отравления, истощения у неё, на фоне всего этого, ещё и лейкемия, а так же воспаление лёгких и эпилепсия. Ещё и подозрения на инсульт, – туго произнёс Доктор, ему не каждый день при-



ходится говорить, что человек на грани смерти.

Командор сразу поник, на его лице расцвела невообразимая печаль, а в глазах появилась глубокая пустота, угрожающая поглотить всю душу., но все, же он задал вопрос, который был стар как мир, но всегда звучал как нельзя по ужасающему:

– Сколько осталось?

– Не знаю... честно, а теперь всё же простите, но мне пора. – Как-то нехотя и елозя, быстро ответил доктор, который уже развернулся и собирался ещё быстрее улизнуть.

Командор резко и с силой схватил доктора за руку, и бедный врач едва не завизжал от боли, покорно выслушав судорожный вопрос:

– Можно что ни будь сделать?

Доктор выдохнул и ответил:

– Мы не в центре, это Пустошь, простите, здесь мы ничего не сможем поделать.

После чего врач отдернул руку и пошёл вдаль. Командор остался в одиночестве, глубоко погружившись в печаль и сонм раздумий, он не знает, что сейчас ему делать. Но мужчина так стоял недолго.

– Командор, есть разговор.

Эстебан быстрым шагом направился к источнику звука, пошаркивая сланцами по синему линолеуму пола, ковыляя среди белоснежных больничных стен. Перед выходом из местного госпиталя стоит высокий человек. Глаза его – го-

лубого цвета, как морская гладь, лицо имеет острые очертания, а чёрные волосы коротко подстрижены. Его тело укрыто классическим имперским костюмом.

– Да, Верховный Инквизитор, вы что-то хотели?

Неизвестно почему, Карамазов довольно мрачен.

– Пойдём, нам нужно поговорить, – грузно вымолвил инквизитор.

– Подожди, оденусь во что-нибудь.

Командор нырнул в свою палату, нацепляя на себя стандартные медицинские серые штаны и кофту, а инквизитор тем временем вышел из белого колбообразного здания.

Командор спешил за инквизитором, но всё же немного отставал, ранение давало о себе знать. Идя, он старался оглядываться по сторонам, пытаясь запечатлеть в памяти этот маленький город, в котором ему спасли жизнь. Городок, размерами своими был довольно мал, но довольно хорошо организован. В этом городке было всё, вплоть до церкви Империял Экклесиас и часовни Культа Государства. Даже в этом Канцлером забытом месте продолжал гореть огонёк идеалов Рейха, охраняемый полицией и Трибуналом. Даже в этой глуши люди должны были свято чтить постулаты своего государства, либо их постигнет ужасающая кара. Твердь под ногами представлена каменной плиткой, а все здания представлялись безвкусными и серыми или жутко прямыми и правильными. Пока Командор шёл он успел заметить яро проповедующего сторонника Культа, рассказывающего о бла-

ге Рейха. Повсюду висели плакаты с лицами и под ними уже наизусть заученные лозунги. Даже в этой радиоактивной пустыне пахнет дешёвыми благовониями. Несмотря на все невзгоды десятки служащих министерств выполняли свою работу на всех уровнях в городке, не теряя контроля над людьми и обстановкой не на секунду.

Но Эстебан решил не замечать сегодня слуг Рейха, он погрузился в собственные размышления. Но вот они дошли до огромного здания, бывшее значительно больше остальных, которое всё же имело некоторые отличия: чёрный фасад, окна, оформленные в готическом стиле и основное здание посередине, выступающее назад.

Инквизитор поднялся по ступеням и открыл массивную железную дверь, и встал, придерживая её, будто приглашая Командора. Эстебан прошёл в здание, и Карамазов последовал прямо за ним.

– Это резиденция областного губернатора, так, что со своими словами тебе нужно быть осторожней, – Приостановившись ещё на входе, бросил инквизитор в сторону Командора.

– Постараюсь, инквизитор.

И они оба понеслись по этажам и коридорам, в бесконечном лабиринте. Командор ничего не сумел разглядеть, так как они спешили на встречу с губернатором, и каждый этаж или коридор пролетали подобно вихрю, но все, же Эстебану удалось уяснить одно: здание было, что снаружи серым, так и внутри. Убранство было серым и невзрачным: бетонные сте-

ны, у кабинетов по несколько стульев, а из плакатов, только образцы заполнения документов или хваления режиму или Канцлеру. Где-то попадались служителя Культа государства, ведущие просветительские беседы с теми, кто пришёл в этот оплот Имперор Магистратос. Ну а где-то имперские министерские каратели пытаются раскалённым металлом донести свет идеалов Рейха, отчего дворец Губернатора напоминает тюрьму, в которой полно стонов и боли.

Они довольно быстро преодолели все этажи и коридоры и буквально через пять минут стояли в пристанище местного губернатора. Правитель этой области пригласил их в свой кабинет и все заняли положенные места в его помещении, не проронив ни слова. Губернатор формулировал мысли, инквизитор про себя шептал молитву, а Командор осматривал кабинет. Кабинет губернатора был довольно разнообразен, по сравнению с тем, что увидел ранее Эстебан: полки с книгами, красный махровый ковёр под ногами, стол с резьбой из дуба, а на нём компьютер и стопки бумаг. В углу столик с несколькими стульями, тканевый диван, стены, выкрашенные в изумрудный цвет, у двери стоял большой декоративный цветок, а у единственного окна стоял Губернатор, сложив руки за спиной и всматриваясь, куда-то вдаль. Командор рассматривал его: чёрный порченный кафтан, схожий с камзолом, кожаные сапоги до колен, тёмно-зелёные штаны и зализанный назад светлые волосы. И тут неожиданно заговорил губернатор.

– Командор, у нас к вам есть одно дело, очень важное дело, которое пойдёт на пользу всему Рейху. – Обратился правитель области к гостю.

– Я уже послужил Рейху, – держась за торс, грубо ответил парень. – И служу ему в полк-ордене.

Губернатор резко развернулся и заглянул своими серыми глазами в глаза Командору, а потом продолжил:

– Прошу не перебивать. По законам Рейха я мог ваш ответ принять за неуважение к региональному служащему Рейха, – надменно и угрожающе упрекнул областной губернатор Командора, отчего вызвал на себя гневный взгляд Карамазова. – Дело касается той секты, которую вы уничтожили в пределах одного завода. Нам нужна ваша помощь в ещё одном деле, связанным с ней. – После недолгой паузы он добавил. – Верховный Инквизитор, вы можете разъяснить ту ситуацию по мятежникам.

– Да, господин Региональный Губернатор. Те отступники именуют себя «Ревнителю Изначальной Истины». И тогда на Мунуфакториатии мы встретили их самый большой нецентральный состав.

– Нецентральный? Их больше чем состав завода?

– Намного. В остальных местах они исчислялись не больше сотни. Те еретики исповедует многобожие, да, у неё насчитывается несколько, так называемых богов. У них очень интересное и нечестивое представление о политическом устройстве, которого они и придерживаются: все территории

делятся на свободные коммуны. Во главе каждой стоит Лидер Веры, вроде того, что был убит Командором у Мунуфакториатия, а во главе всех коммун стоит Великий Апостол, и якобы во всех коммунах должно быть: равенство, солидарность, взаимопомощь и прочее, в том же стиле этой ереси.

– Боевые отряды, армия?

– А порядок в коммунах будет поддерживаться верой и отрядами экзекуторов.

– Что с их идеями?

– Конечно, всю идеологию я вам не расскажу, ибо эта нечестивая мысль не заслуживает того, что б её даже производили. Но, суть здесь в другом. После нескольких чисток, за ночь, было ликвидировано около трёх тысяч пятисот сто одного человека, во всех местах, где мы побывали, не считая нашего ночного налёта на Мунуфакториатий, и как сообщает моя сеть, эта ересь распространилась и за пределы Великой Пустоши. Но, самое главное: я поднял многие документы за десять лет, и обнаружил множественные пропажи людей и их недостатки различного рода. По общим моим подсчётам «недостаёт» тридцать одна тысяча пятьдесят восемь человек, – внезапно оборвался Карамазов, внимательно посмотрев на правителя области, а потом выпалив. – Губернатор, как вы это объясните?!

Правитель области некоторое время молчал, но потом как повинный школьник, стал отвечать:

– Господин Верховный Инквизитор, здесь не слишком

благополучный регион, у нас перебои с коммуникациями и сообщениями, но всё же, здесь проживает больше двадцати одного миллиона человек и нам приходится их обеспечивать, а на разные «помехи», мы не предпочитаем обращать внимания. – Оправдываясь, стал отвечать губернатор.

– Помехи! Да, вы знаете, сколько сейчас еретиков на свободе! А!? Это некомпетентность, губернатор... ладно, мы с вами позже поговорим, а теперь к делу, – с театральной наигранностью заявил Карамазов. – Я узнал, что их центр находится в разрушенном городе, к ста двадцати четырём километрах к юго–востоку отсюда.

– А откуда вы всё это узнали? – спросил Губернатор.

– Мы допросили одного еретика, пообещав, что если, он что–то скажет, то мы его отпустим.

– Он казнён? – спросил вновь губернатор.

– А как может быть иначе. – С удивлением ответил инквизитор.

– Вернёмся к делу, но сначала я задам вопрос. Командор, нам нужны все воины в предстоящем сражении. Нам нужен каждый солдат. Ты готов обрушиться на врагов?

– Скажем так, – заговорил аккуратно Верховный Инквизитор. – Это твой шанс воздать за Марка и взять мзду крови за Сциллу... ты же понимаешь, что она труп, и только еретики виновны в том, что она такова.

Командор погрузился в раздумывания. Его рану можно залечить регенеративной процедурой, а боль уймут обезбо-

ливающими средствами. Он понимает, что вина смерти Марка и будущей гибели Сциллы не в ереси, а в самом Рейхе, который их сослал сюда. Но что он может против всей карательно-воспитательной системы Империи, поддерживаемой сотнями миллионов фанатичных граждан, которые заключают всякого, кто посягнёт на священные порядки, установленные ещё со времён крестовых походов первого Канцлера, ибо они принесли стабильность и в мир великой разрухи. И поэтому, единственное, что может сделать Эстебан для Рейха, так это посвятить себя защите священных постулатов, дабы ересь не выплескалась дальше и не опрокинула искалеченный мир обратно в период тьмы и варварства.

– Я готов, – шепчет Эстебан.

Губернатор немного нахмурился, показал пальцем в место перебинтовки, которая просвечивалась под футболкой и с толикой удивления и надменности в голосе спросил:

– А вот это вот не помешает.

– Нет, – Быстро и жёстко ответил Командор.

– Вот и хорошо, а теперь давайте обсудим план наступления, – бровадно начал губернатор, развернув в воздухе галло-карту – сплетение алых линий и пучков света, образующих точные очертания местности. – Мы решили привлечь силы по максимуму, в том числе армию и Трибунал, ибо военных соединений Империял Экклесиас не хватит для штурма их оплота.

– Что по статусу? – спросил Командор.



– Всё, что будет происходить при штурме, строго засекречено. И никто из жителей Рейха не узнает об этой операции. Все вы, и из тех, кто будет участвовать в штурме, подпишут специальную бумагу. Любое разглашение даже незначительных деталей будет караться смертной казнью. А сейчас о стратегии. Наша боевая группа делится на четыре наступательных части, что было проще окружить их несчастный оплот и не дать уйти не одному врагу Рейха. Перед наступлением следует артподготовка, в пределах пятнадцати минут, а потом наш выход. Первую группу «Очищение», в которую входят: Храмовая Стража и Церковное ополчение. Эту группу насколько я помню, будет возглавлять наш Территориальный Инквизитор, – смотря на Карамазова, говорит Губернатор, но Верховный Инквизитор не выдал не единой эмоции. – Вторую группу «Свет Закона», состоящий из соединений Трибунала, возглавляет Критарх–майор. Третью группу, состоящей из отрядов армии Рейха, возглавляет наш полковник. И Четвёртую группу, сводный штурмовой отряд, состоящий из комиссаров, полицейских и сил местной самообороны возглавляет Провинциальный Комиссар.

– Что по плану?

– А план прост: первой атаку начинает сводный штурмовой отряд, на него стягиваются все мятежники, потом замыкают кольцо остальные группы. Архидиакон находится в самом высоком здании города, и он наша цель. После штурма и вывода войск наш концерт завершает авионалёт. Авиация

залёт всё священным напалмом, выжигая ересь. Всё понятно?

Командор понимает, что стратегический гений Областного Губернатора оставляет желать лучшего, а его план банален и прост, скорее всего окажется провален. Правитель области делает ставку на плохую оснащённость и организованность врага. Типичная ошибка. Если бы губернатора услышали те, кого он собирался привлечь к битве, то его самого бы осудили как отступника. Но Эстебану это было не и интересно, у него своя цель.

Правитель области, смотря на Карамазова, спросил:

– Господин Верховный Инквизитор, а какое место займёт Командор? Вы о нём ни слова, ни сказали.

– Да, кстати, что со мной? – вторя губернатору, спросил Эстебан.

– Тебе выпадет особая роль...

Через два часа. Оплот ереси.

Некоторое время город стоял в гордом одиночестве, возвышаясь над пустошью, подобно великану. Его главное здание, самое высокое, поднималось, упираясь в небеса, над всем городом. Это истерзанный временем и войной высокий чёрный шпиль.

Со стороны город выглядел безжизненным и мёртвым – разрушенные здания, покосившийся ландшафт и абсолютный ореол тишины вокруг, только дождь разбавлял мрачную

тишь: всё это делало город подобно призраку из давно минувших времён, что умерли с падением свободы в этих краях, но это ошибка.

Выстрелы из крупнокалиберной артиллерии разорвали тишину. Город озарился вспышками разрываемых снарядов. Внутри города прогремели звуки взрывов. Это артиллерийское крещендо ознаменовало начало кровавого концерта, которому ещё стоит развернуться на древних улицах.

Командор пробирался под пролетающими снарядами. Их свист раздавался над головой и отражался в ней, подобно бесконечной монотонной песни. Эстебан решил пойти один, после долгого и личного разговора с Карамазовым, не присоединившись, к какой либо наступательной группе, хотя получил цели от губернатора, на которые успешно плевал.

И он выбрал это время, когда союзники ещё не начали наступление, а враг уже прижат огнём. Ему нужно было как можно скорее достигнуть главного шпиля, именно там его цель. А артподготовка загнала и прижала к земле многих противников, что давало преимущество в скрытности. Командор бежит, сохраняя темп, что б ни израсходовать все силы уже на марш броске. Но всё равно бег давался крайне тяжело, на парне была полная экипировка полк—ордена вместе с автоматической винтовкой.

Он почти добежал до первых развалин города, уже виднелись первые развалившиеся дома. Эстебан быстро нырнул за песчаную насыпь, пытаясь скрыться за ней, а потом и оце-

нить ситуацию.

Командор выглянул из-за укрытия, то, что он увидел, его весьма изумило. Укреплённая линия обороны: сотни метров колючей проволоки, укреплённые прямо в руинах огневые точки с пулемётами, окопы, противотанковые пушки и ежи. Эстебан покрутил визор на маске, изображение увеличилось, и он заглянул вглубь города: танки, грубо склёпаные из металлома, пулемётные точки, пушки и миномёты. Это была не толпа еретиков, а мощная и натренированная армия религиозных фанатиков. Командор посмотрел немного в другую сторону и увидел небольшой прорыв цепи: уничтоженный дзот и разорванная колючая проволока. Он быстрым бегом рванул туда. Во время бега в его голову пришла одна мысль: почему на линии обороны никого не было? Почему он увидел только танки? Он не стал сейчас отвечать на этот вопрос. Он быстро пробежал через прорванную линию и поспешил укрыться, скоро начнётся штурм. Командор добежал до одного развалившегося дома и забрался в него.

Артиллерийский дождь стих. На улочках города стало тихо, только ливень барабанил по руинам. Ненадолго. У домов зашевелились люки и оттуда стали выбираться люди в самых разных одеждах, но у каждого было какое либо стрелковое оружие, причём самое разное, от самодельных пистолетов до современных гранатометов. Командор попытался рассмотреть их всех. Одежды отступников были самые разные – от военной и полицейской, до арестантской и гражданской.

И все они под монотонный напев своих литаний стали занимать свои места на линии обороны. Они встали у линии обороны и стали распевать свои молитвы безумия и нечестивые лже-псалмы, обращённые к нечисти. Из глубин города стали выезжать грубые танки, похоже, что материалы на их сборку поставлялись из мунуфакториативов. От их гула стало закладывать уши, а из труб танков вываливались массы чёрного дыма, будто он работал на угле. Все они тянулись занять своё место на линии обороны, чтобы защитить свою веру и как им казалось свободу.

«Штурм будет кровавым» – подумал про себя Командор, но ему некогда было смотреть на начало наступления, ему следовало пробираться через развалины к шпилью, если он хотел добраться до своей цели первым.

Эстебан проверил оружие, протёр боевой нож и пистолет, встал и двинулся к выходу. Он незаметной тенью пополз по городу, пробираясь через казалось внешне мёртвый, но всё ещё живой город.

## Глава одиннадцатая.

# Идея одна, мысли разные

В это же время. Милан.

Этот спор длится уже больше получаса. Тут нет криков, ругательств, просто захватывающее разногласие в идеях. Дебаты захватили всех в некое подобие транса, когда следят с особым вниманием за каждым пламенным словом участников этого умственного противостояния. Их дискуссия больше напоминает словесную дуэль, долгую и интересную, а ведь всё началось с того, как Давиан и Пауль разошлись во мнениях о коммунизме.

Сначала все сидели и спокойно и негромко разговаривали, будучи в тихой и мирной обстановке истинного братства и солидарности. Кто-то говорил, кто-то ел, то, что принёс. Там были и мясо, и сыр, и мучное, и даже некрепкий алкоголь, который удалось достать только каким-то чудом – все сидят за своими столиками или на лавках, перешептываясь, разговаривали сугубо о своих темах.

Но тут Давиан, и Пауль стали говорить о коммунизме и его путях. Давиан предложил эту тему вынести на всеобщий спор. Все естественно зародовались и ликовали предстоящей идейной схватке.

Давиан начал говорить о главенствующей и всеобъемлю-

щей роли государства в жизни общества. Начал говорить, о том, что всё должно, как он считал, находится в мудром управлении государства, ведь, по его мнению, только оно одно, без помощи церкви и Культа могло обеспечить благосостояние и процветание своих граждан.

Пауль же говорит совершенно об обратной стороне этатизма, излагая мысли абсолютной самостоятельности, самоуправления и полной независимости, а так же о разрушении такого института как государство. Пауль говорил о том, что именно народ должен всё решать, о том, что сами люди знают, что будет лучше для них самих, без государства. Столкнулись два великих вечных политических противоречия: этатизм и анархизм.

Габриель сидел за столиком вместе с Верном, Артием и Элен. Артий и девушка о чём-то дружно разговаривали, временно поглядывая на спор, Верн потягивал кофе из чайной кружки, а Габриель смотрел на жаркую полемику и нервно поглядывал за Элен и Артием, которые сидят прямо у старой кирпичной стены. Слабое освещение только придавало мистической полуреволюционной томности происходящему, хотя и режет по глазам.

– То, есть ты считаешь, что именно государство может обеспечить людям их жизнь, а не они сами?

– Не совсем, я считаю, что государство, как таковое, и создавалось людьми для удовлетворения своих нужд.

– Понимаешь, в эпоху коммунизма, государство не смо-

жет существовать, даже старина Маркс, считал, что его придется упразднить, заменив его самостоятельными и вольными коммунами.

– Не думаю, что разделяю точку зрения Маркса относительно коммунизма, хотя его очень уважаю.

– Ну, а какие мысли?

– Если мы определяем коммунизм как мир всеобщей справедливости, мир, где царствует равноправие и законность, то это мир, который сможет обеспечить именно государство.

– Подожди, а разве не государство не главный поработитель? Разве не во все времена враждовали государства, а народы хотели мира? Именно государство насаждало «верные» идеи и лживые идеалы.

– Ты не понимаешь, если у государственного аппарата будут стоять именно мудрые управленцы, то жить обычным людям будет намного лучше.

– Чем лучше? Если именно государство взимает с нас ненужные налоги, насаждает ложные идеалы, принуждает нас к ненужному исполнению порой глупых законов.

Этот спор может продолжаться больше получаса, но для Габриеля он был не больше пяти минут, ибо атмосфера бунтарства, юношеского неподчинения и духа грядущей свободы, одолевает душу девушек и юношей. Все они подобны борцам за свободы и права, как воинственные революционеры прошлого, пропагандирующие неподчинение проклятой



диктатуре, как им кажется. Однако никто из них не может понять, что Рейх при первом желании сделает из них самые настоящие сухофрукты на суперзаводах в Великой Пустоши, а так же, что именно он удерживает в железных руках земли, которые бы распались без его ведома и вновь сплелись в бесконечном танце войны.

Однако Габриель часто переводит взгляд с дискуссии на овальное миловидное лицо девушки, заглядывая прямоком в глубокие карие очи. Он, учась с ней бок о бок практически год, понимает, что его чувство не более чем юношеская воспалённость, которое подгрызает самосознание, однако же нельзя так долго быть.

«Подойти да сказать», – по-простецки размышляет парень. – «Вот так вот в лоб... а дальше что будет... мы же в Рейхе, в котором долгие попытки завести близкое знакомство – мысленный путь к моральному расстройству... да, так что лучше прямоком в лицо».

– Ну, а ты не думал о законности? – спросил Давиан, вернув интерес Габриеля к спору. – Если не будет государства как такового, то и следить за порядком будет некому.

– Есть такое... но суть анархизма это построить общество умных, честных и высокоморальных людей. Сущность антигосударственного общества в построении мира со свободными и хорошими людьми, а не социума с запуганными рабами.

– Рабы или люди чтящие закон? Люди готовые послужить

на благо своей страны? Ты подменяешь понятия.

– Хм. Государство всегда выступало в роли великого эксплуататора. Именно оно подавляло всякую свободу и самокоррупционировалось.

– Но если и при власти государства будут люди честные и способные, свято чтящие закон и выбор человека, то и жить-ся, и дышаться будет лучше.

– Государство это сосредоточение власти у кучки людей, которые только и повиливают. Есть такое выражение: «Власть развращает, а большая власть развращает больше». А если власть будет распределена между народом, вся и без остатка, то и люди будут честнее, осознавая свою ответственность, и не понадобится больше государства.

– Почему так? Ведь если и при государстве каждый человек будет осознавать свою ответственность и будет порядочным, то и жизнь будет намного лучше.

– Хм. А чем твои убеждения отличаются от того тираничного государства в котором мы живём?

– Чем отличается... Ну, во-первых, Рейх это государство одного деспота и тирана при всемогущей церкви и безумного Имперор Магистратос. Это государство где человек живёт под жестоким контролем и тирании. В нашем государстве хорошо живут только элиты и высшие чины иерархии. В новом Рейхе многие люди не могут себе позволить роскошную одежду или квартиру не в этих «серых монстрах», а нормальное жильё в приемлемом доме, ибо так говорят догмы

религиозный морали, «не одобряется». Якобы человек развратиться, и станет подобен животному. И вот ещё, недавно видел как человека, которого лишили работы по политическим причинам, лишили и квартиры, а потом его просто забрали в трудовые лагеря, потому, что он плохо выражался о министерстве Экологического Контроля. А я говорю о государстве, где элиты заботятся о своём народе, где нет политического произвола, принуждения на основе страха смерти и иерархических репрессий.

– Но вот сами государственные служащие превозносятся над народом? Или ты сейчас не объявлял принцип равенства?

– Я говорил о мудрости управленцев... ну а каков ваш принцип? – Ехидно спросил Давиан. Пауль собирался отвечать, на его лице проявилась небольшая улыбка.

– Ни рабов, ни господ. – Гордо ответил Пауль.

Давиан хотел продолжить с пущем рвением, желая размазать анархические настроение соперника, но тут дверь в подвал открылась, и вошёл хозяин магазина. Все на него тут же бросили взгляд, ожидая новостей.

– Ребятки, вам надо бы заканчивать, – Мягко и добродушно потребовал владелец магазина, который только что появился в подвале. – А то скоро государев люд сюда пожалует.

Давиан и Пауль с пониманием посмотрели и ушли со своих мест на импровизированных трибунах, оставив её пустой, а остальные стали быстро собираться, старик же, увидев их

поспешные сборы, слегка и добродушно улыбнулся, повернулся и вышел. И только Габриель стоял, ничего не понимая, хотя догадывался, что это может быть.

– Верн, а что это все засобирались? Что случилось? – решил юноша спросить у своего друга.

– Да понимаешь, дело в том, что сейчас представители министерства Сбора Прибыли, и министерства Идеологической Чистоты придут взимать налог, и одновременно будут производить проверку помещения, в поисках вещей противоречащих Культуре Государства. Поэтому нам нужно как можно скорее уйти, а то отправимся все на рудники, там обсуждать идеи анархизма и... как там его... это...этатизма.

Габриель слабо усмехнулся над Верном. Однако обстановка требует скорости и сдержанности, вселив в юношу посул осмотреться: все уже собрались, привели помещение в свой первозданный вид и направлялись к выходу. Парень тоже неспешно пошёл в сторону выхода, не желая терять из виду Элен.

Через десять минут у входа в магазин стояли переговаривающиеся меж собой друзья. Не в полном составе конечно. Кто уехал домой, кто–то отправился по делам. Осталось всего несколько ребят: Габриель, Элен, Верн, Артий, Камилла и Понтия.

У Понтии был немного съехавший голубой шарф, на бежевой куртке, которая немного висела на её худощавом теле. Камилла подошла и с явной толикой поправила его.

– Ребята, а куда мы пойдём? Может, ходим в какую-нибудь кофейню? – спросила во весь голос Камилла.

Все стояли, молча, и раздумывали, куда же они пойдут. Но тут в голову Элен пришла мысль получше, и она решила её озвучить:

– Может, мы ходим в торговый центр «Щедрость Рейха»? Говорят, туда привезли новые вещи.

Все переглянулись между собой и дружно согласились пойти в то самое здание, ибо гулять по городу и внимать сотням проповедей, или попасться на глаза комиссарам никто не хотел.

Они шли по улочкам старинного города, болтая и разговаривая на самые различные проблемы, но никто не обсуждал, куда он пойдёт дальше работать, ибо Рейх за них уже всё определил. Министерство Скорейшего Трудоустройства после обучения выдвигало человеку несколько мест, где он сможет реализовать свои таланты. И гражданин в течение двух часов должен был сделать выбор, в противном случае он объявлялся преступником против морали и идей Рейха, ведь пребывал в лени и тунеядстве. И сделав выбор единожды, гражданину было практически невозможно поменять место работы. Только заполнив специальный формуляр и отправив его в Министерство По Трудовому Переустройству, пройдя специальную комиссию, где присутствовали представители от всех Департаментов Власти и убедившись, что человек достоин можно было получить разрешение. Такая си-

стема обеспечивала полный порядок и стабильность, попутно решая вопрос о безработице. Но мало кто задумывался об этой системе, в особенности Габриель и его друзья. Они просто были рады проводить время вместе и мечтать о будущем, лишь мечтая, что когда-нибудь они доживут до времени, когда восторжествует свобода.

Ребята просто как весёлые и закадычные друзья: шли, смеялись и радовались своей жизни, они были пока беззаботны и свободны, не обременены ещё работой в царстве вечной определённости. Но не все были беззаботны: Камилла и Понтия сильно беспокоились о своём будущем. Только личная жизнь каждого могла вызвать озабоченность и беспокойство. Дело в том, что Рейх яро стремился отвечать самым благочестивым идеалам морали. А это значит, что до тридцати лет человек ну просто был обязан завести семью. Если этого не происходило, то министерство по Семейному Устройству принудительно подыскивало пару и организовывало свадьбу, дабы соблюсти право морали и поддержать репродукционную устойчивость Империи, и если человек отказывался, то он мог уйти в «монахи» Культа Государства, монастырь церкви или быть объявленным врагом Рейха, и арестованным за преступление.

Однако даже этот факт, что Рейх уже определил до мелочей их жизнь, друзей не особо волновал. Они просто хотели насладиться моментами юности, пока была возможность. Но вот друзей последние переплетения улочек вывели на огром-

ное, монолитное и гротескное здание, бросавшее свою мрачную тень на прилежащую территорию. Высокое и исполинское здание оказалось невероятно огромным и таким серым, что могло родить безнадёжность в душе – оно уходит своими размерами высоко ввысь и имело форму равнобедренной трапеции. Само оно имело бесцветный отлично отполированный фасад, большие крепкие окна, выполненные в неоготическом стиле, огромную парковку и величественный вход, представленный большими стеклянными дверями.

Друзья направились к входу здания. У здания были десятки, если не сотни автомобилей и огромная парковка, на которой копошились тысячи людей. Ребята зашли в здание торгового центра, и перед ними развернулось огромное, гигантское, невообразимо просторное помещение. Тысячи, если не десятки тысяч полок с продуктами и товарами, практически схожими друг с другом. А где-то в углу был большой эскалатор, перевозящий на второй этаж, к следующему такому ярусу. И каждому ярусу была отведена своя специализация товаров: продукты, хозяйственные, одежда и аксессуары, ювелирные лавки, игрушки, техника, галантерея.

Но всё это разнообразие перемешивалось с невероятно огромным обилием продуктов Культа Государства и жуткой однотипностью и серостью самого товара. Всюду стояли статуи Канцлера, висели сотни разных стягов и гербов. На всех этажах работали слуги министерств, жёстко контролируя работу всего центра, от уборщиц до директорских отчётностей.

По коридорам и помещениям ходили представители Культа Государства и яро проповедовали учение первого канцлера. Откуда-то из глубины Курии послышался звон колоколов. Похоже, Империял Экклесиас отчитала ещё одну молитву во славу Бога, и за здоровье Канцлера и сохранение Рейха.

Но ребята не желали на это обращать внимание. Они сюда пришли не чтобы восхищаться фанатизмом и верой или осуждать это.

Перед друзьями были сотни тысяч разных продуктов, но таких однотипных и серых, ибо Рейх следил за тем, чтобы не было большого разнообразия. Как утверждал Культ Государства: «все товары должны быть настолько неброскими, насколько это возможно, ибо человек должен предаваться труду, а не бесполезному созерцанию раскрашенных безделушек». Или как заявляла Империял Экклесиас: «товар должен удовлетворять в человеке потребность, а не порабощать его своей опасной красотой и не втягивать во грех роскоши». Но настояния Департаментов Власти сейчас ребят, окутанных ореолом дружеской атмосферы, не интересовали, они ринулись к эскалаторам и стали продвигаться к ярусу с одеждой.

Через несколько ярусов они оказались в отделе одежды. Этот отдел оказался меньше, но не из-за первоначальных размеров, а из-за бесконечного обилия лавок и магазинчиков с одеждой и лавок, стоящих на мраморном полу. На глаза попадалась самая различная одежда, которая только мог-



ла быть в Рейхе. Аж целых пять официально утверждённым министерством Одежды и министерством Идеологической Чистоты видов, наштампованных, будто под копирку. Друзья, придя в этот ярус, стали одевать и мерить всё подряд, выбирая понравившуюся им одежду. Элен, Камилла и Понтия мерили различную женскую одежду: юбки, блузки, кофточки, сумочки. Артий, Верн и Габриель стояли в стороне и тихо разговаривали о своём в полголоса.

Узкие проходы меж лавками и различными магазинчиками, серые помещения, бесцветные стены, давили на души людей, а цветная одежда, которая оказалась сущей редкостью, была как бы в издёвку. Такие одеяния продавались только государством и за огромные деньги, но друзья этого не замечали, они были счастливы и без материальных приукрашек, которые и так всячески ограничивал «заботливый» Рейх. Они просто радуются жизни.

– А как вам эта блузка? – спросила Элен, понимая, что эта одежда практически схожа с тем, что она показывала раньше.

– Просто отлично, тебе прекрасно идёт, – вновь непринуждённо заигрывал Верн, пытаясь подыграть девушке.

– Да, классно, – поддержал Артий.

– Прекрасно, добавить нечего, – уже в конце сказал Габриель, помогая этой акции поддержки.

Элен радостно улыбнулась и ликующе скрылась в примерочной. Она была счастлива от мерки новой одежды. И Га-

бриель радовался всему этому: возможности видеть улыбку на лице Элен, и видеть её саму, а так же моменту провести время с друзьями. Он просто был рад проводить время возле неё, хотя то, что он чувствовал, было схоже с помешательством.

– Слушайте, а мы в другие отделы заходить будем? – Спросила Камилла.

– Не, уже что-то не охота. – Недовольно ответил Артий, явно желая покинуть это место и скрыться дома.

Остальные стали с ним активно соглашаться и через несколько секунд, после поддерживающих ответов, отпала всякая мысль посетить ещё что-нибудь.

Девушки ещё несколько минут мерили одежду, а парни в стороне разговаривали, обсуждая самые различные вопросы. И вот настал момент, когда дамы всё обсудили, а парням надоело их ждать.

– Ну, вроде мы всё померили, пойдёмте? – спросила с улыбкой на лице у подруг Элен.

– Да, пора бы, – поддержал её Габриель.

– Слушайте, вы идите, а я схожу, оплачу на кассу, – сказала Элен, держа покупку в руках.

Вообще в Рейхе сохранилась система оплаты покупок в больших магазинах и торговых заведениях как в дорейховских временах – через специальную карточку. Так было проще собрать информацию кто, где и что покупает и если же гражданин оплачивает наличными, то номера купюр и монет

прогонялись через специальную базу данных, обозначая, что эти деньги покинули гражданина.

И все магазины и предприниматели, называющие себя частными, должны были состоять в Корпоративной Палате и иметь возможность получить оплату через карту, но это делается не для удобства, а для контроля денежных средств в частной сфере, которая как одна большая торгово–промышленная, сельскохозяйственная гильдия, сросшаяся с государством и не способная ему ничего противопоставить.

Но юношеский ум эта система устройства мало интересует, хотя и вкрапчивалась со стороны отчества им в умы как идеальная. Ребята, купив, что хотели, стали направляться к выходу из этого серого безликого здания. Они снова на эскалаторах мельком пронеслись через все этажи и ярусы, вновь узрев, все, что было связано с Культурой Государства и церковью, и даже уловили нотки благовоний и услышали моления, доносящиеся из встроенной часовни. Через пару минут друзья стояли на огромной площадке–парковке и ожидали Элен. Ребята стояли и переглядывались, высматривая комиссаров, а так же смотрели в стороны и с нетерпением ожидали свою подругу.

Стоит солнечная и хорошая погода, было тепло, над головами беззаботных друзей повисло осеннее небесное светило, в лицо бьёт лёгкий и тёплый ветерок, дарящий радость счастья. И парковка, которая попала на вид друзьям: бесконечное серое покрытие, десятки автомобилей и клубы дыма

и смога, бьющего из их выхлопных труб, сотни мешающихся и толкающихся серых людей, и всё это в тени гротескного и невероятно великого здания.

Но тут к ним подбежала низкая светлая девушка с папкой в руках, прервав их любование погодой, став просто тараторить:

– Здравствуйте, я представитель министерства по Послепраздничным Дела́м. Я обязана вам задать несколько вопросов.

Ребята понимали, что от этого опроса уйти нельзя было, и нехотя согласились, сделав короткие кивки.

– Как вы находите вчерашний праздник? – Разом он выпалила единственный вопрос.

– Хорошо, – Послышался хоровой ответ.

– А почему «хорошо»? Почему не отлично, прекрасно или совершенно? Почему именно такая оценка?

От такого напора друзья были обескуражены, не зная, буквально, что ответить.

– Почему вы замолчали? Вы сомневаетесь в ответе? Если вы сомневаетесь в ответе, значит, вы сомневаетесь в идеологическом курсе Рейха? Так что ли?

Ребята в ступоре от такого поворота, понимая, что если они сейчас не ответят, то им наверняка понизят рейтинг, но всех спас Верн:

– Да ладно. Мы просто считаем, что есть только две оценки: хорошо и плохо. А у нас всё Рейхе всё хорошо. А если

всё хорошо, значит плохого нет. Или вы будете говорить об обратном?

По всем правилам девушка должна была от них отстать, но она стала напористо грозить:

– Так! Я вам сейчас впишу статью «Введение служащего Рейха в смущение», – но потом, сделавшись помягче, продолжила. – Я вас поняла. Рейх будет удовлетворён таким ответом. – Сказала представительница министерства, и тут же, молниеносно развернувшись, пошла дальше опрашивать граждан, ища «идейно нестабильных» людей.

Ещё через пару минут к ним вышла Элен. В её руках был пакет с покупкой, а на лице была лёгкая улыбка, увидев свою подругу, они договорились не о чём не рассказывать Элен, сделав вид, что этого опроса не было.

– Ну, пойдёмте, – не убирая улыбки с лица, сказала Элен. – Вы уже решили куда?

– Кстати, а куда пойдём? – спросила Понтия с ноткой требовательности.

– Слушайте, я думаю, что можно уже по домам, – предложил Верн.

– Да, я поддерживаю, – скоротечно сказал Артий.

Ребята и были бы рады сходить, куда-нибудь ещё, но вот учёба. Не сказать, что она была трудна, просто количество задаваемого материала, порой просто поражало. Им задавали учить культуру, связанную с идеологией Рейха практически досконально, а за незнание не следует плохих оценок,

но вот просветительская беседа, с телесным наказанием от Культа Государства, с понижением рейтинга – запросто. И причём, не зная культуру Рейха одновременно приравнивается к преступлению против него, за которое можно схлопотать штраф.

Все друзья поддержали Верна и поспешили по серой улице к остановке. Они были не в самом плохом районе Милана – новые серые, громоздкие здания сочетались со старыми и уютными домами прошлых эпох, а на улице как ни странно много народу. Все гуляли и как можно старались отдыхать и радоваться жизни, насколько это возможно в таком государстве как Рейх, не обращая внимания на комиссаров и прочих слуг государства.

Вот ребята дошли до остановки, скучкававшись стали говорить и весело переговариваться, пока не пришёл автобус. Его гудок и шлейф выхлопа ознаменовали прибытие транспорта. Друзья тепло попрощались и все кроме двоих забрались в большой бесцветный коробкообразный серый автобус. Ещё несколько секунд они махали из автобуса Элен и Габриелю, которые вдвоём остались на остановке.

Девушка, мягко посмотрев на парня, ласково задала ему вопрос:

– Тебе в какую сторону?

– Мне туда, – ответил он, с еле уловимым смущением, указав в сторону дальше по улице.

– Ну, тогда проводишь меня? – вопросительно и немного

молительно спросила Элен.

Габриель с радостью, практически ликующе, согласился, и они пошли, с радостью, хотя дорога обещает быть изнурительно долгой.

Средь небольших, узеньких улочек пролегает их путь, похожих на тропки в бетонных лесах, а само время пути начинает затягиваться на десятки минут. Но за это время они успели о многом поговорить – об учёбе, музыке, тех искусствах, которые были дозволены в Рейхе. Но они в основном ликующе обсуждали, то, что было в книжном магазине. И при разговоре с ней Габриель всегда удивляло, то, что когда они были в группе друзей, то Элен как бы его не замечала, будто он был эфемерен. А сейчас она ведёт с ним полную эмоций дружескую беседу, яро обсуждая все проблемы. Но и их задушевной беседе стал подходить конец. Улица за улицей, плакат за плакатом в переулки, сквозь каменные джунгли и мелькающие золотистые деревья и они стали подходить к дому Элен. Как оказалась она не живёт в «каменной коробке», а это был один из тех прекрасных и грациозных домов с дорейховских времён, который по специальному приказу министерства был сохранён.

Высокий дом, грациозный, украшенный, с крышей из красной черепицы, с небольшими садиками на балконах и из красного и белого кирпича.

– Вот я считаю, что сегодняшний режим Канцлера довольно жесток, – неожиданно отчеканила Элен, осмотревшись,

чтобы не попасть в диапазон камер и возможных микрофонов. – Не для нас он.

– Вот, с тобою полностью соглашусь, – поддержал Габриель.

Его перепирает счастьем, от возможности быть рядом с Элен, отчего юноша готов просто светиться от всей этой радости пускай и мимолётной. Хотя парень держит душевные порывы в тисках, ибо прояви он их, и он надолго может стать «клиентом» миланского комиссариата, за «выразительно-аморальное поведение».

– Вот видишь, ты тоже со мной согласен, – заговорила дама, приковав мысли парня к себе.

– Элен, а какой бы ты тип правления хотела? – спросил Габриель, сам засмущавшись подобного вопроса.

– Я? Ну, что б верховная власть выбиралась на некоторое время, что б она делилась на несколько частей, независящих друг от друга. Чтоб не было, какой либо диктатуры или тирании. Что б у нас не было диктаторов, а был президент, как из Европы до Рейха. Что б народ мог влиять на решения власти. Что б граждане были, какой либо политической силой.

«Мысли молодой девушки». – Иронично Подумал про себя Габриель. Он не понимал, как в этом возрасте можно было думать не о красоте и любви, а о политике и устройстве государства. Неужто Рейх настолько холодная машина, что люди, стремясь сбросить его ярмо, отвечают ему ледяной политикой в ответ. Чем тогда победа этих людей будет отличаться



от правления Рейха, если всё их сознание одержимо одной лишь властью им политикой, и неважно в каком виде?

– Мда, великие планы, что ж я в принципе с твоей идеей согласен, – Поддержал её Габриель голосом обреченного.

– Вот, и здесь ты со мной согласен, – позитивно произнесла Элен. – У нас просто мысли с тобой насчёт власти разные, но идея свободы одна.

Вдруг из угла к ним вышел странный человек. Пара сразу притихла, инстинктивно почувствовав некую опасность, исходящую от мужчины, и попыталась пройти возле человека незаметно. Хотя вышедший человек был одет по-обычному: серый плащ, дотягивавшийся почти до асфальта, бесцветные брюки, из-под которых выглядывали коричневые овальные туфли. Торс украшает белая рубашка и серый жилет, а голову закрывала нависшая на лицо шляпа тоже серого цвета. Этот человек шёл довольно быстро. Он вихрем пронёсся между парой, немного пихнув Габриеля. Парень оставил этот укол без ответа. Этот человек заботил его сейчас меньше всего.

Пара почти подошла до подъезда Элен. Габриеля переполняет душевное трепетание, а если говорить точнее, то у него в душе был готов разразиться приступ Паркинсона. Но он пока держит себя в руках. Юноша пытался себя отговорить себя от этой идеи, но он всегда вспоминал цитату из одной старой книги, которую каким-то чудом цензура не нашла. Книга была довольно старая, ещё с дорейховских вре-

мён. Цитата была довольно интересна, и призывала к действию. Эта фраза говорила, чтобы человек сначала действовал и только потом уже разбирался с последствиями. Элен уже стала подниматься на ступени своего дома и намерилась прощаться с Габриелем, как он ласково, но в тоже время неожиданно взял её за руку. Глаза Элен вспыхнули от недоумения и удивления, вызванными поступком юноши, но парень начал говорить. Его сердце, что билось бешеной птице в груди, разрывало от волнения, а язык стал заплетаться как у пьяного:

– Элен, дорогая, хочу тебе признаться.

– Габриель...

– Не перебивай, – с заплетённым в пьяный узел языком, потребовал с ропотом юноша. – Ты очень красивая и хорошая девушка. Я тебя довольно долго знаю и вижу в тебе чудесную красоту. И сегодня я хочу тебе сказать... Элен, я хочу сказать, что я тебя люблю.

Его слова были переполнены неопытностью и юношеской наивностью. Но это было самым дорогим и ценным, что он мог сказать другому человеку, особенно в таком государстве как Рейх. Элен стояла ошеломлённая с расширенными глазами, от услышанного признания, а Габриеля трясло и бросало в пот, как будто у него лихорадка. Ветер немного приутих, оставляя лежать немногочисленные золотистые листья, сорванные с редких деревьев. А шум немного спал, оставляя возможность для чёткого ответа. На улице стало жутко ти-

хо. Пара стояла буквально на ступенях, Габриель всё так же придерживал руку Элен.

Губы Элен зашевелились, неся свой ответ:

– Габриель...

И тут юноша понял, что мысли у них и насчёт мироустройства и насчёт личной жизни действительно разные, однако идея свободы и дружбы одна и только её следует придерживаться.

## Глава двенадцатая. «Во имя великой цели»

В это же время. Рим.

Над вечным городом нависла прекрасная тёплая погода, которая тут бывает довольно редко. На светло-голубом небесном полотне сияет яркое слепящее солнце. Слабый ветерок дует лицо, освежая воздух и делая времяпровождение на улице более приятным. Помимо ветерка, несущего ароматы надвигающейся осени, воздух был переполнен запахами уличной кулинарии, постепенно вытесняющей смердящий запах благовоний.

Рим днём всегда наполнен звуками города и цивилизации, доказывая, что это одна из самых больших агломераций и мегалополисов в мире, где установился центр великой державы. Где-то голоса переговаривающихся людей стремятся стать громким хоралом, где-то звуки машин, выводящих к огромным магистралям, ну а так же город сотрясается гот производственных шумов – мелкие заводы и небольшие фабрики продолжают усердную работу. Ни сколько наперекор удушающему режиму Рим был жив, сколько благодаря ему одному.

Теренций, сбежав от Канцлера, размашисто идёт по улице Вечного Города, стараясь держаться тени. Рим сегодня

переполнен людьми, каждая его улица подобна бурной реке с людским потоком – некоторые граждане идут в ресторан, кто-то просто гуляет, наслаждаясь своей жизнью, несмотря на везде снующих комиссаров и представителей министерства Повседневного Мнения, которое опрашивало людей, стараясь выяснить, как люди относятся к Рейху, а тех, чьи ответы не нравились, отмечали, как «идейно нестабильных» с пометкой на установление более строгого надзора.

Теренций пробирался через каменные леса, минуя потоки из людской мешанины, проходя переулки, пробегая через улицы. Он не решил воспользоваться автобусом, Верховный Мортиарий ценил прогулки на своих двоих, да и к тому же билет на транспортное средство оплачивался через специальный государственный терминал, так, что можно было отследить поездку любого человека, а это сейчас ему не нужно. Он шагал довольно быстро, преодолевая значительные расстояния за короткий срок, оттого в ногах начинает чувствоваться напряжение и усталость.

Так улица за улицей, юркая через переулки, уходя переплетениями дворов, он вышел к старому, почти заброшенному району, который вот-вот должны были ликвидировать и построить на нём объединённую систему храмов, церковей Империял Экклесиас и Кукльта Государства, посвящённую славе и благу Рейха, потратив на это миллионы империялов.

Это место не было заполнено символикой и пропагандой государства и сюда не смотрело всевидящее и неустанное

око Рейха, ибо для этого нет нужды – район вымерший, а если кто и соберётся, так это не нанесёт существенного урона Империи. Тут нет ни одного комиссара или священника, несущего слово Рейха, только потому что его тут нести банально некому, разве что мёртвым постройкам. Здесь даже не было представителей министерства Надзора за Заброшенными Объектами, что без усталости и отдыху обязаны были следить за каждым заброшенным зданием в Рейхе, потому что они отсюда умелой рукой отважены

Теренций вышел на небольшой убитый и разнесённый дворик, посреди которого стоит почти обвалившаяся часовня, построенная во времена заката Итальянской Республики. На него смотрят разбитые пятиэтажные здания, с покосившимися стенами и выбитыми окнами, сжимающие пространство. Двор был замусорен кусками камня и строительным материалом, повсюду гулял и пел свои песни сухой, и едва слышимый ветер, который гоняет рой пыли и небольшой мусор, поднимая его с земли и закручивая в вихре.

Эту область должны сравнить с землёй, примерно через месяц. Она остаётся одним из самых старых и заброшенных районов, символизирующих долгое и беспокойное прошлое великой столицы – анахронизм старого мира, напоминавший о тех временах, когда государства Европы, в своём падении, сравнивали с древней империей золотого орла. Сей район стал живым воплощением мёртвой эпохи, когда Европу называли оплотом свободы и права, ставя её в пример

всему миру... и чтобы ждало северное побережье Средиземного моря, не появись Рейх.

Теренций бросил взгляд на часовню. Облезлая краска, прохудившаяся крыша, разбитые ступени, посыпавшаяся мозаика, где-то побитые стены, а так же паутина из трещин. всё это было её неизменным атрибутом, которые она с гордостью носила. Верховный Мортиарий, тяжело выдохнул, посмотрел на неё и начал свой ход к ней – он аккуратно поднялся по ветхим и разбитым ступеням и преступил порог разрушенной часовни.

Внутри её нет, какой-либо красоты, присущей гротескной отделке церковью Империял Экклесиас: разбитые до кирпича стены, пустующие места под иконы, каменная крошка на полу и несколько зажженных свеч, стоящих на выступах и немногочисленных канделябрах. В воздухе витал запах сырости, грибка и плесени, смешанный с плотным ароматом зажжённых благовоний. Посередине стоит небольшой круглый стол, который дотягивался до пояса взрослого мужчины, а на шершавой поверхности лежит карта Европы, возле которой собралось несколько человек. Теренций узнал кардинала Римской Епархии, несколько священников Империял Экклесиас, одного из генералов армии Рейха, пару других офицеров и чиновников из Император Магистратос. Они встали, образовав некоторый полукруг, синхронно повернув голову на вошедшего Теренция. У каждого из них была своя одежда, соответствовавшая их статусу и Департаменту Вла-

сти, но поверх неё их фигуры покрывал объемный чёрный балахон с капюшоном практически до носа.

– Верховный Мортиарий, ваш балахон, – сказал один из присутствующих и протянул тряпьё.

Теренций взял его, быстро развернул и поспешно на себя натянул, стараясь как можно быстрее присоединиться к собранию.

Главу гвардии Канцлера не переполняет чувство соучастия в сопротивлении имперскому режиму, как больного революционера... он просто видит в этом спасение родины от больного рассудка, который с каждым днём становится всё опаснее. Он не хотел видеть у власти, человека, который болен психическим расстройством, что по одному позыву собственной паранойи готов утопить в крови тысячи людей. Но всё же, несмотря на своё участие в негласной оппозиции он испытывает к своему правителю не более чем жалость, ибо считал, что Канцлер не заслуживает ненависти, которую к нему испытывают мятежники.

– Почему вы опоздали, Верховный Мортиарий? – внезапно послышался вопрос, прервавший густую тишину. – Небось, потеряли уважение к нашему великому делу?

Теренций осмотрелся в поисках хозяина вопроса и обратил внимание на кардинала Римской Епархии. Его лица не было видно, из-под капюшона показывался только овальный двойной подбородок и пухлые блестящие губы.

– Почему вы опоздали, Мортиарий? – строго спросил ге-



нерал, среднего роста и полного телосложения.

Теренций недовольно помял губы и сморщил скулы, но всё же ответил вполне спокойно и интеллигентно:

– Господин генерал, я...

Даже, та часть подбородка, которая была видна у генерала, поморщилась, а голос выдал громкий недовольный бас:

– Здесь нет господ! Мы все здесь равны. Не стоит забывать об этом.

Верховный Мортиарий недовольно сложил руки на груди и продолжил:

– Простите, генерал, позвольте продолжить, – я часовне наступила тишина, и, осмотревшись на присутствующих, Теренций продолжил. – Спасибо. Вы спрашивали, где я был? Отвечаю: я был у нашего Канцлера.

Одна из фигур, немного, самую толику, подалась торсом вперёд, как бы немного наклоняясь. Из чёрного балахона подалась ряса. Это был худой священник, заговоривший надменным голосом:

– Ну, и как там этот шизик?

Теренций недовольно кротко помотал головой, недовольно цокая, но умело скрыв недовольство, ответил:

– Как он? Временами спокойней, временами этот человек неуправляем. Если его накручивать, то он дойдёт до... нужной кондиции.

Кардинал жадно потёр пухлые ручонки и заговорил:

– Отлично, пусть всё идёт по нашему плану, придуман-

ным нашим великим предводителем. Теренций, изводи его как можно дольше и насколько это возможно сильней, ты должен будешь довести его до полного сумасшествия. И только потом, когда он перед народом предстанет полным безумцем, мы сможем выйти из тени и привести к исполнению последнюю стадию нашего великого плана.

Тот же надменный священник спросил:

– А почему нам этого червя сейчас ни убить?

Кардинал мотнул головой в сторону священника. Через капюшон кардинала прям, чувствовался недовольный взгляд, проедавший человека, задавшего вопрос:

– Мы не можем исполнить последнюю стадию сейчас! – прикрикнул иерарх. – Если мы свергнем его в этот период, то народ, подчинённый любовью к нему, просто нас растерзает, а наши жалкие душонки будет проклинать вечность, заклиная наше движение как тех, кто поверг «справедливость». Сначала нам надо его представить безумцем, Дявола-воплоти. Показать его демоном перед толпой, что б народ сам возненавидел его и возжелал свержения безумного тирана.

Теренций почувствовал, что слова кардинала были переполнены жуткой ненавистью и самым ярым презрением к Канцлеру, которое он изливал подобно желчи. Верховный посмотрел на хозяина вопроса. Священник, получив ответ в такой форме, выпрямился и встал, не проронив больше ни слова.

Главу охраны правителя переполняет ещё чувство презре-

ния к самому кардиналу – жадному убогому мерзавцу, затеявшему передел власти, чтобы получить ещё больше привилегий и влияния и даже возможно стремится занять пост Великого Отца. В ряду всех оппозиционеров выделялся своими «особыми» вкусами, о которых если узнает Империял Экклесиас, то церковного иерарха могли сжечь как еретика. Кардинал стремился не к здоровой власти, как большинство участников тайного сопротивления – им двигают потайные и очень скрытые желания, находящиеся за гранью морали Рейха. Всей деятельностью в сопротивлении кардиналом управляли похоть и развращённость, что гнездились в душе отступника.

– У меня есть один очень интересный вопрос, можно задать, брат?

Кардинал повернул голову в сторону Теренция, которым одолевала жажда поставить иерарха церкви в неудобное положение.

– Ну, давай, – с вызовом бросил «священник».

– Брат Кардинал, а почему мы собираемся в этой старой и полуразрушенной часовне? Почему не в Великом Храме Империял Экклесиас? Почему не вашей квартире в Риме, спрятанной от министерства Надзора за Имуществом? Почему не вашей загородной резиденции, что вы так тщательно скрываете от Трибунала Рейха?

Кардинал повернулся, отчего его капюшон немного одернуло, и на вид предстали заплывшие жиром глаза, к заржа-

вешей железной статуэтке Богородицы, стоявшей на выступе, образованный тем, что кусок стены был отломлен. В это же время взгляд церковного иерарха переполнился недовольством. Его голос стал полыхать революционной ностальгией, в попытках сойти с неудобной темы:

– Брат мой, этот район, эта часовня... это символы. Здесь наше додиктаторское прошлое. Этот район отражает времена, когда этой землёй правила свобода, когда люди не были обременены тяглом тирании и всему устремлениями покажем революционную святость и обратимся к духам прошлого. Мы те призраки старых времён, которые придут из тьмы давно забытой свободы, поднимемся из праха и низвергнем тиранию.

Теренций сложил руки на поясе. Его голос наполнился легчайшим весельем и он саркастично задал вопрос:

– Странные слова для священника?

Служитель церкви возмущённо спросил:

– Что ты этим хочешь сказать?

– Вы учите смирению людей и покорности, а сами готовите переворот, называя себя праведниками, стремитесь скинуть покорность Рейху. Как это называть?

Кардинал развернулся, однако оставил руки за спиной. На его губы налезла улыбка, а голос стал противно приторным:

– Брат мой, если приходит тирания, которая стремиться подчинить сами человеческие души, то это богопротивное правление, которое необходимо уничтожить. И нам выпала,

без сомнения, божественная миссия – свергнуть тирана, и установить справедливое правление.

Верховный Мортиарий с презрением посмотрел на Кардинала, ряса которого на пузе жутко выпирает вперёд, а живот готов был вылезти наружу, подобно тому, как разбухшее тесто вылезает из кастрюли. Он не стал спрашивать ещё что–либо. Ему абсолютно понятна истинная цель свержения Канцлера... любой червь стремится к власти, и удовлетворить свои самые тёмные желания.

– Вот и славно! – воскликнул Кардинал, прихлопнув в ладоши, и помпезно продолжил. – Братья, у нас всё идёт по плану. Если Бог будет благоволить нам в нашей праведной цели, то мо..., простите, наш Рейх, станет первой Теократо–Милитаристской республикой. Братья военные обеспечат порядок после нашего прихода к власти, а священническое слово укажет праведный путь для людей, а так же раскроет им свет истины. Мы будем править верой и правдой, а так же стальной справедливостью. Мы даруем людям свет истинной свободы. Мы низвергнем безумного тирана. Мы воскресим из праха то, что некогда звалось свободой! Ave новой республике! – безумно и с революционным рвением в голосе говорил Кардинал.

И в часовне раздалось, не столь громогласное, но всеобщее «Ave». Члены собрания повторили его единогласно, а кто–то даже руку, с ладонью, сжатой в кулак, вздёрнул вверх. Но только Теренций стоял, опустив голову и глубоко заду-

мавшись.

«Безумный тиран» – провертел у себя в голове Теренций. И на него сразу волной нахлынули воспоминания, он хотел в них уйти, но тут его оборвал голос:

– Брат Мортиарий, а что ты так странно задумался, уж слишком ты стал пассивен к тому, что здесь происходит. – Въедливо спросил Кардинал.

– Ох, простите, я просто ушёл в воспоминания, – наигранно оправдался Теренций.

– А какие это воспоминания? Или у тебя тайны от нашего братства? – Язвительно спросил кардинал. – Лучше расскажите, как ошизел Канцлер... как он так долго болтался на подсосе у Лордов? И каким он был убогим.

– Хотите знать, что ж, я расскажу, – грубо и с упрёком в голосе начал Верховный Мортиарий. – Это было около года назад. Тогда шёл лёгкий и прохладный дождь, и был жуткой порывистый завывающий ветер. Небо было занавешено тяжелыми, свинцовыми облаками, а земля у нас под ногами превратилась в жижу.

– Вот про погоду нам тут не надо, – ввязался в рассказ кардинал. – Ради Господа... по делу.

– Мы тогда стояли, в какой-то лесной глуши, посреди которой, в самых непроходимых местах, почти у дороги, стояло старое обветшалое здание, с жёлтыми стенами. Нас было пять человек, стройно выстроившихся у фургона в ожидании Канцлера... минут восемь что-ли мы стояли. Мы полу-

чили приказ от одного из Высших Лордов, живых ещё тогда.

– По делу.

– И когда пошла девятая минута, то к нам на встречу вышли два здоровых человека, самые настоящие шкафы, тащащих какого-то парня.

– Ты нам лучше опиши... его.

– Да... те откормыши под руки вели одного человека, которого к нам подвели, что б мы смогли его забрать. Боже, я никогда в жизни не видел таких иссохших и обиженных жизнью людей, – снизошёл до жалости Теренций. – Безжизненное, белое как у трупа лицо, отёкшие и синюшные веки, а в глазах бездонная, самая глубокая, бездна, от взгляда в его, лишившиеся души, чёрные глаза, мне стало просто тошно. Руки были костлявыми, а сам костюм свисал с него. Он не шёл, его несли – тот мужчина всего лишь беспомощно дёргал ногами по земле и мотал головой из стороны в сторону.

– И как же он таким стал? – вопрошает надменный церковник. – Божья кара?

Но Мортиарий не обратил внимания на священника, продолжив:

– Мне это удалось узнать каким-то чудом... я выудил это среди бесконечного бреда про предательство, любовь и какую-то Калью. И по приезду на виллу этого Лорда, я и узнал правду про полк-орден от владельца дома... кто им мог подсказать про необычайные способности Теневигов полк-ордена. Так ведь, брат Кардинал, – кинув явный упрёк в сто-

рону служителя, Империял Экклесиас, закончил Теренций, уйдя от остальных вопросов. – Почему вы так яро хотите уничтожить полк–орден через руки Канцлера?

Во время рассказа Верховного Мортиария, лицо Кардинала менялось, от язвительно–весёлого до угрюмо–осуждающего, но только когда был дан упрёк, церковник заерепенился:

– Это всё было во имя великой цели! Отрепье из полк–ордена это плод диктаторского греха, а посему они должны будут предаться Божественной каре! Всё во имя справедливости! Во имя великой цели!

Теренций понимал, к чему уничтожение полк–ордена. Кто могут рассказать истину, во все времена были не угодны тем, кто пытался её скрыть, а те, кто могли отстоять истину силой, пользовались всегда отборной ненавистью у тех, кто старался её укрыть и сделать всё так, чтобы о ней не узнали.

– Брат Кардинал, я вот, что хочу спросить.

– А может уже хватит на сегодня вопросов? – Недовольно попытался избежать вопроса Кардинал.

– Ну, позвольте...

– Ладно, задавай свой вопрос

Мортиарий выдержал небольшую паузу, понимая, что все присутствующие сильно заинтересовались этим не объявленным противостоянием, и только потом спросил:

– Если вы чаеете идеи республики, то какую систему правления хотите ввести?



Вопрос ввёл кардинала в ступор. Он стоял и молчал секунда за секундой.

– Я... ну...мы...

– Позвольте мне сказать? – пронзив суматошные звуки, издаваемые кардиналом, спросил один из присутствующих.

Подался вперёд молодой офицер, сказав это сильным энергичным голосом. Теренцию захотелось сплюнуть. Он знал этого офицера, а знал и его прилежность, верность делу, и глупую доверчивость. Кардинал сильно выдохнул, радуясь этому офицеру, который спас его от провала.

– Конечно, мой милый брат, – сказал кардинал со слащавой улыбкой на лице.

– Спасибо. Так как мы будем республикой, причём первой теократо–милитаристской, то и будет у нас самый настоящий парламент, – с детской гордостью в голосе заявил Капитан. – В нём будут заседать двести человек. Сто военных и сто служителей новой церкви, а так же у нас будет президент. И их всех будут выбирать всенародным голосованием, так же в Рейхе появиться разделение властей, но это всего лишь ещё проект. Подробнее всё изложено в нашей новой, самой настоящей конституции. Там описаны многие изменения, и их комментирование может просто длиться часами. Так что её лучше будет изучить дома вам.

Молодой капитан энергично договорил и вынул из–за пазухи большую тетрадку, около сотни листов.

– Спасибо вам, брат Капитан, – не снимая улыбки, побла-

годарил кардинал.

– Всегда, пожалуйста.

– Хватит. Нам пора обсудить следующее действие. Помощь, обращение в безумие, привязка к доверию, лорды... все эти этапы мы прошли успешно, теперь на повестке уничтожение полк–ордена. Есть предложения? – спросил сухим голосом генерал.

– Да, есть. Так как на Иберии идут военные действия, то предлагаю отнести уничтожение полк–ордена на короткий срок, я аргументирую это тем, что: план их истребления ещё полностью не продуман и на Иберии они сослужат нам хорошую службу, в миссии подавления сепаратистов. Свои рекомендации я уже дал Канцлеру, – Предложил Теренций.

– Есть другие предложения или же критика этого? – ожидая того, кто сможет опровергнуть предложение данное Теренцием.

На вопрос генерала все стояли, молча, склонив головы.

– Ну, тогда решено. Мы будем рассматривать план по ликвидации полк–ордена тщательней, и разбирать его до долей секунды. Это понятно? – так же сухо отчеканил свой вопрос генерал.

Все ответили только монотонным согласием. Кардинал взглянул на часы и, искривив губы в кривой улыбке проговорил:

– Пора совершить нашу молитву, перед тем как мы разойдёмся. Давайте, собирайтесь ближе к столу, – по–отечески

попросил служитель церкви.

Все подошли к столу, кладя на него руки и готовясь к молитве. Все кроме Теренция.

– Простите, что не могу присоединиться к вам в вашей пречистой молитве, но у меня есть множество дел, которые необходимо решать.

Все ответили молчаливым согласием, а напоследок его пронзил недовольный и полный ненавистью взгляд Кардинала, который был виден даже из-под капюшона.

В часовне спокойно горел тусклый свет, а её помещение стало постепенно заполняться молитвенным гудением. Теренций, сняв балахон, спешно покинул часовню, желая поскорее уйти от места фантасмагории похотливого кардинала. И среди каменных великанов осталась стоять гордо старая часовня, в месте, куда не может заглянуть даже око Канцлера. Как гласила цитата из одной проповеди одного «монаха» *Культы Государства*: «Ведь гады забиваются именно в те места, где царствует тьма и где их не может застигнуть свет нашего Бога и Канцлера. Они пытаются скрыться от их праведного взора и теплоты, предавая себя развращению и тьме».

## Глава тринадцатая. Встреча с «богами»

Оплот мятежников в великой пустоши. Спустия три часа.

Идёт лёгкий прохладный дождь. Дул ледяной ветер, постоянно звонко завывающий и бьющий в лицо неистовым порывом. Небеса застланы тяжёлыми свинцовыми облаками, бесконечно изливающие кислотный дождь на израненную землю.

Твердь под ногами превратилась в сплошную жижу и увязывающую грязь, так что ноги было тяжело переставлять при беге. Взрывы и звук очередей разрезают пространство, а запах гари стал постепенно завоёвывать каждый сантиметр города. Из немногочисленных самодельных граммофонов, расставленных вдоль улиц, лились бесконечные молитвы, чёрные литании и богомерзкие лже-псалмы непонятным существам, прерывавшиеся на время пламенными выступлениями архиеретика. Бегущий по городу Эстебан сравнил эти граммофоны с тем, что стояло на улицах Рейха, назвав их в уме «сущими братьями».

Командор нёсся по разбитой и разрушенной улице, его руки сжимали оружие, не сделавшие ещё не одного выстрела. Он пробирался подобно призраку по городу, который сам умер больше десятилетия назад, оставаясь незамеченным и

вечно в тени, ускользая от противников порой в самый последний момент.

По бокам пространство стискивают огромные и высокие разрушенные и серые здания, ставшие жалким подобием улиц Рейха. В уши постоянно бились молитвенные гимны и нечестивые хвалы, способные довести до тошноты. По броне стекали капли дождя, а мышцы немного побаливали от напряжения. Он пробежал ещё несколько метров и увидел впереди патруль – наверное, двадцать мятежников, в разных одеждах, с разнообразным оружием, от пистолетов до ручного пулемёта, покрываемые саваном дождя, шли навстречу Эстебану. Командор, посмотрев на их экипировку, мог спокойно положить отступников из своего оружия, но ему не нужно было попадаться на вид – он резко остановился, осмотрелся и залез в разрушенное здание. Притаился.

Командор ушёл далеко от наступающих союзников. Штурм оплота ереси шёл уже около двух часов. Первая и печальная атака, которую вёл сводный штурмовой батальон, недооценивший всей коварности отступников, захлебнулся собственной кровью, как, впрочем, и сама атака. До своих позиций, под крики и всхлипывания, доковыляло меньше половины части атакующих, которые надеялись войти в город, как на прогулку. По их рассказам, они нарвались на пулемётные точки, заградительные линии, колючую проволоку, танки и окопы, усеянными сотнями бешеных еретиков.

Естественно остальных накрыла волна праведного гнева,

и они направились в групповой штурм, который повёл сам ставленник Верховного Инквизитора, охваченный яростью, приказав артиллерии продолжать беспрестанно утюжить город. И оставшиеся части, под артиллерийское крещендо, с именем Канцлера и Рейха на устах, ринулись в атаку, преисполненные праведным гневом и ведомые священной мессью. Но прорвать оборону было не столь просто, ибо наступающие тонули в вихре огня, цеплялись и рвали кожу об колючую проволоку, утопали в окопах или умирали в рукопашной, висли на дзотах, от выстрелов разрывались и разлетались мясом, но всё же сумели прорвать оборону и ринуться вовнутрь города, но и это далеко не конец. Растяжки, заминированные улицы, укреплённые позиции и целые районы, обращённые в крепости, кварталы, ставшие фортами, и просто тысячи засад ждали наступающих на пути к шпилью. Защитники сделают всё что можно, что защитить себя и своих богов, они скорее умрут, чем сдадутся.

Эстебан притаился, в каком-то разрушенном здании, предварительно забравшись в угол и спрятавшись за грудой мусора, попытавшись абсолютно максимально затихнуть.

– Командор, двадцать один человек впереди вас, собираются поворачивать обратно, можете успокоиться, – раздался тихий голос в рации.

– Спасибо Антоний, можешь продолжать сообщать мне ситуацию. И кстати, как тебе дрон?

Из рации раздался небольшой смешок, после чего после-

довал ответ:

– Всё бы хорошо, но вот погода конечно подвела. Ничего, я пока справляюсь, – Прозвучал немного весёлый голос Теневика.

После чего Командор прервал связь с Антонием. Встал из угла, отряхнулся от мусора и стал аккуратно выбираться из здания, пытаясь не привлечь внимания. Выйдя из здания, он увидел в небе еле видимый, парящий в вышине дрон с камерой. Антоний приглядывал за Командором, это был залог полной скрытности и тайны человека, что прошёл незаметным сквозь полчища отступников. Эстебан кинул взгляд дальше по улице и увидел уходящих вглубь города еретиков, которые проверили, то, что на этом участке их оборона ещё не прорвана.

Командор поднял винтовку, осмотрелся по сторонам в поисках возможной угрозы или путей продвижения, и стал дальше продвигаться по разрушенному городу, стараясь оставаться тенью. Он за два часа своего продвижения уже оставил за спиной не менее десятка патрулей и укреплённых боевых позиций, заведя самых разных еретиков: в старой военной форме с устаревшими автоматами, в потёртой гражданской одежде с пистолетами и винтовками, оборванцев с ножами и пилами. Порой, среди толп и орд отступников, Командор подмечает грузных или высоких людей, в чёрных балахонах, с книгами и посохами в руках, распевających очерняющие душу песни среди еретиков, увидев, что при чтении

молитв, в глазах еретиков безумное пламя фанатизма, а лица их искажались в гримасе ярости и ненависти, они готовы были идти на битву с голыми руками, они становились буквально одержимыми. И тогда эти «капелланы» указывали своими посохами в сторону атакующих, мятежники ревущей волной бросались в сторону нападавших с дикой яростью, позабыв обо всяком сострадании к себе. Командор называл этих людей, в чёрных балахонах – «проповедники».

Эстебан продолжает тенью пробираться по улицам, которые стеснены огромными серыми зданиями, которые были подобно призракам, старой, давно минувшей эпохи, минуя через целые разрушенные кварталы, ставшие оплотом для отступничества. Он снова увидел укреплённые посты, готовые вести ожесточённую борьбу, до последней капли крови, как многие еретики просто снимались с постов и продвигались к тем местам, где шли самые ожесточённые стычки. Чем дальше Командор продвигался в город, тем меньше он становился заброшенным, а в глубь его стали украшать палатки еретиков, подобие рыночных рядов, самодельные сторожки, а некоторые здания были переделаны под дома или небольшие склады, заводы, быстро сделанные госпитали и «храмы».

Особенно интересны были так называемые «места культа» – со всех этих больших зданий свисают рваные и грязные куски ткани, на которых намалёваны углём или кирпичной крошкой четыре горизонтальных палки и как подметил Эс-



тебан они создаются для массовым молитв. А «храмы» выделялись по-особенному – небольшие, одинокие, собственноручно сделанные из различных стройматериалов, напоминавших маленькую базилику, здание. Приближение к ним ознаменовывал лёгкий душок из благовоний, которые чувствовались даже сквозь запах грязи, дыма и гари. Эти места ревностно охранялись, ибо возле них были возведены целые блокпосты и баррикады, с до зубов вооружёнными людьми. И как ни странно из этих из залов этих зданий даже сквозь артиллерийскую канонаду были слышны моления и хвалебные песнопения некой четвёрке, где ведут службу те самые «проповедники», без народных масс.

Эстебан, проходя мимо этих «церквей» всегда задумывался, а так ли свободны эти люди, как они сами считают? Они, возненавидев одну форму подражания, яростно отвергают её и принимают новую, теперь не веря в Бога, Канцлера и Рейх, а на заповеди Культа Государства и Империял Экклесиас им глубоко наплевать, но люди теперь фанатично подражают некой четвёрке. Неужто у этих людей подражание настолько въелось в душу, что они без него не представляют жизни и гнилым подобием свободы пытаются заменить опустевший пантеон в сознании? Разве свобода стоила того, чтобы стать жалким и убогим подобием самого Рейха? Все эти мысли хоть и резали Эстебану ум, но он на них не обращал значительного внимания, сконцентрировавшись на деле.

Пройдя еще какое-то расстояние, Командор решил уйти во двор и перевести дух. Он забежал, в какой-то переулок и наткнулся на нагромождённую баррикаду. Шины, части мебели, арматура, стальные пластины и подобное этому: всё это предстало перед Эстебаном. Дальше прохода не оказалось. Это нагромождение мусора было не преодолеть. Эту пробку выбил только бы танковый выстрел или несколько правильно установленных взрывчаток, которых у Командора не было. Вообще, Эстебан заметил одну странность в этом проклятом городе: многие переулки были в подобных переходах, целые улицы сотнями метров были заминированы или перекрыты непроходимыми баррикадами или обрушенными зданиями. Складывалось впечатление, что всех ведут по определенному маршруту, будто подготовив вести армию врага в «нужном» направлении, а баррикады стали в некоторой степени корректировщиками пути. Командор уже об этом задумывался и понимал, что это самая правдивая версия, но ему нужно было как-то продвигаться.

Эстебан подошёл к началу переулка и стал вглядываться в город. Оплот еретиков покрывал саван дождя, его обволакивали порывы ледяного ветра, и из переулка оказалось трудно, что-то увидеть, но все, же он попытался. Перед взором были каменные и разбитые дома, причём довольно высокие, а сама улица оказалась довольно узкая. Командор высунулся из переулка и увидел последнее, чтобы хотел – впереди улицы шагает еретический патруль, а во главе размашисто и гор-

до шаркает «проповедник». На его голову спускался большой капюшон, закрывающий всё практически до носа, в руках сжат длинный посох с черепом на навершии, в другой руке он держал книгу, а за ним ступали пятеро еретиков, в старой военной форме выцветши-зелёного цвета, со стародавними карабинами в руках. Обойти их никак нельзя, они шли уверенной походкой вперёд, побрякивая оружием.

Но рядом оказалась довольно большая куча из мусора и старой арматуры, за которой можно было спрятаться, и Эстебан моментально ринулся туда, залёг на кусок мокрой разбитой и старой брусчатки, пытаясь как можно плотнее к ней прижаться, чтобы быть незаметней.

Процессия так и шагает, высматривая врага, а «проповедник» тем временем идёт и читал свою проповедь, его звонкие, наполненные фанатизмом и религиозным рвением слова пронзали оркестр войны, бесконечно громыхавший в городе.

– Братья, – всё продолжая свою проповедь, благоговейно твердит жрец отступников. – Сегодня один из самых знаменательных дней для нас, день нашего великого испытания, которое посылают на нас боги! И мы должны его вынести. Мы должны выдержать всё, что для нас уготовят высшие силы, что бы они ни ниспослали на нас. Мы должны безукоризненно служить богам. Да, ибо в служении и заключается наша свобода. Служа богам, мы освобождаемся от рабского и уничижительного подражания жалкому и убого-

му человеку, ибо только в покорности мы обретём свободу, – И шедшее за ним солдаты, монотонно и без всякой эмоций повторили последнее предложение.

Командор не был в шоке или удивлён от сказанного отступником, он понимает, что люди, которые десятилетиями воздавали молитву Канцлеру, уже не способны жить без веры во что-нибудь. Им нужна внутренняя мотивация, внутренний стержень, ибо самостоятельно мыслить и жить, без внутреннего тёплого прилива религии они уже не способны. В погоне за свободой они стали рабами поиска, к тому же попали в плен новой веры. Это восхваление чего-то неосязаемого и мощного, что питает их души изнутри и дарует тепло, и стало их новым смыслом жизни, новым наркотиком.

«Религия – опиум для народа» – Подумал про себя Эстебан, вспомнив давно сказанные слова, запрещённые в Рейхе, неким древним политиком, сторонником «архаичного протосоциализма» – как бы сказали руководители Директории Коммун.

Но тут все размышления Командора разом прервались. С дома откололся небольшой кусок камня и с металлическим звоном ударился о броню Эстебана. Парень изрядно напрягся. Все чувства разом обострились, а в кровь ударил адреналин.

– Кто здесь! – яро воскликнул проповедник, попытавшись взять посох как дубину и не умело опустив её, парадировав боевое положение.

Его охрана – четыре человека быстро взметнула карабины, и нервно смотрела в прицел, ища цель по сторонам.

– Общайте здесь всё! – от явного страха – крича, приказал «проповедник».

Солдаты беспрекословно подчинились и стали бродить по улице, в поисках противника, обыскивая всё, вплоть до мусорных баков.

Командор взял свою винтовку наизготовку, приготовившись к бою, который ему не нужен был, ведь его глубокое продвижение могли раскрыть... единственное, что стояло между отступниками посреди улицы и Эстебаном, забившемся к стене здания, является огромная куча арматуры и бетона более двух метров высотой. Один из отступников подошёл довольно близко к этой куче, его шаги уже отчётливо слышны, и чувствовалось его прерывистое дыхание, а у края кучи уже виднелся пар от его дыхания.

Командор поднял своё оружие, готовясь сделать выстрел, но внезапно, отступник развернулся и ушёл.

– Там всё в порядке, – доложил он своему командиру дрожащим голосом.

Эстебан смыслил, что еретик явно догадывался, что за горой мусора, кто-то скрывается, но он не хотел расставаться с жизнью, делая скидку на то, что возможно наступающего найдут и убьют в другом месте.

– Ты уверен? – требовательно вопрошал глава патруля.

– Да просто камень откололся и ударился об арматуру вон

там, – с оправдательными нотками в голосе ответил парень, указав рукой на гору мусора.

– Ну, хорошо...

Внезапно зашипела рация, весившая на поясе у «проповедника», он её сдёрнул с пояса и активировал.

– Это шпиль. Доложите обстановку, – искажённо, сквозь статику и помехи, в приказном тоне вырвалось из радиации.

«Проповедник» поднёс рацию к лицу и ответил:

– Докладывает разведывательное братство «Тень и Кровь» славного Дома Войны. Мы выполняем разведывательную миссию. Пока никого из противников не обнаружено.

– Продвигайтесь в сторону передовой на север, там необходима ваша поддержка. – Так же грубо и еле различимо слышался приказ.

– Так точно. Будет исполнено, во славу богов.

– Слава богам.

Связь прервалась. «Проповедник» повернулся к своим бойцам и пламенно заговорил:

– Братья! Мы вступаем в бой. За наш дом! На наши семьи! За нашу свободу! За нашу веру! Мы покажем канцлерским псам, чего мы стоим. Наши собратья и сёстры уже на передовой, так давайте им поможем, обрушив всю нашу ярость на головы захватчиков и угнетателей нашей свободы! За богов!

Солдаты ему ответили фанатичным и радостным криком, подняв над головой оружие и дёргая им, имитируя стрельбу.

– На передовую! – Закричал во всё горло отступник, указав своим солдатам посохом направление.

Через минуту от них не осталось и следа, лишь вдали еле различимые силуэты, сквозь саван ливня, что позволило Эстебану выйти из своего укрытия на середину улицы, желая дальше продолжить своё продвижение. Дождь продолжал равномерно и плотно укрывать своим саваном город, ветер всё продолжал выть, по броне Командора текли струйки воды, аккуратно смывая всю бетонную крошку и пыль. Достав свою рацию, он попытался уловить передачи дружественных войск, из услышанной передачи он понял, что они ведут бои там, где он был около часа и получаса назад, но так, же он узнал из передач, что некоторым отрядам удалось прорваться и что они почти близко Эстебану. Командор, подумав, вышел на волну с Антонием:

– Теневик Антоний, приём, вы меня слышите?

Через статический шум послышался искажённый голос Теневики:

– Да, Командор, вызывали?

– Да, Антоний. Доложите обстановку, что показывает наш дрон?

Сначала пробежала небольшая пауза, и только потом послышался ответ:

– Господин Командор, дрон стал неисправен, он на последней тяге долетел до штаба. Вода проникла внутрь. Камера отключалась.

– То есть мы слепы? Почему мне ранее не доложили?

– Да, Командор, – последовал повинный ответ. – Мы не хотели вас беспокоить, да и к тому же у нас и со связью были проблемы.

Настала небольшая пауза, предназначенная для раздумья... Командор уж было подумал, что Антоний захотел с ним тут покончить, лишив глаз, но в то же время Эстебан понимает, что эта временная неисправность спасла его от раскрытия, став проявлением великой удачи. После нескольких секунд раздумий Командор продолжил:

– Антоний, доложи мне, когда сможете починить дрон.

– Да, господин Командор.

– Держите меня в курсе событий в штабе, – приказал Эстебан и тут же прервал связь. – Любое их передвижение, выходящее из плана, должно мне передаваться. Всё, конец связи.

Командор, по сути, остался пространственно слеп, но вот ему в голову пришла мысль. Он быстро кинул взгляд на рядом стоящие здания – старые, заброшенные, разбитые, но главное – высокие. «Если нельзя смотреть с дрона, то его отчасти заменят эти пережитки древней эпохи» – подумал про себя парень.

Командор быстро забрался в окно первого этажа, это оказалось несложно. Внутри здание оказалось почти уничтоженным: разбитые и пробитые стены, проломанные полы и хрупкая конструкция. Эстебан отыскал лестницу, она на



удивление оказалась цела, но довольно хрупка. Командор стал с предельной осторожностью подниматься по ней. Во время подъёма слышался хруст крошащегося бетона и скрёжет конструкции. И в один из моментов Командор допустил ошибку: он поставил ногу на участок с хрупким бетоном. Кусок лестницы начал откалываться и понёсся вниз, утягивая за собой Эстебана. Он попытался зацепиться за перила, но их вырвало и понесло вниз, мужчина сумел податься рывком торсом вперёд, как бы выталкивая себя, и в самый последний момент он ступил на крепкую конструкцию, оставив отколотый кусок бетона в свободном падении. И только парень собирался выкрикнуть ноту гнева, вспомнил, что может привлечь ненужное внимание, в тише продолжив путь на крышу... одно дело обрушение куска старого здания, а другое человеческие голоса.

Через пару минут Эстебан уже взирал на город с плоской крыши здания, откуда открывается крайне удручающий вид на вездесущие серые и убитые временем дома, среди которых горели огни и играли вспышки выстрелов и взрывов. Командор решил подключиться к радиоканалу и послушать переговоры, так как из-за высоты зданий не было видно, что происходило на улицах.

– Клевер-8, ответьте. Клевер 8, выйдите на связь. Клевер 8, отвечайте.

Послышался ответ:

– Клевер-8 на связи.

– Доложите обстановку, Клевер 8.

– Клевер-8 докладывает: мы продвинулись за линию обороны противника, направляемся в сторону шпиля, он прямо по фронту. К нам присоединились отделение трибунала «Неоспоримое правосудие» и отряд церковного ополчения «Свет веры». Противников не видно, прямо по курсу всё чисто. Каковы будут дальнейшие приказы?

– Продолжайте выполнение приказа. Прорывайтесь к шпилю. Да хранит вас Господь и Канцлер.

– Так точно!

Командор отключил передачу, взяв бинокль. Он попытался найти их, хотя это было проблематично, но через полминуты он увидел, в узкой улочке эти отряды – людей с самым простейшим вооружением и лёгкими бронежилетами. Но их спокойное продвижение длилось не долго – отряды прошли немного дальше по улочке и нарвались на жестокую засаду. Впереди их блокировал самодельный танк, сзади зашёл пулемётный расчёт, а из зданий начали поливать огнём наступавших. Первым сделал выстрел танк. Из его грубого дула, с огнём и рёвом, выключился неуклюжий снаряд, взорвавшийся почти рядом с наступавшими отрядами. К этому «кровавому» концерту присоединились еретики из зданий, под свои нечестивые молитвы, поливая огнём попавших в ловушку. Воины Рейха попытались уйти из кровавого рукава, но попали под очередь тяжёлого пулемёта, ставшего сзади. Отряды отстреливались, пытались укрыться, но стреля-

ющие из зданий находили каждого и навсегда оставляли его лежать в укрытии, тяжёлый пулемёт своими очередями вспарывал отряды и разрывал их в мясо, танк, же просто стоял, за что и поплатился. Один из солдат трибунала нёс с собой гранатомёт – спуск крючка, шлейф дыма, ведущий в танк и грозная, но грубая самодельная машина не выдержала удара. Танк оглушительно взорвался, его самодельная броня разлетелась на куски, а башня отлетела недалеко в сторону, но всё равно силы Рейха потерпели кровавое поражение. Командор видел их предсмертные судороги, зрел их муки и цепляние за жизнь, видел, как их кровь раскрасила серые улицы города, лицезрел их героическую смерть. В душе Командора вспыхнула ярость и ненависть к отступникам, но сейчас он её проявить не мог, ему ещё нужен здравый и холодный расчёт, а тем солдатам уже не поможешь. Парень подошёл к другому краю крыши и посмотрел в бинокль дальше по улице. Чисто, лишь дождевая мгла. Эстебан пошёл спускаться.

Через десять минут, после аккуратного спуска, Командор вновь тенью продвигался по улице, он так же аккуратно шёл, пытаясь не попасться на глаза патрулям, и ещё через десять минут прямого продвижения по улице Эстебан оказался перед большой площадью. Посредине огромного пространства стоит небольшой разрушенный фонтан. От площади исходят три улочки: одна, из которой глядел Командор, две устроились в конце, уходили вправо и влево. Вся площадь была по периметру окружена зданиями, переулков совсем нет. Ко-

мандор стал продвигаться по площади, но тут, же, не пройдя и пяти метров, как ошарашенный кинулся к горе арматуры, бетона и мусора, и почти добежав до груды, он упал туда, пытаясь как можно скорее скрыться.

Впереди, в здании, оказался укреплённый пост, а ближайшая часть площади к ним усеяна молящимися еретиками, их тут не меньше трёх десятков, и обойти всё это задача из разряда невозможных, однако решение пришло само по себе, или же по доброй воле неизвестных сил:

– Приём, – тихо сказал Командор в рацию.

Сквозь шум помех и статику загадочно последовало:

– Нам нужно встретиться, в километре отсюда. Координаты я вам скину на дисплей в цифровой карте.

– Это кто? Представьтесь. – Потребовал Командор.

– Неважно кто я. Если у вас есть проблемы с продвижением, то обозначьте их, и мы решим всё.

Эстебан не знал, что ответить и что сказать. Он метался между тем, что это была ловушка отступников, и что неведомый союзник решил ему помочь.

– Хорошо. Впереди меня укреплённый пост врага. Обойти его не представляется возможным. – Кинул несколько обречённо Командор, согласившись на предложение тайного союзника.

– Сию минуту, – Послышалось из рации, и через несколько секунд неизвестный ещё добавил. – Встречаемся через полчаса. Конец связи.

Через две минуты позиции впереди Эстебана накрыло шквальным и непроницаемым крупнокалиберным артиллерийским огнём. Не было слышно ни криков отступников, ни как рушатся здания впереди, лишь адские раскаты взрывов заполнили слух. Спустя буквально полминуты обстрел спал, и Командор выглянул из укрытия. Впереди громоздятся лишь дымящиеся руины – осколки домов были разбросаны по всему пространству, что раньше называлась площадью, а её саму перепахало снарядами, разнеся в пыль фонтан и сорвав всю плитку.

Эстебан не стал обращать на последствия обстрела, его теперь только сжигало желание узнать, какой тайный союзник решил ему помочь. Но главное – зачем? Этот вопрос пока остаётся без ответа.

Командор поднялся и двинулся согласно координатам, высланными неким помощником. Переулок за переулком, пробираясь сквозь баррикады и минуя десятки постов, так же ускользая от вездесущих патрулей он вышел на одну из главных улиц. Она была настолько широка, что на ней могли спокойно разъехаться четыре танка и ещё пара бронетранспортёров. С виду на ней ни души, лишь ветер гуляет, разгоняемый стуком артиллерийских снарядов о землю, но Командор понимал, что не следовало здесь оставаться, ибо бесконечные патрули отступников или контрнаступление еретиков могут раскрыть его тайное передвижение по мёртвому городу. Он быстрым шагом пошёл по улице, стараясь при-

жиматься к правой стороне, и увидев впереди проход, выбитый крупным снарядом, немедленно юркнул в него и оказался уже на другой улице.

И снова продвигаясь по улице, Эстебан заметил непрходимую баррикаду, которую нельзя было обойти или прорвать подручными средствами, а поэтому он стал осматриваться по сторонам, в поисках прохода. Он нашёл только небольшой проход, переулок, ведущий в маленький дворик. Командор туда и пошёл. Стрельба становилась всё плотнее, а взрывы снарядов, судя по звукам, ложились всё ближе, похоже, наступавшие силы Рейха всё ближе продвигались к шпилью. Битва шла к своему кроваво–огненному завершению, когда правосудие Канцлера воссияет кровавой звездой над городом и его просто утопят в море напалма, но до этого ещё долго.

И так вновь повторяя монотонные передвижения переулок за улочкой, переходя из одного двора в другой, следуя уготованному маршруту, Командор выбрался к одному скоплению врага. Это странное место – оно похоже на маленький задний дворик. Его всюду огораживали высокие развалившиеся здания, образующие двор в форму прямоугольника. А сами здания, или дворик, огораживал ржавый забор, состоявший из железных ржавых толстых спиц. К дворику ведут две дороги: из того переулка, откуда и появился Командор, и большая горка, по левую сторону от переулка, состоящая из обломков зданию, за насыпью, наверное, есть какая–то до-

рога, да и само возвышение хорошо утрамбована и проработано, что б по нему было легче пройти

Однако сие место не так спокойно и безопасно – во дворике, находилась около десятка еретиков, по виду, готовившихся атаковать дорогу за насыпью, явив себя из засады. Все они находились несколько в кучковатом положении, даже порой теснясь, друг к другу, их губы беспрестанно шевелятся, а из горла доносились монотонные звуки. Молитва отступников, никак и иначе и такая оплошность страшная прореха в обороне врага.

«Это прекраснейшая возможность» – грозно подумал про себя парень. Он, не раздумывая, сорвал осколочную гранату и кинул их в толпу отступников. Граната с глухим звуком упала в куче еретиков, но они, упившись молитвой, даже не сразу её заметили, а посмотрели в сторону металлического брэнчания, то было уже поздно. Граната взорвалась, подняв ввысь массы грязи и разметав отступников в разные стороны двора. Никто не выжил. Парень злобно ухмыльнулся, лишь порадовавшись смерти ренегатов, Эстебану всё равно на то, сколько они нарушили заповедей Империял Экклесиас, законов Рейха или с каким извращением глумились над постулатами Культа Государства. Они, ведомые слепым почитанием своего лживого пантеона, убили Марка и сделали живого мертвеца из Сциллы... пусть и то было на пару с Имперор Магистратос. Не железный кулак деспотичного Рейха, а «мягкая» и «свободу почитающая» ладонь еретиков, считав-

ших себя либеральными деятелями, практически убила его друзей, собиравшись принести в жертву. И ему теперь было неважно, сколько их поляжет за собственные идеи, и с какой жестокостью с ними расправится Рейх.

Оставив разглядывание трупов, мужчина продолжил путь – ему надо было продвигаться к шпилью.

«Но вот, что это» – подумал про себя Командор. За насыпью послышался звук стрельбы знакомого оружия, которое очень знакомо и похоже на жуткий рёв, пальба явно отдаёт чеканящими и ревущими звуками. Эстебан, не раздумывая, полез через насыпь, ведь даже координаты говорили, что место встречи за этой горой мусора. Он цеплялся на осколки бетона, за металлические детали, за арматуру, кряхтел, но медленно и верно прополз за этот вал. После чего он перевалился, встал, отряхнулся и кинул взгляд на поле боя. Командор посмотрел налево и увидел большой перекрёсток, от которого вперёд уходила огромная дорога, ведущая прямо к высокому шпилью, который стоял прямо посередине города. Всюду перекрёсток окружали серые разрушенные здания, в которых теплилась некоторая жизнь – есть знаки лазарета, другие были переделаны под жильё, а так же ещё множество зданий нужды, а за ними возвышался, уходил ввысь, в небеса огромный разрушенный шпиль. Но он посмотрел на дорогу, что была под ним. И он увидел, то, что его сильно обрадовало. Эстебан оказался преисполнен ликования. Десять воинов, в такой же броне, что и Командор бесстрастно ведут



бой с наступающими нечестивыми отступниками. В их руках сжаты улучшенные АК – 899, из дул которых вылетали роковые для еретиков заряды и валили огненные вспышки. После каждой подобной вспышке, один из наступающих еретиков замертво падал наземь с пробитым торсом. Они ведут бой у разбитого БТР, используя его как укрытие, десять воинов стойчески держались и Командор понимает, что ему с ними не сравниться, ведь ему поручалось командование и управление аванпостом полк–ордена, а сейчас перед ним истинные воины элитного подразделения. Их натаскивали и тренировали лучшие бойцы во всём Рейхе, они прошли самые жестокие, выматывающие, практически за гранью человеческих возможностей испытания и тренировки. Эти бойцы могли выполнять операции, что для обычных солдат покажутся невыполнимыми, они являются совершенным оружием войны, воплощённым в человеческом облике.

Но впереди всех, на сером разрушенном парке невообразимых размеров, что стоял, прям перед дорогой к шпилью, бьётся один воин в полном одиночестве, в самой гуще боя и разил еретиков не автоматом, а клинком и пистолетом. Под дождём, который постепенно переходил в морось, его клинок сверкал сумасшедшим сиянием, хладно рассекая одежды и плоть врагов, а пистолет периодически производил выстрелы, становившееся роковыми для еретиков. По его блестящей броне маленькими вспышками расцветали попадавшие в него выстрелы, но они не причиняли ему никого вреда.

Командор поднял своё оружие и присоединился к обороне своих «братьев». Из дула винтовки вырвался стрекочущий залп, потом ещё один. Каждый выстрел косил тех или иных еретиков. Оружие отступников было неэффективно на таком расстоянии и пули, выпущенные из него, не причиняли никого вреда. Солдаты полк–ордена обратили на Командора внимание, но оно длилось не больше мгновения. Поняв, что это союзник, они так же спокойно продолжили свой бой. Командор стал к ним спускаться, но делать это по обломкам здания было очень трудно. Но Эстебан не сразу пошёл к союзникам, парень спокойно занял текущую позицию, потому что она была несколько выгодней для автоматической винтовки, чьи стрекочущие залпы снова скосили нечестивцев.

Грохот АК – 899, стрекотание винтовки, вой оружия еретиков, лязг клинка, звон дождя и моления отступников слились воедино, став похожими на одну монотонную песнь войны, одну из тысячи. Но вот отступники решили отойти, зализать раны и перегруппироваться – десятки ренегатов стали отступать в сторону шпиля, оставляя своих «братьев» на обгавленном поле.

Командор поднялся из укрытия и грузной походкой подбежал к своим союзникам, которые собрались у полыхающего БТРа, а те только и стоят в полнейшем безмолвии, как статуи, ожидающие, кто первый проронит слово, однако один из союзников вышел и звонким голосом спросил:

– Откуда вы? – был задан вопрос Командору, после этого

вопроса он выпрямился и ответил:

– Я Эстебан, Командор Аванпоста Менаггио. А вы откуда?

Спросивший Командора человек подался немного вперёд, после чего ответил:

– Я брат–лейтенант, Тит Флоренций, командующий отделением «Скорпионы Пустоши». Мы присоединились к отряду храмовников, что проходили у нашего аванпоста, командор Эстебан.

– Почему вы присоединились к храмовникам? И, чей это БТР? – указав на уничтоженный бронетранспортер, спросил Командор.

Тит посмотрел на БТР и ответил:

– Это БТР храмовников, они прорвались дальше нас, пока мы удерживали одну улицу к юго–востоку отсюда, когда мы подошли за ними, то он был уничтожен. А почему мы здесь? Это вам объяснит вон тот человек, – указав рукой на подходящего к ним бойца с клинком, сказал Тит.

Воин подошёл к собравшимся бойцам. Чётким движением он вложил своё обagrённый меч в ножны и убрал пистолет, выполненный довольно в архаичном стиле, в кобуру. Его бронежилет, наручи, сапоги были выполнены в средневековом стиле, причём покрываясь тонкими пластинками твёрдого металлического сплава, на его лице укреплённая маска–противогаз, а на голову спускался капюшон.

– Ну, здравствуй, Эстебан, – протянув руку вымолвил человек.

Командор сразу узнал знакомый ему голос.

– Приветствую вас, Верховный Инквизитор Карамазов.

Это вы тогда выходили со мной на связь? – с весельем в голосе сказал парень и протянул ему руку.

– Да. Официально меня здесь нет. Так что мне пришлось себя не называть.

– А почему тебя здесь нет? – пытливо спросил Командор.

– Особенности профессии, – с еле заметной улыбкой ответил Карамазов.

Потом Командор и Верховный Инквизитор по-братски тепло обнялись, отбросив вездесущий формализм.

– Зачем я понадобился тебе? Ты же сначала закинул меня в этот ад, а потом ещё направил. Раскрой секрет. Хотя...

– Командор посмотрел в сторону шпиля и задал ещё один вопрос. – Вы можете доложить обстановку, брат-лейтенант Тит?

– Конечно, командор Эстебан. Пройти к шпилью по главной дороге не представляется возможным, так как там сконцентрированы крупные силы противника. Наш дрон показал нам, что там стоят танки, дзоты, расчёты с тяжёлыми пулемётами, несколько старых боевых машин «Шилка», с плазменными зенитными орудиями, укреплённые позиции, метры колючей проволоки и тонны песка в мешках.

– Кстати, а где ваш дрон?

– Его, к сожалению, заметили и сбили.

– Жалко. Но вернёмся к первому вопросу. Почему я

здесь?

Солдаты, после вопроса, переглянулись и таинственно притихли, дав возможность Карамазову ответить:

– Эстебан, что ты знаешь, что ни будь об истории этого городка? – хладно спросил инквизитор.

– Нет. Ничего, кроме официально установленного.

– Я тогда расскажу, но не об огороде. Раньше тут существовала «Свободное Генное Конструирование», а промышленляла эта корпорация, тем, что проводила свои эксперименты в сфере генетики и геной инженерии. Сам этот город был построен корпорацией для проживания персонала и работников, а так же здесь находился её головной офис, этот шпиль её штаб–квартира. И здесь проводились крайне рискованные эксперименты, связанные и с человеческим геномом. Я в старых архивах нашёл некоторую документацию, что им удалось достичь «каких–то» успехов, но каких не называется, говоритья лишь, что они не связаны с человеком. В этих документах говоритья, что основные эксперименты проводились под шпилем, в цокольном этаже, который и связан был с канализацией.

– Я так понимаю, когда Конфедерация была уничтожена, а этот город опустошен, то «потерялись» почти все документы, связанные с экспериментами, – перебил друга Командор.

– Да, правильно, но остаётся шанс, что плоды экспериментов, до сих пор блуждают в канализационных системах.

– И это всё?! – рассерчал Эстебан. – И меня ты вытащил,

чтобы помочь тебе? Ради мифических экспериментов ты собрал целое отделение полк–ордена и притащил его сюда? – с возмущением спросил Командор.

– Это не всё, – сокрушается Карамазов. – Как я мог своего названного брата привести понапрасну, как он сам выражается в этот ад? У меня есть план – я хочу добраться быстрее остальных сил Рейха в шпиль и увести оттуда старого учёного. Он может многое для нас рассказать, а если его не вывести его, то суд над ним неизбежен, а ты знаешь, какой ему вынесут приговор. Как за «Архиеретичество».

– Он архиеретик? – удивился Командор.

– А как ты думаешь, кто у всего этого отступнического легиона предводитель?

– Понятно, а как мы проникнем в шпиль?

– Через канализацию, – быстро, будто ожидая вопроса, ответил Верховный Инквизитор. – Или ты предлагаешь иной путь?

– А у нас есть выбор? – саркастично задался вопросом Эстебан.

– Выбор есть всегда, мы можем подождать оставшиеся отряды и принять участие в самоубийственной атаке.

– Спускаемся! – приказал своим солдатам Тит, заранее получив приказ от инквизитора.

После чего они отправились к ближайшему люку и отворили его. Вонь прорвалась невероятная, но маски–противогазы сгладили этот смрад. После того как люк был отво-

рён, то все двенадцать воинов скрылись под асфальтом. Первым приземлился Командор. Звук удара об воняющую водную гладь раздался эхом по всей канализацией. Так приземлились и все остальные бойцы.

– Солдаты, продвигаемся по канализации с особой осторожностью. Смотрим под ноги. Строимся треугольником, – приказал Тит и через пару мгновений солдаты выстроились в фигуру «клин».

– Всё, выдвигаемся, – озвучил свой приказ инквизитор и отряд двинулся в своё путешествие по канализационным системам.

Они двигались по большим выцветшим трубообразным помещениям, сверху которых, через трещины скапывала вода, которая добавлялась к той смердящей, что была внизу под ногами. Отряд продвигался крайне медленно, соблюдая осторожность. Под ногами хлюпала смердящая вода, оружие было на взводе.

Они блуждали около двадцати минут, пока не увидели впереди двух солдат еретиков, но экипированы они по-другому. Вместо рванья и лохмотьев на них затянута тяжёлая чёрная броня, состоящая из пластин тёмного как смоль материала, а глаза закрывало стеклянное забрало от шлема. В руках они держат старые автоматы. Эти отступники больше напоминали бойцов спецслужб, нежели безумных фанатиков. Отряд, ведомый инквизитором, присел.

– Это броня наёмников Корпорации, похоже, еретики на-

шли склады с формой. Что ж, дальше будет интересней, – с предвкушением сказал Карамазов.

И действительно так и получилось. Тех двух еретиков накрыл жестокий и настолько плотный огонь, что они даже вернуться не успели, насквозь пробивший их броню. Те два отступника пали ниц в лужу собственной крови, выронив оружие, но залп пронёсся эхом по канализации, привлекая других еретиков, давая им знак, что враг уже канализации. И началось. Мятежники в броне стали сбегаться на выстрелы, но каждый из них тонул в ураганном огне спецотряда. Вода под ногами стала усеиваться разорванными трупами и окрашиваться в багровый цвет. Воины из полк–ордена продвигались с мрачной решимостью, оставляя после себя реки крови и устилая путь из трупов отступников, чья броня не способна выдержать напор реактивного патрона. Запах смрада перемешался с запахом пороха и гари, в канализации эхом раздавались выстрелы и крики – всё говорит об интенсивном сражении, развернувшемся под городом.

Через десять минут боя они продвинулись не больше чем на двести метров, уложив на своём пути десятки еретиков, но вот отряд подошёл к укреплённому посту и продвижение завершилось. Он представлен мешками с песком, деревянной самодельной башней и пулемётом на ней, и хоть это и выглядит грозно, но это не спасло десяток отступников от возмездия. После первых выстрелов пулемёт замолчал, точнее его стрелок лишился части грудной клетки. Выстрелы



из оружия полк–ордена в своей убийственной манере были крайне эффективны. Каждый реактивный или обычный снаряд, будь то грохотающий из автомата, тонкий залп из пистолета или же стрекочущий из винтовки: все, находили свою цель и через три минуты боя все еретики валялись в смердящей жидкости из отходов и своей крови, как скоро такая же участь постигнет и их собратьев наверху. Хотя и состояние солдат из полк–ордена не идеальное: боеприпас постепенно подходил к концу, броня начала поддаваться выстрелам, а выхода из канализации всё нет.

Солдаты прошли к посту и обратили внимание на одну странность: в стене был выдолблен проход, ведущий неизвестно куда, хотя как они заметили позже, указатели, висевшие здесь на стенах, показывали в другую сторону.

– Стоит посмотреть? – спросил Тит.

– Я думаю, что там есть, что–то интересное, если еретики так яро защищали его. Да, посмотреть стоит, – вымолвил Карамазов.

– Тогда вперед. Атгий, стоишь в арьергарде, – приказал Тит.

– Так точно.

И отряд пошёл вглубь этого прохода. Они блуждали не меньше пяти минут, шли в узком проёме, сдавливающих солдат, прежде чем выйти в огромное помещение. Воины ввалились туда, буквально толпе и увидели огромное пространство, прекрасно озарённое. Командор быстро осмот-

релся, исследуя место, куда зашёл. Судя по торчащей арматуре с потолка и бетонным балкам, это помещение выдолблено посреди фундамента некоего здания и только чудом оно не обвалилось. Но, то, что они увидели впереди, было удивительней и необычней всего. Повсюду горели жаровни, на том, что можно назвать стенами висели десятки факелов, так, что помещение было полностью видно и освещено. Здесь не было воды, а потому под ногами было положено подобие мраморной плитки, что говорит о том, что помещение имеет свою извращённую роскошь. Где-то стояли изделия из серебра и золота, где-то старая архаичная техника, прерывисто стонала под тяжестью лет и работающая от аккумуляторов. Всюду ходили люди в чёрных балахонах, читающие жуткие молитвы, противные здоровой человеческой душе. В воздухе витал плотный запах странных ароматов, наверное, это наркотические благовония. Но самое примечательное оказалось в конце помещения – четыре разных трона, на которых сидят четыре до тошноты ярких фигуры. Это размалёванные куклы, нежели люди, одетые в безвкусные цветастые лохмотья, на их лица нанесены килограммы дешёвой пудры, помады и туши для ресниц. Они гордо восседают на тронах, смотря на остальных с явным презрением.

«Они бы явно победили на конкурсе размалёванных уродцев» – произнёс в мыслях Эстебан.

– Кто вы? Что вам нужно? – со страхом в голосе, но сохраняя требовательность, спросил один из «проповедников»

в лиловом балахоне.

– Тут же должны быть результаты экспериментов доктора Брауна? Где они? – с недоумением спросил Карамазов, по- сильнее сжав клинок.

– Кого? – человек в лиловом балахоне удивился.

– Вы его ещё называете Эхоном Пророком.

«Проповедник» почесал лысый затылок.

– Старик что ли? Да чёрт его знает. Главное не это. Главное, что люди верят.

– Во что верят? А это что за четыре разукрашенных мерзких манекена там, на тронах? – с презрением спросил Тит.

– Это наши боги! Не смей о них так выражаться! Лучше преклоните колени перед ними! – с фанатизмом выпалил один из отступников. – Иначе анафеме предадут!

– Да ладно тебе, прекращай эту комедию, они всё равно не поверят, – на выдохе сказал тот самый «проповедник» в лиловой рясе.

Карамазов быстрым движением руки вынул свой клинок и нарочно им провёл у лица отступника, так, что тот со страхом в глазах отошёл назад. Его меч, под светом огня из жаровен, переливался мистическо–золотым. Инквизитор угрожающе подался вперёд и грубо задал вопрос:

– Рассказывайте, что здесь твориться и происходит? Где доктор Браун и что вы здесь творите?

Человек в лиловом балахоне поднял взгляд на инквизитора и сокрушённым голосом стал отвечать:

– Да что тут рассказывать. После того как Конфедерация пала, корпорация всё равно продолжила свои дела, продолжала свои эксперименты один за другим. Во главе корпорации встал молодой учёный и наш друг – Ёханс. Вся его семья погибла наверху, когда взрывной волной от ядерного взрыва разрушило город. Да, семьи он лишился, и всё своё утешение находил в этих экспериментах по созданию человека нового типа. Это сверхчеловек задумывался корпорацией как средство борьбы с Рейхом, он должен был быть сильнее, выше, быстрее и умнее. Но каждый опыт и эксперимент оказывался неудачным. И тогда Ёханс слёг, – в глазах отступника вспыхнул огонёк безумия, разжигаемый чувством гордыни и жадности. – И тогда мы решили пойти на рискованный шаг... сказать доктору, что эксперимент удался и что его образцы начали развиваться, а на самом деле эти «плоды» опять померли. На радостях он тут же объявил их своими детьми, ведь ему хотелось кому-нибудь подарить свою отеческую любовь, которую возрастил на долгом выведении и реализации плодов своего труда. А мы увидели всего лишь шанс, чтобы облегчить наше брренное существо, объявив себя кругом понтификов, а Ёханса – пророком Божиим. И бедная, обделённая вашим режимом, паства к нам стала стекаться, мы обязаны им предоставить «чудо» и четверо из нас им стали. Они накрасились, надели одежды разные, чтобы шокировать людей, дать им то, чего они не видели... проклятье, а ведь все мы раньше были учёными и солидными людьми,

да, жизнь расставляет свои приоритеты. – С толикой философии закончил «проповедник».

– То есть вы обманываете людей? – презрительно спросил Тит.

– А что нам ещё делать?! – яростно крикнул «проповедник». – Мы и так слишком много отдали. Пришло наше время пожинать плоды! – Выпалив, отступник с упрёком добавил. – Будто в вашем Рейхе не так?

Неожиданно из строя бойцов подался Командор. Сделав несколько шагов, он подошёл на одну линию с Титом и Карамазовым.

– Вы обманываете людей, обещая им свободу, но на самом деле подменили её убогим служением фальшивым божествам. Обещая людям свободу, вы стремитесь принести их в жертву. Говоря людям о постулатах сдержанности и скромности, вы утопаете в богатстве и похоти, – с укором сказал Эстебан.

– Ха! Их никто не заставлял к нам приходиться! – оправдательно начал еретик. – Они сами захотели создать это движение и сами люди нас поставили во главе этой территории. Всё было демократично, народ сам нас выбрал, чтобы мы встали во главе всего, – немного смягчив голос, сделал его более сладким, «проповедник» продолжил. – Да ваша церковь на парочку с Культурой Государства отлично поработали в мозгах этих рабов. Они теперь не могут не служить, обречённые, быть рабами, которым нужна не свобода, а стальная рука.

Да, пожалуй, они всегда теперь будут слугами... Рабами государства или рабами мысли. Наша задача была в том, чтобы это рабство использовать в своё благо.

Эстебан задумался, продолжая удерживать толпу на мушке. Отступники, что он сейчас перед ним стоят, были худшим воплощением тех лордов, подавшимся развращению, что были казнены. Неужели власть настолько сильный наркотик, что полностью опьяняет сознание и туманит разум. Если это так, то только самые сильные духом и волей должны быть у власти и править страной, как и завещал первый Канцлер.

Карамазов возмущённо и с толикой гнева возразил отступнику:

– Но мы не обманываем людей! – резко и злобно выпалил инквизитор. – Мы не внушаем им ложные надежды, о свободе и хорошем мире. Да, мы любим и уважаем нашего Канцлера и призываем людей к верности, ибо через неё и можно достичь просветления. Наше общество сдержано в нравах, что его и делает сильным, – сделав голос менее злобным, но более глубоким, Верховный Инквизитор продолжил. – Да, сегодня я действительно увидел в вас богов. Это старые как сам мир человеческие страсти: глубочайшая похоть, наглейшая ложь и высочайшая гордыня и только им вы служите!

Лицо «проповедника» неожиданно исказилось в гримасе презрительной улыбки и из его уст с наглым тоном вырвались слова:

– И что же теперь? Что вы сделаете нам? Начнёте убивать? Так мы вызовем помощь, ибо всех сразу вам нас не перебить.

Карамазов развернулся со словами:

– Вы слишком долго верили в свою неприкасаемость! – Инквизитор положил меч в ножны и стал зачитывать «Очищение попирающих свет истины». – Эти еретики отказываются признавать свою вину в преступлениях ими совершённых, и в праве последней исповеди им отказано. Огнём и болью души этих еретиков будут очищены для того, чтобы они в безгрешности своей предстали перед Господом нашим. Наш великий Канцлер дарует вам очищение. Примите его с покоем и миром, да смилуется Бог над вашими душами.

Затем Карамазов развернулся в сторону отступников и махнув в их сторону рукой крикнул:

– Брат–лейтенант, приведите очищение в исполнение!

– Хьятель, Эмиль, давайте! – крикнул Тит.

После чего оба война подняли свои автоматы к потолку и сделали выстрелы из подствольных гранатометов. Заряды с глухим звуком вылетели из подствольника. И взрыв снарядов, отразился вспышкой на потоке, в нужных местах, которые пошли трещинами, заставляя поверхность над головами осыпаться.

– Все вместе! – приказал Тит.

И оставшиеся солдаты, повинувшись приказу, дали залп по потолку и хрупким балкам, которые уже рвались от ржавчины и коррозии, послышался ужасающий звук хруста армату-

ры и бетона, потолок стал обрушаться и сыпаться большими кусками на землю, которые прибили даже несколько «проповедников». Еретики, мешаясь, и давя друг друга, попытались выбежать, несясь к входу, но их остановили разрывные очереди и несколько отступников пали ниц, как и, не добежав до выхода.

– Вперёд, все уходим! – приказал Карамазов и стал выбегать.

За ним последовали оставшиеся солдаты. Все стали уходить через тот вход, которым вошли. Командор подбежал к выходу и перед тем как уйти Эстебан посмотрел на то, что они оставили после себя. Он увидел не гордых людей, готовых умереть за свои идеи, а жалких и убогих человекоподобных существ, что готовы были убить другого ради своего спасения. А те размалёванные куклы, которых раскрасили, чтобы пудрить мозги людям уже прибило камнями. Отступники всё пытались спастись, ища иные выходы из зала и при этом, старясь как можно больше утащить.

«Как же они убоги» – Подумал про себя Командор.

Через четыре минуты звуки обвала стихли, и наступила тишина, а отряд стоял в посту, был слышен лишь звук вдыхаемого через противогазы воздуха. Воины стояли, молча, переводя свой дух.

– Что будем делать? Куда идти? – спросил один из солдат. Карамазов немного промолчал, но потом ответил:

– Солдат. Не сомневайся. Путь всегда найдётся. Глав-



ное, чтобы его осветило свечение Божий помощи и святости Канцлера, – яро ответил инквизитор, после чего более по-светски продолжил. – Мы будем двигаться дальше, согласно этим знакам. Если тот учёный ещё в шпиле, то мы сможем его захватить, даже несмотря на его провал в экспериментах, он может нам сослужить неплохую службу. – Закончил инквизитор, указав на указательные знаки, прибитые к стенам канализации.

Наступила минутная тишина, которую разорвал треск рации одного мёртвого отступника, плавающего в смердящей воде:

– Божественная гвардия – 16, ответьте... божественная гвардия – 16, отвечайте.

В эфире было много помех, а поэтому голос был слабо различим. Тит решил попытать удачу.

– Божественная гвардия – 16 на связи, – сказал Тит в рацию, держа её на расстоянии, что б голос был ещё хуже различим.

– Божественная гвардия – 16, доложите обстановку.

– Божественная гвардия докладывает – 16: у нас всё в порядке. Дальнейшие приказы будут?

– Божественная гвардия – 16, у вас новая задача: вы должны сопроводить наших богов в шпиль, их вызывает наш Эхон Пророк, да будет благословенно имя его. Мы высылаем вам в эскорт нашу элитную роту «Стражи Шпиля». После исполнения данного приказа, ждите дальнейших прика-

заний. Всё, конец связи.

Статический треск пропал. «Скорпионы Опустошения» стояли и смотрели на своего брат–лейтенанта в ожидании распоряжений. Тит Флоренций начал отдавать приказы, причём активно жестикулируя, Командор перезарядил винтовку, а Карамазов проверил пистолет. Следующие полчаса обещали быть напряжёнными.

# Глава четырнадцатая.

## Гражданская инквизиция

Милан. В это же время.

Ветер за последнее время только усилился, на небе стали собираться свинцовые тучи, постепенно закрывавшие солнце. Немногочисленные деревья в городе стали активно покачиваться, теряя свою итак немногочисленную пожухшую листву. Усилившийся ветер стал гонять и мелкий мусор на улицах и поднимать облака пыли, кидая её в лицо прохожих. Многие гуляющие люди стали спешно собираться домой, будучи в предвкушении дождя. Уличное тепло стало сменяться ветреным и преддождевым холодком. Улицы, придушенная серыми однотипными зданиями – типичная картина для новых районов Милана. Немногочисленные и аккуратно постриженные кустики, на редких газонах растёт желтеющая и пожухшая трава, которую покачивает ветер.

Человек. Он облачён в длинный серый плащ, дотягивавшийся почти до уличной брусчатки, на нём серые брюки, из-под которых выглядывали коричневые овальные туфли. На торсе белая рубашка и серый жилет, голову прикрывает большая серая шляпа, похожая на головные уборы английских джентльменов конца девятнадцатого века. Мужчина идёт довольно быстро, по сравнению с прохожими, что

предпочитали неспешную и расслабленную прогулку, не обращая внимания, по сторонам, держа голову строго прямо, словно идя к какой-то определённой цели, от которой зависело нечто очень важное, о чём говорит его быстрота, от которой плащ развивается как на ветру.

Он прошёл ещё несколько метров и свернул в переулок. Человек в сером пошёл сквозь дворы нового миланского района. Старые, эпохальные домики, дорейховских времён остались позади, как и сама эра, а впереди стали появляться большие, массивные и безвкусно украшенные серые здания – символы нового Рейха. В новом районе ярко пестрели типичные и уже привычные для глаза плакаты и лозунги, а где-то во дворе снова сторонник Культа Государства вновь рассказывал о благе Рейха дворовым детишкам. Представители министерства Соответствия Городам Идеалам Рейха строго следило за тем, чтобы не один плакат или листок с молитвой не пропал со своего места. Парень быстро прошёл сквозь дворы, не обращая на разнообразную символику Рейха, умело маневрируя на поворотах, чтобы не попасться на глаза министерскому люду. Он пробирается в самую глубь района, в его недра. Мужчина через несколько минут оказался в самой глубине серой и каменной тайги из домов и подошёл к одному из домов, который отличался от других. По цвету оно является таким же серым, но он не был безликим или простым. Этот дом был поменьше остальных, а поэтому казалось, что весь район сдавливает, двухэтажное строение серого цвета, в

форме трапеции, крыша немного срезана, с чёрной черепицей, небольшой верандой, а так же маленькой пристройкой, сделанной из белого кирпича и имевшей всего два окна. А на срезанной части крыши имеется небольшой крытый палисадник из множества цветов, а на веранде стоит деревянный стол и несколько пластиковых стульев вокруг.

Мужчина в плаще подошёл к деревянной двери и слегка, согнув указательный палец, постучал в дверь. После чего буквально несколько мгновений ничего не происходило, но через полминуты дверь открылась, и мужчина спокойно зашёл.

Внутри дом был довольно широк и просторен, а так же хорошо устроен. Этот дом больше напоминал маленький дворец или высокочеловеческую буржуазную гостиницу. Внешне, дом кардинально контрастировал с его внутренним устройством – большие махровые, красные и богато украшенные, с красивой росписью, ковры, а там где их нет выглядывала белая мраморная плитка. Всюду стояли большие, позолоченные канделябры, увенчанные ярко горящими лампочками, которые сейчас не светят. Над головой нависает огромная богатая и роскошная люстра, обильно освещавшая всё пространство. Сами стены окрашены в красный цвет, обвешанные многочисленными картинами. На второй этаж вела богатая и широкая лестница, снисходившая с центра второго этажа и заканчивающаяся ближе ко входу в здание. Здание пылает собственной роскошью.

Дверь открыла мужчине женщина. Она среднего телосложения, невысокого роста, со зрелым лицом с острыми чертами. У неё были узкие и маленькие губы. Суровость её обветренного лица смягчали глубокие и добродушные синие глаза, одетая в стандартную форму горничных.

– Здравствуйте, инспектор Морс, – добродушно сказала открывшая дверь женщина.

– Здравствуйте, Грета. Как у вас дела? – задал мужчина вопрос прислуге, при этом сняв шляпу, откуда и показалось не старое, овальное, но худощавое, как и сам человек, смугловатое лицо. Волосы были русого цвета, коротко подстрижены.

– У меня? Всё хорошо. А вы не попали под дождь? – тёплым и мягким голосом спросила служанка.

– Пришлось постараться, что б ни попасть под дождь, я еле успел сюда дойти. Да, и, кстати, а почему мне дверь открыли вы, а не наш слуга, ответственный за это. Вы ведь знаете, что я случайно сдал ключ в стирку вместе со своими брюками.

– Простите, он отлучился по нужде, а я услышала ваш стук и открыла дверь. А вон он, кстати, уже и идёт.

– Спасибо тебе, Грета.

– Всегда рада помочь, а теперь позвольте откланяться, у меня дела.

– Да, ступай, – отпустил инспектор женщину и тут же обратил внимание на другого слугу, – а теперь ты. – Сказал

мужчина, указывая на подходящего парня, и уже обращая свою поступь к нему.

– Да господин? – Перепугано спросил слуга, одетый в красную униформу.

– Тебе за, что платят? Что б ты у двери стоял.

– Простите, господин. Больше не повторится. – Повинно опустив голову, сказал слуга.

– Да ладно уж, в следующий раз найди просто себе замену. Хорошо?

– Да господин.

Отчитав испуганного слугу, мужчина стал подниматься на второй этаж.

Первый этаж это место прислуги. На первом этаже есть всё необходимое: кухня, прачечная, мастерская, уборные и комнаты прислуги. Второй этаж представлен для проживающих в них людей, на подобии гостиницы. Комнаты были расположены по периметру, оставляя в центре место для большой залы, которую от лестницы отделяла перегородка. Полы второго этажа застелены дорогим зелёным сукном. И в этом здании временно проживали инспектора, в том числе и этот мужчина в бежевом пальто.

Полное имя мужчины Сантьяго Морс, и он рядовой инспектор в «Инспекторской Канцелярии Рейха», ставшей чем-то вроде инквизиции, только занимавшейся различными гражданскими делами.

Эта «канцелярия» была подчинена министерству Внут-

ренной Безопасности Рейха и имела несколько отделений: «по расследованию гражданских дел» и «по расследованию разжигания сепаратизма». Первый отдел делился на четыре подотдела: экономический, государственный, уголовный и административный. Второй делился на два подотдела: первого уровня и второго. Первый уровень занимался расследованием дел, связанных с появлением отступнических от официальных идей и идеологий, а подотдел второго уровня занимался расследованием дел, связанных уже с угрозой отделений регионов от Рейха. Каждый отдел расследовал дела, связанные со своей спецификой. Каждый подотдел возглавляет, так называемый «Первый Инспектор», у которого в подчинении были десятки инспекторов. Каждый отдел возглавлял Гранд-Инспектор, а всей Канцелярию руководит – Генеральный Инспектор.

Инспектора оказываются самыми настоящими профессиональными ищейками и агентами Рейха, шедшими в авангарде правосудия и находящие нужные улики и доказательства, необходимые для праведности, свершаемого правосудия. Любой инспектор мог быть следователем, в каком либо деле или агентом, собирающим информацию, ну в самом отчаянном положении он мог взять на себя командование военизированными отрядами, оставшимися без командира и свершить имперское правосудие.

Морс поднялся на второй этаж и направился в конец здания, где была самая большая комната. Он прошёл по пустому



коридору и подошёл к двери с роскошной резьбой. Несколько помявшись, приведя себя в порядок, поправив одежду, проведя несколько рас пальцами по коротким волосам, постучался в дверь.

– Проходите, – Послышался приятный женский голос, и мужчина робко отворил дверь.

Комната выказывается просторной, большой и неприлично богатой, став воплощением старой буржуазной роскоши. В нём имеется бессчётное множество символов давно мёртвой эпохи. Комнату заполнили: золотые статуэтки, роскошные ковры, богатая и роскошная мебель, шкафы ручной работы, большая кровать, огромный плазменный телевизор старого типа, белые кожаные диваны, новенький компьютер, а так же прочая навороченная электроника, дорогие и красивые картины и многие прочие атрибуты жизни успешного человека.

Если бы Империял Экклесиас нашла всё это у обычного человека, то его осудили за «Развратную жизнь», а с министерствами было куда проще договориться, особенно если есть связи.

И мужчине так и не удавалось увидеть всю эту роскошь в полном объеме, как впрочем, и не удавалось описать саму квартиру, так как на пороге встала, и тем самым заслонил весь вид, хорошенькая девушка. Это высокая итальянка. У неё были красивые зеленоватые глаза, длинные чёрные волосы. У неё лицо имело чety овала, немного расширенно-

го внизу. Сама её фигура в идеале отражала песочные часы. Девушка была одета в красивое синее платье с глубоким декольте.

– Ох, это вы. Здравствуйте инспектор Морс. Вы чего–то хотели? – растеряно начав, сказала девушка.

– Простите, что потревожил вас, Первый Инспектор. Я хотел спросить, получили ли вы мои отчёты по делу «Венецианского Круга»?

– Да, получала, хороший отчёт. Я расскажу о ваших достижениях на следующем собрании и укажу их в докладе Гранд–Инспектору. Это всё? – Раздражённо спросила девушка.

– Да. А вы куда–то спешите? – поинтересовался немного смущённый инспектор.

– Не ваше дело, а теперь если у вас нет вопросов, то позвольте, – жёстко ответила девица и, не дожидаясь ответа, продолжила. – Нет, вот и славно.

После чего резко захлопнула дверь, оставив простого инспектора в одиночестве, растерянно стоявшего у дверей. Мужчина, не ожидавший такого холода и скоротечных ответов, немного постояв, направился к своей комнате.

Он подошёл к простенькой двери и открыл её. Перед ним предстало его же жильё. Простенькая и практичная, однокомнатная маленькая комнатуха прямоугольной формы, вытянутой относительно двери. Интерьер довольно прост: у окна, находившегося в ровно противоположной стороне от двери, занавешенного зелёными шторами, стоял телевизор

на тумбе с книгами, по правую руку была двухъярусная кровать. По правую сторону стоял рабочий стол, на котором был небольшой беспорядок. Развёрнутое к стене, у двери стояло зелёное дерматиновое кресло, на полу был небольшой коврик, а на потолке висела дешёвая люстра.

Сантьяго прошёл в комнату, снял свои туфли, небрежно откинув их в сторону, после чего направился к кровати. Забравшись на второй ярус, он улёгся в кровати, не снимая своего плаща. По его телу пробежался гул, приносящий только освобождение и волну облегчения. Инспектор абсолютно провалился в глубину своей расслабленности, позволив даже немного себе попытаться заснуть, но это ему не удалось.

Раздался звук стука в дверь. Инспектор тяжело, цепляясь локтями за постель, сминая её под собой, пополз на подушку, пытаясь занять полусидящее положение. И как только он это смог он крикнул, что б входили.

Дверь широко распахнулась, и в комнату буквально ворвался почти всегда весёлый мужчина, одев белую рубашку, заправленную в чёрные брюки. Волосы на его голове были кучерявы. Глаза имели сероватый оттенок, но через них просачивался свет. Лицо имело форму овала, но так, же оно имело не слишком острые черты. В руках вошедший держал чёрный дипломат.

– Санти! Ты чего разлёгся здесь в плаще?! Давай снимай! – с улыбкой на лице сказал вошедший человек. Инспектор, махнув рукой, тяжело ответил:

– Эштон, иди к чёрту! Я только с дела.

– Ага, только ты ещё перед этим к Адриане зашёл? А перед этим сумел ещё посетить кофейню... у тебя прям ритуал какой-то – вернулся с дела, сразу в заведение.

Инспектор поморщился и грубо ответил:

– Да иди ты.

– Да ладно тебе. Не унывай. Ты лучше расскажи как дело, а я пока нам сок налью, который принёс.

– Сок? Я бы крепче выпил чего-нибудь.

– Ты же знаешь. Сейчас идёт пост и ничего крепче кефира не продаётся в магазинах.

Инспектор тяжело приподнялся, пытаясь занять сидячее положение, после чего продолжил:

– Всё происходило в прекрасном городе Венеция, наши информаторы доложили о необычном поведении членов Имперор Магистратос, суть в том, что несколько бюрократов низшего уровня, даже не входивших в основную иерархию, вели себя крайне странно и несколько необычно.

– И как же? Посмели опоздать на пару минут «нарушив священный трудовой порядок»?

– Нет. Наоборот, стали слишком долго задерживаться на работе, порой даже не появляясь дома. Мы сначала подумали: «Ну и что? Хотят работать и ночью, посвящая своё время труду, пусть работают и ночью на благо Рейха».

– Вы подумывали закрыть дело, прежде чем будет расстрелян первый отступник? Удивительно.

– Да, чёрт бы тебя побрал... мы сначала не хотели это расследовать, но «звонок» оказался слишком настойчив. И туда отправили именно меня. Сначала вроде бы всё было хорошо, без каких-либо подозрений, и чиновник чистый и церковник не придиристый. Я проверил документы, документацию градоначальства, проконтролировал запросы об их репутации. Сверил рейтинги и даже запросил график посещения церквей.

– Дай угадаю, – вмешался Эштон. – Они оказались чисты?

– Да! Все говорили, что они образцы для подражания, чистые овцы и верные слуги Имперор Магистратос, истинный пример служащего Рейху, но всё было слишком чисто и просто. И я сделал вид, что им поверил, и якобы уехал, подписав все бумаги градоначальника.

– Уловка?

– Да. Я не уехал, а укрылся в одной из городских пивных, где услышал разговор одного из уборщиков, работающих в том само здании, он говорил, что как однажды задержался ночью и услышал какие-то моления и разговоры в кабинете градоначальника. Я попытался этой же ночью пробраться в то проклятое здание, но, увы, замки оказались слишком крепки, а поэтому мне пришлось стоять у окна и слушать их разговоры. Хорошо, что градоначальник решил разместиться на первом этаже, но этот жуткий садик шиповника я не забуду никогда.

– И что же не совсем чистые бюрократы говорили? Навер-

ное, опять о «безгрешности бунтарства»?

– Да не об этом. Стоя у окна, по голову в проклятых шипастых ветках мне удалось услышать и их молитвы, и их повествования. Из их разговоров стало понятно, что они не просто кружок сектантов. Собравшиеся люди были опаснейшими сепаратистами в своём регионе, сам градоначальник говорил об отделении Венеции от Рейха и возрождении Венецианской Аристократии, где во главе будут знатные дома.

– Градоначальник, – задумался Эштон. – Подсадной?

– Естественно. Только потом я узнал, что он был назначен Министерством Контроля над Отступниками в Имперор Магистратос.

– Что ещё?

– Так же они хотели распространить и новую религию, основанную на поклонении, каким-то четырём богам, к ним даже иерарх прибыл из «просвещённой земли», разговаривая о судьбе Венеции около двух часов, после чего они договорились о встрече здесь же, в это же время через сутки.

– Ага, дай предположу – в установленное время их ждали не дискуссии о светлом будущем, а служители Империял Экклесиас, возглавляемые инквизитором.

– Да, но их арест не означал конец дела, это намечало появление нового геморроя, связанного с глубоким расследованием во всех структурах города, с целью выявления отступников на всех возможных административных уровнях. А так же пришлось нам искать этого засланца из «просве-

щённой земли».

– Пока искусные в своём деле дознаватели из церкви и Трибунала Рейха «расспрашивали» арестантов об их последователях, об отступниках, ты бегал по всему городу за этим оборванцем?

– Конечно, а кто ещё? Он пытался скрыться, но в городе, где ты сумел найти множество нужных «глаз», это не слишком и легко. В итоге, загнав его в угол, я нашёл его на одной из помоек, где он с голоду там крысу доедал, но увидев инспектора он не нашёл ничего лучше чем кинуться на меня. Может в нём разыграло отчаяние, а может он действительно этот вариант рассматривал как самый прекрасный в этой ситуации. В его глазах читалось безумие, злоба и животная ярость, эта пакость разинула свой беззубый рот, пытаясь выдать подобие боевого клича. С его подбородка закапала слюна, он закричал в безумном порыве и ринулся ко мне, держа кусок кирпича в руке.

– Святая церковь... меня сейчас стошнит... Давай к концу.

– Только вот он не подумал, что несколько пуль, выпущенных из пистолета, могут его остановить. Как только звук выстрела прогремел, только тогда его безумный рёв стих, я подошёл посмотреть на него. На его балахоне оказалась странная пыль, более тёмного оттенка. Экспертизы показали, что эта пыль радиоактивна, а значит эта «просвещённая земля» была где-то в Великой пустоши. Дело стало набирать более

интересный оборот, но нас попросили передать это дело в руки церкви, да и говорят, что пришло прошение самого Верховного Отца.

– Вы подчинились?

– А у нас был выбор? Да и, кстати, дознаватели поработали очень хорошо, перед моим уездом было казнено сто сорок три человека и девяносто два отправлены на мунуфакториати. На этом всё. Ну, а теперь, ты дашь мне уже сок? – требовательно, но с сарказмом в голосе спросил Морс.

– Ой, Санти, прости, я заслушался! – оправдательно, с улыбкой сказал Эштон, протягивая сок.

– Спасибо Эштон, а как у тебя дела? – Отпив, спросил Морс.

– Да всё в порядке. Работы сейчас стало мало и поэтому я, слишком много провожу времени в этом месте. А оно, какое–то уж слишком ряженое. Когда уже ремонт в нашем Инспекторском Центре доделают? – Возмущённо, но, не снимая улыбки с лица, Эштон задал вопрос, который был обращён скорее самому себе.

– Согласен, а то этот дом Первого Инспектора Адрианы уж слишком пафосное место.

– Лучше мне скажи, как дела с тем, что с нас просил полк-орден? Мы будем передавать ему ту информацию, которую собрали?

– А там есть нечто важное? – спросил Морс и тут же отмахнулся. – Да я знаю, что есть, но пока, всё, что у нас есть,



так это парочка несанкционированных встреч главного лорда с членами Империял Экклесиас и Армией Рейха... но все они прошли в рамках положенного... пока нужно работать...

– Кстати, а где наш заказчик?

– Антоний мне отправлял сообщение по закодированной сети их полк-ордена, – узрев недоумение, Морс тут же за оправдывался. – Да, мне выдали их сетевое устройство.

– И что же тебе он говорит?

– Сейчас у них какая-то операция в Великой Пустоши. Думаю, это как-то связано с расследованием, о котором я тебе только что рассказал. Но всё же его рассказ о том, как Канцлер отобрал власть у Высшего Капитула утопив их в крови... а вместе с этим и ликвидировав оппозицию

– Что-о-о? – изумился Эштон, отчего у него все остатки веселья спали. – Как же так можно? Чтобы Лорды оказались в такой несправедности? Чтобы парламентарии были ренегатами? Разве ему недостаточно власти и контроля?

– По тише будь... сейчас у каждой стены по три уха. Истинным контролем над обществом обладают Культ Государства и Империял Экклесиас, вместе с Канцлером... остальные только пляшут возле них. Правитель только устранил лёгкую помеху... так, прихлопнул мошкарку, чтобы не мешалась.

– И что же мы будем делать?

– Мы? Жить дальше, как и жили... служить тем, кто имеет абсолютную монополию на идею в Империи – церкви и Куль-

ту... следовать их философии и продолжать строить огромный храм из серого камня, имя которому Рейх.

– Я про работу.

– Ах, так. Мне необходимо собрать информацию насчёт приоритетного объекта... неофициально.

– Хорошо,

– А теперь мне нужен отдых... как думаешь, куда можно поехать загород?

– Прости, тебе отдохнуть, не получится, – усмехнулся Эштон. – У меня тут в сумке порция новой работы, – спокойно сказал Эштон, залазив в собственный дипломат, который он принёс с собой.

– Ну что там? – Недовольно спросил Морс, собираясь слезть с кровати.

Он кряхтя сумел подобраться к краю кровати. Пододвинулся ещё. Спрыгнул. По телу, и в большей степени в ногах, пробежала неприятная боль. Эштон с улыбкой на лице стал говорить:

– Да, вот. Приказ от самого Гранд–Инспектора. Дать это дело лично тебе. Хах, похоже, у тебя намечается карьерный рост, друг мой.

– Давай к сути. – Холодно сказал инспектор.

– Как я понял из прочитанного, нам предстоит работать в здесь, в Милане. Некоторое время назад арестовали одного из учеников из «Схолум Культурик» за неуважение к Канцлеру, его пленили и отправили в Великую Пустошь. Этого

подростка звали Алехандро Фальконе.

– А почему звали?

– Ты ж знаешь, в Великой Пустоши долго прожить почти невозможно. Так вот, это происшествие заинтересовало Культ Государства, министерство Идеологической Чистоты и министерство Высшего Образования. Они нам послали прошение о проведении расследовании в отношении ребят с ним знакомых. В министерствах и Культе хотят узнать, являются ли его знакомые носителями, какой либо вредоносной идеологии.

– Они там совсем с ума сходят. Это ж подростки, – возмущённо сказал Морс,

– Не забывай, что говорил Культ...

– «Если один отступник долгое время отравлял коллектив своим присутствием, то и окружающие его могли подхватить заразу идейную, что есть угроза Великому Рейху», – процитировав одну из эпистол, Морс добавил. – Давай выкладывай дела на мой рабочий стол, а я пока переоденусь.

В комнатухе закипела инспекторская жизнь. Два инспектора принялись за дело. Эштон сумел прибраться за столом, отсортировав ненужные бумаги и включив компьютер, старая машина загрохотала на всю комнату. Тем временем Морс сумел переодеться. Он предстал в трикотажных брюках, домашних тапочках, кофте и поверх всего этого чёрный тканевый халат, принеся с собой две кружки горячего чёрного кофе. Компьютер загрузился, но прежде чем присту-

пить работать Эштон открыл окно, пустив дождевую прохладу внутрь. Послышался приятный звук дождя.

Они вскрыли полицейскую сеть, сеть Трибунала и уличных Комиссаров и стали пробивать всех друзей по разным параметрам: привлечение к ответственности, возможные судимости, нестабильное идеологическое поведение.

– Ох, – помотал инспектор головой. – Что-то в глазах потемнело, ... совсем переработался.

– Морс, – сказал Эштон, взяв инспектора за плечо.

– Я в порядке, давай продолжим. Да, давай работать, – тяжело и уныло ответил Морс, с опущенным и поникшим взглядом, глядя на клавиатуру.

## Глава пятнадцатая.

### Восхождение на шпиль

В это же время. В оплоте мятежников Великой Пустоши.

– Тяжёлый пулемёт! Уничтожьте расчёт! Живо!

– Так точно, брат–лейтенант.

Через пару секунд раздался звук грохочущего автоматного залпа и люди, нёсшие станковый пулемёт, были обращены реактивными патронами в куски разорванного мяса.

Бой длится уже больше пятнадцати минут, солдаты из полк–ордена максимально постарались укрепить сторону, со стороны которой было наступление. Они перетащили мешки с песком, создавая массивную баррикаду, деревянная самодельная башенка имела крышу и довольно высокие стенки, на башенном укреплении разместился Командор, со своей винтовкой. Пулемёт перетащен и закреплён среди мешков с песком, без конца стрекоча, а дальше по канализации, где было раздвоение ветви на два коридора, были установлены растяжки и несколько касетных мин, которые всегда носили с собой солдаты.

Первый взрыв растяжки оповестил о том, что враг уже почти к ним подошёл и когда появились солдаты элитной еретической роты, по их виду стало понятно, что это уже не типичные бойцы еретиков. Своими возможностями они пре-

восходили даже многих солдат из армии Рейха. Прозвучало всего несколько взрывов растяжек, а остальные взрывные устройства отступники сумели обезвредить.

Солдаты из роты не наступали толпой, они имели свой выверенный строй. Когда же прозвучал грохот автоматов из полк–ордена, скошивший несколько солдат – отступников, то еретики не стали безумно наступать на укрепления, будучи в праведном гневе. Они спокойно и умело сумели отступить, укрывшись за углом развилки, который был в тридцати метрах от укреплений.

Экипировка элитной роты была отличительна от всего обмундирования еретиков и ренегатов, что раньше встречалась. Чёрный шлем, оформленный как стянутый капюшон с забралом, на торсе покоятся тёмные пластинчатые доспехи, до колен укрывающие ноги до колен, по которые подходят шнурованные берцы.

Солдаты еретической роты умело держались за углом развилки. Иногда некоторые отступники, решившие попытать удачу, выбегали, что бы установить тяжёлый пулемёт на треногу и расстрелять укрепления, но каждая такая попытка заканчивалась неудачей и потерями, со стороны еретиков.

Бой может длиться ещё часами, а исхода никакого. Со стороны элитной роты погибло не больше двух с половиной десятков, из сотни наступавших, но темп боя слишком медленен. Рота отступников сильно задерживает солдат из полк–ордена, требовалось кардинальное решение, которое никак

не приходило. Оставался один вариант – быть в укрытии и отстреливать предателей до последнего.

Но вдруг неожиданно, развеяв унылый темп боя, кто-то из отступников, с гранатомётом в руках решил попытать удачу, парень выбежал на линию огня, прицелился. Командор сумел заметить этого смельчака, он мгновенно приложился к винтовке, взглянул глазом через стекло визора маски-противогаза в прицел оружия и спустил курок. Винтовка издала короткий стрекочущий залп, после чего из дула подался лёгкий дымок. Две пули масс-реактивного действия мгновенно достигли еретика и сразили его, но он всё же сумел нажать на спусковой крючок. Только снаряд, еретиком выпущенный, из-за жуткого ранения, был отправлен по неправильному пути. Он пролетел над головами бойцов из полк-ордена, улетая дальше по трубе канализации, оставляя после себя шлейф дыма и ревуший звук.

Отступник упал в воду, выронив гранатомет, но только он не умер – не смертельное ранение. Парень кричал и бился руками об воду, пытаясь подняться из воды, чтоб не захлебнуться, его агония пронеслась по канализации громче, чем звуки выстрелов. Вода рядом с ним стала окрашиваться в багровый цвет, грязная от нечистот и смердящая жидкость омывает его разворошенное бедро на правой стороне, почти оторвав ногу, просачиваясь в организм. Заражения не избежать, и отступник обречён на медленную смерть.

Но тут его решил спасти один человек. Он выбежал из-

за стены и под плотным обстрелом молнией ринулся к умирающему и неудачливому парню. Отступники из роты выбежали из-за угла и прикрыли огнём из автоматов и телами этого человека. Их автоматы загрохотали, посылая очереди в солдат из полк-ордена, тем самым прижимая их к укрытию. Но и солдаты из полк-ордена ответили очередями. Вражеские пули вязли в мешках с песком как усовершенствованные АК-899 загрохотали. Масс-реактивные пули разом скосили несколько отступников, оставляя после них лишь изуродованные тела, которые с грохотом падали в воду.

Командор снова приложился к винтовке. За доли секунды он смог разглядеть лицо уже мёртвого героя. Оно было белым, зрелым, но не старческим, с небольшой седой бородкой, глаза были карие. Головной убор приукрашен несколькими вороньими перьями. Эстебан тщательно прицелился. Гул боя, крики отступников, грохот очередей: всё смешалось в один монотонный вой. Время представилось длинным коридором, уходящим в бесконечность. Командор услышал как несколько пуль отрикошетили от башни, почти рядом с ним. Но это не сбило мужчины. Эстебан мягко нажал на курок, почувствовав, как отдача отдаёт в плечо и как тело повинуется отдаче и грудь отводится назад. Дуло вспыхнуло небольшим огоньком, выплёвывая снаряды, стрекочущий звук ознаменовал начало полёта пуль. Через несколько секунд пули достигли своей цели. Страшные пули попали в нагрудник. Заряды вспороли нагрудник и перепахали грудь,



отрывая и смешивая плоть и металл, ренегат несколько секунд стоял, после чего его колени подломились, и он с глухим плеском упал на живот.

Еретики тут же обратили внимание на это. Они не изумлены, а если и их души охватило смятение, то не подали признаков. Враги так же молниеносно укрылись за углом, из-за которого и появились. Наступила напряжённая тишина, сменившая звуки интенсивного боя.

В воде валялось несколько десятков трупов из роты, источая кровь в грязную воду, делая её ещё омерзительней. Трубы канализации запачканы кровью, в воздухе витал запах смрада воды и запах оружейного пороха. И наступившую тишину прервал единственный звук перезаряжаемого оружия.

– У меня осталось два магазина, – прозвучал голос, после чего последовал другой – У меня один.

Все обменялись информацией о состоянии вооружения.

– Командор Эстебан, как у тебя обстоят дела?

– Всё в порядке, брат–лейтенант Тит. У меня вопрос: что дальше?

– Не знаю.

После его слов из-за угла, где прятались еретики, вылетели два блестящих цилиндрических предмета. Они упали в воду и зашипели, тут же, от места, где они упали, повалил густой дым и через несколько секунд этот участок канализации был заполнен беспросветным, плотным дымом, через который ничего не видно. Бойцы в беспокойстве направили

автоматы в сторону непроглядной мглы, став нервно мотать дулами в полной напрягающей и таинственной тишина.

– Что это? – послышался вопрос от Командора.

На вопрос тут же последовал ответ:

– Подожди, – ответил Тит, после чего приказал. – Бойцы, переведите визоры на масках на тепловой режим.

Солдаты из полк–ордена стали крутить стёкла визоров, переключая их на нужный режим. Как только это было сделано, они подняли головы и заглянули во мглу. Прошло ещё несколько секунд, прежде чем визоры смогли настроиться, и дать чёткое изображение и как только изображение прояснилось, тишину разорвал доклад и автоматные очереди.

– Вижу множественные тепловые сигнатуры! – прозвучал голос одного из бойцов.

Автоматы разорвали грохотом тишину, а в то время со стороны мглы послышался крик агонии и ответом прозвучали выстрелы мелкокалиберного оружия. Мешки снова брызнули песком. Командор из своей винтовки стал искать цели во мгле, но найти не мог. Его маска была оборудована старыми визорами, которые служили только для увеличения изображения, но не для создания теплового-сигнатурного фона.

Эта перестрелка не была долгой, она длилась не больше минуты, переходя в отчаянную рукопашную. Из мглы стали появляться бойцы еретической роты. У них в руках уже не было автоматов, ибо они висят за спиной или выброшены перед безрассудством. Еретики стали выходить хаотично,

без какого либо строя, каждый несёт с собой большой тесак, занесённый для атаки. И наступают они дико орущей обезумевшей волной, подобно диким зверям. Их буйный рёв пронёсся по всей канализации, отдаваясь эхом в глуби её. Бойцы из полк—ордена тут же стали отходить от своих песчаных укреплений, продолжая отстреливаться. Дикий рёв отступников смешался с криками агоний их павших или раненых собратьев. Автоматные очереди продолжали косить отступников, но те не перестали неумолимо напирать, оставляя раненых и убитых позади.

И тут в бой вступил Карамазов. Всю перестрелку он остался бездейственным, ибо на линии непроницаемого огня много клинком не на махаешь, он выдернул из ножен свой блестящий меч и ринулся в бой с отступниками, скашивая их в прекрасном боевом танце, даря им «очищение души».

Как только солдаты роты молниеносно преодолели укрепления, то бойцы полк—ордена опустили автоматы и обнажили свои ножи, размером от ладони до локтя взрослого человека, висевшие за пазухой и присоединились в рукопашной к инквизитору.

Командор в это время стал отстреливать из винтовки наступающих отступников. Он приложился к своему оружию и стал действовать, каждый его стрекочущий залп косил того или иного отступника, оставляя разбитое тело лежать в смердящей жидкости и источать кровь в воду, делая её ещё омерзительнее. Эстебан достал гранату и метнул её в конец

толпы наступающих отступников, и через пару секунд раздался пронзительный взрыв – взрывное устройство подорвалось, поднимая в воздух смердящую жидкость и кося солдат из элитной роты, убив не больше пяти отступников. Тем временем солдаты из полк–ордена и отступники сцепились в рукопашной. До укреплений добралось двадцать четыре отступника из элитной роты. «Скорпионы Пустоши», как и все воины из полк–ордена, были непревзойденными мастерами боя, хоть они были обучены не только для убийства, но и в сфере сражения им не было равных.

Командор всё ещё держал винтовку на взводе, но не стрелял. Его заворожил бой, который разразился. «Нет, это не бой – танец» – подумал про себя Эстебан и в действительности, воины двигаются с некой боевой грацией, ловко уходя от ударов и нанося свои. Их ножи стали сверкать, достигая своих целей и неся жуткую, но в тоже время красивую смерть. Но лучше всех «танцует» Карамазов. Его сверкающий клинок разил врага за врагом, не давая им даже шанса коснуться своим тесаком его брони, рассекая вражью плоть. Но тут из вала мешков с песком появился один отступник, в чёрных балахонистых одеждах, он не несёт клинка, вместо него в его руках покоилось большое, уродливое гротескное ружьё – три больших длинных ствола опускались почти до стоп. Отступник широким поворотом головы осмотрел поле боя и заметил инквизитора, а тот в свою очередь приметил еретика. Карамазов стал подбираться к нему сквозь бой, на-

деясь на крепость собственной брони, и на защиту Господа в деле уничтожения врага. Ренегат взвёл ружье и, безумно смеясь, спустил курок в тот самый момент, когда Карамазов подступился к позиции «мыслепреступника» у мешков, оглушающий залп пронёсся по канализации, а инквизитор и отступник пропали в облаке густого дыма, заполонившим чуть ли не всё место боя.

Когда дым рассеялся, глазу Командора предстала ужасная картина. На правом колене опираясь на свой меч, стоит Карамазов, а левой конечностью он придерживает разбитую грудь и, причём площадь повреждений его куда страшнее ранений Эстебана. Его доспех проколотило в нескольких местах, а из трещин в воду капает алая кровь, кажется, что он подкосится и сейчас упадёт.

Эстебан в ярости взвёл винтовку, но тут он услышал плюхающийся звук под башней, что заставило его посмотреть вниз. Оттуда всплыл круглый предмет болотного цвета, а на том месте, где должна быть чека, её не было. Командор понял, что это самодельная граната, он отошёл от края башни к другой стороне. Раздался мощный взрыв, опоры башни в этот же момент с хрустом подломились. Послышался хруст и скрежет опор. Башня стала крениться и падать, и через мгновение сооружение упало с грохотом, разбрызгав воду вокруг себя, похоронив под обломками стрелка, приложив его обломками по голове.

Когда грохот падения стих Командор сумел выбраться из—

под обломков, мужчина тяжело, прерывисто дыша и кряхтя, пополз от места крушения, подняв голову вверх, как собака при плавании, чтоб не захлебнуться, а тем временем всё плывёт перед глазами, тело истошно болит и ноет, руки и ноги не слушались.

Эстебан потянулся в сторону рукой, но тут тело стало мякнуть наливаясь свинцом, постепенно слабея, Командор вскоре упал ниц в смердящую жидкость, которая была высотой в чуть меньше двадцати сантиметров. Его экипировка менее совершенна, чем у остальных воинов из полк—ордена – она не абсолютно герметична и у него нет маленького встроенного баллончика с дыхательной смесью. Смердящая бурая жидкость, смешение нечистот, крови и воды, стала просачиваться через одежду и трещины в маске и каске. Последнее, что попытался сделать Командор – это перевернуться на спину, что б выступающая из воды часть противогаза смогла втягивать воздух. Он стал жадно поглощать воздух, но вода всё активнее просачивалась под маску, заполняя её, но мешало то, что Командор стал терять сознание. Последнее, перед тем как окончательно отключится, он почувствовал, как его подхватили и куда—то потащили. Парень провалился во тьму.

Спустя пятнадцать минут сознание стало возвращаться. Командор очнулся от резкого запаха аммиака, резко открыв глаза, и увидев перед лицом ватку, промоченную жутко пахнущим раствором. Парень резко рванулся вперёд, но креп-

кая рука удержала его. Парень успокоился и улёгся на мешки с песком. Следующим запахом, который ударил своей «свежестью» это был запах нечистот и жуткий смрад. Тут командор понял, что находится без маски, противогаса и каски. Он затылком почувствовал мешковину. Грудная клетка жутко болела, но ещё сильнее боль раздавалась в голове.

– Как ты, Эстебан? – послышался вопрос Флоренция, на который тут же последовал ответ:

– Я? В порядке. Голова... болит... и грудь... спина, – перебирает Командор, отделяя слова, в промежутках тяжело дыша. В каждом слове чувствовалась нестерпимая боль.

– Это неудивительно. Если бы не каска и маска, то тебе проломило бы голову кусками крыши башни. А броня защитила тебя от падения.

– Как... обстановка? – скоротечно спросил Командор.

– Всё в порядке... противники убиты. Но одного мы сумели взять живым. Да, так же у нас с патронами проблема и ресурс нашей амуниции подходит к концу. У многих уже пластины начинают мяться. А защитная ткань рваться.

Эстебан сквозь боль тяжело спросил:

– Что... с инквизитором?

– Со мной всё в порядке, – послышался ответ слабым голосом.

Командор кинул взгляд в сторону голоса. Он увидел, как перебинтованный Карамазов стоял, сгорбившись, придерживая грудную клетку, оперившись на свой меч. Многие

бинты на его теле налились алым от пропитавшей их крови, а в воде возле него плавало несколько шприцов, предназначенных для обезболивающего раствора.

– Тебе бы в больницу, – попытавшись исказить губы в улыбке, попытался пошутить Эстебан. – А то какой-то ты промятый.

– Ты тоже прекрасно выглядишь, – отшутился Карамазов, и тут же через его губы потекла струйка крови, которую он мгновенно утёр.

Командор стал ощупывать грудную клетку, но наткнулся на одно странное открытие. Он тут же спросил:

– А где моя амуниция?

– Каска сильно деформировалась, маска с противогазом треснула, бронежилет мы сняли, – ответил ему Тит.

Командор попытался дотронуться до головы, где напряжение было сильнее всего. Но при прикосновении по голове пробежала жуткая боль. Эстебан рефлекторно оторвал руку и слабо вскрикнул.

– О, отступник стал приходить в себя! – воскликнул Флоренций и скоротечно добавил, протянув предметы. – Вот держи, обезболивающее и респиратор. Тут трудно без него дышать и давай приходи в себя, присоединяйся к нам, – сказал Флоренций, положив рядом со Эстебаном маленький шприц и респиратор, и отошёл в сторону очнувшегося отступника.

Отступник тяжело очнулся, тряхнув связанными руками



и попытавшись вырваться, но пути его удержали. Его оставили валяться напрямиком на мешках с песком, чтобы он не захлебнулся в воде. Ренегат помотал головой и ещё одолеваемый мутностью сознания, попытался рвануться вперёд.

– Не советую тебе этого делать, – мотнул кликом инквизитор.

– А то, что? – с вызовом спросил отступник, причём сразу дерзко добавил. – Убьёшь?

– Нет, но мучения твои могут быть бесконечно долгими, ты понимаешь?

– Ты можешь меня мучить! Ты можешь меня убить! Но я не дам тебе того, что ты попросишь! Никогда!

Брат–лейтенант, пройдя из-за спины Карамазова, схватил отступника за шиворот и стал орать на него:

– Послушай меня, предатель, если ты не скажешь, как пройти шпиля, то я обещаю, последние часы твоей жизни окажутся довольно болезненными!

– Тихо... брат–лейтенант. Почему мы пока... говорим. Давай... переходить к делу, – Кряхтя и прерываясь, сказал подошедший Карамазов, покачиваясь из стороны в сторону.

– Подожди, как ты будешь в таком состоянии проводить допрос? Ты еле оружие держишь. – Положив руку на плечо, сказал его побратим, держащийся на гудящую голову.

– Если его будешь допрашивать ты... – Внезапно оборвался на кашель инквизитор, но потом, посмотрев на ладонь, которая была вся в крови, он тяжело сказал. – Только не убей

его.

Вид Командора весьма потрёпанный и измотанный. Он, слегка покачиваясь, приближался к отступнику, держа при этом свой нож и подойдя, парень присел на корточки, что б оказаться на одном уровне с еретиком. Потом он взял его связанные руки, которые были перед еретиком, освободил от перчатки одну ладонь, поднеся к ней нож, и резко рванул его вперёд, вогнав лезвие клинка глубоко под ноготь. Отступник взревел жутким криком. Командор стал вертеть своим клинком, выворачивая его как угодно. В воду закапала кровь, и упал ноготь.

– Крайне опрометчиво было пойти в рукопашную атаку, не находишь? – с холодным спокойствием, но в тоже время явно издеваясь, спросил Командор. Отступник, прерываясь на словах и отделяя их порой ответил:

– Тварь поганая... это... это месть... наша. За капитана. Вы ранили... ранили его... сына. Он понёсся его спасать... а вы... ты скотина... ты убил его... ты на башне там...

– Ты прав. А теперь ты мне скажешь, как пройти к шпилью. Сказал Командор, всё сильнее погружая нож, заставляя кричать отступника раздался по всей канализации.

– Да... уберу... уберегут... меня боги... защ... защитят от мысли... п-п-предательской. – Сквозь боль фанатично твердил еретик.

– Ты ещё надеешься в своих богов. Тогда ответь мне на несколько вопросов: почему мы здесь, а ваша «божественная

гвардия убита»? Почему из прохода, где и сидели ваши «боги», вам на помощь никто не пришёл?

Командор продолжил рассказывать все подробности того места, где были те сами «боги». Он рассказал всё до мелочей и пока он повествовал, в глазах отступника тускнело. Его лицо стало не выразительно, а глаза потеряли цвет фанатизма.

– Ты теперь понимаешь, что ваши «боги» мертвы и кем они были? Что они не были богами. Лишь обычные крашенные недолюди. Ты понимаешь это?! – Уже не сдерживая себя, кричал Эстебан.

– Ты лжёшь, – поникши, сказал отступник.

– Мне не зачем тебе врать. Я тебе обещаю, если ты расскажешь, то я тебя отпущу, хорошо?

– Если ты меня отпустишь, то я тебя убью.

– Можешь попытаться. Так ты нам расскажешь?

Отступник поднял голову. Враг перестал быть похож на бездумного фанатика, он теперь смахивает на человека, потерявшего всё и лишённого смысла жизни. Еретик поднял искалеченные руки и указал на право, в сторону, откуда они пришли и стал говорить.

– Пройдёте туда, до развилки, повернёте направо и будите идти прямо, так примерно вы дойдёте до распутия. Перед вами будет три пути. Вы повернёте налево и через пятьдесят метров дойдёте до огромной массивной железной двери. За ней будет старая лаборатория. Оттуда и начинается шпиль.

– Молодец, можешь, когда захочешь. Я обещал тебе сво-

боду, я тебе её дам.

Командор махнул ножом по верёвкам и тут же разорванные путы упали в воду.

– Ты ещё хотел убить меня, так ведь?

– Вы всего лишь рабы собственных идей, и из-за вашего слепого рабства я потерял дорогих мне людей. Вы ответите... за всё! Подыхай, тварь! – В глубокой слепой ярости и злобе, абсолютно затуманившей его рассудок, кричал Командор.

После чего Эстебан выхватил из кобуры пистолет и всадил всю обойму в грудь еретика, дав ему испустить дух. После этого он было хотел ещё одну обойму потратить на мертвого отступника, но когда затвор был передёрнут, что-то его остановило, и он в исступлении держит оружие дулом на упокоенного.

«Скорпионы Пустоши» стоят в ошеломлении от увиденной картины лишь изредка переглядываясь. Им не каждый день выдавалось увидеть обезумевшего Командора, который расправился с отступником похлеще, чем это мог сделать инквизитор.

– Что мы встали? Нам дали маршрут. Я думаю можно продвигаться дальше. – Холодно сказал Командор.

– Эстебан, твоя ярость... у тебя слишком частые перепады, – тяжело забеспокоился Карамазов. – Ты можешь сорваться.

– Брат, идём дальше. – Прорычал Командор. – Я не мог

поступить иначе... они убили его родителей, понимаешь?  
Я... я... я

– Понимаю. Теперь, давай продолжим.

Винтовка осталась погребена под руинами башни и чёрт с ней. Парень повернулся в указанную еретиком сторону и пошёл, потянув за собой воинов полк-ордена и Верховного Инквизитора. Они со временем перешли на лёгкий и небыстрый бег, и даже раненый Карамазов, хромая пытался бежать.

Заданное расстояние они довольно быстро преодолели, оказавшись на месте уже через десять минут, собравшись за углом перед финальным коридором. Брат–лейтенант выглянул из–за угла. В поле обзора попала массивная железная дверь и длинный коридор к ней с небольшим ответвлением. Флоренций снова спрятался за угол, повернувшись к солдатам:

– Я знаю эту часть шпиля и у меня есть идея... видел на старых картах схемы. Там впереди есть небольшое ответвление и данные говорят, что оно ведёт под кухню, где стояли умывальники для продуктов. Я предлагаю пройти туда и взорвать пол кухни. А оттуда у нас появляется больше шансов пройти живыми и наверняка за этой дверью нас встретят ураганным огнём, а прорыв со стороны кухни никто не ожидает.

Нет того, кто бы стал возражать против плана Тита Флоренция, но тут произошло вполне ожидаемое – послышался всплеск воды, заставивший всех обернуться и посмотреть

на упавшего Карамазова, выронившего пистолет и клинок, удерживающего обильные потоки крови, сочившиеся через трещины и дыры.

– Что случилось?! – отчаянно спросил Командор.

– Кровотечение, – бесстрастно ответил Флоренций, после чего указав на троих бойцов, отдал приказы. – Окажите ему помощь и вынесите инквизитора отсюда.

Трое бойцов из полк–ордена моментально подбежали к погибающему Верховному Инквизитору, а один из них подобрал его пистолет и меч.

– Нам нужно возвращаться к штурму, – несколько без эмоций отчеканил брат–лейтенант.

Командор в ответ лишь кивнул, беспокойно смотря на Карамазова, которого уносили вдаль. Они мельком просочились в ответвление и, пройдя несколько десятков метров, оказались под нужным местом. Потолок ответвления оказался довольно низкий, около двух метров над землёй, что позволило без трудностей закрепить дистанционную взрывчатку. Тит нажал кнопку активации и прогремел оглушительный взрыв, обрушивший пол кухни. Воздух одновременно наполнился каменной пылью.

– Бегом, бегом, бегом! – прокричал брат–лейтенант.

Все солдаты быстро поднялись в пролом, помогая друг другу взобраться, и тут же пред ними предстала столовая, помещение которой похоже на заводскую харчевню, только тут всё было заброшено. Такая просторная и огромная тихая

и спокойная, но только вся серая и разбитая временем.

Послышался звук топота и криков приказов со стороны входа в столовую – враг приближается, а Флоренций тем временем взял за плечо Командора и повёл его к кухонному лифту.

– На схемах сказано, что этот лифт вёл на вершину шпиля в кабинет главы корпорации. Эхон пророк наверняка в кабинете главы и ты поднимешься к нему. Мы останемся здесь, и задержим отступников, и возможности попытаемся прорваться к тебе.

Командор в ответ лишь холодно и чётко кивнул, после чего забрался в лифт, брат–лейтенант активировал механизмы, и устройство потянуло кабину вверх. Послышались звуки стрельбы в столовой, и эти грохоты выстрелов уходили вдаль, переставали быть слышимыми. Лифт, издавая жуткий скрежет, медленно поднимался вверх, старые механизмы не очень надёжны и Командор молится, что б лифт не сорвался. Шахта была вся в пыли и паутине, которая попадалась на пути. Эстебан всячески отряхивался от всего возможного мусора и грязи, которые постоянно цеплялись за одежду и волосы, но вот старые механизмы донесли его до самого верха.

Место выхода из лифта закрывали вбитые доски. Командор выбил их ногами и аккуратно вылез наружу, в кабинет. Перед ним предстало большое разрушенное, но прибранное помещение, здесь есть старый и порванный диван, несколько поломанных и гнутых стульев, так же здесь имеется стойка,

за которой предположительно сидела секретарша. Впереди балкон, из прохода к которому доносились звуки ожесточённого боя. Кабинет был двухкомнатный. Он хотел пройти во вторую комнату, но тут его позвал голос:

– Не туда. Я здесь.

Командор обернулся и увидел перед собой старика. Его длинные седые волосы ложились на плечи, морщинистое треугольное лицо имело широкую челюсть. Глаза широкие и синие, а губы тонкие, как кинжалы. Незнакомый человек одет в брюки и заправленную в них бежевую, с синей клеткой, рубашку, а так же на ногах были старые, потёртые ботинки чёрного цвета на шнурках. Он стоял, оперившись на трость

Старик задал короткий вопрос, и Эстебан подметил его голосе лёгкий немецкий акцент.

– Ты же пришёл, что б меня убить? – без страха спросил старик.

– Ты Эхон пророк?

– Я Ёханс Браун. И да, моё второе имя – Эхон пророк.

– Тогда я пришёл не убить тебя, а отомстить, – гневно ответил Командор.

Эстебан уже не считал целесообразным брать в плен учёного. Им повелевает только жажда мести, которую он так и не мог утолить. А оправдание своим действиям он найдёт.

– Цель твоей мести убить меня?

– Ну да.



– А позволь поинтересоваться: почему ты пришёл убить меня?

– Что ж... на одном из мунуфакториатиев, куда проникла твоя ересь, была одна моя знакомая, которой я обязан жизнью. Твои же собратья по ереси, из-за того, что она не захотела становиться еретиком, довели её до предсмертного состояния. Они избивали её, пытали и довели организм её до истощения. Вот я и пришёл... отрубить голову змее, – со злобой прорычал Командор.

Глаза старика расширились от удивления, а голос задрожал:

– Не может быть. Ты не знаешь моего учения... я всегда проповедовал мир. Нет насилию, а доброту и любовь. Мне мои помощники рассказывали, что всё хорошо, что на Мунуфакториатиях всё проходит миром, – с глубочайшим удивлением и оправданием сказал старик.

– Но как твои люди довели её до такого состояния.

– Я...я не знаю. Меня заверяли мои помощники, что всё хорошо. – Не меняя тона, продолжал старик. – Похоже, что ты врёшь.

– Похоже, ты потерял контроль над своей паствой, – всё так же грозно говорил Эстебан. – Хотя мне уже всё равно.. ещё немного и Рейх покончит с твоим жалким сопротивлением.

– Я немощный старик, я не выхожу из этого шпиля, а всю работу за меня делают помощники, основываясь на моих

проповедях о любви мире. Я им верю, а ты обычный убийца.

– Может и так! – рявкнул Эстебан. – Я обычный убийца, но ты потерял контроль. Твои помощники обманули тебя и не раз. И кстати, если ты проповедуешь любовь и мир, то почему твои войны бьются с небывалым остервенением?

– Они бьются за мир и богов.

– Богов... я всё знаю, про «богов». Что скажешь на то, что они обычные игрушки в руках твоих «помощников»? Как ты вообще докатился до жизни такой? Давай, расскажи! Будет что на могиле написать.

– А я расскажу тебе! – неожиданно вспыхнул Ёханс. – Они мои дети и не смей про них так говорить. Когда я всё потерял, когда моей семьи не стало, в тот момент я готов был сорваться и наложить руки... но весть о том, что мои эксперименты увенчались успехом приободрила меня настолько, что вся прошлая жизнь стала неважна, а ведь они точно мои дети... я использовал генный материал моих сыновей и дочурок для создания сверхлюдей.

– Что!? Да вы больной!

– Пусть!... но мои дети получили вторую жизнь,... теперь они перевоплотились в более совершенных существ. И они всегда будут со мной... мои дети и никакой Рейх не отнимет у меня их. Никогда! Только с ними я могу быть счастливым.

Командор стоял и смотрел на улыбающегося старика и вдруг в его душе, что-то порвалось, и парень почувствовал себя мерзко. Старика обманывали, столько лет и они поло-

жили конец его мечтам и «детям». Ёханс жил в собственных мечтаниях, редко видел плоды своего труда, который так подло оказались не более чем ложью ради выгоды. И даже сейчас пожилой человек стоит и ждёт, как двери распахнутся и к нему придут те, кого он любит... как детей.

– Ёханс, мы... твои дети... – пытается объясниться Командор. – Дело в том, что

– Ты говори, успокойся, – добро и ласково сказал старик. – Что с ними?

– Твои дети... не более... в общем это ложь. Они были всего лишь размалёванными клоунами, которыми дурачили народ. Пойми, тебя обманули твои же соратники! Результаты экспериментов померли ещё при «рождении» и их подменили. Никого нет!

Старик полностью поник, с его губ развеялась улыбка предвкушения долгожданной встречи, а на лице установилась маска мрака и горя.

– Ты... ты врёшь, – слабо и тяжело выдавил из себя Эхон. – Это наглая ложь!

– Ёханс, ты видел, как обрушается здание и уходит вглубь?

– Мне докладывали о постройке, которая ушло под землю... это рядом сол шпилем.

– Это было под тем местом, где были твои лже-дети. Они мертвы и я не вру. Это мы убили их, – с тяжким грузом на душе твердил Эстебан. – Сам проверь, где было капище твоих детей и в каком месте совершился провал.

Глаза старика остекленели, а руки его ослабли настолько, что он выронил трость. Её падение раздалось глухим звуком. Ёханс замер в одной позе, глядя на Командора, подтирая горькие слёзы. Командору хотелось развернуться, уйти и скрыться, забыть всё это, но он не мог и приходится дальше смотреть на рыдающего старика, поджав губы. Парень осмыслил, что он не там искал врага. Тот, кому он хотел отомстить, он уже отомстил, сначала у мунуфакториатия, полосував его, а потом и в той пещере, убив сластотерпцев. А тем временем старик сумел подняться с колен, на которые пал не выдержав груза души. Он, держась за сердце, заковылял по направлению к балкону, удерживаясь за стены, не замечая Командора. Эстебан медленно, крадучись пошёл за ним, смотря, что будет делать старик.

Балкон сделан из молочного бетона, без крыши. На полу балкона стоит высокий микрофон явно для публичных выступлений. Старик подошёл к аппарату, он слегка постучал по нему, убедившись, что устройство работает.

– Мои братья и сестры, говорит Эхон пророк, – мужчина взял паузу, прежде чем выпалил. – Наши боги мертвы! Они всегда были мёртвыми! Всё ваше сопротивление теперь тщетно, можете бросать оружие и бежать. Прощайте.

После чего Ёханс подошёл к краю балкона и резко подался вперёд, смещая центр тяжести вперёд, но он не собирался сбрасываться, только взглянуть на своё воинство. Всё решила шальная очередь имперских солдат – она точно порази-

ла цель и душа старика выпорхнула из его тела словно птица, когда пули сорвали печати, связывающее её с телом. И через секунду Эхон скрылся за краем, оставив балкон пустым. Командор сам подошёл к краю балкона. Внизу Командор увидел огромную развороченную боем дорогу, на которой в кровавом противостоянии сошлись сотни бойцов, готовые убить друг друга за свои истины. Секунду назад здесь ещё гремел бой, но теперь здесь стоит тишь. Внизу на ступенях шпиля валялось тело Пророка, возле которого копошились его сторонники. Когда они осмотрели и убедились в смерти своего лидера, произошло самое логичное событие – они впали в ступор: ренегаты не знают, что делать дальше... вся их основа и мироустройство, за которое они сражались, мгновением ранее погибли. И этим замешательством воспользовались солдаты Рейха – их боевые отряды и группировки перешли в кровавое наступление, жестоко подавляя всяческое сопротивление, которого уже и нет. Их яростный и радостный клич раздался подобно призыву к кровавому правосудию. Противостояние ренегатов сломлено, и Великая Пустошь снова во власти Империи.

Шесть часов вечера. К западу от города.

Сзади Антония стоят два бронетранспортёра из полк–ордена, в которых уже сидели десять бойцов, готовых вернуться на собственный аванпост. Они ждали только одного человека.

Командор встал на фоне алого заката, всматриваясь в город. Он пребывает в своей любимой манере: смотреть на что-то и выискивать там нечто, и это подобно тому, как рыбак в реке высматривает рыбу или ювелир ищет изъян или достоинство в драгоценном камне. На нём была сухая одноцветная мешковатая чёрная одежда. Он был подобен смольному ворону на фоне кровавого заката, а растрёпанные тёмные волосы только утверждали этот образ. Холодный ветер, наполненный радиоактивной пылью, ласкал его лицо и трепещет объёмистую кофту.

Антоний от нетерпения уже решил подойти к Эстебану и узнать, что тот так долго нее собирается грузиться.

– Господин Командор.

– Да, Теневик? Ты что-то хочешь?

– Все только вас ждут. Мы не можем уехать отсюда.

– Я понимаю, сейчас приду, и вы нашли тех людей, о которых мне рассказал Цирус?

– Друга Габриеля и его мать? Да, нашли. Они завтра отправляются на мунуфакториатий.

– Молодцы. А теперь реализуйте для них два помилования от Верховного Отца. Не зря же он дал их.

– Но...

– Я не спрашиваю тебя о всех проблемах с этой министерской фантазмагорией, просто сделай это от имени церкви и Верховного Отца, что б заткнуть их возражения. Сделайте всё, что б восстановить их доброе имя. Мне плевать, что вы

предпримете при этом: шантаж, подкуп, угрозы. Просто сделай это, – в гневном тоне сказал Эстебан, после чего смягчив его, добавил. – Потом сможешь неделю отдохнуть... займись нашими связями с инспектором Морсом... узнай, когда сможем забрать данные.

– Да, господин Командор, – покорно ответил Антоний и тут же сказал. – И ещё: Критарх–майор, главное здешнее инспекторское отделение, двенадцать министерств и губернатор запрашивают отчёт о произошедшем инциденте в шпиле.

– Хм, а это действительно признак того, что надо валить отсюда, – с недовольством кинул парень. – Убедил, возвращаемся в Милан.

– Вот и славно.

– Подожди Антоний, – резко воскликнул Командор и тут же спросил. – Что с Карамазовым?

– Он в тяжёлом состоянии, ибо когда его вытащили из канализации и донесли до медицинского пункта, он был на грани смерти. Сейчас он в глубокой коме... его ранения оказалась жутче ваших и «оперативное регенерационное вмешательство» не помогло.

Проклятье! – яростно крикнул, подняв лицо к небу Эстебан, после чего упав от бессилия на колени. – Господи, за что ты так меня проклинаешь!? – после вопроса к небесам мужчина тяжело выговорился в сторону Теневика. – Скажи остальным, что я сейчас приду.

– Да, господин Командор, – безрадостно сказал Антоний

и, развернувшись, ушёл по направлению к двум БТР.

А в это время в кармане Командора раздался звук телефонного звонка, Эстебан достал его, провёл пальцем по экрану и приложил его к уху.

– Эстебан, это главврач. У меня плохая новость: Сцилла умерла. Инсульт. У неё...

Командор тягостно прервал врача:

– Стой, не рассказывай мне об этом, – подавив слезу, сглотнув, продолжил. – Помнишь, я тебе перед своим отбытием дал деньги?

– Да, а что?

– Я тебя сердечно прошу, устрой на них достойные похороны Сцилле. Пусть её тело покоится на городском кладбище, а её душу отпоют в храме. Я не хочу, чтобы её было сожгли и развеяли над Великой Пустошью, и в придачу заклеямили еретиком. А если что останется с денег, то можешь оставить себе, – горестно и печально заключил Командор.

– Хорошо, я сделаю, как вы просите. Клянусь Канцлером и Рейхом я устрою ей достойное погребение. Вы можете не беспокоиться.

Эстебан отключил связь и положил телефон обратно в карман. Его лик стал, печален и сер, а по щеке пробежала скупая слеза. Цвет его лица стал подобен цвету радиоактивной пыли и песка в Великой Пустоши и когда он поднял взгляд, подходя, на боевые машины, даже Антонию стало дурно. Он уже подходил к БТР как над головами раздал-



ся вой, по которому можно определить, что это реактивные бомбардировщики, дюжина штук, заходящих для атаки.

Мёртвый город утопает в алом закате, он купает в его лучах, отражаясь на фоне заката чёрными зданиями. Но вот бомбардировщики сбросили тяжёлые бомбы, и город испулся в напалме. Безжизненное поселение утонул в массивах огня, теряя всякий шанс на своё мятежное возрождение.

На фоне уезжающих машин город вспыхнул ярче заката.

# Часть вторая. Свет ложного рассвета

## Глава шестнадцатая. Серость

Пятнадцатое октября. Милан.

Погода как всегда не радует. Небо какой день уже затянуто серыми облаками и не давало солнцу ярко светить, а на улице стало холодно и неприятно. Сильного ветра не было, но стояла нехорошая прохлада, поддерживаемая слабым и немощным ветерком.

Людей вне помещений изредка видно в больших количествах, разве только на небольших массовых мероприятиях. Все либо работали, либо сидят дома и не подают носу из дома, не желая попадаться на глаза комиссарам или представителям министерства Повседневной Оценки. Масштабных праздников, способных поднять настроение, никаких не было, лишь серые трудовые дни, с перерывом на единственный выходной день – воскресенье.

Каждый день так и продолжали из граммофонов по утрам литься политические проповеди, по телевизору продолжают рассказывать о правильной и не крушимой идеологии Рей-

ха. Зачитывались идеологическими литаниями про правильность иерархичности, культа личности, диктатуры и правильность репрессий, тех, кто оказался не согласен с государства, а Империял Экклесиас с вдохновением распевала молитвы Канцлеру, в это же время Культ Государства везде и всюду неутомимо искал еретиков мысли. Ничего не меняется – в воздухе, можно сказать, повисла апатия и уныние.

Однако унывать нельзя! Не потому что это плохо сказывается на душевном состоянии, а только оттого что Культ Государства и Министерство Отслеживания Пессимистических Настроений в Обществе, с двумя внутренними управлениями – Надзора за Настроениями Граждан и Измерения Уровня Апатии, не одобряют падение «уровня нормального счастья» у людей и готовы любого декадента, попирающего постулаты Империи, говорящие о том, что люди не могут быть не рады пребыванию в таком государстве, как Рейх, отправить в трудовые лагеря на перевоспитание.

Но находились те люди, которые пытались подавить свою духовную и политическую апатию в бесконечных собраниях и диспутах. Это группа молодых ребят, которая назвала себя, руководствуясь обычной юношеской неопытностью и оппозиционным романтическим вольнодумством – «Братство свободы». Именно это название они выбрали для названия собственного сообщества, которое считали островком свободы в Милане, позиционируя себя, как тайных разносчиков либеральной мысли. А свои собрания они называли «сво-

бодными обсуждениями», считая это проявлением вольной мысли, не зависящей от Рейха.

Эти юноши и девушки, в своём детском стремлении к мизерной и наивной свободе противопоставили себя канцлеровскому режиму, считая, что их собрания это первые шаги к освобождению. И их «собрания» стали похожи на то, как маленький ребёнок шкодит в отместку взрослому, пытаясь заявить о себе как о полноценной личности и показать, что его детское «я» чего-то стоит. Но именно подобные собрания для многих стали такими лучами тёплого солнца, в этом мире бесконечной серой апатии, хоть как-то обогревая душу. Именно «лучи общения», внутренний душевный свет от него, действовали на душу как лёгкий антидепрессант, разгоняя нависший мрак, а это время серости именно этого луча не хватает многим людям. И многие, в этих собраниях, чувствовали нарастающую апатичность, причём, говоря, что за нарастанием тотального уныния стоит Канцлер и режим им поставленный, но никто не поднимал свою голову к небу, что б лицезреть его серое полотно.

Но и сообщество ребят претерпело некоторые изменения, которые не сменили общей апатичной обстановки. Давиан дружит со многими учащимися других городских Схол и он силой своего убеждения, мастерством красиво говорить, искусством обещать несбыточное сумел привлечь внимание многих ребят к этому движению. Вообще, молодёжь Милана не очень любила и жаловала устоявшийся режим, но тща-

тельно скрывала эти мысли от бюрократического молота – Имперор Магистратос и всех остальных Департаментов Власти, что полностью соответствует идее Империи, ибо как сказано в Кодексе «Правительства»: «Если же червь не желает преклонить колено и впустить в себя свет Рейха, а всячески ему противится, так пускай забьётся в самый дальний угол и дрожит от страха, в состоянии которого он ничтожество, не способное на что-либо». Но дерзких юношей и девушек это не волнует, и они продолжают тайно шkodить Рейху, организуя мелкий сабантуй. Давиан даже в придачу придумал и специальные отличительные знаки для своего «братства» – нашивки красно-синей расцветки, которые никто не носит... сало кому нужны подозрения от Культа Государства и комиссаров.

Однако многие понимают, чего на самом деле они стоят. Эти ребятки жаждут свободы, будучи ослеплённые юношеским максимализмом и не понимая, что для Рейха они не более чем мухи перед несущимся грузовиком, который за доли секунды способен их размозжить, не оставив при этом никакой памяти, вычеркнув даже имена мятежников, но буйную и глупую молодёжь только единит дух действия против чего-то тоталитарного и ненавидимого, что ограничивает их свободу. Ребят ещё объединила атмосфера общего приволя, чувство соучастия в праведном, как им казалось, деле. Давиан умело использовал дух совместной работы, единой идеи и юношеский максимализм, сплотив сообщество в

нечто похожее на монолит. И скрепив всех в единое сообщество, он предложил ввести чёткую систему должностей, якобы для лучшего порядка, но ему, конечно, воспротивились, те, кто был раньше в этом «братстве», но тех, кто пришёл за Давианом, из других Схол было больше. И на всеобщем голосовании было принято ввести иерархию, под предлогом стремления к повстанческим идеалам тех, уже ушедших и вычеркнутых из истории революционных партий. Его за это даже Пауль за это упрекнул в иерархизме, на что Давиан спокойно с сарказмом ответил: «Да ладно тебе, обижаешься, что всё не по-анархистски. Мы прогрессируем, движемся вперёд, и это главное, и нам, для дальнейшего существования понадобилась иерархия, мы её и получили. Если понадобится ещё, что ни будь мне, я сделаю». И в своём стремлении к прогрессу это «братство» было похоже на детей, играющих в протогосударство или недопартию. Ни больше этого.

Но даже этим солнечным лучам, этим изменениям, детскому либерализму и юношеской свободе было не пробить каменную стену, выстроенную в душе одного человека. Он уныло, поникши духом, шагает по улице после занятий. Тягостно проходит по знакомой дороге к книжному магазину, устало находя его тяжёлым взглядом. Габриель не замечал вокруг идущих людей, что стремятся буквально слиться с серостью и стать невидимыми для ока Рейха, не видит сотен бюрократов, неустанно роящихся в городе и контролирующих всю жизнь Милана, от командования дворниками

до контроля огромных зданий и целых кварталов, за которыми следили, чтобы и там не сомневались в идейной верности курса государства. Парень не хочет видеть десятки сторонников Культа Государства, что неустанно ведут свои проповеди на улицах и побивают розгами тех, кто посмел поспорить с ними. Юноша пропускал мимо себя комиссаров, что взахлёб зачитывались законами Рейха, указывая на нарушения и выявляя новых преступников, что являлись обычными людьми и не знали основного закона досконально. Он и не хотел смотреть, как полицейские спасают несчастных людей попавших в лапы комиссаров, заступаясь за них и уводя в отдел для оформления более легконаказуемых дел.

Габриель тихо, без внутреннего недовольства прошёл мимо сотен плакатов, что своим холодным взором осуждающе смотрели на него, несмотря на их содержание, воспринимая его нечто должное и неизменяемое, как статичное и абсолютное. Со временем Габриель стал понимать, что их оппозиционная деятельность ни к чему хорошему не приведёт, а время, проведённое в диспутах и спорах не более чем бесцельно потраченные минуты и часы, не имеющие силы перед Рейхом, ибо он постоянен.

У юноши довольно растрёпанный вид – серая куртка нараспашку, подставляющая грудь на растерзанию ветру, не глаженная белая рубашка, говорящая о наплевательском отношении к внешнему виду, помятые слегка брюки с запылившимися туфлями и растрёпанными волосами. Габриель

шел, опустив голову и положив руки в карманы. Шёл парень медленно и лик его был уныл, он будто пытался слиться с окружающей серостью и теми людьми, что в этой безликости хотели укрыться от правосудия Империи. Юноша пытался со своим внутренним отчаянием слиться с окружающей апатией и это несмотря на Управление по Внешнему Виду Граждан в Публичных Местах Министерства Внешнего Облика, которое тщательно следит за тем, чтобы люди строго соблюдали опрятность одежды.

Габриель дошёл до нужной двери, не поднимая головы, причем, не взирая по сторонам на улицы и даже не смотря, что повсюду шастает множество бюрократов из Управления, способные выписать ему штраф за неопрятный вид. Он небрежно постучал, сразу убрав руку обратно в карман, став ждать ответа. Ему открыл владелец магазина – тот же самый добродушный старик, пропускающий нерасторопного парня.

Юноша апатично оглянулся по сторонам и отыскал взглядом нужную дверь и подойдя к ней, он кинул взгляд на деда. Старик в ответ лишь кивнул, с лёгкой улыбкой на лице, стоя у двери и слабо придерживая её. Владелец магазина всматривался по сторонам и придерживал дверь, стоя у прохода и загораживая вход, что бы никто лишний не прошёл или не увидел того, чего не нужно.

После этого кивка юноша быстро метнулся в подвал. И даже, несмотря на добродушие старика, Габриелю было тош-



но на него смотреть. В подвале оказалось шумно, как в каком-нибудь пафосном местечке, которое собирает уважаемую публику. За короткое время Давиан сумел привлечь к своему делу ещё больше сторонников, чем когда-либо и этот подвал, обитель и сонм игрушечной демократии одновременно стал больше похож на подвальный ресторан напололам с клубом по интересам, нежели на место сбора миланской оппозиции. Трухлявые табуретки поменяли на старые стулья, скамейки были убраны, их поменяли на небольшие круглые столики, а освещение направлено только на место, где стояла трибуна на импровизированной сколоченной сцене, представленной самодельной деревянной площадкой, возвышавшейся примерно на метр над уровнем холодного бетонного пола и теперь практически всё освещение стало смещено на площадку, что б легче и яснее виднелось выступающих ораторов, поэтому остальная часть зала получала свет по остаточному принципу. И чем дальше от сцены, тем сильнее погружалась во тьму остальная часть подвала, и вход в подвал почти во тьме и лишь немного света падало на дверь. Что касается тепла – его тут мало, оттого обитель стала схожа с отсыревшим подвалом, да и холодные кирпичные стены закрыты не были, а поэтому в помещении ещё и неуютно.

Габриэля тут радует одно – новая мебель, которую они собирали всем «братством». Всё старое – скамейки, табуретки и некоторые полки сданы в переработку или рейхс-комис-

сионку, но сначала ребятам пришлось заверить это имущество, доказать, что оно им принадлежит. Для этого им пришлось идти в министерство Внутреннего Движимого Имущества и для той миссии они выбрали самых идеологически чистых и отлично разбирающихся в законах ребят, способных ответить на все вопросы, которые им могли задать в отделении министерства, а так же готовые предоставить кипу всех необходимых документов. Потом эти ребята прошли беседу с «монахом» из Культа Государства и священником церкви. Проверили их «рейтинги» и подняли о них всю информацию, которая была только возможно. И убедившись, что это законопослушные граждане, чтущие идеалы Рейха, поставили их в очередь. И через неделю, когда мебель была проверена досконально, им было выдано разрешение на сдачу этой мебели в рейхс-комиссионку по строго установленным тарифам. И на вырученные и собранные средства была куплена новая и хорошая мебель, которая прошла свою проверку в министерстве Внутреннего Имущества. Все конечно возмутились подобному железному контролю со стороны Рейха, но чувство радости от прохождения всех бюрократических преград порадовала ребят, ещё сильнее в них утверждая надежду на лучшее будущее.

Габриель прошёл в помещение, не памятуя о старой или новой мебели. Он кинул свой унылый взгляд на залу, перед ним открылось прохладное и плохо освещённое помещение полностью забитое людьми, усевшимися за столиками. В

подвале стоял невыносимый гул, ибо все переговариваются дико монотонно на однообразные темы. Юноша прошёл за один из столиков, стоявших слева от входа у стены, и в своей растрёпанной и небрежной манере уселся за него.

Через минуту к нему подсели две ребят, старых друзей. Давиан надел бесцветную куртку с тёмной кофтой, джинсами и ботинками, а Алехандро облачился в светлый свитер, выбеленные джинсы и кроссовки старого докризисного стиля. Габриель поздоровался со своими друзьями и тут же задал вопрос:

– Ну, как ты, оклемался? – обратился он к освобождённому другу.

Алехандро усевшись, слегка улыбнулся и ответил:

– Со мной всё в порядке. Ты как?

– Всё хорошо, – быстро проговорил Габриель и тут же добавил. – Это нам нужно беспокоиться о тебе.

– Да, что обо мне тревожиться, – небрежно и с бравадой в голосе сказал Алехандро и продолжил. – Я даже на муну-факториатий не попал. Оставался в распределителе.

– Расскажи, что было с тобой, – поинтересовался Габриель.

Алехандро отодвинул стул, облокотился на спинку его и начал свой короткий рассказ:

– Когда меня повязали, то сразу кинули в машину и там я несколько часов барахтался, пока она не остановилась. Мы вышли в какой-то глуши... не помню, но всюду был прокля-

тый лес, непроходимый и чёрный. Но я даже не успел повернуться, что б взглянуть на здание. Мне накинули на голову мешок и вкололи что-то... может снотворное... эти прихвостни режима никогда не уважали право людей на получение информации о месте пребывания! – в надменном и самодовольном упрёке воскликнул Алехандро, каким и обещает быть весь его рассказ.

– А что в самой тюрьме? Как она?

– Огромное серое здание, похожее на склеп наших прав и свобод... это всё что я увидел, друзья мои.

– Что дальше?

– Потом я проснулся в какой-то неприлично маленькой камере, сдавливающей моё право на свободу, и из мебели там только лежанка. Ах, ещё и унитаз с раковиной.

– И сколько же ты провёл в камере? – спросил Габриель, сложив руки на груди.

– Я не знаю, сколько там сидел, часы, дни, неделю, но меня буквально сводил плакат с Канцлером там повешенный. Вы не представляете, как я хотел его изгадить, но камера и охрана не позволяли мне это делать, чем ограничивали мою священную свободу на выражение политической мысли! – тошно возмутился юноша. – Мне только заносили еду и бумагу, что б я от голода или антисанитарии не помер.

– А было там, чтобы бесило тебя?

– И два раза в день ко мне заходил этот чёртов культист. Я думал, с ума сойду или в зубы ему дам, он меня достал сво-

ими проповедями про благо Рейха... столько бреда про то, что нужно любить Канцлера и родину, про священное ограничение прав и свобод... хвала Свободе, что я сдержался.

– Что же дальше?

– Потом за мной пришли люди в форме. Они меня вывели из камеры и направили, в какой-то кабинет, снова с мешком на голове и усадили в жёсткое кресло... я уж думал, убьют, но всё оказалось намного хуже – эти гниды обсуждали, в какой мунуфакториатий меня отправят. Потом зашёл ещё один человек, сказавший, что принёс какой-то указ. Наступила тишина, и кто-то серьёзно выругался... видать занервничали, что им не удалось задушить свободного человека.

– И чем же всё закончилось?

– Меня повели обратно и через несколько часов нам принесли извинения и довезли меня с матерью до дома. А потом я восстановился в Схоле, – Алехандро немного примолк, но потом, усмехнувшись, продолжил – Помню ваш взгляд, когда я вернулся... словно увидели ожившего мертвеца.

– Так и было, – усмехнулся Габриель. – Мало кто возвращается из таких мест, как распределитель.

– Да, это было неожиданно, – угрюмо отвесил Дивиан. – Но главное, что ты обратно к нам вернулся.

– Меня приняли обратно и это пока главное. Ещё бесит, что я теперь каждый месяц проходить тесты на «идейную деформацию» и если я ошибусь где-нибудь, то меня поведут на пятнадцатичасовой курс лекций по идеалам нашего тотали-

тарного государства.

Тут в разговор решил ввязаться Давиан. Он пододвинул стул и сел прямо:

– Ну, насчёт «приняли» не думаю.

– Не понял, – удивлённо сказал Алехандро, после чего добавил, так же ошеломлённо – Ты к чему клонишь?!

– Ну, ты же терпишь нападки со стороны учителей и некоторых наших товарищей, – Заумно и до тошноты нудно спросил Давиан.

– А, понял. Я стараюсь не обращать внимания на учителей – не здравомыслящих марионеток государства и товарищей – бессильных кукол режима, которые верят предрассудкам и большим идеалам. Им же не понять, что меня оправдали, они до сих пор видят во мне врага народа, за которым должно следить министерство Надзора за Освобождёнными, – ответил Алехандро, причём выделив последнее предложение саркастичным тоном.

– Они верят приговору, а не оправданию, – иронично сказал Габриель. – Они готовы втоптать любого, кто единожды приступил идейную черту дозволенного.

На что Алехандро вспылил:

– Ну, раз так, то и ума у них немного!

– Ну, а отец? Ты хоть в порядке после его смерти? – въедливо спросил Давиан.

– Честно... ну, умер и умер. Рано или поздно мы все, когда-нибудь, умрём, что по этому поводу беспокоиться? К то-

му же он был существенным ограничителем моих личных прав и свобод... это не делай, то не твори. Наша жизнь нам дана не для слёз, а для борьбы. Вот я буду бороться за свои права! – гордо заявил парень.

На несколько секунд наступило молчание за этим столиком, но Алехандро широко улыбнулся, положил обе руки на стол и с усмешкой в голосе стал говорить, пытаясь подколоть собеседника:

– Ну, тебе-то пришлось сложнее, Габриель. Признаться в чувствах, почти на голой почве. Неудивительно, что тебя отшили. Давиан, что ты думаешь?

– Да мне в принципе всё равно, но с тобой, Алехандро, я соглашусь. Нужно было сначала тебе хоть поухаживать за ней.

– Да ладно вам, мне стоит забыть о ней. – Грустно сказал Габриель.

– Забыть, не забыть – выбор в принципе твой. Хочешь ещё раз попробуй. Право твоё. А где кстати она? – спросил Алехандро.

Габриель провёл взглядом по помещению, проредил взглядом столики, после чего махнул рукой немного вперёд, при курсе направо и сказал:

– Вон она, с Артием и Верном.

С лёгким неудовольствием сказал Габриель, приковав на ней свой взгляд.

Ребята несколько минут сидели и разговаривали. Але-

хандро с остервенением говорил о своих правах и свободах, Давиан внимательно слушал и вставлял своё коммунистическое слово, а Габриель всё поглядывал на Элен, которая весело общалась с Артием и Верном, памятуя, как ему отказали. Габриель ещё долго не забудет, как Элен ему сказала, что лучше остаться друзьями, ибо не хочет с ним встречаться, так как он её банально не нравится. И в тот момент, единственное, что оставалось юноше, так это вежливо попрощаться, отпустить малозначительную шуточку, развернуться и покинуть двор девушки, проклиная себя за расторопность и не способность выстроить нормальные отношения.

– А когда начнётся наше собрание?! – встревожился Александро.

– Ещё подождём некоторое время, когда народ соберётся, а то нет смысла говорить с пустыми местами и заново объяснять пришедшим, – ответил главный коммунист.

– Давиан, а что ты вообще видишь в конце своей кампании? – спросил Александро и с вызовом в голосе добавил. – Что ты ждёшь?

– От какой кампании? – спросил с удивлением Давиан, причём пожав легко плечами.

– Что ты ждёшь от идеи создания «братства», что ты ожидаешь от постоянных собраний, что ты вообще хочешь от нас здесь?

– Я боюсь, что не до конца понимаю, о чём ты говоришь.



До сих пор, сохраняя удивление в голосе, ответил Давиан. И тут решил вмешаться Габриель:

– Я думаю, Алехандро спрашивает о смысле существования «братства», зачем мы его создавали?

Давиан начал говорить, придав монотонности в голос и официальности в речь:

– Ну, я думаю, что понял, что вы хотите спросить, постараюсь вам ответить, в соответствии тому, как понял ваш вопрос, – сказал Давиан, продолжив уже без монотонности в голосе. – Мы здесь просто собираемся для обсуждений вопросов, связанных с нашей жизнью и политикой, мы здесь занимаемся развитием демократическо–коммунистической мысли, – сказав последнее предложение с самодовольством, напыщенной гордостью и уверенностью, Давиан продолжил – Именно здесь люди могут свободно говорить, без угрозы оказаться в заключении.

– И это всё? – быстро и негромко, почти шепотом, с неудовлетворением, задал вопрос Алехандро.

– А, что ты от нас ещё хочешь? – с вызовом спросил Давиан и саркастично добавил. – Что б мы на революцию пошли?

Алехандро оторвал спину со стула и накатился на стол, поставив локти на стол и ладони тыльной стороной, позволив подбородку лечь на ладони. После того, как Алехандро занял удобную позицию, он приподнял голову, в его глазах загорелся огонь, сродни фанатическому пламени, оторвав под-

бородок от ладоней, и заговорил:

– А перспективы? Развитие?! Или, то, что теперь ограниченный круг людей может, что–то обсуждать, ты готов назвать пределом мечтаний? Ты не готов развивать всё дальше? Ты хочешь, что б всё осталось как есть сейчас? Ты готов...

Габриель мысленно ушёл от разговора, так как ему не интересен спор либерала-революционера и коммуниста-подпольщика. Этот диспут напоминает ему спор малышей в песочнице или перепалки детей играющих, в какую ни будь игру. Габриель знал, что без могущественного покровительства – они никто и ничто, а патронаж над «братством» это по сути диссидентство и предательство, в глазах идеологии Рейха, конечно, которое карается самыми суровыми методами. Быть их покровителем это значит стать оппозицией, а это незаконно и небезопасно для жизни, а поэтому реакционные высказывания Алехандро были не, сколько пусты, сколько несбыточно далеки и недоступны, но в тоже время они были порождением чего–то глубинного, нежели фантазмагии демократии. Габриель понимал, что эта серость и апатия коснулась и их «братства» и все хотят, хоть какой ни будь искры рвения. Хотели действия и изменений. Все хотели просто действовать и понимать, что от их действий, происходят какие либо изменения. Но все прозябали в бездействии. Единственным встрясками были покупка мебели и введение иерархии, которая ещё не была определена. Не

самые великие достижения, которые даже не подходят даже под поговорку: «И Рим не в один день строился», ибо достижения были ничтожно мизерными. Апатия и уныние накрыло «братство».

Однообразие и серость это не обозначение ситуации, сложившейся в «братстве», а образ жизни в Империи. Габриель видит и знает, что весь жизненный цикл человека контролируется и сопровождается Рейхом – зачатие нового человека находится под контролем Министерства по Лучшей Репродукции и его Бюро Планирования Зачатия, которое расписывает график, когда необходимо зачинать ребёнка, в соответствии с настояниями Культа Государства и Империял Экклесиас. А затем понеслась жизненная чехарда, где человек только и встречается с фантазмагорией чиновников и церковников, контролирующих, сопровождающих и карающих его за самые мелкие проступки. И апатия, свалившаяся на ребят не более чем одно из проявления сущности Рейха, которое не позволяет даже вздоху несанкционированного сделать, и «обязано создать такую атмосферу, чтобы люду оппозиционному было не любо творить крамолу, так как жизненных устремлений к данному иметься не будет», как сказано в одной из «Святых Песен» Культа Государства – обязательно-исполняемых установлений. Габриель давно понял, что его родина пытается атмосферой уныния и серости задуть всякую бурную деятельность, подавить тонус к бунтам.

Но тут звуки возрастающего спора вернули Габриеля к ре-

алиям происходящего. Алехандро и Давиан так и не смогли сойтись во мнениях, один говорит об осторожности и аккуратности, другой же уверял, что б люди стали проявлять инициативность и рвение в стремление к целям. Давиан уверял Алехандро в том, что необходима осторожность, медленность и выдержка для людей, что пока не время проводить в жизнь, что ни будь радикальное. Алехандро наоборот, говорил о мощной инициативе и действенности, уверяя, что без этого не будет пользы и какого-либо эффекта.

– Мы не должны сидеть на месте! Так мы ничего не достигнем, лишь упустим драгоценное для нас время, наши идеи должны соответствовать нашему рвению и целеустремленности, если же у нас есть цель, а нет действий, ведущих к цели, то и кто мы после этого? Не больше чем клуб по интересам, – сказал Алехандро, сохраняя фанатизм в глазах и голосе. Давиан решил парировать:

– Я искренне разделяю твой фанатизм и твоё рвение, но прежде всего нам необходима осторожность. Мы набрали слишком много людей, мы можем привлечь к себе ненужное внимание. К тому же, почему мы не стремимся ни к чему? Мы недавно ввели иерархию. Разве этого мало?

– Ха! Иерархию, которую даже не обсудили и не ввели, – издевательски и саркастично сделал укол Алехандро. – Наша свобода нуждается в стремлении к её реализации!

– Мы её обсудим, но позже, а сейчас нам нужна осторожность, – вымолвил Давиан и иронично, с толикой сарказма

продолжил. – А то иначе мы все отправимся обсуждать проблемы в Великой Пустоши. Будешь ты там проявлять собственную инициативу по полной.

– Ну–ну, без инициативы наше «братство» просто сгниёт. Мы должны как-то бороться за наши права и вырвать их из цепких лап Рейха!

И тут Давиан громким голосом и с вызовом спросил:

– Ну а что ты предлагаешь, что мы, по–твоему, должны делать?! – и дальше, уже спокойней продолжил. – Если ты выдвигаешь какую-нибудь идею, то ты должен что-то предложить к реализации сказанного. Пустословию здесь не место. Ну, что ты готов нам дать?

Александр отодвинул стул от стола. Он оглядел всю залу, всматриваясь в каждое лицо, в каждые глаза. После чего парень достал из куртки небольшую пластиковую бутылочку. Открыв её, Александр приложился губами к горлышку и через несколько секунд опустошил её, после того как вода была выпита, он бутылку поставил на стол и заговорил:

– Хочешь услышать мои идеи? Вы готовы бороться за права и свободы, как это делали нашей гордые предки?

– Да, – ответил Давиан и добавил – Хочу.

– Ты хочешь обсудить этот вопрос, но только уже с просвещённым народом?

– Да.

Александр ещё раз оглянулся по сторонам, после чего он встал и сказал Давиану:

– Так вперёд, люди уже собрались... наше освобождение не ждёт и чем раньше мы начнём действовать...

– Вперёд! – С вызовом бросил Давиан, оборвав Алехандро.

Алехандро и Давиан встали из-за стола и направились к сцене, а Габриель, развернувшись, стал за ними наблюдать. В зале гул стал стихать и воздух постепенно начинал раскаляться идей.

## Глава семнадцатая. На дальних рубежах

В это же время. Западная Иберия.

На территории бывшей Португалии пасмурно, но дождь не шёл. Небо затянулось свинцовыми облаками и густым дымом, который бесконечно валил из руин разрушенного обстрелами города. В небе над разрушенным городом постоянно свистят снаряды, выпущенные из гаубиц и плазменных мортир. Защитники города отвечали слабым минометным огнём, удары которого небрежно ложились у укреплений наступавших.

За помещением раздавались глухие звуки выстрелов из миномётов и грохот снарядов, выпущенных из крупнокалиберной артиллерии, которая беспрестанно и беспощадно молотила по городу, вдалеке от обычного бункерного помещения, построенного под огромным дотом. Внутри всё строго квадратной формы, как в бетонной коробке, выкрашенное в светло-серый цвет, бесцветные холодные стены, прохладный бетонный пол и серый потолок: всё по-солдатски просто. Посередине помещения стоял большой квадратный стол, на котором располагалась тактическая карта города, изрисованная линиями укреплений, разными обозначениями, расположением войск, разграничением на квадраты и направле-

нием ударов. По полу хаотично проведены провода, отчего они постоянно переплетались меж собой, словно тут наметал паутину большой паук. У стен стоят работающие компьютеры, за которыми сидели люди в военной форме, обрабатывающие массивы самых различных данных, игравшие важную роль в составлении общей картины на поле боя. От компьютеров исходил характерный потрескивающий звук работающего устройства. В помещении не было окон, а поэтому всё освещение поступало от нескольких холодным неоновых ламп, аккуратно прикреплённых к потолку.

В бункер ввёл всего один вход, а его закрывала массивная железная дверь, у которой помимо нескольких обычных замков на нём еще висел и электронный замок, но сейчас дверь достаточно широко открыта, что б туда мог зайти человек. В углах висят несколько работающих камер наблюдения, которые постоянно следят за обстановкой. От них исходило слабое свечение микро лампочки, означавшее, что камера в рабочем состоянии. Воздух в помещении оказался прохладным и сухим.

Вокруг стола собралось несколько человек, одетых иначе, нежели те, кто сидел за компьютером. Они стоят прямо, не согнувшись над картой или вольно. Они стояли смирно, лишь немного жестикулируя при ответах, напоминая больше запрограммированные механизмы. Люди расположились по двум сторонам от стола. Три человека с одной стороны, два с другой.



Два человека из трёх, стоящих по одну сторону стола, одеты по-офицерски, на них тёмно-серая шинель, снисходившая до колен, высокие чёрные сапоги поверх серых брюк, так же на каждом серая кепка, а отличались они только по количеству и цвету полос на одном погоне, висевшем на левом плече. На первом человеке было три серебряных полосы, а на втором две золотых полосы.

Вообще армия Рейха придерживалась традиционной форме организаций подразделений, которые были ещё в старой Европе, но количество и цвет полос определяли звание. Ефрейторы носили одну белую полосу, сержанты имеют зелёные полосы, младшие офицеры бронзовые отметины, старшие офицеры обладают серебряными знаками отличиями и высшие офицеры ходят с золотыми отметинами статуса.

Лицо первого, с серебряными полосками является несколько молодым, будто человеку было чуть больше двадцати лет. Лицо второго человека, с золотыми полосками было уже зрелым и местами морщинистым, обозначая его суровость и испытанность боями. Третий человек стоял в стандартной броне полк-ордена со шлемом маской и противогазом на лице.

С другой стороны стола стоят два человека одетых несколько иначе. На первом было длинное кожаное пальто чёрного цвета и такого же цвета длинные сапоги. Руки его покрывали чёрные кожаные перчатки. Лицо его показывает на тусклом свету острым и коварным, с отметинами маски

безумия, а светлые волосы падают на плечи. На втором была зелёная военная форма, с пиксельным камуфляжем. Его ноги покрывали короткие ботинки. А на его руках были обычные военные перчатки, сделанные из крепкой ткани тёмного цвета.

В это время в комнату зашёл человек, одетый в военную форму армии Рейха: сапоги чёрного цвета и военная одежда серого цвета камуфляжного типа, с планшетом в руках. По комнате раздалось, в которой, несмотря на звук работающих компьютеров, была тишина, слегка прерываемая обстрелами, звуки стука сапог о бетон.

– Господин Генерал, ваш корпус замкнул кольцо окружения, – отдавая честь, твердит воин. – Железнодорожная станция в пяти километрах от города взята. И вот последние данные с поля боя.

Генерал взял планшет и сказал вошедшему человеку:

– Спасибо солдат, свободен.

После этих слов солдат мгновенно и чётко развернулся и быстро покинул комнату, благоговейно посматривая на человека в чёрном пальто. Генерал стал исследовать отчёты и доклады. В некоторые он тщательно всматривался, досконально просматривая каждое словосочетание, иные же быстро пролистывал, удостоив на них всего несколько секунд.

– Ну, и что же говорят данные? Скажите мне, генерал Марко, – смакуя сказанное, сказал человек в чёрном пальто, причём сложив руки на груди.

Военный не был удивлён этим вопросом, но все, же его лицо слабо, почти незаметно, передернулось от недовольства, от того, что его оторвали от прочтения важных данных.

– Господин Канцлер, в докладах говориться об успешном протекании нашей операции по подавлению мятежа в восточной Иберии.

– Правда?! – воскликнул Канцлер, с такой громкостью, что на него обернулись военные, работающие за компьютерами. – А маршал, на заседании, говорил нам, что для подавления мятежа понадобится всего две недели, не больше.

Генерал не опешил от упреков и выкриков, он, сохраняя спокойствие, бесстрастно ответил:

– Господин Канцлер, наш маршал не был в восточной Иберии. Он лично не участвовал в операциях по подавлению мятежа и не испытывал на себе ожесточённого сопротивления. Наш маршал не видел здесь города, превращённые в крепости, и поля, ставшие братскими могилами для нескольких тысяч солдат. Он нам обещал здесь авиацию, но до сих пор её нет, а последние четыре истребителя, выделенные для наступления, были сбиты ПВО. Остальные стоят в тылу, потому что нам было запрещено использовать их в целях самообороны и безопасности. Он нам обещал артиллерию, но большинство батарей осталась в тылу, потому что по документам она должна находиться там, где сейчас стоит. У нас только артиллерия и танки, которые приписаны к моему корпусу и к полку полковника Даниеля. А когда наш

маршал докладывал о двух неделях, он, наверное, не знал, что расстояние до столицы противников было превращено одну огромную цитадель, а наше продвижение превратилось в марш смерти. Простите, конечно, но то, что мы превысили две недели, не наша вина. Мы сражаемся с сепаратистами на грани возможностей.

– Генерал, что вы имеете в виду, говоря «на грани возможностей»? – требовательно спросил Канцлер, сменив тон в голосе на мрачный и тяжёлый.

– Господин Канцлер, нам пришлось оставить колонны с провиантом позади и взять с собой только сухой паёк и технику со снаряжением для земляных работ, чтоб вырыть командный бункер. Мы не стали их дожидаться, так как это замедлило бы наступление на день, или два, – и сменив тон на более сухой, Генерал продолжил. – Из техники с нами всего несколько танков, не более полтора десятка, несколько БТР, тяжёлая артиллерия, приписанная к корпусу и полку, шесть десятков единиц вычислительно измерительной техники, в том числе и компьютеры, средства связи. У нас нет ни авиации, ни реактивной артиллерии, ни провианта. Простите, Господин Канцлер, но если мы в ближайшие два дня проведём атаку, то мы потеряем и корпус, и полк.

Неожиданно для окружающих Канцлер ответил с пониманием:

– Не извиняйтесь, генерал Марко, это не ваша вина. Я на досуге проведу беседу с Лорд-Магистрариусом, о проколах в

его бюрократической империи, – серьезно высказался Канцлер, после чего вдруг громко и с сарказмом обратился к одному из стоявших. – Ох, а, что же нам скажет брат–капитан, прославленного полк–ордена? А!?

Несмотря на явное неуважение, брат–капитан слегка подался вперед и, сохраняя спокойствие, стал докладывать:

– Господин Канцлер, наша разведка докладывает, что мятежники имеют противотанковую артиллерию, самодельные миномёты и гаубицы, а так же они размещают множество противотанковых и противопехотных мин и растяжек по всему городу. В укрытых от артиллерийского обстрела местах они держат танки и тяжёлое вооружение. В складах у них хранятся километры колючей проволоки, которую они могут растянуть в любой момент. В канализации и подвалах у них неисчислимое количество снарядов, медикаментов, пищи и иных припасов. По различным данным в столице мятежников находятся два боеспособных корпуса, способных держать оборону несколько месяцев. Но самое главное: военный совет и гражданское собрание были перемещены во дворец наместника федерации...

Канцлер резко прервал и небрежно спросил:

– Что было перемещено?

На что брат–капитан бесстрастно ответил:

– Вас не проинформировали? Военный совет – орган управления армейскими подразделениями и управлением армией на территории отступников. В него входят генералы,

полковники и подполковники. Председатель совета – Верховный генерал, у которого в руках большие полномочия. Сам военный совет сформировался после того как Рейхом было отвергнуто их предложение о мире. А Гражданское собрание – это орган управления и законодательства, созданный для решения вопросов, связанных с гражданской сферой. В него вх...

– А стой! – резко прервал Канцлер брат–капитана. – Можешь не продолжать, я понял.

Рядом стоящий генерал и полковник сильно удивились панибратскому и неуважительному отношению Канцлера по отношению к воину из полк–ордена. Но удивления своего они не подали, лишь продолжили стоять с каменными и официальными лицами, которые были утверждены стандартами Министерства Лицевого Этикета. Канцлер немного постоял в молчании, лишь держав ладонь у подбородка, обхватив его, но всё же потом спросил у брат–капитана важную информацию, как ему казалось, от которой зависела судьба наступления.

– По вашему мнению, каков может быть исход наступления, если мы начнём штурм в ближайшие два дня?

– Господин Канцлер, прогноз не утешителен. Запасов снарядов для артиллерии осталось не много, по расчётам на четыре дня. Сухого пойка осталось натрое суток. С учётом ещё и наших танков, то у нас получается двадцать шесть боевых машин. У меня двадцать бойцов было убито. Из–за бюрократии

тических проволочек мы не имеем ни ПЗРК, ни авиации, ни провианта, ни боеприпасов, ни боевых машин, ни хорошего снаряжения, потому что, почему то были брошены полк и корпус, не прошедшие перевооружение. Без всего этого наше наступление может попросту захлебнуться. Мы можем подождать несколько дней всего нам необходимого и потом начать наступление.

Канцлер внимательно выслушал доклад брат–капитана, после чего въедливо спросил:

– У вашего полк–ордена самая лучшая и современная техника, и поэтому я хочу спросить: вы готовы пойти на штурм дворца наместника федерации?

Брат–капитан постоял пару секунд, точно подбирая нужные слова, после чего без колебаний, с уверенностью и преданностью в голосе сказал:

– Господин Канцлер, что вы прикажите, то мы и будем исполнять. Если вы нам прикажите сейчас пойти на самоубийственный штурм столицы повстанцев, то мы пойдём. Если вы прикажите, то мы войдём в Сантьяго де Компостела. Если вы нам прикажите штурмовать укреплённый дворец наместника Иберийской Федерации, то мы без колебаний и страха пойдём на штурм дворца повстанцев. Что вы прикажите, то мы и исполним.

Канцлер немного опешил от такого ответа, его взгляд сделался глубоким и удалённым, а лицо, застывшее в гримасе удивления. Но он не поменял мнения о полк–ордене или

планов насчёт него, его всего лишь удивила такая решимость и готовность пойти на верную смерть. Он постоял несколько секунд, размышляя о сказанном, потом, отделяя слово от слова, сказал:

– Спасибо, я, понял. – Но потом внезапно пренебрежительно кинул. – Не нужно было здесь разводить этот пафос, какой вы создали в Великой Пустоши.

– Господин Канцлер, простите, я всего лишь заявил, что мы готовы выполнить любой ваш приказ. – Покорно ответил боец.

– Да, спасибо, – с пренебрежением и лёгким отвращением в голосе сказал правитель, надменно добавив. – Я понял.

Все ещё стояли несколько секунд в молчании, пока молодой полковник не спросил:

– Господин Канцлер, мы будем ожидать подкреплений или пойдём на штурм столицы повстанцев?

Император задумался, приложив худую руку к подбородку, но все, же через некоторое время удостоил вопрос собственным ответом:

– Полковник, вам придётся подождать. Иначе, как только что выяснилось, вся наша атака превратится в кровавую баню, и захлебнётся слишком рано... кстати, генерал, а сколько нам ждать подкреплений, провианта и вооружений.

– Господин Канцлер, провиант и три роты нам ещё придётся ждать около двух дней, – ответил генерал, и дальше продолжил, еле сдерживая злобу и ярость. – А насчёт воору-



жения я не знаю. Я уже говорил, что нам, по бумагам, которые как оказалось, может оспорить только Лорд–Магистратуус, нам нельзя изымать технику и вооружение с тыловой зоны, куда они были приставлены. Без разрешения этого верховного бюрократа, мы получим технику, если только будем собирать её из мусора, не иначе.

Канцлер кинул удивлённый взгляд на генерала, удивляясь несдержанности его речей и пламенности критики в сторону главы всего имперского правительства.

– Генерал, вы зарываетесь, сохраняете самообладание, – прохладно сказал Канцлер. – Вспоминайте стандарты общения, установленные Министерством Речевого Этикета.

– Простите, – опутив голову, и повинно сказал генерал и добавил в этом же тоне. – Больше не повторится.

– Ничего, генерал, я понимаю ваше недовольство. Я обещаю ещё раз, что проведу увлекательную беседу с, как вы выразились, верховным бюрократом.

– Господин Канцлер, благодарю вас от имени всего корпуса. – С лёгкой радостью сказал Генерал.

За ним сразу заговорил полковник:

– Господин Канцлер, значит, ждём два дня.

Канцлер, было, хотел уже ответить, как в помещение вошёл запыхавшийся человек. Он был одет в обычную униформу армии Рейха. Но вот только вся одежда была потрёпана, сам человек тяжело дышал, его кожа, на непокрытых местах блестела от пота. Он тяжело поковылял по направлению

к Генералу. В руках его был небольшой листок, сложенный вдвое, местами мокрый от капель пота, на него упавших.

– Гос... фуф, Господин Ген... фух... Генерал, – тяжело стал говорить солдат, подошедший к генералу, что б передать листок.

– Отдышись солдат. – Генерал строго приказал воину.

После этих слов боец, опершись ладонями на колени, немного согнулся. Ему хватило несколько секунд, что бы прийти в себя. Он встал, выпрямился и нормальным голосом заговорил, протягивая листок генералу:

– Господин Генерал, сообщение от полковника Новембре. Колонна с его полком остановлена...

Генерал неистово выхватил бумажку.

– Свободен рядовой! – импульсивно крикнул генерал.

Солдат испуганно развернулся и спешно покинул помещение.

Генерал торопливо развернул бумажку и стал вчитываться в донесение, тщательно исследуя каждое предложение и словосочетание. Вдруг он быстрым движением передал её полковнику, да так, что-то немного дёрнулся, повинуясь условному рефлексу, потеряв ровную осанку. Полковник взял бумажку, а генерал гневно и, переполнившись злобой, стал говорить:

– Проклятье! Колонну сумели остановить возле одного из населённых пунктов. Сначала оказалась, что дорога заминирована, но потом полк был атакован со всех сторон силами

партизан – сепаратистов. Полк был окружен по всем направлениям. Вперёд он податься не мог, а по сторонам его теснили силы повстанцев. Количество сепаратистов измерялись в размере трёх батальонов и их поддерживали танки три старейших экземпляра и авиация – два самолёта. Атаку отбить удалось, но потери полка измеряются в восемьсот тридцать два человека убитыми и триста сорок четыре один ранеными. Большинство транспортных машин, перевозивших провиант и боеприпасы, уничтожены авионалётом, который удалось отбить, только когда были подняты самолёты Рейха по тревоге. Полка, а точнее того, что от него осталось, не будет около недели.

Канцлер пристально всматривался в генерала, как бы выгрызая его собственным взглядом, после чего импульсивно спросил его:

– Генерал! Как так? У вас в тылу существует группировка мятежных войск, в немаленьком исчислении, обладающая аэродромом и ангарами, а вы её не обнаружили? Это некомпетентность, генерал. Что скажите в свою защиту?

Генерал поник взглядом, он слегка опустил голову и, подавив гнев, негромко и тихим тоном ответил:

– Господин Канцлер, простите, я подвёл вас. Мы прочёсывали этот район несколько раз, но мне докладывали, что там ничего не обнаружили, надо было самому, со своим батальоном просмотреть его ещё несколько раз.

– Ладно, генерал, потом разберёмся, кто виноват, а сейчас

у нас единственный вопрос: что мы будем делать дальше? Как я услышал, у вас подкреплений не будет около недели. А сухой паёк и боеприпасы для тяжёлой артиллерии остались не больше чем на три дня. Ну, господа, ваши предложения?

Все стояли, молча, лишь звук работающих компьютеров был слышен. В комнате повисло напряжение, которое Канцлер вновь решил прервать.

– У меня ещё один вопрос созрел: а когда мятежники поймут, что у нас нет ни боеприпасов, ни провианта они не пойдут ли в контратаку?

Брат–капитан хладно ответил:

– Исключено. У них преимущественно оборонительное вооружение, и они уже тщательно подготовились к долгой обороне, так что если они пойдут на вылазку. То это может быть чреватым именно для них.

– Ага, понятно, – кинул правитель Рейха.

– Господин Канцлер, столица мятежников в окружении, мы можем держать её под осадой столько сколько нам необходимо, а провиант мы сможем достать из соседних населённых пунктов, попросту изъяв его во имя Рейха, перебив при этом несогласных. – Сказал Полковник.

На лице Канцлера пробежала лёгкая и острая улыбка, зловеще раскрывающее его глубокое безумие, которое он на людях пытался так тщательно скрыть. Но все, же искра безумия в нём проскочила, и следующие слова Канцлера прозвучали отголосками безумного цинизма:

– Ну, вот, полковник, когда хотите же можете думать. И не нужно разводить пафос, что вы сражаетесь на грани возможностей. Главное мотивировать, а выход найдётся.

– Господин Канцлер, мы можем провести ряд диверсий внутри самой столицы повстанцев, что бы обрушить подорвать их моральный дух.

Ввязался брат–капитан полк–ордена.

– Ага, давай. – Пренебрежительно кинул Канцлер.

Правитель Рейха уже хотел распустить совещание, как в двери появилась новая фигура.

Это был высокий стройный мужчина с бритой головой. На нём висит броня, имитированная под средневековый доспех, глубокого чёрного цвета. Под «панцирем» была чёрная военная курка из крепкой ткани, его ноги покрывали смольные сапоги до колен, сделанные из крепкого кожеподобного материала, способного выдержать попадание снайперской пули. Штаны так же были сшиты из этого материала, только на ногах имелись защитные стальные щитки чёрного цвета. Перчатки сделаны из крепкого материала, тоже по типу кожи и были такой длины, что подминали под себя даже рукава. Глаза человека были зелёного цвета, очертания лица напоминали немного вытянутый овал.

Зашедший человек с благоговением стал говорить:

– Господин Канцлер, для меня честь вас лицезреть.

– А вы, простите кто? – Канцлер, прервав, спросил вошедшего человека.

– Mea culpa, господин Канцлер, забыл представиться. Я Карлос Деций. Генерал–храмовник Корпуса Веры. Веду пять полных рот храмовников в Иберийский Крестовый Поход, по приказу его Святейшества Верховного Отца.

– Вам есть, что доложить, генерал–храмовник? – заинтересованно и с огоньком в глазах спросил Канцлер.

– Да, господин Канцлер. В двенадцати километрах от столицы отступников мы зачистили небольшое селение, оставленное наверняка как штаб для партизан отступников. Проведя в жизнь возмездие, и покарав ренегатов огнём, мы сделали одно небольшое открытие – в этом селении расположен небольшой, но ухоженный, аэропорт. Я слышал у вас проблемы с продовольствием и боеприпасами. Так вот, мы можем использовать этот аэропорт, как посадочное место для небольших самолётов Империял Экклесиас. На них мы сможем понемногу перевести необходимое количество боеприпасов, снаряжения и провианта, предоставленное нашей великой церковью.

– Господин Канцлер, – вмешался стоящий позади Канцлера человек. – Если этот аэропорт будет использоваться, то я смогу перебросить сюда два батальона своих людей.

– Да, Теренций, это будет прекрасно. – Ответил правитель Рейха.

– Господин Канцлер. – Заговорил вновь генерал–храмовник. – Так же в селении мы обнаружили три цистерны со старым добрым напалмом. Мы можем использовать его для вы-

жигания отступников, и той ереси, что они несут... поверьте, наше праведное воинство выжжет каждого еретика, неважно от того, кто он. Они все будут корчиться от боли и страдать от священного огня! – С нескрываемым фанатизмом говорил Карлос.

Но при каждом слове Карлоса огонь безумия в глазах уже Канцлера разгорался всё сильнее и сильнее, а на его лицо всё же выползла ужасающая улыбка маньяка.

– Да, генерал–храмовник, приумножьте их страдания и отчаяние! Я хочу, что б каждый живущий отступник, каждый мужчина, женщина или ребёнок, помысливший против меня затеять бунт, познал ласкающее прикосновение очищающего огня! Я хочу, что б это отступничество было выжжено на корню!

После слов Канцлера в бункере поселилась жуткая тишина. Стало такое ощущение, что и сами компьютеры притихли, в ошеломлении от слов правителя. Полковник стоял, не проявив никаких признаков возмущения. У генерал–храмовника в глазах всё горит пожарище рвения карать и мстить, зажегший безумие в глазах и душе Канцлера, а на губах так и висит лёгкая зловещая улыбка. На лик же генерала опустилась еле уловимая гримаса отвращения, к этому безумному существу, что звалось Канцлером. Теренций уловил всю неловкость момента и Верховный Мортиарий пошёл на рискованный шаг, для человека его положения, он подошёл поближе к столу, и аккуратно, тактильно намекая, пих-

нул Канцлера локтем. Правитель не покачнулся, даже не подал знака, что его пихнули, но в глазах тут же безумие развеялось. Теренций, что б разогнать напряжение задал вопрос:

– Господин Канцлер, каковы будут ваши конечные приказания?

Повелитель Рейха сложил руки за спиной и выпрямился с такой силой, что кожа, из которой была сделана его одежда, раздалась характерным скрипом по бункеру.

– Господа, предлагаю поступить таким образом: Штурм начнётся в пределах недели. В первую очередь Теренций перебросит два батальона, затем переброску всего нам необходимого начнёт Империял Экклесиас, но в первую очередь это должен быть не провиант, а боеприпасы, для того, что б артиллерийский обстрел, ни стихал, ни на минуту. Генерал–храмовник перебросит вам в помощь пять полных рот воинов, дабы они обрушили на врага свой праведный гнев. Ну и есть роль для полк–ордена: всю эту неделю вы должны будете проводить диверсии и саботажу, а во время финального этапа штурма вы будете брать резиденцию наместника Федерации.

Все переглянулись, ища несогласных в друг друге.

– Ну, если несогласных нет, то думаю можно закончить наше совещание, – Выдохнув, уже спокойно, без следа безумия, сказал Канцлер.

После его слов все спешно покинули помещение, выходя из него и направляясь по своим делам, занимая свой пост.



Канцлер и полковник позже всех вышли в длинный бетонный бункерный коридор, представлявший длинный бетонный рукав к стальной лестнице, что выводит на поверхность. Внутри бетонного коридора освещение, которое отдавало слегка зеленоватым на бетонных стенах, стало жутко тусклым, поэтому, подолгу там находиться было трудно, начинало глаза рябить.

Канцлер незаметно положил руку на плечо выходящего из помещения полковника, который уже почти покинул помещение, и ему пришлось замедлить свой шаг, почти остановившись ровно за порогом комнаты

– Полковник Даниель, вы же помните наши договорённости? – грозно спросил Канцлер в требовательном троне, продолжив. – Вы же помните, за какие обещания вы получили полковничьи погоны?

– Конечно. Я знаю, что делать.

– Я напомню ещё раз, чтобы вы не забыли, – дёрнув за рукав полковника, едва его не сорвав, сказал Канцлер. – Во время штурма дворца наместника федерации я хочу, чтобы ваши силы оказались ровно позади бойцов полк–ордена. И пусть они возьмут дворец, раньше срока, то ваши люди не должны терять их из виду. И когда вы получите приказ, то ваши люди должны его исполнить, ни смотря ни на что. Это понятно?

– Да, великий Канцлер, – с фанатизмом и полным подчинением ответил полковник Даниель. – Погибнут все.

## Глава восемнадцатая.

# Последний лорд и Командор

Тем временем. В пригороде Милана.

За городом вполне прекрасно. Несмотря на серый небо-свод, нарастающее уныние и вечную апатию, что поселилась в сердце каждого жителя Милана, за пригородами большого города, где в основном и была наибольшая концентрация се-рости, было прекрасно и свободно. Воздух был свеж и про-хладен, отчего дышалось легко и свободно, ведь у Милана не располагались большие заводы, чего нельзя сказать о Риме, где за городом были десятки больших заводов, обеспечива-ющих город всем необходимым.

Загородом, помимо свежего воздуха ещё и прекрасная природа, ставшая ознаменованием перехода времени года. Она отражает последние дни прекрасной осени, всего лишь чуток омрачённой серыми днями, выражающие осень ста-рую, ветхую практически ушедшую и давшую место ранней зиме, что потихоньку подкрадывалась.

Деревья полностью оголены, лишены листвености, да-же последних пожухших листков, которые уже давно бы-ли сорваны шальным ветром, ушедшим вдаль. Трава из яр-ко-жёлтой превратилась в серебристо-увядшую, как бы обо-значая, что скоро должна прийти долгожданная морозная

зима.

И в самом разгаре этой осенней красоты, подаренной замечательной природой, гордо возвышалось небольшое строение, ставшее самым заброшенным и забытым аванпостом, ставший крайним оплотом полк–ордена. Строение представлено зданием, в форме креста, что расположилось на небольшом возвышении. Каждый «луч» был представлен двухэтажным зданием, посреди которых была крупная башня, возвышавшаяся над всем аванпостом. Каждое здание было отведено для особых нужд, у каждого «луча» была своя специализация. Где то место для обслуживающего персонала, который занимался уборкой, стиркой, приготовлением пищи и поддержанием коммуникаций. В другом луче место для персонала управления, который занимался всей бумажной и координационной работой и поддерживал весь аванпост в порядке. В другом здании располагалось место для солдат полк–ордена, ещё в одном луче локализовалось место для проведения досуга, когда можно было расслабиться.

А на вершине, там, где возвышалась потрепанная временем башня, размещается кабинет Командора.

Аванпост сделан из кирпича, отделан штукатуркой и известью серого цвета, как бы потакая тотальному унынию. Впереди него была большая площадка, вымощенная уже из чёрного асфальта. На площадке стояло несколько автомобилей, предназначенных для служебного персонала или для работавшей там бюрократии полк–ордена. По правую сторону от

аванпоста стоял железный ангар, выкрашенный в красный цвет. В этом железном «ящике» хранилось тяжёлое вооружение, два бронетранспортера, несколько вездеходов и боевой вертолёт. Всю территорию, которая перед аванпостом, окружал забор, сделанный из железа, а точнее толстой проволоки, и выполнен в сетчатом стиле, высотой около трёх метров и щедро обвитый сверху колючей проволокой. На двух углах забора, периметр которого имел прямоугольную форму, стояли две железные сторожевые башни. Эти две башни возвышались на пять метров над асфальтом. Два этих сторожа гордо стояли и возвышались над всей асфальтовой площадкой, и только выше их была башня командора, которая вздымалась над всем аванпостом. За аванпостом построена полоса препятствий для тяжелейших тренировок солдат полк—ордена. Вообще все полосы препятствий находились за городами и были поодаль от многих аванпостов, но этот был исключением. Он был построен сразу после усмирения, а если быть точным, то уничтожения, Альпийско—Северо—Итальянской Республики в своё славное время возведён по двум причинам: во—первых для скорейшего подавления возможных мятежей в этой области, для чего он и пригодился, а во—вторых для того что б первыми принять удар от северной враждебной державы, в её случае нападения.

Этот аванпост не большим, скорее одним из самых маленьких, что россыпью, раскинуты по всему Рейху. Одни из самых больших аванпостов могли быть высотой как пяти-

этажный дом, перед ними стояли десятки машин, а в их ангарах хранились до несколько десятков бронетранспортёров, около десятка тяжёлых танков, вертолёты и даже самолёты, способные вести долгий воздушный бой. А в казармах находилось солдат, численностью до нескольких отделений, способных выполнить любую задачу, которую перед ними поставит их командир.

В этот день практически все окна в аванпосте были открыты, в целях проветривания помещений, и только окно главной башни оставалось накрепко закрыто. В кабинете Командора стоит непроницаемая, практически невыносимая духота. Помещение было практически пустым. Рабочий стол в углу с компьютером, потёртый ленолиум, серые обои, шкафчик для вещей и один диван у входа, обтянутый чёрной кожей. И ничего больше, лишь то, что могло создать впечатление, будто это келья аскета, нежели кабинет представителя одной из самых могущественных организаций.

В кабинете есть два больших пластиковых окна, через которые в основном и поступал тусклый свет, так как люстру, выполненную в стиле канделябра, довольно часто коротало из-за старой и поносившейся проводки.

Эстебан расположил своё тело на старом диване, не замечая, что уже наступил новый день. Он лежит на спине, накинув правую руку на глаза, глубоко провалившись в беспроглядный сон. Командор одет в обычную классическую светло-синюю рубашку, которая стала слегка серой, и места-

ми покрылась пятнами. На ногах были чёрные классические брюки, имевшие белые пятна, а у дивана стояла пара грязных и запылённых туфель с протёршимися подошвами.

Деревянная дверь со скрипом отварилась, без предварительного стука. В комнату спокойно вошёл человек. На нём была чёрная куртка и военные штаны под ботинками.

Мужчина прошёлся по комнате, с жалостью и негодованием посматривая на дремлющего Командора. Дойдя до середины, он осмотрелся по сторонам, причём расстегнув куртку из-за сильной духоты, и в то же время помахал рукой у лица, отгоняя смрадный воздух, пропитанный жутким духом перегара. За тем он подошёл к запятнанным окнам, дабы выгнать из кабинета дурно пахнущее напоминание об алкоголе. На белоснежных подоконниках стоит несколько полностью увядших цветков. Вошедший человек покачал головой и взялся за ручку окна, подняв её по направлению кверху и сделав движение, мужчина приоткрыл полностью окна, так что свежий воздух стал поступать в обильных количествах для того, что б проветрить комнату. И в момент, когда человек открывал окна, у него на лбу проступили небольшие капельки пота. Через несколько мгновение стало намного легче и прохладней в комнате, заполняя её свежестью, затем он шагнул к Эстебану и, склонившись над ним, стал говорить, резко его, подёргивая за плечо:

– Господин Командор, очнитесь!

– Брдж, – отмахнулся мужчина. – Да, – тяжело начал Ко-

мандор, откинув руку со лба и начиная вставать, пытаюсь занять сидячее положение. – Что от меня требуется? – тяжело продолжив. – Готов хоть сейчас в атаку.

– Вы просили вас поднять утром, вы хотели поговорить с нашим гостем.

Командор с недоумением взглянул своим массивным взглядом и тяжело, исторгая сиплый голос и пары перегара, спросил:

– А когда я просил такое?

– Неделю назад, – ответил человек, и даль с небольшим возмущением продолжил. – Вы неделю назад просили вас на завтра предупредить, а сами пропали практически на все семь дней. Некоторые люди даже хотели уже писать жалобу в Рим самому Консулу. Обвиняли вас в некомпетентности и попытались вас согнать взашей с поста.

– Назови мне этих людей! – громко взревел Эстебан, продолжив – Я должен знать своих героев!

– Вам сейчас нужно прийти в себя, а этих людей понять можно. Глава аванпоста пропал на неделю без вести и единственное, что вам нужно знать, так что я отговорил их подать жалобы и решал возникающие проблемы, по мере возможностей естественно, – после чего немного усмехнувшись, продолжил. – Новую краску и кирпич я, конечно, не смог заказать, потому что нужна ваша роспись, но что касается проблем по управлению аванпостом, то тут можете не беспокоиться, я всё решил.

Командор полностью занял сидячее положение и осмотрелся в комнате.

– Ладно, я пойду, вы приходите в себя, и спуститесь уже к нашему гостю. Информация не ждёт.

– Антоний, – окликнул Командор человека.

– Да, господин Командор.

– Спасибо тебе, я не забуду, – тяжело и подавленно сказал Командор. – Ты меня сильно выручил.

– Всегда, пожалуйста, а теперь приходите в себя. И кстати, в шкафчике для одежды есть чистый френч, можете одеть его. И да... наши источники на западе сообщают, что Канцлер вознамерился покончить с мятежниками... скоро в полную силу он переключится на нас.

За вышедшим Теневиком захлопнулась дверь, и Эстебан остался один. Он медленно и тяжело встал с дивана, голова сильно побаливала, ноги и само тело трудно повиновались, то и дело Командор терял равновесие и слегка нагибался, но сразу же выравнивался, делая шаги на пути к шкафчику с одеждой.

Похмелье давалось тяжело Командору. Так как пост окончился, он несколько дней подряд опустошал бары и пригородов Милана, несмотря на множественные предупреждения со стороны служащих министерства Надзора за Потреблением Алкогольной Продукции, министерства Здравоохранения, министерства Здорового Образа Жизни и Культа Государства. Каждый божий день он пил по чёрному, а на утро



отправлялся к следующему бару, стремясь его опустошить... и только удостоверение Командора полк-ордена удерживало свору бюрократов, находящихся в шаге от того, чтобы его растерзать.

Несколько дней подряд он пытался забыть и забыть то, что произошло в канализации и шпиле. Командор не был бездушным солдатом, что с хладностью взирал на происходящее, не чувствуя эмоции, Эстебан не мог забыть и не смирился с тем, что, по сути, убил ни в чём неповинного человека, не смог уберечь побратима, да ещё и к тому же смерть Сциллы отозвалась режущим криком и легла на сердце тяжким грузом, который он пытался утопить в выпивке. Он буквально съедал самого себя за то, что не смог уберечь своего лучшего друга, чуть ли не брата, от пуль отступников и не смог уберечь «сестру» от радиоактивного ада. И сейчас Верховный Инквизитор беспомощный лежит в больнице, а Сцилла на кладбище отдана вечному сну под вороньи песнопения. Эстебан даже себя сейчас сжигал за то, что с похмелья забыл спросить у Теневика про состояние своего побратима.

Его не тренировали переносить все тяготы военной службы, в том числе тяжесть морали на войне, парня только то и научили управлять узлом полк-ордена – аванпостом и дали пройти короткий военный курс и поэтому весь тяжкий груз он смывал литрами алкоголя, не в силах его выдержать. И весь этот алкоголизм тщательно скрывался им самим и одним из немногих из друзей – Антонием, иначе Командора

выгнали бы из полк—ордена, за не соблюдение стандартам, да и сама болезненная тяга к алкоголю не влиял никак на работоспособность Эстебана и продуктивность работы аванпостов, ведь проявлялся он довольно редко и друг всегда был готов прикрыть.

Командор натянул на себя серый длинный пиджак, поверх грязной рубашки, а так же в кабинете нашёл вонючие духи и чуть ли не облился ими, в стараниях отбить запах перегара, но запахи оказались смердящими, что запах перегара на их фоне представлялся дешёвыми, лёгкими и немного приторными духами, купленными на распродаже.

Командор подошёл к открытому окну и втянул воздушной массы. Свежий воздух разом наполнил лёгкие парня, по пути освежая сознание. Эстебан простоял несколько секунд у окна, жадно поглощая воздух, и освежаясь после неисчислимого количества попоек и после того как разум более менее прояснился, а лёгкая головная боль отступила, Командор решил приступить к исполнению своих обязанностей, но сначала он решил побеседовать со «знатным гостем», как выразился Теневик.

Эстебан открыл дверь и отправился в подвалы, в карцер. Башня, которая была посередине крестообразного аванпоста, была местом переходов между крыльями зданиями, и только на самом верху башни находился кабинет Командора. Но под самой башней располагались подвалы, где хранился всякий нужный хлам, а также несколько бочек вина, куплен-

ных при переезде Командором, а ещё ниже устраивался тёмный карцер, сделанный в стиле средневековой темницы, ибо на более современное оснащение не хватило денег и ресурсов. А потом про этот аванпост попросту забыли, так как из списка важных строений полк—ордена он вышел, потому, что было заключено тайное соглашение с державой победившего либерализма, обеспечившее перемирие и сделавшее этот аванпост не нужным.

Командор спустился в подвал, не попадаясь никому на глаза, да и некому было, ведь солдаты были на тренировках, а все остальные занимались своей работой в своих крыльях.

Глава аванпоста пробежал по лестницам и быстро прошмыгнул в тёмный и сырой подвал, забитый всяким хламом. Подвал ничем не отличался от старых кладовок: пыльные вещи хаотично разбросанные, нагромождения различного хлама, слабое ламповое освещение, трудно находимый проход к дверям в карцер и несколько хорошо припасённых бочонков с «божественным нектаром» – старым вином. Командор быстро миновал весь этот хлам и пробрался к нужной двери. И, используя свой личный ключ, он отворил массивную металлическую дверь.

Зайдя в карцер, сразу повеяло сыростью и погребной прохладой, а в нос ударил запах грибка и плесени. Эстебан включил здесь свет. Неохотно, но старые лампы зажглись, освещая своим холодным светом это прохладное место. Перед Командором предстала старая кирпичная кладка, сделанная

из белого потрескавшегося кирпича и покрывшаяся грибом. Впереди был небольшой проход, от которого вели шесть однотипных камер. В каждую камеру вход преграждала массивная железная дверь. Командор подошёл ко второй двери справа и со скважинным скрипом заржавевшего замка открыл своим ключом дверь.

В камере всё было просто: каменный пол, старая поносившаяся раскладушка, погнивший стол со стулом и раковина с унитазом. В камере свет включался отдельно и он там уже горел. На кровати глава аванпоста увидел «важного гостя».

На кровати лежал высокий, крепкий человек. На нём мягкое бежевое пальто, классические брюки, грязные туфли и серая жилетка с белой рубашкой. А глаза через очки смотрят в потолок со взглядом абсолютной обречённости.

– Поднимайтесь! – крикнул Командор, ударив туфлей по крови культурно добавив. – У нас к вам важное дело.

Человек тяжело и кряхтя в процессе, присел на кровать, поправил очки и саркастично, с нотками надменности заговорил:

– Ну и какое у вас может быть дело к скромному бывшему слуге государства?

Командор, усмехнувшись, с упрёком сказал:

– Скромному? А виллу за городом иметь ваша скромность позволяла...

– Ох, я уже имел дело с полк–орденом, что вам от меня нужно? И кстати, что вы мне можете предложить, в обмен

на информацию? – Сменив сарказм на наглость, спросил «гость». – Я Лорд.... Хотя и бывший а посему поуважительнее ко мне.

– Я так понимаю, вы не привыкли к подобным хоромам, а ваша изнеженная натура взывает к роскоши. Мы можем обеспечить...

– Постой, – Оборвал человек Командора и с весельем в голосе продолжил. – Чем от тебя смердит? Боже, что это за дрянь, я же задохнусь здесь. Дай–ка я взгляну в твои очи ясные, да они не ясные! Я смотрю, у тебя была весёлая ночь, что ты облился этой смрадной жуткостью.

– Лорд Ротмайр, мы можем отдать вас в руки второму Канцлеру, вы же знаете, как он расправился с вашими знакомыми «собратьями» по власти? Будьте уверены, он разберётся с вами по–божески. – Сменив деловитость на жесткость, строго выпалил Командор. – Мы давно ищем возможность наладить с ним отношения...

– Ладно, задавай свои вопросы. – Буркнул Ротмаир.

– Отлично. Во–первых, нам нужно знать, откуда вы узнали о планирующемся нападении на лордов и последующем их уничтожении?

– Птицы напел, – недовольно отшучиваясь, начал Ротмайр. – Что за вопрос? – Риторически заявил лорд. – Естественно я в своё время наладил нужные связи в сетях нашего «молота бюрократии», спецназе и некоторых Департаментах Власти. Я всегда думал, что у нашего Канцлера крыша

поехала после того, как мы его девчужку изжарили. И эти связи я наладил для дня, когда этот псих решит свершить возмездие, хотя и не думал, что он вообще сможет поднять голову в нашем присутствии. – Уничижающим тоном закончил лорд. – Да и сами знаете, что ваши орлы поставили последнюю точку в моём маленьком расследовании.

– Хорошо. Во-вторых, почему вы решили убрать жену Канцлера?

– Для его большего послушания, нам нужна была покорная марионетка, проводящая нашу волю в жизнь. И для этого нам необходимо было его сломать. Подавить волю и показать нашу силу.

– Ха, хотели марионетку, а получили психопата, который готов задушить вас голыми руками. – Усмехнулся Командор и задал риторический вопрос. – Ну, рады своему детищу?

– Да, жизнь полна разочарований... – Мрачно констатировал Ротмайр.

– Ну и последний, главный вопрос, кто вам посоветовал обратиться за помощью в слежке к нашим Теневикам?

– А это хороший вопрос! – воскликнул Ротмайр и дальше продолжил, с небольшой улыбкой на лице. – Мы долго искали подход к Канцлеру, разыскивали ключ к нему, отыскивали его слабость. И тогда я решил посоветоваться с одним знакомым мне кардиналом... казалось бы, с виду святоша, а на самом деле – распутный человечиска. Он рассказал, что ваши разведчики и шпионы мастера своего дела, но

насколько я помню к вам просто так нельзя прийти и о чем, то попросить. Нужно направление от высших должностных лиц, что представляются в Буле. И тогда, его святейшество кардинал направил нас... Хах!... догадайся к кому?

– Ты мне расскажи. За этим я и спустился к тебе., – смотря в глаза лорду, спрашивает Командор.

– Он направил нас к Лорд-Магистрариусу. Сказал, мол «поможет вам Король Царства Бюрократического управится с проблемками вашими».

– А почему «нас»? – Спросил Командор и добавил – Не ты был инициатором?

– Сжечь девушку?! – резко воскликнул лорд. – Я не ма-  
ньяк. Там свои сумасшедшие были, что хотели сравнять  
Канцлера с грязью и именно на этот случай я завёл нужные  
связи.

– Значит ключевая персона Лорд-Магистрариус?

– Может и так... а зачем вам это? – Поинтересовался  
Лорд.

Командор распрямился во всю осанку и с отлично сдерживаемой улыбкой и, желая подколоть Ротмайра, ответил Лорду:

– Ну, как ты там говорил в одной беседе: «существуют некие политические силы, что противодействуют нам». Так как-то вроде... вот мы тоже буквально одержимы желанием найти эти силы.

Внезапно рация Командора активировалось и из кармана

послышались слова вызова:

– Да, говорит Эстебан.

– Это Антоний. Господин, вам нужно подняться! – беспокойным голосом твердит Теневик. – Намечается тактическая операция в северной Африке и у вас будет возможность отдать переданную информацию. Думаю, Морс её достаточно собрал, чтобы мы могли её дать нашему объекту

– Да, спасибо, я уже иду, – ответил парень в устройство, и тут же обратился упрёк в сторону заключённого. – А теперь посиди и подумай, на грань какого мрака вы поставили Рейх своей жадностью!

Лицо последнего лорда исказилось от недоумения, но буквально через пару мгновений, когда мысль дошла в полной мере до сознания Ротмайра. Его лицо выражало глубокое удивление. Но ещё через несколько секунд его сердце сжигало от досады, что он так и не смог найти эти «силы», хотя они всегда были у него на виду и сейчас лорд понимал, что судьба Рейха зависит только от одного человека. Именно этого человека они больше года гноили и считали жалким червём. Только сейчас, сидя в сыром карцере, Ротмайр понял, на грани чего оказался Рейх, но больше всего его поразило, что он сам, тогда ещё на вилле, решая, что делать с тем, кого они из больницы только вывезли, по сути, предрешил судьбу всей империи, ибо теперь Канцлер не способен увидеть эту «силу». Просветление наступило неожиданно, прогремев подобно ранней осенней грозе.



## Глава девятнадцатая. Вселяющий надежду или «плавильщик душ»

Тем временем. Милан.

Стоит хороший, пасмурный осенней день. В Милане ветер слегка прогуливался по улочкам и площадям, слегка поднимая над головами лёгкий мусор и оставшуюся листву, но основное действо проходило отнюдь не на улицах, где было серо и пасмурно. Важнейшая увертюра, что приведёт к самым невообразимым последствиям несколько в самом городе, сколько во всём государстве – великом Рейхе происходит в просторном подвальчике старой книжной лавки.

Александро стоит на импровизированной сценке. Его лицо тонет в ярком свете, исходившем от старых ламп, подобно тому, как человек тонет в свете ярких софитов, а сами черты лица выглядели сухими и чёрствыми. Сказалось странное влияние тюремной жизни, что до конца сделало его непримиримым радикалом, хотя оно было не столь продолжительным.

– Братья и сёстры! – воззвал он к залу. – Сегодня я пришёл к вам, чтобы возвестить благую весть – момент, когда мы обретём наши свободы и права близок! Если вы мне позволите, я расскажу вам как можно вырваться из-под чёрного гнёта такого убожества, как проклятая диктатура!

Зал гордо и с вызовом взирает на Алехандро, глаза людей наполнены глубокой жаждой, что разъедают их души. Эта была древняя жажда, впервые появившаяся у людей ещё во время средневековья, когда люд понял, что они могут получить свободу, что способны принять участие в делах страны, что имеют силу свергнуть тиранов. Это было, когда люди попробовали сладкий, но в, то, же время сильно опьяняющий, вкус госпожи демократии и свободы, принесённый им философами. Но в глазах людей была ещё и иное желание. Эта жажда, этот голод, они были рождены самой гнетущей обстановкой, что стояла вот уже больше двух недель. Серость и застой – вот как можно было охарактеризовать нынешнюю атмосферу, что угнетающей стеной легла на душу каждого, проминая её своим весом. Люди желали решительных действий, что ознаменуют начало изменений. Их переполняло рвение, которое они желали выплеснуть и заняться реальным делом. Им просто осточертело ожидать чего-то непонятного и вечно обещаемого.

Давиан кормил людей лишь непонятными и туманными обещаниями, которые каждый раз он произносил с такой помпезностью, что любой оратор позавидует. Единственной победой, которую он до сих пор смаковал, было утверждение некой иерархии, которая до сих пор даже не обговаривалась. И то, он понимал, что это скорей была не победа, а временная примочка, направленная на удовлетворение собственных амбиций. Люди так ждали хоть какого-то действия,

хоть чего то, а тут Давиан, накормил их души своей эфемерной иерархией, обманув их грандиозные ожидания.

И сейчас Алехандро стоял, готов предложить, что-то намного больше иллюзорной иерархии. У юноши были те самые вино и хлеб, которым он мог утолить жажду и голод страждущего народа. В глазах парня появился странный блеск, исходивший из души, а не бывший отражением яркого света. Алехандро был полон рвения и фанатизма, который раскрылся во время недлительного содержания в распределителе.

Те идеи, которые он хотел высказать и воплотить в жизнь на этом сообществе людей уходили своими корнями в куда древние эпохи, нежели начало двадцать первого века. И эти воззрения на мир он услышал от тюремного народа, что был с ним рядом во время недлительного заключения, людей, которые любили размышлять о мироздании и мнили себя мыслителями свободы. И эти люди рассказали ему о новых и старых идеях свободы, равенства, братства, что своим духом должны были освободить народ от гнёта тоталитарного Рейха.

Алехандро, прежде чем начать свой «концерт» сделал несколько шагов навстречу толпе, подойдя ближе к краю имитируемой сцены. Подойдя, он театрально сглотнул и начал говорить, наполняя изголодавшиеся души людей нужным хлебом. Его голос был крепок и полон решимости, а пламенность, с которой он говорил, вызывала рвение в са-

мых обремененных серостью душам:

– Товарищи, друзья и подруги, братья и сёстры! Сегодня, зиждется заря новой эпохи, что мы так долго ждали. Эпохи, что мы так долго алкали своими душами. Слишком долго на нашей земле, нашей родине и отчизне, земле наших отцов и дедов существует тираничный и жестокий режим, помешанный на деспотизме и подавлении наших прав! Режим, который отравляет нашу жизнь и превращает нас в рабов, что удушает нашу свободу и наши естественные возможности! Режим, что является врагом человечности и человечества... разве подобный режим, где носителями власти является не народ, а кучка политических уродов, монстров и зверей, имеет право на своё существование!? Разве этот режим нормален для человеческого естества?! Разве он является нормальным? Нет, нет и нет! Этот режим должен быть свергнут и уничтожен! Подобный режим не имеет не единого права на своё существование и нам не следует бояться, братья, ибо за нами правда, справедливость и свобода, да и к тому же, мы не одни! Я ощутил всю жестокость и несправедливость нашего режима, хотя я всего лишь критично отозвался о нашем маразматике – Канцлере! Это нормально, что меня отправили в заключение за обычную критику? Я попал в лапы, в клетку нашего тираничного и деспотичного режима и в заключении я осознал новые правды и истины, что приемлемы для нашего мира, но о них чуть позже. Мы не одни! В заключении мне некоторые заключённые рассказали

о новых слухах и веяниях. Мне рассказывали о повстанцах с полуострова Иберия, что уже долгое время витают слухи о гордом восстании свободных людей, что решили бороться за свои права и свободу. Мне рассказывали о свободолюбивых людях, что попрали нечестивый режим, что это восстание охватило, чуть ли не пол полуострова. Представляете! Пол полуострова! Мы боимся помыслить об обычном митинге или выступлении, а там люди отбирают себе пол полуострова и выдёргивают права и свободы! Вы же помните, как нам втирали, что на полуострове химическая авария и въезд туда запрещён, нас убеждали все: СМИ, учителя, друзья, соседи, пропаганда, родители и прочие слуги дьявольского режима. Но это не правда! Там люди всего лишь встали на борьбу с тиранией и жестокостью, что охватила наш мир. Но это не всё. Там далеко, где властвует смерть и радиация, поднялись люди, что решили защищать свою веру. Мне об этом рассказал один из заключённых, который общался с человеком, что общался ещё с одним заключённым, который прибыл из Венеции, что услышал от посланника из Великой Пустоши слова о новой вере и скрытом мятеже. Он рассказал как посланник, пользуясь помощью лояльных охранников смог проникнуть сначала на один из грузовиков, что везут продукцию из мунуфакториатиев на склады городов пустоши, а потом оттуда они переправляются в города, и именно так эмиссар свободы попал в Венецию, что б нести своё праведное слово. В Великой Пустоши из радиационного пепла и

смога мунуфакториатиев поднялись люди, слабые телом, но сильные духом! Они поднялись для борьбы за свои права и свободы! Они встали на войну с жесточайшим режимом во имя справедливости! Даже они, заключённые, слабые и обречённые на смерть поднялись на войну с бешеным режимом! А чем мы хуже? Мы дочери и сыновья города, чей свободный дух удалось сломить лишь одним из последних! Мы потомки великих людей, что во время великого шторма хаоса и анархии, что был более двадцати лет назад, смогли построить свободную республику и крепкую власть! Мы дети правителей великого государства и свободной республики, а не монархии. В наших жилах течёт кровь реформаторов и свободолюбивых людей, способных изменить наш мир! Нас не так мало как вы думаете, и вы можете приумножить наше количество, рассказывая о нас своим друзьям и знакомым, обиженным и обделённым режимом, угнетённым и зажатым – всем, кто пострадал от рук прислужников дьявольского режима и чудовища – Канцлера! Но будьте осторожнее, и среди ваших друзей или даже родственников могут найтись сволочи, лояльные режиму кучки тварей. Мы будущее этой земли и за нами её судьба! Мы сокрушим здесь жестокий и кровавый режим этой гниды – Канцлера! За нами придёт новая эпоха и новый мир! Мы прогремим бурей и принесём за собой новое время, новую эпоху! Эпоху равенства! Эпоху прав! Эпоху свободы!

Зал взревел. Все яростно ликовали и без устали аплоди-

ровали до красноты ладоней, причём стоя. Глаза людей были наполнены пламенем фанатизма и самым глубоким рвением. Их голодные души с избытком получили того духовного хлеба, который они так долго жаждали. Неимоверный духовный экстаз порастил эту залу, пройдясь по ней буквально ураганом, выворачивая каждую душу. Оглушающий крик, ликующие агонии и радостные вопли людей были, наверное, слышны даже на улице. Их души, переполнившись этой желанной пищей, возжелали ещё в тот момент, когда впервые пришли. Души переполнившиеся рвения и желания, захотели реальных действий, о которых им сейчас рассказали.

Александр вздёрнул руку вверх, превращая её в длинную устремлённую стрелу, обращённую вверх голов в зале. Он поднял её с неимоверным криком:

– Слава свободе!

На что зал ему так же яростно ответил:

– Либерализму слава!

Зал готов. Слова Александр настолько раскосили серые и охладевшие души людей, что они, можно сказать, были расплавлены и размягчены, готовясь слиться в единое образование. В зале не было больше людей, была одна большая мешанина и толпа, готовая пойти за своим вождем куда угодно, лишь бы только он приказал. И это состояние народа напомнило Габриелю, который был в толпе ликующих, то, что было во время шествия и празднования фестиваля. Всё то же: фанатизм, ликование и безграничная вера к говоряще-

му... всё то же самое. Габриель подумал про себя – «разве это свобода, когда люди бездумно стремятся подражать одному человеку?». Юноша хоть и стоял в этой толпе, но его переполняло отвращение от происходящего, ибо оно попирало свободу как таковую, вновь подменяя её подражанием.

Но тут Алехандро уже поднял руку по другому, в знак того что залу необходимо успокоиться и снова начать внимать новым словам. И действительно, гул в зале стал понемногу стихать, предоставляя возможность парню вновь говорить. Алехандро немного прокашлялся от першения и снова обратил свои глаза в зал. Мастер готов лепить из душе-пластилина любые фигурки по собственному усмотрению.

– Вы долго жаждали действий, братья и сестры мои. Вы ждали того дня, когда вы перейдёте к действию. Сегодня, здесь и сейчас мы переходим к немедленным изменениям. Да, нам пора меняться и я говорил с Давианом. Он мне рассказал, что вы голосовали за введение структуры и иерархии, но не обсудили какой. Так вот, будучи в заключении я познал некоторые основы структуры сообществ. Меня просветили хорошие и умные люди, тоже попавшие в лапы режима, рассказавшие как можно лучше обустроить наше «братство», а поэтому я сейчас на ваш суд, на народный, свободный и демократическое судилище, вынесу свой проект структуры нашего великого «братства».

Зал замер в ожидании того, что сегодня способно было изменить их «братство» в корне, поставив его на первый шаг



к «новой эре».

– Во-первых, в нашем «братстве» будет свой председатель, этакий президент сообщества, которого мы естественно станем выбирать демократическим путём. Он будет направлять, а не управлять, ибо главным органом управления нашим «братством» будет «Всеобщее собрание», на котором будут собираться все члены, и будут решаться самые основные вопросы, но по незначительным и неосновным вопросам будет работать наш «Координационный совет». В этот совет люди будут естественно выбираться, и он будет состоять из двадцати человек. Так же все члены данного сообщества, которые не будут входить в «Координационный совет», будут разделены по разным направлениям профессиональной ориентации. Я хочу разделить наше сообщество на несколько групп, ориентированных по специализации. Я хочу ввести такие группы: агитационная, которая будет заниматься агитацией среди наших друзей, что до сих пор находятся в неведении; рабочая группа, что будет исполнителем поручений, связанных с простейшей физической деятельностью; группа писцов будет заниматься написанием новых брошюр, методичек о нашем братстве, – приостановившись, Алехандро слегка и самодовольно улыбнулся и продолжил. – Я, конечно, понимаю, как это всё нудно и поэтому на этом я думаю можно закончить с определением групп. Если нам ещё что ни будь понадобится, то мы это обсудим и примем, если на то будет надобность нашего великого «братства». Все из-

братства, в «координационный совет, и на должность председателя братства, будут проводиться честные альтернативные выборы. И думаю, что мы можем провести их через несколько дней. Вы, мои братья, согласны?

Зал взирает на Алехандро, как счастливый слуга на милосердного хозяина. Юноша не просто разогнал серые тучи в душах людей и насытил их дух, он вселил в них надежду, он стал действовать. Однако никто не спешил с ответом. Зал перешёптывался, совещался. Было понятно одно: симпатии «братства» неоспоримо были на стороне Алехандро.

Но не все были так лояльны к новому, только что установленному, порядку. Был тот, кто стремился проклясть любые реформы новоиспечённого либерала. Глаза Давиана переполнены ненавистью к этому человеку, раскочегаренной жгучей юношеской завистью. В его глазах читался голод, и зияла великая жажда, но это было желание не того, чего желали другие. Голод Давиана сочетался с такими понятиями как возмездие, ненависть и лишение, ведь только что, Алехандро вырвал у Давиана столь заветное лидерство и теперь парень хочет сам предложить свою иерархию, свою организацию братства, более эффективную, как ему казалось. Именно Давиан хотел встать во главе братства и повести его за собой, а значит и за своими идеями и мировоззрением. Либерал только что поправил коммуниста, но Давиан уже не мог ему чего-либо противопоставить, ибо лояльность братства была вся на стороне Алехандро. И Давиан склонился.

Он не стал противопоставлять себя и антогонизировать себя по отношению к Алехандро, затаившись, до того когда наступит удобный момент вырвать лидерство.

– Братья и сестры, – вдруг снова заговорил Алехандро. – Дайте мне чёткий и вразумительный ответ, достойный свободных людей, а не шептания крыс, которые боятся света.

– Мы с тобой, брат! – Послышалось из зала, после чего прогремело следующее. – С тобой до конца!

И так крик за криком всё братство дало чёткий ответ: они с Алехандро. И крик человека в пользу согласия был подобен подтверждению лояльности, нисколько к новому порядку, сколько к самой личности Алехандро. Вскоре весь зал заполнили одобрительные крики, которые превратились в один нескончаемый поток звука, но тут Алехандро снова вздёрнул руку кверху, призывая зал успокоиться и приготовиться внимать новым словам своего лидера.

– Выбор сделан, братья. Теперь мы стали на один шаг свободнее к идеалам абсолютной свободы и равенства.

Алехандро взирал на этот зал. В его взгляде было непреодолимое чувство радости за творящееся здесь, смешанное с глубоким чувством ревностного фанатизма. Но это радость перемешивалась с чувством ненависти к существующему режиму. Однако в нём была толика ещё одного взгляда. В этом взгляде присутствовали не самые хорошие чувства, которые только могли разыграть в человеке, который отринул от себя свет и тепло Империял Экклесиас: гордыня, нечестивое

чувство удовлетворение той властью, что на него легла. В нём разгоралось пламя страстей, готовое его буквально проглотить. Он снова поднял свой взгляд и увидел людей. Но это был уже не дружный народ или сообщество «братьев» по идеям, нет, это была мешанина, вата, готовая пойти хоть в ад за своим лидером и эфемерными ценностями, что так манили неопытного человека свой нечестивой приторностью свободы.

Александров вновь так же яростно и не умоляя фанатизма, заговорил:

– Братья, я уже говорил, что мы не одни. Я узнал из слов доверенных лиц, что подобных ячеек сопротивления нечестивому режиму ещё три. Я, будучи, попав в заключение, узнал об этих сообществах из уст людей, что были арестованы за «Неуважение к Канцлеру», «Экстремизм» и ещё десяток жалких и деспотических статей в нашем законе. Эти люди состояли в этих ячейках миланского сопротивления, но не выдали своих братьев, они остались верны идеалам, как верные сыны свободы! Но к делу. Мне рассказали, как с ними связаться, точнее с их представителями и лидерами, что вот уже несколько лет стремятся к свободе. Первая ячейка называется «Ветер миланского освобождения». Она придерживается идеи освобождения нашего славного города от чёрного ига Канцлера. Так же как и мы, она носит идеи демократии и свободы. У них уже есть устоявшийся «Совет свободы», состоящий из пятнадцати человек, которых они

ежегодно выбирают. Так же у них есть группы, реализованные по подобному принципу, что и у нас, но только каждой группой руководит «Совет», состоящий из трёх человек. Само их сообщество насчитывает около двухсот человек.

Народ в зале с благоговением слушал своего нового председателя, что только что выбрали, будучи под революционным наркотическим экстазом. Людей переполняло душевное тепло от одной мысли, что они не одни борются с режимом и Канцлером. Все ликовали, что у них были братья по идее. В то же время юноша, на которого были обращены больше двух десятков восторженных взглядов, переполненных почитанием, продолжал свой рассказ о «миланском сопротивлении»:

– Вторая группа, которую я смог отыскать, оказалась самая старая, а значит и самая развитая и устоявшаяся. Эта группа, это братство, называется «Народная конфедерация». Оно стоит на идеях полного самоуправления и отсутствия контроля со стороны государства, и на многих других идеях, которые для нас запрещали и даже не рассказывали, боясь, что мы ими «заболеем», называя их «противными Рейху». Это братство так же выступает за полное освобождение Милана от тьмы режима. Из-за слишком большого количества людей это сообщество довольно сильно рассеяно. Оно состоит из сорока разных маленьких групп, которые разбросаны по всему городу, в целях сокрытия от деспотической руки больного Канцлера. И каждая группа возглавляется своим «лидером», который управляет «равным советом групп».

пы». Всё основное обсуждается на «Собрании лидеров», которым руководит «Первый лидер», избираемый на год другими «лидерами». У них нет таких групп, как у нас и если нужно решить какую либо проблему, то они обсуждают её на совете и выполняют по мере возможности, ища людей, способных справиться с задачей. Общая численность этого братства около двух тысяч человек.

Люди в зале были удивлены, услышав эту цифру. Эта информация развеяла мизерную усталость в мыслях, вызванной нудноватым рассказом Алехандро про структуру сообществ. Эти цифры вызвали неподдельную радость в душах, ибо никто даже и подумать не мог, что столько людей в Милане стремятся скинуть оковы рабской жизни и стать свободными, несмотря на полнейший контроль во всех сферах. Пока все восхищались, Алехандро заканчивал своё выступление:

– И последняя группа, самая молодая, но старше нас, называется «Свободный Милан». Простите, братья мои. – Сокрушённо произнёс Алехандро и так же продолжил. – Но о них я ничего не смог узнать, они оказались слишком закрыты и малоразговорчивы, я только поговорил с их лидером. – Алехандро мистически замолчал, гордо взирая на толпу, потом воскликнул. – Вот три братства! Братства, что неустанно борются с нечестивым режимом! Братства, что сумели выжить в нашем кошмарном деспотическом кошмаре. Они смогли выжить при неистовом режимном терроре, что ско-

сил в нашем городе уже десятки тысяч людей, лишь за их воззрения на мир. Вы же помните, как подобные братства рассекречивали и вырезали, прямо на площадях? Этого больше не будет. Я говорил со всеми лидерами братств. Мы пришли к соглашению: встретиться и создать «Коалицию свободных сил Милана». Но мы договорились встретиться не в Милане, где на нас будет взирать всевидящее око режима, мы согласились встретиться в столице этого кошмара, в одном из заброшенных районов, куда как оказалось не смотрит Канцлер. Завтра.

Зал был восхищён подобным выступлением, посчитав себя вестниками новой свободы, что придёт и освободит Милан от ига Рейха. Лишь Габриель понимал, что в бесконечном подражании одной идеи и одному человеку они сегодня потеряли истинную свободу, вновь став слугами единой идеологии.

«А так ли теперь плох Рейх?» – неожиданно задумался Габриель, всматриваясь в сущность происходящего.

## Глава двадцатая. Царство «Бюрократия» и её король

На следующие сутки. Рим.

В Риме, так же как и дальнем Милане стоит угнетающая серость. Тяжёлые облака затянули небеса, образовав непробиваемую для солнечных лучей стену из светло-серых облаков. Эти облака гордо висели над вечным городом, не пролив не единой небесной слезы. Они застлали небо подобно тому, как снег покрывает поле, став практически белыми, затянули небо и обрекли вечный город на долгую серость, что тяжким камнем легла на души большинства людей.

По улочкам слабо гуляет лёгкий ветерок, поднимая над асфальтом и брусчаткой лёгкий мусор и снова ласково его, опуская на землю. Людей на улицах практически не наблюдалось. Практически все граждане Рейха находились сейчас на работе или не предпочитали выходить на серую улицу, предпочитая заниматься домашними делами, нежели просто слоняться по улице и попасться на глаза уличным комиссарам.

Вообще, такое явление как засилье уличных комиссаров было характерно для беспокойных городов, типа Милана, обычно там, на беспредел этих «стражей» улиц предпочитали закрывать глаза, лишь временами усиливая патрули по-



лицейских, единственных кто мог остановить этих яростных слуг Трибунала. Обычно в других городах, более стабильных, наглости и дикости со стороны комиссаров не было, а все их преступления расследовались и преследовались. Но, не смотря на это, обычный народ всё равно относился к комиссарам с большим недоверием, всячески стараясь избежать встречи с ними.

Но большинство людей избегало места в своей столице, ставшим самым воплощением огромного и могучего Рейха. Это огромный район, разместившийся на нескольких квадратных километрах и в буквальном смысле слова продавливающий Рим своими массами. Он поражает исполинскими размерами и монументальностью зданий, что бесконечно стремились ввысь и расплзались в ширину. Но так, же этот район огорожен огромной шестидесятиметровой стеной, сделанной из крепкого бетона, толщиной в пять метров. На верху стены была щедро развешана колючая проволока, что километрами игриво вилась над серым бетоном. Периодически по периметру стены попадались сторожевые башни с тяжёлыми пулемётами, что готовы были встретить любого нарушителя, который подберётся сюда слишком близко, ибо к оплоту «молота бюрократии» по предписаниям нельзя подходить более чем на пять метров.

Однако не все избегают укреплённого квартала к которому ведёт широкая асфальтовая дорога, обнесённая со всех сторон блок-постами. Чёрный приземистый автомобиль го-

нит к нему с размеренной скоростью и ни один воин не смеет его остановить, так как взглянув на символику – «максима-герб» на фоне латинской «С», каждый стремиться расступиться и приклониться в благоговейном порыве.

– Вы предупреждали о моём приезде? – звучит вопрос в затемнённом салоне автомобиля. – Теренций?

– Да, Господин, – отвечает водитель. – Он должен знать, что вы прибудете... мы ему сообщили, как только вы сели на самолёт в Мадриде.

– Хорошо, – удовлетворился человек на пассажирском месте. – Очень хорошо, как там обстоят дела с мятежниками? Есть новости с фронта?

– Сообщают, что у них не осталось ничего кроме столицы... и скоро сепаратисты будут раздавлены.

– Что со СМИ?

– Министерство Пропаганды Мира пустило информацию, что опасность химического выброса практически миновала, и скоро сообщение с Западной Иберией будет восстановлено, а Министерство Социальных Сетей высматривает всех разносчиков вредоносной информации по соц.сетям, утверждающих, что там не было утечки, а произошло нечто серьёзное.

– Ещё что-то?

– Регион будет восстановлен в скором времени, а Управление Убеждения Министерства Послевоенной Обработки работает на пару с Культот Государства касемо гражд-

дан Иберии, ставшими свидетелями акции неповиновения, убеждая их в том, что повстанцы были заражёнными безумцами... с несогласными расправляются на месте.

– А что с Тайным Министерством Негласного Надзора?

– Его Управление По Недавним Акциям Религиозного Бунта осуществляет строгий контроль за гражданами Рейха, живущими в непосредственной близости от места боя в Великой Пустоши отслеживая в них зачатки ереси. К этому подключилась церковь, и говорят, что к парочке граждан уже наведывались инквизиторы. Тайное министерство...

– Не забывай, – возмутился пассажир. – Как говорит наш Великий Патриарший – «народ должен пребывать в неведении перед опасными вызовами внутреннего толка, ибо они могут соблазниться его тёмными посулами и разрушить отечества, а следовательно и госорганы, воюющие с подобными пакостями, должны покрываться вуалью тайн».

– А не лжём ли мы людям?

– Нет... это не ложь... мы просто все чего-то недоговариваем... чего-то важного и опасного, что может повергнуть людей в шок, а нам это не нужно, это понятно?

– Да, господин.

– Отлично... поднажми к воротам в его царство бюрократии.

И автомобиль обтекаемых форм устремился пуше прежнего в район, куда ведёт всего лишь один вход, который одновременно служил и выходом, став пунктом через который

ежедневно проходили десятки тысяч людей.

На входе располагается укреплённый пропускной пункт, который в день сверял только на одно человека более ста показателей, играющих важнейшую роль в его социальном статусе. И там находится, чуть ли не рота солдат, в сопровождении одного танка, пяти бронетранспортёров и несколько десятков тяжёлых станковых пулемётов. Подразделение должно была встретить любого отступника закона, который попытается пройти без пропуска через пропускной пункт. Весь район охранял примерно корпус солдат, что верой и правдой беззаветно служил Рейху и Имперор Магистратос.

– А мы пройдем КПП?

– Ты забыл к тоя? – возмутился пассажир. – Пролетим напроць!

Процедура пропуска в бюрократический район тяжела, так как на входе была крайне многоходовая проверка документов. У людей, что здесь работали, был специальный пропуск, который получали после особой комиссии. Сначала проверяли паспорт человека во всех министерствах и если у него были какие-либо недочёты, долги или просто проблемы с одним из сотни министерств, то ему сразу отказывали в работе. Но если он таки сумел пройти эту комиссию, то его направляли на вторую ступень, именуемую «духовный суд». Там обследовали его свидетельство о крещении, справку о посещении церкви, список участия в таинствах и характеристику от сторонников Культа Государства и только если че-

ловек оказывался чист и отвечал на все въедливые и с двойным дном вопросы, то его отправляли на третью ступень, где соискатель проходил тесты и собеседование с представителями Трибунала Рейха, что должны были испытать человека на знание закона. И коли каким-то чудом гражданин и здесь проявлял чудеса памяти и праведности, то на последнем заседании «Пятёрки» выносили окончательный вердикт. На этом заседании, где присутствовал священник церкви, «монах» из Культа Государства, судья из Трибунала, представители министерств Идеологической Чистоты и Трудоустройства выносили свою оценку соискателю, руководствуясь сотнями документов и справок: от записей телефонных разговоров до тщательных подробностей в «Жизни человека». И если «пятёрке» что-то не нравилось, то оно имело право отказать соискателю в праве работать на правительство в его сердце.

– Скажите, господин, а зачем нам такой мощнейший фильтр на КПП? – спрашивает Теренций, пока его подопечный в относительном спокойствии. – Я понимаю, дело безопасности и национальной обороны, но всё же... идейные основы?

– Идейные основы предоставлены в «Кодексе Имперор Магистратос»: «в сердце нашего славного государства, откуда и исходит неустанный свет и тепло нашего любимого правителя, должны работать люди, только чистые сердцем и помыслами, что с самого детства изгнали из своего разума вся-

кое еретическое помышление и скверную мысль».

– Так завещал первый Канцлер.

– Так сделаем и мы – только самые идейно чистые люди должны трудиться в сердце всей бюрократии Рейха, ибо только тогда установится справедливость и эффективность в управлении всем государством.

И этот идеал неукоснительно соблюдается, пусть даже порой и с перегибами, когда не прошедшим людям ограничивали «рейтинг» и ограничивали в трудоустройстве. Так стремились удалить из власти тех, кто был «идейно нестабилен» и не отвечал моральным и идеологическим идеалам Рейха.

Процесс получения единовременного пропуска для человека, занимающего пост в одном из Департаментов Власти, в этот район тоже весьма проблематичен и мог занять несколько часов. Сначала проверяли паспорт человека, потом его удостоверение и если не имелось никаких проблем, то проверяли его «гражданский» и «духовный» рейтинги. Если «гражданский рейтинг» составлялся в этом районе, то «духовный» делался специальным «Комитетом Морали» Управления Отслеживания Идейного Стандарта Министерства Идеологической Чистоты, что состоял из специально обученных госслужащих, священников и сторонников Культа Государства, поставленных на службу Император Магистратос. Тут учитывались сотни показателей, игравшие порой самую важную роль в жизни человека, да и такой рейтинг составляли специально, чтобы отследить людей, которые попирают священ-

ные заветы первого Канцлера о «духовности государства». Ибо только как завещал первый великий правитель: «у штурвала государства и не только должны стоять только люди, отвечающие морали, в противном случае нас ждёт повторение Континентального Раздора». «Духовный рейтинг» обязаны иметь все граждане, что состоят на государственной службе, для доказательства того, что они соответствуют идейному курсу Империи. Остальным гражданам этот рейтинг мог устанавливаться по желанию, но при его отсутствии наступали множественные ограничения в обучении, последующим трудоустройстве и социальной поддержке. Могли спокойно отказать в работе или понизить пенсию, ну или же урезать часть зарплаты. Рычагов воздействия на «духовность» человека в Рейхе масса, а посему большинство стремились получить этот заветный рейтинг, желая показать, что они в одном лоне с главной мыслью Рейха, подавая прошения в Бюро Содействия с «Комитетом Морали».

А если сюда придёт обычный человек, никак не связанный с государственным управлением, то его развернут обратно и скажут, чтобы он шёл в министерства Оценки Благонадёжности и Идеологической Чистоты, где после сотен проверок и анализов, убедившись, что человек идейно правильный дадут направление в Министерство Доступа к Государственно Важным Объектам. В этом министерстве, в отдельном бюро по Доступу в «Прим Центр Император Магистратос» ему дадут одновременное разрешение на посещение квартала и

приставят к гражданину четырёх охранников, для большей благонадёжности, чтобы под неустанным взором своей охраны, блуждая по огромным территориям, он не натворил глупостей. И попав в этот район, любой гражданин сталкивался с ещё одной проблемой – его размеры.

– Как же мы отстроили такую махину, – удивился водитель, разглядывая отдельный город рядом с Римом, который протянулся от края до края горизонта.

– Это подвиг народный, который в благодарность за то, что мы его спасли от ужасов прошлого мира рвётся теперь нам помочь в деле построения великой Империи и масштабы главного центра Имперор Магистратос лишь подтверждение любви граждан Рейха к власти, которые не жалея себя тут трудились.

Сами габариты района просто огромны – двести квадратных километров стометровых бетонных джунглей, став его неизменным атрибутом. За огромной и непреодолимой стеной таится целая тайга, состоящая из огромных тёмно-серых зданий, что встали монолитным лесом, став подобием массивного молота, который способен в своих механизмах перемолоть судьбу любого диссидента или отступника. Но в этом лесу воздвигнуты не обычные и унылые коробкообразные однотипные постройки, как в некоторых частях Рима, у каждого здания имеется своя отделка и символика, соответствующая его специфике. Каждое здание здесь украшено медными элементами – углы, рамы окон, выполненные



в неоготическом стиле и на каждой постройке гордо красовалась профессионально вырезанная стилистика Рейха поведующая величию и славе государства. С каждого здания свисало полотнище, на котором красовался главный символ страны – герб, представленный геральдическим двуглавым орлом над которым нарисован крест. На многих участках зданий отчётливо видна резьба, посвящённая истории становления Рейха как великой Империи и свисали огромные полотна, отданные тематике святости Канцлеру и праведности правления.

В этой области находится и Дворец «Всех Министерств», горделиво уходивший ввысь на сотню этажей, будто бы стремясь монументальностью показать превосходство Имперор Магистратос над всеми остальными. По своему масштабу он занимает расположение в полквартала. Огромное, серое, массивное и монолитное, стало воплощением всего Имперор Магистратос, как железной и бездушной машины, которая лишь с холодной и мрачной решимостью выполняет свою ежедневную работу по поддержанию жизни в империи.

– Что-то меня слепит вон та... маяк солнечный! – возмутился водитель.

– Это и есть обиталище того, к кому мы едем. Кажется, человек совсем потерял связь с действительностью.

– Пересилить бы его оттуда, а золото содрать.

– Нельзя... он заслужил статусом того, что имеет, ибо «Имперор Магистратос роскошью и лоском высших чинов

показывает благополучие и славу отечества», как оговорено в Кодексе.

Среди леса однотипных построек выделяется выделялось одно здание, оформленное в виде готического шпиля, уходящее вверх на тридцать этажей вверх и повергавшее в прах любые нравственные установки и правила Империи Эклисиас и Культа Государства. Сама постройка сделана из драгоценного белого мрамора и повсеместно отделано отполированным золотом. Оно было массивным, но в тоже время неприлично роскошным колосом по отношению к другим зданиям, что меркли по сравнению с красотой и богатством шпиля. Это сооружение блестело на солнце, слепя каждого, кто решится поднять на него свой взгляд во время яркой солнечной погоды и нет спасения никому от этого солнечного маяка. Таков был дворец Лорд–Магистрариуса, ставший воплощением не только мощи и могущества, но и огромнейшего богатства вкупе с беспредельным чувством прекрасного во всём Рейхе. Став воплощением Империи шпиль оставался рабочим и выполнял свою единственную миссию – неустанное служение Рейху.

Грандиозный и массивный район является оплотом всей бюрократии в Рейхе, что была призвана контролировать все сферы жизни граждан и поддерживать существование и работу в Империи на всех её уровнях. Именно на этом головном объекте работали десятки тысяч чиновников и бюрократов самых разных уровней, отслеживая ситуацию и обес-

печивая регионы Рейха самыми необходимыми ресурсами и вещами. В этом районе занимались отслеживанием ситуации на каждом производстве, занимаясь перераспределением ресурсов по всей стране. Именно этот район занимался бесконечной, неутомимой и беспрестанной обработкой данных, поступающих со всех уголков необъятной империи. Именно сюда стекались все данные о положении ситуации в Рейхе, во всех четырёх сферах общества, что позволяло установить полнейший контроль в жизни всего государства, став тем самым «оком рейха».

Но поимо всего здесь без срока давности хранились все личные данные о каждом жителе Рейха, поступавшие со дня его рождения и до самой смерти. Для этого создавалось даже специальное министерство – Сбора Информации о Гражданине. Сюда стекались отпечатки пальцев, место жительства, внешний вид, информация о всех правонарушениях и ещё десятки вещей вплоть до личных воззрений на мир каждого человека, что играло важную роль в «гражданском рейтинге».

Именно в этом районе аккумулировались все данные про человека, и именно здесь в соответствии с этими данными ему выставлялся столь верный показатель соответствия идеалам империи показатель – «гражданский рейтинг». Именно от этого показателя будущее и сама судьба человека в Рейхе. «Рейтинг» измерялся в пятибалльной шкале вплоть до десятых долей, став тем, что отражало его лояльность Рейху.

Если гражданин имел рейтинг от 4,4 до 5, то он являлся благонадёжным и политически устойчивым и мог быть допущенным к работе в государственном аппарате. Если от 3,8 до 4,4, то гражданин объявлялся подозрительным, за ним желателен был небольшой присмотр со стороны Империи, выраженный в еженедельном «тесте на благонадёжность», показывающий, что человек всё ещё верен своему государству. Коли рейтинг показывает от 3 до 3,8, то гражданин объявлялся нестабильным, и за ним могла установиться слежка любого рода. И такой человек был обязан предоставлять бумагу, что священник или сторонник Культа государства ручается за него. Без этого документа гражданин мог спокойно лишаться всех своих прав. Если рейтинг меньше трёх, то этого человека могли спокойно и без оснований арестовать разные структуры: от Империял Экклесиас до Наёмной полиции Корпоративной Палаты.

Именно в соответствии этому рейтингу между гражданами распределялись социальные блага, льготы и даже денежные пособия. Так человек с более высоким рейтингом мог получить более жирный кусок от Рейха, а человеку с пограничным статусом вообще было не на что надеяться, кроме минимальной пенсии и зарплаты.

Так же этот район стал мозгом всего управления Империи, занимавшись продумыванием новых способов более быстрого проведения в жизнь реформ Канцлера. Именно здесь продумывалось, как будет проходить та или иная за-

думка и сколько на неё уйдёт средств из бюджета. Именно здесь составлялись отчёты для Буле и Канцлера, зачитывавшиеся на бесконечных заседаниях. Хотя любое решение всего этого региона могло было спокойно отменено постановлением Канцлера, но люди работающие здесь продолжали выполнять свою работу по обеспечению заветов и постулатов первого правителя, давшим истинное понятие «идеального государства». Именно здесь вершится вся судьба Рейха.

И в этот момент к КПП подъехал дорогой, если не сказать, элитный автомобиль чёрного цвета. Солдат, стоявший у пропускного пункта, вздёрнул руку вверх, приказывая остановиться, причём положив правую руку на ручку автомата, в знак угрозы. Автомобиль тотчас остановился.

– Ваши документы? – начал солдат, сказав в открытое окно, и ласково добавил. – Пожалуйста.

– А что если не дам? – послышался дерзкий голос из автомобиля человека, который скрылся во тьме салона машины.

– Ха, у меня тут шутник парни! – крикнул солдат, после чего несколько автоматчиков возвели оружие в боевое положение и в это же время, выбежавший расчёт установил тяжёлый пулемёт на треногу. – Если вы не соизволите предоставить документы, то эти уважаемые мужи изрешетят ваш автомобиль вместе с вами, ибо так завещал великий Канцлер. Так дадите документы?

– Ну, хорошо, – послышался голос из автомобиля, после чего из кабины показался паспорт с чёрной обложкой, высу-

нутый со словами. – Проверьте.

Солдат взял паспорт и скрылся в будке проверяющих документов, но уже через две минуты вылетел как ошпаренный, с огромными глазами, с невероятным ошеломлением в них. Шокированный боец выбежал на дорогу и стал активно махать руками в сторону других солдат, отчаянно и яростно выкрикивая при этом слова:

– Убрать оружие, идиоты! Скройте пулемёт! Живо! Живо!

Солдаты, посмотрев с недоумением, выполнили приказ. А тем временем другой солдат подбежал к машине.

– Простите, господин Канцлер, – взволновано, почти не плача произнёс солдат и продолжил. – Простите, я вас не признал, больше не повторится. Просто не увидел ваш светлый лик из-за тонированного окна, – повинно оправдывается воин.

– Ничего страшного. – Послышался мягкий, почти ласковый голос. – Это твоя работа и ты её выполняешь. Тебе нечего стыдиться или извиняться. Ты всё сделал правильно.

После чего, Канцлер, по-отечески похлопал солдата по щеке и поехал дальше, а глаза бойца тем временем прослезились, только уже это были слёзы радости.

Через несколько мгновений стало известно всему корпусу, что в их районе появился правитель великой Империи, но не один из солдат не покинул своего боевого поста. Каж-

дый продолжал нести свою службу, им вверено было охранять район самим Канцлером и даже его появление не могло нарушить их приказа. Эти солдаты лишь в двух случаях оставят караул – либо их переправят в другое место, либо они умрут.

Канцлер подъехал к расфуфыренному шпилю Лорд-Магистрариуса. К роскошной двери вела мраморная лестница, украшенная красной дорожкой, что вела вглубь шпиля.

Император вышел из машины, оставив её входа, попросив Теренция обождать его.

Край чёрного пальто аккуратно коснулся бархатной дорожки, что показало как его чёрный наряд очень чётко контрастировал на фоне белой башни, украшенной золотом. Он запрокинул взгляд вверх, вглядываясь в вершину огромного сооружения. После нескольких секунд просмотра вершины этого шпиля он опустил свой решительный взор пошёл в сторону башни.

Канцлер поднялся по многочисленным ступеням, дойдя, наконец–то, до этого роскошного входа, представленный гигантскими роскошными резными дверями из дорогого дерева чёрного цвета. Рядом с входом свисали два невероятно огромных полотнища, с изображением герба Рейха. Перед входом Канцлера встретили два охранника в высокотехнологичной броне стилизованной под старинные и гротескные доспехи. Два война, в две сотни сантиметров ростом, экипированы в новейшую и мощнейшую броню Рейха, разработан-

ную самыми лучшими учёными со всей страны, сделанной ещё как экзоскелет, повышающий характеристики хозяина. В их руках сжаты большие алебарды, от которых исходит лёгкое потрескивание, ибо к лезвиям был подведён небольшой заряд. От множественных сочленений доспех исходил машинный гул, работающих систем, а так же из некоторых сочленений исходил лёгкий пар, бывший выработкой системы охлаждения. В их доспехи, со стороны спины, был вшит переносной источник энергии, обеспечивающий работоспособность доспеха, повышающий все его показатели. И был он вшит таким образом, что было ощущение странного горба у воинов.

– Я Канцлер, – сказал подошедший, соблюдая древнюю традицию. – Требую меня впустить к Лорд–Магистрариусу, Стражи Шпиля.

Грозные и монументальные, ставшие ещё одним воплощением могущества империи, приписанные к корпусу «Гвардия Шпиля», были верны лично главе всей бюрократии, нежели Рейху.

Из шлема донёсся жутко грубый, искажённый, низкий, почти демонический голос:

– Да, господин. – Сказали войны, отмерзнув в разные стороны скрещенные алебарды и открыв своими мощными руками эти огромные двери.

Канцлер прошёл в огромный шпиль. Перед ним предстала огромная мраморная зала, не вмещавшая взгляд, всюду сто-



ят множественные золотые канделябры, на полу лежит роскошный красный ковёр, впереди стелется огромная и лестница, стены украшенные позолотой и драгоценными камнями. Внутри эта башня являлась совершенством, воплощённом в золоте и мраморе, но Канцлера это не интересовало. Он быстрым ходом направился к лифту, который на удивление был выполнен в классическом стиле, без позолоты или драгоценных камней. Зайдя, правитель Рейха набрал нужный этаж, и через мгновение его слегка придавило, а ещё через полминуты, Канцлер уже стоял у нужного кабинета.

Дверь была сделана из дорогого дерева и отделана золотом самой высшей пробы. Канцлер отворил дверь и зашёл в кабинет Лорд–Магистрариуса без всякого стука.

Помещение широко. Под ногами был зелёный дорогой ковёр. По бокам, возле окон стояли длинные ряды кресел, сдельных из красной кожи, предназначенные для десятков гостей. На стенах висели дорогие картины, а сами стены были инкрустированы драгоценными камнями, что в свете солнца прекрасно переливались множеством оттенков. Сами стены были сделаны из мрамора, завезённого сюда из самых дальних уголков Империи. На дальней стене располагалась карта Рейха, а в дальних углах стояли книжные шкафы, забитые книгами. А в самом конце «кабинета» сидит он на резном троне, сделанном из дерева, отделанный золотом и серебром с инкрустацией бриллиантов. Нет, это был не кабинет, это «палаты» Лорд–Магистрариуса. Перед ним постав-

лен стол, с несколькими стопками бумаг, и с самым современным компьютером, что был предназначен для работы.

Главный Лорд подобен королю, императору, который правит огромной империей – гигантской бюрократической машиной всего Рейха и выглядит он как Император. Дорогие кожаные сапоги чёрного цвета, доходившие до колен, беспроектные брюки, сделанные из шёлка, роскошное фиолетовое пальто, белая рубашка с затейливыми рисунками, сделанных из золотой нитки. Было видно, что человек не заботится о своём «духовном рейтинге», ибо сам его составляет. Лицо Лорд-Магистрариуса имеет схожие черты с лицом Канцлера. Такое же лисье и столь похожие островатые черты. Только у главы Имперор Магистратос был чёрный волос, короткая стрижка и карие глаза.

Увидев Канцлера, глава правительства империи поспешно встал и с приторной улыбкой на лице решил поприветствовать правителя Рейха.

– Сидите на месте, – потребовал Канцлер.

– Хорошо. – Покорно ответил Главный Лорд.

Не дойдя до стола главы бюрократии, Канцлер начал говорить:

– А вы не плохо здесь живёте то. Я думал, что у главы всего Имперор Магистратос несметные стопки на столе, просто горы разных бумажонок должны быть, и он работать должен в поте лица, согнуться, не отрываясь от стола. – Возмущённо сказал глава всего Рейха.

– Господин, Канцлер. У меня всё в порядке. Мой новенький компьютер вмещает йоттабайты самых различных данных. В моём устройстве хранится вся необходимая информация, что приходит ко мне со всего нашего великого Рейха. Даже с окраин, ибо компьютерами, пусть и старыми оснащены даже старосты деревень, – довольно и с улыбкой на тонких острых губах ответил Лорд–Магистрариус.

– Этот хорошо, мой друг. Но я по другому вопросу пришёл с вами говорить, по военному вопросу. – Нагнетающим тоном начал Канцлер.

– Так, так, и что же это за вопросы? – взволнованно и с небольшим, едва читаемым страхом в глазах спросил глава бюрократии.

– Ну, слушайте... приятель. Почему солдаты полка и корпуса, что воют на Иберии остались без артиллерии, провианта, боеприпасов и самолётов, им выделенных? Почему вся техника и провиант остаются в тылу, когда они необходимы в бою? Почему всё вооружение было приписано к тылу, и его можно изъять, только если будет ваш приказ или бумага с вашей подписью? Почему мои солдаты должны мёрзнуть, голодать и страдать от недостатка вооружения, когда отступники вооружены до зубов? Это некомпетентность или ещё хуже, мой друг. Предательство! – несколько наигранно закончил Канцлер, пытаясь вызвать стыд у Лорд–Магистрариуса.

– Что вы! Я не...! Я не предатель! – Громко и испуганно вскрикнул глава правительства.

– Тогда потрудитесь ответить, – грозно, но в тоже время, наигрывая угрозу, сказал Канцлер.

– Понимаете, я сам удивлён этому... я...

– Не ломайте комедию здесь, пожалуйста, а то отправитесь на Мунуфакториати, лично будете изготавливать амунизию, – мягко, но в тоже время с лёгкой угрозой сказал Канцлер.

– Хорошо, – выдохнул Лорд–Магистрариус и продолжил. – Мои просчёты. Я не досмотрел за своими подчинёнными. Я им приказал, что б они технику направили по месту, где она была необходима на тот момент боевых действий. Я не предполагал, что они её припишут к тем местам, где она сейчас и будут ожидать лично моего распоряжения. – После чего сокрушённо заговорил, – простите, я немедленно отправлю свой личный приказ, что б они переписали технику полку и корпусу для полноценного ведения боевых действий... Простите...

– Хорошо, исправляйте собственные ошибки. Выполняйте собственную работу, и всё будет хорошо и прекрасно у нас. – Сказал Канцлер, сделав на последнем предложении крайне ласковый голос.

– Да! Будет исполнено, господин Канцлер.

– Вот и славно, – И решив сменить, тему задал вопрос. – Как дела мой друг?

Глава правительства поднял свою голову и со слабой улыбкой дал ему ответ:

– Всё в порядке. Когда пало правление Высшего Капитула, стало намного легче жить.

Правитель Рейха усмехнулся:

– Это ведь ты мне оказал главную помощь, когда все были готовы отвернуться от меня. – И сделав небольшую паузу, задал ещё один вопрос. – А как в «Жизни человека»?

– А как может быть? Как говорить в Кодексе Имперор Магистратос: «чем выше статус служащего государству, то тем более он должен отдаваться своей работе и служению ему, принося в жертву даже семейное счастье». – И с печалью в голосе продолжил. – У меня нет времени даже на отдых, не говоря уже о семье. – С явной тягостью вымолвил последние слова Главный Лорд.

– Ничего. Мы может быть, с этим сделаем что-нибудь. А теперь прости, меня ждут дела. Мне нужно восстанавливать западную Иберию от последствий войны... это будет нелегко.

После этих слов Канцлер поспешно удалился из кабинета Лорд–Магистрариуса, отчего в помещении поселилась гнетущая тишина. Глава Имперор Магистратос пододвинулся к своему компьютеру. Он зашёл в защищённую от просмотра со стороны Рейха почтовую сеть, которую создали его работники, кормящие червей в земле, и с лёгким блеском в глазах стал набирать сообщение. По клавишам застучали худые длинные пальцы и на экране стали повалиться буквы, складывавшиеся в столь циничные помыслу предложения:

Кому: Председатель гражданского собрания Иберийской Федерации.

Содержание письма: Я обращаюсь к вам с печальной и трагичной новостью. Мне не удалось замедлить продвижение армии Рейха, путём лишения их техники, провианта, боеприпасов и прочего всего необходимого. На меня совершено давление со стороны Канцлера. К сожалению, нам не удастся построить новое конфедеративное государство, построенное на идеях свободы, равенства, либерализма, демократии. Так же сообщаю ещё одну печальную новость – сопротивление в Великой Пустоши, которому мы потворствовали, подавлено. Вам теперь придётся воевать в одиночку, без моей помощи и оттягивания внимания со стороны Коммун Великой Пустоши. Я сделал всё, что мог. Я так же продолжу вам оказывать различную помощь по мере возможности, в виде различных тайных сведений, которые попадутся мне на стол. Простите меня, мы проиграли.

Кто: Добродетель.

После чего последовал звук нажатия на кнопку, и сообщение было отправлено. И тут же Главный Лорд достал свой телефон и, судорожно тыкая в экран, набрал номер и приложил телефон к уху. После нескольких гудков последовал незамысловатый диалог:

– Это кардинал?

– Да, – последовал холодный ответ. – Что вы хотели?

– Нам необходимо собраться в «Моменте Железного Над-

лома». Сегодня.

– Когда?

– Через несколько часов. Собирайте всех, кто может. Дело особой важности.

После этого глава всего правительства отключил телефон и кинул его себе в карман пальто. Он встал со своего «трона» и стал расхаживать по «палатам», внимательно и тщательно рассматривая картины, что своим великолепием могли пленить любого ревностного почитателя искусства. В его взгляде поселилось уныние вместе с печалью. Единственной фразой, что он сказал сам себе, был шёпот, вырвавшийся из еле шевелящихся губ: «Скоро мы всё изменим... можешь не сомневаться в этом, дружок».

# Глава двадцать первая. Посылка

Спустя несколько часов.

– Доложите обстановку, аметист – 1.

– Гнездо – 3 как слышите?

– Слышим вас плохо, аметист – 1.

– Докладываем: мы наткнулись на ожесточённое сопротивление. Связь с командиром полка армии Рейха, полковником Юлием была потеряна. Сам полк был рассредоточен по трущобам. Мы ещё поддерживаем связь с капитаном храмовников, Марием. Обстановка критическая. Нами потеряно семь человек под гаубичным огнём. Удерживаем оборону в старой трущобной мечети. Наши транспортные десантные катера были уничтожены артиллерийским обстрелом. Ждём дальнейших приказов.

– Аметист – 1, пробивайтесь в сторону порта, мы туда вышлем новые катера, после чего по этим трущобам будет нанесён ракетный удар. Вам необходимо выбраться в течение двадцати девяти минут. Как поняли?

– Вас поняли, гнездо – 3. Выполняем.

После чего связь прекратилась и вся, и так еле слышимая статика спала. Командор отдал рацию инженеру, после чего он сам встал и стал криком, срывая голос, отдавать приказы, пытаясь перекричать звуки выстрелов и взрывов, что разры-



вали буквально пространство.

– Солдаты, нам приказано прорываться к порту. Выступаем через минуту. Те, у кого ещё работает связь, попытайтесь связаться с дружественными соединениями и передайте им, что б они отступали в сторону порта. Выполняйте!

Солдаты из полк–ордена всего лишь кратко кивнули в ответ и стали готовиться к отходу с прорывом. Они окружены со всех сторон, а трущобы стали одним огромным лабиринтом, в котором бой превратился в бойню, но они не сдадутся, не опозорят своего звания и чести перед полк–орденом.

Тем временем Командор присел, облокотившись на стену, и отстегнул магазин от автоматической винтовки. Он снял каску и утёр лоб от капель пота. Здесь было невероятно жарко, воздух будто раскалился от ужасающей температуры. Весь кожный покров покрылся влагой, что делало передвижения крайне неудобными.

Стены вновь неожиданно брызнули пылью, песком и бетонной крошкой, знаменуя, что их противники взяли на прицел. Солдаты полк–ордена мгновенно ответили плотным огнём, изрешетив нападавших мигрантов.

Эстебан, с усмешкой, посмотрев, как враг получил справедливое воздаяние, запрокинул голову и попытался понять, как они попали в этот кромешный ад.

Всё началось с утра, когда поступил по специальной сети приказ из штаба полк–ордена о сборе на Сицилии. На остров были призваны два отделения полк–ордена, что оказались

поблизости, но так как большинство подразделений были задействованы в иберийской войне, зачистке Великой Пустоши или находились весьма далеко, то было принято решение привлечь и миланское отделение. Так как устав не запрещал, Командор решил принять участие в этой высадке, посчитав, что он сможет выполнить свою важную миссию.

Им рассказали, что на полуострове, что ближе всего к Сицилии была замечена странная активность, которая может оказаться опасной для будущего Рейха. Её зарегистрировали спутники, неустанно следящие за обстановкой из космоса, что находятся над северным побережьем Африки, которое превратилось в одни огромные нескончаемые трущобы. Всё северное побережье континента теперь представлено огромным трущобным мегалополисом.

Как оказалось позже, из допроса ранее захваченных мигрантов, когда Эстебану поступил информативный лист, элиты синдикатов не играли никакой роли в управлении всей Африкой. Истинным правителем всего континента был проповедник новой религии, новой церкви – Верховный Афористоколис, как он себя величает, ставивший определённых людей во главе синдикатов, и все они были подчинены ему, ибо подавляющее число африканцев превращено в религиозных фанатиков, что могли изрядно подпортить жизнь всем преступным объединениям.

И на том полуострове заметили слишком большую и аномальную активность населения, которой не было видно до-

селе. По прошению Консула, в помощь солдатам из полк-ордена были отправлены полк армии Рейха, отряд церковного ополчения и рота храмовников. Все были готовы к лёгкой прогулке, посчитав оборону мигрантов ничтожной и не способной выдержать праведный напор армии Рейха.

Разведка с катеров ничего не дала, всё больше чем выглядело заброшенным, лишь тучи мух роились над трущобами и после, не давшей никаких результатов, разведки были отправлены смешанные войска.

Сначала выдвигалось церковное ополчение, первым вступившее в заброшенный самодельный трущобный порт. И оно первым же, не дожидаясь остальных сил, стало продвигаться вглубь трущоб. За ними в порт ступили все остальные, сразу было принято решение, что необходимо оставить катера в порту, для более быстрого отступления, на случай засады. Для охраны катеров полковник оставил роту солдат. Оставшихся солдат в полку он разделил на роты и отправил в разные районы трущоб для более быстрого продвижения.

Командор увидел трущобы своими глазами – убогие, покосившиеся дома, сделанные из ржавых листов железа или сгнивших кусков мусора. Эстебан воочию узрел разбитые и кривые улочки, залитые всеми возможными нечистотами и заваленные горами мусора. Глава аванпоста видит орды крыс и насекомых, что живут вместе с людьми как старые соседи. Теперь он лично может прикоснуться к всей нищей и разбитой жизни беженцев, которые рвались в Империю, Турецкий

Султанат и Аравийскую Конфедерацию всего лишь за теми благами, такими эфемерными и желанными для них, что за эти одну лишь возможность они готовы умереть.

Но осмотр трущоб Командора был прерван передачей. Церковное ополчение настолько увлеклось, что удалилось от основных сил на полкилометра, за что его главе приказали немедленно возвращаться к основным силам.

Дело постепенно кланялось к вечеру. На удивление в этих краях не было той серости, что стоит в Милане и Риме, здесь вместо серых облаков сияло небо, озарённое алым и слепящим глаза закатом.

Но недолго бродили воины без дела. Сначала всё было тихо, потом неожиданно из немногочисленных граммофонов, стаявшие серыми стражами по улицам, полилась музыка, а если быть точным, то это были молитвенные гимны и литании, спетые по типу давно ушедшего ислама. Далее над огромной белой мечетью, что возвышалась над трущобами, поднялся огромный стяг. И в это же время над многими домами стали подниматься подобные флаги, будто ставшие призывом к действию. Буквально через минуту, над трущобами развивались тысячи одинаковых флагов. Командор всмотрелся в них. Это были зелёные полумесяцы на жёлтых полотнищах. В кровавом небе теперь развивались тысячи зелёных полумесяцев.

Все солдаты насторожились. Вокруг не было, ни души, только солдаты Рейха и молитвенные песнопения. За тем

песнопения прекратились, и стал говорить некий диктор. Он говорил громко и пламенно, но, ни одного слова не было понятно Командору, ибо они были на ином языке.

Как только он закончил говорить, начался ад. Грохот минометов, самодельных установок и гаубиц разорвал тишину. Первым залпом был нанесён удар по порту, уничтоживший катера. А потом артиллерия стала утюжить по улочкам, превращая их в пыль. И в это же время со всех щелей, подобно крысам, полезли вооруженные люди. Они были вооружены слабо: старые винтовки, пистолеты–пулемёты, реже автоматы, а ручные пулемёты и гранатомёты оказались несколько редкостью, сколько небывалой роскошью для этих мест. Из брони были разве что пластины металла, примотанные куски шины или реже это были старенькие бронежилеты.

Но противников было много, жутко много. И они знали трющобы досконально, ведь это был их дом. Церковное ополчение было моментально окружено и полностью безжалостно уничтожено. Последнее сообщение от ополчения говорило, что они полностью окружены, не способны к продвижению и умрут во славу Канцлера. После от них ничего не поступало. Все соединения были отрезаны друг от друга. На улицу вылезли тысячи, десятки тысяч беженцев, стремящихся уничтожить своего заклятого противника. Солдаты полк–ордена стали пробиваться к годному укрытию, но попали под обстрел гаубицы. Семеро, включая офицеров, были убиты – их доспех не выдержал рядом рванувшего снаряда гаубицы.

Командору Эстебану пришлось лично взять на себя командование, и собрать воедино разрозненный отряд. Он пробился к одной старой, невысокой, но на вид крепкой мечети, там они и стали держать оборону, готовясь к прорыву в порт.

Пули разрезали пространство, выудив мужчину из воспоминаний, взрывы беспрестанно сотрясали землю, артиллерия непрерывно утюжила улочки, смешивая с грязью и своих и солдат Рейха, и Корпуса Веры. Командор пристегнул новый магазин, встал и приготовился выходить. Его примеру поступили остальные, подготовившись покидать здание, предварительно убедившись, что противник не сможет им остановить.

Эстебан выбежал на небольшую площадь перед мечетью и укрылся, за какими-то ржавыми бочками, которые служили местом для костров в ночное время суток. После чего он оглянулся в поисках врагов, как из улицы напротив, показались люди.

– Не стреляйте, свои идут! – крикнул кто-то со стороны вышедших людей. – Мы воины Рейха!

Командор опустил винтовку. Через несколько мгновений на площадке вышли чуть более сорока человек в форме солдат армии Рейха, не считая бойцов из полк-ордена. Бойцы Рейха были все перепачканы сажей и тяжело дышали, их форма была измята, а на некоторых солдат были повязки, скрывающие ранения.

– Кто главный? – спросил глава аванпоста.

– Я. – Сказал вперёд вышедший человек. – Командую тут всем тем, что удалось собрать.

– Кто вы? Звание и имя.

– Я сержант Маний. Командующий тем, что осталось от этой роты.

– Доложите обстановку, сержант Маний. – Потребовал Командор.

– Хорошо. О Святой Рейх как же попали в эту засаду... после того, как мы вышли из порта и продвинулись, сень Христа нас покинула и нас окружили. Столько крови Командор, столько крови, – плачевно сетует воин. – Такого не было со времён разделённой Италии.

– Соберитесь, сержант, давайте по существу!

– Да... да... когда нас окружили, полковник оказался в засадном котловане, отрезав его противник отбросил нас ударами массивированной артиллерией. Недавно полковник сообщил, что он долго не продержимся.

– Полковник жив?! – резко спросил Командор.

– Пока да. Но если мы промедлим...

Эстебан приложил руку к подбородку и призадумался, потом резко повернулся к солдатам полк–ордена и обратился к ним:

– Братья, пробивайтесь к порту. Я же присоединюсь к солдатам полка, и мы пробьёмся к полковнику. Инженер Децим, веди их к порту. После истечения времени меня не ждите!

– Так точно, Командор, – хором откликнулись солдаты.

Солдаты полк–ордена так и не поняли, почему их Командор решил оказать личную помощь солдатам армии Рейха, но они подчинились приказам, как их и учили. Бравые воины синхронно развернулись и стали продвигаться в сторону порта.

Эстебан обернулся к сержанту и обратился к нему:

– Ведите нас, сержант.

– Да, Командор.

После чего они пошли в сторону Белой Мечети, что на западе трущоб. Как ни странно для трущоб, но к этой мечети вела одна, довольно большая, дорога. И эта «дорожка» проходила возле укрытия, где укрывались солдаты полк–ордена. Командор, вместе с солдатами, прошёл старую мечеть, как на их пути попался идущий им на встречу отряд беженцев. У них нет ни стратегии и тактики, ибо увидев солдат Рейха, они просто открыли беспорядочный огонь.

«Именем и во славу Канцлера, убейте этих крыс» – Крикнул во всё горло сержант, с нескрываемым фанатизмом. Солдаты, либо найдя укрытие, или легли в отходы и грязь под ногами, открыли ответный, более точный огонь из своих автоматов. Тут же замертво попадали трущобные жители, посыпавшись на дорогу. Командор присоединился к этому кровавому вихрю. Его штурмовая винтовка вспарывала тела, если не рвала их на части, своими патронами, но противников ползёт множество, и они подобны крысам, что пытаются своей массой задавить врага. На место убитых встают десятки.



Они непонятно откуда нападают, ломаясь к позициям солдат. Их косят десятками, они падали в грязную, залитую нечистотами землю, но на их место, будто они ведомы каким-то зловещим механизмом, с решимостью вставали новые бойцы. На место каждого убитого становилось двое, продолжая своё безумное, жестокое и смертельное наступление. Некоторые солдаты Рейха попали под беспорядочный и плотный обстрел, так и оставшись на этой проклятой земле.

Эстебан присмотрелся к наступающим жителям трущоб. Их губы никогда не были в покое, будто они вечно про себя читали нечестивые моления, на их руках жёлто-зелёные повязки. Командор подумал, что это ещё одни еретики, сектанты очередного прокажённого культа, стремящегося поработить как можно больше душ, превратив их в покорных рабов, чтобы выжить из них всё что можно. Как только эта мысль пронеслась в его сознании, то в сердце загорелся огонёк жестокости к этим людям, несмотря на их бедственное положение, так как они продались убогому культу, разъедающему души. Он за всю свою жизнь не увидел не одного культа, который бы – не поработил умы людей и не убивал ради своей выгоды. Культ Государства, Корсиканское Движение, Ревнителю Изначальной Истины, африканские сектанты: все они были лишь прикрытием для законного повиновения одних другими. Это было самое настоящие новое теократическое рабство, скрываемое под масками лицемерия и двуличия, покрываемое идеалами свободы.

Но вдруг зазвучавшие слова Мания вывели Командора из собственных рассуждений.

– Забросайте их гранатами, – во всё горло с фанатизмом крикнул сержант. – Именем Канцлера накройте их священным огнём.

Все солдаты достали боеприпасы и стали кидать их в сторону наступающих беженцев. Через несколько мгновений слышались звуки взрывов множественных гранат, что разметали ряды наступавших беженцев. Десятки людей, не успевших уйти на достаточное расстояние или укрыться, были накрыты взрывами и похоронены под грудями мусора и грязи.

– Прорываемся, воспользуемся их замешательством! – крикнул Командор, перезаряжая винтовку, осознавая то тактическое преимущество, что они вырвали из рук противника.

И все оставшиеся в живых солдаты Рейха, оставив лежать немногочисленных мёртвых братьев по полку, встали, выбрались из укрытий и начали наступление, убивая ошеломлённых беженцев. Ряды атакующих были рассеяны, оставшиеся в живых поспешили скрыться в тени и в разбитых улочках трущоб. Продвижение к командующему полка вновь продолжено.

Солдаты Рейха стали стремительно продвигаться к месту полковника, отстреливаясь по пути от беженцев, которые предпочитали наносить удары из засады, сильно приторма-

живая продвижение.

В руках и разуме Командора было всё отведено до холодного, если не машинного автоматизма: увидел противника, вскинул винтовку, нажал курок. А всё остальное разрывная очередь сделает сама. Прямая как стрела, она находит свои жертвы и отправляла их в забвение.

Впереди показался перекрёсток, а впереди по виду идёт ожесточённый бой. Солдаты, было, обрадовались, что они нашли своего полковника живым, как вдруг к ним, с прилегающей дороги выехал старый, эпохальный ещё советский БТР. Вся краска с него уже давно слезла, броня была истерзана выстрелами, а на листах брони имелись многочисленные следы сварки и латания, БТР был чёрным от сажи.

– Солдаты, вскройте эту машину! – крикнул во всё горло сержант. – Покажите им ярость Господа!

В это же время выбежал солдат с гранатометом, подобранном в этих трущобах. Он присел, положил его на плечо, прицелился. Воин нажал на курок, и шлейф дыма устремился к вражескому бронетранспортеру. Снаряд попал, прям под башню, когда та, с ржавым скрипом и механическими звуками, начинала поворачиваться в сторону солдат армии Рейха. Через мгновение раздался взрыв, и башню сорвало и унесло в сторону, а сам бронетранспортёр разлетелся на части дождём из железных ошмёток с ужасным звуком взрыва, накрыв дождём полыхающих железяк трущобы.

– Ни кто не остановит наступление солдат Канцлера! Про-

двигаемся! – пламенно воззвал сержант.

И солдаты пошли, обходя горящую и развороченную боевую машину. Умерший БТР ещё потрескивает горящим пламенем, навеивая ароматом плавленного металла о очень далёких временах, когда мир не знал такого безумия. Обойдя машину, они направились вперёд, где были активно слышны звуки стрельбы, несмотря на то, что трущобный город постоянно утюжили минометы.

Воины прошли ещё около двухсот метров по широкому коридору из сгнивших и развалившихся трущоб, временами отбиваясь от одиночных атак. И через эти двести метров они вышли к огромной белой мечети. Она возвышается над трущобами, подобно огромному белому великану, а перед самой мечетью выложена огромная площадь. Перевернутые торговые лавки, разбросанное подобие товаров, самодельные мешки и ящики наводили на мнение, что это было подобие торговой площади, ничем не умахённой. Здесь дорога заканчивалась, только трущобы вокруг. На площади и в мечети закрепились вооружённые беженцы, ураганно обстреливая один из трущобных домов.

– Солдаты, прорываемся к полковнику! – сквозь свист пуль и рокот артиллерии крикнул сержант.

– Стойте, здесь нас перестреляют как уток. Нам нужно прикрытие, мы не пройдем через этот вихрь пуль! – предостерегает Командор, наводивший винтовку на очередную цель.

– Что ты предлагаешь?! – поинтересовался сержант Командора, который своим выстрелом уже пробил грудную клетку одного из атакующих.

– Бегите к дому по моей команде! – дал ответ Командор.

После этих слов он сорвал два блестящих предмета со своего бронежилета и метнул один ближе к дому, а другой ближе к группе. Эти два предмета тут же мгновенно зашипели, и из них повалил плотный дым, охвативший некоторую часть площади, сделавший её не пригодной для прострела, сильно смутив обескураженных дымом беженцев.

– Вперёд! – Приказал Командор, когда дым плотно охватил часть площади.

Солдаты сразу же побежали в здание к полковнику, пригнувшись от одиночных выстрелов. Некоторые атакующие пытались попытать удачу, беспорядочно стреляя во мглу, но это не помогает и через полминуты все сорок пять солдат, не считая Командора, битком заполнили небольшое помещение, уйдя от пуль.

В помещении не прибрано, мусор валялся под ногами, жуткая трущобная вонь помоев буквально била в нос, разбитые стены, способные обрушиться в любой момент, сделанные из обожженной глины, оказались ненадёжным укрытием и одиночные пули проскакивали через эти стены как нож через масло, поэтому солдатам пришлось находиться в сидячем положении. Не считая свиста одиночных пуль и рокота орудий в помещении было тихо, только тяжелое дыха-

ние уставших солдат слышно. Посреди солдат есть человек в сером военном пальто с офицерскими золотыми полосками. Лицо военного оказывается суровым, отражало те битвы, через которые он прошёл.

– Сержант, доложите обстановку, – потребовал полковник.

– Господин полковник, все оставшиеся роты, или то, что от них осталось, направились к порту. В моей роте все офицеры погибли. Нас осталось тридцать пять человек. Церковное ополчение полностью уничтожено, – чётко доложил сержант.

– У нас дела хуже некуда. Когда я прошёл вперёд нас окружили со всех сторон. Моя рота попала под огонь гаубиц и миномётов, и пришлось укрыться здесь, прорываться не представлялось возможным. У окна той мечети находится тяжёлый пулемёт, по нашему зданию он не стреляет, но выйти нам не даёт. Играют с нами собаки, – гневно закончив, тут же с толикой фанатизма и подержания добавил. – Слава Канцлеру, и Богу вы пришли, от моей роты осталось меньше отделения. Но теперь мы сможем прорваться.

– Господин полковник, у меня к вам дело, – обратился Командор.

– Ох, Командор из полк–ордена, вы тут какими судьбами? – диву дался полковник, кинув взгляд неодобрения на Эстебана.

– Сейчас не время, господин полковник. У меня к вам де-

ло, касаемо судьбы Рейха.

Солдаты взволнованно, и даже несколько лихорадочно посмотрели на Командора.

– Всем проверить оружие и амуницию! Выступаем через минуту! – решил офицер перевести внимание солдат с их диалога.

– Ну, что у вас там, господин Командор.

Эстебан залез в карман и достал оттуда небольшую эпохальную флешку и протянул её полковнику.

Офицер на неё с удивлением посмотрел, вспоминая, что мог её увидеть на картинке в учебнике по истории.

– Я знаю, что вы знакомы с Военным Лордом Апеннинского Боевого Округа, а он частенько докладывает Канцлеру о состоянии войск в регионе. Так вот, я хочу, что б передали эту флешку ему, что б он дал её Канцлеру. Здесь судьба Рейха.

– Я не знаю, – с сомнением в голосе ответил полковник, думая, что тот поступок может противоречить законам империи. – Как-то это мутно... не богоугодное дело, понимаешь ли.

– Господин полковник, здесь судьба нашего Канцлера, – сухо и холодно продолжал давить Командор. – Не бойтесь, всю ответственность я беру на себя. Вам не один из рейтингов не понизят.

– Ладно, – нехотя, но всё же согласился офицер Армии Рейха. – Говорят, полк–орден никогда не ошибается. Наде-

ую ваши предположения не пустой звук. Это может мне стоить службы. – Беспокойно сказал полковник и взял флешку из рук Командора.

– Это стоит того, господин полковник. – Сказал Командор.

– Одно дело решили, теперь нам нужно думать, как прорываться, я не могу повести людей на бойню, на очередь тяжёлого пулемёта. – Тяжко закончил полковник.

– Когда дым развеется, я смогу убрать расчёт пулемёта из своей винтовки.

– Это хорошо. – Скривив губы в натужной улыбке, ответил офицер. – Очень хорошо!

– Как только я открою вам путь, бегите со всех ног к порту. – Командор прервался, посмотрел на часы и продолжил. – У нас осталось меньше трёх минут до ракетного удара. Если бежать со всех ног, то мы возможно успеем.

Вдруг статика зашипела на воротнике Командора, и он активировал устройство.

– Командор, как слышите, приём. – Раздался голос из устройства на воротнике.

– Слышу вас хорошо, брат–инженер.

– Командор, мы заняли оборону в порту, как вы и приказывали. От роты храмowników теперь осталось меньше половины. Все подразделения полка сумели вернуться, кроме двух, но не одна из них в полном составе. Большинство изранены, есть те, кто получил тяжёлые ранения. Наши медики



стараются им оказать помощь. На нас плотно напирают, противников, вступивших в контакт, уже не меньше двух тысяч. Эти крысы уютжат всё ближе и ближе, перемалывая своих людей в артобстреле. Ракетный удар был перенесён на десять минут. Его хотят нанести прямо перед авиа ударом. Рейх решил поднять в воздух все тактические бомбардировщики в этом районе. Вам нужно выбираться и немедленно!

– Вас понял, брат–инженер. Конец связи.

– Полковник, дым уже развеялся, они наступают! – крикнул один из солдат.

– Пора. – Уверенно и держа оружие на взводе, сказал Эстебан

Командор мигом переместился к окну и взглянул в прицел автоматической винтовки, выскивая тяжёлый пулемёт. И он его нашёл через мгновение. Ничем не прикрытый расчёт стоял у открытого окна, состоящий из двух человек. Командор прицелился, выдохнул и спустил курок. Стрекочущая очередь быстрой стрелой устремилась к первому пулемётчику, ещё один выстрел, ещё одна очередь, пробившая грудную клетку и ещё один убитый человек, что решил умереть за свои идеалы.

– Путь чист! – Крикнул Командор.

– Солдаты! За Канцлера и Рейх! Вперёд! – воззвал к прорыву полковник.

И все солдаты, что были стали покидать здание. На площади вновь появился свист беспорядочно летящих пуль.

Стены здания, вместе с постройками рядом стоящих строений, лихорадочно брызнули крошкой, Командор стал отстреливать наступающих беженцев, но и они не оставались в долгу, лихорадочно поливая солдат Рейха беспорядочным огнём. Те в свою очередь отвечали по мере возможности, но мешающиеся солдаты были хорошей мишенью и поэтому пули частенько находили свои цели, попадая, то в ногу, то в серый бронежилет. Однако убитых нет, ибо единственное преимущество, которое было за беженцами – внезапность, уже потеряно. Но если так продолжится дальше, то атакующие беженцы могли перестрелять солдат, просто начав дольше и лучше целиться.

Командор достал все гранаты, что у него были, и стал кидать их в сторону атакующих. Через секунды позиции беженцев брызнули грязью, кусками мусора, накрывая огнём всех, кто оказывался рядом. Солдаты Рейха воспользовались мало временным преимуществом и стали спешно отступать в сторону порта. Некоторые беженцы ещё продолжали наступление, но таких сорви голов, Командор быстро скашивал стрекочущими залпами. Через двадцать секунд на площади не осталось не одного из солдат Рейха, они в спешном порядке уже пробивались к порту, а трущобные крысы уже разбежались по своему сгнившему городу.

Эстебан посчитал свою миссию выполненной и стал тоже отступать к порту, как приказывало командование.

Вдруг в трущобную коробку, в которой укрывался Коман-

дор, забежал запыхавшийся чернокожий беженец. У него в руках был лишь ржавый тесак, старая винтовка висела за спиной. У несчастного был испуганный взгляд. Командор резко направил винтовку на него. Беженец в страхе закрылся и начал вставать на колени. Послышалось рыдание и мольбы, звучащие на непонятном языке. По щекам чернокожего беженца потекли слёзы.

Эстебан опустил винтовку, направив дуло к земле. Тот начал немного подниматься, но правила, директивы, прописанные железной волей ещё первого Канцлера, полк—ордена взывали к исполнению протоколов. Командор поднял винтовку и пустил последние патроны в магазине в живот несчастному парню. Грязные и бесцветные стены оросило алым цветом, а самого тела просто не стало от действия разрывных пуль.

Командор лишь механически отряхнулся, перекинул винтовку за спину и вышел из здания, направившись в сторону порта. Этот бой выветрил из него последние человеческие чувства, став подобием истинного характера воинов полк—ордена. Протоколы и правила были исполнены. Механически.

Глава аванпоста уже выбежал на широкую улицу как слышался свист миномётных снарядов, выпущенных из орудия. Рядом с ним прогремел взрыв, потом ещё один. Уши заложило невероятно плотным свистом вкупе с абсолютно потерянной координацией. Он стал поспешно искать укрытия,

как рядом взорвался ещё один снаряд, откинувший его в какую-то «коробку». И ещё один снаряд обвалил её, обрушив на голову командора обломки крыши этой коробки. Эстебан провалился во тьму.

Командор очнулся через пять минут. Он уже не в здании, под горой обломков, придавивших его. Он повис на руках под подмышками у двух крепких беженцев. Эстебан увидел развороченную в клочья броню на себе. Она сослужила хорошую службу, защитив Командора от кусков бетона и мусора, что могли распороть его грудь и сломать рёбра, не будь на нём этой брони, но теперь она бесполезна, став чёрным набором из ошмётков, что свисали подобно дряхлому тряпью.

Он с огромной силой оторвал голову от груди. По всему телу пробежала невероятная боль, сильнее всего отозвавшись в голове. Подняв взор, Командор увидел вооружённых людей в рванье и пистолет у своей головы, что продавливался в его висок. То место где он был было заполнено беженцами. Под ногами он увидел сорванную маску со шлемом. Эстебан почувствовал вкус крови на губах.

– Ну, что скажешь, что б мы тебя не убивали, – с жутким акцентом, надменно и с широкой улыбкой сказал беженец, что направил ему пистолет в лицо.

Эстебан, из последних сил стараясь не потерять сознание, негромко из последних сил и постанывая, ответил:

– Вам бы свалить отсюда.

– А то что? За тобой никто не придёт. – Будто издеваясь,

твердил мигрант. – Ты сейчас в нашей власти. Мы можем тебя и пощадить, если... ммм... как это у вас называется... нам будет хорошее вознаграждение. – С широкой улыбкой, явно вымогая для себя что-то говорил враг.

– Сейчас будет нанесён ракетный удар, – тяжело выговорил Командор. – Хотите жить. Уходите.

Улыбка на лице беженца сиюминутно пропала. Он, что-то крикнул своим на непонятном языке и те стали поспешно разбегаться, с ужасом в глазах.

– А ты я смотрю из вороньих призраков. Что ж, мы тебя не убьём, мы тебя обменяем. – Сказал беженец Эстебану.

Командора куда-то потащили, и он снова потерял сознание, окончательно провалившись в бессознательное состояние.

## Глава двадцать вторая.

# Конец бесконечной серости

Полдень следующего дня.

В Риме прекрасно. Воздух был прохладен и свеж, только серость как-то умоляла достоинство этого вечного города. В этом славном граде на семи холмах отлично сочетались разные элементы из различных эпох. В нём отлично сочетались и старые эпохальные дома и строения, стоявшие здесь со времён первой республики на этом древнем полуострове, и здания, что напоминали древних о временах, когда Папа Римский был здесь безоговорочным королём, властвовавшим над всей Европой, и новые дома Рейха, выполненные в неоготическом стиле. Так же здесь отлично гармонировали роскошные и богатые здания, типа шпиля Лорд-Магистрариуса, и унылые серые здания, построенные только для проживания и не для чего больше. И именно в этом городе отлично сочетались новые районы и развалины старого Рима.

Александр поднял голову вверх.

– Мда, погода нам не благоволит. Когда уже эта серость развеется, – возмущённо изрек парень.

– Не думаю, что это будет сегодня, – напомнил о себе Габриель.

– Главное, что б серость и убогость развеялась в нашем

обществе и нашей политике, – с улыбкой, пытаюсь хоть как-то улучшить настроение, сказал Алехандро.

– Да, это главное, – поддержал его Габриель.

– Ничего, нам в этом деле обещали помочь, но почему–то они задерживаются, – грузится Давиан.

Ребята стоят посреди старого заброшенного района, в котором нет миллионов камер, комиссаров, полицейских или иных вездесущих и многочисленных слуг режима. В этих районах отсутствовал неутомимый глаз Рейха, что так любил следить за каждым своим гражданином, в поисках отступника, так как он просто тут не нужен или же отважен отсюда по чьей-то тёмной воле. Под ногами вылепляется бетонная крошка и всякий мусор, что остался здесь с давнишних времён. Вокруг только стояли серые, разбитые и убогие здания, а среди них слегка порой подвывал ветер, которой был подобен голосу давно ушедшей эпохи, когда на этих землях существовала свобода и демократия, повествовавший о времени, когда на этих землях ещё не существовало тирании и безграничного деспотизма. А эти старые и разбитые здания стали подобны призраком той эпохи, став склепом духа свободы этих мест. Эти сооружения оказались воплощением гордых и несломленных призраков, что не хотели уходить вслед за той эпохой, что ушла на кладбище истории. Они, разбитые, убогие, обшарпанные, заброшенные, но гордо стоявшие и сломленные, как бы бросали вызов самому режиму и Канцлеру. Эти здания, самим своим существованием по-

пирали мощь Рейха. Они будто бросали свой дерзкий вызов бесчеловечному режиму, вызывая его на последний поединок, который им было суждено проиграть. Канцлер своим указом приказал сравнивать с землёй эти районы. Тотальное уничтожение «памятников»–призраков должно состояться в начале декабря.

Но что–то ещё напоминало о живости этого района. За многие годы, что стояли эти призраки на страже умершей эпохи, здесь продолжал теплиться маленький огонёк свободы, что грозил перерасти в огромный пожар. Именно этот маленький огонёк подтачивал политически – экономический монолит Рейха, подобно тому, как капля воды подтачивает могучий камень, потихоньку его разрушая. И сегодня сюда пришли те, кому суждено будет эту каплю превратить в огромную волну. Но сейчас эти люди просто стояли и ждали тех, кто должен к ним присоединиться в их славном деле разжигания пламени свободы. Но почему–то они опаздывали.

– Чёрт, почему так долго, сколько мы их должны ждать! – Яро возмутился Алехандро, неожиданно впад в злобу.

– Ничего, подождём, – кратко вымолвил Габриель.

– Надеюсь, они не сильно опоздают, – достаёт Давиан со временем.

Парни ещё около десяти минут стояли посреди этих развалин, разговаривая обо всём возможным: об учёбе, о будущем их движения, о возможном развитии Рейха. Они часто



и яро жаловались на тираничный режим, что установился в стране.

– Алехандро, как сходил в Комитет Морали? Тебе вернули твой рейтинг? – С интересом спросил Габриель.

– Ох, – Недовольно и чуть ли не злясь, выдохнул юноша. – Чувствую, мне моего бывшего рейтинга не видать.

– Что случилось?

– Я пришёл туда, и мне сказали, что сейчас из пяти установили три с половиной, а если я хочу его поднять, то мне придётся сходить в кабинет сто двадцать. Там мне дадут специальный бланк, который я буду обязан заполнить. Потом отнести его в следующий кабинет, где мне дадут один документ на месяц. И чтобы поднять свой духовный рейтинг на пол балла, то за месяц мне придётся получить пятьдесят подписей от церковного кудесника, двадцать три от фанатика из позорного культа Рейха и ещё несколько, уже не помню от кого.

Габриель почувствовал ярое недовольство в словах своего друга от этой, как ему казалось ненужной, процедуры.

– И что? – Въедливо, выпытывая конца рассказа, спросил Габриель.

– А то! – Выкрикнул Алехандро. – Я кинул это дело! Я не хочу иметь никаких дел с самыми ярыми приспешниками нашего государства, не говоря уже о службе им.

Габриель лишь слегка усмехнулся и продолжил с ним разговор ни о чём, затрагивая самые разные темы, в ожидании

сторонников. Но парни уже начали волноваться, как к ним в сердце руин старого района шли три человека. Они шли вместе, и создавалось впечатление, что в один ряд. Ребята шли, слегка переговариваясь, при этом активно жестикулируя руками, явно что-то обсуждая и через несколько минут шесть человек стояло посреди бывшего района. Настало время приветствий.

– Здравствуйте, я Мицелий, предводитель движения «Свободный Дух», рад вас приветствовать. – Добродушно сказал первый человек, одетый чёрную джинсовую куртку, бесцветные джинсы и белые кроссовки. Его лицо было добродушным, несколько округлым, со светлыми волосами и голубыми глазами. Губы с носом были довольно тонки. А телосложение не отражало полноты.

– Да, здравствуйте, меня вы знаете, а вам хочу представить моих друзей. Это Габриель. – Сказал Алехандро, указав на парня в монохромной лёгкой куртке, ботинках и серых штанах. Мицелий с ним сразу тепло поздоровался.

– А это Давиан, – сказал Алехандро, указав на парня в коричневой плотной кофте, тёмных штанах и мощных ботинках.

– Давиан одарил Мицелия крепким рукопожатием. Незнакомый юноша даже удивился подобной крепости в рукопожатии.

– Здравствуйте, забыл представиться, я Бертолдо, – выговорил человек в хороших брюках, чёрных туфлях, рубашке

и светлом пальто. Растрёпанные чёрные волосы и широкие серые глаза лишь подчёркивали общую свободу черт лица.

После того Бертольдо представился, парни с ним поздоровались, свершив рукопожатие.

– Ну и мой черёд пришёл. – Сухо, с частичкой грубости, сказал третий человек в чёрной толстовке, плотно прилегающих штанах, схожих с трико, в высоких берцах и с маской на лице.

Маска закрывала почти всё лицо, оставляя только открытыми карие, глубоко посаженные глаза и смольный волос, снисходивший до плеч. Подобный вид явно бы вызвал бессчётные вопросы у служителей министерств, комиссаров или «монахов» Культа Государства, но с другой стороны одежды этого юноши не противоречили постулатом о монохромности и невзрачности одежды.

– Я Ариан, глава движения «Свободный Милан», – сказал парень, одарив всех крепким и несколько недружественным рукопожатием, протянув напряжённую прямую руку.

Мицелий осмотрелся по сторонам, легко выдохнул и спросил у того, кто сегодня собрал всех:

– Пришло выяснить теперь главное, не так ли? Ну и зачем ты нас собрал, Алехандро, предводитель братства «Свободный Дух Милана», – с явным вызовом спросил парень.

– Предводитель? – Удивлённо и несколько со скрываемым возмущением спросил Давиан, сложив руки на груди.

– Хах, я ещё не предводитель, просто представляю наше

славное братство. – Немного усмехнувшись, сказал Алехандро.

– «Ещё»? – на этот раз, не скрывая своего возмущения и недовольства, спросил Давиан.

– Не придирайся к словам, нас ждут ещё очень важные дела, которые не требуют отлагательств, ты это понимаешь? – грозно, не сдерживая раздражения, но в то же время с важностью и самомнением в голосе, ответил вопросом Алехандро.

Оставшиеся смотрели на это несколько с недоумением. Они несколько не понимали, почему люди, причислявшие себя к одному братству, стоят и грызутся друг с другом, как две бабки на базаре, хотя подобное поведение на рынках было давно запрещено, как «угрожающее этике и культуре Рейха».

– Жалкое зрелище. . . . – Тихо, почти прошептав, с нескрываемым презрением сказал Ариан.

– Ладно, давайте непосредственно перейдём к делу, – с монотонностью тембра сказал Бертолко.

– Это было бы отлично. – Несколько улыбаясь, сказал Мицелий.

– Для начала я предлагаю уйти с открытого пространства. – Предложил Ариан. – Не хочу, чтобы на нас напали министерские крысы.

Все согласились с парнем и начали расхаживать по кладбищу ушедшей эпохи в поисках надёжного убежища, каким мог стать один из склепов.

Габриель шёл с ними в строю. Он помалу прислушивался к тому, что говорят предводители игрушечной демократии, но особой ценности их словам не предавал. Парень понимал, что их правила, их сообщества, их идеи – это мельчайшая пыль на теле режима. Стоит им выступить, пытаюсь хотя бы отнять дом в Милане у государства, как армия Рейха, залповым огнём пехоты или точечным авиа ударом просто сотрёт их в порошок, а Министерство Идеологической Чистоты просто вычистит это выступление даже в истории того квартала где оно произошло. После них ничего не останется, даже имена бунтовщиков, вычеркнут из всех источников и баз данных. За ними никто не стоит, их никто не поддерживает, а поэтому смысла выступать не было. Хотя в «список врагов империи» их имена будут внесены, а это значит, что их друзей, знакомых и родственников занесут в специальный список «возможных диссидентов» и установят усиленный контроль через каналы практически всех министерств.

В таком государстве как Рейх, о революции снизу нельзя было и думать. Сама её возможность была пресечена. Усиленный культ личности, доведённый до фанатизма, система рейтингов, абсолютная слежка за гражданами, неоспоримое доминирование Культа Государства и Империял Экклесиас и мощнейший контроль Император Магистратос над всеми сферами жизни не позволяли людям узнать о чём-то ином, нежели вера в Бога и Канцлера. Бесконечные казни и акции устрашения, смешанные с террором, доминирование в делах

правосудия министерства Идеологической Чистоты, скоротечность и идиалогизированность правосудия, мощная нерушимая армия и абсолютная власть Канцлера – всё это просто делало революция снизу невозможной. Ей просто не дадут зародиться, а если и появится шанс на революцию, то её сразу задушат залпами огня и сотнями показательных казней. Любым ответом на требования людей о свободе будут раскаты артиллерии и жестокая резня на улицах. Требования митингующих просто не услышат из-за грохота залпов орудий и стонов умирающих людей, их утопят в крови, а тем, кто был вне разных движений промоют мозги. Этим отлично занимаются министерство Пропаганды Новых Идеалов и Культ Государства.

«Но разве возможно заглушить народную волю только лишь вездесущей идеологией и оружием»? – подумал про себя Габриель, но тут же нашёл ответ на свой вопрос. Миллионы людей, сотни миллионов выступят за сохранение имперского строя, ибо в умах граждан Рейха до сих пор зиждется ужас Континентального Раздора – тотальная нищета, разруха и голод на пару с алчностью местных царьков. Разве что ничтожная часть из четырёхсот миллионов граждан способна подняться против Рейха, но их тут же заключают остальные, не желая каких-либо изменений, которые способны снова свергнуть Империю в лоно нового кризиса.

Но вдруг восклицания Алехандро вырвали Габриеля из мыслей на этом кладбище старой демократии.

– Смотрите! Вон годное здание! – указывая на одно из зданий, заголосил Алехандро.

Габриель кинул на него свой взгляд. Серое, унылое, разбитое и истерзанное временем, больше напоминавшее разрушенный старый склеп. Последнее напоминание о ранее здесь существовавшей Италии, а потом и Римском Престоле оно совсем не походило на место встречи глав самых крупных отдельных сообществ, свободного города Милана. Но им нужно было укрыться от ока режима и они это сделали.

Парни не заметили одного: это здание, вместе с рядом стоящими постройками, образовывало незамкнутый квадрат, с отсутствием одной стороны. А в середине этого двора стояло некое здание, отдалённо напоминавшее постройку, отражавшую величие былых эпох. Парни зашли в полуразрушенное здание и увидели, что раньше тут был, какой-то офис, где беспрестанно работали сотни бумажных клерков, а это его первый этаж, который был практически пуст. Только старый стол в углу у окна. Внутри оно оказалось ещё более жалким и убогим, нежели снаружи. Обшарпанные и потрескавшиеся стены, разбитый пол, который был весь в горах мусора, выбитые окна, сквозь которые спокойно гулял ветер.

Парни подошли к старому столу, а Ариан тем временем облокотился на подоконник и стал наблюдать за диалогом.

– Ну и зачем мы здесь, в этих разбитых бараках? – серьёзно спросил Мицелий, уже без улыбки на лице. – Мы будем

обсуждать дело освобождение Милана на осколках римского диктата?

– Я хочу с вами поговорить об очень важном деле, – яростно, уже на грани фанатизма сказал Алехандро. – Милан ждёт нас.

– Мы готовы выслушать твою речь, – спокойно предлагает высказаться Бертолко.

– Вы поймите. Нам нельзя продолжать борьбу в одиночку, так как наша родина не сможет освободиться без единого усердия, – ревностно и яро начал Алехандро. – Я вас здесь не просто так собрал, потому что наши права и свободы нуждаются в скорейшем освобождении. Вы все помните старую притчу про веник? Так вот, это наглядный пример для наших сообществ – в одиночку нас переломают, а вместе мы будем крепче и сильнее.

– Погоди, – вдруг ввязался Мицелий, перебив Алехандро. – Ты хочешь, что б мы объединились в одно движение?

– Да, – Утвердительно отчеканил Алехандро.

– Постой, но если мы будем действовать как единое, то мы с большей долей вероятности привлечём к себе внимание со стороны органов власти Рейха. Не так ли?

– Подожди, я хочу послушать, какие аргументы приведёт Алехандро, в поддержку свой точки зрения. – Немного осадив пыл Мицелия, сказал Бертолко.

– Спасибо. Во-первых, когда мы будем едины, то нам будет легче будет действовать на массы, в плане их убеждения,



в том, что они должны иметь фундаментальные права и свободы, чтобы утвердить либеральную мысль и отделиться от Рейха. Во-вторых, поодиночке мы не сможем так эффективно действовать, нежели если будем работать как единый организм. Поодиночке мы слабы, не скоординированность наших действий может привести к излишнему вниманию со стороны Трибунала Рейха. Мы едины своей идеей. Идеей освобождения нашего славного города Милана от жестокого и тираничного режима. – Сказал Алехандро, под конец, скатившись к популизму.

– Я в принципе понимаю твоё рвение создать единую организацию. Да, нам действительно необходимо единство, если мы хотим противостоять Канцлеру и отстоять собственный город. И действительно, если наши действия не будут скоординированы и согласованы, то они могут даже противодействовать друг другу, и это привлечёт для нас ненужное внимание. Да, единство необходимо, но я тебя спрошу об одной вещи – у тебя есть план или черновики того, как будут наши сообщества интегрироваться друг в друга? – Неожиданно спросил Бертолло.

Алехандро несколько опешил от такого вопроса, но всё же попытался выпутаться из неудобной для себя ситуации:

– У меня есть некоторые представления и идеи слияния наших сообществ в единое. Но я также хочу обсудить это с вашими людьми, узнать, как они относятся к этой идее, и главное – я хочу, что б вы, господа, предложили свои идеи

по этому вопросу, – ответил Алехандро.

– Не нужно передёргивать стрелку на нас. Я понял, что внятного, размеренного и точного плана по интеграции наших сообществ у тебя нет. Так ведь? – Въедливо спросил Бертолдо. Причём когда Бертолдо говорил, на лице Мицелия пробежала лёгкая улыбка.

– Я просто хочу, что б мы это вместе обсудили и вместе приняли решение, не в этом ли основная идея демократии? – Пытаясь сохранить лицо, буквально отбивался Алехандро. – А потом бы передали это на суд народный?

– Хм, то есть ты нас сюда привёл, в этот склеп, что б мы послушали твою эфемерную идею, приняли не понять какое решение, вкинули какую–то идею в наши сообщества и потом не понять где, вновь собрались, что б естественно дать положительный ответ? Это выглядит именно так, – заключил Бертолдо, вконец разбив идею Алехандро.

– Это жутко несерьёзно, – Театрально вторил Мицелий с еле проскользнувшей улыбкой на губах.

– Я... ну для свободы... – беспомощно начал мямлить парень. – Я тогда не знаю. – Бессильно бросил Алехандро.

Юноша стоял ошеломлённый от этой ситуации. И Габриель видел, как достоинство и идея Алехандро просто размазаны по полу склепа демократии. Парень стал ненужным свидетелем того, как во время своего выступления перед сообществом новый кумир просто купался в лучах новообретённой славы. Парень видел, как Алехандро упивался той

славой, этим новым авторитетом и почитанием. Хотя Габриель был в числе ликующих «братьев и сестёр», однако, своего самообладания он не терял. К фанатичным шествиям у него имеется иммунитет, выработанный годами. И сейчас Габриель наблюдал, что произошло, когда Алехандро встретился с такими же как он. Такими же властными, амбициозными, но в меру фанатичными, с устоявшейся системой взглядов. Эти люди командовали сообществами уже долгое время и оказались опытнее, на порядок умнее Алехандро и выше по подготовленности. С ними Алехандро не мог считаться, так как он для них оказался никем. И сейчас остатки своего авторитета перед ними похоронил, но была и иная причина того, что главная идея месяца была закопана под пол этого склепа. Габриель понял так же ещё одну вещь: все держались за собственную власть в сообществах, и их объединение в одно попросту заставляло поделиться властными полномочиями с другими. Никто не хотел ей делиться или уступать, ибо ею эти двое так упились, что не хотели терять и капли.

Предложить неподготовленную идею на их суд властолюбцев оказалось не лучшей мыслью, но так же Габриель видел как этой картиной упивается Давиан, как в его глазах появился нездоровый блеск. В нём снова загорела жажда управления сообществом, он понял, что если начнёт действовать, то сможет вырвать у Алехандро узды управления. Ведь это был его шанс и сейчас он сможет воплотить собственные идеи. Красное знамя взывало в нём, трубя в мед-

ный рог. Габриель увидел, как Давиан начал мяться, а через несколько секунд встал возле Алехандро.

– А почему бы, нам не интегрировать наши сообщества на основе конфедератизма и коалиционности? – еле дрожа голосом, предложил Давиан.

Алехандро немного удивился от того, что заговорил тот, кто несколько минут назад стоял молча. Но это удивление было несколько неприятным, нежели обычным.

– Тебе есть, что предложить? – заинтересованно спросил Бертольдо.

– Есть. – Гордо ответил Давиан.

– Ну, тогда мы готовы выслушать тебя. – Еле скрывая коварство в словах, сказал Мицелий.

– Я предлагаю не объединяться в одно сообщество, так как это может вызвать эффект массовости и привлечь ненужное внимание. Я предлагаю всем остаться при своих управляющих и структурах, но в то же время создать некоторую коалицию. Я предлагаю создать коалиционный совет, который и будет заниматься координацией наших действий. Так же этот совет послужит отличным мотиватором и фактором скрепления наших сообществ, но не их объединение в одну кучу. И в то же время коалиционный совет будет отличной площадкой для обсуждения новых идей. Я предлагаю, что три представителя от каждого сообщества, один глава и два доверенных лиц, будет вполне достаточно.

На лице одного из представителей оппозиции проскольз-

нула улыбка:

– Хм, а это хорошая идея. Я думаю, что это самый оптимальный вариант для наших сообществ. Так мы получим, и единство, и останемся не слишком заметны, – поддержал Бертолдо.

– Да, это хорошая идея, – радостно подсобил идею Мицеллий.

Габриель в это время метнул взгляд на Алехандро. Он пережил заключение, смерть отца, восприняв это как должное, но смерть собственной идеи в нём отозвалась болезненным эхом. Да и саму эту надежду добил тот, кого Алехандро уже считал бездейственным, нейтрализованным. Это был двойной удар для Алехандро. Он стоял ошеломлённый.

Но вдруг в разговор решил ввязаться Ариан. И он стал говорить то, что не хотел говорить Габриель.

– Коалиции, конфедерации, советы, обсуждения... Боже, это похоже на детскую игру. – С презрением и яростью в голосе бросил Ариан.

Сильное удивление проникло в души всех присутствующих, от яростного и неожиданного выступления ещё одного оппозиционера.

– Что ты хочешь сказать? – смущённо востребовал Мицеллий.

– Разве вы сами не понимаете? Разве вы сами не видите? Все наши обсуждения, идеи, мысли и сообщества это пустой звук для режима. Для Рейха наша деятельность как жужжа-

ние мухи для слона. Все наши обсуждения и объедения это обычный прах. Наша жалкая деятельность ни к чему не приведёт. Да, возможно нас со временем отыщут и решат казнить для назидания другим, но не более того. Разве наша деятельность наносит, какой либо вред Рейху? Разве наша деятельность сделала Милан хоть на йоту свободной? Ответ один – нет. Но мы так и продолжаем играть в свободу!

В голосе Ариана читалась жестокость и жажда мстить. Габриель сразу понял, кем он является – экстремист, но ещё больше его поразило факт экстремизма в самом Рейхе, в непосредственной близости к логову режима. И эти экстремисты, забыв про жалость, сострадание, милосердие и инстинкт самосохранения готовы были действовать против тоталитарной системы Империи.

– И что же ты нам готов предложить? – вновь въедливо спросил Бертольдо.

– Мстить. – Вторя мыслям Габриеля, с пламенем в глазах и сжатыми кулаками сказал Ариан.

– Что, прости? – Сказал Мицелий.

– Мстить. Мстить за тех, кто погиб, отстаивая нашу свободу. Мстить за тех, кого изничтожил кровавый режим. Мы должны отвечать терроризмом на террор. Мы бороться за собственную свободу. Мы должны всё сделать, что б Рейх понял, насколько дорого обойдётся ему Милан. Мы обязаны заставить дрожать от страха верных крыс Канцлера в этом регионе. Мы должны действовать и, причём максимально ра-

дикально, иначе наши идеалы ничего не стоят.

После речей Ариана в зале повисла тишина. Все стояли в некотором оцепенении, смотря на Ариана, как на сумасшедшего. Он был подобен безумцу, что одержим маниакальной идеей. В его голосе чувствовался фанатизм, а в глазах горел неистовый пламень и никто не подозревал такого бунтарства в душе парня. Даже Бертолко и Мицелий за столь долгое время не увидели этого огня в Ариане.

– А как ты хочешь действовать? – прервав тишину, спросил Бертолко.

Ариан повернул в его сторону свою голову.

– Ха! Место для битвы с режимом всегда найдётся. В нашем братстве уже подготовлен план диверсий по всему Милану. У нас просто не достаточно людей, для его исполнения.

– А ты и на смерть готов пустить своих людей? – С вызовом спросил Мицелий.

– В этой войне без праведных жертв нельзя. Они готовы умереть. Мы готовы пролить кровь за собственную свободу. – Холодно ответил Ариан.

– Ты псих! Ты сумасшедший! Так же нельзя! – Взревел Мицелий.

– Ха! Скажите мне, когда свобода обходилась без кровопролития!? Нам нужно с остервенением сражаться за собственную свободу и независимость! Мы должны за кровь отвечать ещё большим кровопролитием и террором! – На несколько секунд остановился Ариан, немного успокаиваясь

и обдумывая следующие слова. Успокоившись он продолжил размеренным и спокойным голосом. – С меня хватит. Я надеялся здесь увидеть достойных людей, способных продолжить войну за независимость наших славных предков. Я надеялся здесь встретить людей, что готовых сражаться за свободу и независимость. Я надеялся, ... но увидел здесь трусливых политиканов, что неспособны даже голову поднять из рабского стойла. У меня всё.

Все оцепенели, с ужасом поглядывая на Ариана разными взглядами. Бертольдо был полон презрения к нему, Алехандро был готов рассмеяться над его речами, Давиану всё равно, а Мицелий был готов растерзать его.

Габриель погрузился в собственные размышления. «А отвоевав свою независимость, смогут ли они её удержать? Не скатятся ли они к собственной диктатуре, особенно с такими людьми как Ариан? Чем будет их новое государство? И что вообще они смыслят в построении демократии?» «Да и что Ариан мыслит в деле борьбы, кроме зова романтики юношества и революции» Габриель решил, озвучит собственные мысли, но только касательно незатейливого бунтаря:

– Ариан, – начал Габриель, обратив на себя внимание Алехандро и Давиана, которые на него посмотрели с удивлением, ведь он никогда ранее не осмеливался озвучивать собственные идеи на собраниях сообществах. – Вот отвоевал ты независимость. А ты сможешь её удержать? Ты думаешь, что Канцлер так легко сдаст город? Ты думаешь, что армия ре-



жима так мала? Ты не думаешь, что Канцлер просто в Милане увеличит террор, а если не поможет, то он сбросит бомбы и отстроит город заново? Я понимаю, что мы пришли в Рим не через парадный вход и находимся не в центре города, но, если ты прогуляешься в его месту величия Империи, может тебе показать всю силу Рейха? Не спеши воевать с этой военной машиной, которая стирала в пыль целые страны, не то, что города. Или ты историю не учил?

Ариан не потерял фанатичную спесь, но огня в нём побавилось. В его глазах стал потухать огонь ревности к своим мыслям, рождённый бесконечной убеждённостию в собственных идеях и силах.

– Я... я... не думаю, что обычное сиденье, обсуждение и игра в политику к чему-то приведут. Ой, не думаю, что своими бесконечными сходками, на которых вы просто болтаете, к чему-либо приведут. Нам нужны действия, а не пустые слова. И я пытаюсь вам об этом сказать. Мне с вами не по пути... у нас разные взгляды на мир... – Слабо сказал Ариан, – слишком разные...

– Ариан, ты сам понимаешь, что вас утопят в крови. Месть может пока подождать. Нам нужна продуманность и чёткий план, иначе все мы окажемся у расстрельной стены, а наш город станет тюрьмой, без надежды на гордое и свободное будущее. – Поддержал Габриеля Бертолдо.

Ариан, тяжело выдохнув, оставил своё место у стола. Он медленно подошёл к окну, выходившее во внутренний двор.

И стал его разглядывать.

– Ну ладно, давайте подытожим, а то нам завтра на учёбу, – выдохнул Алехандро.

– Хорошо. Мы говорили...

– В часовне кто-то есть, – прервав Мицелия, резко и взволновался Ариан.

– Что? – спросил Давиан, с ноткой волнения в голосе.

– В часовне кто-то есть.

Все резко замолчали, и повисла плотная тишина, разрезаемая лишь тяжёлым дыханием ребят.

– Кроме нас тут кто-то есть. Я думаю нужно наведаться туда. – Сказал Ариан, развеяв густую тишину.

– Не думаю, что это хорошая идея, – утращённо сказал Давиан.

– Я не думаю, что в этих руинах будут собираться прихвостни режима. Так или иначе, мы можем найти себе союзников здесь.

– Я думаю нужно уйти, – серьёзно взволновался Давиан.

– Трус. – Легко и непринуждённо бросил Ариан. – Вы как хотите, а я посмотрю, что это за люди.

Ариан легко выпрыгнул в окно. За ним последовали остальные, под ворчания Давиана.

Последним выпрыгнул Габриель. Он приземлился на заполненный бетонной крошкой потрескавшийся серый асфальт. Перед ними стояла невысокая разбитая и старая часовня.

Парни подкрались к её входу и стали, чуть ли не шёпотом обсуждать, что делать.

– Ну, заходить будите? – с лёгкой улыбкой на лице сказал Алехандро.

– Ну, я пошёл. – Сказал Ариан.

– Это плохая идея, – всё сопротивлялся Давиан.

Ариан, а за ним и Габриель с Алехандро, за которым потянулись и остальные, зашли в часовню. Увиденное их поразило до глубины души.

В часовне была крайне скудная обстановка. Не было в ней какой либо изысканности, лишь убогость и унылость. Разбитые стены, покрывшиеся трещинами, ссыпавшаяся мозаика, выбитые места под иконы, отвалившаяся краска со штукатуркой, хаотично расставленные всюду свечи, поломанный пол, который был засыпан каменной крошкой – всё это создавало ауру мрачности и мистичности на это место. Но, то, что больше всего шокировало парней, заключалось не в интерьере.

Посредине часовни стоял деревянный стол, на котором лежала карта Европы с непонятными отметками. А вокруг этого стола стояло семь фигур в чёрных одеждах. Балахоны не закрывали торс полностью, а посему через них просвечивались тёмно-фиолетовые наряды Империял Экклесиас и униформа офицеров армии Рейха. А посреди, и напротив входа, этих семи фигур стоял, скрестив руки на груди, человек высокого роста с крайне нарядной одеждой, свойствен-

ной только для высокопоставленных слуг имперского правительства.

Как только парни прошли в часовни, но них, почти синхронно, повернули голову шесть человек. В часовне наступила тишина, и повисло сильное напряжение, способное перерасти в самое худшее. Полминуты они глядели друг на друга, готовясь к самому худшему.

– Кто вы? Что вам нужно? – Грозно спросил один из офицеров грозным тоном, ласково поглаживая кобуру.

– Мы бы хотели вас спросить о том же самом, – парирует Ариан.

– Щенок, не заигрывайся, а то этот район станет твоим склепом. – Со злобой сказал офицер, плотно взявшись за кобуру.

Габриель уже приготовился к худшему, он мысленно стал прощаться с жизнью, представляя свою будущую статью в имперском некрологе, и как их затем помянут согруппники.

– Тише, мой милый друг, мы не должны пугать сюда пришедших людей, ибо они наверняка ищут просветления. – Сказал один из членов Империял Экклесиас, разрядив обстановку, пузо которого так выпирает, а под капюшоном показывались пухлые губы говорившего.

– Мы коалиция Миланского сопротивления! – Ревностно явил миру бунтарей Ариан, надеясь, что собравшиеся здесь тоже принадлежат к оппозиции.

– Сопротивления? – Вопросил высокий человек, стояв-

ший посредине.

Рядом стоящий священник потянулся к уху своего предводителя и стал шептать еле уловимые слова:

– Не все верны в этой области нечестивому режиму Канцлера. Некоторые люди хотят скинуть ярмо тирании, рабства и деспотичной власти.

– Я узнал вас по голосу, – обратился Бертолдо, указывая на человека посредине. – Вы – Лорд–Магистрариус... так кто же вы? – Уже с отчаянным требованием спросил юноша.

– Правильно, мальчик. Я Лорд–Магистрариус нашего Рейха, – после недолгой паузы сказал глава Имперор Магистратос и тут же с ревностью Ариана и Алехандро, рассудительностью Бертолдо и Мицелия продолжил. – Но вы спрашивали кто мы? Так я отвечу. Мы сопротивление в верхах, желающее изменений и преобразований в нашем государстве. Мы не жаждем видеть, как каждый месяц казнят сотни людей, а арестованных, по идеологическим мотивам, отправляют на верную смерть. Мы больше не хотим видеть наше государство, охваченное пламенем репрессий. Мы не желаем видеть, как каждый год наша земля пропитывается кровью тех людей, что всего лишь захотели высказать собственное мнение. Нам надоел маразматик Канцлер у власти, который способен управлять только железным кулаком. На революцию снизу пропала всякая надежда, и мы стали сопротивлением сверху, но я ошибся. – Вдруг неожиданно и сокрушённо кинул Лорд. – Сегодня я увидел, что ещё остались

люди, способные на революцию и борьбу за свободу и справедливость. Вы станете вершителями новой революции. Если вы хотите свободный Милан, то вы его получите! – Пламенно закончил Главный Лорд.

Габриель заметил в голосе Лорд–Магистрариуса некую театральную наигранность, как будто он сейчас на спектакле стоял и разыгрывал сценку на утреннике. Парню показалась, что Лорд с ними просто играет красивыми словами.

– Ну, коалиция Миланского сопротивления, ваше дело более чем праведное. Не каждый согласится поднять голову, а тем более встать на борьбу с тиранией и деспотизмом. В эпоху тотального террора и вездесущего контроля вы сумели подняться на борьбу. Это достойно! – промолвил глава имперской бюрократии, и немного призадумавшись, затем внезапно воскликнул. – Слушайте! Я хочу, чтобы мы завтра встретились в администрации Милана и обсудили дальнейшее развитие вашего движения. Отказ не принимается.

Парни стояли в полном одеревенении. Они ожидали здесь увидеть сектантов, ну или одиночное сопротивление в городе, но не как не самих служителей режима, что решили его свергнуть и вернуть народу свободу. Эти ощущения нельзя описать, парней буквально разрывали чувства страха и рвения, удивления и готовности бороться за собственные идеи.

Эта встреча более чем ободрила. Она поселила в сердцах надежду на лучшее будущее. Что их город станет по настоящему свободным и гордым, а народ в нём из рабов, придав-

ленных железной пятой режима, превратиться в господ своей земли. Свобода – теперь она казалась вполне реальной, ведь получив такую поддержку, они смогут отстоять собственный город, сделав его снова великим и независимым.

– А теперь попрошу вас удалиться. Вы, к лучшему естественно, прервали наш тайный совет, на котором обсуждаются вещи не для посторонних ушей.

– Хорошо... Выходим парни, – В приказном тоне воскликнул Ариан и все тут же последовали его словам.

Габриель вышел на крыльцо. На улице заметно посветлело, дул лёгкий ветерок, слегка бивший в лицо, а лёгкая прохлада ласково касалась кожи. На улице было просто превосходно. Тут рядом с ним встал Алехандро.

– Наступают славные времена. – С широкой улыбкой сказал Алехандро.

– Это точно, всё меняется. – Вторил Габриель, подняв голову кверху.

Там он увидел, как облака разорвались, наконец–то, представляя глазу отрадное явление – небесную лазурь и солнце. Надежда вспыхнула с новой силой, обогревая своей теплотой промёрзшие от усталости, навеянной безысходностью и чугунным давлением режимом, души.

– Вот он, конец бесконечной серости, – Проговорил Алехандро, с нескрываемым ликованием и радостью в словах, забыв про провал своей идеи.

## Глава двадцать третья. Не верящий Канцлер

В это время в «Канцлер Цидалис».

Яркое и столь долгожданное солнце во всю силу сияет на небосводе, даря свой свет истосковавшимися по нему людям. Рассеянные облака открыли для Рима столь желанный и нужный для души граждан солнечный диск, светивший во всю силу, неся своё тепло и счастье. Солнце щедро поливало своим светом дворец Канцлера, купая его в массивах яркого светового массива. Его острые шпили тонули в тоннах солнечного света, а сотни витражных окон переливались самыми различными цветами.

Дворец был построен ещё при первом канцлере в районе, носившем раньше название «Ватикан». Сейчас, этот район, перестроенный и предназначенный только для храма святого Петра [7] и Дворца Канцлера, став воплощением победы над старыми эпохами и ознаменовав нерушимое время великого правления и союза власти светской и духовной. Огромный, гротескный, величественный он выражал всю мощь Рейха, воплощённый в простоте и моще. Построенный из азбучного камня в неоготическом стиле он стал воплощением силы Канцлера, его неоспоримой власти, давящей и наблюдающей своим заботливым взором за каждым гражданином Рейха.



Дворец был выполнен в форме квадратной крепости, за стенами которой тут же вырастала огромная дворцовая башня, устремлявшаяся высоко в небо.

Канцлер Цидалис стал центром всего огромного государства, от которого и зависела жизнь необъятной Империи и именно к этому месту больше двух десятилетий совершались паломничества сотен тысяч людей во время праздников Культа Государства и Империял Экклесиас. Во времена огромных фестивалей и празднеств у стен зажигалось миллионы свечей, и вся земля буквально пропитывалась воском. Многие радовались, а некоторые и плакали от радости побывать в этом месте. Настолько была любовь народа к своему правителю, поддерживаемая церковью, Культот Государства, министерством Идеологической Чистоты и министерством Светлого Образа, занимающиеся тем, что контролировало, чтобы государственных служащих «представляли только в приятном для разума и души виде народу, дабы предотвратить всякую мысль о бунтарстве и повстанчестве и убедить их, что они живут в идеальном мире». Но весь гротеск и величие дворца средиземноморского императора неожиданно контрастировал и просто не укладывался с видами кабинета самого правителя.

Место работы Канцлера не является свободным, просторным или широким, как невообразимо дорогие палаты Лорд-Магистрариуса. Этот кабинет был практичен и прост, создан именно для работы, а не для того, что б им хвастались и ба-

хвалились перед такими же людьми с толикой гордыни.

В практичном кабинете аккуратно ютились: небольшое рабочее место, представленное столом из дешевого дерева и стареньким компьютером, что тягостно кряхтел под тяжестью своих лет, маленький шкафчик для одежды с потёртыми и рассыпающимися стенками, старое, местами порванное, кожаное кресло и на стенке где-то висело исцарапанное, но каждый день тщательно протираемое зеркало. В помещении было единственное витражное окно, через которое и попадал свет, не считая старой ламповой люстры. На кресле сидит человек, работая над немногочисленными бумагами и ещё большим объёмом документов, что хранились в памяти старого компьютера. На нём были белая во многих местах с заплатками и зашитая рубашка, тканевые потёртые во многих местах штаны и лёгкие туфли. Мужчина довольно сильно скрючился, старательно кропя над бумагами, временами закидывая мешающиеся длинные светлые волосы за спину и так же прерываясь к компьютеру. Хоть на лице человека читалось сосредоточение и усидчивость, но работа не шла так быстро как он хотел. Весь лоб покрылся влагой от пота. Вдруг раздался стук в дверь, прервавший работу.

– Проходите! – пригласил хозяин кабинета.

Дверь без скрипа открылась, и зашёл человек в военной офицерской форме армии Рейха: длинная серая шинель, штаны из грубой ткани, сапоги до колен, а так же на груди бренчит серебряная цепь – символ статус, что выдаёт звание

мужчины – Военный Лорд или на официальном языке Рейха – «Милитарис Оккули».

Вообще Военные Лорды были ответственны за состояние войск во вверенном им Боевом округе, который соответствовал провинции. В первую очередь Милитарис Оккули были ответственны за административное управление войсками, их ресурсным обеспечением, состоянием и бюрократическими нюансами. Эти волевые командиры военной администрации были связующим звеном между Император Магистратос, а именно командованием, засевающим в министерстве Обороны и министерстве Нападения, и Армией Рейха, ведя бесконечные переговоры и координацию с остальными составляющими правительственного механизма.

– Вы что-то хотели, Военный Лорд? – непринуждённо спросил сидящий человек.

– Господин Канцлер, у меня для вас есть посылка.

– От кого? – заинтересовался правитель.

– От полковника Юлия, что недавно был на операции в Африке.

– Ну что там? – чуть улыбнулся Канцлер.

Милитарис Оккули своим механическим протезом-рукой вынул из кармана флешку, с символом полк-ордена – геральдическим одноглавым орлом. Улыбка на лице Канцлера спала, сменившись на лёгкое недовольство, но символ полк-ордена приманивал внимание канцлера не столь сильно как механическая рука Военного Лорда. Механический протез,

сделанный из медицинской стали, обвитый множественными проводами и подключённый к небольшому генератору на плече, который был скрыт под одеждой.

– Как рука, не барахлит? – с толикой заботы спросил Канцлер.

– Всё в порядке, господин Канцлер. Эта рука – награда за верность Рейху, – гордо ответил Военный Лорд.

– Да, при войне с Иллирийской Тиранией вы доказали собственную храбрость и верность идеалам Рейха. – Неожиданно сухо констатировал правитель и тут же задал ещё один вопрос. – А почему вы не сделаете себе протез, реально схожий с рукой человека, а не этот анахронизм варварской ночи?

– Это напоминание, кому и как я обязан служить. И вечная память и почитание той войны, на которой я потерял её. – Всматриваясь на поднятую механическую руку, твердил военный администратор, но тут же спросил. – Господин Канцлер, так вы возьмёте флеш–карту?

– Ладно, давай, я посмотрю, что там, – не скрывая лёгкого недовольства, сказал Канцлер и протянул руку и взял флешку со стальной механической ладони.

Как только живая плоть правителя Рейха коснулась холодной и мёртвой сталью Милитарис Оккули, то в его душе сразу вспыхнула человеческая печаль. Он понимал, сколько человек отдал за свою страну, на той проклятой войне, в тот день храбрый офицер потерял не только руку, но и шанс

на семью и друзей, ибо после установки протеза он попал под надзор Министерства Военных Инвалидов и Министерства Биозаменяющих Технологий. Когда руку ему заменила холодная сталь, он, по сути, стал собственностью этих министерств, так как первое признало его вечно приговорённым к почётной военной службе, по прошению второго министерства, которое изучало работу на человеке новых технологий. Но это была только одна из сторон деятельности Министерства Биозаменяющих Технологий. Ещё одной, как было сказано в кодексе Имперор Магистратос «благородной целью», являлось наблюдение за тем: «чтобы человек не впал в лень и похоть, которую даёт эта богопротивная вещь. Человек, осквернённый механизмом, обязан троекратно молиться Богу нашему и воздавать похвалу Канцлеру и Рейху, дабы он не забыл, что служит морали и людям, а не железу и самому себе. И этим должна поддерживаться духовность в народе сем, и это есть идеал».

Невообразимое уныние поселилось в душе правителя империи из-за тех идеалов, которые нужны были для поддержания жизни общества и его морального сохранения от духовного разложения. Он, когда задумывался о подобных ситуациях, всегда вспоминал слова первого Канцлера: «Даже самая безжалостная идея, которая обеспечить жизнь стране должна быть немедленно приведена в жизнь, ибо только этими идеями можно заложить фундамент великого государства, пусть и покоящегося на костях недовольного мень-

шинства. Это и есть совершенство управления». Но обстановка и незаконченная работа вывели правителя Рейха из воспоминаний заставив вернуться к реальности.

– Вы свободны, можете идти, – Стараясь как можно бесстрастней, сказал Канцлер.

– Да, господин, – Покорно и с силой в голосе ответил Оккули Милитарис.

После чего Лорд быстро вышел из кабинета Канцлера.

Канцлер стал смотреть на флеш–карту и думать, что на ней может быть? Он не понимал, зачем он вдруг понадобился полк–ордену. Зачем они его дёргают лишний раз, если они и сами понимают, что им к нему лучше не лезть. Если они обратились к нему, то на флеш–карте наверняка очень важная информация. Он стал вертеть в руках тонкий чёрный предмет.

– Посмотреть стоит, – слегка, тихим шепотом произнёс Канцлер, вставляя флеш–карту в USB порт своего компьютера.

Тут же, не отрываясь от компьютера, он решил просмотреть содержимое флешки. Перед ним открылись систематизированные данные и списки о переписках Лорд–Магистрариусом с иберийскими сепаратистами. Канцлер увидел, как глава всей бюрократии систематически срывал наступления армии Рейха, то задерживая провиант, то срывая поставки оборудования или вооружения. Он увидел все переписки с сепаратистами и те обещания, которые направо и налево раз-

давал Главный Лорд. Помимо переписок и контактов с иберийскими сепаратистами там были ещё и животрепещущие сведения о поддержке всех мятежников и еретиков на территории всего огромного и необъятного Рейха.

Ошеломлённый и потрясённый до глубины души Канцлер просто не может поверить увиденному. Эта информация вдавила в горе сердце правителя великой империи. Слова, что повествовали о том, что его, можно сказать единственный друг, предал его, просто повергла в шок, растерзывая сердце бедного Канцлера.

– Нет. Не может этого быть Он не мог предать меня. Это ложь, – С печалью, еле выговаривая, из-за кома, подошедшего к горлу, никому, в пустоту выговаривал Канцлер.

Но Канцлер и не обратил внимания на то, что комнате нет собеседника, он как, ни в чём не бывало, продолжил разговор с самим собой.

– Лорд–Магистрариус не посмеет предать Рейх, ведь он мой союзник. Ведь он мне нашёптывал, что б я убрал предателей и отступников из Буле... да, пускай, его некомпетентность и большое влечение к роскоши порой может помещать работе и идеалам Рейха, но он выполняет свою работу и, причём выполняет её хорошо. Он ведь мой друг, – с детской наивностью твердит правитель. – Он помогал мне в моих начинаниях... он мне союзник, ведь его наставления мне помогли поднять голову и посмотреть в лицо тем жалким червям, что звали себя лордами... нет, он мне не враг. – Утвер-

дительно, но дрожащим голосом смело выговорил Канцлер, однако информация на флешке посеяла в нём подозрения, облачённые в вуаль паранойи. – Но эти отчёты... Они многое объясняют... и срывы, и бюрократические проволочки, и задержку поставок вооружения, и, то почему проклятый отступник угадывал почти все наши действия...

Канцлер окончательно оторвался от работы над проектом перенаправлением большинства денежно–финансовых потоков в разрушенную Восточную Иберию из более благополучных Территорий. Он стал томным шёпотом размышлять над сложившейся ситуацией, разговаривая сам с собой.

Глава Рейха пребывал в тяжёлом и жгучем для души противостоянии с самим собой. С одной стороны он свято верил, что Лорд–Магистрариус не мог его предать, по всем показаниям он является идеальным служащим Рейха, который соответствовал всем идеалам государства, даже, несмотря на его опасную для любого другого жителя Рейха тягу к роскоши. Он поддерживал всю бюрократию и административную работу в полном порядке, обеспечивая её нерушимость, монолитность и жизнь. Именно он был в рядах тех, кто поддержал его в борьбе против ужравшихся олигархов и помог свергнуть ему эту олигархию. Именно Лорд–Магистрариус рассказал Канцлеру о предателях–оппозиционерах в Буле, даже применяя термин из иных, давно канувших во мрак времён: «Пятая Колонна». Но с другой стороны... эти отчёты, предоставленные полк–орденом многое бы доказывали.



Сие списки и доклады объясняли множественные проколы административного характера в местах войны с отступниками, не присущие остальных территорий. В переписках, которые были на флешке, властелин бюрократии обещал сепаратистам: «создать неблагоприятную атмосферу в армии, что подорвёт боевой дух и деморализует солдат». В переписке Лорд–Магистрариус много чего обязывается, что за гранью главных идей и постулатов Рейха – и лишить солдат Рейха возможности воевать, и клался в вечном союзе, и обещал помочь в построении нового конфедеративного государства.

Канцлер просто не мог поверить отчётам. Эти доклады настолько парализовали его разум и ранили сердце, что все мысли зациклились на этой информации, а глаза сильно заслезались. Да и с другой стороны глава Имперор Магистратос начал выполнять приказы правителя Рейха по разрешению ситуации с вооружением и провиантом на Иберии, а значит, он был заинтересован в победе. – Так думал Канцлер.

– Если Лорд–Магистрариус выполняет мои распоряжения, то, как он может быть предателем? – шёпотом, сделал такой простой, достойный простоты маленького ребёнка, вывод и Канцлер и тут же продолжил. – Но зачем тогда они прислали эти лживые и оскверняющие честь друга Рейха отчёты? Если только... Конечно! – вдруг неожиданно для пустого кабинета воскликнул Канцлер. – Они просто хотят посеять вражду между руководителями, что б отвлечь от себя внимание и не отвечать за свои деяния. Они просто хотят

посеять вражду между руководством Рейха, а сами выйдут чистыми... Хм, интересно, а на кого следующий их доклад будет? На Великого Отца? На моих Трибунов? На генералов? Ха, жалкие создания... – Так же шёпотом, но уже более возмущённо говорил себе Канцлер.

Он нашел, как ему показалось верный ответ на все возникшие вопросы. Теперь во всём виноват полк–орден, который, как думал Канцлер, стремился посеять раздор между всеми звеньями власти для получения своей лишь им известной выгоды.

– Но все, же некоторые вещи нужно проверить. – Загадочно сказал правитель Рейха.

Канцлер взял старый потёртый и испытанный временами телефон, лежащий рядом с компьютером, набрал на нём номер и приложил к уху.

– Тринадцатый Верховный Агент?

– Да, мой господин, – послышался голос преисполненный покорностью.

– Я хочу тебя видеть в своём кабинете через пятнадцать минут.

– Так точно, мой господин, буду через одиннадцать.

Канцлер убрал телефон и стал ждать того, кому сейчас звонил, продолжая терзаться сомнениями.

И как по расписанию, через десять минут после звонка, когда Канцлер всё ещё пребывал в состоянии раздумий, послышался стук в дверь.

– Входите. – Сказал Канцлер, и на пару мгновений ушёл в мысли о тех, кого именуют «Око Императора».

В кабинет вошёл невысокий, черноволосый, короткостриженный, худого телосложения человек, одетый довольно просто: какая-то чёрная, немного мешковатая ветровка, тёмные трикотажные штаны и коричневые кроссовки в стиле минувшей эпохи. Хотя человек и был одет несколько по молодёжному, как одевались подростки и юноши много лет назад до великого кризиса, но он занимал один из самых важных постов о могущественной организации, о которой достоверно знал лишь Канцлер, а одежда была всего лишь маскировкой, умело скрывавшей его истинную личину. Это человек был из личного Департамента Шпионов, который предан только лично правителю Империи. Второе название Департамента было более символично и открывало его истинную сущность – «Око Императора» Его создал ещё первый Канцлер, для тотальной слежки и надзора за своими подчинёнными. Но после смерти первого императора некоторое время эта служба была практически забыта и абсолютно бездействовала. Но когда второй Канцлер начал возвращаться в здравомыслящее состояние, то, как своим наследием, он ею заинтересовался и расширил её функционал. Теперь этот Департамент стал символом полного деспотизма и тоталитаризма. Как гласил кодекс «Ока императора»: «Никто не смеет и пусть не думает укрыться от всевидящего взора правителя. Ибо только под полным присмотром и контролем наше-

го великого отца, ставшего наместником Бога на земле, может быть установлено справедливое и нерушимое правление, позволившее народу прибывать в полнейшем благоденствии и процветании. Пусть это око смотрит вечно, приглядывая за своими детьми».

Агенты этого Департамента могли быть посланы в любую организацию или предприятие Рейха под видом любого служащего для одной единственной цели – следить. Они неустанно следили и доблестно добывали всю информацию, что попадёт им в руки, лично для Канцлера. Они могли собрать информацию на любого жителя Рейха или на любую организацию независимо от её размеров и влияния. Агент мог замаскироваться под кого угодно, лишь бы ему приказали. Ваш сосед, новый уборщик, новый работник, дворник, друг по попойке жена влиятельного предпринимателя – кто угодно мог оказаться на службе у Департамента. Никто не мог уйти от их взора.

Их организация была достаточно проста, позволив обойти все бюрократические препоны, избегая того массива задач, который проходил слуга Имперор Магистратос для того, чтобы предстать перед своим начальством. На самом низу находились «Гражданские агенты», следившие за обычными гражданами или за чинами всех Департаментов Власти низших ступеней. Выше них были «агенты структуры», неустанно следившие за средними и высшими чинами во всех Департаментах Власти: от Империял Экклесиас до Корпора-

тивной Палаты. Так же они являлись ответственными за работу «гражданских агентов», держа под строгим и неусыпным контролем их деятельность. В каждом городе или селе был свой специальный штаб этой службы, где и собирались все добытые сведения перед отправкой своему высшему начальству. Выше них были только – «Совет тринадцати», ответственный за работу всей шпионской сети и за сбором всей информации и предоставлению их тому, кому они беззаветно служили. Выше них был только сам Канцлер. Но эти агенты действовали только в поле вверенной им юрисдикции и присвоенных им полномочий, которые перед операцией определял сам канцлер.

Эти люди были настолько отлично натренированы, что без труда могли втереться в доверие любому параноику или без особых усилий проникнуть на любой объект. Их умения позволяли без труда добывать любые сведения, как бы хорошо они не были засекречены. Они без труда могли узнать число блох на каждой собаке в Риме или проникнуть в потаённые тонкости работы Император Магистратос. Конкуренцию в скрытности и умениях им мог составить только полк-орден со своими Теневиками. Но даже об их существовании никто и не подозревал, ибо раскрытие такой структуры вызвал бы волну недоверия граждан друг другу. Никто, конечно, не пошёл жаловаться на этот Департамент, ибо сразу был бы арестован за «срыв деятельности работы органов государства», но и доверие ко всем своим соседям и даже друзьям

было бы подорвано, что естественно помешает сбору нужной информации.

В Рейхе, конечно, витали на уровне мифов и легенд слухи про «неустанно око Империи, постоянно следящие за каждым твоим шагом», но их никто не воспринимал всерьёз, а если где, то усиливаются разговоры об этих «мифах» и количество слухов перерастает в угрожающую ересь, то те, кто занимался рассказами, по необъяснимым причинам замолкали. На работе начальству рассказчиков, как обычно, приходил приказ, что их подчинённые «переводились» на новые предприятия или на иные места работы. Только предприятия и места работы эти находились в Великой Пустоши.

Агенты Департамента слились с таким понятием как тотальная слежка или тоталитаризм. Они уже стали неотделимы друг от друга, как понятия мрак и ночь, свет и день, слёзы и горе.

И вся шпионская сеть, раскинутая по территории необъятного Рейха, абсолютно вне полномочий и компетенции Министерства Внутренней Разведки, которое занималось шпионажем уже на Император Магистратос, позволяя выявлять предателей и отступников в самой административной структуре Рейха и за её пределами. И в отличие от Департамента, это Министерство вело свою работу, не скрываясь, наоборот, показывая, что практически за каждым следит око Рейха.

Весь тотальный шпионаж, и неусыпный надзор над гражд-

данами Рейха спокойно оправдывался. Как было написано в «Размышлениях о государстве», написанных первым канцлером: «Только под полным надзором Рейха и его бессменного императора никакое преступление не уйдёт безнаказанным. Только когда над каждой живой душой установится полнейший контроль, вплоть до того, что мы сможем отслеживать мысли людей, то только тогда установится полный порядок, достойный государства, провозглашающие себя идеальным. Да, мы должны контролировать мысли людей, вырезая самые опасные и еретические вместе с самими отступниками».

– Тринадцатый Верховный Агент по вашему приказанию прибыл, – сказал вошедший человек.

– Славно, славно, – С коварной улыбкой на лице твердит Канцлер и продолжил. – Мне понадобится помощь в двух важных делах. Я надеюсь, ваши агенты справятся с ними.

– Всенепременно, мой господин.

– Ваше первое задание заключается в следующем: необходимо будет проникнуть в структуры нашего Имперор Магистратос, а также личные подразделения Лорд-Магистрариуса и выяснить, насколько лояльно ко мне настроена бюрократия и её бессменный глава.

– Это с лёгкостью, – бровадно ответил человек. – А что со вторым заданием, господин?

– Второе задание будет более экзотичное и более тяжёлое, но вас я попрошу его выполнить в первую очередь. Вам

необходимо будет проникнуть в сообщество полк–ордена и выяснить их лояльность по отношению ко мне. Так же я вас попрошу узнать, откуда они получают всю информацию. А я пока на эту тему хочу переговорить с их Консулом.

Агент опешил от такой просьбы и решил возразить своему правителю, невзирая на весь возможный риск.

– Я прошу прощения, мой господин, но вы понимаете, что невозможно проникнуть в полк–орден. У них крайне закрытая и тайная система набора людей, – сокрушённо проговорил Агент.

– Тринадцатый Верховный Агент, вы утверждаете, что ваша служба не способна выполнить данное ей задание и не способна выполнять отведённые ей поручения. Так зачем в ней надобность, если она не способна выполнять свою работу, – внезапно сделавшись серьёзным, Канцлер упрекнул агента с нотками угрозы в голосе.

– Нет, мой господин, не утверждаю.

– Тогда выполните это задание, чего бы вам это не стоило.

– Так точно.

– Вы свободны, идите и выполняйте задание.

Верховный агент, с лёгким, но сдерживаемым, недовольством вышел из скромного кабинета. Канцлер остался в одиночестве.

В кабинете вновь тихо, план по восстановлению восточной Иберии был практически готов, его нужно было всего лишь немного доработать, а завтра зачитать перед Буле, вы-



слушать предложения и утвердить в единоличном решении.

Канцлер опрокинулся на кожаную спинку кресла. Послышался характерный звук кожаного скрипа. Мужчина закрыл глаза и позволил себе немного отдохнуть, дав себе провалиться в не самые приятные воспоминания, но, как он думал, оправдывающие Лорд–Магистрариуса.

Это был холодный и воистину ужасный день и правитель помнит его очень хорошо, но в то же время в душе полыхает желание забыть эту гнусь. Его тогда вывезли из лечебницы для психически больных людей, под дождём его пронесли, к какой–то машине и запихали туда. Потом тьма. Следующий отрывок которые есть в памяти – как его вытащили из этой машины два жлоба в военной форме. Шёл ледяной дождь, дул порывистый и, если можно так выразиться, жестокий ветер. Он оказался на какой–то очень богатой и роскошно устроенной вилле. Его выволокли из машины и потащили в эту виллу. Одежда на нём висела подобно тряпкам и была очень неудобной, а дождь такой сильный, что каждая капля отдавалась болью, но он не обращал на них внимания. Вкус к жизни почти потерян. Правителя занесли в эту виллу и бросили в первое попавшееся кресло, словно швырнули жалкого щенка. Он помнил, как сжался в этом кресле, подобно тому, как котёнок сжимается от страха, свои ноги он поджал к себе и пытался как можно глубже усесться в кресло, а под великоватой одеждой пытался спрятаться.

Будущий Канцлер не видел окружающего интерьера, он

уоставился только в одну точку – несостоявшийся правитель смотрел только на впереди стоящий столик со стеклянной крышкой и хрустальной пепельницей, заполненной дорогим пеплом от сигар. Через несколько секунд к нему подошёл один человек. Он был низкого роста, лысоватый и крупного телосложения. На нём был дорогой костюм, сделанный из шёлка малинового цвета, а пиджак отделан бархатными элементами. Тяжёлое дыхание этого человека отчётливо отдавалось по всей комнате, кряхтя и подминая пузо, склонился и нагло, заговорил.

– Ну, народный благодетель, как ты после дурки? Говорить ещё можешь? – С нескрываемым презрением, не жалея Канцлера, в голосе сказал мужчина.

– К–к–кто в–в–вы? – тяжело, еле выговаривая слова, лепечет Канцлер.

– Ну, я смотрю, ты хоть говорить не разучился, гнида.

Неожиданно раздались тяжёлые шаги по комнате, и в неё вошёл ещё один человек.

– Помягче с ним, мы ж не хотим, что б он здесь концы откинул, – с ярким сарказмом и довольной улыбкой молвил человек, который только что вошёл.

Этот человек был одет и выглядел как–то по знакомому для канцлера. Высокого роста, крепкого телосложения, длинное бежевое пальто и грубые бесцветные брюки.

– Ротмайр, ты всегда слишком мягок, – улыбнувшись, и поучительно упрекнул человек в малиновом пиджаке. – По-

нимаешь, нужно быть наглым, чтобы в жизни урвать свой кусок, а если появляется шанс урвать ещё и чужой ломоть счастья или его вообще оторвать другого вместе с тем, что есть, то этим шансом непременно нужно воспользоваться

– О, да это твоё жизненное кредо. Слышал бы тебя сейчас Верховный Отец или Великий Патриарший.

После этих слов они оба громко рассмеялись, явно презирая постулаты Культа Государства и Империял Экклесиас, понимая, что они в недостижимости для них. Но после непродолжительного смеха Ротмайр вернулся к насущным делам:

– Ладно, давай вернёмся к делам насущным. Ты же понимаешь, что он сейчас к вразумительному диалогу не готов. Его нужно приводить ещё в порядок.

– И что же мы тогда будем делать?

– Его нужно некоторое время где-то у кого-то держать.

– Но у кого?

– Однозначно не у нас. Это будет рискованно.

В зале повисла тишина. Два лорда грозно и презрительно взирали на Канцлера, который всё сильнее пытался вмяться в это кресло и скрыться от взгляда истинных владык Рейха. Страх, ужас и боль сильнейшей потери просто сковали душу и разум бедного человека. Он потерял свой смысл жизни, не мог теперь представить жизнь без неё. Мир неожиданно выкрасился в серый цвет, потеряв всю яркость красок. Необычайное уныние и печаль чёрной чумой поразили душу бедного человека, утопив её в океане беспросветного отчаяния

и тяжелейшей апатии, а шок и ужас от произошедшей катастрофы были настолько сильны, что чуть не раскололи перенапряжённый рассудок. После того, как он потерял ту, которую любил больше своей жизни канцлер канул во мрак и холод.

Вдруг слышались шаги, издаваемые дорогими каблучками от мужских туфель и шарканье дорогим пальто. Позади лордов показался высокий и черноволосый и бледнокожий человек в длинном фиолетовом пальто.

– Можно у меня, – уверенно предложил вошедший.

Канцлер, преодолевая всю усталость и дикий животный страх, сумел поднять голову на говорившего человека.

– Пойдем, отойдём. – Сказал говорившему человеку Ротмайр и канцлер не увидел прямо в лицо того, кто сделал предложение.

Они быстро отошли в сторону. Канцлер за ними старался наблюдать, но странная пелена весела на глазах. Он видел, как неясные силуэты в тумане о чём-то импульсивно говорят. Канцлер видел, как низкий человек возмущённо отошёл в сторону и нервно закурил сигарету. Канцлер сквозь пелену увидел, как человек в бежевом пальто импульсивно размахивал руками, а в конце диалога ткнул на него пальцем и сказал, крича человеку: «Да я плевал на это! Делай что хочешь, но приведи его здоровым и вразумлённым! Сроку тебе неделя! Всё, пошёл вон!» И после недолгой перепалки неожиданный спаситель подошёл к Канцлеру.

– Не бойся, я... – Имя утонуло в воспоминаниях, остался лишь ласковый голос. – Я отведу тебя в новый дом. – Ласково и несколько томно сказал человек.

Он ласково положил ему свою руку на костлявое плечо и помог подняться под руку. Человек подал Канцлеру свою руку, что б тот сумел на неё опереться и пойти. «Пошли, у меня машина здесь рядом» – сказал высокий мужчина и тогда Канцлер сделал свои первые шаги за день. Он подобно ребёнку стал заново учиться ходить. Ноги совсем отказывались делать какие-либо движения, да и штаны, которые были на несколько размеров больше и не давали сделать нормальный шаг. Но Канцлер всё, же пошёл. Он сделал тогда свой первый шаг навстречу новой судьбе.

Будущий полноправный правитель вспомнил, как тот спаситель буквально выхаживал его каждый день, не сам конечно, а нанятые им врачи и обслуживающий персонал. Но он сам часто навещал его. И в то же время тот добрый человек разделял желание Канцлера отомстить верховным лордам. Если врачи поддерживали его физическое состояние, то неожиданный благодетель оказывал моральную поддержку, неделями натаскивая на месть. Он его познакомил с узкой группой военных, которые разделили праведное стремление правителя Рейха уничтожить лордов. Канцлер тогда почувствовал невероятную поддержку, будто у него выросли крылья за спиной. И через семь дней он был готов к встрече с олигархатом Рейха. Он принял их условия, но уже тогда вы-

хаживал план мести, но прежде всего он помнил помощь, ему оказанную, и даже не думал её забывать.

Когда Лорд–Магистрариус своими усилиями и благородным рвением буквально спас канцлера от алчущих амбиций и пастей развращённых лордов империи, тогда ему доверился правитель. Но когда, же сам глава имперской бюрократии собственноручно сдавал на суд Канцлера буквально тысячи отступников, то только тогда правитель увидел в нём друга. Как не прискорбно бы это звучало, но у Канцлера не было настоящих друзей. Были коллеги, покорные последователи, любящий народ и верные знакомые, но истинных друзей нет. Он никому не доверял, а смерть жены настолько сильно терзала ум, рассудок и душу Канцлера, что с ним было просто опасно находиться. И порой в гневе от этой потери под горячее сердце, и расколотый ум могли попасться десятки людей, ставшие жертвой паранойи правитель, но Лорд–Магистрариус не боялся этих вспышек безумия. Он всегда находился рядом, что бы ни произошло и постоянно был готов самую безумную историю или мысль своего Канцлера. Если и кем был этот человек для Канцлера, то только другом, как и считал сам правитель.

– Невиновен, – сделал конечный вывод Канцлер, вновь обратившись к пустому кабинету, вспомнив те дни, когда Лорд–Магистрариус подставил ему своё плечо, вытянув будущего правителя из пучины безумия и мрака, если не самой смерти.

## Глава двадцать четвёртая.

### Тараканье королевство

На следующее утро.

На улице невероятно жарко, будто всюду палили из обогревателей или сразу зажглось полтора небесных светил. Солнце стояло в зените, раскаляя воздух до такой степени, что им было невозможно дышать. Ветра не было вообще, ни малейшего лёгкого его дуновения, несмотря на то, что рядом было пускай и во всех возможных отходах, но всё-таки море.

Командор тяжело, сквозь кряхтения, боль и стоны, проснулся. Его нелёгкое пробуждение сопровождалось характерным и тяжёлым стоном, вкуче с пронзающей всё тело изматывающей болью. Практически всё тело, от пальцев ног до мышц груди жутко болело, буквально изнывая от дикой, в некоторых местах тела пульсирующей боли. Но сильнее всего давления, покалывания и сама тяжёлая боль раздавалась в боку. Эта жуткие режущие ощущения адским пламенем терзали весь правый бок, сковывая буквально каждое движение. Командор, попытавшись повернуться на правый бок, дико вскрикнул и инстинктивно метнулся на левый, отчего боль ещё сильнее начала пульсировать по всему телу.

С тела парня обильно, можно сказать, градом стекал пот, впитываясь в желтоватые бинты старого типа и попадая во

все возможные ранения на теле Эстебана, отчего весь кожный покров буквально горел от боли. Всё тело Командора было в глубоких, вплоть до костей, ранениях и рассечениях плоти до маленьких ран и царапин, буквально усеявших половину тела мужчины. И все эти ранения подобно адскому оркестру резонировали с болью в мышцах и костях, доставляя ещё больше неприятных ощущений. Эти старые, эпохальные, ещё марлевые, бинты перематывали части рук, левую и часть правой ноги и весь торс, придерживая крепкую, гипсообразную повязку на правом боку.

Эстебан попытался открыть глаза, но почему-то это было сложно, очи будто слиплись под непонятной густой клейкой массой. Но, всё же, приложив больше мучительных усилий, он смог открыть зеницы, но ничего не увидел. Густая пелена стояла перед глазами, а в сами глазные яблоки стал сочиться гной, доставляя ещё болезненные ощущения, чуть ли не прожигая глаза.

Вдруг на непонятном ему языке прозвучали какие-то слова, пересилив стенания Командора. Следующие, что он почувствовал, это как ваткой, смоченной каким-то непонятным и сильно пахнущим раствором, ему протирают глаза. И через несколько мгновений его зрение прояснилось. Он смог оглядеться, хотя глаза будто горели, что мешало даже моргнуть.

Командор увидел, что лежит на старой раскладушке, со уже полностью пожелтевшим бельём. Его обтягивают старые



бинты и всё тело изранено мелкими и глубокими ссадинами и порезами. Он увидел, что лежит в маленьком и убогом помещении. Эта была небольшая деревянная комнатка. Стены были представлены старыми досками, с бесконечными щелинами между друг другом, через которые и лился яркий свет. Крыша была сделана из дырявого старого эпохального шифера, который то и дело мог посыпаться или развалиться от своей ветхости.

Перед ним на стуле сидела старая женщина с седыми длинными волосами, по виду негретянка. Она была одета в старые на половину выцветшие лохмотья, буквально тысячей тряпок окутавшие её. В её руках была та самая ватка, смоченная раствором.

Как только парень открыл глаза и стал что-то несвязно мямлить, женщина положила ватку на стол, который стоял возле раскладушки, взяла посох, рядом лежащий, встала и тяжело поковыляла к выходу.

Оказалось, что Командор лежит на втором этаже кого-то строения. Как только женщина спустилась, он услышал, как на первом этаже идёт разговор на непонятном ему языке. Но через несколько мгновений разговор спал и послышался громкий топот по лестнице.

С первого этажа поднялся высокий негр. Он был одет старый военный жилет, шорты и сандалии. По его телу сбегали ручейки пота, а тело блестело, подобно тому, как блестит яблоко, натёртое воском. Черты его лица были острыми, но

в, то, же время не теряли грубости и суровости. Глаз не было видно из-за солнцезащитных очков. Негр подошёл к Командору, сложил руки на груди и с ужасным акцентом заговорил:

– Очухался, гад, – м некоторой толикой призрения, но со странной улыбкой сказал мужчина.

Командор был ошеломлён, что находится здесь, спасённый, а не убитый. Любопытство было настолько сильно, что пересилило боль и слабость Командора:

– Почему ты меня не убил, тебе ж было бы проще? – тяжело, кряхтя, выдавил из себя Командор.

На лице чернокожего мужчины появилась широкая улыбка.

– Я тебе уже говорил. Как это говорится, по-вашему, у нас с вашими вождями сделка. Вот. У ваших гадов в плену есть наши люди, и мы хотим их вытащить.

Командор вспомнил его. Это тот человек направлял ему пистолет в лицо и пытался допрашивать.

– Ну и как вы это сделаете? – тяжело задал свой вопрос Командор.

– Мы уже связались с твоими лидерами, они придут в течение часа, вороний призрак.

– А, как ты связался с ними? – резко, сквозь боль в груди, спросил Эстебан.

– Мы нашли не разбитую рацию, в твоей... м-м-м... броне. Включили её. А дальше всё как обычно. На той стороне связались со своими вождями и начали э-э-э, как вы гово-

рите... переговоры.

– Подожди... – Начал, но не успел договорить Командор, как негр его резко прервал, сморщив лицо в гримасе нетерпения, яро выпалив:

– А–а–а замолчи! Мне некогда отвечать на твои вопросы. Мне нужно командовать отрядом. На все твои вопросы ответит наш проповедник. Он лучше понимает, по–вашему, чем я.

После этих резких слов он развернулся и вышел, что–то громко и звонко рявкнув на первом этаже.

Эстебан остался лежать в одиночестве. Он пытался прийти в себя и вспомнить основные моменты, но ничего не приходит в голову. Последнее, что зиждилось в его памяти, это как его тащили к какой–то машине, а потом тьма. И следующее в памяти это болезненное и жуткое пробуждение, будто он проснулся в аду. Командор пытался подсчитать, сколько он в бессознательном состоянии пролежал в этом месте. Но ничего не мог вспомнить или понять, ибо мысли просто вязли в сознании. Командор не понимал, где он сейчас находится, что происходит вокруг. Он знал лишь, то, что он является предметом банального торга.

Вдруг со стороны лестницы послышались более лёгкие шаги. Парень насторожился, он не знал, кто к нему поднимается. Через несколько секунд на втором этаже стоял странного вида человек.

Он был среднего роста, того же, что был и Командор.

Смуглая кожа, глубокие карие глаза, чёрные брови, короткая, но густая борода. Это был араб. Он был облачён в белую, немного запятнанную тунику, подвязанную обычной старой верёвкой. Через плечо весела самодельная коричневая мешковатая сумка. В его руках была палка, навершие которой было представлено проволокой, загнутой в форме полумесяца. Этот человек подошёл к постели Командора. Подойдя, он без акцента в голосе заговорил:

– Здравствуй, вороний призрак, я Малик.

Командор сквозь пронзающую и жуткую боль смог немного подняться и занять сидячее положение. Его грудь пронзила адская боль, но он смог её подавить, хотя лицо слегка исказилось в гримасе боли. Поднявшись, он, кряхтя от боли спросил:

– Малик... кхм... Почему вы меня называете...кхм... «Вороний призрак?»

– Потому что вы, ну ваше воинство цветом своей брони похоже на воронов, предвестников гибели и в то же время вы скрытны и неуловимы, подобно призракам из древних легенд.

– Ну, если я у вас... кхм... то значит не так уж мы и не неуловимы, – с лёгкой улыбкой, натянутой сквозь боль, выговорил Командор.

Малик в ответ улыбнулся и произнёс:

– Нам твои лидеры сказали, что ты не воин.

– Это так, – тяжело вымолвил Командор и приложил руку

к своему больному боку.

Малик грустно посмотрел на это. Он потянулся к своей тканевой выцветшей бежевой сумке и открыв её, он вынул оттуда маленькую пластиковую бутылку. Судя по множественным царапинам на бутылке ей было уже много лет. В сосуде плавает обычная, немного мутная вода. Затем он из сумки вынул две белых таблетки и протянув таблетки и бутылку воды Командору, он мягко и заботливо изрек:

– Вот выпей, это тебе поможет.

– Что это? Снотворное? Цианид?

– Обычное, но довольно эффективное обезболивающее.

– Откуда оно у вас? – С особой дотошностью спросил Эстебан. – Я после него жив останусь?

– Неважно, главное, что оно есть и что оно тебе сейчас нужно. А насчёт здоровья не беспокойся... наш командир хочет получить выкуп за тебя, а значит нужно беречь твой зад, как «Сердце Африки».

Командор не стал спорить с Маликом. Боль, которая адским огнём разливалась по телу, было невозможно терпеть. Он взял таблетки лихорадочно трясущимися ладонями, закинул их в горло и запил мутной жидкостью, после чего отдал бутылку обратно. Вода пробежала облегчающим потоком по глотке, даруя хоть какое-то освежение и облегчённость, несмотря на то, что боль всё ещё полыхала по всему организму.

– Что со мной произошло? – Уже более твёрдо спросил

Эстебан.

Малик положил руки на пояс и отошёл в сторону окна без стёкол с деревянной рамой, которое в этой маленькой комнатке находилось по правую сторону от раскладушки.

– Когда тебя принесли сюда, ты был сильно изранен. Наши лекари, осмотрев тебя, сказали, что тебя перелом одного правого ребра и ушиб нескольких. У тебя было несколько вывихов и трещин, а так же потянуто и надорвано несколько мышц. Так же ты был весь в ссадинах и царапинах. Твоя броня была полностью разбита, хотя благодаря ней ты и выжил, когда на тебя сложилась постройка. Ну, мы стали тебя лечить, только у нас с гипсом и чистыми бинтами сильный дефицит, поэтому мы сделали тебе жесткую повязку, об остальном позаботятся твои лидеры. Так же, когда ты лежал, мы через некоторое время заметили у тебя на глазах подгнивания. Наша знахарка сказала, что это конъюнктивит, похоже, бетонная пыль и крошка попали тебе в глаза, когда тебя вытащили из здания. И она решилась тебя лечить. Ты кстати её видел, это она сообщила о твоём пробуждении.

– Подожди, как ты узнал, что меня вытаскивали? – уже более легко спросил Эстебан.

– Об этом рассказывал наш командующий клановым корпусом «Серебряный песок», точнее тем, что от него осталось. Ты видел этого командующего. Он тебя сюда привёз и он с тобой сначала говорил.

– Этот тот злобный мужик?

– Хм, он тебя вообще сначала убить хотел, – бесстрастно ответил Малик.

– За что? – с недоумением спросил Командор.

– Так он планировал налёт на Сицилию. Собирал людей и технику, что б быстро пересечь море, что б вы не заподозрили, что у нас появилась техника, мы её держали разобранной в трущобах. А вы уничтожили почти весь корпус и уничтожили всю технику, тем самым разрушив его мечту.

– А что за техника? – не скрывая любопытства, спросил Эстебан.

– Это было совершенство нашего конструирования, – немного восхищённо начал Малик. – Это были штурмовые боевые скоростные катера. Командующий достал их одного производственного района, что работает на западный синдикат. – Бесстрастно, но с дрожью в голосе сказал Малик.

– Не думаю, что ваши катера прорвались бы к Сицилии. Автоматическая система охраны периметра запустила бы протокол уничтожения нарушителей, и на ваши катера обрушился бы град ракет. – Бесстрастно и холодно пояснил Командор.

– Ну, тогда бы его мечта рассыпалась у Сицилии, а сейчас командующий считает тебя главным виновником крушения его, не свершившегося похода. – Легко сказал Малик.

Обезболивающее неимоверное быстро начало действовать. Тело постепенно становилось будто немного онемевшим. Похоже, это были сильные таблетки, быстро притупив-

шие боль по всему телу. Боль понемногу отступала. Стало легче шевелить руками и ногами, даже грудь не обжигало при дыхании. И на этой радости Эстебан сказал, отходя от старой темы и желая проветриться, своему новому собеседнику:

– Ох, мне полегче, нужно немного пройтись.

– Ну, тогда пойдём, – улыбнувшись согласием, ответил на предложение малик. – К сожалению, из всей твоей одежды уцелели только ботинки. Остальное мы положили тебе под раскладушку.

Командор попытался встать. Тело с непривычки сильно неповиновалось, да и боль всё ещё отдалённая, но сильно притупившаяся, сковывала движения. Он всё же сумел встать, на занозистый деревянный пол из сухой и горячей древесины.

Только вот стоял он не твёрдо, постоянно пошатывался и старался придерживаться за раскладушку, чуть ли не падая. Ноги были слабыми, в них отдалённо чувствовалась боль, а стойка не твёрдой, отчего каждое мгновение Командор чуть не рушился на пол.

Эстебан, взявшись за раскладушку, смог выволочь из–под неё скомканную в непонятную твердоватую кучу одежду. Он тяжело, сквозь кряхтения и сопровождающую слабость поднялся и развернул этот комок. В грубые, домотканые и зашитые везде где только можно бесцветные штаны были завернуты его берцы и простенькая белая майка. Он стал оде-



ваться, но и это даётся ему довольно тяжело. Мышцы сковывало от заостенелости после долгого сна, отчего все движения были нескоординированными, как у пьяного. Так же и боль, которая до сих пор, отдалённо, но всё же пульсировала то и дело передёргивала движение.

Что бы надеть на себя штаны, зашнуровать берцы и натянуть желтоватую белую майку Командору понадобилось чуть более десяти минут.

– Ну, я оделся, пошли, – закончив, сказал Эстебан.

– Пойдём, – вкрадчиво ответил Малик.

Малик и Командор спустились на первый этаж. Пола не было вообще, лишь сразу горячая земля, тепло которой чувствовалось даже через ботинки. Вокруг были только деревянные дырявые стены, никого убранства. Вместо дверей у стены, по правую сторону от Командора, был вырван кусок стены.

– Пойдём на улицу. – Сказал Малик, указав пальцем на этот проход.

Когда Командор вышел на улицу, то его сразу обдала волна невероятной жары, такой концентрированной, что его покачнуло, а в больные глаза ударил такой яркий свет, что Эстебан на мгновение ослеп.

Вне помещения воздух был настолько раскалён, что голову немного вскружило от жары. А от яркого солнца с непривычки заболели глаза. От этой волны теплоты и света он даже не сразу увидел, где находится.

– Ох, вот это жара. – Импульсивно сказал Эстебан.

– Понимаю, тебе тут было бы непривычно.

Командор сумел справиться с этой жарой. Он поднял голову и посмотрел на улицу. То, что он увидел, его несколько поразило.

Эстебан снова увидел трущобы, но взгляд на них уже был другой. Не военного человека, а обыденного человека без винтовки наперевес. Он увидел, как их видят каждый день обычные жители. Его уже не удивляли разбитые покосившиеся одноэтажные домики, сделанные из обычного мусора и хаотично расставленные. Парня не удивило, что люди спокойно прозябают в нищете. Его удивил уровень нищеты и то, что люди это спокойно терпят. Помимо жары его на улице обдало ещё и жутким смрадом и помойной вонью, что безраздельно царили на улице. Он увидел, как люди спокойно вдыхают этот смрадный воздух, как будто им всю жизнь дышали. «Вот чёрт, да так же оно и есть, они им всю жизнь дышат, но как?» – внезапно задал вопрос себе Командор. Он неожиданности он поморщил носом и приложил руку к лицу, пытаясь хоть как то закрыться от зловредного запаха.

– А–а–а... этот запах. Я надеюсь, ты к нему привыкнешь, иначе тебе здесь тяжело придётся.

– Есть место, где не так сильно... пахнет? – спросил Командор, мягко выделив интонацией последнее слово.

– Пахнет? – Будто издеваясь, спросил Малик, после чего сразу импульсивно ответил. – Да здесь воняет. – И более

спокойно, поняв, неприспособленность Командора продолжил. – Ну не знаю где пахнет не так как везде. Хотя... мы можем пойти в храм, он как раз возле побережья, да и я там жгу благовония, которые мне привозят с юга.

– Пошли. – С тошнотворностью в голосе выдавил из себя Командор.

Эстебан и Малик пошли в тот самый храм. Их путь не был столь долог, но, то, что увидел Командор на этом пути, его сильно удивило. Он повидал, в какой жуткой нищете живут люди. Эстебан увидел по пути как девушка–арабка мыла в грязной и мутной воде свою одежду. Когда она её вынула из старого треснутого пластикового таза, то оказалось, что одежда была вся дырявая и рваная, только местами виднелись заплатки. Он заметил как старый дед, вместо того, что бы надеть нормальную майку, просто обмотался каким–то старым, грязным и дырявым куском ткани и подвязался ленточкой. Так же он увидел, как мужчина просто вместо обуви примотал грязным и негодным скотчем себе к ногам два куска резины от автомобильной шины.

– Почему люди здесь не могут носить нормальную одежду, а носят кокой–то мусор? – поинтересовался Командор. – Это же жуть какая-то.

– Всё, что ты тут видишь и есть одежда. Женщины стараются одеть много тряпья, что б скрыть дыры и сильно не застывать тело, потому что нижнего белья у них нет или если оно есть, но только у самых богатых. А мужчинам в этом

плане скрывать нечего. Да и если ты хочешь увидеть нормальную одежду, то нужно ехать в центры синдикатов, ибо на отшибах континентальной цивилизации, подобный этому ты ничего хорошего не увидит.

Командор всё время раздраженно обращал внимание на бесконечное жужжание мух и действительно, над трущобами, в помойках, над людьми парили тучи мелких тварей и других, не самых приятных насекомых. И этот рой, будто нечестивый помойный ореол, окружал это поселение, став символом полнейшей нищеты.

Пока они шли, он увидел множество детей, бегающих по трущобам и беззаветно играющих посреди нечистот. Причём дети были разных национальностей, характерных для северной Африки, но объединяло их одно – нищета и убогость. Они спокойно и весело гуляли со своими сверстниками посреди мусора и отходов. Дети беззаботно и весело копошились в помойках и на местах отходников. На ребятках не было одежды, изредка попадалось только лишь то, что прикроет нижнюю часть торса. Малик объяснил, что первую одежду, в этих краях, дарят ребёнку на десятилетие в подарок. Но поразило Командора не это. Дети были иссохшими от недоедания. На улицах бегали маленькие игривые скелеты, улыбавшиеся от игр с остальными ребятами, несмотря на жуткий голод, что адски мучил и жутко скручивал их животы. Рёбра можно было спокойно пересчитать, живот почти прилипал к позвоночнику, таз проступал на боках, а руки и ноги

подобны спичкам, которые от лёгкого прикосновения готовы сломаться. Малик рассказал Эстебану, что не многие дети доживают до совершеннолетия и смерть от голода не самое страшное, что может случиться с ними в трущобах.

Пока они шли, Командор увидел, как улицу перебежала худая крыса, покрытая множеством язв и гнойных образований. Глаза крысы были покрыты какой-то желтоватой пеленой. Когда она почти перебежала улицу, то её подхватил какой-то худощавый высокий мужчина. Он сразу же, не задумываясь, свернул ей голову, да с такой силой, что хруст позвонков был слышен даже Командору. И то, что было дальше, до тошноты поразило Эстебана. Мужчина взял и откусил костлявые лапы у крысы, которые были покрыты гнойными нарывами, хруст костей, кровь с гноем, которые вытекали из губ едока, вызывали тошноту, но сильнее всего поразило Эстебана, то, что на лице поедателя «деликатеса» рисуется невероятное удовольствие и смакование, будто он ест божественную амброзию. Командор немного приостановился и, смотря на Малика, он не понимал, почему его спутника так нормально на это смотрит, будто на его глазах подобная картина разворачивается постоянно, каждый день. Когда все четыре лапы были съедены, то парень опустил крысу, взяв её за почерневший хвост. И тут внезапно выбежала девочка, лет четырнадцати, одетая в какой-то свободный кусок ткани, совсем не похожий на одежду. Она подбежала и ловко выхватила крысу из рук парня. Но он оказался быстрее. Па-

рень резко, почти молниеносно схватил её за длинные чёрные волосы и дёрнул к себе. От неожиданности она чуть было не упала. Девочка пыталась заговорить, но парень ей со всей силы, со всего маху ударил её тыльной стороне ладони по щеке. Силу удара была настолько сильной, что девушка упала на землю, она сплюнула кровь с несколькими окровавленными зубами, выбитых вместе с куском десны. Парень подобрал сказочное для этих мест лакомство – крысу и напоследок со всей силы пнул в живот девушку. Та со всей силы звонко и пронзительно вскрикнула от боли и взялась за брюхо, её лицо исказилось в жуткой гримасе боли, и из её рта обильно потекла кровь. Парень тем временем скрылся в трущобах с желанным трофеем в руках.

Шокировано смотря на всю эту картину, Эстебан не мог даже осознать всю бедноту этих мест. Он мог её только предполагать, особенно увидев, что человек ради больной, полумёртвой и сгнившей крысы готов убить другого человека. Никакая мораль в этих местах не действует. Это место абсолютный идеал социал–дарвинизма, где люди ради выживания готовы убивать друг друга.

– Пошли, поможем! – Взволновался Командор, понимая, что без помощи девушке долго не протянуть.

– Тут такое каждый день происходит, ей повезло, что он её не убил. – Сухо и спокойно сказал Малик.

– Твою мать, ты служитель своей церкви или нет, прояви милосердие, будь ты проклят, будь человеком, поможем

ей! – Уже крича во всё горло, требовал Командор.

– Ну, пойдём. – Бесстрастно, но с толикой снисходительности согласился проповедник.

Они быстро подбежали к девушке. Из её рта текла кровь, образовав небольшую лужицу, в которой марались и без того засаленные и грязные волосы и лицо.

Подбежав, Командор и Малик склонились над ней. Из глаз девушки обильно потекли слёзы, она, молясь, обратилась к Малику на непонятном Эстебану языке. Даже скудных медицинских знаний хватило Командору, что б понять, что у девушки внутреннее кровотечение и наверняка порвана селезёнка.

– Её нужно срочно в больницу, иначе она и часа не протянет, – Смешав волнение и спешку в голосе, быстро выговаривал Командор.

– У нас нет больниц, – Сухо и будто непричастно к происходящему сказал Проповедник.

– Что?! – Одновременно с гневом и недоумением, рыча, крикнул Командор. – Проклятье! У вас есть медики!?! – На нервах спросил Эстебан. – Вы же меня как-то выходили.

– У меня есть знакомый лекарь, сейчас я ему позвоню. Только я не обещаю, что дозвонюсь ему, сотовая вышка всего одна и она может быть опять сломана. – Снова, столь сухо и безразлично сказал проповедник.

Он вынул старый и чёрно-белый телефон, но вокруг стало происходить что-то неясное. Из трущоб, подобно кры-

сам, стали выходить люди в самых разных оборванных лохмотьях, похожих больше на мусор. Грязные джинсовые жилеты, потасканные брюки, порой просто куски ткани, примотанные по подобию туник, и ещё множество грязных с множеством заплаток висели на этих людях. Но все они были с одной мрачной схожей чертой. Эстебан заметил, что на их правой руке, у плеча, повязана красная повязка. В их руках было самое примитивное оружие: самодельные тески, столовые ножи, кастеты и даже порой попадались старые пилы, сделанные наподобие мечей, но нигде не было огнестрельного, даже примитивного стрелкового оружия, даже в виде самодельных луков и арбалетов.

Люди подходили медленно, потихоньку, настороженно, образуя полумесяц и как бы давая уйти Малику и Командору. Проповедник спрятал телефон в сумку и схватил Эстебана за плечо.

– Пошли парень, мы ей уже не поможем, – сильно забеспокоился Малик, дёргая Командора.

– Что здесь происходит? – взволнованно спросил Эстебан, взглянув на людей.

– Пошли, мы ей уже не поможем, а если сами не уйдём, то сегодня же предстанем перед богами. – Уже нервно и дрожа от волнения и нетерпения, требовал Малик.

Проповедник буквально силой оторвал Командора от девушки и за руку дёрнул его, что тот шёл. Эстебан понимал, что всё это не предвещает ничего хорошего и сам подчинил-



ся Малику со скрипучем сердцем покидая местность. Когда он уходил, то девушка сильно завопила, она буквально заревела, пронзительно крича на всю улицу. Из её глаз по смуглым щекам потекли реки горячих слёз, смешавшихся с озерцом крови у её головы. Девушка, чая последнюю надежду, протянула худые руки к уходящим, молясь, что б они не её оставляли здесь.

Когда они всё же отошли от девушки и набрали скорость, то Эстебан обернулся, что б взглянуть на бедняжку. Она спокойно лежала, по ещё щекам всё бежали ручейки слёз, а взгляд сделался обречённым, из него пропала жизнь. Люди с оружием подошли к ней вплотную и тут Малик внезапно развернул Командора на месте и пихнул его. Эстебан от такой неожиданности сильно опешил.

– Ты что творишь! Из–за твоего мягкосердечия мы чуть не отправились на закуску! – Возмущёно почти кричал проповедник.

– Да что здесь происходит!? Кто эти люди!? – в недоумении кричал Командор.

Малик взялся за голову, от тяжести общения с тем, кто не родился в трущобах и не был знаком с местными порядками, стоявшими уже несколько поклонений.

– Хорошо. Успокойся. Я расскажу. Эти люди, это... были последователи культа «Пожиратели плоти», которые не брезгуют и каннибализмом.

Вдруг Малика прервал громкий и пронзительный жен-

ский крик агонии, на который Командор отреагировал, сморщив лицо в гримасе отвращения к этому месту.

– Вы ничего не делаете с каннибалами?! – удивлённо спросил Эстебан.

– Понимаешь, они платят дань великой церкви, они находятся под её покровительством. Никакой синдикат или иная организация не имеют права перечить великой церкви и даже чихнуть без её разрешения не могут.

Командор понимал, что критика в адрес фанатичного представителя церкви не совсем будет разумна, скорее даже глупа, но тут к неожиданности Малик сказал:

– Я понимаю, ты готов проклинать нашу церковь за это, но никак по-другому в этом мире выжить нельзя. Мы не скрываем, в отличие от тех Пап Римских, давно существовавших, что наша церковь имеет свои пороки и грехи. Но она – залог нашего выживания. Нас там не тронули лишь по одной причине. Потому что я представитель церкви и нас не имели права не то, что коснуться, плюнуть в нашу сторону им запрещено. Я знаю, ты нас никогда не поймёшь.

Командор успокоился. Во всяком случае, эта девушка умерла бы от кровопотери и от убого уровня медицины в этом аду. Эстебан быстро смирился, что эту девушку было не спасти, но совесть всё же сгрызала душу.

– Ладно, пойдём в твой храм, – тяжело сказал Командор, и они оба направились в неброское сероватое строение, знамя которого уже виднелось, гордо развиваясь над пристанью. –

Надеюсь, ты мне объяснишь правила вашего царства.

# Глава двадцать пятая.

## Мягкое дознание

В это же время.

Габриель одухотворён, его душа ликует, изливая волнами тёплого света, а юношеское лицо выражало некую вуаль искреннего, большого и яркого, но в то же время несколько больного чувства. Его серо-зелёные глаза были наполнены ярким душевным светом, но свет этот был наполнен свету болотной гнилушке, ибо с чистым счастьем этот свет ничего общего, ни имел. Но всё же, это фальшивое чувство было подобно убойному наркотику, что туманит разум и мутит рассудок. Да, где-то в глубине души Габриеля звучал голос разума, взывающий к нему и требующий, что б парень откинул фальшь своего эфемерного и отчаянного чувства и понял, что его чувство это порождение обычных безнадёжных мечтаний.

Источник этого больного и нездорового счастья крылся в дне вчерашнем. Габриель, как ни в чем, ни бывало, шёл по коридору Академии «Схолум Культурик», в которой он учился. Юноша просто идёт по коридору на занятие, на него всё так же смотрели десятки плакатов политиков и вереницы портретов Канцлера, своими цитатами указывающие путь в светлое будущее. В коридорах так же стояли «правед-

ные ординаторы», назначенные для надзора и предотвращения мелких правонарушений, определенные министерством Гражданского Порядка, неустанно следящее за тем, чтобы даже мельчайшее нарушение было записано и повлияло на все возможные оценки и рейтинги.

Вдруг, неожиданно его к себе позвала Элен, стоявшая у окна. Из-за старых светодиодных ламп, что ещё светили поутру, оттенок смугловатой кожи Элен был несколько отбелённым, как у утопленника, но это нисколько не убавляло естественной красоты этой девушки. Её глубокие карие глаза и милое, аккуратное овальное лицо были апофеозом красоты в Рейхе, как думал Габриель. Чёрные как прекрасная осенняя глубокая ночь волосы шелковистой прядью почти доходили до пояса.

Юноша приятно удивился, что она его позвала, ведь обычно он сам был инициатором их беседы. Но его тёплое удивление моментально сменилось радостью, ведь в руках у Элен были два билета в кино, а сама она просила Габриеля, что б он пошёл с ней сегодня вечером в кинотеатр.

Парень, конечно, немного посомневался, но его сомнения были не более чем для виду, ибо изнутри он неистово сгорал, полыхая чувствами от желания провести с ней время, будь это мимолётная минута, или целый вечер.

Через несколько кратких мгновений он согласился с ней вечером сходить на киносеанс, чуть ли не разрываясь духом и рассудком от радости. Вспыхнувшее ликование было

неимоверно трудно скрыть, но воззвав все силы, он сумел подавить сладкую улыбку сумасшедшего, которая так и лезла на губы, сводя щёки.

И вечером они пошли. Кино, как ни странно, было не совсем обычным, как во многих кинотеатрах необъятного Рейха, который в каждом фильме старался пропихнуть сюжет о патриотизме и вечной верности государству, но суть этой кинокартины несколько не соответствовала идеалам и политическим догматам Рейха. Для Габриеля было странно, что цензура, Культ Государства и министерство Идеологической Чистоты пропустило эту картину к показу. И только потом Юноша узнал об истинной причине пропуска этой кинокартины, когда ночь, прохлада и сумеречное око Рейха вступили в свою силу.

Фильм повествовал о тех далёких временах, когда на этой земле ещё жила и процветала Альпийско–Северо–Итальянская Республика, своим справедливым правлением окутывала каждого своего гражданина. Когда на этих землях ещё существовала свобода, ограниченная лишь законом. Справедливые суды, независимый парламент, всенародные выборы и референдумы, вместо тотального диктата Император Магистратос, Имперского Буле и Трибунала Рейха, президент вместо всесильного и деспотичного Канцлера – всё это было показано в кинокартине, причём в равном сравнении со всеми аспектами жизни в Рейхе. Конечно, картина закончилась тем, что республика пала и в этом месте была установлена

«справедливая» власть Рейха и «мудрое» правление первого Канцлера, но всё же... картина вызвала глубокий резонанс в народе, ибо взывала к чему-то новому в душе, звала к тому, что было запрещено Рейхом – к изменениям. Картина будто говорила, что дух Милана ещё не сломлен, что можно продолжить борьбу несмотря ни на что и вырвать свою свободу из лап Рейха. Но большинство людей сразу, же отринули эту идею, ибо они сочли борьбу с режимом второго Канцлера бесполезным и ненужным предприятием. Однако нашлись те, кто не стал тушить огонь свободы у себя в сердце, оставив его до лучших времён. Но это было не так важно Габриелю. Самое главное, что произошло с ним это то, что рядом была Элен, и он сидел с ней, с единственной девушкой, которую он так страстно любил.

И после сеанса они пошли гулять по старому городу, что был переделан на новый лад и режим. Пускай их разговор не отличался разнообразием, ибо в основном они говорили либо о кино, либо о политике, или об учёбе, но и таким однотипным и неразнообразным разговорам был искренне рад Габриель. Они гуляли в парке, весело переговариваясь о жизни в их «братстве», говоря, что скоро всё изменится к лучшему. Также они заметили как старый бородатый священник, в мятой рясе проводит таинство у статуи второго Канцлера и зажигает там свечку у алтаря, вознося ему хвалу. Габриель и Элен оба негромко посмеялись над этим, по их мнению, глупым обрядом и каждый из них затаил в сердце

надежду, что скоро больше ни одной свечки не зажжется во имя Канцлера.

Когда они уходили из парка, уже стоял алый закат. Солнце, озаряло кроваво–красным вечерний небосвод, позволяя горизонту утонуть в пламени заката и ярком небесном пламени. Габриель довёл её до дома, до самых его ступеней, что своим видом подобно камню легли на сердце парня. Они не стали более говорить, лишь коротко попрощались, слегка обнявшись. Но даже такое, хладное прощание было Габриелю в радость, ибо понимал, что рассчитывать ему было не на что.

Но что–то было не так в душе парня. Габриель понимает, что вся эта прогулка, все эти разговоры были ничем не значащим действием для Элен. Она так же и продолжила относиться к нему как к другу, девушка просто провела с ним время, ничего больше. Она ко всем парням так же относилась – открыто и дружелюбно и Габриель осознаёт это, но что–то внутри, где–то в области сердца копошилось, ёрзало, было готово вырваться наружу, да и просто не давало покоя. Это было, похоже, с вечно гноящийся и кровоточащей язвой, что никак не давала покоя. Все эти сомнения, предположения и отчаянное понимание сталкивалось с маленьким, но всё же жгучим и ярким огоньком надежды. И это столкновение не давало покоя, заставляя мучиться от адского пламени собственных чувств. И это ощущение не было здоровым. Оно вело себя как самая обычная болезнь – изнемогало, опустошало, туманило рассудок и просто съедало Габри-



еля. А это счастье, что он испытывал, было обычным порождением этого чувства, банальным симптомом страшной, но столь обычной душевной болезни. Как сказали бы медики в Директории Коммун, у Габриеля – «Тяжёлое аморно–психическое расстройство личности». Но здесь не территория нового коммунизма, здесь Рейх и безответную влюблённость не включали в список психических заболеваний, а значит, любой психолог, как и любой староста деревни, посоветовал бы юноше просто успокоиться и переключиться на другую девушку.... Но, всё будет со временем, как и «список жён», предоставленный министерством Позднего Благоустройства Семьи, каково было его истинное название и как было сказано в кодексе Имперор Магистратос: «Во имя и славу Рейха, во имя нетленных ценностей, данных Господом и Канцлером, каждый гражданин в обязательном порядке, кроме тех случаев, предусмотренных законом, обязан завести семью. Если он отказывался от продления собственного рода, то он непременно нарушает священные постулаты, на которых основан и стоит сам Рейх».

Но Габриель ещё вспомнил заседание своего «братства», что произошло ближе к полуночи. Парень очень рисковал, прейдя на собрание, ибо после двадцати трёх часов, а в Милане после двадцати одного часа, наступает комендантское время, вплоть до шести часов утра. И человек, не принадлежащий к власти в Рейхе, случайно появившийся на улице в это время без уважительной причины, мог свободно быть

задержан полицией, и это в лучшем случае, ведь если в Милане его найдут уличные комиссары, то человек вряд ли уйдёт здоровым, и на своих двоих, после встречи с ними.

Габриель прекрасно помнил вчерашнее заседание. Их было мало: Алехандро, Верн, Давиан и ещё пара парней и девушек, что решили рискнуть и прийти на встречу, и именно тогда узналась истинная причина того, что всевидящее око цензуры не усмотрело диссидентство нового фильма. Тогда к ним прибыл посланник Лорд–Магистрариуса. Это был один из работников администрации самого Милана. Мужчина был одет в обычный строгий костюм старой эпохи, а лицо его покрывал капюшон. Он рассказал, для того что б создать нужную обстановку в городе, что б народ был готов выйти на улицы и бороться за собственную свободу и был показан этот фильм, что своими мотивами, идеями и сутью разжигал в душах людей неистовую тягу к свободе. Фильм прошёл одобрение самого Лорд–Магистрариуса, а поэтому в миланском отделении министерства Идеологической Чистоты не задали ни единого лишнего вопроса. Так же, прежде чем перейти к основной цели своего визита, посланник рассказал страшную истину, которую велел передать сам глава всей бюрократии. Он, в духе наигранного кошмара, поведал собравшимся, что изредка, по всему Рейху возникали мелкие очаги сопротивления, подобные маленьким огонькам свободы, рвущиеся из тьмы на волю. Но каждый раз, эти лёгкие дуновения свободы жестоко подавлялись желез-

ной подошвой режима, которая безжалостно их растирала об асфальт городов. Практически всех сепаратистов тихо и без шума убрали, а тех, кто выжил, отправляли на каторгу в Великую Пустошь, умирать от тяжёлого, рабского и выматывающего труда и от запредельного уровня радиации на мунофакториатии. Но было одно выступление, явившиеся маленьким огоньком свободы, что переросло в огромный пожар, охвативший половину Иберии, однако этот огонёчек не получил поддержку в остальных регионах Рейха и пожар свободы стал тухнуть, а восстание задыхаться. И сейчас стальной сапог Рейха был готов размозжить голову этому восстанию и покончить с ним навсегда. Он так же рассказал, что и Великой Пустоши была попытка создать новое государство. Люди, не хотевшие верить в деспотичного маразматика Канцлера и непонятого христианского бога, освободившиеся от рабской каторги создали свою собственную веру, по словам посланника, безобидную. Но и здесь железный кулак Канцлера выбил весь дух свободы и снова надел чугунное ярмо на шеи людей и загнал их в рабство.

И когда ребята, вдохновлённые мастерским рассказом посланника, были готовы принять и впитать в свой разум его главную мысль. И тогда он поведал им, что они оплот сопротивления в Милане, что их «братство» и ещё три сообщества являются единственным огоньком свободы в этом огромном и старом городе и что за только ними будущее этого славного града. Он передал, что сам Лорд–Магистрариус будет ждать

глав этих самых сообществ в Милане, у собственной небольшой резиденции, для того, чтобы они разработали план по реформации Империи и вознесения свободы. Передав это сообщение, посланник покорно откланялся.

Это извещение вызвало глубокие, но однотипные чувства в душах ребят. Все были готовы что-то сделать ради свободы своего любимого города, но кто пойдёт? Хоть координационный совет и президент «братства» ещё выбраны не были, но всё-таки как явного лидера, пойти на встречу выбрали именно Алехандро, а он взял с собой Давиана и Габриеля, как двух советников и друзей. Габриель приятно удивился, но эмоции больше не лезли в его душу, ибо она была переполнена большим счастьем. Да и события дня вчерашнего всё дальше уходили вдаль, возвращая парня к реальности.

Сейчас он снова идёт по коридорам своей любимой академии. И снова на него хладно и мрачно взирали взгляды с плакатов и единичные стражи правопорядка в академии, готовые зафиксировать даже матерное выражение возле предметов Культа Государства, строго пресечь его и выписав штраф, с предварительным занесением в список «на понижение гражданского и духовного рейтинга».

Через несколько минут должно было начаться следующее занятие, называемое «Признаки культуры и идеи Рейха в цивилизациях других народов». Габриель шёл по коридору, не о чем, не задумываясь, ничего не подозревая. Все коридоры был полупустым, так как до начала занятий оставалось со-

всем немного. Только изредка попадались студенты старших курсов. Но вдруг на его пути возникла высокая фигура.

Человек, вставший на его пути, был облачён в серое пальто с высоким воротником, ниспадавшее почти до пола, в белую рубашку и тёмный жилет, и брюки с зауженной штаниной снисходившие до остроносых чёрных туфель. Он был светловолос, коротко подстрижен и худощавого телосложения.

Непонятный мужчина медленно, подобно тому, как идёт охотник к жертве, направился к парню. Габриель насторожился и хотел повернуть назад, но тут его окликнул этот незнакомец, который показался юноше знакомым.

– Эй, ты, – указав пальцем на Габриеля, сказал незнакомец.

Габриель беспокойно обернулся.

– Да, да ты. Я инспектор Морс. Сейчас ты пройдёшь со мной и ответишь на некоторые вопросы, – строго сказал незнакомец, показывая удостоверение инспектора.

– На каком основании? – возмутился парень.

– Именем Рейха! Нам не нужны основания, – с наглостью заявил незнакомец.

Габриель вынужден был подчиниться, если он этого не сделает, то инспектор его имеет право арестовать за неподчинение правосудию Рейха.

Юноша следовал прямо за спиной инспектора, а тот в свою очередь периодически поворачивал голову, следя за

парнем, контролируя, чтобы парень не убежал от него. Они спустились на первый этаж, и зашли в библиотеку. Их сразу же окружили сотни разных книг, смотрящих на гостей через стекло на деревянных шкафах. Библиотека была представлена четырьмя комнатами: две – читальные залы, одна – управляющего библиотекой и ещё одна – старая каморка, приспособленная для разного хлама, который был давно уже списан и нёсся туда со всей академии.

Инспектор с парнем прошли через читальные залы, в которых посетителей вовсе не было, и резко завернули в каморку. Включённый инспектором свет озарил старые бетонные стены, которые уже пошли сетью трещин. С потолка то и дела временами сыпалась штукатурка на вещи, отчего создавалось впечатление, что они припорошены снегом. Вокруг валялись кучи самого разного хлама, даже попадались вещи десятилетней давности. С невысокого потолка свисала старая лампа, чей тусклый, до рези в глазах, свет освещает помещение.

– Так, садись сюда, – приказал инспектор, указав на старый, деревянный, трухлявый и потрескавшийся табурет.

– Хорошо, – тихо, томно, практически шёпотом сказал Габриель и аккуратно, боясь сломать эту реликвию.

– Ну, когда мы в укромном месте, я начну, – молвил Морс и приложил пальцы к пальцам у своей головы, предварительно склонив её к указательным, потом внезапно развёл руки в стороны и заговорил. – Я служащий, инспектор и вер-

ный слуга любимейшего всеми Канцлера, нашего великого Рейха, провожу дознание сего гражданина. Гражданин Габриель, студент академии, клянёшься ли ты именем Рейха и его святейшеством Канцлером, что на все заданные мною вопросы ты ответишь честно, и не утаивая не единого факта, что помогут мне в моём славном расследовании?

Габриель немного впал в ступор от такой речи. Глаза его выражали недоумение, а во рту вязли слова, а инспектор уловил это недоумение и пояснил парню строгим голосом:

– Я просто обязан от имени Рейха привести тебя к присяге. И да, у меня нет полномочий, чтобы применять силу, но отвечай, пожалуйста, правду. – Вкрадчиво попросил инспектор.

– А, понятно. – Сказал всё же парень, после чего добавил. – Да, клянусь.

– Ну, вот и хорошо, – обрадовался Морс и продолжил. – Сначала несколько основных вопросов, для протокола.

– Можно спросить? – Прервал Габриель инспектора.

– Что ты хочешь спросить?

– Это не продлится долго? Меня ждут на занятии.

– Ох, за это можешь не беспокоиться. Я проинформировал преподавателя, что ты нужен Рейху. Я не стал говорить, что это будет дознание... нечего портить тебе репутацию. – С небольшой, еле заметной улыбкой произнёс Морс.

– Спасибо. – Вымолвил юноша.

– Ну ладно, начнём. Тебя зовут Габриель?

– Да.

– Ты обучаешься в академии «Схолум Культурик»?

– Да.

– Ты живёшь в Милане?

– Да.

– Как ты относишься к федеративному устройству?

Габриель понимал, что этот вопрос раскроет его лояльность идеалам Рейха, и даже может сыграть важную роль в его рейтинге.

– Не совсем хорошо, ведь федерализм даёт волю регионам, что приведёт и приводит к сепаратизму. – Натужно, но сдерживаясь, проговорил парень.

– Твоё отношение к идеям парламентаризма?

– Хах, – легко усмехнулся парень. – Одна голова – хорошо, две – плохо, три – совсем бардак.

– Что ты думаешь о либерализме?

– Развращает людей. Да, даёт им полную свободу личности, они забывают о народном благе и погрязают в разврате.

– Каково твоё мнение о правлении нашего Канцлера?

Габриель только сейчас заметил, что инспектор избегает эпитетов в отношении политических понятий, как бы давая им нейтральную окраску. Был ли это психологический ход инспектора или просто совпадение, парень не знал, он продолжил спокойно отвечать на вопросы:

– Очень хорошо. Без него бы наша великая держава не была бы великой.



– А почему именно «хорошо»? Почему не прекрасно, не отлично? Почему именно так? – Быстро проговорил инспектор, чем поставил Габриеля в ступор.

– Простите, я вас не понял. – Ответил Габриель, пытаясь подыскать такой ответ, что б он был только однозначно трактуемым.

– Почему именно такая градация и формулировка отношения к правлению Канцлера?

– А, я понял. Я сужу по типу «чёрное – белое». Что для меня не хорошо, то плохо. Я не использую больше оценок.

– Хорошо, я понял. Ну, теперь переходим к основным вопросам.

Габриель напрягся, приготовившись к самым коварным вопросам. Но с другой стороны, ему уже надоели однотипные и монотонные вопросы.

– Как тебе известно, твой друг Алехандро Фальконе недавно задерживался по подозрению в государственной измене и был отправлен на мунуфакториатий в Великую Пустошь. Он не привёз ли оттуда, какую ни будь странную политическую идею? Или может, стал мыслить более... сепаратно?

Габриелю придётся врать и он это понимал. Ему придётся нарушить, только что данную им присягу и пойти на сокрытие фактов, что ведёт к государственной измене. Его тут же пробрал жуткий холод, вымораживающий душу изнутри. Габриель и до этого вопроса побаивался инспектора, но сей-

час его просто пробрал парализующий страх. Но он уже был сторонником мизерного декаданса против Рейха. А посему он собрал всю волю в кулак и холодным голосом ответил:

– Нет, я за ним нечего не замечал. Никаких странных идей.

– Хорошо, – так же каменно ответил инспектор. Вы знаете, что ваш друг был досрочно отпущен по прошению самого Верховного Отца нашей праведной церкви. Хотя, Алехандро Фальконе не был замечен как правоверный и ревностный служитель Империял Экклесиас. Как вы можете это прокомментировать?

– Никак, это дело Империял Экклесиас, не моё, – так же холодно, но с сердцем, которое бешено, стучалось от неистового волнения, ответил парень.

– Ладно, пускай так. Насколько я знаю, ты со своими знакомыми слишком часто ходишь в одну книжную лавку. И задерживаетесь вы там по несколько часов. Как ты это объяснишь?

Габриель почувствовал, что вопрос с уколom, но так, же держась камнем, ответил:

– Просто любим, смотреть книги и читать. Хозяин лавки нам позволяет подолгу задерживаться у него.

– Хм, твои слова совпадают со словами владельца лавки.

Габриель хотел было выдохнуть, но тут, же понял, что это выдаст его. И просто мысленно поблагодарил Бога, в которого он не верил.

– Хорошо. Но вот ещё вопрос: зачем вы несколько дней назад вы ездили в Рим?

– На прогулку. Мы хотели увидеть центр нашего славного Рейха и увидеть его великую и неувыдаемую мощь и славу. – Ответил Габриель, немного расслабившись, отчего его голос сделался менее напряжённым.

– Ну, тогда тебе и твоим друзьям удалось бы увидеть всю славу центра нашей великой империи, если бы сигнал ваших телефонов не пропал возле заброшенных районов. Что вы там делали?

Парень напрягся. Он, конечно, знал, что слежка в Рейхе ведётся за всем что движется, но он не думал, что ему придётся испытать это на своём опыте.

– Ох, мы хотели посмотреть на то, чем были те государства до прихода Рейха. Мы хотели увидеть насколько слабыми и ничтожными оказались режимы прошлого, что пали под натиском времени и нашего великого и славного Первого Канцлера, возлюбленного всеми, чья слава пускай витает ещё сотню тысяч лет. – Скованно, но с некоторой лёгкой наигранностью ответил парень.

– Хах, мне нравится, когда дознаваемый ведёт себя легко, а то я порой себя чувствую инквизитором. – С лёгкой улыбкой сказал Инспектор, сбросив с себя надоедливую каменную маску равнодушия и хладности. А Габриель в свою очередь на миг подумал, что не все представители власти и закона в Рейхе законченный бюрократы и формалисты, что да-

вят своими образцами, директивами и установками на личность людей.

– Ну и последний вопрос, который я хочу тебе задать. Вчера ты был замечен в парке в компании Элен. Что вы там делали? Ведь она проходит как подозреваемая в одном деле, которое карается смертной казнью.

Сердце Габриеля, которое почти успокоилось, вновь бешено забилося, практически выпрыгивая из грудной клетки. Габриелю казалось, что его сердце сейчас выбьет рёбра. Ему вдруг на душе неистово сделалось дурно. Голова так сильно закружилась, что он приложил руку ко лбу. Рассудок помутнел, а в глазах поникла жизнь.

Инспектор это тут же заметил и взволнованно заговорил:

– Эй, парниша, успокойся. Я пошутил, она не подозреваемая. Ты тут не думай падать в обморок. – Шутливым голосом и с улыбкой говорил Морс.

Когда Габриель услышал эти слова, то, как по мановению всё сняло. На душе мгновенно сделалось легко, но голову немного всё ещё кружило.

– Ты хуже инквизитора. – Будучи в еле сдерживаемой злобе, сказал Габриель, но потом опомнился, что в соответствии закона сейчас «заведомо оклеветал служащего Рейха» и повинно вымолвил. – Простите, я...

– Можешь не продолжать, я понимаю. – Резко, но мягким голосом, прервал инспектор парня. – Это моя вина. Я не должен был перегибать палку и заходить дальше своих полно-

мочий. Прошу прощения.

Габриеля это сильно удивило. Тот, кто несколько минут назад холодным голосом задавал монотонные и похожие вопросы, пытаясь выявить признаки государственной измены у парня, сейчас сидел и просил прощения. «А может это ещё один психологический шаг» – подумал про себя Габриель.

– Ничего страшного. Я понимаю, – тяжело твердит Габриель. – Служба.

– Я так понимаю, мы друг друга здесь понимаем. – С нагущенной улыбкой, будто она прорезалась через гримасу боли, сказал инспектор.

– Так вопрос... – Начал парень, как его прервал Инспектор.

– Да, не отвечай ты на него. Всё что мне нужно я узнал. Ты свободен. Можешь идти. – Тяжёлым голосом сказал Морс.

Габриель встал с табуретки, да так резко, что она развалилась, и быстрым шагом направился на занятие.

Инспектор достал телефон и скоротечно кого-то набрал.

– Антоний, ты меня слышишь? Как ты и просил, я не слишком давил на мальчонку, так что по возвращении Эстебана можешь передать ему, что бы он волновался... а то и так запарился со своим «моральным долгом». Всё, отбой.

Затем инспектор отключил звонок и вышел библиотеки, к которому подошёл человек, одетый в строгий эпохальный костюм. Он протянул руку инспектору со словами:

– Здравствуйте, я посланник Лорд-Магистрариуса. У ме-

ня к вам от него есть одно извещение.

## Глава двадцать шестая. Истинные цели

В это же время.

В старой часовне спокойно и ровно горели свечи, издавая свой приятный треск, заполнивший всё пустозвучие. Она была так же разбита и «обласкана» ветрами времени, как и в тот раз, когда в неё впервые пришли, только немного каменная крошка была подметена и убрана пыль. На стенах так же красовался грибок и плесень, ставшие многолетними хозяевами этой часовни. Без постоянного горения свечей в часовне было бы довольно сыро и прохладно и только эти свечки разгоняли холодный мрак, что царил в часовне, когда в ней никого нет. В этом памятнике былых времён стояла густая тишина, пока её не рассеял вопрос:

– А почему мы собрались сегодня в этой старой обители? Почему не в вашей башне? Так же было бы практичней.

Лорд–Магистрариус стоял у стола, на котором лежала карта Европы времён великого кризиса. Он оторвал руку от подбородка и медленно и с расстановкой, прибавив вкрадчивости, заговорил:

– Наш шизик Канцлер оказался не таким маразматиком и глупцом. Он что–то заподозрил. Мне принесли вести, что он начал расследования в мою сторону, но так же он начал

слежку и в сторону полк–ордена. Ещё мне сообщили, что именно полк–орден причастен за это.

– Но почему, же мы тогда не арестованы? – с волнением в голосе спросил толстый человек в рясе.

– Кардинал, послушай, – возмущённо с толикой гнева в голосе начал Главный Лорд. – Я не стою рядом с Канцлером, когда к нему приходят с доносом. Похоже, он мне ещё доверяет, несмотря ни на что.

– Это хорошие новости. – С улыбкой на распухших губах сказал кардинал. – Ну, что мы ещё не арестованы и доверие к нам не потеряно. – Уточнил церковный иерарх.

– Да, новости хорошие, но у нас мало времени. Похоже, полк–орден играет на опережение, и старается сохранить старый Рейх. Ещё одна причина избавиться от него побыстрей, уничтожив этот пережиток тирании.

– В чём проблема? Разве мы не в состоянии уничтожить этих богохульников через руки самого тирана? – задался вопросом Кардинал.

– Не всё так просто... я постоянно разыгрываю карту той бульварной девки,... постоянно напоминаю ему про Калюю,... но после каждого раза он впадает в безумие и сумасшествие. А когда он теряет рассудок, то он непредсказуем. Этот маразматик начинает топить в крови преступников, подписывая указы о расстрелах. Его безумное величество начинает искать отступников во всех сферах, утверждает новые директивы. И безрассудство его может длиться от



нескольких часов до нескольких дней. И я боюсь, что в одном из подобных приступов паранойи он поймает нас. И тогда всей нашей великой цели придёт конец. Он нас уже почти поймал, только с помощью невероятных усилий я подчищаю концы, но это делать всё становится трудней. Будь он проклят, шизофреник несчастный! – Яро возмутился в высокомерии начальник бюрократии.

– Лорд–Магистрариус, почему вы нас троих попросили остаться? Разве у вас есть тайны от нашего собрания? – слышался ещё один вопрос от высокого человека в военной форме.

– Нет, я оставил вас троих, чтоб задать вопросы, ответы на которые хочу знать, лишь я. Ни к чему обременять умы других, генерал.

– Ну и что же это за вопросы? – со страстью в голосе спросил Кардинал, явно предвкушая узнать что–нибудь новое для себя в сфере чужих тайн.

Лорд–Магистрариус немного помялся, опустил руку за спину, одну поднял к подбородку и заговорил:

– Вопросы... они будут касаться нашего нынешнего положения. Я хочу узнать, каков градус поддержки оппозиционных настроений в стране. И от ответов на них зависит наше положение... будет ли оно бедственное или в конец катастрофическим, – с еле уловимой улыбкой на лице завершил лорд.

– Спрашивайте. Мы ответим. – Прозвучал холодный го-

лос генерала, наполненный мрачной верностью.

– Ну раз ты просишь, то начнём с тебя... ответь мне, генерал–полковник, какие слухи ходят в твоей армии насчёт Канцлера?

Генерал–полковник опустил взгляд, но солдатская муштра, воспитанная в нём, не заставила его так легко поникнуть. Он быстро поднял голову и заговорил холодным голосом.

– Большинство солдат, подавляющее большинство поддерживают культ Канцлера, остальные же придерживаются нейтральной точки зрения, но есть и хорошие новости. В моей части есть некое тайное собрание солдат. И как мне сообщили, они высказываются о Канцлере и режиме не в самом лучшем свете, – с натянутой, сквозь разочарование, улыбкой сказал генерал.

– А сколько их? – С опущенной головой спросил Лорд.

– Не больше десяти. – С потерянной улыбкой и поникшим лицом ответил генерал.

– Хах. – Натужно, сквозь еле уловимый укол боли, проявившийся на лице начал глава бюрократии. – Десять против семидесяти восьми тысяч, что находятся в твоём расположении. Это меньше чем молекула в море. А твой информатор где? Он не наделает нам ненужных проблем?

– Нет, я сказал ему, что со всем разберусь, а его самого отправил в другую часть.

– Это хорошо... – Протянуто закончил лорд, но в ту, же секунду поднял голову и внезапно обратился к Кардиналу:

– А у тебя, кардинал, что ты мне расскажешь?

– Ну, далеко не все священники готовы поддержать правление Канцлера. – Немного с оправдательным тоном в голосе сказал церковный иерарх, намеренно избегая точности в словах...

– Я тебя прошу, не юли, мне нужны точные данные, – почти с бессилием упрекнул Кардинала глава Император Магистратос, отчётливо поняв мотивы священника.

Церковный иерарх повинно опустил голову вниз. Потом немного приподняв, тихо, практически исподлобья заговорил:

– Понимаете, авторитет Верховного Отца слишком высок. Он поддерживает нечестивый и проклятый режим Канцлера, конечно, есть несколько поместных общин, приходов и даже практически одна церковь, что готовы выступить на нашей стороне... но их очень мало, и даже церковное ополчение справится с нами.

– Практически церковь, – саркастично повторил глава правительства. – Что ж, не самая лучшая перспектива. – С натужной улыбкой, явно от бессилия, на лице сказал лорд, но потом, указав рукой, куда-то в темноту произнёс:

– Теренций, выйди к нам.

Кардинал и генерал немного ошарашено посмотрели по сторонам, особенно когда никого не увидели, испугались, но тут же напряглись, когда из тени вышел человек в балахоне.

– Что вы хотели? – Спросил Верховный Мортиарий.

– Ты нам можешь сказать более точную информацию?

– Связанную с чем? – Холодно спросил мужчина.

– Теренций, ты и сам понимаешь. Расскажи нам, сколько людей не поддерживают режим Канцлера. Расскажи нам всё, что знаешь про это.

– Я вас понял. Из доверенных источников, мне стало известно, что процент недоверия режиму Канцлера очень низок, он не подходит для открытого мятежа. Нас просто задавят. Большинство людей поддерживают нынешнюю тиранию из-за боязни множественных карательных структур и потому что не видят, какой либо оппозиции. Многие оппозиционные ячейки в городах составляют ничтожное меньшинство, не способное даже показаться из своих нор, не говоря даже об акции митинга.

– Хах, а если появится оппозиция, то её сразу же устроят... ирония, однако... Ладно, у тебя есть ещё, что-либо сообщить?

– Конечно. Через доверенные каналы и собственную шпионскую сеть мне удалось выяснить, что есть места, где нас могут поддержать местные власти и подавляющее большинство народа.

– О, а это будет интересно, – с энтузиазмом произнёс предводитель бюрократии, ожидая, что ему сейчас назовут целый регион, готовый отделиться от Рейха.

– В Венеции нас смогут поддержать аристократические дома и некоторая часть местной буржуазии. В Великой Пу-

стоши только пообещай некоторым членам Имперор Магистратос перевод в другое место из того «Мордора» и они нам помогут. И ещё в городе Милан не до конца сломлен свободный дух города.

Лорд–Магистрариус истерично усмехнулся. На его лице повисла улыбка, но уже не от бессилия. Он с весельем и толикой презрения в голосе заговорил:

– Ты о тех ребятах, что заигрались в свободу?

– Нет, – Тоже с нескрываемой улыбкой на лице и тихим смешком вымолвил Теренций, немного приостановившись, а потом снова заговорил. – Я о том, что около сорока процентов жителей не поддерживают правление Канцлера. Эти данные основаны на городских слухах и информацией из моих личных каналов.

– Слухи, – протяжно сказал Канцлер. – Не думаю, что им можно доверять.

– Это всё что у нас есть. – Тяжело вымолвил Верховный Мортиарий.

– Нет, не всё. У нас в Милане есть ещё группа студентов и мелко квалифицированных рабочих... с такой армией хоть на Рим в поход, – издевательски и немного раздражённо произнёс глава Имперор Магистратос.

– А что за группа? – Внезапно вмешался генерал.

– Это? – Исказив лицо в странной гримасе с улыбкой начал лорд. – Ребятки из Милана, заигравшиеся в политику и свободу. Они считают, что своими усилиями способны что–

то изменить, что они настолько значимы и могущественны, что народ к ним прислушается. Они возомнили себя творцами того жалкого мирка где они живут. Эти детки даже свои, как они их называют – «братства» организовали по такому типу, какому хотят видеть свой городок, ибо по собственным идеям они хотят построить новое государство. Те ребяташки наивно верят в собственную силу «свободного слова». Они думают, что смогут изменить ми, но они не способны понять, насколько они и их убогие «братства» ничтожны для Канцлера и Рейха. Если бы он о них знал, что ему угрожает группа студентиков, то он даже бы их уничтожить не стал. Так, просто бы заставил их встать на колени на главной площади и принести ему присягу. Те ребятки, просто зазнавшиеся романтики, не способные видеть дальше своего занюханного городка. – С крайним презрением ответил Лорд–Магистрариус.

Теренций немного смутился от презрительных слов лорда и своё возмущение он решил высказать:

– Но как же? Вы сами назначили встречу им, отправили прошение в министерство Идеологической Чистоты о завершении следственных работ в их сторону и послали к ним своего человека, чтоб он рассказал о железной пяте режима и что они единственная надежда Милана на светлое будущее. Вы их обманули? Но как, же так?

Глава бюрократии широко улыбнулся и стал говорить:

– Всё просто: я хочу разыграть их карту. Эти ребятки

станут моими инструментами мятежа. Они пойдут как дрова для печей революции, и я отозвал их дело, так как они мне пока нужны. Я позволили им себя считать «особенными и единственными, кто способен спасти свой город». И они проглотили эту наживку. Теперь они принадлежат революционному механизму, что раскрошит тирании нынешнего режима.

– Аминь. – Прервав лорда, благословенно произнёс кардинал.

– А вы будете принимать их идеи во внимание, когда революция свершится? – Вопросил Верховный Мортиарий.

Лорд громко рассмеялся, будто впал в неистовую и яростную истерику. Он смеялся с таким звоном, что его было хорошо слышно и за пределами старой часовни. Когда он, наконец, успокоился, утёр слёзы и стал говорить:

– Нет! Конечно же, нет! Мне нужны нормальные и проработанные идеи, а не иллюзорные юношеские глупые мечтания... о несурзности их идей даже говорить не хочу.

Когда глава бюрократии сказал последнее своё слово, то на некоторое время повисла густая тишина. Все смотрели на главу бюрократии, который только что буквально тонул в истерическом смехе. Было слышно только лёгкое потрескивание свечей. Неожиданный вопрос Теренция прорвал вуаль молчания:

– Так мы не решили, что нам делать, для того, чтоб наши идеи, цели, мечты и сама революция воплотились на деле?

– Я не знаю. – Бессильно выдохнул Лорд–Магистрариус.

– Хм, есть одно решение. – Внезапно сказал генерал, в глазах которого играло самодовольство от невысказанной идеи. – Когда я был ещё лейтенантом мы вели зачистку одного заброшенного посёлка, на юге бывшей Франции от одной сектантской общины. Так вот, там нам попались какие–то методички по революционной войне. В них было много интересного написано.

– У тебя сохранились эти методички?! – перебив генерала, чуть не сорвав голос, с фанатизмом в глазах и неистовым желанием получить их спросил Главный Лорд.

– Нет. У нас их изъял Корпус Веры и сжёг, – бесстрастно ответил генерал.

– Жаль. Они бы нам сейчасгодились. – Опечалившись, тяжело констатировал Лорд–Магистрариус и кинул. – Продолжай.

– Там говорилось, что можно сконцентрировать все силы на захвате власти в центре. Устроить это не как тотальную революцию, а переворот, а захватив власть в главном городе, можно будет начать управлять всем государством, так как мы захотим и подбирать Рейху такое лекало, какое мы сочтём нужным.

– А что случилось с теми сектантами и сами посёлком? – Придав своему голосу заинтересованность, задал вопрос кардинал.

– Их сожгли всех, кого нам приказал Корпус Веры и Во-



енные Лорды, действую по указке министерства Идеологической Чистоты и министерства Организации Расправ.

– Я помню эту кампанию! – воскликнул кардинал. – Я тогда ещё проповедовал в том регионе, неся свет новой веры, как мне указали. – И сменив тон на гневный, перемешанный с нетерпением продолжил. – Тех людей просто перебили за то, что они не хотели признавать непогрешимость Верховного Отца. Те люди не хотели воздавать молитвы первому Канцлеру, считая его простым смертным, а не заместителем бога. Так что миф про праведность первого и второго канцлера и церковное первенство Верховного Отца – все они плод греха тирании, что немедленно должны быть свергнуты и заменены божественной мудростью. – С благоговением произнёс кардинал.

– Да, правление первого канцлера было жестоким. Почему его не скинули тогда? – Возмутился генерал.

Лорд–Магистрариус буквально взъерошился от этого вопроса и повернулся. В его глазах играл неистовый ужас былых времён, ставший вечным напоминанием суровости правления первого канцлера. Главный Лорд холодным голосом с ноткой лёгкой дрожи заговорил:

– Понимаешь, нынешний Канцлер слабак и ничтожество по сравнению с первым. Вот первого канцлера мы боялись все. Многие даже порой взгляд не могли на него поднять, не говоря уже о протесте. А у некоторых от одного его присутствия стыла кровь в жилах. Тогда мы и о революции не мог-

ли даже подумать. Ведь вся нынешняя карательная система, да и любая другая, это порождение его жестоких и кровавых мыслей. Вот он был истинным палачом. Не забуду, как он по одному подозрению, о хранении запрещённой книжке у старосты деревни, приказал храмовникам и Инквизиции вырезать всю деревню. Убитых жителей выставили вдоль дороги распятыми в назидание другим. А на свой день рождения он как-то устроил подобие гладиаторских боёв, только принуждал он их учувствовать множественных чиновников. Они бились насмерть друг с другом за жизнь и повышение. Моих служащих он стравливал как обычных уличных собак. Первый Канцлер был настоящим тираном. Он по своему желанию мог утопить в крови целые города. При его правлении не одна блоха или таракан не смели подумать иначе, как думает сам первый Канцлер. Любое противоречие его воли и его мыслям было смертным приговором, а нынешний «правитель» довольно слаб. Когда первый Канцлер умер, весь Рейх просто выдохнул, а когда вместо приемника у нас правили высшие лорды, когда у нас стала олигархия, то многие внутри всех Департаментов Власти захотели свободы. Да и высшие лорды оказались худшей копией единоличной диктатуры и гнилой деспотии. Они потонули в похоти и жиру и не хотели отпускать куски, с которых они кормились и так же жестоко давили любое восстание. Конечно, обычный народ и не подозревал о правлении Высшего Капитула, а вот во властных структурах ждали изменений, так и

не свершившихся. А теперь и власть второго Канцлера. Ему только остаётся жестоко и кроваво подавлять свободу, которую люди заслужили, но этот псих даже не способен найти оппозицию, ибо в его вечной скорби о Калье он хочет растерзать только полк–орден и всех, кто ему помогает. Даже недавнее силовое и не совсем чистое устранение оппозиции в Имперском Буле... мне лично пришлось наплести Канцлеру, что эти «оппозиционеры» стоят за полк–орден и хотят свержения его правления. И он как ребёнок снова мне поверил и стал мгновенно разрабатывать план устранения. А сейчас нам нужно устранить последнее звено этой проклятой цепочки угнетения и репрессий.

– Канцлера?

– Да, верно, генерал, Канцлера.

– А почему же были устранены те «оппозиционеры», как вы выразились?

– Смешной ты, генерал. Те люди на самом деле не были оппозиционерами... Да, они не поддерживали политику Канцлера в некоторых моментах, но всё–таки были на его стороне. Они были бы против глубоких изменений, которые мы хотим воплотить в жизни. Эти псевдо–оппозиционеры никогда не были носителями духа свободы, всего лишь обузой, которую нам необходимо было устранить... во имя великой цели конечно. – Оправдательно закончил Лорд–Магистрариус.

– А что с концепцией революции, что мы будем делать,

какой план примем? – Холодно спросил Теренций.

– Концепция... планы... – глава Имперор Магистратос широко улыбнулся, развёл руками и сказал. – Не мне решать. Мы всё решим на всеобщем собрании нашего совета. Один способ решения этой проблемы нам уже предложили, мы заслушаем остальное и вынесем общее решение. Мы всё делаем так, как велят нам великие законы демократии и свободы.

– Понятно, – кратко вымолвил Верховный Мортиарий.

– У меня есть ещё один вопрос, касающийся дел духа и революции. – Вопросил Кардинал.

– Только быстрее, я спешу.

– Хорошо. За всё время, пока я на службе у церкви у меня накопился довольно интересный материал. Я решил провести анализ некоторых поместных общин и выяснил, что около девяти процентов религиозных общин имеет учение, грубо противоречащее догматам Империял Экклесиас. Я решил копнуть ещё глубже и отправил личных агентов и выяснил, что на территории Империи существует более пятидесяти закрытых религиозных общин, которые просто ненавидят нашу церковь и Канцлера. Найдя эти общины, их сразу бы объявили сектами и сожгли в нечестивом племени деспотии.

– Можно быстрее. – Потребовал лорд.

– Мы можем использовать их как распространителей наших истин?

– Ох, я сейчас не могу сказать. Давай решим это на нашем совете?

– Хорошо.

– А вы куда собираетесь? – Вопросил генерал.

Лорд, который уже вышел из часовни, быстро развернулся и с блеском в глазах ответил:

– На встречу с нашими будущими союзниками.

– С кем?

– Сначала с детишками из Милана, а потом с агентом одной торговой корпорации из свободной Либеральной Капиталистической Республики. Я к ним обращался некоторое время назад, и они решили оказать поддержку нашему движению. Они захотели, чтоб и в нашей стране восторжествовала свобода, и воссияло солнце демократии! – С глубоким, подобно религиозному, благоговением ответил «король правительства».

После этих слов он снял с себя балахон, кинул его куда-то во тьму и вышел из часовни быстрым шагом, спеша на встречу, которая изменит ход истории.

## Глава двадцать седьмая.

### Цена уплаченная всем

В это же время.

В помещении сильно пахло грибком, и было довольно сыро, несмотря на жуткую внешнюю невероятную жару и раскалённый воздух, смешанную с неистовой вонью. Помещение было скорее похоже на погреб, нежели на подвал. На пол сквозь старые сгнившие деревянные доски, обмазанные глиной, уже сыпалась земля, но и сама поверхность помещения был не лучше, ибо он был представлен обычным дном этой ямы, с суховатым песком под ногами. Это помещение является прямоугольным, ну или задумывалось таковым. Ровно посередине комнаты стоял какой-то непонятный алтарь, а посреди «погреба» торчала прямая палка, на неё было одето лезвие серпа и окрашено в зелёный цвет, хотя краска от сырости вздулась и практически вся отвалилась. Так, же на навершии этой палки были закреплены чёрные перья, пара простых колец и несколько цепочек. Возле импровизированного алтаря валялись простейшие побрякушки и горели свечи, хаотично выставленные вокруг алтаря.

Так же повсюду в стены были вбиты полки, на которых беспорядочно были расставлены свечи, чьё тихое потрескивание спокойное горение вызывали в этом месте некоторое

чувства сосредоточенности и состояния медитации.

Вдруг дверь в помещение открылось с невероятным режущим уши скрипом и сюда зашли два человека, рассеяв безмолвие. Они, молча, направились к небольшому, уже прогнившему столику. У этого столика рядом стоял небольшой шкафчик, местами побитый, где-то прогнивший и с трухой, но в более приличном виде, чем мебель у многих жителей этого региона. Человек в балахоне указал на стулья и сказал другому вошедшему, чтоб тот сел. Когда они сели повисла тишина, вернувшая этому месту прежнюю мистичность, но потом всё же человек в белом балахоне заговорил:

– Скажи хоть что ни будь?

– Что это там было? Кто эти «Пожиратели плоти»? Ты можешь мне нормально рассказать? – Возмущённо, вновь вернувшись в состояние гнева от увиденного, спросил Командор, но потом успокоился и просто с бесстрашием сказал. – Расскажи мне всё.

– Один момент, – сказал Малик и встал из-за стола.

Он подошёл к шкафчику, открыл его и вынул оттуда грязную бутылку с мутной жидкостью и два пыльных бокала. Подойдя к столу, он своим балахоном протёр бокалы, откупорил бутылку и налил туда жидкость, по цвету схожую с красным вином. После этого он поставил бутылку на стол и сел.

С чего начать? – спросил Малик.

– Расскажи мне для начала, кто это были «Пожиратели плоти»? – уже спокойно задал свой вопрос Командор.

– «Пожиратели плоти» это своего рода секта, которая считает, что мясо это божественный продукт, что сами боги принесли в наш мир его. И они считают плоть самой главной ценностью в этом мире. Они ищут её, они смакуют её и если человек оказался болен или беспомощен, то они не побрезгуют и человечиной. Это просто культ мяса, доведенный до фанатизма. – Спокойно пояснил Малик.

– Но почему его твоя церковь, если она столь всемогуща, не запретит эту секту, не разгонит этих еретиков?

– Я тебе уже говорил. Эта секта платит взнос нашей великой Церкви. Они поддерживают её и питают, а за это наша церковь их не разгоняет и не трогает.

– И сколько у вас подобных культов? – удивился Командор.

– Много. Просто бесчисленное количество. Особенно здесь, на севере, на территории самого бедного, но свирепого синдиката. Тут люди доведены до того, что готовы поверить во всё что угодно, лишь бы избавиться от мучений, лишь бы хоть немного облегчить этот кошмар.

– И все эти культы существуют под покровительством твоей милосердной Церкви? – пылливо задал свой вопрос Командор.

– Да, – просто ответил Малик.

– Разве это человечно? Разве можно прикрывать тех, кто безнаказанно убивает, насилует. Разве милосердная церковь допустит, чтобы люди ели людей? – Возмутился Командор.



– Мы только так и выживаем, – парировал Малик. – Да, мы признаём, что наша церковь не святая, что у неё есть свои недостатки, но она единственное, что у нас есть. Именно она в нас вселяет надежду и даёт нам веру в будущее. Именно наша церковь сдерживает синдикаты, от того, что бы они разорвали наш континент на куски и закусили его людьми.

– Ну, если твоя церковь настолько могущественна, то почему она не приструнит и эти культы?

– Тебе, похоже, не понять, – бессильно начал Малик. – На севере существует более тысячей разных культов, входящих в лоно церкви, которые исповедуют самые различные идеи: от тотального насилия до полного миротворчества, от глубочайшей похоти до необычайного целомудрия, но если наша Церковь попытается пойти против культов, то они восстанут против неё. Мятежников поддержат синдикаты. И начнётся гражданская война, а бойня таких масштабов положит конец нашему континенту. Всё дело в поддержании мира, – спокойно ответил проповедник и с толикой благоговения и рвения добавил. – Несмотря не на что нужно удержать мирное сосуществование.

– Ну а почему ваша церковь смогла сломить синдикаты? Но из–за чего она с ними не покончила вконец, – всё не успокаивался Командор, задавая вопрос за вопросом.

– Ну, слово «сломить» здесь несколько не уместно. Это скорее был крайне невыгодный для синдикатов договор. Всё началось, когда они захотели начать против Церкви войну и

низвергнуть её в небытие, но они увидели, какую силу она имеет, в том числе и из-за количества в неё входящих культов. И когда начались погромы дворцов синдикатов, когда членов этих банд стали отлавливать как собак, то они поняли, что церковь может опрокинуть их. И они пришли. Главы синдикатов пришли просить мира, и она с ними заключила договор – они уходили в её подчинение, а она сдерживала и устраняла в своей пастве антисиндикационные настроения. Так нам удалось сохранить хрупкий и столь шаткий мир на нашем континенте и каждое звено этой системы участвует в поддержании этого хрупкого, но столь нужного для нас мира.

Командор решил сойти с темы и задал нейтральный вопрос:

– Ладно. Расскажи мне про синдикаты, что они представляют?

– Ну, хорошо, – начал Малик и отпил немного вина из бокала. – Синдикаты. Поначалу это были маленькие бандитские группировки ничем не отличавшиеся от сотен или тысяч подобных. И как все остальные они боролись за собственное выживание, по ходу этого разрастаясь, и топя в крови, друг друга. И так они росли, росли, пока не поглотили сотни других группировок, либо мирно приняв их в свои ряды ну или же просто перебив их. Государств уже как таковых не существовало, а поэтому они чинили на улицах городов любой беспредел, который им вздумается. Они по собственной воле могли перебить всё население города и это лишь

ради забавы, что взбрeдeт им в голову, но эти бывшие мелкие группировки настолько распухли и разрослись, что встретились с подобными титанами. И тогда настала угроза великой войны между этими группировками. И в это самое время на арену вышла наша великая церковь. Именно она предотвратила войну и настояла на том, чтоб синдикаты приняли, хоть какие-то законы. Так что она хоть что-то делает и не стоит её попросту обвинять, – упрёком закончил свой ответ Малик.

– А кто во главе синдикатов? – спросил Командор, опустошив свой бокал.

– Смотря, какой синдикат брать. На юге синдикатом правят два брата, на востоке свой «уделом» контролирует единоличный деспот, на западе со всем управляется так называемый «Конгресс десяти», а на севере властвует «Совет сорока». Что можно сказать об их организации.... да ничего особенного. Они устроены, как старые партии Европы, что существовали больше дух столетий назад, смешанных с бандитизмом. Это всё равно, что в банде установить старую партийную структуру.

– Ты знаешь о старых партиях? – удивлённо спросил Командор.

– Да, не стоит удивляться. Когда я был в паломничестве по Африке, то я успел посетить довольно много библиотек в самых разных городах. Эти библиотеки были сосредоточением знаний и мудрости. Время молитв прерывалось на время чтения книг, в том числе и исторических. Первая книга,

которую я прочёл по истории, была про древнюю ромейскую империю.

Командора немного перекисало от слова «ромейскую», но он в себе этот позыв подавил и задал следующий вопрос:

– А почему ты сказал, что эти библиотеки именно были?

– Эти прекрасные библиотеки сгинули в пламени жадности и варварства синдикатов. – Причём у Малика, слегка исказилось лицо от злости. – В своё время синдикатам, когда они только начинали свою экспансию, понадобились помещения под свои склады или нарколаборатории и топливо. Помещения послужили местом под их склады, а книги стали топливом. Они сжигали всё, до последнего листа и корки, лишь бы сэкономить на угле и древесине. Эти дикари даже не знают, какое сокровище они сожгли! – Гневно закончил проповедник.

– Жалко, такие сокровища знаний были потеряны, – печалился Эстебан.

– Не все. – Оживлённо сказал священник. – В Великом Храмовом Дворце, что находится далеко на юге, есть библиотека. Там собрано самое большое количество сохранившихся книг, под опекой нашей Великой Церкви.

– А что, книги уже не печатают?

– Вся древесина идёт на топливо и в производство, а любая бумага только на документы.

После вопроса Командор снова приложился к бокалу, который только что наполнил. Командор глубоко задумался.

Думая об этом месте, где он оказался он, невольно вспомнил своё детство и юность. Эстебан вспомнил, как с друзьями приехал в Рим из восточной Европы, когда там начались «преобразования». Да, по сути, они были политическими беженцами, которые стали «не желательными» на собственной родине. Но как зачастую оказывается, они попали в положение, которое характеризует одно из выражений, что так любят повторять на востоке Европы: «Из–под огня, да в полымя», когда человек практически буквально попадает из ада в ад.

– О чём задумался? – поинтересовался Малик.

– О своём доме... какой я его увидел в первый раз...

– Можешь рассказать?

– То были времена Римского Престола, оказавшиеся сущим кошмаром для простых людей, которые жили в городе и прилежащих территориях к нему, по сути, став каторжниками на собственной земле. На улицах Рима в то время было два правителя: бандиты и нищета, причём не знаешь какой хуже.

– А сколько тебе было тогда лет?

– Мне было семнадцать лет, когда я с друзьями въехал в вечный город на поезде.

– Секундочку... а когда всё это произошло?

– Тридцать лет тому назад... не убавить, не прибавить.

– То есть тебе сорок семь? А ты всё ещё воюешь и состоишь на службе?

– Медицина Рейха и средства внутреннего омоложения, помогают долго держать форму, но не об этом.

– А ты помнишь своих родителей? Наверное, хорошие были люди.

– Ох, – тяжело выдохнул Эстебан. – Я уже не помню своих родителей, практически позабыв и имена друзей с которыми приехал в Вечный Город... прости... и они надеюсь, меня простят.

Хоть Командор запомнил товарищей и близких, но ему навсегда в память врезались те бедняки и нищие, что на колёнях, укатанные в мусор и ореол вони, просили милостыни и жили на вокзале под скамейками. Он всё ещё чувствовал тот жуткий и невыносимый смрад, что стоял в городе на семи холмах и ежедневно отравлявший воздух. Тучи мух парили над столицей некогда славной империи, забытой и потерявшейся в веках став извечными друзьями мора, грязи и голода. Многие здания, некогда красивые и роскошные, стали похожи на бараки где-нибудь в трущобах.

Я до сих пор помню те разбитые улицы, – скрипя сердцем продолжает мужчина. – По которым рекой текли нечистоты и кровь, вечно проливаемые в ежедневных побоищах. И устроить их мог кто угодно: банды, уличная полиция или священники, посчитавшие, что люди недостаточно благочестивы и платят десятину не так усердно. Весь Рим обратился в бесконечные трущобы и погружался в горы мусора, где люди с остервенением и насмерть бьются за чёрствый кусок

хлеба.

– Да-а-а, – задумчиво затянул Малик. – Днём всегда творится такая гадость, ну хоть ночью отдыхали.

– Ни черта подобного, ибо ночь в Риме была подобна воплощению кошмарных снов. Всякая полиция, священник или обычный человек спешили укрыться в своём доме ещё до захода солнца, если хотели встретить рассвет при жизни. Когда солнце скрывалось за горизонт, и в свои права вступала ночь, в Риме полным цветом разверзлось царство Содомы и Гоморры. Бандиты всех мастей и видов, подобно тараканам, с приходом ночи выползали на улицы лишь ради двух целей: ограбить и убить. Обычные разбойники подобно одиноким крысам на грязных улицах – вечно искали, чем поживиться. Но эти мусорные орды вечно голодных шестёрок были ничтожеством, по сравнению с целыми бандами. Это были ужасами ночных улиц города на семи холмах. Они могли безнаказанно ограбить, кого хотели, убивать, кого сочли нужным. Каждый житель Рима, кроме Ватикана, ходил под определённой бандой, находясь якобы «под защитой», а за эту самую «защиту» непомерно платили. Порой, что бы откупиться от бандитов люди отдавали последние деньги и оставались прозябать в нищете. А тех, кто не хотел платить бандам, находили утопленными в Тибре. От количества сброшенных в реку трупов воду стало невозможно пить, так как она стала содержать смертельный яд. Конечно, один из священников призвал больше не топить людей в Риме, но то-

гда многие улочки Рима буквально стали красными, а некоторых «должников» находили повешенными, вплоть до того, что люди скрипели и покачивались на ветру, подвешенными на триумфальной арке. Когда банды выходили, чтоб поделить территорию или выяснить отношения, то ночное небо озарялось яркими вспышками и сияющими лентами трассирующих пуль, разрывающих само пространство, безжалостно убивая тех бедняг, которые осмелились выйти на улицу. Порой эти самые банды устраивали танковые дуэли, попутно обращая в руины пару жилых домов, – тут на секунду парень остановился, будто бы проглотил вещь, обладающую невероятной горечью и кислотой, отчего его страшно искривилось.

– Продолжай... я могу тебя понять.

– И в одном из таких столкновений я потерял всех своих дорогих и любимых друзей. Они, ночью вышли на улицу, чтоб продать остатки морфия, найденного в подвале и купить на вырученные деньги третисортную еду. Но они не успели, и дойти до рынка, как они попали в самое пекло стычки двух банд. Их жизни оборвала очередь чья-то из автомата.

– Понимаю... у меня тоже множество друзей умерло в разборках между бандитским отребьем.

– Из-за бандитов в городе было невозможно жить, они превращали жизнь в нескончаемый кошмар. Но стоит упомянуть, что помимо бандитов ночью на улицу выходили ещё



два класса людей. Это были предприниматели, только первые торговали наркотиком, а вторые живым товаром – телом.

– Ты о чём?

– Ночью в вечном городе разворачивался самая настоящая ярмарка наркотиков. На улицы из руин выходили все: от мелких торговцев, что бодяжили свою дурь на кухне при свечах из самых дешёвых материалов до крупных наркоторговцев, что даже объединялись в сети и могли предоставить более качественный наркотик. На этих стихийных рынках можно было найти любой наркотик: дешёвый и дорогой, обычный и экзотический, в виде жидкости или порошок. «Всё что ваша грешная душа и брэнное тело пожелают» – как говорили наркоторговцы Рима. Да, и неудивительно, что после подобных «торговых фестивалей» улицы города были усыпаны трупами. Причём, как по иронии, на одной улице остывшими и лицом в землю могли встретить рассвет продавец и покупатель наркотика. Первый был убит своими «братьями по ремеслу», а второй погиб от передозировки. И тонны наркотиков всех видов, форм и цены заполонили Рим, сделав его буквально империей дурманящих и веселящих средств в своём регионе. Даже Сицилийская Триада, что на своём острове больше десяти тон в месяц сбывала, могла позавидовать такому обороту наркотиков.

– Я так понимаю наркоторговля и бордельный бизнес у вас шли рука об руку?

– Конечно! – воскликнул Эстебан. – Кстати, о торговцах

телом, помимо рынка наркотиков ночью в городе святого папского престола существовал ещё один рынок – тела или проституции. Когда на Рим падала вуаль ночи, то на улицы сразу выходили тысячи, если не десятки тысяч девушек, готовых предложить своё тело. И причём девицы могли работать как в одиночку, так и находясь под покровительством сутенёра.

– Но зачастую всего «соискатели работы» пытались найти покровителя, – прервал Малик Командора. Я прав? Да и всё потому что если девушка работает одна, то ночь для неё могла стать последней, а при работе в «офисе» у неё были хоть какие-то гарантии, что её вскроют за углом и не оставят лежать до утра.

– Ты прав, совершенно.

– Возрастные рейтинги?

– На улицах не было возрастных ограничений. Возраст «ремесленниц» мог быть разбросан от двенадцати лет до пятидесяти и причём, по мере приближения к Ватикану «товар» был всё качественнее. Если на окраинах города услуги были дешёвыми, предлагали их женщины в лохмотьях, нежели в одежде, а основными клиентами услуг были нищие, наркоманы, мелкие торговцы наркотиками и бандиты–шестёрки, то у самой границы с Ватиканом, жрицы любви были одеты в дорогую яркую одежду, их клиентами становились бандитские авторитеты и крупные наркодиллеры. В Риме существовал даже своеобразный квартал красных фона-

рей, куда стремилась попасть всякая женщина, которая хотела предложить свои плотские услуги. В этом квартале, жрицы любви получали еду, крышу над головой и покровительство местной банды, которая обеспечивала работу квартала, а работать там, было в разы прибыльнее и безопаснее, но попасть туда могла далеко не каждая девушка. При приёме на «работу» она должна была заплатить специальный взнос и далеко не у всех «соискательниц» была нужная сумма. Сам квартал чутко охранялся отдельной бандой, он со всех сторон был окружён колючей проволокой, вышками и баррикадами. В этот квартал был только один вход и один выход. И любой, кто посмеет проникнуть в этот квартал нелегально, мог спокойно отхватить очередь из автомата и встретить утро в канаве.

– А какая у вас там была власть, что всё это творилось?

– Да стоит упомянуть и про Ватикан и жителей «золотого круга», как называли людей, живущих в то время. Нигде больше во всём Риме нельзя было найти той роскоши, в которой купались люди Ватикана, их дома были воплощением богатой жизни и достатка – красивые, украшенные, пышущие роскошью и напоминавшие больше помпезные дворцы эти дома были воплощением несправедливости и тотальной жадности, что царили в городе. Каждый житель «золотого круга» ежедневно страдал от переедания и тонул в разврате, предаваясь самым извращённым способам воплощения своей похоти, так, что кляпы и плётки могли показаться невин-

ной детской игрушкой. И это притом, что большинство жителей остального Рима в день могли себе позволить не более куска хлеба, нескольких овощей и полутора литров воды. Именно из Ватикана железной рукой лорды управляли всей преступной жизнью Рима. Все банды, что существовали в вечном городе, имели своего несменяемого вождя, который придавался плотским утехам в Ватикане. Все главы наркобизнеса проживали за стенами, «мудро» руководя своим бизнесом.

– Хочу предположить, что Ватикан стал воплощением фразы: «Пир во время чумы».

– Конечно, – согласился Командор, прикончив ещё один бокал вина.

– А как всё закончилось? Просто Рим сейчас один из огоньков той развитой цивилизации, что раскинулась по всему северу средиземноморья.

– Согласен... тот кошмар... кромешный ад... несправедливость и нищета... тирания могли продолжаться практически до бесконечности, но пришёл тот, кто потом стал подобен Богу. Первый Канцлер, в бытность свою бывший канцлером Южно–Апеннинского ковенанта, со своей армией, через десять лет после захвата власти на юге, подошёл к вечному городу, который был уже при смерти и захлёбывался тем гноем, что сочился по венам некогда славного града. Простые люди увидели в нём надежду на лучшее будущее, луч света, да и вестника самого Господа. Конечно, сначала он

предложил лордам без боя сдать город и тихо уйти из него, но «мудрые» правители настолько морально сгнили, а разврат тяжёлой болезнью поразил мозг, что они не захотели отказываться от полнейшей власти и достатка, выжимаемо из людей, что кинули ему наглый ответ: «Попробуй, возьми, если сможешь доковылять до границы Ватикана, то мы, может быть, и уделим внимание твоему предложению». Канцлер принял этот ответ как призыв к действию. Его армия, без артиллерийского обстрела и поддержки с воздуха, в сопровождении нескольких старых танков с лёгкой эпохальной бронетехникой и четырьмя десятками безоткатных орудий, под проливным дождём, начала наступление на Рим, ведомая двумя Первоначальными Крестonosцами. Лорды выставили против него два полка регулярной армии, танки, полицейский корпус при поддержке бандитских формирований. Силы армии Канцлера оказались в явном меньшинстве, но сам будущий правитель лично возглавил атаку на город, от чего солдаты пошли за ним, не ведая страха.

– А как отреагировали обычные люди?

– Народ Рима не хотел более испытывать всю тяжесть цепей, они хотели скинуть ярмо рабской власти. Люди не желали больше умирать от голода и нищеты. Жители некогда славного города были доведены до такого отчаяния, что решили, уж лучше они умрут за свободу, нежели будут умирать каждый день от удушающей «заботы» властителей города. Они выходили на улицы со всем, что попадётся под ру-

ку: ножи, вилки, крюки, самодельные пистолеты. На улицах завязалась отчаянная рукопашная, явно не в пользу самого народа. По улицам потекли реки крови и первыми принимали на себя удар банды, которые засели вглубь руин.

– Что было дальше?

– Хотя когда люди вышли на улицы, то это внесло некоторую неразбериху в первичной обороне, которую быстро удалось погасить, но гражданские чисто физически не могли на равных вести бой с вооружёнными бандитами, и уже казалось, что большинство граждан Рима не встретят заката. Но неожиданный и роковой удар в спину начал сеять среди бандитов панику. Большинство полицейского корпуса, ведомое желанием справедливости и жалости к многострадальному народу, восстало против своих хозяев, и в это время в город вошла армия ковенанта. Бандиты и некоторые части регулярных войск оказались между молотом и наковальней, а среди защитников начала сеяться паника. Жители города показывали командирам армии первого Канцлера, как можно было обойти баррикады и оборонительные посты. И в итоге оборона Рима была сметена к пяти часам дням. Народ торжествовал, но это было не всё. Впереди был сам оплот Римского Престола. Тамошние правители заперлись в своей цитадели, под вооружённой охраной и штурмовать Ватикан Канцлер не хотел, ибо не желал больше подвергать людей и своих солдат опасности. И тут нашлось решение. Человек, живший всю жизнь в Риме, часто спускавшийся в канализа-

цию за «свежей крысятиной», как сам выразился, вызвался показать Канцлеру и его людям тайные пути к дворцу, где спрятались лорды. Через полтора часов блужданий по смердящим стокам правителю и его отряду удалось войти во дворец.

– И что же случилось в оплоте олигархического мракобесия?

– Там собрались все тридцать три лорда, обсуждавшие план гнусного побега. Они были более чем в панике, когда Канцлер с отрядом, расправившись с охраной, пробежав через помпезную роскошь величественных коридоров дворца, вынес в щепки дорогую дверь и, размахивая револьвером, вошёл помещение. Он не говорил ничего лишнего, ни угроз, ни предупреждения, будущий правитель Рейха лишь попросил последовать лордов за собой, они беспрекословно подчинились, ибо настолько сильно боялись расстаться с жизнью, что были готовы лизать сапоги Канцлеру.

– Интересный поступок правителя над побеждёнными.

– Ты подожди. Было около половины восьми вечера. Дождь прошёл, и облака несколько рассеялись, даруя место на небе алому солнечному диску, который уже опускался за горизонт, дул лёгкий и свежий ветерок, небо стало прекрасно-алым, с востока уже подступал густой мрак и чёрная вуаль ночи. Над вечным городом небо стало ало-синим.

– Давай без описания погоды... что там случилось?

– Немногочисленный и выживший после страшной бой-

ни народ вышел на разбитые улицы города, представлявшие собой жуткое зрелище: лужи и ручейки крови протекали по брусчатке и асфальту; горы мусора, арматуры, обломков зданий и кучи трупов забивали улицы. Над городом стояли столпы дыма, ставшими символами минувшего жестокого боя, а Канцлер, восседая на своём белом коне, шёл по улицам. За ним, закованные в цепи, шагали все тридцать три лорда и папа римский вместе с ними. Народ был настолько обессиленным и уставшим, что никто из собравшихся людей не кидал камни или кричал проклятья вслед тиранам. Все с ненавистью, но в, то же время с чувством глубочайшего облегчения стояли и смотрели на процессию. В глазах каждого человека читалось глубочайшее изнеможение и дикая усталость, о чём говорили ещё и сторбленные осанки у людей. Многие жители Рима сопровождали процессию, а те, у кого были цветы и подобие их или самодельные цветки с благодатью кидали их на дорогу Канцлера, тем самым выражая глубочайшую благодарность. Канцлер подъехал на лошади к месту, что было рядом с древней Площадью Венеции [8]. Там он взошёл на кусок руин. Обломки старого здания удачно образовывали небольшую площадку. Эта площадка уже удачно поросла мхом и травой, но не потеряла своей схожести с плохой.

– Я уже предполагаю, что же будет дальше.

– Будущий правитель Империи слез со своего коня и взобрался на неё. За его спиной яро разгорался кровавый закат, а ветер слегка развивал его пальто. Он холодным взглядом



оглядел собравшихся людей. В глазах граждан некогда великого и гордого города он увидел не только усталость и уныние, но и неистовую силу реваншизма. Первый Канцлер разглядел в глазах людей желание всё изменить и вернуть былое величие Рима и тогда он нашёл нужные слова к душам людей, подобно тому, как ключник ищет ключ к нужному замку, когда он начал произносить свои пламенные и раскалённые от высоких смыслов говоры, то сердца людей буквально затрепетали. Его речи разогнали всю апатию, столь долго висевшую над городом, и изгнали всё изнеможение из людей. Через пятнадцать минут речи взгляд людей был переполнен решительностью и желанием всё изменить. Вся усталость и уныние были развеяны. И тогда Канцлер приказал покарать тиранов. Их аккуратно поставили на колени, возле «пьедестала» канцлера и по одному взмаху руки обезглавили, а самого папу римского лишили всего имущества и денег и в одной рубахе со штанами, дав ему, кусок полусгнившего хлеба и бутылку воды, выгнали за пределы города. Канцлер своими словами разжёг пламя в сердцах людей. Но потом он решил совершить невозможное. Он спустился с «пьедестала», встав в лужу крови тиранов и обратился людям: «Славные граждане Рима, вы пережили многие тяготы, которые не каждый вынесет и доказали свою силу воли! Жидется заря нового мира! Мира, где нищета, дикарство, бедность и несправедливость отступят прочь! Единого и неделимого мира! Мира, который сплотится под единым знаменем! Дол-

го мы прозябали во тьме, отдаваясь лживым идеям и передавая собственную свободу жестоким, деспотичным, убогим и похотливым тиранам. Славные жители вечного города! Я хочу стать вестником этой зари! Я воплощу древнюю идею единства – Рейха и хочу, чтоб вы сами это решили! Сейчас от вас зависит судьба этого мира! Я отдаюсь на суд вам! Я поклянусь на крови этих тиранов и на этих руинах! Если вы хотите видеть меня правителем нового Рейха и предвестником зари нового мира, что выжжет всю ересь и нечисть, то скажите об этом!»

Рассказчик притих. Эстебан там был. Он видел смятение, что промелькнуло в глазах людей, ибо воистину, настал судьбоносный момент для Европы. Канцлер не блефовал. В тот день люди решали, что для них важнее: свобода и равенство или безопасность, в обмен на тотальный контроль. И они решили. Сначала один человек взметнул руку вверх, с ладонью сжатую в кулак, за ним и другой, а через минуту все люди взывали к Канцлеру как к предвестнику нового мира. Эстебан был там, когда люди откинули манящий мир своды и воззвали более близкому и сладкому миру точной определённости и полного контроля. Эстебан был там, когда свобода посреди осколков бывшего мирового порядка и выстроенная на них была поменяна на заточение в высокотехнологичной и приемлемой для жизни каменной молельне под именем Рейх.

– И что же в конце истории о Риме?

– Через несколько лет непрерывных войн Канцлер въехал в Рим как правитель огромной империи. Он в парадном мундире и на белом коне въехал в столицу нового Рейха. И Рим сильно изменился. Вместо руин, огромные и монолитные здания, выполненные в неоготическом стиле, напоминавшие готические соборы. Всюду развивались флаги и символика Рейха. В воздухе витал запах благовоний и религиозных масел. На улицах гремела музыка и песни. Люди ликовали, ибо вся нищета была изгнана. В великом и славном Рейхе, после всех войн и мятежей не осталось не одного бедного человека, прозябающего в голоде или холоде. Но что-то пропало из жизни людей... всё это празднество, цветы, вновь кидаемы на путь первого Канцлера: всё это пахло фальшью. Цена независимости и величия была уплачена тем, что для людей являлось некогда всем... свободой.

– Знаешь, а ты не похож на уроженца бывшей Италии, – выложил проповедник, удивив своего собеседника, резкой сменой темы. – Твоя родина явно не та страна о которой ты рассказываешь.

– Да, ты прав, я родился на северо-востоке Европы.

– Почему ты уехал оттуда?

– Мой отец считал, что лучше бежать от тех изменений, что принесли с собой «Компаньоны Свободы» или «Культ Конституции», помпезно шагающие под жёлтыми флагами и объявляющие разнузданность и похоть выше здравого смысла. Потом моих родителей арестовали, мы тогда жили в ста-

рой русской диаспоре, за сомнительную статью, сумасшедшей свободы. И я с друзьями перебрался уже в Рим.

– О, а это кто такие? «Компаньоны Свободы»? – с удивлением спросил Малик.

– Я о них мало что помню, помню лишь, что это были либералы–радикалы, стремившиеся перекроить мир по своему усмотрению.

– Я читал о либералах и единственное, что хочу тебе сказать: я надеюсь, что твоя истинная родина не подверглась сильному влиянию этих еретиков.

– А расскажи о своей родине. Почему Африка стала такой? – внезапно спросил Командор, позабыв о своей.

– Хорошо, я расскажу. Но хочу тебе сказать: та Африка, которую ты здесь видишь... не суди о всём континенте, по той картине, что ты здесь лицезрел. На юге есть и большие заводы, и богатые плодами земли, и огромные богатые города, где жизнь не такая убогая, есть и информационные узлы. Но всё не так хорошо, как хотелось бы... Африка... Как она стала такой? Несколько сотен лет назад наш континент спокойно развивался. Была развитая индустрия и современные технологии и некоторые страны Африки во многом не уступали странам Европы. Но разве земля, стабильно развивающаяся, постепенно богатееющая, скинувшая с себя ярмо колониализма, не может не привлекать внимания из вне? Всё началось, как «оказание дружественной и финансовой помощи, развивающимся странам». Мы шли по своему, по на-

циональному пути развития, но нам решили навязать иной. Старая держава белоголовой птицы, на пару с алым ящером востока. И даже не только те страны, сколько их корпорации действовали с нами. Они давали нам деньги в долг, строили заводы, ваяли новые прекрасные белые башни, блестящие ярким светом на солнце, но это было ненадолго. Когда всё наше развитие достигло пика, когда люди стали жить как нельзя лучше, то с нас решили спросить за долги, и взять всё то, что как они считали, мы должны. Все возможные деньги, капиталы и ценные бумаги: всё это было вычерпано из стран буквально до дна. Но нам оставили все заводы, построенные «ради помощи», будто в издёвку, отобрав у нас даже самые ржавые монетки.

– Вот сволочи капиталистические! – выругался Эстебан.

– Моментально были опустошены бюджеты большинства стран. Денег не осталось вовсе, а за разорением последовали опустошение и кризис. Дефицит, отсутствие денег, жуткая инфляция, нищета и потеря покровителей поставили на колени весь континент, и настал долгий закат Африки. А потом эпоха тьмы. Государства пали одно за другим. Вся Африка превратилась в один огромный кипящий и медленно гниющий котёл. Люди нищенствовали, голодали, ведь порой на месяц на семью делили два ломтя чёрствого хлеба, пару вёдер гнилой картошки и несколько литров тухлой воды. Одежды не было вовсе, большинство людей по всему континенту ходили в обносках. Производства не было, а значит,

любое старые вещи и детали не заменялись. Это привело к десяткам тысяч несчастных случаев там, где ещё сохранилась работа, лекарства не производили, аптеки, больницы не работали: всё это, накопившиеся огромным каскадом, привело к гибели миллионов людей, но больше всего людей погибло не от болезней или голода. Больше всего людей пропало в переделах территорий и бандитских налётах, убивавших всех тех, кто не хотел им платить или стоял у них на пути. И во время этой эпохи тьмы стали формироваться синдикаты и наша великая церковь. Именно когда синдикаты и церковь воссияли в полную силу, повергнув своих противников, конкурентов и еретиков, то тогда наступила пора новой эпохи. Эта эпоха носит название «Новый рассвет». Синдикаты, хоть и выходили из среды преступников, убийц, воров, наркоторговцев и мучителей, сразу стали наводить порядок в сферах собственного влияния. Они медленно стали восстанавливать старые заводы, давая обычным людям работу, начали отстраивать разрушенные города. А церковь занялась душами людей, даруя им утешение и верный путь... но как ты видел, не всегда люди хотят придерживаться великих постулатов и платят за это деньгами. Но всё что сделали синдикаты и церковь – это ничтожная толика того, кем были мы до нашего падения. Мы всего лишь ничтожная тень нашего славного прошлого... и поэтому большинство людей, так сильно и отчаянно рвётся на ваши земли. Они считают, что там их ждёт лучшая и более сытая жизнь... Мораль этой

истории проста: мы заплатили всем, что у нас было ради какой-то эфемерной и неосязаемой мечты. Мы потеряли всё ради руин, – со скорбью на лице закончил проповедник.

– Да, сытой она, возможно, будет, но не лучшей, – сказал тут же Командор.

– Чёрный диктат?

– Не понял, – изумлённо выразился Эстебан.

– Люди с ваших краёв так называют правление вашего лидера. Как вы его называете – Канцлера.

– Тут бывают люди с Рейха?

– Конечно, – с улыбкой выразился Малик. – Тут много кто с вашей империи. И торговцы, что ищут диковинные товары, и разведчики, и военные, и преступники вашего мира, которых сюда ссылают.

– Я не знал, что сюда ссылают преступников, – ещё с большим удивлением сказал Командор.

– Мне рассказывали, что это своеобразная форма «помилования». Больше мне ничего не известно, да и ссылаемые долго здесь не выживали, чтобы нам много рассказать, – ехидно заключил проповедник.

Как только Малик закончил свою фразу, дверь в помещение внезапно отворилась, и в комнатку зашёл негр высокого роста, прерывая разговор. Он был высок, с автоматом наперевес и в солнцезащитных очках. Командор в нём сразу распознал командира кланового корпуса, а точнее того, что от него осталось.

– Пойдём. За тобой пришли, – с жутким акцентом и указывая дулом автомата на Эстебана, сказал командир.

Командор, молча, повиновался и последовал за негром. Малик тихо встал из-за стола и без слов пошёл прямо за ними.

Они вышли из храма, который напоминал обшарпанную мечеть, и пошли по направлению к пристани. Воздух был всё таким же раскаленным, а солнце без жалости выжигало землю, так же всюду роились тучи мух, и стоял невыносимый запах нечистот, сливаемых в море.

Группа тихо подошла к пристани, сделанной из старых гнилых досок и уже поросшей в водорослях и отходах. У пристани стоял чёрный катер, с которого уже сошло пара пленных и солдат полк–ордена, на пару с несколькими солдат трущоб, слабо вооружённых и одетых в лохмотья и бойцов из полк–ордена, экипированных в лучшую броню и стоявшие с мощным оружием. На самом катере, на мостике стояло три офицера: лорд–командующий и два брат–капитана. Первый был облачён в стандартный чёрный офицерский доспех: усиленное металлическими элементами пальто, невысокие сапоги и небольшой нагрудник, сделанный из титана. Два других были облачены в стандартную форму бойцов полк–ордена, их отличали только два пера, находящиеся на шлеме.

Несколько пленных полк–орденом людей уже стояли освобождённые от пут и готовые к обмену. Командир встал



напротив воинов из родного ордена. Обмен свершился. Негр пихнул Командора в плечо, приказывая идти, а лорд–командующий крикнул, чтоб передали двух пленных, тут внезапно за Командором пошёл и Малик. Командир кланового корпуса был несколько удивлён, он, было, хотел остановить проповедника, но тут всего лишь отмахнулся, со словами: «Моя миссия здесь окончена, пора нести свет и в другие земли». Командир не стал его удерживать, а всего лишь безмолвно отпустил. Солдаты из полк–ордена молниеносно возвели винтовки на Малика, но Командор сказал, что он с ним. Воины тут же посмотрели на лорд–командующего, тот всего лишь кратко кивнул и солдаты их пропустили, и они спокойно вошли на борт катера.

Мотор завелся, и судно двинулось с места, отдаляясь от «Империи трущоб и царства нищеты». Лорд–командующий приказал Малику спуститься вниз и тот беспрекословно и тихо повиновался его словам и спустился, но затем он быстро развернулся, в его глазах Эстебан прочёл холодную злобу и презрение. Командир вкупе с ледяным спокойствием, и грозным и властным тоном обратился к Командору:

– Вы нарушили практически все возможные директивы и правила полк–ордена за время своей работы и позволили себя взять в плен. Вы подвергли нашу главную операцию срыву. Вы взломали наши хранилища и воспользовались недоступной для вас информацией и укрыли политического преступника в личных целях. Вы обвиняетесь в нарушении дог-

матов нашего полк—ордена. Отныне, вы лишаетесь всего, что у вас было: звания Командора, личного имущества и будете переправлены в миланский аванпост и будете там пребывать в тюремном заключении, пока вам не вынесет вердикт суд полк—ордена. Братья, отведите его в карцер.

Два капитана подошли, взяли Эстебана, опустившего голову и, отдавшись вволю «братьев», под локти и увели в тёмный трюм катера. Мотор заревел ещё сильнее, унося катер к берегам солнечного Рима. Командор заплатил всем, что у него было, ради спасения Рейха.

## Глава двадцать восьмая.

### Встреча в логове шакала

Милан. На следующий день. Полдень.

На улице солнечно, только лишь маленькие облачка чуть затмевают могучее светило, а голубое лазурное небо усеяно сотнями небольших жемчужных облаков. Дует лёгкий и прохладный ветер, дающий некую свежесть в городе. Погода легка и прекрасна.

По улицам славного города Милана шагало четверо парней. В их глазах сияли ярким пламенем вдохновлённость и надежда. Все они были переполнены искренней верой в лучшее будущее и юноши буквально чаяли наступления нового времени, когда каждый житель этого прекрасного города сможет говорить, о чём хочет; когда будет поддерживать того, кого хочет; когда будет читать и смотреть, что пожелает, когда сможет думать, как сочтёт нужным. И все они надеялись, что это самое время, этот золотой век свободы скоро настанет. Ребята гордо шагали по древнему городу, всматриваясь в лица людей, и как им казалось лики горожан, тоже выражали тягу к свободе и воле. Им казалась, что сама погода, одаряющая свежестью и прохладой, вещает о скорых переменах. Но только трое были едины этой мыслью, Габриель, же вновь взывал своими мыслями к другой.

Сегодня воплотился один из его самых страшных и ужасающих кошмаров, которой можно вообще представить для влюблённого человека. Сегодняшний день начинался как обычно: будильник, завтрак, выход на учёбу. Всё как обычно – дошёл до академии и пошёл на занятия. Зашёл в аудиторию и удивился увиденной картине: настроение у его знакомых было сильно приподнято, ибо многие сидели с нескрываемыми улыбками, но что он увидел дальше, повергло его в ментальный шок. Элен и Верн сидели вместе, причём девушка мило расположила свою прекрасную голову на груди у парня и заняла положение полулёжа. Её шелковистые, чёрные волосы прекрасно снисходили волнами по груди Верна. Яркие и прекрасные карие глаза Элен светились от счастья. Верн ласково поглаживал девушку по волосам.

– Габриель, – вдруг послышался чей-то весёлый и бодрый голос. – У нас теперь Элен и Венедикт встречаются. Можешь поздравить новую парочку.

Воздух вокруг парня стал жутко густым, и вдыхать его стало практически невозможно, но он его всё же старался втягивать. В ногах появилась жуткая слабость, и они чуть ли не подкосились, но Габриель устоял на своих двоих. Разум сильно помутился, и стало невозможно думать, а сердце забилось бешеной птицей с такой силой, что ему казалось – рёбра не выдержат такого напора. Но в душе появилась такая сильная обида, что мгновенно превратилась в еле сдерживаемую ярость. Жестокость и злоба в его сердце достигли

такого уровня, что перекрыли чувство отчаяния и досады и если бы ни друзья и знакомые в аудитории и законы Рейха, то он, наверное, прямо сейчас накинулся на Верна. Он воззвал ко всей всем силам души, что были в нём. И невероятной силой воли он подавил вспыхнувшую ненависть, рассеял жуткую слабость, восстановил контроль над рассудком с телом и взял над собой контроль. Все эти «прекрасные» метаморфозы произошли в течение четырёх секунд. Габриель на послышавшийся голос просто отмахнулся куда-то в сторону и присел на собственное место, но жестокая обида и досада накрепко угнездились в сердце.

Габриель внезапно развеял эти мысли и решил присоединиться к размышлениям своих друзей.

– А где Ариан? Почему он не пришёл? – спросил Мицеллий.

– Он сказал, что «Главной шавке и правой руке кровавого тирана и палача доверять нельзя». И он добавил, что продолжит борьбу дальше, обходясь и без нашей помощи. – Довольно искажённо парадирюя с искажением голоса, ответил Алехандро.

– Его никто не заставляет, если хочет дальше жить в изоляции, то это его право, никто ему мешать не будет, – возмутился Бертолко. – Чёртов антилиберальный анархист.

Они ещё несколько метров прошли в безмолвии, как послышалась фраза:

– Что ж, сегодняшняя встреча сильно изменит судьбу на-

шего города, – с небольшой улыбкой на лице помпезничает Мицелий. – Запомните, это великий день!

– Только вот по какому пути мы будем развиваться, ибо сегодня пойдёт речь не только о нашем городе, но и обо всём Рейхе, – сухо вымолвил Бертолко.

– Давайте сначала придём на встречу, и только потом будем говорить, что будет, а чего нет, – огрызнулся Габриель.

– Ох, ты, не так сердито, ведь сегодня ещё и просто хороший день, не замечаешь? – С упрёком и лёгким недовольством вымолвил Мицелий.

– День как день, не знаю, что ты в нём нашёл такого интересного, – так же угрюмо сказал Габриель.

– Ха, тебе хоть солнцем в глаза свети, этот день для тебя останется серым, – уже с явным недовольством изрек Мицелий.

– Что ты сказал?!

– Ребята, не ссорьтесь. Нам не нужно, что бы нас повязали комиссары. А то будет ирония: шли на тайную встречу, а были задержаны за драку в общественном месте. Боюсь, этого не поймут наши предки революционеры. – Вмешался Алехандро.

– Ладно. – Послышался от обоих краткий ответ.

После этого все шли, молча, не проронив, ни единого слова или звука, предвкушая встречи со своим будущим.

Милан похож на банальный большой город Рейха – обычные дома были похожи на огромные серые монолитные бло-

ки, только сделанные в форме зданий и построенные в неоготическом стиле, пребывая в абсолютной серости. Медная отделка по углам, небольшие росписи во славу Канцлера, знаки, и флаги Рейха украшали здания, но несмотря хоть на какие-то украшения, они по-прежнему вдавливали души людей. Эти постройки так же вызывали некое состояние апатии и ничтожности. Они стояли вдоль дорог и улиц огромными монолитами, будто напоминая любому жителю о вездесущии и величии Рейха, но помимо этих зданий были ещё и множество иных зданий: огромные торговые центры, мелкие лавочки, большие закусочные, уютные кафе, великолепные храмы. Все они выглядели разношёрстно и порой даже цветасто, несмотря на жуткую схожесть. Все эти здания были выполнены в неоготическом стиле, как и любил первый Канцлер, ибо считал, что этот стиль отражает устремлённость и праведность.

Всюду можно было увидеть развивающиеся флаги с двуглавым орлом. Повсюду были развешаны плакаты, повествующие о славе и величии Рейха. Из всех граммофонов и экранов безостановочно текли бесконечные похвалы Канцлеру. Это был культ личности, приравненный к государственной религии. И всё это настолько стало обыденным для большинства жителей Милана, что оно стало неотъемлемой частью их жизни. Вся эта символика. Этот фанатичный культ личности и государства, весь этот политический пафос стал частью души жителей некоего славного и независимого города.

Но не для этих четверых, и тех, кто был готов пойти за ними. Именно эти люди жаждали перен. Это группка людей в Милане возжелала переkreить свой город на собственный лад. Именно эти люди хотели сорвать всю символику со всех домов и даровать людям то, что сейчас было в жутчайшем дефиците, можно сказать, что почти не было – свободу. Это было крайне опасное желание.

И через полчаса они подошли к большому серому зданию, сделанному в форме шпиля. Оно возвышалось всего на пять этажей вверх. Возле шпиля росли декоративные растения и красиво подстриженные кусты. Довольно зелёный газон, будто ров или насыпь, окружал здание. Также, шпиль был по периметру окружён чёрным забором.

Вход в шпиль представлен большой деревянной дверью, украшенной богатой резьбой и небольшими золотыми элементами. У входа висели два штандарта Рейха и слегка покачивались на ветру. Ступени были сделаны из мрамора, а на них стелился красный ковёр. На ступенях уже их ждал человек, одетый в строгий костюм, которого Габриель видел на последнем собрании «Братства».

Они прошли через вход в заборе и робко, с лёгкой неуверенностью, направились к ступеням.

– Вы опоздали немного. Лорд–Магистрариус уже вас ожидает, – сухо вымолвил человек.

– Да, мы знаем. Простите, – с дрожью в голосе попытался оправдаться Алехандро.



Человек лишь спокойно посмотрел и сказал:

– Пойдемте со мной. Я вас отведу в его кабинет.

Парни беспрекословно, немного волнуясь, последовали за агентом Главного Лорда.

Человек подошёл к двери. Он спокойно набрал какие-то цифры на циферблате и дверь открылась. Он её открыл и позвал за собой ребят.

Габриель опешил от увиденной роскоши и эстетического блеска в миланской резиденции Лорд–Магистрариуса. Он никогда в жизни не видел такой роскоши, какая предстала в шпиле. Под ногами были плиты из белоснежного мрамора, стены были облицованы плитами из гранита и отделаны серебряными элементами, по углам стояли дорогие статуи, сделанные из золота и бронзы, также на стенах висели прекрасно сделанные картины. Габриель закинул голову и увидел потолок, инкрустированный узорами из самых дорогих камней.

Вся эта роскошь, всё это великолепное убранство настолько пленили разум и взор ребят, что они и не заметили тех, кто ходит вокруг них. Они не заметили уборщиков, которые следят за том, что бы это сиятельство не угасало; они не заметили служащих, что настолько часто здесь бывают, что уже не замечают всей этой роскоши.

Вдруг голос посланника Лорд–Магистрариуса вырвал ребят из пьянящего созерцания:

– Прошу сюда, – потребовал человек, указав на дверь

лифта.

Ребята вновь беспрекословно последовали за посланником в роскошный лифт.

Они и минуты не успели в нём пробыть, как прозвучал характерный звук, и дверь распахнулась, и перед ними предстал небольшой коридорчик, а прямо перед взглядом была дверь. У всех четверых тряслись поджилки от волнения встречи. И только Габриеля не охватывала приятная дрожь, вызванная недоверием к главному лорду.

Агент Лорда постучался и вошёл, а ребята последовали за ним.

Зайдя в кабинет, Габриель уже не удивился его роскоши, но всё же его поразила простота его: богатый, усыпанный бумагами и роскошный стол с компьютером, стоявший посередине кабинета; несколько книжных шкафов, тумбочка, стоявшая практически у входа, забитых книгами; пара красивых ковров, несколько декоративных растений у окна и белый кожаный диван, а у окна, повернувшись к нему лицом, держа руки за спиной, стоял высокий человек. Стоявший человек был одет в фиолетовый плащ и жилетку с чёрной рубашкой, тёмно-синие брюки, чёрные туфли,

– Я встретил лидеров миланского сопротивления, как вы и просили, господин Лорд–Магистрариус, – сухо, но в то же время, отдавая еле заметный поклон, отчитался парень.

– Благодарю, ты свободен, – вымолвил Главный Лорд и его агент тут же вышел из кабинета, оставив парней с ним

один на один.

В кабинете повисла густая тишина. Лорд–Магистрариус смотрел в глаза ребятам, а те всего лишь с неким благоговением и ропотом отводили свой взгляд, будто бы он небожитель какой-то, пришедший чтобы их спасти, но Габриель заметил, что благородный взгляд смотрящего был отравлен толикой презрения к ним.

– Что вы застыли, можете присаживаться. – Указывая на диван, и с некой толикой наигранности и натужности, сказал хозяин кабинета.

Мицелий и Бертолко уместились на диван, Габриель остался стоять, а Алехандро сел на стул напротив Главного Лорда.

– А у вас в каждом городе такие великолепные резиденции? – внезапно спросил Мицелий.

– Ох, конечно же, нет, – стараясь создать добродушную и приятную атмосферу, с улыбкой и по–простому заговорил Лорд–Магистрариус. – Только в Милане и ещё двух городах.

– А почему мы не могли встретиться в администрации города или в представительстве одного из министерств?

– Во–первых, все департаменты, министерства, градоначальники, губернаторы, чиновники и бюрократы, а если быть точным – их совокупность, называется – Имперор Магистратос. А главой всей этой структуры являюсь я. Да и к тому же здесь безопаснее. – Пытаясь повторить эрудированный стиль в речи Бертолдо, ответил хозяин кабинета. – Ну лад-

но.— Вновь заговорил лорд. — Я вас сюда позвал, что бы выработать общую концепцию действий и противодействий режиму, но сначала я хотел спросить: У вас самих—то идеи есть?

— Агитация, — начал Алехандро и на него тут же все подняли взгляд. — Сначала мы хотели развернуть широчайшую агитацию и пропаганду.

— Вот это уже не плохо, но насколько я знаю, у вас целых четыре движения, распространяющих совершенно разные учения? Кстати, где ещё один член вашего сопротивления?

— Он не выразил желание не присутствовать на этой встрече, — ответил Бертолдо.

— Ладно. Вернёмся к теме. Какое из этих четырёх учений вы хотели распространять?

В ответ было лишь молчание и поникшие головы.

— Хм, тогда я вам предлагаю разработать единую концепцию, без идеологических оттенков и цветов, основанную, прежде всего на идее борьбы с фашистским режимом Канцлера и несправедливой и тоталитарной системой, — спокойно и слишком официально, сменив добродушный тон на холодный тембр, говорил глава бюрократии.

— Было бы не плохо, — поддержал предложение Бертолдо.

— А как, три диалогически разных сообщества будут осуществлять единую агитационную деятельность? — внезапно для всех спросил Габриель.

– Здесь всё довольно просто, юноша. Вам необходимо объединиться в единое движение, которое будет базироваться на единых началах, – ответил Лорд–Магистрариус.

– Как на единых началах?! – внезапно возмутился Мицелий. – Каждое движение имеет свою собственную идеологию, собственные убеждения и устои. И вы хотите, чтобы мы отступились от наших догматов и постулатов? – отбросив благоговение, спросил парень.

– Вы знаете древнюю притчу про ветки веника? – спросил у всех Главный Лорд.

– Нет, – ответили Габриель и Мицелий.

– Неа, – сказал Алехандро

– Не знаю такой, – произнёс Бертолдо.

– Ну, тогда я расскажу. У одного старика было три сына. И они никак не могли ужиться вместе. Старик очень хотелось, чтобы после его смерти сыновья жили в мире. Он решил научить их этому.

Однажды, отец позвал их к себе и попросил разломать пополам веник. Сначала попробовал старший сын, но, сколько он не старался – ничего не получилось. Такие же неудачи постигли среднего и младшего. Тогда отец развязал веник, и попросил каждого сына разломать по несколько соломинок. Это, конечно же, им с лёгкостью удалось.

Тогда отец сказал:

– Вот также и в жизни. Если вы будете вместе, то вас никто не сломит, а по отдельности вас также легко победить, как и

сломать пару соломинок.... Так и вы. Если ваши движения не объединятся в одно и не станут едиными, то вас постигнет судьба тех же соломинок. Вас деспотичный и безжалостный режим Канцлера просто переломает как сухих веток. Поэтому вы должны объединиться. Иначе никак.

– Понятно, – тихо и еле слышимо выдавил Мицелий.

– Но на каких основах мы будем выступать? Какое учение или идея будет у нас в основе? Что мы будем пропагандировать? – немного растерянно уткнувшись в пол пустым взглядом, тягостно спросил Бертолдо.

– Поэтому я вас и собрал, сегодня здесь, – со слащавой улыбкой на лице промолвил Лорд–Магистрариус. – У меня есть идеи, насчёт вашей дальнейшей деятельности и уже нашей общей работы. – Сказал глава правительства, причём выделив голосом слово «нашей».

– И что же вы хотите предложить? – вкрадчиво спросил Бертолдо.

– Во–первых, вам как организации понадобится новое здание, не всё же вам по грязным подвалам собираться. Я вам выделил большое двухэтажное здание на юге Милана. Раньше там была частная типография, но по политическим мотивам её упразднили, а владельца отправили в тюрьму, как «политически неустойчивого гражданина, возможно склонного к предательству». Теперь это здание ваше, – по–барски махнул главный лорд в сторону ребят. – Распоряжайтесь. Все бюрократические формальности, связанные

с Министерством Идеологической Чистоты, Министерством наблюдения за Заброшенными Зданиями и Министерством Надзора за Имуществом Рейха я возьму на себя. Вы можете не о чём не беспокоиться. И по местоположению вашего нового штаба, вас сориентирует мой агент. Во-вторых, вы будете выступать на единой основе. Все идеологические аспекты должны быть упразднены. Ваше, ох, прошу прощение – наше движение, – с улыбкой и театральным проявлением извинения сказал Лорд–Магистрариус. – Будет основываться на общих и простых, а главное жизненных и реальных тезисах: «главный враг – Канцлер», «нельзя так больше жить», «долой режим», «да здравствует свобода» и ещё множество других славных лозунгов, которые вы сможете придумать. Ну а что касается внутреннего устройства нашего движения, то надеюсь, вы здесь справитесь сами, тут я вам даю полную свободу.

После того, как Главный Лорд закончил свою речь, в кабинете повисла вуаль неловкой тишины. Никто не знал, что можно сказать, но вдруг Алехандро развеял тишину своим вопросом:

– А что мы пока должны делать? В чём функции нашего движения?

– Пока что, вы должны просто заниматься агитацией и пропагандой. Причём должны делать вы это должны как можно осторожнее и тише. Да, министерства и Имперор Магистратос пускай в моём подчинении, но вот, что касается

структур Трибунала Рейха, Культа Государства и Империял Экклесиас, то здесь я буду бессилён.

– А позвольте вопрос? – резко спросил Бертолко.

– Конечно, задавай, – легко согласился Лорд–Магистратуус.

– А почему был осуждён владелец типографии?

– Всё просто: он выпустил газету, где была критическая заметка про нашего Канцлера, да к ней ещё и карикатура прилагалась. Его арестовали, а всех сотрудников уволили, с ограничением возможности устройства работы. Теперь все те, кто здесь работал, могут быть только уборщиками, разнорабочими и т.п. К сожалению, эти люди испытали малую толику всего гнёта тирании Канцлера, ведь они могли и в тюрьму отправиться. – Ненадолго прервался, глава правительства, а потом с толикой импульсивности внезапно заговорил. – Вот почему должен быть свергнут Канцлер, а его диктатура и деспотичный режим ниспровергнуты. Больше не один человек не должен пострадать от этой тирании. Почему люди расплачиваются за собственные мысли и поступки? Лишь потому, что они противоречат тому, как думает Канцлер. – Язвительно сказал глава Император Магистратос, – Нет, этого больше не должно быть, так жить больше нельзя. Долой тиранию, давай свободу! – Закончил Лорд–Магистратуус.

– Это точно! – Вторил ему Алехандро.

– Вы совершенно правы, жить больше в этом тоталитар-



ном аду не представляется возможным, – яро согласился Бертолдо.

Молчит только Габриель. Парню было невыносимо мерзко здесь находиться, ему это всё напомнило театральную постановку. Габриелю казалось, что Лорд–Магистрариус разыграл для них целое представление, все эти вопросы, что задали его друзья, будто глава правительства их все предусмотрел и заранее придумал на них ответы, что ещё хуже, ему казалось, что начальник Имперор Магистратос сам вёл их к этим вопросам, всё сильнее разыгрывая эту постановку. Габриель смотрел прямо в глаз Лорд–Магистрариуса. Он не видел там уважения к пришедшим, или хотя бы понимания. Взгляд царя бюрократии наполнен самодовольством, гордыней и презрением к ним. Габриель прочёл в этом взгляде горделивые и неограниченные амбиции. Ему хотелось верить лишь в добрые побуждения Лорд–Магистрариуса, но он видел только обратное. Габриель видел, как Главный Лорд с самодовольным лицом расположился у себя в кресле, услышав, как друзья вторят ему. И тогда Габриелю в голову парню пришла мысль. Эта мысль показалась ему страшной и отталкивающей, а что ещё больше – ироничной, ведь она пришла в месте встречи революционеров.

«А что если эта революция ничего хорошего не принесёт? Что если она существует, лишь для одного человека?» – Подумал про себя Габриель. Он не стал отбрасывать эту мысль, он решил её оставить и рассказать о ней друзьям. Вдруг сло-

ва Главного Лорда вырвали Габриеля из собственных рассуждений.

– Я забыл сказать, что у меня для вас есть ещё один подарок, ну, если можно так выразиться, – добродушно сказал глава правительства, пытаясь показать доброго друга ребят. – Я к вам отправлю нескольких помощников, разбирающихся в вопросах агитации и пропаганды, чтобы вам легче было работать.

Александр и Мицелий молча, но широко улыбаясь, ликовали, Бертоaldo лишь немного улыбнулся, а лицо Габриеля осталось неизменным, будто каменным.

– Ну а теперь прошу простить меня, я спешу на очень важную встречу. Оставайтесь здесь, я пришлю своего помощника, и он вас проводит, – вымолвил Лорд–Магистрариус и вышел из–за стола, направившись к выходу.

Выйдя за порог кабинета, было слышно, как он кого–то к себе подзвал и через несколько мгновений в помещении появился посланник Канцлера.

– Пойдёмте со мной, я вас выведу. – Сухо промолвил он.

Через несколько минут друзья стояли на улице, за пределами резиденции. Ветер несколько усилился, и на улице стало довольно прохладно. Флаги Рейха трепыхались на ветру, будто в предсмертных судорогах. На синем небе появились облака тёмного цвета.

Габриель смотрел в лица своих знакомых. Они были странно одухотворёнными. Парню в голову сразу пришла

строчка из учебника по «Теизму в дорейховской эпохе»: «Так же, помимо истинной веры в Бога, на территории Европы были распространены ереси. Обычно после посещения еретических собраний люди выходили, находясь в возвышенном настроении и подобии транс». Что Габриель сейчас и наблюдал, хотя эта дисциплина казалась ему довольно глупой и была порождением деспотичного диктата церкви на государство. Он подошёл к Алехандро и заговорил с ним:

– Слушай, я может, сейчас скажу глупую вещь, но следует ли нам верить Лорд–Магистрариусу? Не кажется ли тебе, что он просто играет с нами? – так просто и в лоб решил выразить свои мысли юноша.

Глаза Алехандро расширились в удивлении. Рот немного приоткрылся от изумления.

– Ты что Габриель? Сейчас наступает замечательное время. Мы стоим на пороге новой эпохи, а ты говоришь, что тот, кто сильнее всех её приближает, просто играет с нами? Габриель, с тобой всё в порядке? – ч крайнем удивлении и сокрушением в голосе спросил Алехандро.

Тот час подошёл Мицелий и положил руку на плечо Габриеля. Парня это ошарашило, ведь больше получаса назад они были готовы сцепиться.

– Послушай, я знаю, тебе сейчас не совсем хорошо. Мне рассказали, что случилось, так что я тебя понимаю, но ты пойми этот человек – единственный, кто нас сейчас может поддержать в нашем стремлении к свободе.

– Давайте поспешим уйти отсюда, эти разговоры не к этому месту. – Сказал Бертолдо и он был в чём-то прав. Большинство зданий, относящихся к Департаментам Власти, были просто усеяны десятками видеокамер, как внутри, так и снаружи и все разговоры, могли спокойно прослушиваться министерством Общественного Рейтинга, министерством Идеологической Чистоты, структурами Трибунала Рейха и ещё множеством «замечательных» организаций.

– Пойдём, Габриель. Давай по пути зайдём, в какой ни будь бар и снимем депрессию, хорошо? – Сказал Мицелий и последовал за уходящими друзьями.

Габриель согласился и последовал за ними, но в душе остался отпечаток негодования и недоверия Лорд-Магистрариусу. Парню, задумывавшемуся о начальнике Имперор Магистратос, неожиданно пришла ассоциация с «золотым волком». Он был так, же хитёр и обманчив, не любил показывать свою истинную сущность, подобный лицемеру в человеческом обличье.

«Вот шакал». – Гневно подумал про себя Габриель и присоединился к своим друзьям, не в силах их переубедить...

## Глава двадцать девятая.

### Гость из–за стены

Через несколько часов.

В помещении было довольно душно, несмотря на всё увеличившуюся прохладу на улице. За окном уже слегка покачивались голые деревья, плавно размахивая ветками во все стороны.

Квартира представлена всего одной комнаткой, размещённой в каком-то доме, который потерялся в лесу из серых подобных друг другу монолитных огромных зданий, составлявших новые районы. В комнате на старом диване свободно расположился человек. Он был одет в короткий синеватый джинсовый пиджак, который вольно расстегнут, и показывал белую футболку. Так же на нём были белые туфли и голубые светлые свободного пошива джинсы.

Рядом с ним стоял высокий человек, одетый в форму спецназа и с оружием в руках. Он стоял довольно скованно, идеально выпрямив осанку, став подобно безмолвной статуе.

Вдруг послышался скрипучий звук открываемой двери и в комнату вошёл ещё один человек, одетый в фиолетовый плащ.

– Оставь нас, – строго кинул вошедший человек спецназовцу. – Охраняй вход.

После того, как военный покинул комнату, наступила тишина. Вошедший человек взял стул, стоявший в углу и сел напротив гостя.

– Я так понимаю, вы Лорд–Магистрариус вашего Имперор Магистратос? – спросил человек, сидевший на диване. – Боги, что за названия, – возмущённо, но улыбаясь, добавил гость.

– Да, это я, – спокойно, будто сдерживаясь, ответил Главный Лорд.

– Ну, тогда приятно познакомиться, надеюсь, наше сотрудничество принесёт нам большую выгоду, – с улыбкой произнёс гость.

– А вы можете представиться? – сухо спросил глава всего правительства.

– Ох, конечно. Я главный представитель и по совместительству член совета директоров Корпорации, Южный Поток Магнус...

– Стоп, – резко прервал глава говорившего. – В нашем деле имена не называют.

– Почему? – Изумлённо спросил представитель корпорации.

– Не стоит. Хоть до того, чтобы установить камеры видеонаблюдения в каждый дом, наш Канцлер ещё не дошёл, однако он думал это осуществить, но всё–таки даже и у стен есть свои уши.

– То есть я не могу говорить, что думаю или что хочу? –

С ещё большим удивлением спросил Магнус.

– За вас здесь думает Канцлер... Как он думает, так должны думать и вы, а хотеть вы не можете. Вы должны делать, что понадобится нашему государству. – Сухо ответил Лорд–Магистрариус.

– Дикость, – с отвращением выложил Магнус.

– Ну не начинайте. – С явным протестом сказал глава правительства. – У вас тоже есть, ряд крайне необычных вещей, критиковать которые строго запрещено.

– Так мы защищаем свободу.

Лорд–Магистрариус удивился. Защищать свободу, запрещая при этом критиковать вещи, за которые в консервативном Рейхе отправят в Великую Пустошь.

– Ладно, мы тут собрались не ради спора, но прежде чем мы начнём переговоры, я хочу уточнить одну очень важную вещь.

– Конечно.

– Вы прошли по городу тем маршрутом, который я рекомендовал?

– Да, а почему я должен так пройти?

– Во–первых, такой стиль одежды, который у вас, не принят у нас в государстве и скорее всего ваше появление на улице вызовет у горожан неподдельный шок и они сообщат уличным комиссарам. Во–вторых, что бы избежать большинства камер, полицейских и уличных комиссаров, которые бы вас и задержали. – Снова так же сухо сказал Главный

Лорд.

– Меня могли за стиль моей одежды арестовать?! – негодуя, воспалил Магнус. – За что?

– Ну, как считает Канцлер и его приспешники, ваша одежда противоречит ультраконсервативным взглядам на моральный аспект Рейха.

– А можно чуть проще! – Недовольно попросил представитель корпорации.

– Одежда вашего типа выражает разнузданность и противоречие постулатам церкви, что естественно подрывает фундамент Рейха. – Саркастично пояснил Лорд–Магистрариус. – У нас сфера морали, а значит и моды, контролируется государством.

– Мда... а у вас есть те вещи, которые не контролируются государством? – Выражая явное недовольство в голосе, спросил член корпорации.

– Да.

– Какие?

– Загробная жизнь.

Взгляд Магнуса выразил крайне глубокое удивление. От изумления, ударившего в голову, он опрокинулся на спинку кресла и немного приоткрылся рот.

– Да я пошутил. У нас государство и загробную жизнь контролирует, – с улыбкой сказал начальник Имперор Магистратос.

– Не смешно. Как вы можете жить при такой деспотии?



Нельзя думать и мыслить, как хочешь, нельзя ходить, в чём хочешь. Что у вас вообще можно?

– Фанатично верить в Канцлера и работать до изнеможения во славу его.

– Это жутко, – с ещё большим отвращением сказал представитель корпорации.

– Позвольте. – Протестуя, вновь сказал Главный Лорд. – У вас есть тоже ряд вещей, который можно назвать отвратными.

– Это наша свобода и у нас нет никаких ограничений, кроме законов, – гордо сказал Магнус, и тут же задал вопрос. – Я забыл спросить: а как вам удалось провести меня через проход стены и отключить множественные автоматические турели? Ведь у прохода вовсе не было охраны, а турели не работали.

– Я Лорд–Магистрариус и в моём ведении и подчинении находятся все министерства. А за границами следит Министерство Надсмотра за Стеной и Границами. Пара приказов и уведомлений и участок стены перестаёт работать. – С явной гордыней в голосе ответил глава бюрократического аппарата. – Да и к тому же, наши правительства довольно долго сотрудничают в разных сферах и поэтому «бдительность» стены часто усыпляют и это вопросов не вызывает.

– А народу говорят, что мы воюем...

– Да, у нас так говорят. Нам необходим образ внешнего врага, чтобы сплотить людей возле одного человека, но на-

сколько я понимаю, и у вас похожая ситуация в стране... только там всем рулит целый «Культ Конституции».

– Это всё во имя свобод! – с некоторой толикой фанатизма прикрикнул Магнус.

– Ну ладно, мы сюда пришли не для того, чтобы мериться странами.

– Это верно... позвольте ещё два вопроса, прежде чем мы перейдём к делу?

– Конечно.

– Почему мы встретились на этой небольшой конспиративной квартирке, которая находится в глубине этих бетонных зарослей? Почему не в вашей роскошной резиденции, о которой вы нам рассказывали?

– Ответ довольно прост: в моей резиденции могут работать агенты и шпионы Канцлера, следящие за деятельностью моей и моих людей. И появление человека в одежде, непринятой в Рейхе может вызвать у них огромное количество вопросов, которые в скором времени рассматривал бы уже сам Канцлер.

– Понятно. И второй вопрос: мне сказали, что вы задерживаетесь по причине встречи с миланским сопротивлением. Расскажите о них поподробней.

После этих слов лицо Лорд–Магистрариус расплылось в широкой улыбке. Он даже подвёл ладонь ко рту, чтоб не рассмеяться. Но все, же некоторые смешки прорвались через ладонь. Через некоторое время он успокоился и стал гово-

речь более спокойно:

– Это даже сопротивлением назвать нельзя. Так, подростки заигрались в свободу и независимость. Ничего особенного, просто ещё одни пешки в этой игре.

– Если они пешки, то зачем вы вообще с ними встречались?

– Они могут ещё послужить для дела будущей революции. Они станут тем вирусом, что поселится в этом городе и разнесёт наши идеи по большому количеству человек, если повезёт. Я им внушил мысль, что они чего-то стоят для города, и они в это поверили. Если бы они знали, как они и их идеи ничтожны, нисколько для Рейха, сколько для города, в котором они живут.

– Понятно. Ну, тогда давайте приступим к делу.

– Это будет славно.

– Когда вы общались с нашим руководством, то вы просили у нас дополнительное мелкое стрелковое вооружение, так как к армии и его вооружению доступа не имеете, в виду того, что практически каждая партия оружия, каждый пистолет, патрон или гильза строго отслеживаются государством, но почему вы не имеете доступ к вооружению, ведь вы возглавляете правительство и целых два министерства – Нападения и Обороны находятся в вашем ведении. Почему вы не способны оттуда взять оружие?

Лорд–Магистрариус слегка усмехнулся, и только потом ответил:

– Как мне сообщают доверенные лица, у Канцлера в ведении целая служба тайных шпионов, которые лично для него ведут слежку по всему Рейху, в поисках предателей и отступников. Провести через границу в сопровождении моих доверенных лиц это одно. А вот красть оружие с огромных производств, где могут работать шпионы Канцлера это другое. Любой человек, которого вы знаете, может быть агентом этой службы. Кто угодно: от твоего заместителя до последнего уборщика на улице. Вся наша Империя окутана бесконечной сетью этой службы. Без её ведома ничего не делается в Рейхе. Она всё знает, всё видит и всё докладывает своему господину. Если Канцлеру, нужно будет узнать, в какой носовой платок сморкается деревенский староста, или какой тряпкой моет пол в деревенской пивной уборщица, то он непременно узнает об этом. Это тотальный контроль за всем и вся. Это и есть вездесущий деспотизм, помогающий осуществить тотальный террор.

– И? – с требованием начал Магнус.

– Вы не поняли? За каждым танком, за каждой гильзой и проволокой, что находится в моём ведении, пристально следят. Если со складов, помещений и объектов министерств Нападения и Обороны просто так пропадёт даже болт, то через несколько часов я буду стоять перед Канцлером и отчитываться за этот винтик или болтик. Мы с вами сейчас разговариваем лишь по одной причине: я никогда ещё не терял бдительность. Я никогда не позволял себе расслабиться или

довериться, кому ни будь, всегда всё перепроверял по сотню раз, чтоб не попасть в поле зрения агентурной сети. И только поэтому вас удалость провести через границу, так как имее-те статус «Посла доброй воли», которые тайно допускаются к переговорам с Империей.

– Мда... ваше государство не оставляет место даже для свободного вздоха... – Монотонно констатировал предста-витель корпорации. – А как вы ускользнули от всевидящего ока агентов и Канцлера?

– Скажем так, даже некоторые из этой сети хотят повесить Канцлера на этой самой сетки.

– О-о-о-о-о, – с раскрытым ртом и сильно удивлённым то-ном начал Магнус. – У вас и оппозиция есть, приближённая к самому Канцлеру.

– Я бы не называл это оппозицией. Для оппозиции, если верить старым книгам из эпохи свободы, характерны физи-ческое наличие и активность в обществе. Мы не оппозиция. В этом тоталитарном государстве мы подполье, сопротивление. Не более этого.

– Понятно. Давайте вернёмся к делу. Вы же с нами связа-лись не только из-за нужды в оружии для будущей револю-ции. Вы ещё чего-то захотите. Озвучьте тогда весь список требований, зачем тянуть.

– Какая жалость, а я думал продлить наше общение, – с нескрываемой наигранностью и сарказмом в голосе начал Главный Лорд. – Когда оружие будет поставлено, когда же-

сточайший гнёт режима Канцлера будет свергнут, то тогда нам понадобится помощь. Во-первых, нам понадобится признание вашего государства. Мы хотим получить нового союзника, с которым мы построим новый мир. Если мы сможем объединиться, то наши силы возрастут вдвое и наш союз сможет сокрушить империю коммунистической ереси. И тогда над всей Европой воссияет великое знамя свободы! – С явным пафосом закончил глава бюрократии.

Магнус слегка улыбнулся, в его глазах пробежали искры шельмовства:

– Это всё... понятно, – деловито начал он. – Но дело в том, что ваше государство способно нам предложить взамен. Мы вам готовы хоть танки с ядерными боеголовками поставлять, но вы должны и по себестоимости заплатить. Или даже так: вы должны будете заплатить за стоимость помощи, за её доставку и за то, насколько она вам помогла те вещи, что мы вам предоставили. Вы способны уплатить за оказанные услуги, если да, то мы будем рады иметь с вами дело.

– Сразу видно агента частной корпорации, – разведя руки в стороны, громко и возмущённо произнёс Лорд-Магистрариус. – Вы всегда за свои услуги просите деньги, и я не удивлён этим.

– Если вы хотите примкнуть к миру свободного рынка и торговли, то будьте готовы заплатить за всё, что есть в продаже. Это называется рыночная экономика, что является важнейшим элементом нашего мира, – ревностно и фанатично,

с токами гордости заявил Магнус.

Лорд призадумался перед ответом. Как ни странно, но он не услышал эпитета «свободный». Не перед словом «рынок», не перед словом «торговля». Может Магнус просто забыл их упомянуть, а может он просто чего-то недоговаривал. Но последующие слова собеседника вырвали главу правительства из этих размышлений, и он больше не возвращался к подобным мыслям.

– Вы, если хотите вступить в лоно капиталистического мира, должны запомнить: рынок не прощает долгов. Либо вы заплатите сегодня, либо завтра он высосет из вас последние соки. – Добавил Магнус.

Лорд–Магистрариус задумался. Стоит ли ему заключать сделку с этой корпорацией? Ведь есть иные союзники. Там за стеной есть ещё одна империя... империя вечной постоянности, фанатичной точности и беспредельного равенства. Может с ними стоит заключить союз? Но какую цену они потребуют за свою помощь? Минимум: полное идеологическое подчинение. А каков тогда максимум? «Нет, уж лучше жестокий рынок, нежели беспощадная уравниловка». – Подумал про себя Лорд–Магистрариус.

– Вы просите заплатить за свои услуги? Что ж, я озвучу своё предложение. – Тяжко начал начальник правительства. – Рейх имеет богатые месторождения самых разных полезных ископаемых. Когда в нашем государстве установится эпоха свободы, то вы получите право на обработку этих

месторождений и все права на их ресурсы.

– А как же Корпоративная Палата? Мне тут рассказали, что именно она контролирует всю убогую частную экономику Рейха.

– Я её распушу, а осколки создадут свободные частные корпорации. Это будут совсем молодые образования и вы без труда сможете отобрать у них этот рынок.

– Этого мало. – Нагло заявил агент корпорации.

– Так же вы получите различные преференции в сфере торговой деятельности на нашей территории.

– Всё равно мало. Мы всё–таки вам помогаем преобразиться, освободиться от гнёта тираничного режима, а не просто даём оружие.

– Хорошо. – Уже раздражённо начал Главный Лорд. – Вы получите одиночную выплату из бюджета нового государства.

– Не, недостаточно. – С ещё большей наглостью сказал Магнус.

Лорд–Магистрариусу уже порядком надоела наглость и бесконечное вымогательство. Со стороны представителя корпорации. Он сдерживал себя, чтобы не порвать ему пиджак. Всё же он спросил у него:

– Ну, назовите тогда вашу цену, господин «благодетель?» – саркастично выделив последнее слово.

– Хорошо. Мы возьмем, что вы уже предложили, плюс сверху мы требуем передачи Великой Пустоши, Корсики,



Сицилии, Сардинии и град Константинов в собственность корпорации.

Лорд–Магистрариус опешил от такой несусветной наглости и необъятных appetитов. Его взгляд сделался удивлённым, а по телу пробежал импульс. У него появилось жуткое желание дать в лицо Магнусу и выбросить его с окна, но его собеседник заметил растущее напряжение вкупе со злобой в глазах и решил пойти на уступки:

– Ну ладно, я погорячился. Мы не будем забирать у вас территории, мы просто будем у вас брать эту землю в аренду, для обработки собственных ресурсов и продукции. Мы просто будем у вас арендовать Великую Пустошь.

Но на главу Имперор Магистратос это едва ли подействовало. Его взгляд продолжал нарастать яростью, а на лбу проступила испарина. Ещё он сжал кулаки с такой силой, что кожаные перчатки на его руках жутко заскрипели. Магнус пододвинулся к спинке своего кресла, пытаясь всё дальше отодвинуться от своего собеседника, а по его спине пробежал холодный пот. Он только что понял, что не нужно было так наглеть. Пытаясь сгладить всё растущие напряжение, он лихорадочно заговорил:

– Ладно. Помимо лёгкого стрелкового вооружения мы вам поставим тяжёлое вооружение, несколько десятков единиц бронетранспортёров, пять танков и один вертолёт. Так же мы готовы отказаться от одиночной выплаты в нашу сторону.

Напряжение стало спадать с лица главы правительства.

Наступил момент плотной тишины. Магнус с некоторой толикой страха посматривал на собеседника, а тот в свою очередь погрузился в размышления.

– Сейчас мы пришли к следующему соглашению. – Сухо и без следа раздражения или злобы начал Лорд–Магистрариус. – С вашей стороны нам поставляется вооружение, которое будет передано нам на границе, а мы в свою очередь обязуемся предоставить вам монополию в добывающей промышленности, торговые преференции и сдать в аренду на неопределённый срок Великую Пустошь, а так же Сардинию и Корсику... не более того.

– Да, всё так. – Коротко и с желанием по быстрее закончить разговор ответил Магнус. – И этого нам хватит.

Главный Лорд протянул прямую и напряжённую руку представителю корпорации. Мужчина протянул свою руку и немного поморщился от той силы, с которой его руку пожали.

– Выпроводите его. – Сухо сказал Лорд–Магистрариус и из-за угла мгновенно появился спецназовец.

Представитель корпорации встал и поспешно покинул квартиру, следуя за солдатом, причём со страхом в глазах оглядываясь на главу Имперор Магистратос.

Лорд–Магистрариус остался сидеть один в комнате. Он был в глубоком недоумении и неподдельном шоке, от того мира с которым он хотел породниться и только сейчас в его голове промелькнула мысль, на которую он обратил при-

стальное внимание. Эта мысль, лёгкая как дуновение ветра и случайная, как лист, сорванный с дерева и попавший на одежду. Но ему эта мысль показалась прекрасной. Она показалась ему выполнимой и тем более прелестной. Эта идея противоречила тому, что он думал ранее и тем более тому, что он хотел реализовать, но эта мысль показалась ему единственно верной, и он решил её обдумать.

Перед главой Имперор Магистратос стали вырисовываться картины прекрасного будущего – он на троне и все, все вокруг него пляшут танцы подчинения и раболепия и только он, одной лишь мыслью может изменить мироустройство.

Лорд–Магистрариус пересел на кресло, где ещё сохранилось приятное тепло от неприятного человека. Он закрыл глаза и провалился в мир собственных грёз и с его губ шёпотом сорвалось одно-единственное слово:

– Власть.

# Глава тридцатая.

## Медленное начало конца

Столица. Спустя несколько часов.

Установился прохладный вечер. Небо Рима, окрасившееся в красно-фиолетовый цвет, было усеяно белыми облаками. Римский закат был особенно красив: солнце уже практически ушло за горизонт, лишь немного озаряя небеса и надевая ночной тьме окончательно поглотить город. Солнечный диск садился, освещая некоторые здания, погружая их в бесконечном массиве золотого света. Над Римом повисла лёгкая и прекрасная прохлада. Не было слишком жарко, но не было и сильно холодно. Ветер спокойно гулял по улицам города. Ветер не был ледяной или порывистый, только слегка освежающий, подобно легкому морскому бризу, слегка заставлявший покачиваться знамёна и флаги на домах.

Гул над вечным городом стал постепенно стихать, ведь скоро настанет комендантский час, когда город окончательно уснет, и на улицах останутся лишь те, кто вечно блестят закон и порядок в Рейхе. А так же, на улицу выйдут те, кто вечно славят имя Канцлера и во славу его готовы пойти на всё – храмовники. В Риме улицы патрулируют не только полицейские с уличными комиссарами, но и храмовники, под руководством инквизиторов. Не одна мышь, после комен-

дантского часа не могла спокойно пройти по улицам ночного города и не попасть в руки бесконечным патрулям.

Время было чуть более шести часов. Скоро опять министерство Пропаганды Идеалов Рейха заведёт свою хвалебную шарманку и из граммофонов снова обильною рекою польются хвалебные, произносимые речи во славу Канцлера.

Морс стоял на балконе собственного дома, взявшись за его поручни. Его пальто легко развивалось на ветру, а пыль и бетонная крошка летали под ногами. Он так стоит около двадцати минут, тщательно всматриваясь в закат.

– Ну, что надумал? – спросил его Эштон, находившийся в квартире.

Сантьяго ничего не ответил. Инспектор лишь немного повернул голову в сторону прозвучавшего голоса.

Помощник Морса, не получив ответа, вышел к нему на балкон.

– Этот закат прекрасен, не так ли? – с неким заворожением в голосе спросил инспектор, так же, не отрываясь от созерцания зданий, утопающий в массивах солнечного золота.

Эштон от этого вопроса несколько опешил. В его глазах читалось беспокойство, сам он постоянно крутил монетку у себя в руках. Помощник инспектора не мог уловить ход мыслей своего патрона. Эштон давно заметил, что его друг стал в последнее время несколько загадочным и необычным в поведении – впадает в состояние, схожее с апатией и безразличием и это на фоне того, что дело им порученное, ото-

звал Имперор Магистратос по приказу самого Лорд–Магистрариуса. В отделе это вызвало большие возмущения, но им пришлось подчиниться и прекратить ряд расследований. Инспектору Морсу лично сообщил агент главы правительства, что расследование прекращено, и все в Канцелярии были в глубоком недоумении и не могли понять причину свёртывания целого ряда расследований, проводимых в сторону идеологических преступников. Но приказы главной администрации не обсуждаются, и что было сказано, значит, тому и быть. Хотя, этот случай практически подвёл к расколу управляющую верхушку Управляющей Канцелярии. Одни считали, что нужно проинформировать Канцлера и начать расследование уже в отношении самих многочисленных структур Имперор Магистратос, а другие наоборот, говорили, что нужно беспрекословно подчиниться приказу и продолжить выполнять работу. В конце концов, сам генеральный инспектор заявил, что всем следует выполнять собственную работу и не интересоваться мыслями правительства и не оспаривать приказы сверху. Конфликт был почти подавлен и практически все подчинились словам главы Канцелярии, но и были и те, кто начал собственное расследование, только уже в сторону Имперор Магистратос. Они уходили в подполье, пряталась, однако многих рассекречивали и увольняли с позором и лишением всего имущества. Все те, кто был рассекречен, допускали одну и ту же ошибку: они в своём расследовали поисковую систему и базу данных Канцелярии. Через одно-

типные и необычные для инспекторской работы запросы их и вычисляли. Тем, кто оставался в подполье и кого не рассекретили, приходилось пользоваться общими поисковыми системами и общими базами данных. Иногда, но с предельной осторожностью и не на долгое время, они пользовались базами данных полиции и Трибунала Рейха.

И одними из тех, кто решил начать собственное расследование, были инспектор Морс со своим помощником Эштоном. Инспектор наконец-то смог вернуться в свою новую квартиру, взяв двухнедельный отпуск. Эта новая квартира была расположена в одном из новых громоздких серых домов. Квартирка была довольно сера, а убранство аскетично. Всего две маленькие комнаты, в которых едва могла уместиться небольшая семья. В помещении не был закончен ремонт, от чего квартира была в ещё более удручающем состоянии: обшарпанные и побитые стены без обоев, бетон под ногами вместо ковра или паркета, вместо хорошей люстры с новым типом освещения, с потолка свисал настоящий раритет, анахронизм давно минувшей эпохи, про которую все забыли.... С не побелённого потолка весело временами бодро покачивалась старая лампочка Ильича, которую Эштон откуда-то достал. Когда помощник принёс её своему инспектору, то у того полезли глаза на лоб от удивления. Он сначала её около получаса вертел и внимательно разглядывал, а потом удивлённого спросил, где Эштон её достал. Тот ответил, что она просто давно была в его доме.

В квартирке инспектора даже не было кроватей и они спали на самодельных лежанках. Из мебели здесь имеется только шкаф с одеждой, ящик с посудой, пара стульев, стол, старое изорванное кресло и несколько полок для зубных щёток, расчёсок, бритв и зубной пасты. Из электроники здесь был только компьютер и электрическая плитка для готовки еды. При переезде в новую квартиру, Морс по максимуму продал своё имущество, чтобы купить новый компьютер.

Здесь же можно задаться вопросом: почему они не стали проводить своё расследование, находясь в квартире Эшто-на, которая выглядела намного лучше этой и была больше неё? Всё дело в тайной директиве «Око ястреба», по которой всем государственным служащим и работающим на государство устанавливали в комнаты скрытые камеры, их телефоны ставили на просушивание, а за передвижениями и действиями старались внимательно и максимально следить. И следило за этим специальное, отдельное министерство – Доброго Наблюдения за Слугами Рейха. Конечно, сделано это было исходя из популистских лозунгов, типа: «недопустим коррупции и посадим всех воров» или «нет предателям страны в Рейхе». Но на самом деле, цели этой директивы были куда прозаичнее: не допустить мятежа и предательства в государственном аппарате и заранее ликвидировать все мысли о бунтарстве. Именно предупредить даже не сами действия, а предотвратить всякую мысль, сулящую идею мятежа и свободы. И инспекторы с их помощниками не были таким ис-



ключением. В их квартирах находились специальные камеры наблюдения, работавшие постоянно и передающие все данные в министерство, а в квартиру Морса должны были прийти только через две недели и установить эти камеры. А пока он это время использует максимально, чтобы найти любую компрометирующую информацию на Имперор Магистратос.

– Инспектор Морс, вы придумали, что делать дальше? – с непривычным для себя формализмом и нервно дёргая Морса за руку, беспокойно спрашивал Эштон.

– Где ты ещё увидишь такую прекрасную картину? Здания тонут в золотом пламени заката. Всё несколько символично. Не замечаешь? – будто не замечая вопросов своего помощника, всё продолжал заворожёно твердить про закат инспектор.

– Да какой к чёрту закат! У нас дело, которое нам нужно расследовать! – уже чуть ли не крича, говорил Эштон.

Инспектор оторвал костлявые пальцы от балкона и посмотрел в беспокойные глаза своего помощника.

– Ты не замечаешь той великолепной красоты, что рядом с тобой. Хотя стоит начать, ведь, как и сама красота, так и сам Рейх могут перестать существовать, в прямом понимании этих слов, я имею в виду, – томным голосом спокойно сказал Морс.

От этих слов Эштон чуть не впал в шок. Его ноги подогнулись, а взгляд сделался уже не беспокойным, он наполнился неподдельным страхом. Он двумя руками вцепился в бал-

кон, развернул своё тело и тяжело облокотился на его стенку. Помощник Инспектора с крайним удивлением и страхом в интонации начал лихорадочно и бегло задавать вопросы:

– Что? Как? Почему? Как это возможно?

Эштон в шоке. Обычно слова, говорящие о скором падении Рейха или о смене правления, сулили человеку как минимум потерю работы, как максимум, его могли отправить в тюрьму, как подстрекателя к мятежу. К тому же, их постоянно уверяли в том, что Рейх это нерушимая монолитная система, построенная на тысячелетия. Людям бесконечно вменяли, что Канцлеры будут бессменны, Департаменты Власти будут жить вечно, а эта система бессмертна. Но сейчас он слышит эти слова от своего наставника и единственного настоящего друга, тем более занимающегося непосредственно расследованием дела, связанного с безопасностью Рейха. Он практически потерял дар речи.

– Пойдём в дом, я тебе всё объясню, – уже спокойно, без напущенной загадочности сказал инспектор и подтрунивая добавил. – А то ты совсем стал белый от моей театральщины.

Безмятежный Морс и нервный Эштон зашли в комнату и сразу же инспектор пошёл к компьютеру. Умный механизм представлял собой небольшой процессор, тонкий экран, маленькую беспроводную мышь и компактную клавиатуру.

– Мда, как эта рухлядь только работает? – Возмущённо спросил Эштон.

– Работает и ладно. Мы инспектора, нам и этого должно

хватать, – вконец развеяв свою загадочность, сурово ответил Морс.

Эштон был в смятении, мало того, что он услышал о скором падении правления Канцлера, которое все считают нерушимым, но он не мог и уловить ход мышления своего друга – то он невообразимо загадочен, то он приходит в норму и становится по привычному строгим и суровым.

– Ты обещал мне всё объяснить? Из твоих слов я понял, что режим Канцлера скоро падёт. Но как такое возможно? Разве его правление не защитят Империял Экклесиас и армия? Разве на помощь не придут силы Трибунала? Разве Император Магистратос не встанет железной стеной перед отступниками? Ведь учитывая всю мощь этого монолита – не один мятежник или отступник не пройдёт. Все будут уничтожены. – Нервно старался опровергнуть слова своего наставника Эштон.

Инспектор отошёл от компьютера и присел на старое кресло. Он полностью облокотился на спинку кресла, запрокинул голову и громко выдохнул.

– Я в своём расследовании зашёл туда, куда ещё никто не заходил. И для меня открылась страшная истина. Отзыв нашего расследования был всего лишь небольшим ходом в огромной партии по свержению нашего Канцлера.

– Ничего не понимаю, – растеряно сказал Эштон.

– Пожалуй, я приступлю рассказывать с самого начала, так будет понятней для тебя. Стоит начать со времени, когда

Канцлер фактически не правил и это всё началось больше года назад, когда умер наш первый правитель. Тогда мы потеряли своего любимого вождя, то у власти оказалась небольшая группа людей, а именно четвёртая палата парламента узурпировала власть.

– Но как такое было возможно? – с сильным удивлением задался вопросом Эштон.

– Если ты меня не будешь перебивать, то я всё расскажу.

– Прости, – повинно сказал помощник.

– Так вот, всё началось с тех пор, как кучка тех Лордов решила захватить власть и установить собственное правление. По сути, в Рейхе, больше чем на год установился диктат олигархии, но как до этого дошло? Я вскрыл переписку среди Лордов и узнал, как они прижучили Канцлера. Всё случилось в старом драматическом театре – Лорды сломили Канцлера психически: они решили показательно убить его жену, которую он до фанатизма любил и они устроили показательную порку для него.

– Жуть!

– Из их интереснейшей переписки следует, что Канцлер чуть с ума не сошел, и они сослали его в старую психическую больницу. В некоторых кругах её называли «Апогей безумия». Я нашёл то место, давно заброшенное и представлявшее собой почти разрушенный сарай. Я сумел туда пробраться, несмотря на бессчетное количество заноз, сумел найти то, что искал. В каком-то запылённом и полуразру-

шенном шкафу я нашёл подгнившую медицинскую карту нашего Канцлера. Слава Богу, фотография сохранилась, вместе с письменными поручениями Высшего Капитула.

– Это подтверждение того, что больше года у власти были Лорды... проклятье!

– Да, но самое интересное среди этого я нашёл чуть позже. В одной из переписок с неизвестным мне человеком один из Лордов указывает: «Этот щенок повёлся на мою постановку, как и остальные, а его девка портовая, однако, всё же жива и не стоит ему об этом говорить».

– Подожди, ведь, это значит, что Калья жива и где-то сейчас беззаботно прибывает, я надеюсь.

– Но это не самое важное в этом расследовании. Ещё мне попадается сообщение, где говорится, что им оказывается странное противодействие, со стороны Имперор Магистратос. Это единственный примечательный момент в их переписке, всё остальное просто пропитано наглостью, похотью и сладострастием. Так же, упоминается: «На доброе попечительство нашу марионетку взял бумажный царёк».

– Я полагаю, что Канцлера, реанимировал, возвращал ему вкус к жизни наш Лорд–Магистрариус.

– Следующий момент, достойный внимания, происходит после разгона четвёртой палаты и тайной казни, о которой я узнал от доверенных лиц, якобы предателей в Имперском буле. Это означает возвращение Канцлера к полной и неделимой власти, но именно тогда активизировались сепара-

тистские движения: Иберийская федеративная республика на западе старой Испании, Венецианская Аристократия в Венеции, новая ересь в Великой Пустоши. Для меня это не показалось просто совпадением и я стал копать, искать причинно–следственные связи и через доверенные каналы, я узнал, как в Иберии были сверху спущены приказы, приписать оружие к городам и не давать их армии.

– Это похоже на гнуснейшее предательство.

– Конечно, – позволил себе лёгкий смешок Морс. – Потом я узнал, что откуда–то у повстанцев появилось, много оружия, и они стали предугадывать все действия армии Рейха. То есть им кто–то поставлял оружие и секретную информацию.

– Но вот кто?

– Я пытался вскрыть информационные сети повстанцев. В них указывался всего лишь некий «Благодетель», но его след, несомненно, ведёт в структуры Имперор Магистратос. Потом из множественных переписок охраны на границах, я узнал, что в Милан приезжал: «Важный гусь», также из проверенных каналов мне сообщили, что в некоторых местах Рейха есть скрытые культы, которые наверняка были бы уничтожены Империял Экклесиас, но они тщательно укрываются «некоторыми» служащими из всех структур правительства. Мне удалось внедриться в один из этих культов, и там я многое узнал. Их, иерарх, пастор, помпезно рассказывал нам о больших переменах в Рейхе, что скоро всё изменится,

о новом мире. Он говорил, что за ними такие большие люди стоят, что их никто не посмеет тронуть. На следующий день я просто проинформировал местного инквизитора о секте, а к вечеру они все горели. Так же, я устанавливал слежку за перемещением ребят, на которых было заведено дело... по просьбе Антония. Вместе с этим, я проверил местонахождение телефона Лорд–Магистрариуса в определённый день. Он отключился около старого района.

Морс сглотнул слюну, чтоб освежить пересохшее горло. Он поднял голову и увидел непонимающий и глубокий взгляд Эштона. Инспектор понял, что лучше уже подытожить.

– Пора подвести итог. Кто может поставить оружие отступникам и предоставить им секретную информацию? Кто способен поддержать отступников в разных регионах? Кто может так покрывать секты еретиков, что даже могущественная церковь не способна их найти? Кто так хорошо знает повадки Канцлера, потому что провёл с ним больше года, что легко его обманывает? Кто помимо Канцлера способен контролировать стену? Есть только один человек, который способен на это.

– Лорд–Магистрариус, – тягостно прошептал Эштон.

– Он самый.

Помощник инспектора впал в глубочайшее удивление. Он не мог поверить, что во всём монолите государственного правления есть такие высокие предатели. А теперь ему рас-

сказывают, что сам Рейх может пасть, погребя под собой все устои, что закладывались в них с молоком матери.

– А как ты всё это узнал? Ты же не обладаешь ни знаниями в информатике, чтобы вскрывать переписки, да и, причём удалённые, – с удивлением в голосе спросил Эштон.

– Я инспектор. У меня есть нужные знакомства, налаженные каналы и определённые методы. И пускай, они не все законны, – с улыбкой на лице ответил Морс.

– Нужно сообщить. – Потребовал помощник.

Инспектор усмехнулся и сказал:

– И кому ты сообщишь? Куда ты пойдёшь? И кто тебе поверит? Никто не доверится помощнику инспектора. Тебя ещё и арестуют, за подрывную деятельность и усомнение в авторитете верховных управляющих.

– Но что тогда делать? Нельзя сидеть, просто сложа руки.

– Согласен, если мы ничего не сделаем, то и Рейху, и Канцлеру наступит конец. Что ж пришло время собраться ордену, – загадочно произнёс инспектор.

– Кому собраться? – с удивлением спросил Эштон, не понимая, о чём идёт речь.

– Ордену Железной Лилии.



# Часть третья. «Зенит новой ночи»

## Глава тридцать первая. Неожиданное освобождение

Всё заволокло дымом, который забивался в лёгкие и не давал свободно дышать. На улице было тускло, отчего чувствовалась отдалённая и неосязаемая, но странно давящая на мозг резь в глазах. Движения сильно скованны и заторможены, напоминая, как человек двигается в воде и идёт, будто в замедленной постановке или прокрутке фильма. Руки и ноги практически не повиновались, слишком медленно и лениво переставлялись с места на место.

Перед глазами стелился пламенеющий центр Рима, точнее то, что от него осталось. Всюду полыхал огонь, и сильно пахло гарью, что практически неосязимо била в нос, но как-то не обычно. Звуки выстрелов и грохот залпов сотен орудий подобно барабаном давили на уши, но вся эта канонада смешалась в один странный протяжный вой. Тысячи пуль разрезали пространство, решета всё в вечном городе, превращая его в кладбище надежд. Под ногами уже не было асфальта или плитки, лишь перепаханные артиллерийским ог-

нём участки земли.

Город был разделён буквально надвое, над первой частью которого развивались самые различные цветастые флаги разной тематики, а над второй спокойно реяли чёрные стяги с орлами, будто оставаясь символами нерушимости и монолитности на которую гнусно покусились. В первой части города беспрестанно и фанатично выкрикивались лозунги: «На революцию», «Слава Свободе», «Нет тирании» и ещё тысячи схожих по смыслу и рвению кличей. Со второй части слышались девизы, которые кричали в водовороте патриотизма и веры: «За Рейх», «Смерть Отступникам», «Горе слабым».

Город буквально разорван на две абсолютно разные, противоположные и чуждые друг другу части, которые готовы были готовы грызть друг другу горло за собственные истины с небывалым остервенением.

Командор растерянно шагал посреди растерзанного города, вглядываясь в его руины. Серый смог предательски застилал дорогу, а лёгкие наполнял запах гари. Броня Эстебана была полностью разорвана, а оружие разбито. В руках было некое подобие старого короткого меча, схожего с давно ушедшим, канувшим в века истории, римским гладиусом.

Парень повернул голову направо и увидел абсолютно выгоревшее отделение министерства Идеологической Чистоты. Чиновники и служащие этого министерства заживо сгорели в огне милосердной революции. Он повернул свою голову

налево и увидел, что вдоль улицы повешены десятки служащих Имперор Магистратос, оставшиеся верными империи, но никогда не обидевшие ни одного человека, лишь выполняли свою мелкую и незначительную работу по поддержанию жизни народа Рима.

Там где шёл Командор, на виду было выставлено «правосудие» революционеров, что сражались за свободу и добро, как они с пеной, фонтанирующий изо рта, уверяли всех и вся. Он видел, как люди, стремящиеся к свободе, и требующие справедливости прошли по городу кровавым вихрем, убивая даже тех, кто не был повинен в их горестях. И это была справедливость той оппозиции, что объявляла себя защитницей людей?

Эстебан ужаснулся. Он не понимал, как мнимая свобода может пьянить людей и делать их своими рабами. Нисколько даже уже устоявшийся режим Канцлера, сколько сопротивление его основным идеям настолько одурманили людей, что они были готовы загрызть любого, кто встанет у них на пути.

Командор посмотрел на множественные баннеры, где раньше размещались портреты Канцлера. На них теперь висели новые портреты, наспех наклеенные повстанцами в бунтарском экстазе. На них красовался новоявленный правитель нового государства. На них был Лорд–Магистрариус, готовившийся стать первым президентом или тем, кем он себя назначит. А под его портретами были фразы: «Он нам

дал свободу», «Слава новому лидеру!», «Для него мы всё, а он для нас больше чем всё!» и ещё тысячи подобных, своим мятежным рвением затмила идейный фанатизм Рейха. Командор сразу заметил, что один культ личности стремительно менялся на другой и революционеры так яростно объявляли себя вне всякого нового почитания, что сами становились рабами нового мира.

Там, где должна быть свобода, ею и не пахло. Её заменили лишь на почитание того, кто о ней заговорил, а саму свободу подменили на некую эфемерную идею.

Командор еле переставлял ноги, будто они у него вязли в воде. Он постоянно осматривался и повсюду видел, как посреди руин, вихре пуль и столбах дыма «торжествует свобода», что похоронила под грудами старого мира десятки тысяч людей в Риме и ещё миллионы по всему Рейху. Империя полыхала.

Внезапно из здания отдела министерства Надзора за Косметической Производством доносились отчаянные крики женщины. Из практически выгоревшего здания выбежала молодая коротко подстриженная белокурая девушка, лет двадцати пяти. Её вид напомнил Командору его старую знакомую, что большим горем отозвалась в его душе тогда, ещё в эпоху становления «трёх солнц». Сразу за ней выбежало двое мужчин, явно с недобрыми намерениями.

– Иди сюда, цыпа! Больно не будет! – Неистово и безумно орал один из преследователей.

Девушка увидела Командора и буквально ударилась ему в грудь, и неистово закричала, чтобы он ей помог. Парень сразу спрятал её от лап преследователей за собственной спиной.

– Пошёл отсюда, здесь решаются дела революционной важности! – Нагло высказался другой преследователь в сторону Эстебана.

– И это ваша революция? Это её благородная цель? И это и есть ваша свобода? – Вопросил Командор, не скрывая возмущения.

– Да ты...

Преследователь не успел договорить фразу. На него яростным штормом обрушились удары клинка Командора, несколько раз, сквозь хруст, пробившие грудную клетку. Второй даже не успел достать свой пистолет, как меч молниеносной чертой блеснув пронёсся по шее мятежника.

После того как нападающие были убиты, девушка что-то благодарственно буркнула и побежала прочь в слезах, ища новое укрытие.

Командор пошёл дальше по улице и впереди он увидел табличку на высоком столбе: «Жертвы Революции». Он решил посмотреть на «жертвы».

Подойдя к месту, он увидел слабо различимые тела, выложенные по линии. Командор подошёл к первому телу и обомлел, его окровавленный клинок со звоном рухнул на землю.

Белые волосы, острые черты лица, серо-зелёные глаза.

– Габриель. – Тихо и тяжело прошептал Командор.

Тот, кого он должен был охранять от всех возможных напастей сейчас лежал мёртвым. Он на протяжении долгих лет оберегал его от любой опасности, но не смог уберечь от самой коварной и хитрой. Эта опасность самая сладкая и манящая в жизни. Без неё не способен жить не один живой человек. Это дело революции. В серо–зелёных глазах парня так навечно и остался взгляд, полный надежды и веры в светлое будущее, но столь дерзко оборванный шальной пулей.

Как бы ни хотел Командор, но он не смог уберечь Габриеля. Он не исполнил своей единственной клятвы. Мир вокруг рухнул. Но вдруг активное, если не яростное толкание в плечо стало рассеивать этот иллюзорный и адский мир, разыгравшийся в сознании одного человека.

– Эстебан, что с тобой! Ты в порядке? – услышал сквозь сон парень беспокойный голос своего сокамерника.

– Да! Что случилось! – мгновенно выпалил проснувшийся Эстебан. – Я весь в поту! Проклятый кошмар! – Злобно выругался парень.

– Ты сопел, стонал, а потом стал выговаривать чьё–то имя. Тебе, что, реально кошмар приснился? – Всё с таким же беспокойством интересовался разбудивший человек.

– Да... Что–то вроде этого. – Всё ещё даже не пошевелившись, ответил ему Эстебан, но тут, же перевернулся на спину и спросил. – А сколько времени?

– За десять часов, ну и долго же ты провалялся, – услышался беспардонный ответ.

– А кто меня вчера до двух ночи в карты заставлял играть? – последовал ответный вопрос.

– А ты больно сопротивлялся. – Нагло пришло в ответ.

Эстебан, сквозь лёгкую боль и сонливое отягощение, сумел подняться и присесть. Его тело ещё побаливало от полученных в Африке ран, но он быстро шёл на поправку. Кости сживались, мышцы восстанавливались, а раны затягивались. Однако он всё ещё не мог поверить, что его лишили звания, обвинили в преступлениях и кинули гнить в эту темницу. Бывший командор мог только благодарить Бога, что этот карцер находился в миланском аванпосту и Малик с Антонием могут к нему периодически зайти. Его удивляло, как проповедник смог так быстро здесь обосноваться и ко всему привыкнуть. Но сейчас его не это не особо волновало.

Он вспомнил, что было во сне и это его ужаснуло. Бывший командор просто не мог допустить то, чтобы Габриель пал жертвой революции и тем более больших амбиций Главного Лорда. Он не мог позволить юноше участвовать в этом безумии и положить себя на алтарь революции. Но что сейчас он может сделать, сидя в сырой камере на пару с Ротмайром? Эстебан просто не мог найти ответа.

– Вот держите, месье бывший командор, – с издёвкой сказал бывший верховный лорд и протянул кружку с чаем.

Эстебан аккуратно взял железный исцарапанный сосуд, из которого обильно валил пар и сделал маленький глоток. Струйка чая несильно обожгла горло, от чего сокамерник

Ротмайра слегка поморщился.

– Мде, две недели уже здесь сидишь со мной, а ещё не привык к кипятку, – с улыбкой заявил Ротмайр.

В памяти Эстебана тут же промелькнули моменты, когда его сюда привели. Его тело тогда периодически ломало от боли, а душу от бессилия и позора перед полк–орденом. Он вспомнил тот безудержный и просто безумный смех Ротмайра, когда его сюда привели. Ещё первую неделю в камере он беспрестанно и изошрённо издевался над бывшим командором, точнее над его обстановкой, но всегда тактично и с пониманием избегал темы Габриеля. Но, ни смотря, ни на что бывший верховный лорд оказался довольно интересным собеседником, именно он поведал Эстебану всю историю сегодняшнего Канцлера от начала и до конца. Слушая его историю, бывший командор, теперь мог понять своего правителя и всё больше он понимал, что Лорд–Магистрариуса нужно как можно быстрее смещать с должности или вообще арестовывать с последующей изоляцией от общества. Ибо именно этот царёк бюрократии может повести за собой легион недовольных людей на штурм Рима и попрасть порядок, устоявшийся десятилетия назад. И самое страшное – в этот легион может попасть и Габриель. И это его не просто волновало, ему хотелось выбить дверь в камеру, выйти, найти Лорд–Магистрариуса и собственноручно вытрясти из него душу. Но этого не мог. И это ощущение бессилия было хуже всего, ибо оно просто убивало бывшего командора.



– Что с тобой, что ты такой хмурый, как небо над Великой Пустошью? – Перетасовывая колоду старых, оборванных и мятых карт спросил Ротмайр.

Эстебан лишь отмахнулся со словами:

– Да ладно.

Ротмайр исказил лицо в гримасе недовольства.

– Это из-за того мальчишки?

Эстебан в ответ одарил своего сокамерника холодным и железным взглядом, что как горох об стену оттолкнулся от чёрствой души сокамерника.

– Ох, конечно же! – с недовольством воскликнул Ротмайр и добавил. – Да не беспокойся ты, тот прохиндей Антоний позаботится о нём. А если он взялся за дело, то всё будет в полном порядке. Я-то по себе знаю. – Попытавшись успокоить своего товарища, твердил бывший верховный лорд.

Но бывший командор не услышал его. Он был полностью в своих мыслях. Сейчас Эстебан проклинал весь мир и в том числе свои ошибки, которые он смог допустить. Бывший командор сейчас занимался полным ментальным самопоеданием.

Ротмайр, видя отчаяние и всё усугублявшееся отчаяние Эстебана, решил хоть как-то разогнать этот душевный мрак.

– Давай партейку разыграем? – стараясь оживить своего сокамерника, предложил Ротмайр, трясая в руках мятую и старую колоду карт.

На удивление бывшего верховного лорда Эстебан согла-

сился с ним сыграть, хотя довольно часто отказывался от игры.

Ротмайр стал неторопливо тасовать карты, внимательно поглядывая на своего товарища. Бывший командор в свою очередь медленно с пустотой в глазах попил горячий чай, который успел изрядно остыть в прохладной камере.

– Ну, что гонять будем?

– Давай двадцать одно. – Предложил Эстебан.

– Ну, хорошо.

Ротмайр стал аккуратно раскладывать старинные карты.

– Откуда у тебя такой раритет? – удивлённо спросил бывший командор.

– Ах, это, – указав ладонью на помятые, буквально рассыпающиеся, карты, сказал Ротмайр. – Это очень старые и древние карты. Ещё времён дорейховской эпохи.

Они могли играть целый день, но зачастую всего Эстебан сидел часами в полном молчании, а его сокамерник играл сам с собой. Но порой они разговаривали на интересные темы. Ротмайр рассказывал, кого в Имперор Магистратос и Империял Экклесиас легче всего было подкупить. Кто из лордов был более привередлив в своём сладострастии. Но больше всего Эстебана заинтересовал разговор об «Неведомых врагах», что неустанно пытались нанести ущерб канувшему в лету Верховному Капитулу. Ротмайр вечно сталкивался с проблемами плохой работы Имперор Магистратос, связанной с бесконечными проволочками его указов и пло-

хой, как ему казалось, системой управления всей этой массивной и монолитной бюрократической машиной. И только потом Ротмайр понял, что всё это время ему оказывалось вялое, но действенное сопротивление в лице самого Лорд-Магистрариуса. И он был обескуражен этим фактом.

Игра шла уже минут пять, но настроения у Эстебана никак не появлялось. Этот сон просто сломал его. В один момент он просто взял и отбросил карты, выразив своё нежелание дальше играть, хотя явно выигрывал. После этого поступка Ротмайр нахмурил брови и недовольно спросил, ужя ростно негодуя от поведения своего сокамерника:

– Да что с тобой такое? Что? Тот мальчонка сильно важен?

– Ты не представляешь как, – тяжело выдавил из себя Эстебан.

– Ох, ну тогда расскажи мне эту историю, – спокойно, но с ноткой требовательности попросил Ротмайр.

– Да что тут рассказывать, – тяжело, даже для этой обстановки начал бывший командор. – Я в давнее время был спасён одной молодой семьёй и поклялся защищать их ребёнка. Их сын рос, но надзор за ним не умолялся не на день, а потом я неожиданно узнаю, что родителей, моих спасителей можно вызволить из ада. И что?! – Отчаянно вскрикнул Эстебан, что аж Ротмайр испугался и слегка дёрнул руками. – Они мертвы, а я в карцере и не способен, что-либо сделать.

Несмотря ни на что, ни на карты и бесконечные игры сокамерника, ни на постоянные посещения Антония и Мали-

ка, ни на хорошие новости о Габриеле, бывший командор не реагировал, не способный никак успокоиться. Его душу постепенно прожигал и систематически поедая чёрный мрак, заставляя его проваливаться всё глубже в пучину безумия. Казалось бы, скоро он вконец сойдёт с ума.

Внезапно замок на двери стал щёлкать, готовясь к тому, что его сейчас откроют. Эстебан по привычке подумал, что к нему сейчас зайдут привычные для него знакомые. Но вот дверь открылась, и в камеру вошёл высокий человек в чёрных прилегающих одеждах, классического типа.

От этой картины Эстебан просто обомлел. Всё его плохое настроение, апатия, уныние и отчаяние мгновенно развеялись, сменившись глубочайшим удивлением. Он ожидал увидеть кого угодно, но не его. Бывший командор просто сорвался со своего места и буквально полетел навстречу вошедшему человеку.

– Карамазов! – воскликнул Эстебан стремясь заключить друга в объятия.

– Да, это я, – спокойно и с улыбкой ответил вошедший и они оба тепло и по-дружески обнялись.

– Ты что здесь делаешь? – Радостно спрашивал Эстебан, держа своего друга за плечи.

– Пришёл тебе лично сообщить тебе радостную весть, – не скрывая очень редкой улыбки, говорил Верховный Инквизитор.

– Что за весть? – с огромным любопытством поинтересо-

вался Эстебан.

– Тебя оправдали! – радостно вскрикнул Карамазов.

– Вот холера, мне опять одному здесь сидеть, – недовольно и практически неслышимое для остальных из подлобья пробурчал Ротмайр.

Они ещё пару мгновений стояли в полной тишине, после чего инквизитор похлопал по плечу Эстебана и тихо сказал ему:

– Пошли, поговорим.

Карамазов и бывший инквизитор вышли из камеры, оставив в ней всего одного человека.

После того, Эстебан покинул ненавистную ему камеру, то в душе сразу появилось некое эфемерное чувство свободы.

– Как у тебя с ранением? – поинтересовался Эстебан.

– С ранением у меня всё в порядке. Слава медицине Рейха. А вот у нас проблемы, – Ответил уже с мрачностью, сменив свою улыбку, на каменное ворожение лица, твёрдо сказал Карамазов.

– Что случилось? – Беспокойно спросил Эстебан.

– Тебя оправдали и восстановили в звании Командора, но после того, как я и Верховный Отец прислали специальные прошения вашему Консулу. Первоначальное решение вашего суда было явно не твою пользу и они хотели оставить тебя в этом карцере на три года за «предательство». К тому же, твоя ситуация и поступки готовы разделить полк–орден буквально надвое. Одни считают, что ты поступил достойно,

ради спасения Рейха, а другие же думают, что ты нарушил священные запреты и догматы полк–ордена. Поэтому у тебя сейчас множество врагов в твоём же доме.

Теперь уже Командор посмотрел с недоумением в глаза Верховного Инквизитора. Он понимал, что ему что–то явно недоговаривают.

– Но это, же не единственное, что ты можешь сообщить? – пытаясь выйти на интересующую его тему, Командор стал задавать наводящие вопросы.

И к его удивлению, Карамазов не стал что–либо утаивать или юлить, стараясь перейти на другую тему.

– Всё приняло плохой оборот, – мрачно начал инквизитор. – Война в Иберии окончена, но это лишь добавит уже нам проблем. Канцлер, ведомый желанием мстить, начнёт со свежими силами искать новых врагов. И это знает Лорд–Магистрариус.

– Что? Откуда?

– У меня есть свои источники, но не это важно. Этот прохиндей понимает, что молот правосудия может и обрушиться на него. За последние сутки были им, лично изданы десятки противоречивых указов, которые явно стремятся ослепить око Рейха только в Риме.

– А почему Канцлер ничего не заподозрил? – удивлённо задал вопрос Эстебан. – И почему это не ощущается по всему Рейху?

– Во–первых, наш правитель безгранично доверяет глав–

ному бюрократу, надеюсь тебе всю историю рассказал твой сокамерник. – Вымолвил Верховный Инквизитор и бросил недружественный взгляд в сторону камеры. – Во вторых, остальная Империя пребывает в полном неведении, так как все приказы касательно только Рима, в обход стола Канцлера. Видимо Главный Лорд спешит объегорить нашего правителя.

– И? – спросил восстановленный Командор, не понимая, к чему клонит его собеседник.

– Он не собирается идти на революцию, – и наконец, уже мрачно разъяснил всю ситуацию инквизитор. – Он готовит переворот.

– Что ты хочешь этим сказать? – всё с тем же непониманием спросил Эстебан.

– Всё должно свершиться в ближайшие дни. Я точно могу сказать, что уже в течение недели он попытается сместить нашего Канцлера с должности. О чём говорит просто тотальный вывод войск из столицы.

– Всё действительно принимает мрачный оборот, – поникши начал Командор, но потом с огнём в глазах спросил. – Надо же что-то делать в таком случае? Что мы должны сделать ради спасения империи?

– Я знаю, – гордо заявил Карамазов и тут же окинул взглядом своего друга. – Через несколько часов соберётся Орден и Верховный Отец, и я, и как ни странно сам Консул настаивали на том, что бы ты там присутствовал.

Это новость несколько разогнала мрак, повисший на душе у Эстебана. Но всё же только что полученная информация просто ввела Командора в шок.

– Это честь...

– Ещё мы просили, чтобы там выступил Ротмайр, как человек, долгое время пробывший рядом с Канцлером. – Прервав Командора, отчеканил Карамазов.

Эстебан лишь улыбнулся и похлопал по плечу своего близкого друга со словами:

– Вот теперь вижу перед собой своего побратима, готового ради дела перебить даже своего друга. А то ещё устроил маскарад и с ухмылкой вошёл.

Инквизитор в ответ лишь слабо улыбнулся.

– Ладно, сейчас его оповещу, – обрадовался Командор и подошёл к открытой камере, в которую крикнул. – Ротмайр, собирайся, тебе здесь одному сидеть не придётся!



# Глава тридцать вторая.

## Начало раскола

Тем же днём. Раннее утро

На улице стояла прекрасная, слегка морозная погода, пощипывающая кожные покровы жителей Милана. Ветра совсем не было, лишь стоял плотный холодок, дающий своё освежению любому кто выйдет на улицу в этот прекрасно начинающийся день.

Дверь от серого безликого дома открылась, и оттуда вышел парень. Его лик не отражал радости или даже гнева, лицо юноши было просто пропитано безразличием с невероятно отягощающей апатией. Габриель однозначно был печален и отражал все круги адского отчаяния, что могли поселиться в душе человека. Его одежда была одноцветно серой и практически безликой. Штаны, куртка и даже кроссовки не отражали разнообразия в одежде. За что, кстати, его похвалили бы слуги бессчётных министерств и добавили ему пару баллов за «ревностное соблюдение идеалов и постулатов Рейха», но ему были безразличны бонусы государства, которые он мог получить за своё невзрачное одеяние.

Граммофоны снова протяжно завывали свои сахарные похвалы Канцлеру и бесконечный монотонный поток восхвалений Рейху, как чуду, что потёк по улицам славного города

и должен был утешить души граждан Империи. Но юноша не обратил на них, ни кого внимания, которое обычно к ним обращал, злостно проклиная их всем своим сердцем. Сейчас в нём даже этой эмоции не возникло, лишь пустота взывала в душе.

Лёгкий морозец несильно ударил в лицо, вызвав на коже лёгкое пощипывание, но юноша не обратил на это внимание, лишь поднял голову и грустно посмотрел на серое, густо затянутое облаками небо. Оно оказалось до боли серым, отражая все разбитые яркие грёзы, что ещё недавно обогревали своим больным теплом душу юноши, а сейчас безжалостно жалили его сердце своими осколками.

– Здравствуй! – крикнула соседка, тоже выходящая из подъезда на немного вырвавшая парня из затяжного падения в серую бездну.

– Здравствуйте, – без эмоций и сухо ответил ей Габриель, даже не повернув на неё головы и не обратив взгляда.

– Ты куда в такую рань? – активно поинтересовалась женщина.

– В академию, – лишь шевеля сухими губами, дал свой ответ юноша, практически не смотря на соседку.

– А, понятно. А я вот бегу на производство. У нас через несколько минут недельный отчёт, а потом молитва святейшей троице.

– Кому? – С недоумением, несколько пробившим эту стену серости и уныния, спросил юноша.

– Ты что не знаешь? – удивлённо спросила соседка. – Вам же должны были рассказать об этом ещё в детстве. Святейшая троица это Канцлер, Бог и Рейх.

Юноша это действительно забыл. Последни страшной круговерти тяжёлой учёбы, пламени губительных чувств и активной деятельности в подпольной оппозиции он стал забывать про бесчисленные каноны Культа Государства.

– Ну ладно, мне надо бежать. Ты впредь будь поосторожней. И не говори при людях, что чего–то не знаешь про наш Рейх. Прощай. – Потрепав юношу за плечо, она развернулась и буквально скрылась через несколько моментов, да так быстро, что парень просто не успел с ней попрощаться.

Ему нужно было идти на учёбу. Хоть сегодня всего одна пара, но Габриель не хотел иметь пропуски в Академии, ибо могли быть серьёзные проблемы и положить тень сильнейших сомнений на авторитет и «верность идеалам Рейха» юноши.

Все знали про «Академический Кодекс», составленный министерством Полного Образования, министерством Высшего Образования, министерством Идеологической Чистоты и Культом Государства. В этом кодексе были прописаны все правила поведения для студентов и учителей вплоть до интимных подробностей, которые строго регулировались государством, дабы никто не нарушал основных идей империи. В нём своё отражение нашли все аспекты студенческой жизни, которые можно было только вообразить. От распорядка

учебного дня, до стандартных шаблонных схем для построения новых академий. В него сумели так же вписать «Полуденную Учебную Литургию», когда под надзором своих преподавателей, сторонниками Культа Государства, чиновниками и служащими Имперор Магистратос и священником из Империял Экклесиас проводилось особое светское таинство, мало похожее на настоящую литургию. На специально отведённой площадке, которая могла быть и внутри и извне академии собирались все студенты. Они молитвенно повторяли слова шестьдесят четвёртого восхваления из «Песенника хвалений Рейху» «И да будет ему слава в учении» за представителем Культа Государства. Священник Империял Экклесиас следил за тем, чтобы на «литургии» не была произнесена ересь, а представители Имперор Магистратос строго конспектировали каждое действие и строго следили за порядком на мероприятии. И к каждой академии была приписана так называемая «литургическая коллегия», состоящая из представителей трёх Департаментов власти.

После окончания каждый учащийся вкушал «Рейхс просфору» – специальный чёрный бедный хлеб, который был больше на камень похож. А когда все таинства были окончены и отпеты все гражданские песни славы во имя Канцлера и государства, то студент мог вернуться к своим учебным обязанностям.

Габриель всегда считал несуразностью этот глупый обряд, полагая, что это таинство акт фанатичного культа лично-

сти и просто религиозного почитания государства. «Рабское преклонение и угнетение личности» – всегда высказывался по этой «литургии» Алехандро. И юноша полностью с ним соглашался, желая, чтобы этот обряд ушёл в бездну, вместе с самим Рейхом и взошло солнце новой свободы над древним городом, что осветит холодные и запуганные диктатом империи души людей и укажет им путь в новый дивный мир.

Юноша оторвался от размышлений про «Кодекс». Как бы он не хотел, но ему нужно было явиться, пускай всего на одну, пару. Габриель начал свой короткий путь по серому, казалось постепенно обезличивающемуся, городу, медленно тонувшему в бесконечных догматах и постулатах Рейха, что стали самой культурой империи. Пространство сжимали безликие здания, просто вдавливая душу, больше похожие на склепы былой эпохи, похоронившие её под собой. Всюду шастали прислужники Имперор Магистратос, неустанно контролируя все аспекты жизни огромного города от работы городской канализации до маршрута самолётов в небе. Под их ведение попадали все уровни городской жизни: от качества выполнения работы дворников до надзора за исполнением приказов градоначальника и приведением в жизнь реформ. По улицам беспрестанно слонялись уличные комиссары, неистово запугивающие народ одним своим присутствием и алчно ищущие возможны отступников. Никто, даже градоначальник, не смел, подумать иначе, чем диктуют постулаты Рейха при их присутствии, ибо это могло закон-

читься весьма плачевным исходом. На маленьких двориках и огромных площадях неустанно в порыве религиозного экстаза ревностно рассказывали свои проповеди «монахи» из Культа Государства, с пеной у рта призывающие фанатично служить государству и отдать всё на благо родины. С бочек на улицах и до экранов телевизоров они вещали про правильность постулатов Рейха, ревностно поясняя, что есть только эти догматы, указывающие путь к идеальному миру, где есть праведность и покорность, дающие безграничный порядок и преступить их, значит предать всех и вся. Они всюду и везде ставили «Фолиант Гражданина» на равных со Священным Писанием и законами самого Канцлера, фанатично доказывая, что «фолиант» и предопределяет всю жизнь в империи.

Габриель, продвигаясь по улочкам Милана, лицезрел весь этот государственный монолит, что своим могуществом любого мятежника и отступника в пыль разотрёт и развеет над бескрайним пространством империи. На любое требование о свободе, человеку ответит адский хорал залпов орудий и проклятий.

Юноша просто не мог поверить, что хоть какая-то революция способна ни то, что его сокрушить, сколько даже поцарапать этот чёрный монолит, под зловещею тенью которого жили люди, вечно находясь в страхе и следя за каждой своей мыслью. Вся эта система способна перемолоть любую диссидентную идею просто в пыль и развеять её над могила-

ми тех, кто посмел усомниться в святости Канцлера и нерушимости Рейха.

Чтобы хоть как-то отвлечься от гнетущей серости этого мира он решил уйти в мир собственных воспоминаний.

Уже больше недели они вышли на новый уровень своей оппозиционной деятельности. Лорд-Магистрариус выделил им отдельное здание и двух кураторов, чем, по сути, и обеспечил новый виток, как им казалось, священной борьбы, но практически бесполезной борьбы с Рейхом.

Здание было действительно огромно. Да, пускай оно и было двухэтажным в высоту, но в ширину постройка была невообразимо большое, больше напоминавшее зал ожидания и терминал массивного аэропорта.

Это здание бывшей типографии было опечатано и заброшено, но это не значит, что в нём должно царствовать запустение и разруха, способные за короткое время плесенью и грибок буквально съесть любую постройку. Министерство Наблюдения за Заброшенными Зданиями ревностно следило за порядком в заброшенных постройках и следило, когда придёт новый владелец, сохраняя помещение в чистоте и ухоженности. Но ещё одной задачей этого министерства был надзор за тем, чтобы заброшенные здания не становились пристанищем для сектантов и отступников, что стремятся скрыться от всевидящего ока Рейха.

Придя в здание ребята сразу стали его и всё своё движение перекраивать по собственному усмотрению, как того же-

ляли.

Само старое движение начало называть себя уже не «братством», а Партией, как настояли главы всех прошлых ячеек сопротивления в Милане. Во главе всего, на всеобщем голосовании, был поставлен Лорд–Магистрариус, названный «Гегемоном революции». В благодарственном пылу они решили поставить его во главе всего движения, и сделать его голос решающим. К сожалению, для ребят, сам глава Имперор Магистратос никак не прокомментировал это событие. Сразу за ним шёл так называемый «Голос Истины» – совет из трёх человек, состоявший из бывших глав трёх отдельных движений. Ариан отказался чувствовать, как он сам высказался: «В жалкой игре в свободу». Об его уходе особо никто и не сожалел, посчитав его «легко воспламеняемым нежелательным и асоциальным элементом» – Как выразились Бертольдо, буквально вторя Алехандро. Сразу после за этим «Голосом Истины» идёт «Партийный Пленариум» – ставший собранием пятнадцати выбранных человек. И как все решили, этот «Пленариум» решал дела партийной важности и созданием основных положений, касающихся движения. А потом ребят стало не остановить. Они стали похожи на миниатюрное квазигосударство или на некий политический орден, что ведом собственным энтузиазмом. Ими были созданы много новых структур, ибо все, почувствовав в душе пьянящий вкус преобразований и реформ, стремились к созданию чего–то нового, что станет по своей задумке жёстко про-



тивостоять идеалам Рейха. Это были сырые новообразования, приведённые в жизнь нисколько на опыте и знаниях, сколько на личном фанатизме и рвении к чему-то новому.

Все работали усердно, стараясь как можно больше сделать для Партии и внести как можно больший вклад для общего блага.

За первые дни было создано новое положение, получившее бравое и новое для ребят название – «Конституция». В ней участники всего движения постарались отразить все идеи и основополагающие правила для Партии, что естественно буквально попирали все истины Рейха.

Но не всё было так хорошо. Первое, что сделал «Голос Истины», а потом и «Партийный Пленариум» это объявил «необходимый мораторий на идеологии». Нет, они не были запрещены, каждый мог придерживаться любой политической, духовной или экономической идеи, что была приятна его душе. Каждый мог высказаться по ней и даже объявить дебаты любому другому представителю другой идеи. Было запрещено ставить во главе Партии определённую идеологию. Даже в «Конституции» было сказано: «Никакая идея не может быть главенствующей в Партии, и поставлена во главе её, ибо это противоречит основам свободы и демократии, что являются наивысшими». Вся Партия выразила общий курс, направленный только на свержение власти Рейха в Милане и установления, как им казалось, справедливого правления.

Не все были рады такому положению дел. Ведь всегда кто-то был готов поставить некую идею выше всего сущего, даже если это попирало все основные догматы Партии.

Давиан сразу и резко высказался против такого правила. Он ревностно и фанатично утверждал на всеобщем собрании: «Да как так! Разве идея это не самое важное!? Именно один идеологический стержень способен скрепить всю Партию на единых основах! Без него она просто рассыплется!». Давиан ещё очень долго яро распыхлялся перед всеми на эту тему, глубоко рассуждая по этому поводу и чуть ли не проклиная тех, кто решил принять решение о «моратории на главенство идеологии». Но его особо никто и не услышал, и даже не собирался, ведь он противоречил словам самого Лорд–Магистрариуса, который единственный мог указать верный путь во тьме и направить посреди мрака тирании, как полагали ребята. Все культурно и цивилизованно выслушали парня, но потом так, же спокойно отклонили его претензии. Он ещё долго не мог успокоиться по этому поводу.

Но самое худшее, что могло произойти в единой Партии – вокруг Давиана стали собираться его коммунистические единомышленники, постепенно обособлявшиеся в совсем отдельную группу. Они стали ходить на отдельное, собственное движение, совсем чуждое для всей Партии. Сначала они заняли определённые помещения, назвав их «Первой коммуной на территории Рейха, а значит неприкосновенной для остальной Партии». Потом сторонники Давиана стали

делать красные нашивки у локтя и создавать собственные органы управления практически отделившиеся от основного движения. Среди них большое влияние на коммунистов «совет коммуны», когда собирались все члены этого нового движения и принимали самые важные решения.

Воспоминания о назревающем расколе стали постепенно рассеиваться по мере того как Габриель приближался к своей академии.

Он открыл её двери, прошёл через металлодетектор, способный отследить любую металлическую бляшку и если человек пронёс больше металла, чем положено инструкцией Рейха, то аппарат начинал неистово верещать. И если у студента не оказывалась разрешения или уважительной причины, почему у него так много металла, то ему инкриминировалось «Возможное покушение на безопасность в учебном объекте», что естественно могло привести к потере умственных ресурсов страны, а значит, отсюда вытекала ещё одна статья – «Заведомое предательство и покушение на стабильность Рейха». Приглашались комиссары из Трибунала Рейха, и начиналось расследование, ибо металл мог быть в составе взрывного средства. В памяти людей ещё не поблекли кошмары терактов, что мрачной россыпью расползались по всей Европе, времени эпохи «Зелёного полумесяца». И первый канцлер помнил эти слёзы на щёках людей и родных, когда он, будучи ещё юношей, лицезрел, как целые небоскрёбы в городах исчезали в вихрях адского пламени чьего-ни-

будь религиозного фанатизма. А по сему, прейдя к власти он разумно объяснил этот контроль, прямо перед народом: «Вы видите спокойный мир как идеальный? Вы видите спокойствие идеалом? Что ж, я дам вам его, только взамен мне понадобится немного вашего вольнодумия». И первый правитель сделал так, что не было больше терактов выкрашенных в идеологические цвета или полыхающие религиозным фанатизмом. «Одна идея, одна вера, один народ и максимум контроля над всеми» – Произнёс первый канцлер, когда было выжжено последнее государство – «Конклав Независимости» не примкнувшее не к одному из трёх блоков. И народ был лишён своей свободы, но взамен ему дали чего он так желал – спокойствие.

Габриель спокойно прошёл этот металлодетектор – монолитное и серое воплощение одного из идеалов эпохи и прошел внутрь своей академии. Весь холл был просто усеян предметами Культа Государства, что сияли своей праведностью и внушали свою правильность студентам, как задумывалось. Висели плакаты, повествующие о величии государства и правителя, просто исписанные цитатами. Практически недвижимо стояли штандарты и флаги Рейха, что слегка покачивались от гуляющего сквозняка.

Габриель кинул на них безразличный взгляд на все эти предметы и, сочтя их ненужными собственного внимания, стал продвигаться на занятие.

В академии было почти безлюдно. Занятия сегодня были

мало у кого, поэтому коридоры всегда живого здания были почти в запустении, только мрачно и грозно на некоторых местах стояли «ординаторы», неустанно следящие за порядком. Занятия должны были скоро начаться.

Пара оказалась довольно скучная. Это была обычная лекция по Истории Сложения Языка в Рейхе. Вообще, основным, государственным языком в государстве был новоимперский, ставший синтаксисом латыни и итальянского наречия. Но так, же и признавались и балканские языки, испанский или любой другой язык, распространенный на территории Рейха. Но человек в обязательном порядке должен был знать новоимперский, а потом только уже другие, ибо на них велись все государственные дела. Специально для этого было создано министерство Поддержания Языка.

На занятиях было довольно мало людей, а в отношении тех, кто не пришел, были отправлены жалобы и прошения об идеологической проверке в их сторону. Ничего особенного, всё как обычно.

Он постоянно смотрел на пустующее место, где обычно сидела Элен. Да, именно события последних дней стали причиной беспросветного отчаяния. Юноша не просто был печален, он неистово горевал от произошедшего. И, чтобы не быть вновь осуждённым за излишнюю привязанность, он старался скрывать эту меланхолию. Теперь Элен с Верном встречались и это было не изменить. И юноша с этим смирился, но он не мог выносить то, что новая парочка вытво-

ряет. Бесконечные поцелуи, обнимания, смех и радость царили в отношениях между Элен и Верном. Им даже были направлены жалобы от Службы по Надзору за Поведением Пар Министерства Надзора за Уровнем Семейной Морали за «Слишком вызывающие поведения в общественных местах» и многие удивлялись, как ещё Верна и Элен не арестовали уличные комиссары. Габриель просто не мог этого выносить, ибо это всё происходило на его глазах.

Занятия шли долго и нудно. Габриель лишь изредка конспектировал, то, что говорила лекторша. Пока нудно и монотонно она говорила, пара медленно подходила к концу.

После окончаний занятий Габриель хотел пойти уже домой, ибо ничего интересного не предвиделось, но вдруг он заметил, как к нему спешит Алехандро. Его вид был весьма взволнованным, а взгляд выражал глубокое и непреодолимое беспокойство.

– Привет. Мы с тобой сегодня так и не успели переговорить, – протянув руку, проговорил парень.

– Здоров, – ответил Габриель и сухо поздоровался с другом. – Что ты хотел? – Оставаясь в таком же безразличном состоянии, спросил юноша, будто ему было до этого.

– Если тебе не сложно, ты можешь сегодня ближе к вечеру прийти в нашу обитель. Мне просто понадобятся все мои знакомые, для того, чтобы они могли выступить на моей стороне. – Дрожа и волнуясь быстро протороторил Алехандро с надеждой взирая на юношу.

– Когда? – сухо спросил юноша.

– Сегодня на всеобщем собрании.

– А что случилось? – Так же монотонно последовал вопрос.

– Да будь он проклят, – Гневно заговорил и без того эксцентричный Алехандро. – Этот недоделанный коммуняка опять решил поднять вопрос об одной идеи и попортить наши свободы и права.

– Что? – с непониманием, чуть развеявшим апатию, спросил Габриель.

– Ах, тебя же вчера не было на всеобщем собрании.

– Так расскажи, что произошло, – Уже беспокоясь, спросил Габриель, понимая, что в Партии назревает нечто страшное для единства.

– Вчера, как всегда на «Партийном Пленариуме», – сказав это, Алехандро обернулся, удостоверившись в том, чтобы никого рядом не было, кто бы мог услышать разговор. – Мы вечером обсуждали новые способы привлечения в нашу Партию ещё людей. Тут Давиан опять завёл свою шарманку про единую идею, для того, чтобы объединить всех людей под единым флагом он естественно не забыл опять упомянуть про то, что если люди в Партии придерживаются единой идеи, то и работать они лучше будут. Мы, конечно, хотели, снова осадить Давиана, но его прихвостни опять стали выносить «Пленариуму» мозг. И вот чёрт, нам пришлось принять его предложение на рассмотрение уже на всеобщем собрании. И

его мы решили провести завтра... о есть сегодня.

Александр, говоря, действительно еле сдерживал свою злобу. Если бы был рядом Давиан, то, несомненно, он бы сейчас на него набросился.

– Так что от меня требуется на собрании?

Александр улыбнулся. Но его лёгкая улыбка была скорее порождением натужности и душевной усталости, вызванной, как он сам зачастую говорил: «Идеологическими выходками Давиана».

– Что от тебя требуется? Просто придешь на собрание и проголосуешь против его бредовой и несуразной идеи. А если ещё и скажешь что-нибудь против, то будет просто прекрасно.

– Хорошо. Я приду, – Холодно ответил Габриель.

– Вот прекрасно. Я не забуду этого, – Уже с более естественной улыбкой оптимистично сказал Александр и попрощался с другом.

Габриель остался стоять один в коридоре. Его, конечно же, не удивил пыл Давиана, ибо он всегда был ревнителем одной идеологии, которую в Рейхе величали кровавой чумой. Его удивило другое. Когда приняли мораторий на запрет идеологий, то, на всеобщее удивление, Александр не стал выражать своё противоречие. Он, стоящий под жёлтым стягом, ярый приверженец либеральных идей, ходил среди тех, кто принял этот «мораторий». Хотя, большинство считало, что именно он начнёт протестовать против этого, ведо-



мый желанием безудержной свободы, но фанатик собственной идеи проголосовал за «мораторий» на идеологии. Это вызывало некоторые подозрения у части людей в Партии.

Однако и тут можно было найти объяснение. Большинство людей, уже пришедших в Партию, придерживалось идеи личной и всесторонней свободы, а остальные различия в нюансах и аспектах мало кого волновало. Все были союзниками старой доброй свободы, что некогда существовала на этой земле и поэтому, между представителями разных идей, но столь похожих, не возникало противоречий. Но коммунизм оказался другим делом. Это странная и чуждая для всех идея вызывала беспокойство у большинства членов Партии. Её проповеди и постулаты были наполнены доктринами о высшем благе. Некоторые люди из Партии её называли даже пародией на идеологию Рейха. Но проблема в том, что у Рейха не было ярко выраженной идейной основы. Это государство было создано консерватором в душе и диктатором по характеру. Он, смотрел на разрозненные государства и образования Европы, обитавшие среди техногенного разращения и плотской похоти. Появились и многие национальные государства образованные во время «Часа Джихада» или «Эпохи Полумесяца». И этот консерватор, смотря на всё это безобразие, создал государство, где нет чёткой определённой идеологии, но есть основная идея. В этой стране есть лишь личная привязанность к Канцлеру и Рейху, зачем следит Министерство Идеологической Чистоты.

Габриель ещё пару мгновений стоял в коридоре. Он размышлял о многом, практически обо всём и сейчас к его мыслям добавилась угроза грядущего раскола. Юноша уже знал, что скажет, но он не знал, к чему приведёт эта круговерть событий. Раскол становился всё более ощутимым и ясным, что своими осколками сыпавшейся Партии же был готов поранить души многих людей. Этого раскола нельзя было допустить.

# Глава тридцать третья.

## Нежеланное просветление

Тем же временем. Рим.

В городе довольно прекрасно и хорошо, что читалось на несколько довольных лицах людей, которые были на улицах и, спеша на работу наслаждались наилучшим и лёгким состоянием погоды.

Небо над Римом было застлано густой пеленой из облаков, которое предвещало скорые осадки. Оно представляло собой огромный небосвод, укутанный серой и безликой пеленой, что с каждым часом становилась всё более мрачной. Морозец здесь стоял более слабый и игриво не покусывал кожные покровы, нежели в Милане, да и был довольно не столь сильный и освежающий.

Но в отличие от Милана в вечном городе по его улочкам и площадям, обвивая прекрасные купола храмов и высотные здания, гулял лёгкий и игривый ветерок, который временами мог поднять небольшие, еле видимые облачка пыли или пару одиноких хрустящих листьев и заставить их танцевать в замысловатом прекрасном танце, что мог порадовать глаз любителя природы.

На улицах Рима было сегодня относительно спокойно. Большинство простых людей были на работе. Только, как и

в Милане на улицах могли попасться представители некоторых Департаментов Власти, в особенности из Имперор Магистратос, контролирующих все нюансы жизни в имперской столице, что неусыпно несут свою службу во имя Рейха, отдавая самое важное, что у них есть – здоровье и личную жизнь.

Любой губернатор, чиновник или мелкий служитель должен был отдаваться работе по максимуму и выкладываться на полную силу. Если же он этого не делает и множественные структуры министерства Внутримаргистраторского Надзора углядят, что человек не вырабатывался, то следовало увольнение. Это регулировала цитата первого Канцлера, вставленная в Кодекс Имперор Магистратос: «Любой ревностный служитель собственной родины должен отдавать здоровье своё на её благо. Если же он этого не делает и не отдаётся на самопожертвование родине, то его следует лишить даже крупицы власти над обычными гражданами и уволить из общей структуры». Но помимо этого, служителям Имперор Магистратос, Империял Эккlesiaс и Трибунала Рейха было крайне трудно обзавестись семьёй. Их заставляли вырабатываться полностью, и ничто не должно было помешать исполнению их долга перед государством, даже если это была любовь. Железный молот справедливости и правосудия Рейха перетирал в пыль даже такое понятие, как любовь, исключая его из жизни множества людей. Но по настоянию и прошению самого Верховного Отца, который в смелости пред-

стал лично перед первым канцлером и потребовал изменений, был введён особый порядок для служащих государству. Если слуга Имперор Магистратос хотел быть с тем или той кого неистово любил, то он был обязан иметь высокие рейтинги, безукоризненную репутацию и получить специальные разрешения из Трибунала Рейха, церкви и Культа Государства и только после этого его ставили в очередь «на получение разрешения брака».

Но самую большую роль во всех этих процедурах играл Культ Государства, ибо его слово было решающим, ведь «только слуга государства, верно работающий на свою родину, мог быть достоин любви» – как гласила цитата из Фолианта Гражданина.

И оплотом Культа Государства в каждом городе империи стали не вмещавшие взгляд и просто огромные культополисарии, под которыми люди были больше похожи на мелких букашек, которые оказались в тени огромного молота Рейха, способного обрушиться на них со всей силой и мощью правосудия Рейха.

И тут в своём спокойном и грозном величии над всем городом возвышался огромный, невообразимо высокий, Главный Культополисарий Рейха. Он стал воплощением нерушимого союза холодного бетона, мастерства строителей и ярого и непреклонного фанатизма, заточённого в одном здании.

Это было действительно огромное здание. Оно уходит на восемьдесят этажей ввысь и на двадцать девять вниз. Этот

Главный Культуполисарий ещё называли «Кафедральным Монастырём Культа». Он стал выражением всего фанатичного аскетизма и холодной суровости, которая таилась в каждом ревностном слугителе Культа Государства.

Возвышаясь вверх и грозно затмевающие прилежащие здания своей мрачной тенью «Кафедральный монастырь» был лишён всякой изысканности и украшения, какие присущи остальным главным зданиям Департаментов Власти. Даже трепещущихся стягов на нём не весело. Лишь маленькие, еле различимые окна, говорили о том, что это здание, в котором кипит жизнь, а не безжизненный и грозный бетонный обелиск, зловеще возвышающийся над городом и ставший воплощением одной идеи и одной веры в Империю.

По улице, подводящей к входу в Главный Культуполисарий спокойно шёл мужчина среднего роста. Его чёрное кожаное пальто совсем чуть—чуть не касалось бетонных уличных плит, а сапоги с особым звенящим звуком чеканили своей подошвой. Его светлые длинные волосы легко трепетались на игривом ветерке. Рядом с ним шёл более высокий мужчина, одетый в более короткое фиолетовое пальто. Его короткие волосы не развивались на ветру, лишь вяло подёргивались. Туфли рядом идущего человека слабо звучали по плитам на земле, нежели сапоги рядом идущего человека.

Они шли уже довольно долго в молчании, но один из них решил возмутиться этому:

– Господин Канцлер, почему вы отказались от автомоби-

ля? – спросил Лорд–Магистрариус. – Я сейчас умру от усталости.

– Дорогой мой друг, – с коварной улыбкой начал правитель. – Ты посмотри, какая сегодня погода. Неужто в этот день нужно разезжать на какой–то машине, лишая себя такого прекрасного ощущения природы.

Глава Имперор Магистратос так и не понимал, почему Канцлер решил пройти несколько километров по улочкам Рима, сочтя это за ещё одно проявление сумасшествия, которое присваивал своему правителю. Но они были не одни на этой улице. Слуги Министерства Внутренней Разведки и Личной Гвардии Канцлера незримо шагали практически рядом с ними, всегда оставаясь в тени и охраняя жизнь своего правителя.

Простые люди, встречающиеся на пути Императора чуть ли не падали на колени и начинали лить горячие слёзы от счастья встречи со своим правителем, что указывает им путь в мрачном пространстве, как им казалось. Эта картина приводила в недоумение Лорд–Магистрариуса, который просто не понимал, к чему такое рабское почитание, но с другой стороны его гложет обида от того, что эти люди не обращают, ни капли внимания на него, хотя он тоже ежедневно поддерживает им достойное существование.

Они оба спокойно и молча, подошли к входу в Главный Культуполисарий. Его ограждала огромная, буквально массивная стена. Она ввысь уходила не меньше чем на шесть

метров и сделанная из холодного бетона бросала тень на прилегающую дорогу.

Вход прикрывала монолитная, массивная чугунная дверь, которая явно была несколько тонн по весу и упади она на землю, она просто разобьёт всю плитку и расплющит тех бедолаг, что окажутся рядом с ней.

– Открывай! – стучась кулаком в дверь, требовал Канцлер.

Послышался жуткий скрежет чугуна, и дверь с не меньшим кряхтением стала открываться, предоставляя взору внутренний двор.

На площадке перед «Кафедральным Монастырём» царило запустение, лишь ветер гонял немногочисленную пыль. Не было ничего. Лишь сухой ветер гонял пыль по холодному бетону. Вокруг вошедших стали собираться немногочисленные послушники Культа, находившиеся на улице. Они с преклонением, глубочайшим уважением и буквально религиозным рвением смотрели на Канцлера и приклоняли колени перед его фигурой. Каждый из них готов был упасть и начать молиться ему за всё что можно. Но также «монахи» обращали свои взгляды и на Лорд–Магистрариуса, понимая, что он воплощает само государство – то, что они почитают больше жизни.

– Господин Канцлер, это честь для нас, – с благоговением твердил культист в робе.

Смотря на это, у Лорд–Магистрариуса в душе что–то сжалось. То ли это был приступ презрения от акта рабского чи-



нопочитания, а может и обычная, и старая как мир, зависть по отношению к своему правителю, отравляющая душу любого человека, который живёт в тени другого.

– Довольно, у меня есть дело к Великому Патриаршию. Проведи меня к нему, – потребовал Канцлер, указывая на огромное здание.

– Повинуюсь. – С подчинением и преклонением собственной души сказал культист. – Проходите за мной.

И они пошли за ним, постепенно удаляясь к входу в сам «Монастырь». Вход же был представлен большим углублением под само здание, подобно тому, как были устроены входы в подземные парковки огромных небоскрёбов времён до Великой Европейской Ночи. И через пару мгновений они скрылись во тьме культополисария, уйдя под весь его огромный массив.

Внутри довольно тускло, лишь слабое, можно выразиться допотопное лампочное освещение слабо рассеивало тьму, чем резало и давило на глаза, отчего через двадцать минут у человека, не привыкшего к такой тусклости, просто начинали болеть глаза. Внутреннее убранство было самым настоящим воплощением верха аскетизма и стоицизма. Оно было настолько сурово и убого, что вызвало неподдельный шок у Лорд–Магистрариуса. Голые и мрачные стены просто пыхали бетонной прохладой. Даже на первом этаже, общей направленности, который назывался бы холлом, не было ничего убранства или украшений. Лишь голые стены, пара ламп,

несколько стульев и ещё пара самых обычных вещей.

– Мы можем поехать на лифте, – предложил культист.

– Ох, вы так великодушны. Нет, мы, пожалуй, пройдемся, – благодарственно ответил Канцлер. – Думаю, мой друг против не будет.

В эту секунду Лорд–Магистрариус несколько раз и не совсем культурно проклял своего правителя за то, что ему сейчас придётся несколько десятков этажей подниматься вверх.

И они пошли вверх по этажам, любуясь на то, чем действительно был «Кафедральный Монастырь».

Всюду встречалась просто невообразимая нищета, на которую только мог согласиться человек, и можно было только придумать для монаха. Во многих кельях не было не телевизора, ни даже радио. Была лишь кровать, сундук со столом и стулом. И всё. Да и в принципе кельи были настолько малы, что в них навряд ли что–то поместилось ещё. Но «Монастырь» был примечателен не только убогими кельями. С двадцатого по тридцатый этаж находилась огромная, просто невообразимая для глаза библиотека. Книжные полки были по несколько десятков метров высотой. Сотни тысяч разных фолиантов, книг, старых журналов и великое множество самых различных собраний за всю историю человечества. Собственно в этой библиотеке, где трудились тысячи «монахов», хранилась мудрость веков, собранная в одном месте. Канцлер, проходя эти этажи с замораживанием, как ребёнок, смотрел на всё это невероятное собрание знаний, чего нельзя бы-

ло сказать про Лорд–Магистрариуса, который выражал явное безразличие к этому книжному королевству.

С пятидесятого по шестидесятый этаж находилась сокровищница, но только, к сожалению Лорд–Магистрариуса здесь было не золото и серебро, а различные реликтовые, старые и значимые вещи для Культа ордена. Здесь лежат священные робы, реликты Континентального Раздора, когда европейский континент находился на пике разногласий. В этой сокровищнице хранились десятки самых старых вещей, которые были ещё даже из докризисной эпохи.

С шестидесятого по восьмидесятый этаж располагалось «крыло пяти орденов». Так называемые ордена были неким прототипом министерств. Они так же, как и структуры Имперор Магистратос, занимались определённым видом работы. Орден пера и чернила занимался всей бумажной и административной работой. Орден воды и хлеба занимался продовольственным обеспечением. Орден острого клинка был ответственен за безопасность культополисариев и отправление правосудия, когда это было необходимо. Орден письма отвечал за инфраструктурную связь между культополисариями. А орден пламенного слова был в ответе за агитационную деятельность и осуществление новых идеологических доктрин.

А после этажей с орденами, на самом верху культополисария и находилась келья Великого Патриаршия.

Лорд–Магистрариус весь вспотел и покраснел, пока поды-

мался. С него градом стекали струйки солёной влаги, а одежда буквально взмокла. По всему этажу буквально разносился звук его отдышки. Кожа Канцлера всего лишь слегка покрылась испариной.

– Проходите.

– Спасибо тебе, служитель Культа, – поблагодарил правитель скромного слугу.

Канцлер отворил массивную железную дверь и вошёл в келью. За ним заковылял, держась за грудь, изрядно кряхтя, и глава Имперор Магистратос.

Келья довольно скромна и даже устроена по-спартански, несмотря на столь высокое положение в иерархии Культа. Скромная кровать, обычный железный большой стол, где находились основные документы по делам Культа, небогатый коврик и пара цветков. Свет в келью проникал через небольшие, подобно тому, какие были в средневековых замках и крепостях, окна.

Великий Патриарший, глава могущественного Департамента Власти, в знак приветствия оторвался от работы и поднялся со стула, уважительно готовясь приклонить колено. Сам предводитель Культа тоже выглядел не слишком богато или роскошно, нём коричневые монашеские одеяния, подпоясанные обычным канатом, а на ногах вместо обуви были обычные сандалии. Его вид больше напоминал старого священника, нежели представителя могущественной организации. Прямоугольное лицо, вытянутый и широкий подбородок.

док и небольшая щетина. Человек был довольно стар и поморщившееся лицо, усталые глубокие карие глаза это доказывали.

– Можете присест, – приказал Канцлер.

– Что вас привело сюда? – присаживаясь, спросил Патриарший.

– Меня сюда привело ваше умение работать с народом, – с толикой коварства ответил Канцлер.

– И что же конкретно от нас требуется? – Таким же железным и неэмоциональным тоном спросил глава Культа.

– Как вы знаете, недавно закончилась война на Иберийском полуострове. Сепаратисты и повстанцы поражены, их предводители прилюдно казнены, а так называемая Конституция Новой Федерации была сожжена и развеяна. Но, как мы знаем, идею из умов людей невозможно так просто взять и развеять, как пепел. Она будет жить, зреть в душах людей, медленно их вновь развращая. И когда–нибудь это выльется в очередной митинг, перерастающий в вооружённое восстание, и я не хочу, чтобы снова повторилась эта ситуация. – Яростно, неожиданно сменив недавнюю милость на скорый гнев, от чего рядом стоящему Лорд–Магистрариусу стало нехорошо. – Мне нужен целостный народ, не разделённый никакой проклятой идеей.

– Господин Канцлер, если вы хотите, чтобы мы начали проводить обработку населения в Иберии, то вы только прикажите и буквально через месяц весь полуостров будет вос-

певать вам и Рейху хвалебные мантры и литании в вашу честь.

– Да, я хочу, чтобы Культ Государства немедленно начал проповедовать среди граждан на мятежном полуострове. Пусть ваши пламенные речи выжгут любую ересь или иную лживую и мерзкую идею из умов людей. Я хочу, чтобы в Иберии остались только люди, чистые умом и мышлением.

– Несомненно, ваши поручения будут исполнены в точности. Я туда отправлю глав всех орденов. Я и сам туда отправлюсь. Всё будет сделано во имя и во славу Рейха. – С фанатизмом и практически религиозным рвением клялся Великий Патриарший.

Рядом стоящий глава Имперор Магистратос с презрением смотрел на происходящее. Он не мог понять, как люди, пожелавшие свободы вдруг стали отступниками. Как вдруг свобода стала ересью. Хоть и в его душе росло возмущение, но виду он не подал. Подавив свои негативные эмоции, Лорд–Магистрариус решил поинтересоваться:

– А как вы собираетесь убеждать людей, ещё вчера готовых вас сжечь, в правильности курса, который вы предоставляете народу. – С характерной ему наглостью спросил Лорд.

Лицо Великого Патриаршия осталось неизменным. Ни один мускул не дрогнул на лице. Он с таким же нерушимым спокойствием и хладностью ответил:

– Есть много путей к сердцу человека.

– Ну, просветите тогда скромного слугу государства, –

требовательно попросил Лорд–Магистрариус.

От такой наглости и требовательности лицо Канцлера нахмурилось. Он, было, хотел воззвать к совести главы бюрократии, но небольшое, еле уловимое движение морщинистой ладонью старика остановило Канцлера. Он тоже решил послушать главу Культа Государства.

Великий Патриарший стоически сохранял своё сосредоточение и самообладание. Его лицо всё так же было подобно тому, будто его вытесали их холодного и безжизненного камня.

– Первый и действенный способ это «пламя речи», ибо только огнём душевной страсти действительно можно выжечь любое вредоносное помышление. Именно чистота и ревность наших речей способна склонить на нашу сторону новую, вчера ещё еретическую паству. Наши слова пройдут пламенным вихрем по душам людей и рассеют в них мрак, позволив им увидеть истинный свет. Второй способ это «мирские добродетели». Добровольная нищета, упорный труд, скромность и светлая доброта стали нашими вечными союзниками в делах просветления душ, поскольку, когда осквернённые мраком люди увидят, что наши помыслы действительно чисты и нерушимы, то их помрачённый ум начнёт выздоровление от любой идеологической чумы. Но есть и ещё один способ. Мы можем подвергать людному хулению их же идеи. Да, мы их идею, которой они заражены, представляем как нечеловеческую, попирающую здравый смысл.

И тогда будущая паства сама готова распять своих ложных пророков и прийти в новое, истинное лоно.

В кельи повисла тишина. Лорд–Магистрариус неожиданно провалился в собственные размышления. С одной стороны, его просто бросали в недоумения подобные методы. Он отказывался понимать, как свобода, равенство, уважение чужих прав могут стать заразой. Чумой. Его просто гложил эта мысль, не давала ему покоя. Глава правительства яро жаждал, чтобы во всём Рейхе восторжествовала свобода, которую в те, стародавние времена называли демократией, он неистово желал подарить каждому человеку в новом государстве личную свободу. Но с другой стороны... когда Великий Патриарший рассказывал, то его просто разрывало некое, странное и тёмное чувство. Лорд–Магистрариус всегда уважал силу и её проявление и тут он сталкивается с таким могуществом. Культ Государства был способен перекраивать умы по собственному усмотрению. Это была самая настоящая монолитная машина по управлению человеческим сознанием и тот, кто обладает силой этого великого механизма, способен был повести за собой мириад душ. Вот оно было главное сокровище Канцлера. Эти монахи, одетые в старые обноски обладали силой, несравнимой с силой всего Имперор Магистратос, с его министерской фантазмагорией. И это ощущение в буквальном смысле слова будоражит. Такая сила просто завораживала ум главы правительства, и все восемьдесят этажей его сердце ничего не могло тронуть,



а тут в этой келье он нашёл то, чем, несомненно, хотел бы обладать. Он и сам не заметил, как в нём разыгрались чувства, свойственные самому страшному деспоту.

– Я ответил на ваш вопрос? – поинтересовался Патриарший, разорвав своим вопросом неловкую тишину.

– Вполне, – с практически незаметной зловещей улыбкой ответил Лорд–Магистрариус.

Внезапно в кармане рясы главы Культа Государства что-то зазвенело. Он полез туда и достал оттуда кнопочный чёрно–белый телефон.

Глава Имперор Магистратос чуть дара речи не лишился, когда увидел этот ископаемый реликт.

– Простите, мне нужно отойти. – Сказал Патриарший с нотками повинности в голосе.

– Конечно. – Сказал ему Канцлер.

В скромной келье осталось два человека. И тут Лорд–Магистрариус решил спросить вопрос, не дававший ему покоя вот уже несколько дней. Он часто сомневался, порой даже боялся задавать этот вопрос, ведь это был Канцлер, глава государства, а не какой–нибудь его подчинённый.

– Господин Канцлер, позвольте важный вопрос?

– Конечно, друг мой. – С улыбкой ответил правитель.

– Иберийская Федерация пала, но почему вы так и не уничтожили этот пресловутый полк–орден?

В ответ Канцлер не впал в ярость, как это бывает, когда упоминают полк–ордена. Он лишь широко улыбнулся и удо-

стоил вопрос своим спокойным ответом. Его даже не волновало, откуда его друг, как он считал, практически брат, знает про полк–орден.

– Понимаешь, я простил полк–орден, – эта фраза будто громом прозвучала в кельи. – Они искупили свою вину на священной войне в Иберии, да и к тому же, в тот день... тогда... они были всего лишь инструментами, в руках тех убогих червей. А можно ли ругать инструмент? Ты и сам знаешь, что тот же нож в разных руках и нести будет совсем разную службу. В одних руках он накормит и поможет, а в других просто убьёт.

Канцлер и дальше продолжал рассказывать про то, как он простил полк–орден и что больше не считает его своим врагом. Что он понял, кто был его истинным врагом, и те, кого он действительно хотел казнить были уже давно преданы в земле. Канцлер рассказывал, что месть уже свершена, и что больше мстить не было никакого смысла.

Лорд–Магистрариус от этой новости находился в полнейшей прострации. Всё, что его шокировало в этот день, не могло ни на йоту сравниться с потрясением минутной давности. Эта новость просто его убила. Все его планы, цели и мечтания в это мгновение были просто поставлены под угрозу тотального краха. Этот путь, что он так долго шёл от первого мизерного саботажного тайного указа во время правления Верховных Лордов до оказания помощи всем возможным повстанческим движениям на территории Рейха и ве-

личанием на титул предводителя всей оппозиции во время властвования второго Канцлера оказывался просто ненужным. И вся дорога, тысячи уловок и ухищрений могли стать напрасными, ибо правитель постепенно шёл на поправку. Он меньше стал впадать в безумие, перепады настроения становились редким явлением, а улыбка на его лице стала всё чаще быть выражением не коварства, а искреннего счастья. Канцлер постепенно развеивал вокруг себя тьму... не без помощи врачей и священников.

И это искренне не нравилось ему, как сам правитель считал, другу, так как глава всей бюрократической машины, так и считал Канцлера деспотичным и с ума сошедшим диктатором на троне. И это неожиданное просветление только ставило амбициозные планы Лорд–Магистрариуса под угрозу.

Он понимал, что времени оставалось крайне мало и что судьба Рейха решится буквально за пару дней. Но Лорд–Магистрариус, предводитель Имперор Магистратос, глава всех бюрократических механизмов был готов вступить в последнюю стадию этой игры. Он многое прошёл, и останавливаться не собирается, а основному противостоянию в его жизни ещё предстоит разыгаться, но он знает, когда оно свершится. У него есть соперники даже по его идеи. И к противостоянию с ними он был готов. Нежеланное просветление Канцлера лишь подтолкнёт эту борьбу на новый уровень, но он всегда ждал этого и ныне готов.

## Глава тридцать четвёртая. В ответ на речь Карамазова

Хоть и стоит прекрасный день, но погода уже начинала постепенно портиться, будто вторя нагнетающей обстановки. Небеса вконец медленно, но верно затягивались густыми и грузными облаками, а по земле пеленой пошла снежная вьюга, только набиравшая свою силу, и сейчас просто гоняла снежинки на ветру. Но в этом месте она была более тонкая, менее гнетущая и облака здесь были более приятные для души и не вызывали меланхоличной тоски как в Милане.

Ветер в этом месте был довольно силён и напорист, будто хотел сбить с ног, а своею хладностью он буквально вымораживал человека до костей, подобно тому, если бы кто-нибудь попал бы за полярный круг в разгар бури.

Это альпийское предгорье. Прекрасное и завораживающее своими великолепными видами, которые уже мало где можно было встретить, несколько даже в Рейхе, сколько во всей Европе, ибо Великая Европейская Ночь мало что пощадила, сравнив с землёй неисчислимое количество великих зданий и грандиозных ваяний природы, некогда ставшими воплощением красоты и величия.

И на фоне прекрасных и старинных гор гордо возвышалось неимоверно большое строение, не меньше заворажива-

ющее своей монолитностью и грозностью. Оно, по большей части, было выполнено в старом готическом стиле, который своей загадочностью и монументальностью так манил первого канцлера, что он решил добрую половину Рейха переделать по новым лекалам имперской архитектуры.

Постройка представляла собой высокий и грандиозный, бесконечно стремящийся вверх шпиль. Эта башня по своей высоте сравнима только со шпилем Лорд–Магистрариуса и выполнена была из самого дорого чёрного мрамора, который можно было найти на просторах Рейха. Сам шпиль был практически пристроен к горному массиву, только небольшой перешеек проходил внутрь горы. От величественной башни исходили два, так называемых, крыла, ориентированных по сторонам света, тоже выполненных в стиле старой готики. К восточному крылу примыкала огромная пантеонообразная постройка.

Этот громоздкий и величественный комплекс, весь сделанный из мрамора, разных зданий носил название «Великая крепость Ордена».

Многие считали, что штаб–квартира полк–ордена была расположена в Риме, столице Империи, и они были правы, но сама истина была намного глубже, чем мог кто–нибудь предположить.

На огромной площадке перед крепостью разъезжало множество машин и бегало, если не роилось, просто неисчислимое количество людей, больше похожих на муравьёв. В воз–

духе витал плотный запах выхлопов, а вся площадка была забита шумом работающих автомобилей, которые пытались перекричать люди, отчего получалось невыносимое крещендо из самых невыносимых звуков.

– Сколько же здесь людей? – Удивлённо спросил Эстебан.

– Точно, все сливки государства собрались... и все меня ненавидят, потому что должны были, – констатировал Ротмайр.

– Не нужно было бесноваться на троне, – упрекнул Командор бывшего Лорда. – Меньше давал бы в долг.

– Да ладно тебе. Всё же было хорошо... для меня конечно.

– Успокойтесь. Оба, – оборвал назревающий спор Верховный Инквизитор. – Здесь действительно много кого собралось. В основном здесь слуги Имперор Магистратос, священники Империял Экклесиас, есть пара людей из Трибунала, и может ещё несколько человек из Корпоративной Палаты. Здесь собрались все те, кто посвящён в Орден Железной Лилии.

– Что блин за орден? И почему я о нём ничего не знал? – Требовательно и с недовольством спросил Ротмайр.

– Не мне дозволено про него рассказывать. – Сухо ответил Карамазов.

– А кому тогда? – С ещё большим недовольством спросил бывший Верховный Лорд.

На лице инквизитора пробежала всего лишь лёгкая улыбка.

ка, а потом последовал ответ:

– Не мне. Если кто–нибудь из Капитула сочтёт вам об этом поведать, то значит узнаете.

– Из чего?

Вопрос Ротмайра, вновь заданный с гнетущим недовольством буквально утонул в бесконечной автомобильной симфонии и оркестре из звуков работающей техники.

Трое спокойно проходили сквозь площадку, практически битком забитой самой различной техникой, которая пыталась пристроиться на более приличное и выгодное место.

Кого только нельзя было встретить на этой площадке. Здесь были и чиновники высоких рангов из Имперор Магистратос. Их роскошные и богатые одежды резко контрастировали с такими же прекрасными рясами иерархов из имперской церкви. На этой огромной площадке были десятки священников высшей степени. Но больше всего здесь было солдат из полк–ордена. Одетые в свою стандартную броню, с автоматами наперевес они неустанно контролировали каждое движения любого автомобиля. Если что–то шло не по порядку бойцы немедленно спешили это исправить, с особой ревностью. Ведь это была их работа.

Неожиданно из толпы Эстебана окликнули, и он тотчас обернулся в поисках звука. Но ничего не нашёл, однако через несколько мгновений перед ним показался человек в броне полк–ордена, но без шлема.

– Тит, ты что ли? – удивлённо поинтересовался Командор,

не ожидав здесь встретить своего знакомого.

– Ну, кто же ещё, – так же немногословно и бесстрастно ответил ему брат–лейтенант, сказав губы в лёгкой улыбке.

– Здравствуй Тит, – тепло и с неожиданной для всех улыбкой поздоровался подошедший Карамазов.

– Как ваше ранение? С вами всё в порядке? – немного с волнением поинтересовался Тит.

– Со мной всё хорошо. Слава медицине Рейха, я вышел из той комы.

– Вот и прекрасно, – радостно, но сохраняя себе присущее малословие, порадовался боец полк–ордена.

Вдруг, неожиданно, даже перебивая гул работающих двигателей послышалась полная недовольства реплика:

– У вас здесь сходка старых друзей? Или клуб «найди меня»?

Тит, усмехнувшись, спросил:

– А это кто? Почему он такой недовольный?

– А это тот, благодаря которому мы здесь собрались, – спокойно ответил Карамазов. – Всё, что здесь сейчас происходит, случилось по непосредственному участию этого индивидуума. – Пытаясь несколько соответствовать наглости Ротмайра, чтобы ответить ему в той же манере, сказал инквизитор.

– Да ладно. Не нужно мне столько почестей, – саркастично сказал Ротмайр.

– Мы должны идти, а то наш питомец уже нервничает, –



попытался отшутиться Эстебан.

– Я его значит, в покер научил играть, а меня тут питомцем величают. Вот это благодарность. – Обиженно проговорил Ротмайр.

Тит попрощался со своими знакомыми и приступил к выполнению собственных обязанностей, а трое стали дальше проходить к шпилю.

– Ты, что, обиделся? – спросил Эстебан. – Да ладно тебе, я же шутя. – С улыбкой добавив.

– Я же не сопливая девочка, чтобы обижаться. – Ответил ему бывший лорд. – Всё в порядке.

Остальную часть пути они прошли в полной тишине, лишь изредка переглядываясь друг на друга и взирая на копошащихся вокруг людей, приехавших сюда для решения одной из самых животрепещущих вопросов своего времени, который с лёгкостью мог в корне изменить ход истории.

Через несколько ходьбы минут они оказались у ступеней огромного шпиля, который уходил настолько высоко в небеса, что долго на его купол нельзя было смотреть, ибо шея могла затечь.

На мраморные белоснежные ступени ложился мягкий, роскошный и красивый синий ковёр. Весь шпиль был отделан чёрной мраморной плиткой, что крайне интересно контрастировало с его белоснежными ступенями. Окна всей крепости были сделаны из дорогого витража и отделаны золотом и драгоценными камнями, что придавало ещё больше

роскошности этому величественному зданию, которое смотрелось на фоне гор очень гротескно и могущественно.

Возле ступеней стояло отделение солдат, досматривающее людей и проверяющее документы. И когда подошли трое, их тоже досмотрели и проверили документы, чтобы не один посторонний человек не посмел проникнуть на столь величественное собрание.

Над входом висела огромная геральдическая лилия, отлитая из железа, ничем не украшенная, но настолько массивная, что сорвись она с креплений, ей масса бы перемолола все ступени. Эта лилия стала символом Ордена, олицетворив его простоту, но в тоже время могущество.

Дверь сделана из крепкого дерева, а резьба и отделка из серебра являлась воплощением неопишуемой красоты, которой могла похвастаться лишь башня Лорд–Магистрариуса.

Карамазов повёл за собой Эстебана и Ротмайра, которые были до глубины души восхищены монументальностью этого места, вглубь шпиля.

Внутри шпиль был неопишуемо прекрасен. Под ногами чередовалась чёрная и красная гранитная плитка, расположенная в шахматном порядке. Всюду были расставлены красивейшие статуи из серебра и золота, ставшие самым настоящим произведением искусства. Свет лился из множественных прекрасных бронзовых и медных канделябров, отделанных драгоценными камнями. Но самым большим и неприлично богатым светильом в этом зале стала огромная люстра,

свисавшая с потолка. Стены были занавешены картинами, которые без сомнения можно назвать апофеозом всей художественной деятельности и достойными признания самых умелых и великих художников во всей истории. Окна были прикрыты прекрасными пурпурными шёлковыми шторами, которые были расшиты замысловатыми и сложными узорами из медной, серебряной и золотой нитки.

Это место стало воплощением всей возможной роскоши, которую только можно было позволить себе в Рейхе, затмив ею даже могущественный шпиль Лорд–Магистрариуса.

Ротмайра и Карамазова эти несметные богатства не удивили, а вот Командор, зайдя в эту башню, стоял пару мгновений в полном оцепенении, потеряв возможность даже говорить.

Посреди этой залы стояли и общались довольно знакомые Эстебану люди. Человек в роскошном кремовой рясе, расшитой золотом, держа в руках посох, общался с высоким мужчиной, одетым в полностью чёрный классический костюм, дорейховской эпохи, с белой рубашкой, что виднелась на груди.

Его длинные и прямые чёрные как смоль волосы и блестящие под бесконечными лампами аккуратно ниспадали ему на плечи. Утончённые и бледные черты лица отдавали явной аристократичностью и благородностью. Его зелёные глаза отражали несвойственные для них холод и сдержанность. Этот человек резко, но в тоже время изящно повернул голо-

ву в сторону вошедших и как, только заметив среди них Карамазова, повернулся и, с толикой грациозности, пошёл к ним.

– Приветствую вас.

– Здравствуй, Карамазов. Я вижу у тебя всё в порядке, – спокойно и будто отчеканив льдом свои слова, сказал мужчина.

– Да, у меня всё хорошо, господин Великий Консул.

Услышав звание человека, Командор по правилам решил приклонить одно колено, в знак приветствия и почтения Консула, но тот его плавным и лёгким жестом руки остановил.

– Карамазов, можешь брать бывшего верховного лорда и идти готовиться к выступлению, – в ответ инквизитор лишь покорно ответил. – А мы с тобой отойдём в сторону. – Посмотрев на Командора, сказал Консул.

Они отошли куда-то в тень. Где их разговор могут вообще не услышать, или его суть не будет поймана. От того, что они идут куда-то в тень, Командору становилось не по себе.

– Как тебя зовут? – холодно спросил Консул.

– Эстебан, – немного посомневавшись, он задал свой вопрос. – А вас, господин Консул?

– Можешь называть меня Данте.

– А почему без формальностей, господин Данте?

Ни чувств, ни эмоций в холодных глазах Консула не пробежало, он лишь столь ледяным голосом стал отвечать:

– У меня для тебя две новости. И я начну с хорошей. Я, после долгого рассмотрения твоего дела принял решение принять тебя в ряды Ордена, – слова Данте звучали подобно тому, будто их проговаривает безжизненный компьютер, нежели человек. – Но для начала, я тебе расскажу историю самого Ордена. Ты знаешь, почему нас называют полком?

– Да, потому что нас при первом Канцлере нас было две тысячи человек. – Отвечая, Эстебан испытал подобие гордости за собственные знания.

– Это славно, что ты помнишь историю, но знаешь ли ты, почему мы ещё называемся Орденом? – Прозвучал хладно заданный вопрос. – И почему нас первый канцер нарёк «полк–орденом»?

– Этого, к сожалению, не знаю. – С толикой повинности ответил Командор.

– Мало кто это знает, – после этих слов Консул как-то поднял голову вверх и широким движением головы попытал как можно больше осмотреться. – Именно эта крепость была тайной резиденцией первого Канцлера, и именно здесь был принят тайный пакт «Слезы и Крови».

Командор стоял и с непониманием слушал, о чём всё-таки идёт речь, и Данте это понимание как-то уловил, будто бы он прочёл мысли Эстебан.

– Вижу, что тебе мало понятно из моих слов. Что ж, я поясню. Около пятнадцати лет тому назад, на юге Балкан произошло страшное восстание, но самое ужасное, что в этом

мятеже приняли участие не только обычные граждане, но и высокопоставленные чиновники из Имперор Магистратос, слуги Империял Экклесиас и многие представители остальных Департаментов Власти. Это был самый настоящий раскол, грозивший полному уничтожению Рейха, как государства. На подавление этого восстания было отправлено четыре армии, несколько воинских орденов, а в живых, после взятия столицы сепаратистов осталось чуть меньше отделения, – После этих слов Данте сглотнул и закрыл глаза, а Командор за его белоснежным лицом увидел пару мастерски скрытых под смольными волосами шрамов, да и следы пластической операции были усеяны по всему лицу, какой бы мастер не проводил лечение, он не смог укрыть всё и Эстебан понял, кто именно был в составе того выжившего отделения, отчего самого до глубины души пробрал жуткий холод, а тем временем Консул продолжал. – Министерство Идеологической Чистоты скрыло факт восстания от народа, но Канцлер не забыл этого ужаса, что там был устроен. Это был самый настоящий ад, где происходила борьба за каждый клочок земли с безумными фанатиками. Однако это были не просто отступники, одержимые одной идеей, а натренированные бойцы, ведомые в бой лучшими представителями власти Рейха, которые наизусть знали доктрины государства, против которого воевали. И когда Канцлер узнал обо всём, когда раскрылась тайна страшного предательства, то, в этом самом месте и был заключён Пакт между нами и Канцле-

ром, и был создан новый орден, в который стали входить избранные члены старого полка. Нашей задачей стало наблюдение за всеми Департаментами Власти, чтобы в них не было отступников, а если такие находились, то мы должны были уничтожить их. А потом я и создал единое название, отражающее суть, но ничего незначащее для не ведающего человека. Так и родился полк–орден, но позже, когда возникла необходимость, мы стали привлекать к нашей деятельности всех, кого считали необходимым. Так и родился Орден Железной Лилии. Мы по сей день, мы стоим на защите Рейха, став его тёмный щит, что хранит страну от распада. Везде, где есть угроза сепаратизма или предательства, то там должен пройти наш карающий клинок, выжигающий ересь, – с фанатическим холодом, без эмоций закончил Данте.

Эстебан с заворожением слушал рассказ Консула, представляя его в гуще тех событий, грозивших распадом империи. Ведь вся безжизненность и слов и лица Данте была по сути отражением того кошмара. Но от размышлений его оторвали новые слова. Консул вновь заговорил.

– А теперь плохая новость. Твоё поведение во время африканской операции вызвало противоречивые настроения в полк–ордене. Некоторые посчитали твои действия высшим проявлением защиты Пакта, а кто–то банальной некомпетентностью и самоволием. Угроза раскола нависла уже над нашим полк–орденом, и при рассмотрении решения я решил поступить таким образом: ты находишься сейчас на положе-

нии «вольного брата».

После этих слов сердце Эстебана сжалось.

– Это значит...

– Это значит, что ты выходишь из всеобщего проекта «Новый Дом» и прочих. Во время бедствий, опасности и даже начала новой войны тебе помощь оказана не будет.

Командор понимал, что после этого статуса, его дни в полк–ордене сочтены, ибо попади он в какую–нибудь передрагу и его уже не вытащит братская рука полк–ордена. Везде, где только можно было он теперь предоставлен сам себе. Будучи щитом Рейха, он сам лишился прикрытия.

– Мы в принципе можем идти, – прервав горестное размышление Командора, отчеканил Данте. – Сейчас уже начнётся заседание Ордена. Нам пора к нему присоединиться.

И Эстебан покорно последовал за Консулом, в восточное крыло, более не обращая внимания на гнетущую душу роскошь и неприличное богатство. Они все для него в один момент потускнели, ибо он потерял куда более существенное и значимое сокровище, которым только может похвастаться практически любой член полк–ордена.

Буквально через десять минут Командор сидел в мягком красном кресле и наблюдал за сценой. Он сидит в зале заседания ордена, расположенном как раз таки в пантеонообразном помещении. Оно было представлено большим амфитеатром, где в середине была небольшая сцена, на которой была кафедра с микрофоном. Помещение было поделено на



сектора, разделённые проходами к сцене и выходу. Зал заседаний не был таким роскошным, скорее уж обычным. Здесь не было предметов высокого искусства, золотых статуй и богатых украшений. Всё по-обычному: белые стены, покрытые банальной известью, алые кресла и деревянные полы, выложенные самыми обычными досками. Всё помещение заполнено переговаривающимися между собой людьми, от чего в зале был непроницаемый гул. Все старались говорить о том, что сегодня произойдёт, стараясь рассказать своему собеседнику как можно больше. Но вот на сцену стали выходить люди и зал постепенно стал стихать, обретая мистическое спокойствие.

Буквально через полминуты в помещении стояла абсолютная непроницаемая тишина, а на сцене стояло шесть человек, некоторых Командор знал лично. Там присутствуют Великий Отец, Данте, представитель Министерства Времени, Коммандер гвардии Трибунала и его давний и хороший знакомый инспектор Морс. А шестым стоял человек, который объявлял о начале заседания.

– Заседание Ордена Железной Лилии, Верховный Совет объявляет открытым, – сказав это, человек отошёл в сторону и скрылся в зале.

Командор сразу понял, что те пятеро человек и являются Верховным Советом Ордена Железной Лилии, подловив себя на мысли, что так и не смог понять, что его давнишний друг – инспектор состоит где-то, хотя подозрения были. Но

его размышления на эту тему мгновенно развеялись, когда к микрофону подошёл Коммандер Гвардии и всё своё внимание Эстебан обратил на выступавшего. Коммандер одет в униформу цвета яркой летней зелени, отличительную от обычной серой формы армии Рейха. Его брюки уходили под чёрные кожаные сапоги, а короткая куртка довольно неплохо выпирала на месте живота.

Мужчина вытер на лысине испарину, подвёл микрофон и стал грузно говорить. Нотки его голоса отдались французским акцентом:

– Это собрание было созвано по прошению инспектора Морса, нашего собрата по Ордену и товарища по Совету. И нам бы хотелось узнать, чего же он хотел от нас, ибо повестку он не сообщил, и если причина этого созыва была не столь важна для Ордена, то место Морса в Совете будет поставлено под сомнение.

Вперёд более менее уверенно вышел инспектор в длинном сером пальто. Ему тотчас уступил место у микрофона предыдущий оратор. Инспектор выглядел взволнованным, но Морс тут же сглотнул и начал своё повествование.

– Повестка очень важная, как бы её не попытались подать, – с упрёка в сторону Коммандера начал инспектор. – У меня есть достоверная информация, что среди членов высших эшелонов власти прячется опасный предатель и это, наш Лорд–Магистрариус.– Так без подготовки и прелюдий кинул в зал Морс, сказав это, он тут же прервался, так как по

залу пробежала волна негодования, сквозь которую говорить было нецелесообразно, и как только зал вновь успокоился, он продолжил. — И мои заявления не голословны. У меня есть ряд доказательств, которые это смогут подтвердить.

И Морс выложил всё то, что нашёл. Он рассказал про то, что смог найти во время своего долгого расследования, Рассказал про восстание в Великой Пустоши и на западе Иберии, и в особенности о том, кто снабжал мятежников всех необходимым от информации до оружия, Поведал о переписках высших лордов и расправе над ними. Рассказал про свои доводы. И каждое слово его рассказа доносилось до сердца каждого сидящего в этом зале человека, прожигая его мыслью, что они не смогли углядеть отступника в бюрократическом иерархе. Инспектор пять минут рассказывал про готовящееся восстание и смещение власти в Рейхе. Он говорил, что переворот начнётся буквально через несколько дней, что судьба Рейха сейчас висит на волоске, несмотря на всю его политическую и экономическую мощь. Он убеждал людей внять его словам

В глазах собравшихся людей читались самые противоречивые эмоции: кто-то ему верил, кто-то ужасался от подобной мысли, что отступником может быть столь высокозначимый человек, а глазах некоторых людей читалось банальное недоверие этому докладу.

После окончания рассказа в зале повисла непроницаемая тишина. У всех банально не было слов, чтобы выразить соб-

ственных эмоций или мыслей. Все были в неподдельном шоке.

Но вот посреди всех поднялся человек, он был одет в обычную классическую форму Имперор Магистратос. Мужчина обладает довольно сильно-отталкивающим голоском:

– А на чём основаны ваши слова? В них мы услышали минимум доказательств, лишь популизм и прошение о помощи, но чтобы предоставить её, Ордену нужны вязкие доказательства. Вот, к примеру, вы были в Великой Пустоши и участвовали в её боях, что так ярко о них говорите? – Буквально проламывая обвинения Морса, начал служитель правительства Рейха. – Если там не были, то почему вы уверяете, что именно наш Лорд–Магистрариус стоит за мятежом там. Может, там вообще восстания не было. Так, небольшая группа мелких повстанцев.

– Я там был! – буквально прорывав эти слова, на сцену вышел Карамазов, под руку ведущий Ротмайра.

Как ни странно, но он был облачён в свои разбитые боевые доспехи. На месте груди зияет просто дыра и месиво из ткани, металла и пластика, на поясе у него висел тот самый клинок, но он больше не поблёскивал игриво на свету. Меч измаран в смердящей канализационной грязи. Он подошёл к микрофону и до ушей стали доноситься пламенные речи, которых от этого человека никто не мог ожидать:

– Я, Карамазов, Верховный Инквизитор Империял Экклезиас Рейха, клянусь всеми здесь присутствующими, Рейхом

и Канцлером, что сам чуть не сгинул в боях проклятого города! И эта дыра в броне тому в подтверждение! – Указав на место повреждения, он вынул со звоном меч и продолжил своё выступление. – Этот клинок, напившийся там крови и пролежавший в грязи тому факт! – Затем полез за пазуху и стал перед собравшимися в руках трясти несколько бумаг, – это письма от Лорд–Магистрариуса, которые мы нашли в шпиле главы мятежа, в них говорится о соглашении между новой республикой Рейх и Теократической Директорией. – Потом он подвёл к микрофону Ротмайра, чтобы тот поведал, о том, что знает, касательно Лорд–Магистрариуса.

– Я поддержку этого человека, – к микрофону подошёл Роттмайр. – Я повинен в том, что случилось, так как мне и моим мёртвым собратьям власть, её жажда, ослепила разум. Но я хочу сказать о другом – Лорд–Магистрариус сам стремится свергнуть Канцлера и занять его место... я свидетель того, как он пытался скинуть нас, а затем и натаскал из Императора жалкого безумца. Я клянусь, что всё это истина!

Конечно, мало кто поверил бывшему верховному Лорду, который был повинен за то, что второй Канцлер правил своим безумием. После выступления Ротмайра он сам продолжил говорить у микрофона.

– Мои агенты и Теневики полк–ордена смогли зафиксировать факт того, что к Лорд–Магистрариусу приходил некий посланник из–за стены, со стороны территории гнилого и больного либерализма! Это значит, что тот проклятый царёк

бумажного королевства решил вернуть нас в эпоху плотского разврата и техногенной пошлости. Вы, наверное, забыли, как на этой земле, где сейчас стоит праведный Рейх, было самое настоящее царство блуда и технического беспредела. Вы вспомните, как механизмы заменили человека на заводах, вытесняя его с работы и даря нам сотни безработных, а значит нищих. Как люди не могли себе найти работу, потому что везде работали бездушные ледяные машины. Вы, наверное, забыли постановление Трибунала Рейха, что только человек может работать и осуществлять массовую трудовую деятельность? Что ни один робот не должен заменить человека в сфере труда? Но это не самое страшное. Господа собравшиеся, мы стали забывать, когда человек стал совокупляться с машиной, считая за человека? Когда даже в похоти она подменила живую плоть! Когда была создана «Хартия Прав Робота». Мы не должны этого вновь допустить, поэтому на нашей земле строжайший запрет на использование умной роботехники! Но гнусный предатель решил вернуть те времена, когда зажавшийся буржуй спит с механической игрушкой, а десятки тысяч безработных людей ждут подачки у его дома, ибо у них нет работы. Не для этого великий Канцлер строил Рейх, чтобы потом все его идеалы были смыты одним отступником и еретиком!

Речь Карамазова продолжалась ещё около десяти минут, где он поведал о многих «прелестях» либерального мира. Верховный Инквизитор рассказал о «Часе Джихада», когда

мигранты с Африки, ближнего востока буквально выдавили коренное население европейского континента, но очистительная политика Канцлера позволила вернуться к естественным для Европы, по крайней мере, для Рейха ценностям. Он рассказывал о таких противоестественных для нормального человека вещах, что многим просто становилось дурно и сидящих в зале начинало подташнивать.

Командор в полном шоке от его доклада. Он увидел Карамазова пылающего огнём эмоций, не обычного инквизитора, что с ледяным сердцем ежедневно отправляет жестокое правосудие, а человека, яростно и ревностно радеющего за собственное государство. Эстебан увидел в нём истинного сына своей родины.

После окончания речи, практически каждый сидящий человек был готов лично отправить бесчеловечное правосудие по отношению к Лорд–Магистрариуса. Но вот снова поднялся тот человек, который протестовал инспектору. Его тонкий и наглый голосок вновь зазвучал в зале, отчего Эстебану стало противно:

– Вы говорите, что Лорд–Магистрариус предатель, но можете ли вы привести факты, напрямую подтверждающие его причастность к мятежу? А ваши бумаги можете оставить при себе, ибо тот, кто мог оказывать помощь еретикам, просто назывался Лорд–Магистрариусом. Вы такой вариант не рассматривали? Нам нужны прямые доказательства, а не лекция про то, как было плохо до прихода первого Канцлера.

– И что ты предлагаешь? – Еле сдерживая себя, прорычал инквизитор.

Человек с улыбкой ответил:

– Пусть всё пройдёт по порядку полного голосования. А его порядок предполагает, что все члены Ордена могут проголосовать через сутки, после объявления проблемы. Вы же знаете, что это позволяет людям отлично сформулировать ответ, взвесив все «за» и «против». – После этих слов его улыбка сделалась ещё шире, после чего он радостно заговорил. – Вы не имеете права голосовать по-другому, ибо только этот порядок голосования определён по самым важным вопросам ещё первым Канцлером.

Командор, смотря на Карамазова, понимал, что тот был готов сейчас наброситься на этого бюрократа и растерзать его, прям в зале. Но тут своё внимание Эстебан переключил на Данте, который подошёл к микрофону, и через мгновение полилась его холодная речь:

– От лица Совета решаю, что голосование пройдёт в ускоренном процессе за восемь часов, так как обстановка у нас весьма не однозначная. И людям, и Совету необходимо время для принятия такого рода решения. Заседание объявляю оконченным.

– Прекрасная речь, Карамазов. Но сам видишь, какие гнилые «братья» в твоём Ордене. Что ж, вот и пришёл конец цели вашей защиты. Тухлая у вас программа принятия решений, ни то, что у нас была, – напоследок, почти не слыши-



мо констатировал Ротмайр, под звук голосов расходящихся людей.

# Глава тридцать пятая.

## Восход отступника

Милан. Вечер.

День постепенно подходил к своему логическому концу, а время неумолимо шло к вечеру, который уже начинал вступать в свои права. Небо над Миланом постепенно темнело, затягиваясь густой и мрачной пеленой, отчего ни единого белого просветления не было, облака так, же густой массой застилали небосвод, что, ни один солнечный луч не прорывался через этот облачный занавес. Весь небосвод был устлан монолитной сиреневой массой, что с каждым часом становилась всё более тёмной.

Ночной холодок постепенно подходил к городу, медленно его, вымораживая и превращая времяпровождение на улицах славного города крайне неприятным. Этот морозец уже не игриво щипался, а больно кусал за кожу, поэтому хотелось сильнее укутаться. Ветер стал намного сильнее, став порывистым и леденящим, отчего на улице становилось холодно и неудобно. Но этот холод не умолял той прекрасной свежести, что оставалась на улицах.

Под звонкие и нечастые завывания ветра, что временами поднимали небольшой мусор вверх, вот-вот вновь должны были активироваться граммофоны, что понесут в души лю-

дей праведную мысль, по мнению каскада имперских министерств, Кюльта Государства и церкви.

По улицам старого города быстро, временами оглядываясь, шёл юноша. Его серое и безликое одеяние слишком светло, для мрачного города, на который постепенно опускалась темень. Но вся эта серость и бесцветность в одеждах лишь усиливала безликость и монотонную жизнь в Милане, которая была разбавлена молитвами и праздниками во имя государства.

Юноша довольно быстро преодолевал повороты, проходил через маленькие улочки и довольно стремительно приближался к своей цели. Его куртка была расстёгнута, отчего на ветру она развивалась, предоставляя на холод тонкую белую рубашку, трепещущую под потоками ветреных порывов. И через пять минут юноша вышел к огромному зданию, которое имело собственную стоянку и небольшой садик. Вся территория здания была окружена высоким железным сетчатым забором. Здание оказалось невероятно огромным и монолитным, хоть и двухэтажным. Оно не было роскошным, лишь большое сочетание бетона и мастерства. Эта постройка была в два этажа вверх и очень расплывчатой вширь, с множеством немаленьких окон. Однако не во всех окнах горел свет, и просто большая часть здания пребывала в темноте и своей логичной и удручающей заброшенности.

Как и большинство обычных построек это напоминает огромную серую бетонную коробку, с совсем небольшого ди-

зайна, имеющего явную тематику Культа Государства, который был вездесущ и имел полномочия узнавать все аспекты и моменты жизни любого человека. Для Культа Государства не было тайн.

Парень подошёл к входу к зданию. Здесь было абсолютно пусто, никто не мелькал в поле зрения парня. Юноша посмотрел на часы, что светились на экране тонкого телефона. Он недовольно поморщил губы и понял, что совсем немного опоздал. После чего парень отворил сетчатую заборную дверь и ускорил шаг и практически бегом направился к входу в монолитное здание. Пока он бежал, из его глаз побежали капельки влаги, от жёсткого дуновения холодного ветра, что бил прямо в лицо.

Большая простая безвкусная чугунная массивная дверь оказалась на пути юноши. Её холодный и неброский вид отталкивал. Парню пришлось приложить немало усилий, чтобы привести эту массу чугуна в движение с противным скрипом отворить дверь.

– Привет, Габриель, мы тебя уже заждались. Алехандро там настаивал, чтобы мы подождали тебя здесь, – встретил его Артий. – Что ты не застёгиваешь куртку? Заболеть хочешь? – Обеспокоено спросил парень.

– Ах, да, – безразлично кинул юноша, махнув при этом рукой. – Просто на улице слишком много комиссаров было. Поэтому и припозднился.

– Ну, пойдём тогда. А то только нас все ждут.

Габриель и Артий стали проходить в «Палату Парии» – обычный зал заседания, как раз таки и предназначенный для всеобщего собрания, переделанный видимо из старого актового зала.

Оба парня как можно стремительней направились в эту Палату, довольно быстро минуя остальные помещения и этажи. Но и глядеть в этом здании особо было не на что. Обычные голые стены и помещения, в которых было только всё необходимо для работы и ничего больше. Большинство помещений было вообще заброшено и пребывало в молчаливом запустении. В сырых подвалах этого здания прекрасно рос необыкновенный садик из плесени и грибка, поэтому туда особо никто не заходил.

В здании не было отопления, и поэтому в нём сохранялась довольно сильная прохлада, а временами даже сырость, заставляющая людей здесь быть в верхней одежде, чтобы не замёрзнуть и заболеть.

Так по простым коридорам и суровым старым лестницам двое парней подбежали к помещению Палаты, из-за которой доносился явный гул недовольства.

Открывая уже массивную деревянную дверь с простейшей резьбой, они оказались в более тёплом и просторном помещении, которое было отлично освещено. В этой зале было максимально приемлемое количество источников света, от самодельных ламп до люстр и поэтому каждый уголок помещению был полностью освещён, а из каждой щёлочки бы-

ла изгнана тень. Так же в этой зале стояло пара совсем примитивных обогревателей, которые можно было только сделать самим, отчего здесь было более тепло, нежели во всём остальном помещении.

Эта зала, как ни странно, была разделена на три секции: деревянная сцена, где и разворачивались основные баталии и выступали дикторы; нижние места для зрителей и верхней зрительский уровень, на котором гордо восседал «Партийный Пленум» и «Голос Истины».

Сидения были представлены старыми стульями с красными сиденьями, а под ногами был большой коричневый половик, который от грязи и старости стал практически чёрный.

– Ну, сейчас–то все собрались? – спросил кто–то из пленума, выдавив недовольный голос.

Александро еле улыбнулся и сказал:

– Да, все, думаю можно начать.

Габриель занял своё место на стуле. И его взгляд сразу пал на место, где сидела Элен. Его мгновенно прожгла душевная боль, пробившая сердце. Девушка сидела, аккуратно облокотившись на Верна. Его мускулистые и жилистые руки нежно, но в, то, же время уверенно её обнимали на талии. Они практически не слышимо, но с явной толикой любви о чём–то переговаривались. В её глазах буквально блестело счастье, а сама душа пела.

От всей этой картины у Габриеля сжимало сердце. Он не мог подолгу смотреть на эту картину, ибо его сердце посте-

пенно начинало подкалывать. Парень инстинктивно отвернул взгляд от, как ему чувствовалось, этой противной приторной любовной фантазмагии на сцену, где вот-вот начинало разыгрываться не менее интересный концерт человеческой фанатично и слепой преданности собственным убеждениям.

Но помимо Элен и Верна было ещё множество других людей. Все они пришли сюда, потому что сегодня была готова вершиться судьба их Партии. До прихода Габриеля большинство людей активно переговаривались, активно обсуждая, что сегодня будет. Но когда юноша зашёл, то все их взоры устремились на сцену, ибо начало было дано.

У кафедры с микрофоном стояло несколько человек. Первый Давиан. В его глазах пылало неистовое пламя, он рвётся доказать свою правоту и обратить остальных в свою коммунистическую веру. Вторым является Алехандро. Его взгляд обращён к Давиану, а в глазах читалось презрение к его идеям и тому, что он сейчас затеял. Третьим стоял на сцене Мицелий. В его взгляде не было ненависти или презрения, он является всего лишь ведущим этого спора и куратором всеобщего собрания.

Мицелий аккуратно подошёл к микрофону и спокойным голосом стал в него говорить:

– Знакомые, товарищи, друзья, братья и сёстры... однопартийцы, одним словом. Сегодня мы проводим всеобщее собрание, которое вынесет решение по делу о ведении идео-

логии в систему взглядов и убеждений нашей Партии. У нас сложились две противоположные стороны. «За» идеологию у нас выступает Давиан Андронник, «против» Алехандро Фальконе. И первым пускай выступает сторонник этой идеи.

После этих слов Давиан занял место, уступившее Мицелием, у микрофона. В его глазах читался всё такой же фанатизм, который стал перерастать в не менее пламенное и полыхающее красным огнём слово:

– Мои однопартийцы. Я сегодня к вам вышел с одной важной проблемой. Вы видите, как живёт наша Партия. Убитые помещения. Нет отопления, и постоянно пропадает свет. Неужто наш символ не способен нам дать нормальные условия для нашей великой работы. – Возмущённо начал Давиан, как его бестактно перебил Алехандро:

– Ты смеешь сомневаться в Лорд-Магистрариусе? Смеешь здесь усомниться в его авторитете? – Грозно и чуть ли не брызжа слюной, спросил Алехандро.

Габриелю реакция Алехандро показалась очень знакомой. Будто фанатика Канцлера упрекнули, что объект его ревностного преклонения не столь совершенен. И юношу испугала эта реакция. Он подумал, а что если на волне этой свободы они попадут в новое рабство, лишь хозяин сменится. Что если новые умственные порывы почитания и покорного преклонения перед Лорд-Магистрариусом перерастут во что-то иное? Что если они и преклоняться перед ним реально? Что если свою свободу они подменят на фанатичное



служению новому идолу, назвав ревность во имя его новой формой свободы? Габриель мог много думать на эту тему, но слова Мицелия развеяли его размышления и вернули взгляд к сцене.

– Не перебивайте говорящего, а то будете, удалены со сцены, – пригрозил председатель.

Александр лишь недовольно ухмыльнулся.

– Спасибо, – благодарственно сказал Давиан и продолжил свой пламенный рассказ. – Постоянные проволочки в сфере решений, отсутствующий у Партии политический курс. Мы не способны выработать собственную идеологическую позицию по устройству в новом Рейхе. И разве это нормально, что наша работа не имеет никакой продуктивности? Что мы не способны пойти единым фронтом? – Задав риторические вопросы, Давиан посмотрел в глаза собравшимся и продолжил с ещё большей пламенностью. – Братья и сёстры! Нам срочно необходимо принять новую идеологию, так как только она нас скрепит, как нельзя крепче. Только она своими моральными установками позволит нам идти по одному курсу, не сбиваясь с него. Ведь, только имея единый курс и направление развития можно добиться чего-либо! Только с помощью единой идеологии мы станем великими и я хочу, чтобы на вооружение мы приняли идею священного коммунизма, – и приостановившись на пару мгновений, что вобрать в лёгкие воздуха с фанатизмом выпалил риторический вопрос. – Почему она? Только эта идея способна скре-

пить нас как нельзя лучше, эта величайшая в истории всего человечества идея достойна того, чтобы её воплотили во всём Рейхе, но после того, как она восторжествует в нашей Партии! Ибо только тогда мы преодолеем всякое неравенство и несправедливость, что торжествует на нашей земле! – С ярым, практически религиозным, рвением кончил говорить Давиан.

Но слова этого оратора не впечатлили людей. Они, молча, сидели и слушали Давиана. Никто не зажжётся той идеей, которой сторал сам главный коммунист. Только яро радовались и заворожением сидели те люди, которые пришли за Давианом и ревностно поддерживали его идею, приняв крещение красным знаменем, но таких было не много, большинство не испытало никого интереса к этой идее, где равенство признавалось выше свободы личности. В их глазах так и повисла скука, перемешанная с полнейшим отсутствием интереса к словам говорившего. Взгляд был просто пуст, а в мыслях витал ветер и непонимание от сказанного главным коммунистом Партии.

Тут к микрофону вновь подошёл Мицеллий.

– Теперь даётся право выступить второй стороне.

Место у кафедры занял Алехандро. Габриель заметил, что во взгляде оратора пылает тот же лютый и сжигающий душу пламень идейности, что горел в душе Давиана.

– Любимые однопартийцы, мы, конечно же, слышали здесь, что все идеи нашей Партии лживы, а наш предводи-

тель просто обманул нас. Не так ли? Но это наглая ложь со стороны носителя красной чумы, – разгневался Алехандро, отчего Давиан искривил лицо в гримасе недовольства. – Мы должны понимать, что в нашей Партии любой человек может выбрать понравившуюся ему мысль или идею. В этом и основа нашей Партии. Дать свободу каждому. А единая идеология, тем более коммунизма, просто лишит нас главного достояния – свободы. – Сказав это, Алехандро примолк, увидев во взгляде большинства людей одобрение и понимание, и в этот момент он понял, что уже выиграл. – Ну а что касается нашего предводителя... Он дал нам это здание, направил нас... Уделил нам вообще какое-то внимание. И почему мы должны у него теперь ещё что-то просить? Он стал нашим отцом по идеи освобождения Рейха от диктатуры Канцлера. Да, он для нас и так очень много сделал и больше мы просить у него не в праве. Ибо он наш бессменный вождь, приводящий нас к свободе и дарующий её.

Габриель ужаснулся от последних слов Алехандро, даже несмотря, что большинство окружающих поддержало этого оратора. Он уже практически напрямую говорил об избранности Лорд–Магистрариуса, ибо эта личность стала для Алехандро не одним из тех, кто борется за свободу. Не даже первым среди равных. Он поставил главу бюрократии Империи выше всех остальных, превознеся его над самим обществом. Алехандро наделил его особенными способностями, сказав, что только Лорд–Магистрариус способен дать свободу, но

ведь у каждого человека свобода должна быть с рождения. Как её можно дать, или отнять, если Партия ставит себе целью сделать свободу естественной?

Но тут вновь размышления Габриеля были прерваны обращением Мицелия.

– Вот мы выслушали представителей двух точек зрения на один вопрос, и найдётся ли среди вас тот, кто хочет сам высказаться по этому поводу, – холодно и излишне официально для этого собрания сказал Мицелий.

Все сидели моча и спокойно, даже не шелохнулись. Но вот в душе Габриеля закипал целый сонм различных эмоций, разрывавший его душу. Он несколько горел желанием выступить со сцены и выразить свою точку зрения, сколько ему очень хотелось показать себя перед Элен. Да, он понимал, что это мало чем поможет, но всё–таки некое кипящее и дикое желание просто прожигало его душу. И он не сдержался. Поднятая рука. Всеобщее внимание. И вот Габриель уже на сцене.

Он сильно волновался, ибо ему очень редко выпадала честь выступать перед людьми на публике. Его руки, ноги и губы сильно дрожали, но он тут, же всю эту дрожь, весь этот страх мгновенно подавил. Ибо на него смотрит множество людей, и в том числе Элен. Он подошёл к микрофону и с нотками естественной дрожи заговорил:

– Друзья, – задрожал голосом юноша. – Мы сегодня много услышали. Но я хотел бы сказать, что сейчас не самое лучшее

время для одной идеи. Нас много и мнение у каждого разное и идея тоже. Если наша Партия придёт к власти, то должен решать, прежде всего, народ Милана, что хочет для своего города. Мы должны придерживаться идеи временных правительств. Когда они приходили к власти, то давали народу самому решать, в каком направлении развиваться.

После своей речи Габриэль посмотрел на Алехандро. Тот лишь слабо улыбнулся и отвесил благодарственный кивок.

Место говорившего Габриеля вновь занял Мицелий.

– Ещё будут мнения? Нет. Тогда предлагаю прямое голосование. Кто «против»?

Подняло подавляющее большинство людей в зале свою руку, что вызвало явное недовольство в глазах у Давиана.

– Кто «за»?

В ответ на это поднялась небольшой собранный в одном месте сноп рук, едва ли своей численностью дотягивавшийся до одной десятой из всего зала.

– Ну что ж, в прошении о принятии коммунистической идеологии Давиану и коммунистам отказать. – Холодно и официально проговорил Мицелий.

– Протестую! У меня есть ещё одно заявление! – внезапно и недовольно закричал Давиан.

– Если это касается идеологии, то нет, – Уже грозно и недовольно ответил Мицелий.

– Это по другой теме, – Немного грузно и поникши, припустив голову вымолвил Давиан.

– Тогда можно.

Давиан вновь подошёл к микрофону. Только выражение его лица стало мрачным, а глаза выражали злобу, нежели фанатизм.

– Я предполагал, что всё так будет и поэтому, я, от коммунистического меньшинства, руководствуясь «Конституцией», где говорится о добровольном выходе из Партии, заявляю, что мы выходим из этого объединения. Да, мы создаём собственную Коммунистическую Партию, с индивидуальной и неповторимой структурой. Мы отделяемся и становимся суверенным образованием. Отныне, наш штаб будет расположен на западе этого здания в блоке С.

Зал взревел. Все начали кидаться в Давиана взаимными обвинениями. Его соратники стали его защищать. Всё смешалось в один протяжный скандальный гул.

– Ты предал наши идеалы. Ты отступник! – крикнул ему кто-то из Пленума.

Отступник. Это слово ярче всех прозвучало в сознании Габриеля. Давиана заклеямили отступником лишь за то, что он, руководствуясь «Конституцией» решил создать свою партию, но здесь крылось нечто более глубокое, чем можно было представить. Габриель смотрел на Давиана, который купается во всём этом безумии, рождённым им самим. В его глазах играло нечто ужасающее, что можно было только представить, складывалось такое ощущение, что он просто упивался всем этим, в том числе и полученной властью.

Габриель предположил, что в нём проснулась старая зависть и жажда власти и сейчас он её воплотил. Да, сегодня, Давиан пресытил свой голод по власти и утолил жажду по управлению. Теперь у него будет своя партия.

– Что ж, раз ты решил отделиться... – Было начал говорить Мицелий под медленно стихающий гул людей, но вдруг зазвонил телефон.

– Да. Это точно? Я тогда сообщу. – Сказал в телефонную трубку председатель. – Братья, однопартийцы. У меня судьбоносная новость. – И приостановившись дрожащим голосом, чуть ли не проваливаясь в шок, вымолвил юноша. – Революция началась.

Эта новость вызвала просто фатальный взрыв в зале. Все сидящие неистово взорвались целой бурей эмоций, которую только можно было представить. Зал наполнился вихрем самых разнообразных чувств, что только существовали в душе человека. Кто-то ликовал, кто-то радовался, а кто-то заплакал от переполняющих эмоций и долгого ожидания свободы. Никто не мог поверить, что они увидят свободу на своём веку.

Но все просто моментально забыли про раскол, который только что случился. Все забыли про Давиана и его новую партию. Мицелий сделал ещё пару манипуляций с неким пультом и экран, который был прямо за сценой активировался.

– Сейчас свою речь скажет нам вестник свободы, геге-

мон революции и просто Лорд-Магистрариус. – Благоговейно вымолвил Мицелий.

Зал замер в ожидании речи того за кем они собирались пойти на штурм дворца тирании. Люди ждали, когда их направят, прям в сердце деспотии, когда они её попрут и возьмут своё. Свои права и свободу.

Экран медленно засветился, и прозвучало приветствие, за которым и последовала неистовая и огненная речь. Она была обращена к тем, кто не прожил и половины жизни, чтобы давать свои оценки жизни, но юношеский максимализм, кипевший в юных душах, неистово кидал этих парней и девушек на передовую переворота, который изменит Рейх так, его мало кто узнает. Его речи были переполнены популизмом и помпезностью, на который и повелись неопытные юноши и девушки, считавшее, что в их руки вложили возможность изменения собственной жизни так, как они хотят.

Так Лорд–Магистрариус начал своё восхождение к власти, собрав все силы которые у него были в единый кулак. Революция началась.



# Глава тридцать шестая.

## Момент надлома

Рим. Вечер. Несколькоими минутами позже.

Солнце уже практически зашло за горизонт, хотя этого и не было видно. Небо над Римом приобрело более тёмные и грозные оттенки, будто готовилось, к долгой и страшной грозе, практически почернев. Все облака приобрели глубокий синюшно–свинцовый оттенок, словно с избытком налились тяжестью и грузностью, готовясь опустить их на землю.

Ветер становился всё более порывистым и жестоким, теряя свою свежесть и лёгкость, постепенно становясь вестником страшной бури, готовой захлестнуть улицы города. Ветер стал вымораживать каждого, кто соизволил выйти на улицу.

Город постепенно готовился отойти ко сну. Улочки всё также пребывали в полном спокойствии, которое могли нарушить лишь безумные завывания дикого и ледяного ветра или молитвы самых фанатичных сторонников Культа Государства, прерывисто доносившиеся через порывы ветра.

Люди всё также читали молитвы Империял Экклесиас, а священники проводили таинства во имя Бога и Рейха. «Монахи» зачитывались литаниями Культа Государства, неистово прославляя свой объект фанатичной ревности. Славный

народ Рейха продолжал славить своего Канцлера.

Но этим вечером можно было несколько странностей, не характерных для Рейха. На улицах, слишком мало было комиссаров и храмовников. Полицейские патрули тоже стали немногочисленными и уже не попадались через каждые десять минут. Многие служители и чиновники Имперор Магистратос не перешли на «ночной режим», чтобы полностью проконтролировать переход всего города, от канализации до высотных зданий и небоскрёбов на ночь.

Но большинство чиновников, комиссаров, войск и множество других структур порожденных Департаментами Власти, которые были в Риме, сейчас собиралось у шпиля Лорд-Магистрариуса.

Эта башня, перейдя в ночь, стала светиться подобно тому, как сияет ёлка на новый год, окутанная десятками метров паутины ярких и красочных гирлянд. Его шпиль неистово сиял во тьме, золотом и светом он мог ослепить человека, который решится на него подолгу смотреть.

Возле этого постоянно шли какие-то копошения. Гулы множественных машин, переговоры роящихся людей, приказы солдат и вместо обычных молитвенных гимнов пелись песни, похожие на революционные призывы.

Здесь было много высокопоставленных людей, которые могли повлиять нисколько на весь Рейх, сколько на тот город, от которого всё государство зависит и думает как он. Весь Рейх зависел от того, что происходит в Риме. И те,

кто сегодня здесь сейчас собрались и намеревались изменить Рейх по новым лекалам, которые так и веют идеалами свободы и ещё раз свободы и более ничем кроме неё.

К кабинету Лорд–Магистрариуса медленно подходили кардиналы, значимые служащие Трибунала, некоторые иерархи Культа Государства, представители Корпоративной Палаты и ещё множество представителей мелкой оппозиции, которая в страхе перед правосудием Канцлера волокла своё существование под пятой и нависшим молотом Рейха, ожидая, когда придёт этот спасительный момент.

В «палатах» шпиля Лорд–Магистрариуса было как нельзя светло, отчего начинали болеть глаза. Золотая отделка и драгоценные камни ярко переливались на свету, источая чуть ли не мистическое свечение. Картины могли на долгие часы заморозить человека, который был предан искусству, и неотрывно приковать его взор, наполняя душу ощущениями тепла.

В помещении витал слабый, еле уловимый запах благовоний, а за окном слышались бесконечные и доносившиеся до самого окна верховного бюрократа уличные копошения.

На дорогих красных кожаных креслах расположились представители всей оппозиции, которую можно было найти только в Рейхе. Там были и недовольные властью представители Имперор Магистратос, желающие скинуть ярмо надзора и тяжёлой жизни, и высокопоставленные чины из Трибунала, горевшие мечтой о справедливом законодательстве

и члены Корпоративной Палаты, мечтающие о свободном рынке и предпринимательстве, сгорая желанием пустить все ресурсы на то, чтобы набить себе карманы деньгами. На кожаных креслах расположились и представители духовенства. Сидели там и недовольные своим положением священники Империял Экклесиас, и желающие лучшей жизни представители Культа Государства, которым надоели монашеские законы. Рядом с ними восседали те, кого все были удивлены увидеть, ибо оппозиционеры считали их вечными союзниками Рейха, готовых любых отступников растерзать с особым рвением. Рядом со всеми сидели несколько генералов и иных чинов, принадлежащих Армии Рейха и Мортиариям.

Теренций снова прятался где-то в тени, пытаясь не особо проявлять своё присутствие на публике. Это была его любимая манера, прячась потом появляться в тот момент, когда это было необходимым. Удивление людей, из-за этого неожиданного появления, ему доставляло удовольствие. И сейчас, он стоял где-то углу, практически полностью слившись с тенью, отчего его мало кто заметил. И взгляд Теренция прямой стрелой был направлен на ключевую фигуру.

В конце кабинета гордо сидел, глава всего бюрократического механизма Рейха, который вот-вот должен был измениться. Лорд-Магистрариус был полной противоположностью Теренцию. Разодетый в своё фиолетовое пальто, чёрные брюки с туфлями дорейховской эпохи он гордо восседал на своём прекрасном троне, с огнём в глазах смотря на всё

происходящее. Его пламень во взгляде был неумолим. Он отражал все надежды на лучшее будущее и желание это будущее самому строить. Глава Имперор Магистратос упивался тем вниманием, что на него обращают, будто сам желал того. Но больше всего ему доставляло удовольствие ощущение того, что скоро всё изменится. Что скоро Рейх действительно станет свободным государством. Но вот Лорд–Магистрариус поднялся со своего престола, приподняв руку немного вверх, дав понять людям, что лучше начать внимать оратору.

В кабинете наступила полнейшая тишина. Все с заворожением стали следить за тем, что делает глава Имперор Магистратос и внимать тем словам, что он говорит.

– Вот мы и собрались, – помпезно начал глава правительства Рейха. – Мы долго шли к этому, к новому государству, новой системе... мы долго шли к свободе. И тот момент, когда всё это восторжествует на нашей земле не за горами. Сегодня падёт тирания и восторжествует свобода. Первое заседание Свободного Парламента Рейха объявляю открытым. – Так же торжественно и помпезно заключил глава всего бюрократического механизма.

В зале прогремел гром аплодисментов, вызванный не столь пламенной, но очень душевной речью, обещающей о скором торжестве свободы. Но тут, разорвав общее ликование, прозвучал вопрос:

– А зачем мы сейчас собрались?

Вопрос вызвал некий диссонанс в рядах собравшихся. Все

с недоумением посмотрели на человека, который спросил.

– Что вы хотите этим сказать? – также непонимающе во-просил Лорд–Магистрариуса, посмотрев на человека, кото-рый посмел задать вопрос.

Это был мелкий чиновник из Имперор Магистратос, ко-их было невероятное количество раскинуто по всему Рейху. Он вышел на середину «палаты» и спросил более утверди-тельно:

– Мы перебросили в Рим большинство сил, которые выйдут на улицы. Да, пускай сейчас они «спят»... ждут сигнала, но я не понимаю, зачем выходить на штурм дворца Канц-лера, если у нас нет поддержки в народе, а улицы Рима бу-дут забиты лояльными власти храмовниками, Гвардией Три-бунала, ордами комиссаров и полицией, которую поднимет Канцлер по одному своему приказу. Зачем выходить без под-держки, если нас ещё и тотчас порежут?

Лицо Лорд–Магистрариуса расплылось в широкой и яркой улыбке. Он сложил руки на поясе и спокойно ответил на во-прос:

– Есть несколько... м-м-м... особенностей, которые про-сто заставляют нас собраться именно сейчас, но для начала, чтобы понять, суть ситуации, я прошу выступить Тринадца-того Верховного Агента Департамента Шпионов.

Слова Лорда молнией прозвучали в головах людей, заста-вив их напрячься, и эхом пронеслись до самых тёмных уг-лов кабинета. Много кто даже не подозревал о существова-

нии этой структуры, а если находились те, кто о ней слышал различные слухи, то знал, что эта структура существует на уровне опасных мифов и легенд. Вдруг, подобно из тени, вышел худой человек. Он одет в молодёжную одежду мешковатого тёмного типа, которая была распространена ещё в старой Европе периода расцвета.

Он спокойно пошёл сквозь ряды кресел и занял своё место на зелёном ковре, посреди комнаты. На него все пристально смотрели, не понимая, кто это. И название «Департамент Шпионов» было практически для всех неизвестным.

– Я представитель тайной структуры, скрытой ото всех, – холодно и спокойно, подобно на задании начал агент. – Мы следили за всеми вами. Мы тайное и неутомимое око Рейха, что было способно разглядеть любую ересь и отступничество, даже там, где их нет. Но я, втайне от своих братьев по Департаменту решил помочь делу свободы. Недавно нам поступило прошение от Канцлера провести расследование в структурах Имперор Магистратос, в том числе и узнать всё об его главе, – указав на главу бюрократии рукой, бесстрастно сказал агент. – И мы нашли довольно много того, что могло бы уничтожить всю оппозицию, всех кто не согласен с правителем Канцлера в одночасье. Мы установили факт связи Лорд–Магистрариуса с множественными группировками через переписку. – И повернувшись к главе Имперор Магистратос, пытаясь слегка подколоть, бессменного главу правительства сказал. – Простите, но защита у вашего компью-

тера ну очень слабая. Мы не смогли удержаться.

В зале пробежала волна лёгкого смеха, в ответ на которую Лорд–Магистрариус, тоже слегка улыбаясь, поднял руку и утихомирил зал:

– Тише! Продолжайте агент.

– Спасибо. Так вот, уже завтра должен лечь на стол Канцлера доклад, в котором говорится о том, что Лорд–Магистрариус – предатель, в придачу названы имена ещё большинства тех, кто здесь сидит. И я понял, что если бы вчера мною не были бы раскрыты все карты перед Лорд–Магистрариусом, то завтра, тела неудавшихся мятежников висели бы вдоль дорог Рейха и со скрипом покачивались на ветру, напоминая народу, чего может стоить просто, помыслить иначе, чем сам Канцлер.

Агент замолчал. Всех сидящих в зале накрыла волна неподдельного ужаса, никто не мог поверить, в то что, за ними неистово следило око Канцлера. Никто не хотел верить в то, что над ними нависла рока рука, готовая своим холодным клинком перерубить свободу и ввергнуть народ в эпоху тысячелетнего рабского подчинения.

– Вы понимаете, почему здесь все собрались? – внезапно разорвал сгустившуюся тишину Лорд–Магистрариус. – У нас просто не осталось времени. Всё начнётся и кончится сегодня, в день славы, когда в нашей стране либо восторжествует свобода, либо она будет ввергнута во мрак тирании. И то, каково будет наше будущее, зависит напрямую от нас! –



внезапно и неожиданно для всех собравшихся и для самого себя в порыве ревностного революционизма. – И именно сейчас мы должны выйти на улицу Рима и взять то, что мы заслужили!

Зал аплодировал стоя. Все собравшиеся, ведомые порывом одного человека готовы были брать Рим. Они, дети свободы, сегодня двинуться на дворец Канцлера и попробуют взять свою свободу. Но пока все неистово ликовали, замороженные пламенной речью, Лорд–Магистрариус продолжал:

– Мы можем не бояться прихвостней Канцлера, которые неусыпно бродили по улицам Рима и стояли на страже нечестивого режим. Ещё днём я издал и подписал указы от имени Канцлера о том, чтобы большинство военного состава Империи Эклесиас, Трибунала Рейха и Армии Рейха были передислоцированы далеко на юг, и они сейчас на пути в Сицилию. И сейчас в городе не осталось тех, кто сможет дать нам организованный отпор. Через несколько часов, после того, когда я инициирую «протокол № 781», город будет наш. Никто не устоит перед нашим праведным гневом!

Зал всё так же продолжал неистово ликовать. Аплодисменты сменились на восторженные клики и возгласы к скорейшему воздаянию. Многие люди уже сейчас были готовы повести за собой верных людей и занять дворец, где сидит тиран.

– Но самое прекрасное, друзья! – всё продолжал глава правительства Рейха, надрывая голос, пытаясь перекрыть

толпу. – Нам не нужно будет устраивать повсеместную революцию. В нашем Рейхе, вся идея крутится на верности одному человеку, и все регионы зависят от Рима... убери человека и возьми Рим, и вся деспотичная система будет ввергнута во тьму. Если сегодня, этот вечный город станет нашим, то завтра весь новый Рейх будет внимать нашему праведному слову! – Лорд–Магистрариус загадочно приостановился, в его взгляде что–то промелькнуло, а на лице мельком пробежала лёгкая улыбка, и он более спокойно продолжил. – Ну а так как мы в первом парламенте Рейха, то предлагаю вам высказать свои первые идеи по устройству будущему устройству нового Рейха, которые будут завтра высказаны уже на официальном уровне.

Взгляд Лорд–Магистрариуса пылал надеждой, на лице была широкая улыбка. Он буквально светился, источая искреннюю надежду на благое устройство нового государство и светлое будущее.

Первый вышли представители от Империял Экклесиас и Армии Рейха. Они зачитали свой проект, в котором говорилось о президентстве, теократо–милитаристской республике. Говорилось об уже более вольном подчинении всех субъектов центру. Кто–то смотрел на них с лёгкими улыбками, достойных детской наивности, а кто–то был сконцентрирован на их выступлении и уже анализировал проект.

Второе же выступление было от представителей Корпоративной Палаты. Они предлагали начать формирование сво-

бодного рынка, где люди, обладающие достаточными средствами, будут сами развивать экономику, не государство, а уже люди. Так же эти представители предлагали снять контроль над новообразованным предпринимательством.

За пять минут прозвучало множество проектов подобного типа. Большинство людей, выступавших со своими идеями, не были искушены в политике, они в процессе учёбы даже не изучали никаких других идей, кроме «Теории Государства и Законов Рейха». Везде учили, что есть только одна система и одно государственное устройство – Рейх. «Ничего кроме Рейха» – как было сказано в одной из заповедей Культа Государства. И поэтому эти проекты мало чем отличались друг от друга, становясь более похожие на наивные мечты об утопическом устройстве.

Но вот к людям вышел ещё один человек, приковавший к себе максимум внимания, которое только было возможно. Он ярким был представителем специфической культуры, за которую в Рейхе могли посадить или вообще сжечь как отступника или еретика. «Непризнанная богема» – Как всегда выражался глава имперского правительства. Мужчина довольно свободно и безвкусно одет, будто болел неким психическим заболеванием. На нём трепеталась какая-то рваная майка, по виду сташенная с помойки, розовые туфли, неистово блестящие на свету и серое трико с коленками назад. Он со своим вульгарным видом вышел на середину кабинета. Удивлённые взгляды пронзали его со всех сторон и

понеслись пересуды. Этот человек немного помялся, но тут же голосом, наполненным своенравия и безумной вольности, заговорил, чуть ли не брызжа слюной изо рта:

– Я представитель всей свободомыслящей культурной интеллигенции, – с маниакальной улыбкой с безумным рвением начал худощавый мужчина. – Здесь были сказаны и предложены идеи по политическому развитию. Но почему не один не коснулся культуры и морали? Это несправедливо. Ведь мы знаем, что определяющий фактор мышления это мораль и духовность. И я собираюсь в своём проекте сделать мораль свободной. – Уверенно, но, не снимая с лица безумной улыбки, сказал человек и с ещё более безумным взглядом продолжил. – Во-первых, во имя свободы, в новом Рейхе будут разрешены однополые браки.

Зал просто обомлел. Эго слова прозвучали подобно полуденному грому в ясную погоду. Никто не мог понять слова говорившего, ибо всех присутствующих, всю жизнь, с самого раннего детства долгое время воспитывали в полнейшей чистоте, основываясь на консерватизме Империял Экклесиас. Никто даже подумать не мог о существовании того, что сказал этот «деятель» культуры. Но пока весь зал пребывал в полнейшем шоке, он продолжал своё выступление:

– Также, естественно во имя свободы, я прошу, что бы теперь священники регистрировали в церкви однополые браки.

– Никогда! – рыком прозвучал грозный протест от одного

из иерархов.

– Мы в парламенте и я имею право высказаться! – в ответ яростно упрекнул священника рассказчик, и ни взирая на гневные взгляды остальных, продолжил в порыве либеральной страсти говорить. – Это было для начала. Во–вторых, наша «интеллигенция» предполагает, что новому, свободно–му государству необходимо будет отменить принудительное образование семьи после тридцати лет. В–третьих, мы требуем, чтобы были разрешена смена пола для людей, того желающих, в целях повышения уровня свободы. В–четвёртых, мы выступаем за то, чтобы...

Лорд–Магистрариус его больше не слышал. Он полностью впал в прострацию от того, что услышал ранее. Конечно, сквозь пелену сознания он отдалённо слышал ещё что–то про снятие запретов на всё, что можно было только себе представить в семейной и культурной жизни, но глава всего Имперор Магистратос даже не мог себе представить, что на его благородных началах завтра в парламенте прозвучат подобные слова, а «деятель культуры» всё продолжал свой безумный рассказ, уже размахивая в руках какой–то бумажонкой:

– И всё то, что я рассказывал, поддерживают несколько тысяч человек. У меня петиция, на пять тысяч подписей, которую я завтра предоставлю на рассмотрение. Завтра наш свободный голос будет услышан в парламенте.

– Хорошо, – опустошенно, с толикой жуткой слабости,

пронзившей его душу, вымолвил Лорд–Магистрариус, желая быстрее избавиться от утомительного присутствия этого «искусствоведа».

Внезапно у главы бюрократии прозвучал телефонный звонок, разорвавший тишину, и он полез в карман.

– Да? Оружие забрали? Через сколько оно будет? Понял. Готовьтесь и начинайте инициацию плана «Рассвет». – С мрачной улыбкой проговорил глава бюрократии и снова обратился к собравшимся. – Друзья, переворот начался. Можете выходить на улицы Рима и вести своих людей на штурм дворца Канцлера. Я присоединюсь к вам чуть позже. Мне нужно будет раздать приказы подчиняющимся мне силам. – Как–то нерадостно, но в то же время с улыбкой, натянутой, будто сквозь неимоверную душевную боль, сказал предводитель переворота.

Все мгновенно стали покидать кабинет Лорд–Магистрариуса. Людей, выходявших из него, переполняла радость и ликование и поэтому на их лицах застыли улыбки, значившие предвкушение нового мира, что вот–вот уже должен воссиять. Сегодня, как считали все мятежники, будет свергнута тьма тирании и забрезжит свет свободы.

Глава всей бюрократической империи остался один в своём кабинете. Он, сгорбившись и подперев рукой, подбородок восседал на своём замечательном и великолепном троне. Его взгляд, несколько минут назад, отражавший свет надежды, был полон мрака и разочарования. Все надежды на

идеальное новое государство, построенное на старой морали, постепенно рушились. В нём начинали закипать бурные размышления, в которых он начинал спорить по сути сам с собой, но голос Теренция прервал его мысли:

– Господин Лорд–Магистрариус, что прикажете?

– Ох, ты здесь. – С удивлением, но с нотками льда в голосе проговорил сидящий мрачный человек и тут, же сам спросил. – Что тебе нужно?

– Приказы.

– Оставь меня. – Грузно кинул глава Имперор Магистратос. – Иди и передай мои указания, чтобы все те, кто на нашей стороне из Департаментов Власти начинал действовать согласно протоколу. Иди, мне нужно обратиться к нашему убогому подкреплению из Милана.

– Кстати, а почему вы их не пригласили на это собрание?

– Хах. – Усмехнулся Главный Лорд. – Здесь собрались истинные оппозиционеры, а не студенческая подделка. Они б опозорились. Им не место в нашем парламенте, – презрительно сказал глава правительства, лишь грубо добавил. – Иди уже.

Теренций повиновался и скоротечно вышел из просторного кабинета, и зале повисла полная непроницаемая тишина. Был слышен лишь шум за окном.

Лорд–Магистрариус подавил весь мрак и презрение. Он на старом планшете набрал пару кнопок и заговорил в него.

– Здравствуй, Мицелий...

# Глава тридцать седьмая.

## Встреча «братьев»

Шпиль тускло светился в ночи, отчего складывалось такое ощущение, что он представляет собой слабо тлеющий уголёк, возвышающийся посреди чёрного гонного массива, который был ласково укутан в снег и мрак. Да и к тому же всё нарастающий снегопад и порывистый ветер делали это место практически тихим, оставляя только жуткие завывания вьюги, ставшие подобно печальному и плачущему напеву старой вдовы.

Было уже около восьми часов вечера. Большинство собравшихся собратьев по ордену давно разъехались по собственным делам и готовились снова явиться сюда через несколько часов и вынести важное решение, которое решит судьбу Рейха.

В коридорах огромного и величественного здания царила непроницаемая тишина и пустота. Вся постройка буквально уснула, медленно ввергаясь в пучину таинственной тишины, которая была похожа на тишь кладбищенскую. Практически во всех коридорах, комнатах и помещениях в шпице царила тишина и одиночество, даря всему шпилю странное и мистическое спокойствие, от которого стыло в жилах, но только в одном кабинете Данте была жизнь.



Кабинет не был на самом вершине высоченного шпиля, ибо там располагалась «Железная Палата», где заседал Капитул во время решений незначительных проблем, относящихся к негласной «корректировке» курса империи. Кабинет Великого Консула располагался возле зала заседания всего ордена.

Само помещение, где проводил больше всего времени и жизни проводил Данте, не было столь роскошным, изысканным и богато украшенным, как весь остальной шпиль. Это был скромный кабинет, но и не лишённый вкуса. В нём была пара картин морской тематики, повествующих о морских сражениях Рейха и пиратского союза «Чёрный глаз», который годами времён «Европейского Раздора» властвовал в средиземном море; деревянный резной рабочий стол в углу; пара махровых ковров; несколько весьма простых неэкзотических комнатных растений, стоящих на окнах. А сами окна были сделаны из дорогого и цветастого витража. В самом помещении была скромная кровать, стул, пара кресел и ещё несколько обязательных атрибутов.

На кресле у рабочего стола расположился Данте, который медленно и дотошно копошился в своих бумагах и мало обращал внимание на то, что происходит вокруг. На стуле у входа в кабинет сидел Верховный Инквизитор уже без своей разбитой брони, а облаченный в классический костюм Рейха, отличавшийся тем, что брюки были сильно заужены, а пиджак опускался, чуть ли не до колен. Рядом с окном, опёр-

шись локтями на мраморный подоконник, в длинном сером пальто стоял инспектор, а на зелёном кресле у кровати восседал Командор.

– Рассказывай, Карамазов, как жизнь? – с задором спросил инспектор.

– Ну что тебе рассказать, господин инспектор, – с саркастической улыбкой начал инквизитор. – Недавно из комы вышел.

– Не весёлая жизнь. А ты, Командор?

– Всё в порядке. Недавно участвовал в паре операций.

– Причём самовольно. – Оторвавшись от бумаг, холодно упрекнул Данте Командора.

Эстебан, Карамазов и Морс. Они были старыми друзьями, что дружили друг с другом ещё во времена существования Римского Престола. Но только после прихода первого канцлера их жизни радикально разделились. Карамазов попал в ряды Империял Экклесиас, Эстебан поступил на службу полк–ордену, а Морс ушёл в Инспекторскую Канцелярию. Но пусть их жизни и пошли по разным направлениям, но они всегда общались, непрерывно поддерживая связь между собой. Они не так часто собирались вместе, но когда это происходило, то их можно было принять за трёх братьев, ибо всем, чем можно было, они были схожи. А когда же эти трое собирались, они могли разговаривать часами напролёт, обсуждая какие только можно аспекты своей жизни и раскрывать самые неожиданные темы.

– О, Карамазов, расскажи, как дела с твоим клинком? Ты ещё не сломал ту зубочистку? – саркастично спросил Морс.

– Он ещё тебя переживёт. – Ответил ему инквизитор и сам, несвойственно ему в обыденной жизни, ехидно спросил. – А как с твоими расследованиями? Ещё не слёг от переутомления?

– Всё будет хорошо. Кстати, а как у тебя с твоим долгом, Эстебан? – Мгновенно переключившись на другого своего друга, спросил Морс.

От глубокой душевной колкости вопроса, что пронзила его рассудок насквозь, свет в глазах Эстебана чуть не погас. Командор поникшим взглядом и тяжёлым голосом ответил:

– Неважно. – И сделавшись ещё мрачнее, продолжил. – Марк и Сцилла умерли, что с Габриелем я не знаю. За ним пока присматривает мой старый знакомый Цирус, а если что–то случится, то надеюсь, Антоний мне сообщит.

– Хватит использовать Теневигов полк–ордена в своих целях. Не наглей. – Вновь неожиданно упрекнул холодно Данте Командора.

В кабинете пробежала лишь небольшая волна смешка, направленная на то, чтобы хотя бы самую малость развеять ту тяжесть, которую своим состоянием посеял Эстебан.

– Как на курорте в Африке? Наслаждался видами? – с юмором и, стараясь подколоть и отвлечь от старой темы, своего друга, спросил Морс.

– Хуже чем многие государства в Европе во время «Часа

Джихада», – угрюмо ответил Эстебан. – Это даже были не трущобы. Это была одна большая помойка, растянувшаяся на многие десятки километров. Я бы туда вновь без респиратора и оружия вновь не являлся.

– Ох уж этот «Час Джихада». – Бесстрастно прокомментировал Данте слова Эстебана и продолжил рассуждение. – Это стало закономерным последствием идеи «Открытых Дверей». Полное крушение надежд многонационализма, там, где он выродился в большое явление. Помните, как этот континент разрывало несколько сотен новых стран, над которыми развивались зелёные флаги и пелись молитвы во имя пророка? Помните, как практически вся Европа потом умылась кровью от огня исламского сепаратизма? Вот поэтому и был принят первым канцлером «Национальный Кодекс».

Никто не понял, зачем нужны были эти рассуждения на тему истории Европы, но все вспомнили Кодекс, который вошёл в сборник первого Канцлера «Устройство Государства Идеального». Этот Кодекс стал реакцией на те времена, когда всё, что было исконно европейским было готово ввергнуться во тьму инородного забвения. Когда все старинные традиционные ценности старой Европы были подменены на новые идеалы тех людей, что приходили с востока и юга, пряча от войн и голода. И когда первый канцлер пришёл к власти он огнём и мечем, выжигал всё то, что не было исконно европейским, проливая реки крови. И когда последнее языческое капище было сожжено, а мечеть уничтожена, то что-

бы не повторить вновь этого чёрного кошмара, и был создан «Национальный Кодекс». Он отражал все идеалы и устои национального государства, утвердив только одни ценности – Рейха. Никто иной кроме нации Рейха не имеет право проживать на территории страны. Ничто кроме культуры Рейха не имеет право на своё существование. Так Рейх был очищен от тех, кто не был родом из исконной Европы и выжжено всё то, что не отвечало старой европейской морали.

Когда размышления о Кодексе постепенно стали проходить Морс обратился к Эстебану с вопросом:

– А как у тебя с личной?

– С чем? – недоумевая и нахмутив брови, перепросил Командор.

– С личной жизнью? Что тут не понятно то?

После того как вопрос прозвучал Данте незаметно поднял голову, хотя от работы и не отрывался и мельком стал поглядывать на Командора.

– А, понятно. – Мрачно сказал Эстебан. – Ничего. Абсолютно. Всю жизнь служу верой и правдой полк–ордену и Рейху.

На лице Данте пробежала еле заметная улыбка, которая не была на неё похожа, ибо это больше напоминало, как легко улыбается безжизненная статуя.

– А почему же тебя ещё не женило, как там его, Министерство Семьи или Семейных отношений, не помню как точно.

– Потому что первым Канцлером был утверждён декрет

о полк–ордене. В этом декрете давались регалии нашей организации, в том числе послабление в некоторых министерских повинностях. – Прохладно и бесстрастно ответил вместо Командора Консул.

– Да, так как то, – С толикой недоумения поддержал Эстебан.

– Ну, как скажешь. Это твоё дело, брат. – Потеряв саркастическую улыбку, мрачно сказал инспектор Морс.

– Скажи, как тебе удалось собрать столько информации о Лорд-Магистрариусе?

– Отвечу тебе так, – нервно поглядывая в сторону Данте, заговорил Сантьяго. – У каждого инспектора свои методы добычи информации... пусть и не совсем законные, но ты же получил, что хотел?

– Получи и отправился на курорт в трущобы, – вмешался Консул.

Они ещё могли долго разговаривать практически обо всём, а Данте лишь изредка давал свой короткий и холодный комментарий, отчего он тоже становился собеседником. Всё было просто прекрасно и наполнено дружеской атмосферой. И со временем они переходили на менее мрачные темы. Их разговор становился всё более непринуждённым.

Но вот в кармане Командора зазвенел телефон, чей звук был подобно нежелательному грому, предвещавший беду.

– Да, Антоний. Ты что–то хотел?– приложив трубку к уху, спросил Эстебан.

Через минуту разговора лицо Командора стало мрачным и практически безжизненным, будто бы из него пропала вся кровь. Его взгляд отражал отчаяние и шок одновременно, став отражением глубокой бездны. Он не положил трубку. Он её просто выронил из рук. Мышцы не повиновались, и будто всё тело впало в ступор от ужаса.

– Что случилось? – переполнившись голосом волнения, спросил Морс, буквально впившись взглядом в своего друга.

Эстебан безжизненным и настолько тихим и пересохшим голосом, будто это был скрёжет шёпота, ответил:

– Революция началась.

В кабинете на пару секунд повисла непроницаемая тишина, которую громким ором разорвал инквизитор:

– Что!?! – яростно прорычал Карамазов.

Данте тут же, не проронив ни слова, резко оторвался от работы над своими бумагами и пронзил острым и холодным взглядом Эстебана.

Великий Инквизитор полез за своим телефоном, а Командор, еле шевеля губами, стал отвечать:

– Около часа назад в Риме по телевидению было объявлено, что имперский город переходит в руки временного революционного правительства. Практически все министерства Император Магистратос провозгласили переход на сторону мятежников. Несколько грузовых вертолётов, до потолка набитых оружием, садились на окраинах Рима и сейчас все окраины имперского города в руках мятежников и кишат

ими. В мятеже принимают участие представители всех Департаментов Власти. Малочисленные силы, лояльные Канцлеру, организуют оборону ближе к Великому Дворцу.

Неожиданно, вновь взревел Карамазов:

– Проклятье, почему телефоне работает?! Почему я не могу связаться со своими инквизиторами?

– Так как все виды коммуникаций всех представителей и структур Департаментов Власти, да и связь большинства простых людей в Рейхе, идут через министерства в самом Риме, то Лорд–Магистрариус просто блокировал их. Сегодня люди подумают, что просто неполадки в системе сообщения, а завтра им расскажут о новой системе государства, – холодно пояснил Данте, причём тут же встал из–за стола и ответив на вопрос инквизитора, вышел из кабинета.

В помещении повисла полная тишина. Все стоят в полном оцепенении и не могли хоть что–то сказать, никто не мог поверить, что–то государство, которое строилось на постулатах крепости и силы может вот–вот рухнуть. Конечно, хоть Морс и предполагал, что Рейх, может быть, ввергнут во тьму, но он даже не думал, что это произойдёт сегодня. Инспектор всеми силами попытался остановить эту политическую энтропию, но он не смог, и это ввергало в отчаяние.

Вопрос инспектора разорвал тишину:

– Что будем делать? – прозвучали слова наполненные отчаянием вкупе с бессильной яростью.

– Я отправляюсь в Милан, – утвердительно сказал Эсте-



бан.

– Что ты там забыл? – удивлённо спросил Карамазов.

– Мне нужно как-то вытащить Габриеля из этой революционной увертюры.

Морс приложил руку к подбородку и стал вслух размышлять:

– Как ты собрался его вытаскивать? Ты же подойдёшь к нему и не скажешь: «Здравствуй, я следил за тобой всю жизнь, теперь пойдём со мной». Не так ли? Потом, кто тебе в этом поможет? И самое главное, куда ты его потащишь? В Рейхе, таким как мы, оставаться нельзя будет. Через стену? Она находится под управлением нескольких министерств разом. Что ты будешь делать?

– Не вся стена, – бесстрастно сказал незаметно вошедший Данте. – На некоторых участках стены стоят солдаты из полк-ордена. Да и те участки, за которыми следят министерства, сейчас могут быть не под надзором, ввиду недавних событий.

– И что вы предлагаете, Великий Консул? – С надеждой в глазах спросил Эстебан.

– Своих солдат я уже отозвал со стены. В миланский аванпост я передал приказ о том, что все солдаты, там расположенные, переходят под твоё руководство. У меня со стола заберёшь карту, где расположены тайные укрытия за стеной. Мы хотели их использовать для тех выживших, если провалиться план «Новый Дом». Можешь повести туда кого со-

чтёшь нужным, теперь они все твои. И да, я инициировал план «Новый Дом». Мы покидаем эту страну. – с еле уловимой грустью закончил Данте.

– А что с Римом? – резко спросил Карамазов.

– Что со столицей? Через несколько часов мятежники казнят Канцлера и возьмут полную власть в городе, к завтрашнему утру всех высших представителей власти, кроме Лорд–Магистрариуса объявят еретиками и отступниками и навечно заклеят предателями Рейха, а к вечеру во всей стране будет установлена новая власть. Я, конечно, передал в римский аванпост, чтобы мои люди передали большинство вооружения немногим оставшимся лоялистам. Но не знаю, насколько это замедлит отступников. – Бесстрастно проговорил Данте. – Рим потерян.

– А как вы сообщили в столицу, коммуникации же не работают?

– У полк–ордена своя система сообщения, – холодно ответил Консул.

– Ну а как мои инквизиторы, многие храмовники и солдаты подчинятся новой власти? – всё не унимался инквизитор.

– Вас просто, да и Канцлера тоже, обвинят в столь мерзком преступлении, что ваши же подчинённые сами отвернутся от вас. Вас заклеят предателями и никто не узнает, что действительно произошло в Риме. Никто, – затем он резко развернулся к своему столу со словами. – Всё, мне пора, я собираю Совет и Орден, а точнее, тех, кто сумеет покинуть

Рейх, и отбываю из этой страны.

Затем он что-то взял из стола и поспешно вышел из кабинета, оставив всех в полном одиночестве. В помещении вновь повисла могильная и непроницаемая тишина. Все стояли, глубоко задумавшись, и рассуждали о будущем, что уже скреблось в дверь.

– Что будем делать? – еле сдерживая ярость, всё растущую от бессилия, спросил Карамазов.

– Я лично поспешу в Милан и постараюсь вытащить Габриеля из этого безумия. План мы с Антонием придумаем уже на месте.

– А ты, Морс?

– Что ж, я настолько мелкая фигура, что мне и никуда бежать-то не надо, – с еле заметной улыбкой сказал инспектор. – Я знаю то, что просто ввергнет вас в шок, друзья.

– И что же это? – Не скрывая удивления, спросил инквизитор.

– Я знаю человека, который способен повернуть вспять это безумие, – с предвосхищением вымолвил инспектор. – Канцлера казнят, это да... но после «революции» можно будет скинуть зазнайку-лорда.

С крайней заинтересованностью в оба голоса спросили Эстебан и Карамазов:

– И кто же это?

– Я знаю, где сейчас тайная жена нашего Канцлера, – произнёс Морс и тут же заметил как удивление в глазах

его друзей всё продолжает расти и получив наслаждение от этого продолжил. – Она, по праву своего положения, если предоставить ей возможность говорить правду перед народом, сможет весьма сильно подорвать позиции Лорд–Магистрариуса.

– Ты же понимаешь, что за несколько часов мы не успеем всё это сделать? – Голосом наполненной горечью, перемешанной с удивлением, сказал Верховный Инквизитор.

– Ты–то сам, что будешь делать? – спросил Морс Карамазова.

– Я? – Тяжело и отчаянно начал Карамазов. – Сам не знаю. Я только что лишился дела всей моей жизни, лишился чести... что я смогу сделать, если завтра мои же инквизиторы будут по всему Рейху меня искать как мелкого еретика? Отправлюсь во Цитадель Инквизиции и попытаюсь организовать сопротивление.

Во взгляде некогда действительно великого инквизитора читалось глубочайшая апатия и уныние, его глаза потеряли жизнь, а взгляд стал безжизненным. Он действительно потерял смысл жизни.

– Ну, если ничего, то добро пожаловать в главный штаб новой оппозиции, – пытаюсь хоть как–то подбодрить своего друга, говорил инспектор.

– Штаба? – с непониманием спросил Командор.

– Да, штаба. Насколько я понимаю, это здание теперь ордену не подчинится? Так почему бы нам здесь не развернуть-

ся?

Карамазов лишь натужно, буквально сквозь боль натянул улыбку на лицо.

– Нам пора прощаться. Мы наверняка в последний раз увидимся, – мрачно сказал Эстебан.

– Что ж, если Бог даст, то ещё свидимся, – тяжело поддержал Карамазов.

– Ну, ради того, чтобы мы ещё раз встретились, я готов и в Бога поверить, – Немного шутя высказался Морс.

Карамазов на него сурово взглянул, но увидев саркастическую улыбку инспектора сам немного, уже более легко улыбнулся.

– Слушай Эстебан, а ведь всё–таки встретишь её, передай привет тогда от меня и Карамазова, хоть нас они и не знает.

В кабинете послышался долгий и протяжный смех, бывший буквально взрывом, ставший механическим противовесом на тот каскад дурных чувств, что они испытали. Но смех–то пройдёт, а чувство беспомощности вернётся вновь.

# Глава тридцать восьмая.

## Предреволюционная суэта

Время постепенно и неумолимо шло к чёрной и долгой ночи. Над Миланом тяжёлым грузом сгустились тонны тучных и практически чёрных облаков, готовых обвалить на город свой тяжкий груз. На улице хлестал ледяной и жестокий ветер, который промораживал до костей. И чёрные облака всё же решили сбросить свой тяжкий груз на Милан: пошёл ледяной дождь, перемешавшись с липким неприятным снегом.

Практически все здания в городе погружались во тьму, готовясь до конца отойти ко сну, как и велело Министерство Контроля Сна, неустанно следившее за тем, чтобы верные подданные Рейха ложились спать во время. Продолжать работу ночью имели право только здания принадлежащие определённым Департаментом Власти, таким как Император Магистратос, Трибунал Рейха, Империял Экклесиас и несколько военных подразделений.

Но только одно единственное здание, ставшее оплотом студенческого вольнодумия и оппозиционной пылкости, буквально ожило. В нём кипела и роилась самая настоящая политическая жизнь. Все были в сладком предвкушении прихода нового порядка, что свергнет тьму тирании.

После обращения революционного гегемона души ребят буквально взорвались ярким пламенем эмоций. Одно единственное послание Лорд–Магистрариуса всей миланской оппозиции было не просто пламенным или обыденно призывающим. Оно заставило ещё сильнее зажечься сердца ребят, позволив им пламенеть ещё ярче и сильнее. Он говорил о скорой и необратимой смене власти, о том, что буквально уже на завтрашний день восторжествует свобода, и чёрные флаги тоталитарного Рейха сменятся на красивые и манящие стяги свободы. Глава Имперор Магистратос яростно, чуть ли не брызжа слюной изо рта, обещал миланцам уже завтра освобождение их города, говоря, что Милан станет одним из первых городов, скинувших ярмо рабства. Он своими пламенными словами настолько вдохновил всех, что все были готовы хоть сейчас, бегом штурмовать дворец Канцлера.

И никого, кроме Габриеля, не смутило, что все действия произойдут далеко в Риме. Что освобождение их родного и любимого города произойдёт за несколько километров от самого Милана. Все были настолько ослеплены этой яркой вспышкой эмоций, будто провалившись в объятия предреволюционной эйфории, что никто, кроме Габриеля, не заметил взгляда Лорд–Магистрариуса. Парень в нём увидел некий мрак и печаль. Его взгляд был окутан некой тенью и сомнением, что легла и на душу гегемона революции, а слова были наполнены еле уловимым презрением. Всё это было странно. Будто он не верит собственным словам, а сладкий

и пламенный голос был буквально выдавлен лишь для того чтобы заманить их в Рим.

После обращения ко всем обратился не Алехандро, который пребывал в экстазе и буквально расплылся в руках Эйфории, а более сдержанный и спокойный Мицелий, один из немногих сумевший сохранить самообладание.

Мицелий также, помпезно и не умаляя пламени в своих словах, всех поздравил с наступающей революцией. Он всех поздравил с наступлением нового порядка, когда никого за идею или даже за простые размышления не станут преследовать.

И все уже стали предвкушать в своих мечтах и фантазиях тот новый мир, когда они смогут свободно выражать свои мысли. Когда ребята смогут стать теми, кем и хотели, дабы Рейх за них этого более не определял.

И когда все стали приходить в более приемлемое состояние, чтобы хоть какую-то информацию принимать, тогда Мицелий сказал, чтобы они стали быстро собираться и готовиться к отъезду в Рим, чтобы принять участие в «Марше Солидарности», как сказал Лорд-Магистрариус.

Как всем обещал гегемон революции, это было мирное шествие, где пройдут все недовольные властью в Рейхе и лично сам Лорд-Магистрариус вручит Канцлеру хартию «Прощение от свободных», где его все попросят мирно уйти со своего поста и признать новое временное правительство, ставшее первым камешком в фундаменте построения нового



мира. Мицелий сообщил, что за ними, к этому зданию подъедут специальные автомобили, посланные самим Лорд-Магистрариусом.

По окончании своей страстной речи Мицелий тут же призвал всех присутствующих готовиться к отъезду, воззвав к их накопившемуся революционному запалу.

И те, кто сегодня пришёл на всеобщее собрание, дабы разрешить судьбу своей Партии, расположились в одном огромном зале и с немислимым биением сердца, неистовым волнением и страстным предвкушением дня завтрашнего, стали готовиться к тому, что раз и навсегда решит участь страны.

Все начали собираться, для того, чтобы принять участие в этом марше, что станет их кличем к свободе, как все и предполагали, но среди всех собравшихся ребят было столько идейных движений, и никто от них не хотел отступать, желая показать его значимость уже на «марше солидарности». Но среди них было два больших объединения, что готовы были рвать друг друга буквально части, во имя добра и справедливости конечно. И ребята буквально разделились на две большие группы, и каждый стал собираться по-своему, ответственной той идеологии, что он поддерживал.

Габриель же спокойно стоял на сцене и с заворожением смотрел на копошение своих знакомых и друзей, что стали подобны роящимся муравьям, лишённым разума и служащим единственной цели и объединённых единым разумом. Он не собирался никого активно поддерживать, ибо не ви-

дел в этом смысла. Парень просто стоял и смотрел за всеми, постепенно вдыхая всё новые запахи клея, пыли, краски и нафталина, что постепенно заполняли помещение, становившиеся невыносимыми.

Юноша просто стоял и мельком посмотрел куда-то в сторону, где собрались люди, с ярым остервенением готовые называть себя детьми свободы.

В этом углу собрались истошно галдящие и вопящие люди, исторгавшие в зал звуки, похожие на кличи и призывы к свободе. Те, кто поддерживали точки зрения полной свободы, братства и равенства стали выкрашивать свои флаги в ярко-жёлтый цвет – очень древним обозначением сил либерализма и всесторонней свободы, как им казалось. Они готовились выйти на улицы Рима и объявить свои желания о свободном устройстве нового Рейха. Они были готовы с остервенением отстаивать постулаты либеральной идеологии: свобода всего, что только можно будет.

И над всеми кто встал под жёлтый флаг, взял управление Алехандро. Он подобен безумному дирижёру, что сошёл с ума и с безумием в глазах готовится к своему последнему концерту. В его очах блестели безумным светом огоньки и блики сумасшествия, а взгляд буквально пылал огнём, изливая свою фанатичность на остальных. Он среди тех, кем командовал, буквально ветру носился, не зная усталости бесконечно раздавая всё новые поручения. Алехандро был будто заведённый баран, став неустанно скакать по всему залу, же-

лая всё проконтролировать, чтобы не один символ или полка не противоречил духу свободы.

Габриель на него смотрел как на прокажённого, ибо Алехандро вёл себя буквально как одержимый своей безумной идеей.

В другой стороне мрачно и в основном сохраняя вуаль тишины, свои алые стяги готовили те, кто считал себя братьями по духу старого движение «Сыновья и Дочери Коммун по Заветам Маркса».

Они видели революцию как способ осуществления своих красных мечтаний и идей тоталитарного равенства. Завтрашний день коммунисты видели как мир лишённый всякого угнетения и рабского повиновения внутри своей родины. Они видели мир, избавленный от жестокой тирании и устаревших и затхлых догматов священной Империи Эклесиас. Все те, кто стоял под красной хоругвей яро ненавидели и презирали любое учение, утверждающее, что есть что-то выше нежели «общее». Все те, кто встали под алое знамя нового мира не видели Рейха как такового. Они смотрели только на свою новую Партию как на то, что будет выше всякого государства.

Среди копошащихся своих сторонников недвижимо стоял Давиан. Он стал полной противоположностью заведённому и безумному Алехандро. Только изредка он раздавал негромкие команды, что исполнялись с мрачной точностью, будто он руководил винтиками и болтами в отлаженном механиз-

ме. И о чём думал сейчас предводитель вестников тотального равенства, не знал никто. Он гордо стоял и контролировал всю работу, что разворачивается вокруг него. Может он мечтал о том, что имеет теперь свою партию, отдельную от всей структуры. Или же он просто упивался эфемерной властью, что получил. Ну а может быть, он предвкушал, что вот-вот придёт новый мир, вестником которого он станет.

Габриель долго смотрел и буквально всматривался во взгляд архикоммуниста. Он был мрачен и тяжёл, будто кусок холодного и бездушного металла. Юноша давно знал Давиана и то, как коммунист изменился за последнее время пугало парня. Габриель уже не видел того простого парня, который лелеял весьма обычные и лёгкие идеи справедливости и равенства всех перед законом. Но когда Давиан стал собирать возле себя единомышленников, он стал радикально изменяться. А после того, как Алехандро стал главой тогда ещё «братства», то вся светлость в его рассудке просто была развеяна. Его лик стал мрачен и серен, а мысли стали ни чем не лучше идейных установок самого Рейха. Может Давиан изменился из-за полученной власти уже в своей партии, что выиграла на его самолюбии. А может быть, его обида была настолько яркой, что сильно изменила его изнутри, так, что сама структура его характера изменилась. Габриель не знал. Он мог лишь предполагать, что стало с его старым другом.

Но помимо этих двух больших идейных гегемонов было ещё множество других течений, яркой россыпью располо-

жившихся в зале. Габриель увидел ещё уймищу других политических цветов и лозунгов, которые только вспомнили или придумали люди. Он увидел там синий флаг, с простым жёлтым колоколом по центру, а на самом полотне были простейшие лозунги: «власть народу», «за равноправие и свободу».

Были там и такие экзотические расцветки, которые только мог увидеть весь мир за собственное существование, порой давно уже забытые, времён, которые назывались древними, ещё в эпохе, предшествовавшей великому раздору.

Пока Габриель пристально всматривался в непрерывную работу ревностно копошащихся знакомых, нос парня стал немного покалывать от усаливающегося запаха краски и нафталина, а само помещение заполняли тучи пыли от тех предметов, что были вытащены из подвалов этого здания, но юноша поборол неприятные ощущения и стал дальше следить за работой, что продолжала набирать свои обороты.

Ещё не закончив с флагами, и символикой ребята приступили мастерить различные плакаты с простейшими и нехитрыми лозунгами, какие только могли они придумать неискушённые в политике люди.

От принесённого количества клея, что тут пролежал несколько лет, литров чернил, оставшихся ещё со времён, когда здесь была редакция, у Габриеля помутнело в глазах. Воздух в помещении стал постепенно наполняться стойким смрадом всего канцелярского. Пара человек уже потеряли

сознание, их просто вынесли и дальше продолжали работу. Габриель ужаснулся этому. Своих друзей и знакомых просто вынесли за пределы помещения и дальше продолжили свою работу. Их просто оставили на холодном бетоне.

Воздух становился всё тяжелее, а лёгкие начинали работать на износ, ища больше кислорода в отравленном воздухе. Юноша уже с трудом смотрел в зал и видел, как все начали более активную работу, будто были одержимы неким демоном, что подталкивает их вперёд, заставляя забыть об окружающих. Люди с пламенем в глазах носились по всему залу, подобно диким зверям, одолеваемыми жаждой революции.

Габриелю стала омерзительна эта картина. Он увидел, как ради некой революции, что случится даже не в Милане, люди были готовы наплевать на своих ближних. Парень осознал, что если кто-то ещё потеряет сознание, то его просто вынесут за двери, посчитав слабым и дальше продолжат свою работу.

Габриель наконец-то понял, что в этой предреволюционной суеде те, кто были рядом с ним, перестали быть теми, кем должны – людьми. Они потеряли свою человечность, став похожими на те бесчисленные бездушные министерства. И всё, что происходило до этого, было лишь цепью событий, что неизбежно вела к потере человечности. И всё началось с малого, с того подвала в книжной лавке. Юноша вспомнил, как люди потеряли человеческий облик, когда выступал Алехандро. Габриель помнил, как Алехандро потерпел

крах в заброшенном квартале Рима, и там парень столкнулся с жадностью до власти Бертоaldo и Мицелия, которые не хотели терять её, объединившись в одно движение. Он неожиданно вспомнил, как на многих заседаниях сначала братства, а потом и Партии высказывались порой бесчеловечные идеи по устройству нового Рейха. Как предлагалось расправляться с бывшими слугами старого государства – сжечь, потрошить, сварить. Габриель понял, что революция это не цель, это смысл жизни, ради которого многие теряют нормальный человеческий облик, ибо только полному безумству может соответствовать лишь абсолютный психопат.

И здесь юноша уже видел не своих друзей, он лицезрит растерзанные души одержимые демоном революции, что неистово гонит их вперёд.

Тут внезапно сзади подошёл Мицелий. Он положил свою руку на плечо парню. Габриелю показалось, будто ему на плечо положил медведь свою лапу, отчего он, слегка дрогнул и повернулся.

Оттенок кожи у Мицелия проглядывается бледно–могильный, будто перед ним стоит мертвец. Глаза были помутневшими, а во взгляде играли слабые огоньки безумия. Его растянутый рот больше напоминал демонический оскал, нежели хоть что–то отдалённо похожее на улыбку.

Габриель попытался попятиться назад, но тут ладонь Мицелия сжалась сильнее и юноша даже шагу не смог сделать. Боль пробежала по плечу юноши от впившихся пальцев. По-

том он подтянул к себе Габриеля и взял его под своё плечо.

– Смотри, вот она, предреволюционная суета, разве не прекрасно? – показав рукой в зал, отдалённым и до ужаса довольным голосом спросил Мицелий.

– Ну. – Пытаясь как меньше тратить воздуха, выдавил из себя Габриель.

– Ты только посмотри, – восхищённо, но в тоже время неким голосом полным безумия начал парень. – Люди прилежно трудятся за своё будущее и идеи. Они готовы положить на алтарь революции всё то, что у них есть. Разве это не прекрасно? Ведь это самый настоящий идеал, когда люди трудятся ради того, чем они живут, ибо только тогда они достигнут совершенства.

Габриель уже не мог ужасаться этому. Его сознание постепенно отказывало. Из последних сил он держался за более высокого Мицелия, и юноша видел как многие, кто сейчас работал в зале, были на последних силах. Кто-то уже передвигался на четвереньках, стараясь не упасть.

Тяжёлый воздух сгнивших вещей и резкие ароматы клея с токсичным нафталином смешались с пьянящим амбре революции, превратив всё это в безумный коктейль. Тяжёлый и токсичный воздух заполнял лёгкие и отравлял рассудок, но никто не собрался останавливать работу. Все во имя добра и светлого будущего готовы были здесь остаться навсегда...

Юноша сам постепенно стал проваливаться во мрак. Его ноги слабели, мышцы наливались свинцом, а в глазах темне-



ло. Он, уже практически отрывая куски от одежды Мицелия, пытался устоять на ногах, а тот лишь гордо стоял и взирал на всю эту суету.

Но вот мощный порыв освежающей струи прохладного воздуха ударил в ноздри. В груди бешено заколотилось сердце, и неожиданный прилив сил устремился в мышцы, отчего парень смог выпрямиться. В глазах неожиданно всё прояснилось. По-видимому, кто-то открыл окно.

Юноша огляделся. Запах просроченной канцелярии стал постепенно выветриваться, и помещение всё больше заполнялось свежим и прохладным осенним воздухом, выветривая всю помрачение из голов.

Габриель посмотрел на Мицелия и увидел, как тот просто стоит, а взгляд его наполнился пустотой. Парень так же увидел, что хоть помутнение у многих людей и спало, но они не прекращают свою безумную работу. Они всё так же клеили, красили и делали всё то, что пригодится делу революции. Никто даже не думал останавливаться, ведь завтра их ждёт новый мир.

Тут неожиданно к Габриелю подошёл Мицелий. Он уже более мягко положил руку на его плечо и с фальшивой натужной улыбкой свою руку со словами:

– Фуф, пойду, отдохну пару минут. А то вся эта суета просто выматывает.

В его глазах Габриель заметил не просто идейную пустоту. Он там узрел просто неимоверно огромную вымотанность.

Габриель не стал задерживать Мицелия, он просто дал ему пройти мимо, ибо самому юноше нужно было немного отдохнуть. Нисколько недавние предобморочное состояние, сколько всё увиденное его вымотало. Ему нужно было куда-нибудь присесть и отдохнуть от революционной фантазмагии.

Парень спустился со сцены и присел на какой-то деревянный табурет, стоявший у сцены. На его лбу проступила испарина, которую он мгновенно утёр.

Габриель заглянул в зал.

Он мгновенно увидел Элен. Её кожа приобрела могильный оттенок, несмотря на относительно яркое освещение. В её прекрасных, как драгоценные аметисты, глазах горел слабый безумный огонь, что был присущ всякому революционеру. Она медленно, механическими движениями красила какой-то плакат, который не было видно.

Габриель ничего не испытал посмотрев на неё. Будто вся любовь, то мерзкое гнилое чувство ушло вместе с помрачением, когда свежий воздух наполнил лёгкие. Он увидел в ней девушку, одержимую лишь безумной идеей, что готова пойти за гегемоном революции на всё. Вся пелена и чувственная пелена пала с души парня. Его душа и разум стали свободными от всего того, что действительно делало его рабом. Это не догматы Рейха или бесконечные ограничения Канцлера. Это проклятая любовь и дурманящее чувство чего-то нового. Именно они и делали человека рабом. Всё это время

бедный юноша думал, что находится в полнейшей свободе от любой мысли, которая могла пронестись в его рассудке, но это было не так. Только сейчас он осознал, что последние годы верно и преданно служил гнилому чувству адской и выматывающей любви. И когда он смотрел на Элен он больше не ощущал того пламенного и всепожирающего чувства, готового его испепелить изнутри. Нет. Теперь оно казалось отдалённым и неясным, лишь слегка напоминая о себе. Юноша был поражён такому прозрению в своих чувствах. Теперь он не чувствовал к той прекрасной девушке не более чем лёгкое влечение, ставшее не более чем остатком от старой фантазмагии пламенеющей влюблённости.

И парень не понимал, что могло привести его к этому исходу. Может он просто перегорел от этих чувств. Возможно всё, что он сегодня увидел в Элен, вызвало в нём отвращение или же токсины в нём взыграли. А может всё вместе соединилось в один кулак и сыграло единую роль в выхолащивании чувств.

Габриель понял, что, то провозглашённое идеальным в действительности оказалось тем, что способно убить всякую свободу, хоть и стремилось её провозгласить. Неистовая и слепая любовь к человеку или идеи делала рабом мысли, заставляя другого человека мыслить так, как нужно было, а чувство изменения, чувство революции могли из любого сделать раба действия, когда думая, что он свободен, делает то, что приоре противоречит свободе. Проще говоря – из

людей делали рабов, внушая, что в этом рабстве они будут истинно свободны.

И парень понимает, что одно без другого невозможно. Он тут же вспомнил, как сначала они стали все заложниками идеи, а потом гегемон революции призвал их к действиям, ещё тогда, когда они его встретили в заброшенной часовне.

Всё оказалось полнейшей ложью и, поняв это, Габриель не удивился, лишь усмехнулся своей правоте. Габриель хотел встать и уйти отсюда невероятно далеко, ибо здесь ему стало невыносимо мерзко. Это место, обещавшее стать обителью свободы, стало логовом рабского подчинения делу революции, выдаваемое за свободу.

– «Свобода это рабство» [9], – не слышимо, практически не шевеля губами и никому в пустоту, сказал Габриель, завидев, как стремление к освобождению из его товарищей сделало покорных рабов революции и самой цели.

И он встал. Ноги его были несколько ватными, будто с похмелья, постоянно подкашиваясь. Голова немного кружилось, а тело слегка трясло, но уже через пару мгновений он уверенными шагами направился к выходу, не желая, ни секунды оставаться в этом обители свободы, делающей людей идейными рабами.

Устойчивый запах всего канцелярского постепенно оставался позади и вход уже показался впереди. Но тут грозный вопрос остановил Габриеля.

– Стой, ты куда? – грозно позвучал вопрос юноши, недо-

вольного, что один из его друзей решил покинуть их в столь славный час.

– Ох, Алехандро, – растеряно начал Габриель. – Я пойду, пройдуся и подышу, а то здесь как–то тяжело дышать.

– Я тоже пойду и вдохну свежего воздуха, – сказал подошедший Давиан. – А то стало несколько дурно.

– Что ж, мы тоже хотим пройтись и погулять, а то здесь как то утомительно. – Сказал подошедший Верн, ведя под руку Элен.

Буквально через пару минут рядом с Габриелем стояли знакомые и друзья, которые спешили покинуть это место и наполнить лёгкие чистым воздухом.

– Ну, пойдёмте. – Сказал возле него собравшимся людям Габриель и Алехандро, Давиан, Пауль, Артий Элен и Верн вышли за порог этого зала.

Мицелий вновь стоял на сцене и мрачно следил, как Габриель и его друзья покинули залу.

# Глава тридцать девятая.

## Ересь Главного Лорда

Ветер перестал быть умеренным, не столь промораживающим и порывистым. Теперь это ледяной шквал, вымораживающий вплоть до костей. Чёрные небеса разверзлись, и блестящий в свете фонарей снег большими хлопьями начал падать на утопающий в безумии город.

– Двадцать лет на этой земле был мёртвый покой, но мы разорвём его своей жаждой перемен. Наше праведное слово, наш свободный клич покончит с этим царством апатической тирании, – прозвучало где-то на улицах вечного города.

Рим постепенно начинал впадать в лапы анархии, но и у этого беспорядка был свой безумный дирижёр. Когда Главный Лорд узнал, что на улицах города стали формироваться силы обороны, то он распорядился, чтобы атака на Рим проходила в два чётко определённых этапа. Первой волной пойдут все те, кто может держать в руках оружие, дабы сломить, как считал Лорд–Магистрариус, несправедное сопротивление. И как только последний человек, сжимающий в руках штандарт Рейха, падёт, только тогда пойдёт вторая волна, более многочисленная, дабы воззвать ко всем душам в Риме, кто новая власть и, кто более свят в своих идеях.

И план в два этапа приступил к своему зловещему осу-

ществлению. С многих окраин огромного города постепенно к центру стали стекать толпы тех, кто считал себя вестником свободы и нового порядка. И тот порядок они собирались утвердить пулей, плазмой и штыком. Получив мелкое огнестрельное оружие от неведомых союзников они, знаменуя своё продвижение случайными залпами, медленно продвигались к дворцу Канцлера.

Конечно, они встречали мелкое, даже мизерное сопротивление, устроенное лояльными Канцлеру жителями Рима, но такие вялые ответы мятежника мгновенно подавлялись залповым огнём орд отступников, которых было просто неисчислимое количество.

И действительно, по тайному приказу Лорд–Магистрариуса в Рим со всех краёв великого Рейха были свезены все те, кто называл себя сопротивлением или оппозицией. В эти самопровозглашённую коалицию помимо всех недовольных Рейхом и диссидентных представителей Департаментов Власти вошли ещё толпы сторонников других религий или духовных движений. Наряду с ними шагали сепаратисты, мечтающие о том дне, когда их регионы выйдут из–под власти могущественного Рейха и станут самостоятельными государствами. В одних рядах с ними шли представители всех возможных политических движений и идеологий, которые только нашлись.

В совокупности своей они стали теми, кто собрался низвергнуть старые порядки. Это была небольшая цифра для

всего Рейха, мизер, который никогда даже голову не осмелился поднять, но для Рима это было огромное количество, несмотря даже на невообразимые масштабы города, но эти движения были не одиноки. Их поддерживали недовольные военные из армии Рейха, наёмники, бандиты и личный корпус Лорд–Магистрариуса – «Гвардия Шпиля».

Глава Имперор Магистратос лично несколько месяцев натаскивал своих солдат новым идеалам, а тех, кто не их принял, перед началом переворота просто казнили в подвалах и подземельях шпиля. Таков будет порядок новой свободы.

И множественные мятежники, поддерживаемые соединениями военных, без боязни продолжали свой путь к дворцу Канцлера, чувствуя себя полными хозяевами в городе, хотя и не осмеливались творить погромы, но как у всякого сопротивления и у этих повстанцев был свой центр. Им стал величественный и гротескно роскошный шпиль Лорд–Магистрариуса. И весь величественный квартал Имперор Магистратос стал оплотом и координационным центром мятежников.

Шпиль главы всей бюрократической системы умирающего Рейха безумно блестел в свете только что включившихся фонарей. Он стал подобен маяку, освещавший путь в новое будущее и дававший ориентир мятежным душам, и каждый отступник, взглянувший на него преисполнялся гордостью за, как ему казалось, праведное дело, однако несмотря на набирающую бурю за окном, веяния свободы, распространяющиеся по улицам города, подобно тому как заражение бежит



по крови и бурную жизнь в самом шпиле в кабинете Главного Лорда стояла лёгкая вуаль тишины.

В помещении была неустойчивая тишина, и чувство полной пустоты. Лишь за окном раздавались редкие звуки выстрелов и громкие команды солдат, разрывающие слабую тишину, стоявшую в просторном помещении. В кабинете был выключен свет, и приятная темень заботливо обволакивала стены, пол и все, что было в этом помещении. И лишь в конце кабинета мрак сгущался чёрной непроницаемой тучей, за которой, восседал тот, кого вот уже несколько часов называли «гегемоном революции».

Он сидел недвижимо, не издавая не единого шороха или движение, стараясь не нарушить той хрупкой тишины, что тонкой пеленой стояла в его кабинете.

Лорд–Магистрариус глубоко задумался. Его раздумья были настолько глубоки, что он даже не услышал, как пару раз ему в дверь стучались. Но всё же когда в дверь стали колотить настолько, что создавалось впечатление, что её сейчас выбьют, Главный Лорд всё же позволил к себе зайти.

Медленно сойдя со своего трона, он тихо, буквально крадучись подошёл к окну. Он загадочно всмотрелся в город, который разрывал политический переворот.

Его взгляд отражал глубочайшее сосредоточение над собственными мыслями.

Душу Лорд–Магистрариуса буквально разрывали самые разные идеи, ведь от них зависит будущее.

С одной стороны, он был ярким ревнителем свободы. Еще, будучи заместителем первого начальника всей бюрократической машины Рейха, он наткнулся на одну книгу, запрещённую цензурой. Сначала, он сам хотел её сжечь, но чувство любопытства взяло верх. И он открыл её.

Перед ним мгновенно на пожелтевших страницах книги развернулся чудесный и яркий мирок, пышущий нерасказанной справедливостью. Этот мир наполнен такими вещами, что в Рейхе они бы стали самым настоящим чудом, которое могло только присниться человеку. И то, если он этот сон рассказал бы, то его бы уже к вечеру арестовали за неправильные мысли во снах.

И действительно, эта книга рассказывала о таких волшебных для этого мира вещах как независимый и единый парламент. В этом прекрасном мирке был описан справедливый суд, который руководствуется законом, а не «Гражданским Рейтингом» и верностью Рейху. Гражданское общество, которое там было описано, было некой манной небесной. Люди сами могли собой управлять, без железной руки государства и его неусыпного ока. Для Рейха это было полнейшим чудом. В книге рассказывалось ещё множество самых примечательных явлений, которые могли только быть и стали столь чужды для мрачной и железной действительности Рейха, что их никто даже бы и не понял.

Прочитав эту старую книгу, будущий Лорд–Магистрариус буквально заболел идеей освобождения Рейха и превраще-

ния его в новое цивилизованное государство.

Эта идея, она стала буквально ментальной чуме, разъедающей душу и разум мужчины. Она стала намного хуже безответной любви для романтика. Эта идея буквально выжигала в его душе дыры.

А потом был принят «Пакт Триады», когда между Рейхом, Свободной Либеральной Капиталистической Республикой и Директорией Коммун было заключено тайное соглашение, по которому страны во имя поддержания установившегося спокойствия тайно сотрудничали друг с другом в самых разных сферах. И после принятия этого пакта первый Канцлер вошёл в свою полную власть, которую только можно было иметь. Он стал ослепительно ярким солнцем диктатуры, что своим светом разгоняло любую повстанческую тьму и выжигало любую ересь со своей земли. Во время правления первого Канцлера, за все двадцать лет он утопил столько человек в крови, что все предыдущие диктаторы и тираны прошлого рядом с ним показались бы ангелами мира и любви. Он лишь за одну неправильно сказанную букву в его имени мог отправить на казнь самого человека, всю его семью и преподавателей, что плохо его учили. Этот консерватор запретил любые технологии, которые были схожи на человека или могли выполнить его основную работу. Он, яро верующий в Бога, был ревностным католиком и дал всю полноту власти в руки Империял Экклесиас, что бы они отыскивала и безжалостно наказывала тех, кого называли «извращенца-

ми». В Рейхе установилась деспотия, помешанная на традиционных ценностях и стабильности.

И время правления первого Канцлера стало буквально терзанием души для молодого Лорд–Магистрариуса. Он не мог смотреть, как под железной пятой гибнут те, кто смели подумать иначе, как думает сам Канцлер. Эти двадцать лет стали безумным осознанием сводящих с ума истин для рас­судка мужчины.

И именно в это время он дал клятву, что любой ценой достигнет своей цели. Он фанатично желал установить справедливое и демократическое правление, когда вместо тирании Канцлера будет мудрый и умный президент, а сосредоточение отраслевой диктатуры, вроде Департаментов Вла­сти, которые обладали безграничной властью в своей сфере, сменится на свободный парламент. А вся власть будет иметь противодействие в виде народной оппозиции.

Он чаял тот момент, когда ему удастся шанс взять власть в руки, передать её людям и перекроить Рейх по-новому, свободному стилю.

Но с другой стороны, для построения нового общества, придётся сломать и старую мораль. А Лорд–Магистрариус знал, что значит «сломать мораль» и естественно осознавал, чем это может быть чревато.

Из его памяти ещё не мог выйти тот момент, когда он уви­дел «непризнанного деятеля культуры».

Его вид был смешон, и больше походил на наряд сума-

шедшего. Его голос был противным и невыносимым, а слова и поведение горделиво, вкупе с заносчивостью. Но несколько сам наряд этого глупца пугал Лорд–Магистрариуса. Мысли этого вольнодумца были намного хуже и ужаснее.

Глава Имперор Магистратос невольно провалился в размышления об истории Европы. Он вспомнил о тех далёких временах, когда весь континент старого света был разорван на многочисленные новые государства. Мужчина вспомнил, как многие государства впадали в пучину такого разврата и похоти, что неспособны были уже жить. Эти государства буквально задыхались от той чумы, что называлось «Равенство половых ориентаций».

В этих государствах уровень разврата достигал такого уровня, что обычного человека, который сейчас живёт в Рейхе, просто стошнило бы при виде всего того, что там происходило, ибо разрешено всё, что ранее запрещалось.

Половина доброй Европы стала воплощением Содома. Все самые низменные и потаённые желания развращённого сердца нашли отражения в тех государствах. Всё европейское стало больше походить на безумный цирк сумасшедших и психов, болевших тяжёлыми расстройствами, сбежавших из лечебницы.

И многие мелкие государства буквально вымирали через некоторое время, от того, что люди, погрязшие в разврате, даже перестали размножаться в угоду своим страстям.

И эти мелкие опустошённые земли занимали всё более

растущие в своей массе народы востока, ведомые золотым полумесяцем и верой в пророка. И этот момент, когда потомки некогда мигрантов стали своей численностью буквально душили своей массой коренных жителей. По ночам, песнопения из Корана, проводимые в бесчисленных мечетях, буквально стояли над европейскими городами, знаменуя приход «Часа Джихада».

Пока коренные жители старого света жили в угоду своим страстям, постепенно скатываясь к состоянию, что было хуже животных, и теряли свет истины, постепенно теряясь во мраке разврата, новые хозяева Европы стали устанавливать свои, железные порядки. И эти люди, что некогда пришли в Европу, прячась от самых разных воин и жестокости, что царили далеко на востоке, разом плюнули на ценности нового мира и стали жить, так как сочли нужным.

И тогда наступил самый ужасный момент, ибо уже неспособные дать разумный отпор европейцы стали уступать новым владыкам континента.

Вот тогда–то, когда над всей Европой и её духом стали собираться уже грозные тучи, когда она была ввергнута во мрак забвения, то тогда в ярком ослепляющем свете и явился первый Канцлер и разогнал эти тучи своим светом.

Но Лорд–Магистрариус вернулся к современности, оставив далёкие размышления об истории.

Он понимал, к чему может привести допущение подобных «свободных деятелей искусства» в государство и его аппарат.

Главный Лорд своей страны прекрасно осознавал, чем это грозит такой великой империи, построенной на простых и старых ценностях, как Рейх.

Глава Имперор Магистратос знал, что если подобные любители «свободной любви» попадут в механизмы государства от его парламента до местных сельских собраний, то в лучшем случае, Рейх станет подобен жалко пародии на Либеральную Капиталистическую Республику, в худшем государство просто разорвёт на части во взрыве бесконечных мятежей и сепаратизма.

Лорд–Магистрариус всё ещё не мог забыть Магнуса, того посланца из–за стены от «оплота прав и свободы». В его голове не укладывалось, как в одном человеке было столько наглости и жадности. И главу всей бюрократии в империи в шок бросало от одной мысли, что Рейх может быть похож на то, что находится где–то за стеной. Он не мог поверить, что его идеи светлые по устройству справедливого государства могут извратиться до не узнаваемости и превратить Рейх в новую империю греха.

– Господи, Что мне делать? – Отчаянно обратился в пустоту голосом, наполненным горя и безнадежности глава Имперор Магистратос.

Он понимал, что сейчас будет только один выход, который возможен в сложившейся ситуации. Он невольно вспомнил те мысли, что к нему пришли тогда на квартире, после разговора с тем засланцем.

Сначала эти мысли показались ему еретические и отступнические для того, что он лелеял. Но сейчас он видел, что это единственный выход.

Канцлера, того кого он воспитал и взрастил для единственной цели, уже о помощи просить, о помощи было поздно, ибо курок переворота спущен и остановить толпу визжащих и ревуших диссидентов разного рода тоже будет безумной попыткой остановить неизбежное.

– Да и Канцлер оказался слабаком, раз не смог предотвратить этот переворот. Он, даже своей железной рукой не смог удержать народ в узде. Он не достоин нового мира. – Практически не слышимо куда–то в пустоту с презрением проговорил Лорд–Магистрариус.

Его разум стал доплна заполняться самыми разными идеями о железном управлении и полнейшем контроле над теми, кто не способен выдержать веяний свободы и её ласкового прикосновения. Он понял, что нельзя вчерашним рабам дать свободу, ибо завтра она превратится в анархию и полнейшее безумие. Нельзя дать свободу тем, кто не сможет с ней справиться, что приведёт к вырождению народа и страны. И тут на него нахлынуло неожиданное откровение.

Лорд–Магистрариус понял, что Рейх, это, то государство, в котором возможно даже не железное управление нынешней власти. В нём необходим ледяной и холодный хват первого Канцлера, и только тогда в Рейхе установится полный порядок, который может простоять столько, сколько стоят



сами кости земли.

Мысли главы Имперор Магистратос заполнялись тяжёлыми и грузными мыслями о будущем страны. И все эти мысли постепенно выдавливали идеи о свободном устройстве мира. Мысли о свободомыслии и демократии постепенно выветривались из разума. На их место становились гротескные и монолитные идеи о полнейшем стальном порядке в государстве. Теперь Лорд–Магистрариус понимал, что только тогда наступит порядок, когда все будут под единым началом.

– Что ж, если это единственный выход для Рейха, – отчаянно сказал глава бюрократии.

Он вновь поднял голову и увидел в окне уже город, раздираемый огнём жалкого мятежного разврата, а не место, откуда настанет начало нового миру. В своих революционерах он видел опасных союзников, что способны скинуть его с пьедестала власти.

– Власть. – Тихо с маниакальной страстью прошептал Главный Лорд.

Власть теперь наполняла его. Сегодня он был властелином всего Рейха, способный изменить всю империю лишь по своему усмотрению. Он упивался этой абсолютно безграничной властью. И тут же, поняв свою огромную силу, в нём заиграли все фибры души. Он почувствовал нечто приятное, исходящее от того, что сейчас в его руках. В его ладонях и воле судьба всей великой империи.

И он решил окончательно. Посмотрев на тех, кто мог ока-

заться в государстве и разрушить его изнутри Лорд–Магистрариус вынес окончательный вердикт. Теперь, когда такая сила просто поёт в нём, он с помощью своей власти сделает Рейх намного совершенней. И с этой властью он не собирался расставаться и пускай его нынешние идеалы, стали ересью для того, во что он верил раньше.

Но тут неожиданно скрипнула дверь и отварилась, и прозвучал обеспокоенный и дрожащий голос:

– Революционный гегемон. Все ждут вашего появления. – Уже без стука вошёл солдат и сообщил Лорд–Магистрариус о требовании нового народа.

– Гегемон. – Смакуя и шепча, сорвалось с губ главы Имперор Магистратос.

– Что? – Вопросил солдат.

Глава всего бюрократического механизма развернулся к солдату. В глазах гегемона революции повис тяжёлый мрак, а взгляд стал тяжёлым как металл и холодным как лёд.

– Да, я сейчас приду. Только свяжи меня с командиром моего корпуса и капитаном из «Стражей».

– Так точно! – выпалил солдат и тут же ушёл.

– Ступай-ступай... скоро восторжествует новый... абсолютный порядок.

Вновь в кабинете повисла непроницаемая тишина. Неожиданно появилось ощущение, что мрак в кабинете стал, будто сгущаться вокруг фигуры Лорд–Магистрариуса, окутывая его и нежно обласкивая в своих объятиях.

– Если свобода для них – пьянящее варево, – поднялся со трона глава Имперор Магистратос. – Если нас предадут северные соседи, если народ не готов к освобождению, то я стану для него железным кулаком, который удержит беспечный люд от греха свободы.

Ересь окончательно взяла верх в Главном Лорде.

# Глава сороковая. Битва за Рим

Небо над вечным городом окончательно стало чёрным как смоль. Порывистый ледяной и жестокий ветер промораживал конечности до костей. Липкий и неприятный снег с холодным дождём лились с чёрных небес как из рога изобилия, заваливая жидкой массой все улицы города.

Город наполнялся громким шумом, истошными воплями и безумными криками агонии, ставшими предзнаменовани-ем прихода нового мира. Медленно, но верно толпы мятежников вооружённых мелким стрелковым вооружением продвигались к оплоту старого мира, где остался Канцлер.

Практически весь Рим оказался во власти мятежников, чающих наступления нового мира и свержения старой власти. Славный город, что ещё вчера был нерушимым и монолитным сосредоточением мощи и власти великой империи – Рейха, постепенно стал впадать во мрак гнусного переворота и обволакиваться в саван анархии. Судьба старого Рейха теперь висела на волоске.

Весь город, от края до края оказался во власти отступников, и только маленький участок, клочок земли оказался верен Канцлеру, готовясь стоически принять свой последний бой во имя Рейха. Последнее верные готовились принять свой бой и судьбу у дворца Канцлера.

Огромный дворец, некогда прекрасный и великолепный, сейчас стоял в полном мраке, за мрачной стеной, ограждающей бывшую территорию Ватикана, построенной ещё во время существования Римского Престола. Этот дворец постепенно становился угрюмым воплощением постепенно уходящей эпохи, что вот-вот прекратит своё существование. Мрачный и погружённый во мрак замок стоял в полнейшем безмолвии, что стало зловещем предзнаменованием того, что практически все оставили Канцлера, перейдя на сторону главного отступника. Но надежда ещё жила.

В самом начале безумного шествия по всему Риму были организованы последние очаги мизерного сопротивления надвигающемуся мраку переворота. Но они были настолько маленькие, что их сразу подавляли, даже не тратя и пяти минут на стычку. За первый час ордами отступников было уничтожено более десятка маленьких очажков сопротивления. И тогда пришёл спаситель.

Он был посланником полк—ордена, что пришёл вывести солдат из Рима, соответственно распоряжениям своего Консула. Но когда задача была выполнена, он по своей воле решил остаться и дать последний бой мерзким отступникам, что решили покуситься на священный порядок Рейха.

Когда этот человек взял на себя управление обороной, ситуация была просто ужасающей и безнадёжной. Канцлер заперся в своём кабинете, не сказав и слова, общее командование отсутствовало, личная гвардия правителя была в рас-

терянности и не получила никого приказа от своего владыки, многие силы, которые могли бы помочь в обороне были далеко отправлены, а оставшиеся лояльные военные и полицейские были рассеяны по всему городу. Вся обстановка просто источала безнадежность вкупе с мрачным отчаянием.

И тогда этот офицер полк—ордена принял на себя полномочия и командование оставшейся обороной лояльных сил. Первое, что он сделал, это приказал это всем верным Канцлеру людям отступить к дворцу всё ещё правителя Рейха. Многие лояльные бойцы забирали с собой из полицейских участков, комиссариатов и просто разных схронов оружие и ресурсы, так необходимые для обороны. И когда под его началом собралось достаточно людей и вооружения, то он отдал первые приказы по укреплению защиты. Этот человек лично возглавил Дворцовую Гвардию Канцлера. Офицер полк—ордена занял оборону вокруг территории бывшего Ватикана, укрепив её как можно сильнее.

Мятежники постепенно смыкали кольцо вокруг лоялистов, жаждая лёгкой победы над верными Канцлеру. Гегемон революции разделил свои силы на два огромных состава.

С севера, с запада и юга постепенно подходили воины—мятежники: «Гвардия шпиля», множественные солдаты удачи, предатели из армии Рейха, бандиты и просто люди, умелые в обращении с оружием. Они подступали со стороны множественных улочек и сотен домов. Туда офицер полк—ордена бросил силы Дворцовой Гвардии, понимая, что обычным

людям, полиции или комиссарам там не справиться с вооружёнными до зубов отступниками, способными в обращении с оружием и наученные военной тактике и стратегии.

С востока постепенно сгущались массы религиозных еретиков, идеологических отступников и прочих предателей, неискущённых в военном ремесле, однако пожелавших вступить в бой лично и ускорить пришествие нового порядка. Но они тоже были вооружены тем, что им предоставил их сосед из-за стены.

Мятежники постепенно собирались на месте, где некогда был район Понте [10]. И командующий лоялистами приказал строить оборону от Замка Святого Ангела [11] до «Уст Истины», переименованных в «Уста Милости Канцлера». По всей стороны у всех мостов возводились крепкие баррикады из всего, что можно было, ставились мешки с песком и сооружались огневые точки.

Командир обороны организовал свой штаб у моста, некогда носившего название Виктора Эммануила Второго [12]. Теперь это был мост сержанта Вергилия, объявленным Культом Государства, за свои заслуги, «Почтенным Слугой Рейха».

Теперь этот офицер полк-ордена, взявший на себя защиту последнего оплота истинного Рейха, стоял у этого моста. На его броню лихорадочно падали капли дождя и ложились маленькие неброские снежинки. Он подставил свою грудь, облачённую в стандартную экипировку, порывистому ветру

и тому безумию, что каскадом шло на них. Он исполнил свой долг перед полк–орденом, теперь этот человек намеревался отдать долг Рейху и самому Канцлеру. Теперь этот боец будет держать оборону до конца до тех пор, когда он не умрёт или Канцлер не выйдет из ступора и не отдаст последний приказ. Теперь он всё понимал. Долг кончался только со смертью.

Вокруг офицера полк–ордена кипела жизнь. Все вокруг суетились: кто–то проверял своё оружие, некоторые занимались укреплением обороны, возводя новые укрепления и баррикады и подтаскивая тяжёлое вооружение в виде станковых пулемётов.

Вдруг со стороны моста послышался какой–то шум, и все моментально ринулись к баррикадам, наводя оружие и таякая им во мрак, выискивая противника. Все приготовились к бою, но вышедшее из мрака люди были лишь обычными храмовниками Империял Экклесиас. Их сразу отправили и проводили к командиру обороны.

Вид храмовников был изрядно потрёпан. Следы повреждений и царапин от пуль, ножей и множество грязи на одеждах. Измотанные лица бойцов церкви украшали кровоточащие порезы, ссадины и множественные перевязки по всему телу.

Среди них вышел один человек высокого роста. Под шкальным порывом снега и дождя, его лицо было слабо различимо.

– Кто вы? – хриплым и низким голосом спросил храмов-



ник.

– Я брат–лейтенант полк–ордена, сейчас руководитель обороны Рима Тит Флоренций, – холодно ответил ему человек.

– Я эклесс–капитан Марий, командую всем тем, что осталось от моей роты.

Тит осмотрел присутствующих. Там, тяжело дыша и еле держась на ногах, стояли одиннадцать храмовников, что ещё желали воздать отступникам за своих убитых братьев.

– Доложите обстановку, – спокойно потребовал руководитель.

– Обстановка паршивая, – сплюнув, начал офицер Империял Экклесиас. – Большинство сил были выведены из Рима, и мы, единственные из храмовников, что остались в этом городе, жутко сплеховали. Наша рота попала в простую засаду, когда я вёл её к Дворцу Канцлера. Отступники плотно нас прижали повылазив из всех щелей в городе, они сейчас контролируют практически весь Рим, кроме того клочка, что вы всё ещё удерживаете.

– Вы знаете примерное количество противников? – холодно спросил Флоренций.

В усталых глазах Мария вспыхнуло отчаяние, и он мрачно, тяжело выговаривая слова, ответил:

– Все улицы были ими заполнены. Их были орды, тьма. Наверное, десять тысяч только с востока, не меньше, – несколько подавлено проговорил Марий.

Тит стоял без шлема, подставив своё белоснежное лицо ледяному ветру. И, посмотрев в еле видимые глаза Марию, осознав отчаяние капитана, сказал ему:

– Эклесс–капитан, соберитесь духом. Наш бой ещё не проигран. Канцлер жив и Бог не погран ордами отступников, а значит, всё ещё надежда есть. – Вдохновенно сказал командир и потом более спокойно продолжил. – Ступайте и возглавьте оборону у «Уст милости». Я передам им, что у них новый командир.

– А как вы это сделаете? Связь везде оборвана.

– У полк–ордена своя сеть, – Протянув рацию, утвердительно сказал Тит.

– Так точно, командир! – поднявшись духом, с надеждой, вспыхнувшей во взгляде, воскликнул Марий.

Флоренций смотрел на силуэт уходящего эклесс–капитана. Он понимал, что их бой теперь продлится не более нескольких десятков минут. В лучшем случае они продержаться даже около часа. Но это был максимум. Количество противников рано или поздно возьмёт верх, и они прорвутся сквозь оборону, пускай они всё и завалят своими трупами. Надежда оставалось только на то, что Канцлер придёт в себя и отдаст приказ об отступлении. Но это было маловероятно, ибо у правителя империи просто шок и он впал в безвылазный ступор.

Внезапно на поясе зашипела рация старого типа. Он её одним движением сорвал, подвёл к лицу и активировал.

Оттуда рекой полился голос, произносимый в вихре волнения и возбуждённости, постоянно прерываемый звуком громких выстрелов.

– Господин Командир, докладывает легарий Дворцовой Гвардии. Мы вступили в контакт с мятежниками. Их в несколько раз больше нас, но большинство постоянно подрываются на тех минах, что вы установили. И многие деморализованы множеством интересных и жестоких ловушек, что были поставлены по вашему совету.

– Отлично, держите оборону дальше. Если что–то произойдёт важное, то сообщите мне.

– Так точно! – Послышалось из рации, и звук статики мгновенно спал.

Тит убрал рацию.

Вот и началась последняя, решающая битва за вечный город на семи холмах. Первый аккорд открытия принадлежал предателям–солдатам, что отринули свои клятвы верности.

– Мятежники! Со стороны «Понте Деус»! – прозвучал голос лоялиста.

Все сразу похватили своё вооружение и бегом на баррикады и за укрепления, которые сами же и возводили.

Тит тоже сразу побежал на баррикаду. Он не был любителем командовать из тыла, приемля прямое участие в схватке с противником.

С востока, на мосты стали выходить мятежники. Это были не профессиональные военные и даже не наёмники. Сюда

вышли обычные люди, одержимые одной идеей, нового мироздания. Они были одеты в самые разные одежды, только в их руках не было плакатов и флагов. Они сжимали самое разнообразное оружие: от пистолетов и ножей, до ручных пулемётов.

В рядах мятежников стоял невообразимый гул, схожий на молитвенные песнопения и истошные верещания обезумевших сектантов.

Тит посмотрел вокруг. Он рядом с собой увидел людей, готовых беззаветно умереть за свою любимую родину. Он увидел, что несколько сотен верных встало против нескольких тысяч отступников. Флоренций увидел, как развивается флаг Рейха. Чёрный стяг лихорадочно трепетался на ветру и буквально взывал к борьбе до самого конца. Он тоже стал воплощением уходящей эпохи, которая стала одним из периодов истории Рейха.

Тит не был сторонником пламенных речей. Он был человеком действия, орудием в руках полк-ордена, которое направляли туда, где необходимо восстановить силу света Рейха. И сегодня он и не думал отступать от того, кем являлся всю свою жизнь. Он всегда был верным слугой своей родины. Его руки сжимали автомат, а ноги под собой чувствовали камень, металл и дерево, обращённые в преграду перед отступниками. Но он понимал, что последняя преграда перед падением Рейха это их мужество. Он сжал своё громоздкое оружие ещё сильнее. И просчитав, что отступники просто

идут толпой, прям на укрепления, надеясь на быструю победу, из его уст вышел клич, который стал воплощением героизма и верности своей родине:

– За наши дома, Рейх и веру!

Крикнув во всё горло, он нажал на курок и его автомат выплюнул тяжёлые очереди реактивных пуль. Они прошивали отступников как игла кусок ткани. К его залпам присоединились остальные защитники дворца, создав адское крещендо, отбросившее мятежников.

После первых залпов очереди скосили десятки, если не сотни сотни ревущих мятежников, окрасив белый мокрый снег в алый цвет. И поняв, что просто так пройти им к дворцу не получится, они отступили обратно во мрак, чтобы залезать раны и приготовиться более планированному наступлению. Через несколько минут стало видно, что они возводят собственные баррикады буквально из мусора. Так между берегами началась нудная и долгая перестрелка, не приносящая никакой пользы, ибо каждый выстрел утыкался в укрытие. Но после звуков стрелкового вооружения послышались выстрелы танка, что раздавались совсем неподалёку. Командир обороны насторожился, ибо если у мятежников есть тяжёлая техника, то это делало обстановку просто кошмарной.

Тит обратил внимание на первых павших отступников. Их немногочисленные тела усеяли противоположный конец моста, обagrив липкий снег. Он не стал думать, в чём смысл этой бойни или почему мятежники пошли на смерть. Хоть

его и волновала только оборона, но ему хватило зоркости увидеть, что на плече каждого мятежника была нашивка с разными пёстрыми цветами.

Но внезапно на поясе вновь зашипела рация.

– Господин Командир, докладывает майор Филипп. Обстановка критическая. Замок Святого Ангела практически разрушен огнём танка. У нас потери личного состава пятьдесят пять процентов.

– Держитесь, я отправляю вам подкрепление, – быстро сказал он в рацию и вновь обратился по ней, только по другому каналу. – Противотанковое звено «Инферно», вызывает брат–лейтенант Тит. У Замка Святого Ангела был замечен танк. Отправляйтесь туда и уничтожьте его.

– Так точно, – послышалось из рации.

Убрав устройство, он снова осмотрелся по сторонам. Только одиночные выстрелы временами разрезали пространство и убедившись в том, что всё в порядке, Тит решил самолично отправиться к замку и увидеть обстановку.

До замка он дошёл относительно очень быстро и, подойдя к месту боя, он весьма удивился.

Руины некогда хорошо укреплённой крепости дымились как дом во время пожара. Со всех сторон его окружили отступники и пытаются сжать кольцо ещё сильнее. А уже руины обстреливают два очень старых, можно сказать эпохальных танка. Если Титу не изменяла память, то это была два Т–60.

Этих два проржавевших, но всё ещё на ходу два танка из давно минувших времён были предоставлены мятежниками на поле боя. Такой скудности в вооружении посмеялись бы самые нищие страны времён Италийского Раздора, и этой же бедности в оружии усмехнулся бы командир обороны, если бы у него у самого был бы хоть один танк.

Как раз подоспело подкрепление. Бойцы навели свои гранатомёты и спустили крючок. К танкам устремились шлейфы дыма и буквально через мгновение они разлетелись на куски металлома и после оглушительного взрыва стали спокойно гореть, потрескивая на снегу с дождём.

Воспользовавшись замешательством отступников, вызванным таким неожиданным уничтожением техники, Тит перешёл в наступление, и его примеру последовало подкрепление. Четыре бойца яростно атаковали кольцо и бывшие в замешательстве мятежники стали замертво падать на землю, окрашивая красным чёрный от сажи дым. Враги впали в окончательный ступор от того, что не ожидали подкрепления и этим воспользовались выжившие лоялисты. Они контратаковали из самой дымящейся постройки и отбросили отступников, заставив их трусливо бежать.

Внезапно буквально из тени на Тита выбежали два мятежника. С первым он расправился, расстреляв его из автомата, второй успел подобраться настолько близко, что отбил, своей битой оружие у Тита. Тогда командир вынул длинный нож. Он с лёгкостью парировал удар мятежника и тут же резко

полосонул его по шее. Алая кровь волной хлынула на землю, а враг, держась за шею, медленно упал на землю под собственные крикы.

Кипевшая пара мгновений здесь битва моментально окончилась. Отступники решили ретироваться, залезть на раны и вновь пойти в атаку.

– Господин Командир, – послышалось в дали.

– Да. – Немедленно ответил он.

– Это майор Филипп.

– Докладывайте.

– Враг прорвал здесь нашу оборону. Все наши огневые позиции были подавлены танковым обстрелом. Здесь уже обронить нечего. – Указывая на дымящийся замок сказал майор.

– Тогда отступайте ко второй линии обороны и присоединяйтесь к основному эшелону укреплений.

– Есть.

Вдруг на поясе вновь зашипела рация.

– Да, – активировав её, и поднеся к лицу, он обратился.

– В районе штаба прорыв! Враг прорвал нашу оборону! – отчаянно лился крик.

– Мы возвращаемся, держитесь!

Когда Тит вернулся к главным позициям, он был в шоке. Баррикада со стены моста Виктора Эммануила была просто разнесена на куски. На земле валялись груды того, что ранее было укреплений, перемешавшись с массами разрубленных



тел. По самому мосту пытались пройти отступники, но умелый огонь защитников с рядом расположенного моста и соседних укреплений скашивал наплывающие орды отступников, оставляя их лежать на мокром снегу.

За баррикадами бесновалось существо, которое не брала не одна пуля. Любой выстрел с лязгом и искрой отскакивал от его блестящей брони. Он похож на рыцаря апокалипсиса. В его руках лихорадочно вертелась алебарда, поражая всё новых несчастных, что попали под его руку. Возле него уже лежало около десятка убитых, рассечённых ужасающим оружием.

– Господи, помилуй... Что это? – спросил один из солдат.

– Это «Страж Шпиля». Один из десяти лично преданных Лорд–Магистрариусу воинов, облачённых в самую лучшую броню и прошедших самую великолепную подготовку. Они непревзойдённые мастера боя, – с пугающим спокойствием пояснил Тит.

– Тогда как нам с ними справиться?

Командир не удостоил этот вопрос ответа, он просто вновь обратился к своей рации:

– Егерь, для тебя есть цель. Передислоцируйся к штабу, – затем он вновь заговорил с бойцами. – Честно говоря, я ожидал их появление в другом месте.

«Рыцарь апокалипсиса» обратил внимание на Тита Флоренция. Он сразу понял, что это тот самый командир лоя-

листов и «Страж шпиля» медленным шагом, подобно тому, как хищник подходит к жертве, начал свой ход к Титу. Но командир сохранял нечеловеческое спокойствие, он просто стоит и смотрит на грозно шагающего противника.

Внезапно на его пути оказался комиссар с саблей в руках. «Страж шпиля» несложно провёл широкую горизонтальную дугу алебардой перед собой, что прошла с весьма специфическим гудящим звуком. Несчастного человека просто рассекло пополам, разделив на лихорадочно подёргивающиеся останки, а саблю разбило на две части.

– К алебарде проведён заряд, – сухо констатировал Тит никому.

Когда гротескный воин подобрался практически вплотную к командиру, который стоял уже один, то прозвучал глухой выстрел.

Броня отступника мгновенно была разорвана, а из груди рекой хлынула кровь. Грозный мятежник не выронил своего оружия, он продолжил ход, несмотря на ранение. Второй выстрел пробил ему уже область сердца. Из двух прошитых дыр текла кровь.

И вот алебарда уже со звоном падает на липкий от сажи, крови и дождя снег, а сам «страж» с металлическим лязгом падает на колени. Он осматривал свои раны, будто недоумевая, что его убило и через несколько секунд мятежник за-мертво падает на грудь.

Командир мрачно усмехнулся и воздал хвалу Богу, что во

время всеобщего сбора из старого музе была принесена противотанковая винтовка, что была не просто раритетом, она была реликвией давно минувшей эпохи. Тит вспомнил, что такой винтовкой пробивали броню танков, и чем она могла быть хуже в борьбе против жутких воинов нового мира?

Вдруг он поймал себя на мысли, что в круговерти битвы забыл предупредить Дворцовую Гвардию. Он молниеносными жестом взял рацию и заговорил:

– Легарий Дворцовой Гвардии, отведите свой правый фланг, и поставьте его так, чтобы он упирался к стене «Цидалис Канцлер».

– Так точно. А чем вызвано данное решение?

– Ваш фланг теперь открыт для удара с востока. Позиции у Замка Святого Ангела были прорваны.

Убрав рацию Тит увидел, как отступники, ошеломлённые падением столь великого воина, просто бежали, пытаются скрыться вновь во мраке. Командир оценив обстановку позволил укорить себя, что раньше не сообщил легарию про фланг. Ведь это могло полностью разрушить оборону, но на сожаление нет времени. Обстановка с каждой минутой ухудшалась. Бойцов Дворцовой Гвардии медленно оттесняли на восток. Баррикады в некоторых местах были разорваны. Прорыв со стороны Замка Ангела привёл к большим потерям.

Рация снова зашипела. И оттуда полились слова, переполненные глубоким отчаянием:

– Господин командир, докладывает эклесс–капитан Марий, нас прижали плотным танковым огнём! Здесь четыре старых и два наших, Рейха танка! Баррикады и укрепления разнесены в прах! Нам не удержать эти позиции!

– Отступайте к штабу, живо! – неожиданно, развеяв своё спокойствие, крикнул Тит и тут же обратился к своим бойцам. – Противотанковые звенья «Инферно» и «Молот», отправляйтесь по дороге в сторону «Уст милости» и остановите танковую колонну.

– Есть.

Сейчас командир обороны сделал всё, что мог. Он отправил единственные противотанковые отряды, сформированные из вчерашних полицейских и комиссаров на остановку колонны, состоявшей из раритетных и новых танков. Ситуация была катастрофической.

Атака вновь была начата по всем направлениям. Отряды отступников заново нахлынули на баррикады.

Внезапно послышался хруст заграждений, и ещё одна точка обороны была прорвана на глазах у Тита. Большой танк, выкрашенный в белые цвета, с похожей на трапецию башней с широкой и приплюснутой пушкой, прорвался к штабу лоялистов. Из его дула тут же вырвалось три плазменных заряда, буквально испепеливших около десятка человек. Это боевая машина Рейха, которую Главный Лорд достал в своих коморках. Тит понимал, что слепой героизм в виде броска гранаты в дуло это минимум непростительная глупость, по-

казанная в устаревших фильмах, но командир обороны прихватил с собой пару специальных противотанковых гранатомёта, способных разворотить эту машину. Внезапно после громкого хлопка еле видимая из-под специального щитка гусеница разлетелась осколками, и танк встал буквально на месте. Тит слегка улыбнулся и мысленно восхвалил Господа, что этот егерь с ними. Раньше это был учитель в тире, приписанный к какой-то спортивной организации при Министерстве Физического Подросткового Развития. Командир обороны отдал приказ, чтобы специальное вооружение вытаскивали и подожгли этот танк, который всё ещё плевался пучками плазмы и выжигал баррикады с бойцами.

Сквозь укрепления прорвался ещё один «Страж шпиля», заставивший забыть про танк. Он своим мощным ударом рассёк лоялиста пополам и ударом кулака размозжил другому человеку голову. Колющим ударом своего оружия он насквозь пронзил ещё одного бойца Канцлера и отбросил его дёргающийся от потока электричества труп.

Тит выпустил в него всю обойму, но каждая пуля с лязгом отскакивала прочь. Командиру обороны пришлось отбросить свой автомат и достать длинный нож. Он кувырком ушёл от мощного удара, затем ему пришлось выполнить отскок, чтобы не попасть под дуговое движение. У Тита нет шансов в этой схватке, его нож едва ли царапину оставил бы броне отступника, и уже через некоторое время физическая усталость давала знать, но вот мятежник допустил ошибку и

открылся для удара. Флоренций кувыркoм оказался у ножного сочленения брони. Он один мощный удар направил в колено. Нож погрузился в сочленение и его кончик вылез с другой стороны. Боец с диким рёвом упал на колено и мгновенно одной рукой занёс алебарду для атаки. Тит понял, что от этого удара ему вряд ли удастся уйти и рукоять грозного орудия ударила ему в бок. Его отбросило на метр, в рёбрах раздалась ужасающая боль.

Командир увидел, как с трудом и кряхтением мятежник поднялся и вытащил клинок из колена. Он, ковыляя и прихрамывая, подошёл к Титу и вознёс свою алебарду, которая потрескивала от энергии. Это конец.

Но тут вновь раздался глухой залп и голова «Стража шпиля» брызнула кусками металла и крови. Пуля пролетела на вылет. Мятежник замертво упал на землю, распластавшись на ней пропитанной от крови и дождя снега, а трескающая от энергии алебарда упала наземь. Тит сумел тяжело, сквозь скрежет и покалывания кусков своей брони подняться. В бок вспыхнула страшная боль.

Командир посмотрел вокруг. Улицы были повсюду усеяны кучами трупов, принадлежащих, как и верным, так и мятежникам. Пространство разрывали визжащие пули, а воздух разрывал рокот танковых залпов. Новый танк Рейха, пошедший против Канцлера, полыхал как спичка. Снег стал чёрным от сажи и густой крови, воздух теперь густой от запаха пороха, крови, гари и плазмы. Прорвавшиеся сквозь бар-

рикады мятежники постепенно брали верх над сторонниками Канцлера, но лоялисты, преисполненные отвагой и верностью были готовы умереть за свою родину и правителя.

Командир смотрел на них с гордостью, понимаю, что до рассвета они уже не доживут, если не случится чудо или не будет дан приказ об отступлении.

Неожиданно, как на зло сквозь ещё одну баррикаду прорвал ещё один «Страж Шпиля». Только он отличался от других, его броня показалась золотой, а на шлеме лихорадочно развивался синий плюмаж. Он явился подобно вихрю битвы, что разорвал оборону в клочья.

– Буду держать того золотого на прицеле, как приоритетную цель, – прозвучал сквозь ярость боя голос егеря.

– Нет. Его броню из этой винтовки не пробить. Переключайся на пехоту и технику. – Ответил ему Тит и тут же обратился к рации:

– Господин командир, вас вызывает младший легарий Дворцовой Гвардии.

– Докладывайте.

– Легарий погиб. Наши силы за последние минуты боя были оттеснены к стенам «Цидалис Канцлер». В бой с нами вступили «Стражи Шпиля» и большая часть корпуса. Обстановка критическая.

– Отступайте к штабу. Оборона прорвана, – сухо приказал Тит.

Внезапно рядом слышались тяжёлые вздохи и прибли-

жающийся топот ботинок.

– Танковая колонна остановлена, – сказали два сгорбленных от усталости, потрёпанных по виду, человека, держащих наперевес гранатомёта человека только что подбежавших.

Тит на них посмотрел с восхищением. Они сумели выиграть время для Дворцовой Гвардии и открыть им путь к отступлению. Он снова поднёс рацию к губам и стал твердить:

– Младший легарий, начинайте отступление по левому флангу.

– Так точно.

Флоренций похвалил оставшихся в живых бойцов с гранатомётами и присоединился к обороне.

Ситуация была абсолютно проигрышной. Всюду полыхали взрывы и залпы выстрелов, заглушающие любые крики и агонии. Баррикады и укрепления были прорваны везде где только можно было. Тит, по сути, все силы стянул к штабу, чтобы дать последний бой отступникам. Он был готов героически умереть. Но Флоренций снова уже отчаянно воззвал к рации. Теперь он хотел услышать, того, к кому он обращался уже двадцать раз. Но ответа еще, ни разу не услышал.

– Господин Канцлер, ответьте... господин Канцлер!

– Я тебя слушаю, – внезапно послышался подавленный голос, звучащий из рации.

Тит восхвалил Бога, за то, что Канцлер воспользовался рацией, которую он ему передал и наконец–то ответил.

– Ваши приказы, господин?



– Отступайте. Хватит вам кровь проливать. Вы достаточно Рейху послужили, – Сокрушённо ответил повелитель и тут же отключил передачу.

Предводитель обороны не опешил от такого ответа, а ментально среагировал. Тит передал всем выжившим командирам переходить к плану «Скрытие». Все стали отходить к старому люку, что находился у штаба. Но пока глава «Стражей Шпиля» бесновался мало, кто сможет отступить. Тит сорвал единственную электромагнитную гранату и кинул её в сторону отступника. После её взрыва практически вся электроника в доспехе разом отключилась, и глава «Стражей Шпиля» под их висом просто упал на мокрую брусчатку и стал яростно орать. Мятежники его тут же заслонили, приготовившись защищать до смерти. Но тут у штаба зашипели дымовые шашки и зазвучали шальные взрывы скрытно расставленных светозвуковых гранат.

Едкий и жгучий для глаз и лёгких дым стал ласково окутывать ряды мятежников, заставляя их прятать носы с глазами и просто бежать от него. Но эта дымка проникала всюду, принуждая мятежников громко кашлять и тереть слезоточащие глаза. Многие от этого всего даже оружие выронили, не в силах продолжать сражение. Стойкие к этому газу оказались только «Стражи Шпиля», неустанно приближавшиеся к своему командиру.

Все отступники, остановленные массами дыма и волной света, в неразберихе замедлили своё наступление. А когда

весь дым развеялся, и наступило прозрение, то всё было кончено. Те, кто остался в живых, просто скрылись из виду, будто рассеялись во мгле.

Они спустились в канализации Рима, ставшие подобно лабиринту. Тит смотрел на сорок два выживших человека. Повсюду стоял смрад и тяжёлое дыхание тех, кто выжил в этом аду. С лица Флоренция скапывала кровь от шрама, поставленного при отступлении. Он смотрел на тех, кого судьба пощадила. Тит смотрел на сорок два из нескольких сотен, что приняли свой бой. Пуская это сражение, не станет последним, но Рим был сдан. За целый час яростной схватки слабая искра надежды была погашена. Но пусть битва за Рим была потеряна, но война за будущее Рейха только начинается. Тит Флоренций, прославленный брат–лейтенант повёл вглубь подземелий вечного города оставшихся людей во мрак новой жизни. Теперь они сами стали мятежниками и повстанцами. Их война только начинается.

Тем временем наверху. Спустя десять минут.

Человек в длинном лиловом пальто стоял на почерневшем снегу, он вдыхает воздух, пропитанный запахом пороха и крови, и гордо взирал на улицы усеянные трупами. Стояла непроницаемая тишина, прерываемая лишь стонами раненых.

– Теперь пора начать переговоры с Канцлером. Либо он уйдёт, либо мы его сами свергнем, – Сказал один предводи-

телей мятежа и ехидно добавил. – Скорее всего, его больше никто не увидит.

– Нет. Приберите здесь всё. Приведите в состояние порядка, – приказал гегемон революции.

– Зачем? – Тут же возмущённо спросил человек.

– Вы думаете, вы единственные, кто сегодня пройдёт по Риму? Ох, нет, мой друг, есть ещё силы, что до сих пор в пути. Это люди бескровных принципов. Они должны увидеть, что наш переворот обошёлся без боя. Пусть пройдутся с плакатами и лозунгами, пусть покричат.

– Зачем вам этот революционный карнавал? – уже недовольно вопрошал мятежник.

– Я хочу, чтобы всё было идеально, – с блеском во взгляде и с коварной улыбкой на губах ответил Лорд–Магистрариус.

# Глава сорок первая.

## Встреча долгожданная

Габриель тяжело открыл глаза. Конечности были ватные и немного отнявшимися, голова сильно кружилась и в глазах буквально всё плыло. Ноги и руки были настолько ослабшими, что он ими практически не мог пошевелить и конечности стали похожи скорее на еле шевелящиеся отростки.

Но как на удивление силы довольно быстро к нему приходили. И уже через пару минут он смог подняться и сесть на кровать. Под отёкшим телом чувствовалась жёсткая постель и шерстяное колючее одеяло, которое практически не покалывало кожу.

Внезапно по коже пробежала липкая прохлада, а в нос ударили не самые, но терпимые, запахи подвальной сырости.

Парень осмотрелся по сторонам. Он сидел на простейшей постели в каком-то странном помещении. Стены были сделаны из сырого грубого и бесцветного кирпича, от которого жутко веяло прохладой. Светило слабое и можно сказать убогое освещение, которое просто било по взгляду, отчего глаза рябило, и они начинали побаливать. Воздух был пропитан поздним осенним холодом, который немного разбавлялся теплом слабого и ветхого отопления.

Интерьер был без сомнения тюремный. Одна кровать, ста-

рый, практический развалившийся стол, рядом с ним стоял полусгнивший стул. И помимо этой мебели глаз могла порадовать только старая, проржавевшая железная раковина, явно времен, когда был только создан великий Рейх. А выход из этого мрачного помещения преграждала огромная чугунная дверь, которую можно было выбить только прямым выстрелом из гаубицы.

Габриель подумал, что даже воздух навряд ли пойдёт из этого крана, не то, что капля ржавой воды.

И через пару мгновений, осмотревшись и набравшись немного сил, юноша сумел подняться на две ноги.

Конечности были ватные, а голова внезапно закружилась, но парень взял себя в кулак и нетвёрдыми, слабыми и неуверенными шагами все же поковылял к раковине, надеясь, что оттуда хоть какая-то вода пойдёт.

К счастью, из крана полилась чистая, как горный хрусталь, жидкость, которой он умыл своё одновременно пылающее и отёкшее лицо.

На ногах стало более твёрже стоять, а в голове мысли стали намного более разборчивыми и ясными. Когда состояние стало немного легче, юноша снова сел на кровать.

Пока всё было спокойно, Габриель решил вспомнить, как он здесь очутился. Он помнит, как они с друзьями вышли из здания Партии, и пошли прогуляться по ветреному городу. Он был прекрасен. Всюду светили фонарные столбы, чей свет был в этот день каким-то мистическим. Порывистый

ветер сильно бил в лицо, освежая голову и делая сознание абсолютно чистым. Всюду в волшебной круговерти сплелись белые снежинки и серые капли дождя.

Идя по большому городу, с великой историей Габриель в последнее время ощущал себя несколько спокойно. В его душе в последнее время поселилась долгожданная безмятежность, которая казалась особенно странной, после стольких лет безжалостной влюблённости. Он шёл по городу и не замечал ни флагов Рейха, которые казались тускнеющими, ни статуй Канцлера, что становились более мрачными и ни Элен с Верном, что шли рядом и буквально полыхали чувствами. Они шли по городу и целовались и обнимались, в общем, миловались, как могли, но как, ни странно Габриель на них никого внимания не обращал. Он спокойно шагал по улочкам Милана и радовался той погоде, что сейчас стояла в городе. Юноша не знал, что так на него подействовало. Может, это было осознание безнадёжности его притязаний к Элен, возможно, это мог быть пропахший просроченное канцелярией воздух, что нанёс мощнейший удар по химии в теле. Он не знал. Габриель даже не задумывался, что может послужить освобождению от рабства любви, но он знал, что сейчас его это просто не волновало.

Вдруг Алехандро вскрикнул, чтобы они шли обратно. Он посмотрел на часы и сказал, что вот уже через десять минут к зданию подъедут автомобили гегемона революции, он буквально завопил, чтобы все возвращались обратно.

Тут Давиан предложил срезать через переулки и все последовали его совету, и даже Алехандро счёл его слова умными.

Друзья пошли через маленькие тёмные улочки, куда не проникал свет Канцлера и министерства Технического Обеспечения Городов, что должно было здесь поставить фонари.

Вдруг послышался странный свист. Он оглянулся. В глазах остальных парень увидел лишь растерянность и недоумение от происходящего. Вдруг наземь упала Элен. Из-под её волос у шеи торчало странное перо. За ней на холодный асфальт рухнул Пауль. Потом сам Габриель почувствовал лёгкий укол в области собственной шеи и внезапно его веки стали тяжелеть и опускаться. Ноги стали ватными и неуправляемыми. Мысли перемешались в клубок. Габриель ещё пару мгновений хватался за воздух, но потом сам рухнул на асфальт, покрытый липким снегом. Он мгновенно потерял сознание и провалился во тьму.

И сейчас он сидел на этой кровати и думал, что могло произойти. Его мучили самые разные мысли, касательно произошедшего. Первой в голову пришла мысль, что всё же неусыпное око Рейха смогло заметить их подпольную деятельность и государство решило оборвать их работу по освобождению любимого города. И если это так, то жить им оставалось немного, ибо Рейх всегда был скор на мнимое правосудие. Но вдруг в голову пришёл вопрос: а почему он один?

Где все его знакомые друзья, что шли и падали на землю рядом с ним? Или это такая система исполнения наказания, что их разъединили. «А может, нас будут допрашивать по-одиночке?» – Подумал про себя Габриель.

Его ум терзало ещё несколько мучительных мыслей, но внезапно замок на двери стал металлически кряхтеть, означая, что там вертится ключ. И буквально через мгновение в помещение зашёл человек, на которого Габриель тут же обратил свой испуганный взгляд.

Он был одет в элегантные чёрные штаны, заправленные под невысокие сапоги. Тело покрывала кожаная куртка, цвета смолы. Его глаза были голубоватыми, отдавая нотками нефрита. Сам человек был не слишком высоковат, но выше среднего. Волосы были чёрные и коротко подстрижены.

– Кто вы? – с заметным испугом спросил Габриель.

Вдруг за вошедшим послышался ещё один голос:

– Ты как, справишься?

Юноша метнул туда взгляд и увидел там человека в длинном бежевом пальто.

– Всё в порядке. Можешь идти, – спокойно ответил мужчина, стоявший перед Габриелем, и тут же добавил. – Не забудь, через пятнадцать минут общий сбор в кабинете.

Мужчина в бежевом ушёл и Габриель остался один на один с стоявшим перед ним человеком. Он долго смотрел на юношу, тщательно всматриваясь в него, а тот лишь дрожал, Габриель боялся всего этого. Его одолевал непреодоли-



мый ужас, от всего этого. Он не знал, что произойдёт через мгновение, и это просто сковывало его тело и мысли. Юноша буквально замер от страха не в силах пошевелиться. Но всё же, сквозь ужас коротко спросил с дрожью в голосе:

– Кто вы? Что сейчас будет?

Мужчина, похоже, почувал явный страх в голосе. Он сделал более простое лицо и мягко ответил:

– Я? Называй меня Эстебан, – и потом, слегка улыбнувшись, добавил. – Можешь не о чём не беспокоиться, ты в безопасности.

– Откуда мне знать, что ты не слуга Рейха? – внезапно и опрометчиво бросил испуганный юноша, проявив все свои страхи с опасениями.

Мужчина с печалью в глазах ответил:

– Рейха больше нет.

Страх Габриеля не сменился на удивление. Он всего лишь подумал, что это может быть такой ход, что бы заставить его что-нибудь рассказать или проговориться. Эстебан заметил это недоверие и решил объясниться.

– Ох, Габриель, у тебя глаза как у отца.

Эта фраза вызвала небывалую бурю самых различных эмоций, которые только могли быть в человеке. Юноша просто был ошеломлён. Его недавний дикий страх сменился на неподдельное удивление и парень не ожидал это услышать от, как ему казалось, тюремщика. И сейчас Габриель почему-то верил Эстебану. Он уже не стал думать, что это бы-

ла уловка, ведь знал, что прощениями Империял Экклесиас и Культа Государства Министерством Надзора за Моралью было запрещено использовать полицией, Трибуналом и всеми возможными спецслужбами в давлении не этические способы воздействия касающиеся «Жизни человека» и семьи в том числе. Габриель понимал, что хоть эти способы нельзя было использовать, можно узнать информацию другими, более болезненными способами. Но он сумел выйти из ступора и спросил:

– Что? Откуда вы знаете?

И Эстебан рассказал ему. Командор поведал ему, как бежал с севера в Рим и попал в крошечный ад на земле, рассказал как, лишившись всех, нашёл его будущих родителей. Как они его спасли, не дав умереть на улицах некогда славного города. Поведал, как Марк и Сцилла переехали в Милан, на свою историческую родину и про тот день, когда он узнал об их задержании. Эстебан рассказал, как родители Габриеля, рыдая, просили будущего Командора присмотреть за ребёнком, и мужчина сознался, что следил за юношей всю его жизнь, не забыв упомянуть и Цируса. А потом Эстебан рассказал про бой на мунофакториатии и про дальнейшее воздаяние.

Габриель всё это слушал и не мог этому поверить. Он долгие годы мирился с тем, что его родители, по сути, умерли, сгинули где-нибудь под железной пятой Рейха. Но это было не так. Габриель все эти годы не понимал, что их незримое

присутствие было намного ближе, чем он мог себе вообразить. Юноша и подумать не мог, что их заботливая рука опекает его и прикрывает несмотря не на что, но услышав про их смерть, он впал в отчаяние ещё раз. Но оно было не таким. Более слабым, менее осязаемым, он давным-давно смирился со смертью своих родителей и в этом состоянии он прожил всю свою жизнь. Но сильнее всего его поразила та часть истории, когда Эстебан рассказал, кто стоял за смертью его матери и отца. Он был ошеломлён, что за всем этим стоят люди, выступавшие за свободу, но оставшиеся рабами. И тут он провёл параллель с их Партией и кому они подчиняются. От осознания всего ему стало дурно. Но парень быстро вновь взял себя в руки.

– То есть ты обещал быть моим ангелом-хранителем? – спросил Габриель.

– Именно. Это был мой вечный долг за спасённую жизнь, – дрожащим и переполненным от волнения голосом пояснил Командор.

Эстебана сейчас переполняла буря эмоций, которых нельзя было описать. Одно можно было сказать точно, Эстебан был рад тому, что он сейчас видит перед собой невредимого Габриеля. И только это сейчас было важно.

Глаза Командора странно засеребрились и замерцали большинством бликов. Сам Эстебан приложил пальцы к глазам, и кожа перчаток на пальцах потемнела от попавшей на неё жидкости.

– А где мои друзья? – взволнованно спросил юноша.

– Не беспокойся, с ними всё в порядке. Как они очнутся, их приведут в мой кабинет. – Более спокойно и уверенно ответил Командор.

– А что там?

– Там через несколько минут состоится совещание, – спокойно ответил Эстебан и тут же добавил. – Ты отдохни ещё минуту и поднимайся. Я предупредил, что бы тебя проводили, когда ты выйдешь.

После этих слов мужчина мгновенно покинул камеру, оставив дверь чуть приоткрытой.

Габриелю действительно нужно было отдохнуть и осмыслить, то, что он был под неустанной опекой своих родителей, которых считал уже мёртвыми. Он просто не способен был это осознать, но родители уже были точно мертвы, а тот, кто за ним неустанно следил и опекал был совсем рядом. Эти мысли просто не давали покоя, постоянно терзая душу и разум.

Габриель ещё пару минут посидел в камере и обдумывал произошедшее, после чего всё же решил подняться в кабинет. Юноша знал, что сейчас ему нужно появиться на совещании, а не раздумывать о жизни.

Он с опаской отворил тяжёлую холодную дверь и вышел за неё. Перед ним предстал мрачный коридор, но тут его осмотр прервал высокий солдат в странной, не свойственной для Армии Рейха амуниции.

– Мне поручено вас довести, – холодно пояснил солдат.

Юноша не стал противиться. Он лишь коротко кивнул и пошёл за бойцом.

Они вихрем прошли, весь аванпост буквально за пять минут. От карцера до самого последнего этажа, где и был расположен кабинет.

Всё здание пребывало в некотором запустении, которое выглядело очень необычно. На всём их пути не попало ни одной души, практически всё убранство полностью отсутствовало, оставались только те вещи, которые нельзя было унести или настолько ветхие и убогие, что стоило их взять, и они рассыплются в пыль. Складывалось такое ощущение, будто всё вынесли впопыхах, стараясь как можно быстрее покинуть это место.

На всём протяжении пути Габриель не увидел не одного символа или знака Куклы Государства, которыми обычно изобиловала любая постройка или помещение в Рейхе.

Уже через несколько минут путешествия через пустой, лишённый даже маленького, мизерного, ничтожного изыска, аванпост полк–ордена боец с юношей подошли к деревянной двери.

– Вас уже ожидают, – холодно кинул солдат.

Габриель посмотрел на него и отворил своей рукой эту дверь.

В кабинете собралось множество народу. Он там увидел всех своих друзей, с которыми шёл гулять по городу. Там

стоял Цирус. При виде его Габриелю захотелось улыбнуться. Там с самодовольным видом стоял человек в бежевом пальто. Рядом с ними стоял человек в чёрном облачении и араб в свободной светлой одежде.

Кабинет выглядел очень убого. Никакой роскоши, даже мебели, кроме рваного дивана в нём не было. Посреди комнаты стоял лишь стол, возле которого все толпились, и свисала с потолка странная эпохальная лампочка.

– Ох, Габриель, мы тебя ждали, – с явным испугом проговорил Верн.

Парень молча, ни проронив, ни слова, подошёл к столу и занял среди всех своё место.

Он посмотрел на своих друзей. Все выглядели испуганными, и на лице каждого читалось недоумение. И только на лице Алехандро пылала ярость и злоба. Он явно был недоволен, что его оторвали от великой цели созидания революции.

– Что мы здесь делаем? – с испугом в глазах спросил Артий.

Человек, согнувшийся над картой, что была на столе, выпрямился. Габриель в нём узнал своего вечного опекуна.

Эстебан сложил руки на груди и ответил перепуганному парню.

– Всё в порядке. Можете не пугаться.

– Откуда нам знать, что вы не гончие Канцлера? – недовольно спросил Алехандро.

– Потому что вы всё ещё живы, – сурово кинул Эстебан,

желая как можно быстрее успокоить оппозиционера.

Тут Командор вспомнил, как они пришли к такому плану. Сначала с помощью Антония они смогли выяснить, где сейчас Габриель. Тогда Эстебан решил его забрать с собой и спрятать за стеной от переворота Лорд–Магистрариуса, который постарается добраться до любого свидетеля его отступничества. Но когда они вышли на его путь, то оказалось, что юноша был не один, а в сопровождении своих друзей. И тогда было решено брать всех. Солдаты полк–ордена мастерски, с помощью дротиков усыпили, а затем и перетащили ребят в бывший аванпост. И сейчас Эстебан собрал здесь всех, кого можно было увести, но не каждому он был рад.

– Да кто вы все такие! – Взревел Алехандро, вырвав Командора из своих мыслей. – Вы чёртовы рабы Рейха?!

– Рейха? – с недоумением спросил Антоний и тут же продолжил. – Рейха уже нет. Канцлер бессилён. Страной никто не правит.

Разгорячённый парень несколько был обескуражен таким ответом.

– Как? Что случилось? – уже более спокойно спросил Алехандро.

– Что произошло, ты спрашиваешь? – с негодованием начал Теневик. В помещении повисла вуаль напряженности, и Антоний это поняв, спокойно продолжил. – Около получаса назад закончилась кровопролитная битва за Рим.

– Это невозможно. Наша революция бескровна, – протест-

ствовал Алехандро.

Эстебан выпрямился во весь рост, издавая характерный кожаный скрип от куртки. Он кинул свой удивлённый взгляд на парня и с еле заметной улыбкой начал парировать ему:

– Пока ещё гражданские агенты полк–ордена сообщают, что около пятидесяти пяти минут в городе, у Дворца Канцлера шёл ожесточённый бой между оставшимися верными правителю войсками и мятежными силами Лорд–Магистрариуса. После своей победы, гегемон революции приказал спрятать все тела и скрыть следы боя. – Внезапно Командор стих, заглянув прямо в глаза Алехандро, и когда во взгляде парня хоть немного рассеялся бездонный пламень фанатизма, он продолжил. – Теперь ты веришь своему кумиру, который так нагло вас обманул? Он, наверное, не говорил, что мятежи в Великой Пустоши и Иберии это не порывы свободы, а им оплаченные восстания? И после этого вы ему верите?! – почти прокричав этот вопрос, Эстебан обратился уже ко всем.

Возле стола в основном собрались ребята, которые тут же поникли от этого вопроса. Ротмайр и Малик стояли почти в тени, бесстрастно наблюдая за происходящим.

– Зачем тогда ему это? – Вопросил Алехандро, в котором уже медленно гас огонь фанатизма. – Он ведь просто, хочет, что бы мы жили при справедливости.

– О какой справедливости ты говоришь? – Поинтересовался Эстебан.

– Да хотя бы чтобы все ветви власти были разделены. –



Как–то неумело, явно стараясь просто оправдаться, кинул парень, стараясь продемонстрировать своё знание в политике.

– А они разделены. Все Департаменты Власти строго отрезаны друг от друга. Они разве, что могут посылать прошения с просьбами друг другу, но не более того, – просто пояснил Эстебан, после чего на мгновение умолк, все на него подняли взгляд, а он более глубоким голосом с улыбкой стал говорить. – Такой опытный человек как Лорд–Магистрариус должен понимать, что в нашем государстве всё завязано на одном человеке. Что все силы государства, линии политики и потоки власти проходят через одного человека. Что в нашей стране уже на ментальном уровне повязано на одной личности. Убери эту особенность и всё государство рассыплется. Он так любит свою страну, что скорее установит новую тиранию, нежели позволит ей распасться.

– А где гарантии этому? Где доказательства, – уже цепляясь за все, что можно попытаться оправдать гегемона революции Алехандро.

– Доказательства? – неожиданно заговорил Цирус и эта внезапность вызвала всеобщее внимание на комиссара. – Я был там, когда Лорд–Магистрариус собирал первый парламент. Его лицо будет сложно теперь мне забыть. Вся его мимика выражало отчаяние и глубокое разочарование, а действия после заседания просто поражали. Он на некоторое время он просто заперся в кабинете.

– Всего лишь мимика, – отчаянно отбивается Алехандро.

– Ох, ты не представляешь, сколько может о человеке сказать выражение его лица, то, как показал себя твой гегемон революции, говорит лишь о том, что он впал не в восторг от тех идей, что недавно лелеял, а значит, этот человек становится непредсказуемым, – парировал выпад парня Эстебан.

В кабинете повисла тишина. Все поняли, что в Риме они не появятся, но само их желание бежать подальше от этого города, уразумели, что может теперь случиться с Рейхом в будущем и от этой мысли им становилось дурно. Никто не хотел оставаться в этой стране.

– И что же мы теперь будем делать? Куда нам идти? – Внезапно спросил Верн.

– Куда идти, – тихо сказал Эстебан и склонился над картой, став указывать пальцем и пояснять. – В некоторых местах нет охраны, в большей своей степени стена вышла из-под управления министерств. Я думаю уходить через стену. На той стороне есть скрытое убежище. Там мы сможем переждать некоторое время, пока не придумаем, что делать дальше.

Этот план вызвал бурю эмоций. С одной стороны взывало старое чувство приключения и неизведанности, ведь за стеной лежало царство свободы. Но по другую сторону друзья и семьи. Никто не хотел покидать родной и тёплый дом. Но если то, о чём говорили Эстебан с Цирусом правда, то их даже родной дом не спасёт. А если они ошиблись, то можно

будет вернуться в обновленный Рейх. Сердце сжималось, но время требовало решения.

– Кто согласен пусть поднимет свою лапу! – из тени предложил Ротмайр.

Все быстро или медленно подняли свои руки, как бы не болела душа по утерянному дому.

– Что ж, единогласно, – сухо констатировал Эстебан.

Но внезапно, на удивление всем к карте подошёл Давиан.

# Глава сорок вторая.

## Революционный карнавал

Спустя три часа после боя за Рим.

Дело постепенно шло к глубокой и чёрной ночи. Ветер на улице перестал быть порывистым и промораживающим, сменившись на более спокойное и просто прохладное поветрие, слегка трепещущее одеяния марширующих демонстрантов. Снег с дождём больше не шёл как из ведра, переросши в обычный размеренный снегопад. С неба теперь медленно падали, кружась в спокойном танце, холодные снежинки.

В городе были поставлены огромные ароматизаторы и зажжены тысячи чашей с благовониями, отчего практически все улицы заполнились приятными, но в то же время резкими ароматами, дурманом бьющих в голову. Всё это было сделано, чтобы скрыть запах пороха, гари и плавленого металла, говорящие о недавнем ожесточённом бое за город.

Рим постепенно уходил от страсти войны за Рейх, медленно скатываясь к обычным прелестям переворота и демонстраций, говорящих о том, что весь город и небольшая часть его окрестностей перешли в руки мятежников, но не более того.

Всё действие, политическая увертюра проходила на главной улице вечного города, по которой некогда прошёл сам

первый канцлер и провёл лордов на казнь и по этому случаю ей дали достойное название – «Милость Посланника Господнего». По главной улице Рима радостно, предвкушая наступления нового мира, гордо шагали демонстранты, а во главе их, в сопровождении своих грозных «Стражей», с развивающимся фиолетовым пальто шёл сам гегемон революции.

Это была огромная колонна, которая растянулась на несколько километров. Позади неё ехала военная техника, а по бокам шли солдаты мятежного корпуса и армии. Они строго следили за тем, чтобы никто не откалывался от колонны и любую попытку выйти из грандиозного строя они строго и молниеносно пресекали. Но никто и не хотел покинуть шествие, ибо, как многие сами думали, сегодня случится самое важное событие в их жизни. Все хотели увидеть, как Канцлер отречётся от власти. И мало кто замечал, что у многих военных были множественные ссадины, царапины, скрытые повязки, которые вылезали из-под одежды и плохо отмытая чёрная от сажи кожа. Но даже если и замечали эти явные подчерки недавнего боя, то не решался задавать лишних вопросов, ибо не хотел своими сплетнями и рассказнями, посеяв смущения в строю братьев по воззрениям, погубить тем самым самый важный момент в жизни.

Лорд–Магистрариус всеми силами пытался скрыть от гостей следы недавнего боя. Ведь он уверял, что его революция бескровна, что никто правителя–тирана не поддержит. И гегемон революции очень не хотел, чтобы его слова для

многих оказались ошибкой.

После техники сразу шла небольшая прослойка людей, которые были просто за революцию. Они не имели политических взглядов, не придерживались определённой идеологии и не чаяли перекрыть Рейх по определённому лекалу. Именно эти люди приняли участие в битве за Рим, волнами накатывая на мостовые баррикады. Их осталось очень мало, ибо большинство полегло в бою за мосты и если бы не поддержка «Стражей Шпиля», то никто бы их не выжил, а революция переворот провалился. И сейчас они просто шли своим меньшинством, ожидая скорого падения тирании и восхода нового солнца свободы. А посредине, сразу перед немногочисленной безыдейной прослойкой шагали те, кто и сделал этот митинг самым настоящим карнавалом. Эти люди в основном были с городов, которые стояли ближе всего к Риму. Их привезли сюда на автомобилях, скоростных поездах, тех, кто из Милана. Все эти люди были яркими приверженцами своих идеи, которыми ни много ни мало – жили. В этой огромной части всего шествия пестрел самый настоящий политический и идейный карнавал. Люди на свои души и лица примеряли различные идеологические маски, которые только могли. Над улицами Рима развивались самые разные флаги, которые можно было только вообразить большой фантазией. Там развивались и светло-жёлтые знамёна людей чающих свободы и всех её аспектов. Выделялись и багровые знамёна тех, кто считал тоталитарное равенство главной це-

лю в жизни и неистово стремился приблизить эпоху, когда государство как таковое канет во тьму. Среди них были заметны и синие хоругви, считавшие, что все люди без исключения должны принимать участие в управлении своим государством.

Помимо всех этих «масок на душу» были ещё десятки самых разных стягов и знамён, отличавшихся несколько по яркой цветовой гамме, сколько по идеологическому содержанию, временами даже противореча друг другу. Но сегодня это никого не волновало, ибо в эту ночь все становились участниками единого революционного карнавала, чьим стремлением было уничтожение деспотии Канцлера. Именно демонстранты этой прослойки шли и кричали, вопили и буквально верещали свои политические лозунги, выкрикивали все, что можно только представить. Возле этих людей звук становился настолько громким, что можно было едва ли услышать своего собеседника. Это была самая многочисленная часть всей колонны, от которой постоянно исходил дикий рёв, свойственный только самым ярым фанатикам. Вопли и крики демонстрантов заполнили весь город и стояли над ним диким хоралом, раскалывающим саму суть Рейха. В их глазах горел пламень, который жарче огня во взгляде сторонника Культа Государства.

Среди этой ревущей толпы идёт и Мицелий. Он оказался единственным, кто смог повести всю Партию на переворот в Риме. Мицелий не смог дождаться ни Алехандро, ни Да-

виана и решил идти без них. Машины Лорд–Магистрариуса, что должны были их доставить к вокзалу, уже подъехали к их зданию, но Мицелий не стал этому расстраиваться, ибо обрадовался тому, что именно он теперь возглавит всю Партию, независимо от принадлежности к какому–нибудь идейному движению. Парень не стал их ожидать, ибо «дело революции не ждёт никого» – как он сам выразился и вся Партия, стора от нежелания, буквально мчалась в столицу великого государства, шествуя за теми, кто возглавляет этот марш.

Впереди всех, прямо перед мятежным Лорд–Магистрариусом, шагали предводители наиболее крупных оппозиционных и религиозных движений, которые могли быть только в Рейхе. Там, упиваясь и потирая свои пухлые руки, шёл толстый кардинал новой церкви «Свет Веры». В длинной белоснежной рясе шагал имам мусульманской общины «Свет Пророка», которые по всему Рейху исповедовали запрещённую религию – Ислам. Наряду с ним, гордо взирая на всё происходящее и мня себя освободителями Рейха, шли главы движений «Народный Выбор», «Свобода и право», «Народ и Воля», «Левая Фаланга» и «Алый Рассвет», но посреди них были и несколько представителей фанатично настроенных либералов. Они держат в руках странные разноцветные флаги. Сами эти фанатики разодеты в странные и несвойственные для Рейха вещи: розовые джинсы со стразами с мотнёй почти до колен, коротенькие облегающие курточки и ещё множество вещей, которые были дикими для этого го-



сударства и за которые без малого могли прилюдно расстрелять. Некоторые на них смотрели как на больных, но большинство митингующих их ликующе приветствовало, желая узнать, что они думают и чем живут, постепенно проникаясь идеями свободной морали.

И самым первым гордо шагая по городу шествовал Лорд–Магистрариус, прозванный гегемоном революции. Его гордая походка, идеальная и гордая осанка, красивое пальто и никому не видное лицо скрывали смятение, что сейчас бушевало в душе великого мятежника. Он уже определился, каков будет исход и что всем закончится, но он не способен это был принять. Сегодня, в этот славный день рухнула его самая великая мечта. Издавна он жил этой мечтой, лелеял её всю свою жизнь. Он сгорал от своего, как ему казалось праведного, желания сделать Рейх свободным. Лорд–Магистрариус был по–детски рад, когда узнал, что он не единственный, кто так же думал. Что не он единственный, кто желает свободы для людей. И его радость увеличилась во сто крат, когда он узнал, что ему желают помочь соседи из–за стены. Но его разочарование было столь великим и грандиозным, что все его мечты рассыпались в одночасье, без возможности на их исполнение. Он был в шоке от жадности представителей соседней Республики. И ещё больше впал в шоковое состояние, когда увидел не новенькие танки, а разваливающиеся груды металла давно минувшей эпохи. Жадность «друзей» из–за стены нанесла мощный удар по мечте гегемона

революции.

Он чаял идеи свободы, но осознал, что свобода это ложь. Что дай её людям, и они себя развратят настолько, что станут рабами своей похоти и попрут эту самую свободу. Вся свобода оказалась для гегемона революции всего лишь несбыточной мечтой.

И это осознание нанесло решающий и сокрушающий удар по мечте Лорд–Магистрариуса, заставив её рассыпаться в прах.

Всё, что он делал ради свободы, оказалось просто напрасным. Мятеж в Иберии, поддержка Аристократов в Венеции, закрытие глаз на распространяющуюся ересь в Великой Пустоши, финансирование «Марсельской Диархической Меритократии», которая только зрела и готовилась проявить своё лицо, и вся его деятельность по тотальной поддержке, как он считал «истинной свободы», оказалось не более чем прахом. Вся его грандиозная цепочка от мелкого саботажа, до компаний по остановке целых предприятий оказались не во имя свободы. Он, подобно грандиозному комбинатору судеб и великому кукловоду, сбрасывал свою вину на других, обвиняя их перед Канцлером в предательстве, и просто убирал их со своего пути к свободе. Но всё, что он делал, было не ради неё.

И теперь он понял и прозрел. Сторонник свободы узрел, что истина совершенно в ином. Гегемон революции познал через своё разочарование, что истина в первом канцлере.

Он понял, что система, построенная первым, великим правителем Рейха была настолько идеальной, что могла просуществовать более тысячи лет. Она, во имя стабильности выжигала сепаратистов и мятежников, ибо только единое государство нерушимо и не падёт под сокрушительными ветрами перемен. А управление всей Империей одним человеком служило для того, что бы множественные органы власти не противоречили друг с другом, а гармонично работали, ведомые словом своего государственного пастыря, ибо только когда вся страна идёт за одним, она в единстве своего пути и будет процветать. Эта система, дабы люди в ней не смотрели друг на друга как на врагов, вырезала всякое отступничество и любую ересь, ибо только народ, думающий как один непобедим. Всё это консервативное устройство, пускай и запрещало использование совершенных технологий в некоторых областях труда и жизни, и сжигала представителей свободных нравов, но она удерживала страну от падения во мраке похоти, лени и развращённости, ибо только когда страна едина в своих идеалах и нравах простоит больше чем сотню лет. Она будет вечна.

Только сейчас Лорд–Магистрариус понял эту мысль. Только сейчас до него дошла вся идеальность того мира, который он хотел разрушить, ибо тем Рейхом, который построил первый Канцлер он был готов дышать. Но его мысли постоянно разрывались улюлюканьем и визжанием сзади идущих людей. Гегемон революции в своих размышлениях срав-

нил их с назойливыми комарами, сам ставший для них главным персонажем этого карнавала в политических масках, где каждый был прикрыт личиной своей идеи.

Внезапно на его глаза вышли два моста, которые напрямую вели к Дворцу Канцлера. И за ними уже показались высокие и мрачные стены «Канцлер Цидалис» – территории бывшего Ватикана, где остались лишь величественный дворец и Базилика Святого Петра. Этот район абсолютно изменился с поры Римского Престола, став воплощением всего величия Рейха.

На этом месте недавно шёл ожесточённый бой, но большинство следов сражения были тщательно скрыты. Всё что можно было скинуть в реку, уже плавало на дне Тибра. Трупам просто привязали грузы к шее и пустили на дно, таков был приказ гегемона революции, стремящегося скрыть следы бойни. Вода в древней реки окрасилась в багровый цвет, но ночью этого было не видно, да и к тому же, множество фонарей на этом участке было выключено, дабы ещё сильнее скрыть следы боя.

Шествие медленно подошло к мосту. Наступила неожиданная тишина. Все с непонятым заворожением смотрели на Дворец Канцлера. Пускай множество его считало рассадником и оплотом тирании, но все восхитились его великолепием и грандиозностью. Даже в таком состоянии, когда не работала не одна лампочка, отсутствовало освещение, и вся постройка пребывала во мраке, он всё равно произво-

дил неизгладимое впечатление такой роскошью и грандиозностью. Он был подобен древнему символу могущества и величия Рейха.

– Ну что! За этими стенами наша свобода! Так пойдём и возьмём её! Заберём, что наше по праву! – прокричал Лорд–Магистрариус, призывая всех на штурм.

Толпа за ним по-дикарски взревела, сотрясая пространство от жуткого ора. Они кричали, корчились и плясали подобно одержимым, которые были во власти некоего беса, что гнал их на стены.

Лорд–Магистрариус посреди этого безумия одержимых ложной свободы посмотрел на выживших «Стражей Шпиля».

Больше двух метров чистого металла и спокойствия. Они, закованные в самые продвинутые и лучшие доспехи, были воплощением нового времени, что вот–вот наступит. Они просто шли, пылая верностью, за своим предводителем и безукоризненно выполняли его приказы. Эти воины были воплощением железной верности своему господину. И эти гротескные бойцы двинулись приказу своего повелителя к дворцу. Все буквально ломались увидеть тот момент, когда Канцлер отречётся от своей, чрезмерно огромной власти. Никто не хотел пропустить этого момента, а поэтому просто давили своих сподвижником, буквально поваливая их на землю и затаптывая.

Мятежники прошли за огромные ворота стен «Канцлер

Цидалис» и оказались прямо у невообразимо больших дверей Дворца Канцлера. Они были сделаны из дуба и отделаны самыми различными фресками и роскошной резьбой.

Ступени дворца были сделаны из чистого мрамора, который был отделан золотой отделкой.

Но это грандиозное великолепие уже не волновало толпу, которая постепенно заполняла всё пространство перед дворцом, ибо они всего лишь ждали выхода главного антагониста этого карнавала.

И, пока ещё не собрались все, громоздкая дверь грандиозного Дворца отворилась.

Сердца у людей забились сильнее, ибо развязка этого апофеозного бала становилась всё ближе. Дверь открылась, и оттуда вышел правитель огромного необъятного Рейха, великой Империи, объявленной наследницей державы золотого орла. Взгляд Канцлера был одновременно и холоден, и печален. Его чёрное кожаное пальто, что немного растрёпывалось на прохладном ветру, было слегка потёрто, а сапоги не начищены до привычного блеска. Сегодня он вышел к людям бес перчаток, предоставив к обозрению руки в мозолях и ссадинах.

Ветер буквально усилился, и флаги неистово затрепетали, будто в унисон этому волнительному и случайному порыву воздушных масс.

Канцлер просто смотрел на собравшихся людей. Он не был в шоке от прибывавшего идейного многообразия, что

готово было его растерзать. Ему не рябили глаза сотни разноцветных флагов и тысячи лозунгов, что были противны самому устройству государства в Рейхе. Великий правитель смотрел на свой народ, подобно тому, как строгий, но заботливый смотрит отец на своих мятежных и непокорных детей, которые ведомые своей гордыней стремились доказать, что они выше своего отца. У Канцлера в глазах не было ненависти к собравшимся людям или страха к их гневу, лишь бездонная печаль от столь гнусного предательства и разочарование от того, что они сотворили, которому просто не было предела.

Сердце правителя сжалось до жуткой и терзающей боли в груди, отчего Канцлер чуть не рухнул на ступени. К его горлу подошёл ком, от которого дышать было просто невозможно, но по белоснежной щеке не потекла медленно горячая слеза, обжигаящая искалеченную душу несчастного правителя, однако само сердце взывало к тому, чтобы он пролил её. Правитель смог удержаться.

Никто так и не увидел слёз Канцлера, но если бы даже он и прослезился, ни один из нескольких тысяч собравшихся не смог бы увидеть влаги на лице правителя. Все настолько были одержимы идеей переворота, что некий странный багровый туман застлал им взор, не позволяя увидеть реальность, которая готовила к свершению неистового рока.

В безумной круговерти этого революционного карнавала все потеряли то, что было важнее любого лозунга или идеи.

Собравшиеся демонстранты упустили нечто, что ценнее всех прав и свобод, что могли существовать в этом мире. Люди перестали быть людьми, упустив своё главное сокровище – человечность.

Все те, кто стоял перед огромным дворцом стали просто шестерёнками огромного революционного механизма или бездушными куклами на этом балу оппозиционной фантазмагии.

С жарко пылающим огнём в глазах и льдом скованными душами мешанина у дворца с невообразимым душевным голодом ждала от Канцлера всего лишь одного действия.

В своё время Канцлер смотрел на них как на своих «детей», ради которых был готов на всё, что способен глубоко любящий «отец», он готов прямо сейчас пасть на колени и со слезами молить о прощении за всё, что сотворил против людей, которых в вихрях своей паранойи и безумия приговорил к смерти. Правитель Рейха мог сейчас взмолиться перед толпой, лишь бы они не довели до неисправимых событий, за которыми последует лишь крах. В Канцлере не было желания остаться у власти, ибо он не ставил себя вровень с древними диктаторами, что даже беззубые, облысевшие и выжившие из ума цеплялись за крупичицы власти, но его упавшее знамя правления подхватили бы те, кто и так всем владеет – Церковь и Культ Государства. Канцлер способен к покаянию, ибо его настигло недавнее просветление.

Император, смотря в глаза голодной толпе, вспомнил, как



недавно во сне к нему пришла Калья. Хоть и во сне, но эти эфемерные моменты были преисполнены такой радостью, какой он больше года не испытывал и таким ярким светом, что согревал израненную душу бедного человека. Этот сон стал тем, что подобно великому порыву, развеяло гнетущее безумие в душе Канцлера. Всё, то кровавое и жестокое безумие, что царило в правителе, было рассеяно, подобно тому как ночная мгла разгоняется светом лучей яркого утреннего солнца. Этот сон, Калья привели Канцлера к просветлению, развеяв в его душе серые тучи. И сейчас, после столь грандиозной радости долгожданного освобождению от безумия, наступает бездонное разочарование, ввергнувшее правителя в пучину мрака.

Хоть Канцлер и соблюдал строгость во взгляде, но всё, же до конца держаться правитель не смог и вот по его щекам уже потекли пламенные слёзы покаяния, но и даже такого плача никто из толпы не увидел, ибо одержимость своими безумными просто не позволяла увидеть ничего человеческого.

Тут по мраморным ступеням стал взбираться гегемон революции. Все восторженные и переполненные большим ликованием взгляды были направлены прямым углом на этого человека. С явной напыщенностью и гордыней Главный Лорд шагал по ступеням, приближая наступление нового мира и подводя к развязке этом фестивале революционного безумия.

Канцлер с болью увидел, что это был Лорд—Магистрариус.

От того, что «мятежных детей» вёл его любимый, и можно сказать, единственный друг, ближе которого не было никого, у Канцлера настолько сильно кольнуло сердце, что в глазах правителя потемнело в глазах, и он чуть не свалился с ног на холодный и усыпанный лёгкой вуалью снега белый мрамор.

В своих руках Лорд–Магистрариус нёс какую–то бумагу, которую готовился предоставить «отцу». Эта так называемое «прошение свободных». В ней вся оппозиция убедительно просит Канцлера оставить свой пост и передать всю власть временному правительству, которое и решит судьбу всего Рейха.

Сердца у всех демонстрантов забились с бешеной силой, ибо развязка этого карнавала была уже близка.

Гегемон революции сначала встал на один уровень с Канцлером, а потом сделал ещё один шаг, вверх, стараясь обозначить, что он выше того, кого пришёл свергнуть и обернулся на тех, кого вёл за собой. В глазах Лорд–Магистрариуса бол­лю отдались тысячи цветов и десятки самых разных флагов, которые только могли быть придуманы, для революции. Гегемон революции не был готов к такому разнообразию, которое пестрило за ним. Каждый собравшийся старался примерить на себя идеологическую маску, не желая показывать истинное лицо.

Лорд–Магистрариус отвернул своё лицо от толпы и обратил его на Канцлера.

– Рафаэль, за что? – дрожащим голосом и слезами обра-

тился правитель к гегемону.

Лорд–Магистрариус посмотрел на него с нескрываемым презрением и в сторону толпы наигранно выпалил:

– За что? Он ещё смеет это спрашивать? За нашу поправленную свободу и кровь, пролитую тобой!

– Прошу тебя, не нужно этого театра, – с жалостью выговаривал Канцлер. – Просто ответь, зачем всё это?

– Казимир, – с бешеной улыбкой начал Лорд–Магистрариус. – Это всего лишь обычный порядок вещей. Так должно было случиться.

– Порядок вещей, – еле слышимо, опустив голову, сказал Канцлер. – А я не поверил полк–ордену.

– Твоя вина, – выпалил гегемон революции. – Ты, даже будучи кровавым палачом, не способен был увидеть истинную угрозу. Не так ли?

– Я не палач, – слабо, практически не слышимо для толпы воспротивился Канцлер. – Я всего лишь твой цепной бешеный пёс, которого ты спускал на тех, кто казался тебе угрозой всей этой увертюре. – Подавленно и подняв руку ладонью вверх, в сторону толпы ответил правитель.

– Послушай, – сменив презрение, на сдерживаемую ярость обратился Лорд–Магистрариус. – Я всего лишь стремлюсь сохранить наш Рейх. – И со зловещей улыбкой, не слышимо для толпы, добавил. – Таким, каким его создал наш первый правитель. И я его сохраню.

– Ах, Рафаэль, – сквозь безумную боль, исказив лицо в

безумной маске начал «отец». – Так вот что ты задумал.

Канцлер понял, какое противное и мерзкое чувство выиграло в его любимом друге. Банальная зависть, уязвлённая гордость и горячее желание ещё большей власти затмили рассудок, приведя его к столь гнусному отступничеству. Теперь он понял, зачем сюда пришёл его единственный друг, который в мрачный, практический последний момент его вытащил из сумрака. Всё это оказалось наглой и жестокой ложью, что любовь была фальшью и лицемерием, а бесконечная поддержка и помощь, не более чем ненавистной работой, которую необходимо было выполнять, чтобы приблизиться ещё на шаг к выполнению плана.

От осознания всего этого у Канцлера в груди разболелось до такой разрезающей душу и сердце жуткой и нетерпимой боли, что его ноги подкосились, а из горла вырвался громкий жалобный крик, не разжалобивший толпу не на йоту, и он упал на колено, схватившись за пальто.

– Помилуй хотя бы их, Рафаэль, – молил Канцлер, указывая на людей.

Лорд–Магистрариус понял, что его друг обо всём догадался и сейчас играет главную угрозу его великому плану. Он завёл руку за пазуху, под своё роскошное одеяние.

– Рафаэль, я тебя прощаю, и ты прости меня за всё, – с улыбкой через боль на лице и слезами на щеках твердил Канцлер.

– Прощай, Казимир! – Уже не слыша своего бывшего дру-

га, крикнул Лорд–Магистрариус и вытащил старый, эпохальный, раритетный револьвер.

Главный Лорд ни секунды не колебался, он нажал на курок и за две секунды выпустил весь барабан в правителя. По пальто Канцлера потекли струйки крови, и через пару мгновений его тело обмякло окончательно, ослабло и, потеряв жизнь, стало катиться по ступеням, оставляя кровавый след. На его лице было чувство некоего освобождения, будто он сбросил с себя тяжкий груз, который годами лежал на нём, не позволяя нормально жить, терзая его душу и постепенно её сжигая.

Рядом с его телом лежал небольшой медный кулон на цепочке, ранее зажатый в ладони Императора. Он был неброским и даже просто банален. Один из мятежников подобрал его и раскрыл, на одной стороне была красивая девушка, а на другой, тот, которого сейчас убили.

И этот кулон внезапно с силой вырвал Лорд–Магистрариус из рук мятежника и посмотрел в его глаза. Ничего там не усмотрев, он посмотрел на всю толпу. Практически никто не удивился этому убийству, только во взгляде некоторых читался ужас от увиденного.

– Вот и подошёл карнавал к концу, – шепчет гегемон революций. – Как же я долго к этому шёл... как же долго...

Ещё раз, оглядев толпу, он решил приступить к конечному пункту своего плана:

– Капитан! – на его воззвание обратил внимание огром-

ный золотой воин. – Исполняйте указ.

Алебарда капитана затрещала электричеством, а солдаты, некогда бережно окружавшие толпу, угрожающе передёрнули затворы на автоматах и направили оружие на ошарашенных людей.

– За что? – Презираемо завопил распухший Кардинал.

Лорд–Магистрариус лишь расхохотался как безумец, развернулся и пошёл по ступеням во дворец, а на кардинала уже опустилась алебарда, издававшая гул и треск. Он настолько упился новой властью, что не слышал, как за его спиной вопят и кричат в предсмертной агонии люди, шедшее за ним. Он уже не увидел, что весь двор утопал в крови мятежников, заливая и окрашивая алым цветом белый снег. Рафаэль лишь знал, что его восхождение было окрашено в багровые тона, но, как он считал, это стало уплатой, единство возможной ценой за тысячелетнее спокойствие в Рейхе.

Как только он вошёл во дворец ворота за ним сомкнулись подобно алому занавесу, будто знаменуя конец этого революционного маскарада, омытым багровыми реками, предоставив страшную бойню самому себе.

## Глава сорок третья. На неизведанной земле

К восьми утра. На территории Либеральной Капиталистической Республики.

Заснеженные кроны деревьев отливали чистым и блестящим серебром в свете только разгорающейся зари. Это был очень старый лес, расположенный на самой границе с Рейхом.

Здесь очень давно никого не было, отчего вся это местность приобретала образ запустевшей, безжизненной. Этот лес был на северо–востоке от старого разрушенного города Лугано, что стоял некогда на территории славной и сытой Швейцарии. Этот городок сначала пошатнулся в эпоху Континентального Раздора, а потом был окончательно разрушен во время длительных войн, и сейчас вся граница с Рейхом была заброшена. Никто из Либеральной Капиталистической Республики не следил за этой местностью, а поэтому она становилась идеальным укрытием от лишних глаз.

Посреди старого зимнего леса возвышался небольшой одноэтажный дом, сделанный из крепких деревянных досок и выкрашенный в белый цвет.

У старого пластикового окна стоял Эстебан. Он снова в своей любимой манере сложил руки за спиной и всматри-

вался куда—то вдаль, в лесную гущу, будто выискивая некий тайный смысл в снежном пейзаже.

Мужчина много раздумывал о том, что будет дальше на их пути и вспоминал, как они сюда добрались через стену.

Эстебан вспомнил, как ещё в аванпосте разгорелся страшный спор, вновь из—за заядлого раскольника — Давиана, который настолько стал, одержим своей идеей, что был готов рискнуть всем, что у него осталось.

Когда Командор указал, куда нужно идти, где можно спрятаться, к карте внезапно подошёл Давиан. Его неожиданное действие вызвало каскад пристальных и в тоже время взволнованных взглядов у всех. В кабинете повисла густая тишина, которую разбавляло лишь сопение Ротмайра.

Юноша долго рассматривал карту, исполосованную линиями, внимательно смотря на точку, что находилась где—то на востоке старой Италии, где граница сильнее всего выпячивалась и буквально вклинивалась. Этот клин был нежно обьят красным пунктиром.

Все сразу всё поняли, чего возжелал фанатичный коммунист, а Эстебан вспомнил этот клин. Его ещё называли «красным выступом», ибо он, был приобретён ценой огромных жертв солдат Рейха. Во время великой войны его первый канцлер отвоевал у Директории Коммун.

— Вы уходите без меня, — сухо отчеканил Давиан.

В кабинете тут же, без секундной задержки, послышались негодования, вздохи и цоканья, вызванные упрямством и фа-



натизмом Давиана.

– Парень, оставь свой идейный бред, – недовольно высказал ему Ротмайр.

– Сколько будут свободны границы? – всё так же холодно чеканил юноша, будто не замечая вспыхнувшего недовольства.

– Давиан, успокойся. Всё кончено. Партии больше нет. Пошли уже с нами, – отчаянно пыталась вразумить парня Элен.

– Сколько, свободны, границы? – отделяя слово от слова, не замечая ничьих замечаний, твердил Давиан.

– Ох, – выдохнул Эстебан. – Они наверняка будут свободны до самого утра, а может и до вечера. По крайней мере, пока работа министерств снова не будет возобновлена.

– Хорошо...

– Давиан! – недовольно вскрикнул Алехандро. – Оставьте весь этот бред. Вразумись!

Но парень, будто не слышал ничьих слов, будто пребывая в некоем подобии странного транса, затуманившего его рассудок.

– Вы не понимаете. – Вдруг неожиданно начал юноша. – Я не просто ношу эту идеологию, я живу этой идеей, она стала всем для меня. Так же как вы живёте идеями свободы и бесконечных прав, так и я дышу равенством и справедливостью, – И с крайним сокрушением добавил. – Оставьте меня просто...

Весь кабинет умолк. Все стояли и молча, смотрели на обезумевшего от своей идеи Давиана, никто не проронил ни единого слова с минуту.

– Послушай, – Спокойно начал Эстебан. – В Милане, в сторону востока отправляется скоростной поезд. Конечная его станция – «Пришествие Чистоты». Оттуда до границы всего два часа.

Все всё поняли. Давиана было не остановить и единственное, что они могли сейчас сделать, это отпустить и помочь добраться до стены юноше.

Тут внезапно вышел Пауль. Все повернулись на него. Намерения этого парня тоже все поняли. Его лик был мрачен, а слова тяжелы:

– Ребят, я, наверное, пойду с Давианом.

– Ещё один, – недовольно высказался Артий.

У всех в душах кипело недовольство от столь глупого упрямства, сменившее шок и разочарование от ухода Давиана, но его внезапно разогнал Командор:

– У нас нет времени на всё это. Если хотите попасть в Директорию Коммун, то, пожалуйста, но знайте, там будет некому о вас позаботиться. Вы предоставлены сами себе.

Эстебану были безразличны эти два коммуниста, он был в ответе только за Габриеля и только он его волновал. И сейчас, слава Богу, Габриель не высказывал желания присоединиться к этим двум обезумевшим от идеи красного тотального уравниателя.

После того, как вопрос был решен, настало время покидать аванпост. Солдаты полк–ордена сразу после выполнения своей задачи присоединились к проекту «Новый Дом» и отбыли на место новой Цитадели. Давиан и Пауль мгновенно же двинулись в Милан, желая успеть на свой поезд и поскорее очутиться в «земле обетованной», которую никто никогда из Рейха не увидел. Эти двое были ведомы желанием увидеть царство несказанной справедливости и всеобъемлющего равенства, которое могло быть только рассказано в самых смелых сказках древних философов – Маркса и Энгельса. Они ушли в те земли, где ещё не было ни одной ноги обычного жителя Рейха.

Остальные же быстро сели на два автомобиля и на всех скоростях, которые только можно было выжать, погнали к границе. Но только один километр до самой стены им пришлось покинуть машины и бежать со всех ног, так как все дороги были усеяны покинутой военной техникой и колоннами разбитых машин министерства Надзора за Стеной.

Никто особо не обращал внимания на мрачные горы этого металлолома, ибо все спешили к стене, которая была преградой на пути к новой жизни на неизвестной земле.

Через несколько минут интенсивного бега все настигли укрепление, называемое «стеной». И после того, как отдышка после бега пропала, а состояние нормализовалось, все смогли в полной мере лицезреть искусство возведения военных построек Рейха. Это было бесцветное огромное, деся-

тиметровое возвышение и пять в ширину, отлитое из бетона и щедро обвитое сверху колючей проволокой, которая была больше похожа на кусты из металла.

Место выглядело абсолютно заброшенным. Только впереди виднелись огни ламп контрольно пропускного пункта, который уже давно покинул полк—орден. Как ни странно, но в воздухе витала зимняя прохлада, которой не могло быть в городе.

Дорогу на пути из Рейха преградили множественные металлические решётки, расставленные в огромном проходе. Ключи от них Эстебану было лень искать, а поэтому он установил пару зарядов, захваченные с собой. Металлические двери и решётки разлетались кусками железа в вихре мощного взрыва. Когда пыль осела, все продолжили свой путь в край свободы.

И только когда они миновали пыльный проход, в поле зрения попали многочисленные турели на той стороне стены. Это могучее вооружение должно было уничтожать любого нарушителя, что посмеет подойти к границам великого Рейха, но сейчас они стали безмолвными стражами, что безучастно наблюдали за актом страшнейшего нарушения.

Все как можно быстрее миновали огромную, серую и монолитную стену, оборудованную грозным вооружением для уничтожения всякого нарушителя. Это стена стала воплощением всей действительности Рейха. Монотонной и безликой действительности, но готовой обрушить шквал пламени на

любого предателя.

– Ах, вот она новая действительность. Вот она – свобода, – Втянув в лёгкие воздуха, с восхищением и освобождением сказал Алехандро, въезжая в новый мир на вездеходном автомобиле.

И действительно, для многих ребят даже воздух за границей казался каким-то иным. Это был воздух неизведанной земли, что манила столь неискушённые души своей таинственностью и новизной. Но этот воздух не показался Командору новым и таинственным, ибо для него он отдавал старой гнильцой.

Альпы, которые раньше становились преградой между Италией и Швейцарией, но теперь они сокрушены шквалом бесчисленных воин... обмелели до жуткого состояния за столетие бесконечных воин и теперь горный хребет расступился несколькими огромными заснеженными провалами, внутри которых может целый город поместиться.

При приближении к границе с «Республикой» ребята неистово волновались, но когда они вместо огромной стены увидели обычный металлический заборчик, который только безногий не преодолеет, то все душевные роптания как рукой мгновенно сняло.

– Почему тут всего лишь этот садовый забор? – С усмешкой в голосе спросил Верн.

– Потому что Либеральная Капиталистическая Республика взяла курс на полное открытие дверей во всех сферах и

даже свои границы сделала незащищёнными, – Пояснил Эстебан.

– Вот это я понимаю, когда государство уважает твои права и свободы. Когда оно даёт даже не жителю страны право спокойно перейти границу. – Будто поучительно и с небывалой напыщенностью высказался Алехандро.

– Не будем о политике. Вот у меня сейчас ноги откажут, и кажись, меня подташнивает. – Внезапно высказался Ротмайр и тут же громко, схватившись за живот, добавил. – Веди нас Командор! Веди в укрытие, а то не дотерплю.

– Я же говорил тебе: «ну не пей ты эту бурду». Она там лежала ещё с тех времён, когда я с Великой Пустоши вернулся.

– Иди ты, – недовольно ответил ему Ротмайр. – Я не нуждаюсь в няньках.

– Правильно, тебе надзиратель нужен, как в тюрьме.

После этой слабой перепалки все двинулись к убежищу, но примерно через несколько минут наткнулись на старый разрушенный город. На обозрение предстали заснеженные развалины некогда процветающего города. Его почерневшие руины ласково укрыты снежным одеялом и скрыли практически все шрамы минувшей войны, в разрушенном городе не осталось ни одного целого здания. Всех поглотил огонь старой и кровавой войны. И этот городок стал монументом тех времён, когда над Европой властвовал огонь войны и железом решал, кто достоин, выжить, а кому необходимо уйти в забвенье.

Александро несколько удивлён, увидев вместо прекрасных, чистых украшенных улочек, великолепных домов и свободных людей бесхозные руины, которые никому были не нужны, брошенных на терзание времени.

Посмотрев на «великолепие» некогда уютного городка все продолжили путь на северо–восток, в лес, который существовал ещё перед «Великим европейским раздором». Лес достаточно сильно разросся, превратившись в практически непроходимые дебри, занесённые снегом.

Все поскорее ринулись в эту снежную чашу, ибо на снежных бесконтрольных степях вне леса дул ледяной ветер, который проморозил практически каждого.

В лесу спокойно. Серебряные кроны уходили высоко ввысь и утыкались в ночное небо, которое начинало медленно светлеть, чьи облака щедро засыпали землю снежными массами. Командор точно ощущал своим дыханием, что тут воздух был переполнен странной и свободной свежестью, что не была присуща ни Рейху, ни «Республике».

И после получаса беспрестанной ходьбы по серебряному лесу все вышли к низкой одноэтажной постройке, которая сделана из дерева и покрыта высокотехнологичным покрытием, похожим на пластик. Всё было выкрашено в белый цвет: крыша, стены, ступени, дверь.

Изнутри дом оказался вполне практичным и уютным, будто ожидал прихода хозяев. Всё что необходимо для комфортного проживания в нём имеется. Это убежище полк–ордена,

а значит им беспокоиться не о чем, ибо всем, что было необходимо, этот дом был обеспечен.

Так как все валились с ног, Антоний сразу нашёл матрасы и по указу Командора стал стелить их для ребят. Ротмайр тем временем нашёл где-то спирт, разбавил его с водой и стал смаковать его, будто это дорогое и редкое вино.

Тем временем у Эстебана раздался звонок по телефону, подключенному к сети полк-ордена, и так как в таких убежищах была антенна этой сети, то разговор прошёл без помех. Ему звонил инспектор Морс, получивший информацию от своих тайных свидетелей происшествия в городе на семи холмах. Он поведал, как в славном городе на самом деле произошёл «мирный» переворот. Как безумный Лорд-Магистрариус сначала перебил лоялистов, а потом и выкрасил в красный цвет улочки Рима кровью самих митингующих. Он рассказал, как ударившись во все глубины своего безумия, глава Имперор Магистратос пристрелил бедного Канцлера, который был готов раскаяться и после этого весь Рим стал местом дикой охоты за теми, кто поучаствовал в «перевороте».

Когда все слышали о происшествии в Риме, то в доме повисла абсолютная тишина, которая прервалась только звуком льющейся жидкости. Это невозмутимый Ротмайр снова себе в стакане спирт с водой разводил.

– Как это может быть? Это невозможно, – убеждённо и с крайним удивлением, не веря услышанному твердил Але-



хандро.

– Вот так вот. Мне он всегда казался шакалом, – С чувствующимися нотками гнева сказал Габриель. – А вы мне ещё не верили.

– Как же? Там были Мицелий, Бертолко, Абеле. Там были все наши... которых я знал почти всю свою жизнь. Там были все мои друзья – Смотря куда–то в пустоту, с безжизненным взглядом, будто себе говорил Алехандро. – И я там мог оказаться. Мог быть убитым тем психом. Как так?

– Плаксивать мёртвых мы будем не сегодня. Сейчас нам нужно хорошенько отдохнуть, – положив свою руку на плечо юноше, постарался его успокоить Ротмайр и протянул ему, чуть ли не под нос стакан с бодягой. – На, это поможет.

Парень инстинктивно поморщился от резкого запаха алкоголя и мягко отвлёл от себя стакан.

– Ох, я смотрю, тошнота у тебя прошла, – осуждающе спросил Эстебан.

– А я дезинфицирую изнутри, – кинул в ответ Ротмайр и, поняв, что от него требует Эстебан, мгновенно демонстративно опрокинул стакан спирта и основной флакон убрал себе в пальто.

Командор несколько мгновений, приложив руку к подбородку, а другую на пояс стоял и вспоминал, что ещё ему смог сообщить Морс. Он рассказывал, что он теперь с Карамазовым, бывшим Верховным Отцом и Титом Флоренцием образуют «Тайную Тетрархию», чьей единственной целью

будет свержение безумца, захватившего власть. Теперь они тайная, потерянная во мраке Рейха оппозиция, что останется единственной надеждой на более светлое будущее той страны, которые они любят всей душой.

Командор мог им только пожелать удачи, ибо это единственное, чем он мог помочь новой оппозиции. Но и удача теперь для них не меньшее сокровище, чем оружие и деньги.

Эстебан решил никому, кроме Антония и Цируса не сообщать о новом движении, что образовал в Рейхе.

Командор уже собирался отойти ко сну, как к нему подошёл Габриель. Он был полон вопросов о своих родителях, которых не видел всю свою жизнь, хотя они были живы и даже своеобразно оберегали его от всяких невзгод. Юноша просто сгорал от желания хоть что-нибудь узнать о своём отце и матери. И Командор ответил ему на все вопросы.

Они сидели у окна и общались больше часа. Даже уже когда все легли спать они без умолку разговаривали о Сцилле и Марке, о родителях. Габриель неустанно расспрашивал буквально обо всём, стараясь как можно узнать больше и Эстебан ему сначала рассказал про разрушенный и утопающий в грязи Рим, который каким чудом удалось потом отстроить. Рассказал, как среди смердящих руин он и познакомился с его родителями. Поведал, как они потом его радушно приняли, когда он лишился всех друзей, отдал все деньги и получил ранение в живот. Командор долго рассказывал, как жил со Сциллой и Марком, получая от них всё необходимое и с

завидной щедростью. Рассказал и Эстебан про тот день, когда их арестовали. Как в нём кипел гнев в тот день. И так слово за слово он дошёл до рассказа о бойне на мунуфакториати, где сам чуть было, не лишился жизни.

Габриель всё это внимательно слушал и понимал, что претерпели его родители. Он был горд ими. Мало кто мог вынести за свою жизнь и правление Римского Престола, и адскую работу на мунуфакториати, но он почувствовал чувство беспредельной защиты от человека, который сидел напротив него. Командор, стремясь выплатить неоплатный долг, был готов защищать Габриеля до своего последнего вздоха. И это впечатлило юношу.

Но время медленно подходило к рассвету, и уже юноша почувствовал непреодолимую тягу ко сну. Эстебан пожелал ему приятных сновидений, а сам остался стоять у окна.

В этом лесу что-то манило Командора. Это необычайное спокойствие, характерное только для окраин Либеральной Капиталистической Республике, всё остальное её пространство – это страны было иным... далеко иным. Оно кардинально отличалось от того, что можно было увидеть в Рейхе. Это были две противоположности одной монеты. Эстебан уже некогда был в этой стране, но только когда здесь всё начиналось, теперь же всё иначе. Для ребят, которых ему пришлось спасти от «идеалов» нового правителя это была неизвестная земля, где свято чтились права и тем более госпожа свобода. Для них это обетованная земля, где и было спасение

человечества, но Командор знал этот край иным. Это мрачная и жестокая истина, прикрытая прекрасными и красивыми занавесками, что туманят рассудок, но готов на всё, чтобы оградить Габриеля от этой тлетворной истины. Он, Эстебан, Командор полк–ордена, давший клятву до смерти защищать юношу теперь обязан её чтить, пока парень не окажется в полной безопасности. И он ни за что не нарушит эту клятву. Таков теперь его долг на земле проклятой тоталитарной свободы.

# Глава сорок четвёртая.

## Новый старый порядок

Небо было плотно затянуто серыми облаками, которые лишь слегка посыпали древнюю землю мелким сухим снегом. Лёгкий, практически не ощущаемый ветер гулял по пустынным улицам Рима, только чуть покручивая снег в воздухе.

Сначала серый рассвет озарил улочки мрачного города, заливая своим невзрачным светом все углы тихого города. Потом в свою силу стало входить мрачное и неброское утро, ознаменовавшее начало продолжения старой эпохи, но уже с новыми оттенками.

На Рим будто легла вуаль мрачного безмолвия, весь город пребывал в пугающем и угнетающем молчании, никто не сошелся на улицы города, даже если была сильная нужда. Всё что раньше работало в городе: магазины, лавки, заведения Корпоративной Палаты – всё бездействовало, пребывая в полном мраке и пустоте. Только бессчётные министерства выполняли свою нудную, но важную работу для города. Могли попасться немногочисленные, единичны чиновники, которые должны были выйти на улицу, чтобы поддерживать жизнь в Риме хоть на каком-то уровне. Ни один колокол не ознаменовал начало нового дня. Все церкви, храмы, часов-

ни, соборы и даже Великая Молитвенная Крепость – сонм Империял Эккlesiaс сегодня ни пробил, ни в один свой чугунный колокол. Город пребывал в полнейшей тишине, прерываемым только немногочисленными гудками военных машин и гусеничным скрежетом танков, что мрачным эхом разносились по улицам умолкшего города.

Все мостовые и дороги были вычищены до блеска. Бывший Главный Лорд – глава правительства ревностно стремился скрыть все признаки вчерашней битвы за город, ибо не хотел быть уличённым повинным в той жуткой кровавой бойне, что ознаменовало наступление нового времени. Баррикады и препятствия были тщательно расчищены, а разрушенные здания вычищены и отстроены настолько, насколько это было возможным. Никто не должен был узнать, как перешёл Рим в руки бывшего Лорд–Магистрариуса.

Вся территория рядом с «Канцлер Цидалис» была вымыта от литров крови, а тела и останки были убраны в тёмные места Рима. Никто не должен был узнать, что стало с теми, кто покусился на святое и праведное устройства государства, установленное невероятными усилиями первого канцлера.

Все дороги, улицы, скверы, парки и площади пребывали в полнейшем запустении, разве только мелкие контролирующие чиновники с запуганным видом, и солдаты уже «Чёрной гвардии Автократорства Рейх» шастали по городу. Первые старались поддерживать жизнь Рима, а вторые подобно охотничьим псам, в поисках тех митингующих, что мог-

ли уйти от праведного воздаяния прошлого Лорд–Магистрариуса. «Гвардейцами» стали солдаты личного корпуса главы Имперор Магистратос. Теперь они, то воинство, что должно сдерживать уже в самом городе тех, кто решит покуситься на праведную власть, установленную ещё первым Канцлером.

Большинство всех войск, которые только могли быть в Риме, теперь концентрировались возле двух объектов: Дворца Канцлера и Великого Капитолия. Теперь конечно они назывались по–разному: Дворец стал Цитаделью Власти, а Капитолий был переименован в «Железные Палаты».

Возле старого Капитолия было выстроено столько войск, что можно было подумать, будто это военный объект, под строжайшей обороной. Мешки с песком, километры колючей проволоки, укрепленные огневые точки и сотни солдат, держащих это место под нерушимым контролем.

У этого места роилось несколько человек не в военной форме. От собравшихся людей веяло страхом и ужасом, который зрел в их душах, они ожидали, пока солдаты проверят их документы и пропустят в «Железные Палаты». Тех, кто оказался им неугоден они просто отводили за угол и сразу расстреливал, но таких немного. Практически все проходили в темные и пугающие коридоры бывшего Капитолия, который стал мрачнее, чем когда–либо.

Внутри «железные палаты» были такими же неизменными, как и всегда. Такой же амфитеатр, разделенный на секции. Так же собирались все Департаменты Власти.

Однако, обстановка внутри была ещё мрачнее, чем на улице. Участников этого заседания стало намного меньше, ибо выжили те, кто заявил о своей лояльности новой власти. Расхаживает невероятное количество охранников, которые контролировали буквально каждый сантиметр помещения, являясь грозным охранником нерушимого и железного порядка.

На местах висела полнейшая тишина, которой могли позавидовать самые тихие и мирные собрания, которые могли только быть в государстве.

Вместо трибуны, на которой обычно выступали люди, возвышался большой и роскошный деревянный резной трон, украшенный позолотой. А на самом престоле гордо сидел, смотря своим холодным взглядом, Архиканцлер. Теперь он не Лорд–Магистрариус, и даже не Канцлер. Новый правитель посчитал эти титулы для себя уничижительными, ибо теперь он стал единоличным руководителем всего государства. С сегодняшнего дня, он начнёт делать Рейх во истину великой империей, достойной чести первого Канцлера и чтобы ему это сделать он должен был стать не меньше чем деспотом во всех возможных сферах жизни.

Новый правитель с чувством пьянящей власти смотрел на собравшихся людей. Было их в десять раз меньше, чем обычно собирается. Архиканцлер посчитал, что может оставить в живых только тех, кто лично заявил ему о верности, произнеся клятву перед ним на коленях. Остальные были пре-



даны праведному гневу и сами их имена были вычеркнуты из истории. В глазах нового правителя они были грешниками, жалкими приспешниками старой шаткой власти второго Канцлера, которая позволила себя рассыпать.

Рафаэль понимал, что оставить Империю в нынешнем состоянии, значит заставить её деградировать и взывать к старым, ветхим порядкам. Если произошёл переворот, значит должно и быть новое устройство, ибо так должно быть. И Архиканцлер уже начал необратимые изменения в устройстве государства. За ночь он выпустил несколько «Декретов мира». Сперва он начал с названия государства и теперь это не Рейх. Рафаэль его переименовал в «Автократорство Рейх». Именно это название выбрал новый правитель, ибо оно полностью соответствовало нынешней сути нового государства по старому лекалу. Государство, где всё имеет единое начало и беспрекословно подчиняется единому праведному правителю, не может называть иначе. Во-вторых, Архиканцлер решил менять главный орган управления своего государства. «Имперское буле» со всеми палатами упразднилось. Только «Региональный Совет» был переделан в «Территориальный Комитет», который действовал при Архиканцлере и состоял из представителей губернаторов. Остальные две палаты были упразднены за «своей непотребностью и нарушением праведности» – как выразился Рафаэль. Он считал, что простой народ не должен заниматься никакой деятельностью, связанной с властью, ибо она своими искушающими посылками спо-

собна извратить помысли обычного человека и заставить его пойти на революцию. Этого не должно произойти, ибо, как говорил ещё первый Канцлер: «То государство велико, что в своей статичности и неизменности вечно». И новый правитель теперь будет стремиться к выполнению этого постулата. Это теперь его личная заповедь, которой он живёт. А вторая палата была буквально вырезана, потому что Архиканцлер посчитал, что не один человек не вправе ему даже предлагать закон, не говоря о том, чтобы говорить об их принятии. Ибо, как выразился Рафаэль при составлении этого декрета: «Только праведный разум способен принимать закон. И этот разум единственный в этом государстве – мой».

Третьим декретом он решил «в мудрости своей» перекроить все департаменты власти по своему усмотрению. Но эти лекала оказались старыми.

Империял Экклесиас была переименована в «Христианскую Конгрегацию Праведной Веры». Должность Верховного Отца упраздняялась, теперь всей церковью руководит только Архиканцлер. А сам прошлый представитель церковной должности «Верховный Отец» был объявлен в розыск за «свою предательскую приверженность старым порядкам». Внутреннее её устройство осталось неизменным. Между Архиканцлером и всем церковным составом кардиналов был заключён ряд тайных соглашений, которые своей важностью определяли судьбу государства. Они гласили о том, что церковь должна тесно переплестись со всеми сферами жизни-

ми, которыми только можно. Она должна проникнуть везде: от немногочисленных нищих в канализациях до высших политических слоёв населения. Рафаэль объяснял это: «немедленным спасением всего народа от множества тлетворных идей и греховных помыслов, что могли разрушить основы великой империи». И Архиканцлер не хотел, чтобы его государство нисколько даже рухнуло, сколько получило бы царапину от новых диссидентов.

Следующим Департаментом Власти, который подвергся изменениям был Культ Государства. Теперь он именовался как «Великая Конгрегация Веры в Государство». Теперь в нём действовало два отделения: Духовно–Просветительские Войска, набираемые из преданных государству солдат армии. Эти войска должны были защищать сие Департамент и выполнять все функции по тому, чтобы народ наиболее ревностно воздавал похвалы новому правительству. Второй структурой стал Монашеский Корпус, который и занимался просветительской работой по всему государству. Рафаэль не стал менять Великого Патриаршия. Он просто стал соправителем в этом департаменте, объявив себя «старшим братом» Великого Патриаршия, который попал в полнейшую зависимость от нового правителя. Между ними так же были заключены соглашения, которые давали в руки этой Конгрегации полный карт–бланш по яростному насаждению веры в государство на всех уровнях и во всех сферах, которые можно было только представить.

Трибунал Рейха не подвергся практически никаким существенным изменениям. Сменилось лишь название на Великий Трибунал Автократорства, и теперь вместо троих Трибуналяриев Трибунал возглавлял только один Чёрный Архонт, который получил власть над всем Департаментом. Этот Архонт был лично Архиканцлер, подарившим себе ещё один красивый титул.

Самым радикальным и удивительным изменениям подвергся Имперор Магистратос. Рафаэль посчитал, что бесчисленное количество министерств, контролирующих все сферы жизни – это хорошо, но рано или поздно приведёт к крушению порядка и торжеству хаоса, хотя ещё никогда, ни одна структура сбоя в своей работе не давала. Вместо всей этой министерской фантазмагии создавалось одно, всеобщее Все–Министерство, которое контролировал лично новый правитель. Теперь все министерства собирал в единый кулак, что своим ударом способен перемолоть не одну сотню тысячу судеб. Теперь все остальные министерства становились отделами, а некоторые, такие как бывшее министерство Идеологической Чистоты, становилось «подминистерством Контроля Мысли». Теперь не было всего этого разнообразия, оно переплавилось в единую монолитную систему.

Корпоративная Палата была вовсе упразднена. Архиканцлер посчитал: «что всякая торговля и большое количество денег способно развратить человеческую сущность и сподобить её на мятеж, где человек попытается удовлетворить

свою торговую похоть». Теперь всё имущество этой палаты переходило в руки государства и создавался новый отдел: «Комитет торгово–сельско–промышленной деятельности». Теперь практически всю экономическую деятельность контролировало Автократорство Рейх. И людям, у которых отобрали их бизнес ни то что компенсации не выплатили, большинство отправили в Мунуфакториати. Но по какому–то чуду новый правитель решил сохранить мелкую торговую деятельность, назвав её «недостаточной для развращения».

Перекроив на новый лад по весьма старым и знакомым лекалам Департаменты Власти, структуру и название государства новый правитель принялся писать новую истину.

С самого раннего утра по всем телеканалам было объявлено, что предыдущий правитель сошёл с ума и явился «самым гнилым руководителем государства». Были крупным планом показаны кадры, где ведущие врачи страны давали медицинское заключение, что второй Канцлер был психический болен всё время. Показали даже медицинское заключение и экспертизу. Потом по телевизору прогнали сюжет, что прошлый правитель нагло изменял идеалам империи и спал с десятью проститутками сразу. Даже показали интервью с некими девушками, которые рассказывали как второй Канцлер с ними забавлялся и какие извращения он предпочитал. Но по новому законодательству всех девушек повели на костёр, так как они занимаются духовно–развращающей

деятельностью, ибо своими действиями попирают имя Бога и Архиканцлера. И после их интервью транслировалось сожжение девушек, что расплачивались за «нарушение и подрыв основ государства».

Потом по телевизору рассказали, как ситуацией воспользовались мятежники, повстанцы и еретики, стремящиеся получить власть и разрушить страну. Но по всем телеканалам показали, как Лорд–Магистрариус мгновенно среагировал и выставил оборону против отступников. Были снимки и видео с многочисленных уличных камер, где нового правителя представили в броне полк–ордена, как он доблестно раздаёт ситуации и координирует ситуацию. А потом рассказали, как был переломлен ход битвы и взята победа над мятежниками, сохранившая праведную власть. А потом Рафаэля представили как единственного, кто способен был принять на себя славное бремя правления великим государством.

Архиканцлер понимал, что без подобного сюжета он вряд ли оправдает свою власть и это была всего лишь попытка на хоть какое–то обеление своего восхождения.

Прокрутив всё это в голове, Рафаэль коварно улыбнулся. Он ещё вспомнил, как нашёл в кабинете Казимира «План по Реформации». Он содержал уйму статей, посвящённых дарованию прав и свобод, которые могли понравиться большинству народа. Новый правитель мгновенно уничтожил эти бумаги, ибо до его восхождения не должно быть ничего хорошего. А поутру по телевидению прогнали ещё один

сюжет, что в кабинете Канцлера были найдены бумаги, подтверждающие план по превращению всех граждан в рабов.

Рафаэль улыбнулся тому, как поступил со своими недавними союзниками и в том числе с корпорацией из Либеральной Капиталистической Республики. Когда он захватил власть, с ним сразу связались и потребовали выполнения обязательств. Но новый правитель их тут, же послал на все четыре стороны нецензурной бранью и оборвал с ними связь. Он мог только представлять, как с той стороны рвали и металы из-за потерянного влияния.

Но главное, что радовало Рафаэля, это знание всех отступников и предателей, что не явились на его зов. Они до сих пор кроются в тёмных уголках и расселинах государства, медленно отравляя его жизнь. Но Архиканцлер знает о них. Он знает о каждом отступнике, мятежнике, сепаратисте и еретике, что спрятались от его праведного взора. Но Рафаэль вознамерился свинцом и пламенем вычистить эту скверну и сделать это Автократорство достойным заветам первого Канцлера.

Архиканцлер спустил погоню на тех, кто смог уйти от кровавой бойни. Не было найдено тела ни Габриеля, ни Алехандро, а значит они ушли. И за ними отправили погоню в виде двадцати наёмных убийц. Никому не нужны были свидетели.

Он так же распорядился устроить охоту за полк-орденом. Официальной причиной явилось, то, что эта структура бы-

ла порождена пороками предыдущего правителя, и её нужно было искоренить. Но было понятно, что новому правителю не нужны были свидетели, способные своим словом поколебать его правление. Однако не было предела удивлению и неистового гнева Архиканцлера, когда пришли известия, что все аванпосты оказались, покинуты, а вся техника, документ и оружие просто исчезли.

Пока на Архиканцлер гордо восседал троне и своим ледяным взглядом осматривал зал, как обычно, в тени крылся Теренций. Потаённость и тьма были его главными союзниками, которые он мог использовать когда хотел. Он смотрел на своего нового правителя и с сожалением вспоминал те моменты, когда мог ещё его остановить. И неважно как он был способен остановить Рафаэля – убедительным словом или горячей пулей. Это значения не имело. Теренций хоть и ждал изменений, но явно не таких.

И каждый час он задавал себе вопрос: «А были ли вообще изменения?». Вся репрессивная система, карательный дух и тоталитарное устройство поменяли лишь свою форму, но суть. Рейх не отступил ни на йоту от тех постулатов, что ещё были закреплены канцлером Южно–Апеннинского Ковенанта. Они и не усалились и не ослабли, не потеряли своей тотальной деспотической сущности. Всё, что являлось якобы народным, было всего лишь фикцией, незначительной уловкой, а начало правления Архиканцлера лишь отбросило все эти видимости и позволило увидеть истинную суть Им-



перии.

«Но почему так?» – спросил себя Теренций и тут же нашёл ответ в истории. Первый Канцлер – великий стратег и тактик, смотревший за пределы своего времени. Им создана такая система, при которой любой революционер, придя к власти и увидев оппозиционный разброд способен стать тоталитарным лидером. А Церковь и Культ Государства лишь подтолкнул его созданию диктатуры веры в отечество и Господа, созидавая из страны огромный храм, навеивая мысль о том, что без сильной руки стране придёт конец. Первый Канцлер подавил все революции, за пределами своего времени, создав обстановку при которой любой революционер, поднявшись над бушующем морем идеологии, на пути к власти, поймёт всю безнадёжность и убогость своих идей и отринет их, прильнув к серой армии тоталитарных правителей, став ярким солнцем Империи, которое во имя веры и каменного подчинения испепелит каждого мятежника.

Теперь же Теренций мог только вспомнить слова старого философа с Мальты: «Тотальная власть рождает угнетение, угнетение рождает недовольство, недовольство рождает бунт, бунт рождает смену власти. Новая власть рождает еще более тотальную систему. Таков нерушимый закон этого мира». И этот закон не стал исключением для Рейха, ибо теперь в этом государстве в свой зенит взошло палящее солнце новой идеальной власти, которое обогреет всех своим ласковым светом.

Конец и вновь начало.

## Эпилог

Это один из сотен затерявшихся островов в Эгейском море. Здесь, на границе Турецкого Султаната и Автократорства Рейх, где могли происходить военные стычки, можно было спокойно затеряться от любого всевидящего взора.

На песчаном берегу изумительно и живописно. Прохладный вечерний ветер свободно гулял по песку, создавая прекрасное ощущение спокойствия. Прекрасный звук прибоя заполнял ухо, даруя несоизмеримое акустическое удовольствие, постепенно успокаивая и унося в мир грёз и мечтаний. Огненный закат производил неизгладимое впечатление. За море уходил покрасневший солнечный диск, а пространство возле него буквально изливалось пламенным красным золотом, чьё сияние устремлялось прямо в глаза. Небо постепенно обретало сначала багровые оттенки, а потом и стало выкрашиваться в сиреневые тона, знаменуя, что ночь скоро войдёт в свои законные права и ласково укутает мир прохладным мраком.

На берегу стоит высокий человек и взирал далеко вдаль, в те места, где солнце качивало свой утомительный дневной путь. Его длинные чёрные как смоль волосы слегка отрёпывались на ветру и снова ложились на тёмный камзол.

– Господин, – прозвучало голосом полного покорности

и послушания где-то сзади. – К пристани подошли новые корабли с братьями. Вы пойдёте их встречать? – Вопросил только что подошедший мужчина в военной форме старого полк-ордена.

– Нет. Передай, чтобы выгружались и готовились к общему сбору внутри цитадели. – Холодно ответил ему человек в камзоле.

Воин сразу передал по радиации распоряжения своего командира.

– Боец, – бесстрастно обратился к воину командир. – Сколько наших братьев в «Прибое Спокойствия» и насколько реализован проект?

– Господин Великий Консул, наш проект реализован на семьдесят два процента, а количество личного состава во семьдесят девять процентов от того, что был до начала инициации проекта «Новый Дом».

– Прекрасно, – бесстрастно и без улыбки начал Данте. – Всё в порядке. Держите меня в курсе.

– Так точно, – сказал воин, развернулся и пошёл к пристани.

Консул повернулся и посмотрел на новую цитадель. Он её назвал «Прибой Спокойствия». И действительно, вся обстановка на этом острове была воплощением сути мира и безмятежности, будто в противовес разрастающиеся суете Автократорства.

Цитадель, построенная по старым крепостным чертежам,

явилась олицетворением мощи и могущества. Её исполинские размеры поражают видом, самыми, крепкие стены, сделанные по новым технологиям способны выдержать прямой выстрел из корабельного орудия. Всё это было необходимо, ибо Великий Консул всегда понимал, что придёт тот день, когда им придётся встать против родного Рейха, который они некогда ревностно защищали и охраняли. Он знает, что вчера во время переворота в Риме ничего не изменилось, лишь усилилась борьба и сменилась форма деспотии. И Данте чувствует, что в этой старой игре открывается новая глава... и снова все будут бороться со всеми за крупницы власти.

Вчера с ним связался Карамазов. Он рассказал, что теперь они будут бороться против Архиканцлера всеми возможными средствами. Данте больше привлёк рассказ о Калье. Он пропустил мимо своего сознания историю про создание Тайной Тетрархии, ибо эта новая оппозиция была всего лишь старым элементом этой игры. Диссиденты, которые не способны ничего сделать, не способны принести существенных изменений, не более чем элемент идеальной тоталитарной системы, которая под предлогом нерушимого спокойствия и вечной стабильности способна вести бесконечную и кровавую войну с несогласными этими репрессиями и выжигать предательство там, где его нет, но вот рассказ о потерянной жене Казимира действительно стоил много. Эта девушка своими словами и рассказами способна изменить реальное положение вещей и, причём не в пользу новоявленного пра-

вителя. Архиканцлер пойдёт на всё, чтобы скрыть истину, но пока он ничего не знает о девушке. Это играло на руку Ордена Лампады. Теперь они именуется так. Нет больше полкоордена и Ордена Железной Лилии. Они объединились и создали новую организацию, что понесёт свет, рассеивая тьму, прольют свет на старые истины. И Данте понял, какую роль может сыграть Калья в руках нового ордена, если попадёт к ним. Великий Консул предвидит, какое влияние она может оказать на Архиканцлера и что он способен сделать, чтобы сохранить хотя бы своё доброе имя, не говоря уже о власти. Данте пугает вероятность того, что она может попасть в руки Тетрархии. Хоть он и вступил в союз с этим обновленным сопротивлением, но Консул не мог позволить того, чтобы Калья встала в один строй с тетрархистами, ибо тогда перед ними откроются безграничные возможности. Они смогут сокрушить режим в государстве и ввергнуть саму страну в гражданскую войну, от их действий Автократорство просто порвёт на куски, а этого нельзя было допустить. В Европе установлен идеальный баланс и порядок, который не способен породить войн, пусть в каждой стране и установилось такое правление, что способно перемолоть души и судьбы, но это залог всеобщего порядка, который любой ценой должен сохраняться. Этот порядок – идеал, которого Европа не знала с момента начала Континентального Раздора или Великой Ночи – у этого грандиозней его апокалипсиса было много названий, но было ясно одно – его любой ценой нельзя

вновь допустить, в противном случае всё вновь уйдёт в лонно хаоса и разрушения, которые заново порвут континент на задыхающиеся от собственных идей, которыми они грезили, жалкие куски, не способные к жизни.

– Мой милый Данте, – внезапно за спиной Консула прозвучал мягкий, немного игривый и аристократический мужской голос.

– Да, Варфоломей, ты что–то хотел?

– Ох, конечно, – с всё нарастающим весельем говорил мужчина. – Я хотел узнать, почему ты мне отвёл роль защитника нового тирана? Почему на всеобщем заседании канувшего во мрак ордена лилии я защищал Рафаэля? Ты же знаешь, он мне не жутко по нраву. И зачем ты меня просил парадировать тот мерзкий голосок, и ты же мог тогда сиюминутно инициировать его ликвидацию. Зачем благоволить ему в деле восхождения на власть?

Великий Консул был готов к этому вопросу. Он репетировал ответ на него часы и сейчас готовился всё изложить на чистый лист. Также бесстрастно и холодно Данте пояснил:

– Всё очень просто. Я всегда знал, что Главный Лорд никогда не позволит распасться своей родине, даже если это свергнет его мечту в забвение.

– Поэтому ты послал того сумасшедшего с воззрениями на свободную любовь на первое и последнее заседание оппозиции Рейха?

– Не перебивай, – хладно попросил Данте. – Да, ты прав,

тот парень сыграл решающую роль в крушении мечтаний Главного Лорда. Я знал, что он буквально втопчет в грязь цель лорда... быстрее чем это сделают его соратники по умеренно-либеральной теории.

– Зачем? Он ведь и так скатился бы до состояния тирана.

– А зачем я это сделал? Казимир был слишком непредсказуем. Он своим сумасшествием мог привести Рейх к краху и свергнуть его во мрак хаоса, а новый правитель в своей жестокости – статичен. Мы знаем, чего нужно ждать от Архиканцлера, а значимый факт в пути достижения стабильности и мира. – Без эмоций, даже не меняя тембра в голосе, пояснил Великий Консул. – Пока, он в порядке, но скоро и он сойдёт с ум от навалившейся власти.

– И поэтому был убит Казимир? – Недовольно кинул мужчина.

– Я не ожидал этого исхода, – немного повысив голос начал Консул. – Я думал, его закроют за решёткой в тюрьме, а потом мы бы его вытащили, но я не ожидал, что Главный Лорд его так просто убьёт. Я каюсь в своём просчёте, – с еле заметным сожалением закончил Данте.

И стоящий за спиной Данте мужчина понял, что сейчас разыгрывается новая партия на старой доске во всем известной игре. Новых сторон не появилось, появились лишь новые обозначения этих самых сторон. Во главе тотального гегемона, ведущего за любым инакомыслием беспрестанную охоту – Архиканцлер во главе Автократорства. Несоглас-



ные, стремящиеся его свергнуть и установить свой порядок – Тайная Тетрархия. И интриганы, преследующие собственные цели в этой игре и стремящиеся любой ценой сохранить старые порядки – Орден.

Губы Великого Консула попытались разойтись в несвойственной для его холодного состояния улыбке, и Данте понял, что они всего лишь пешки чей-то неведомой игры, что ведётся вот уже несколько десятков лет, но никак закончиться не может.

# **Вместо послесловия**

## **Из размышлений философа– пророка и чёрного оракула времён эпохи Великой Европейской Ночи – Сарагона Мальтийского:**

«Свобода – очень интересное и многозначное слово, стоящие по одну сторону человеческой жизни. На другой же стороне морали стоит понятие «подчинение». У этих сторон разные идеи, принципы и ценности, но как же каждая из них стремиться показать своё совершенство. Полное подчинение некому абсолюту обеспечивает порядок, способный простоять веками и не шелохнуться. Именно подчинение единому идеалу и принесение в жертву своих прав и свобод способно обеспечить в народе, который не искушён в политике, спокойствие и стабильность. Именно, когда мы, желая прожить спокойную и размеренную жизнь, отдаём на алтарь процветание и определённости свои права и свободы в угоду некому абсолюту, то только тогда рождается порядок. Тотальное подчинение просит у человека его свободы, чтобы он даже

свои мысли, душу, мораль и ум перестроил под новый порядок. И если, же вы совсем отрекаетесь от свобод, то нет ничего предосудительного, чтобы стать просто верной шестёрёнкой в великом механизме по поддержанию жизни и процветания в вашей родине. И только тогда, когда человек отречётся от свободы, то только тогда он получит мир, полный спокойствия и порядка, где всё будет подчинено единому идеалу и не будет места иному мышлению. Да, свобода на порядок – достойный обмен.

Но с самой свободой всё иначе. Она от каждого требует полной самоотдачи и участия в жизни. Но в какой жизни? Нет, это далеко не ваша жизнь. Не жизнь ваших родственников и друзей, хотя соприкосновения возможны. Это единая и неделимая жизнь есть участие в делах государственных и общественных. Именно, когда мы получаем свободу и права, то мы просто обязаны жертвовать моментами своей жизни ради общества и государства, помогая им в развитии и взаимосвязи, позволяя им, гармонизировать друг друга. И наша свобода требует от нас ответственности. Свобода – это не игрушка для удовлетворения своих желаний и похоти. Свобода это нечто большее, требующее от нас всех сил. Государство даёт нам свободу и права для того, чтобы мы ему помогли в общем деле процветания и совершенства. Да, наше время и стабильность взамен на свободу – что ж, тоже достойный обмен.

Но не забывайте о проходимцах! Они есть везде и встре-

тятся на каждом вашем шагу. Шарлатаны мысли, ставшие для вас идолами, и собою подменяют истинные идеалы этого мира. Те, кто выступают за стабильный мир порядка, станут для вас тиранами и деспотами, что в своём самодурстве и паранойи станут править железной рукой, и вздёрнут всех тех, кто даже своими жестами на них не похож. Да, возможно они принесут за собой мир и порядок, процветание и стабильность, но вам придётся тогда отдать все свои права и свободы. Возможно, вы потеряете даже статус человека, став просто скотом для этих деспотов. Но больше всего бойтесь всего тех, кто обещает вам свободу и улыбается в лицо. За этой фальшивой улыбкой может крыться самый страшный тиран, способный превратить вашу жизнь в жуткий кошмар. Именно такие утопят мир в реках крови, заставив миллионы даже дышать в таком же темпе как они. Бойтесь льстецов, обещающих свободу и сладко улыбающихся вам в лицо, ибо они превратят ваш мир в цитадель деспотизма и просто рабовладельческой стойло.

И никогда не забывайте: человек в своих мечтах и идеях, несомненно, стремиться к утопии, но все его поступки, решения и действия ниспровергают наш мир во мрак самого худшего пути развития человечества – антиутопии».

# **Из «Хронологии смерти и перерождения» к «Пророчествам о прошлом и будущем» имперского почтенного и пророка Иезекииля Штурмопровидца:**

«Всё, что я говорю не более чем слова, изложенные на бумаге и призванные кого-то чему-то научить. Тысячи источников – старых библиотек и электронных хранилищ послужили великому делу – созданию ряда пророчеств, которые говорят с нами о будущем и вытаскивают прошлое на свет из тени забвения. Но как бы не был красив и медов слог пророка или обычного рассказчика он ничто по сравнению с тем, что может открыться перед вашими глазами. И сейчас, на старости лет, когда моя жизнь подходит к концу, мне есть о чём сказать, касаемо темы того, как мы пришли к всему этому.

Всё началось в далёкой древности. Этот путь, что был избран получившимся мирозданием, являлся далеко единственным, ибо их рассыпались целые мириады перед человечеством, которое взирало в грядущие времена с жадностью, надеждою и тщеславием. Вариантов развития событий есть

неисчислимое множество, столько сколько же звёзд на ночном небесном полотне, но «оплоты развитой цивилизации», да и весь мир пошли по иному пути, который сулил только рок, ибо люди, как дети малые, были ведомые своими пороками и бравадой, а это никогда не приводит к счастью. Сначала люди, жители мира преопределили свою мрачную стезю истинным народным выбором, а потом и прогневшие духовной язвой вожди и всевозможные лидеры повели к точке горизонта событий всех, кого можно, и наступил момент невозврата, когда «башня вавилонская» человеческой гордыни и самомнения рухнула под тяжёлым весом пороков и самовозвеличивания, словно то был колосс на глиняных ногах. И тогда люди познали, что есть «ад на земле».

Но первый удар величайшего кризиса в недолгой истории людей случился до того как весь мир оказался на грани забвения, а Европу жадно разделили мелкие повелители жалких наделов и вожди убогих культов, что вместе опрокинули вчерашний центр человеческой цивилизации в «Новое Средневековье». Это было до того, как люди познали ласковое и холодное прикосновение «Истины для народа», какую её преподнесли штыками и огнём. Таков оказался тернистый путь, ибо все события в истории и действия предводителей народов, лидеров стран, да и просто людей вели к этому, к неизбежному уже исходу, который венчался господином разрушением.

Завязка произошла много лет тому назад, когда эпоха ве-

ликого процветания и «хрустального мира» начала подходить к своему логическому и страшному завершению. Четыре всадника апокалипсиса решили пройтись галопом по всему миру, не упуская ни единого его уголка, опуская на него свою тяжёлую длань, опустошая земли и разжигая в нём мятежи, голод, восстания, социальную энтропию, смерть и хаос. И всё это щедро захлестнуло и без того ослабевшую Европу, с которой и начала поступь смерть человечества. Все структуры, которые поддерживали жизнь людей, начали трещать и хрустеть, вызывая обнищание материальными ценностями и что самое главное – оскудение души. Но едва ли люди приступили к самосовершенствованию, чтобы предотвратить рождение страшного исхода, вместо этого они как нерадивые дети, стали искать в ближнем своём виновного во всех бедах. На континенте вспыхнули старые, как кости земли, конфликты на национальной, религиозной и духовной почве и брат пошёл против брата, что как чума начало переноситься по всей Земле и вскоре огонь распрей захлестнул мир. И с самого начала жители планеты разделилась на бесконечное количество идейных кланов и партий, уподобившись разбитому стеклу, которое разлетелось на сотни кусочков, сияющих тусклым светом былого величия. Но континентальный дом был не резиновый и рано или поздно пламя конфликта просто обязано было запылкать с силой неистового пожара, чтобы сжечь старый, практический сгнивший мир. Всё сильнее мир захлёстывали сначала мирные мяте-

жи, тянувшиеся бесконечной вереницей, а потом суть терпения кончилась и наступила эпоха вооружённых бунтов и восстаний, поднимаемые обычными людьми. Там, где условия жизни были лучше, в месте, именовавшимся в честь «финикийской царицы» [1], народ который медленно, со скоростью поражения тела вирусом, становился национальным меньшинством, требовал с яростью древних революций возвращения старых времён, когда хозяева дома были действительно его хозяевами, а не обслуживающим персоналом для гостей. В местах, которые никогда не отличались благоденствием и спокойствием жители требовали от тех, кто нарёк себя властью, лучшей жизни, более сытой доли.

Всё это встало огромным комом, который продолжал нарастать, приближая неизбежный момент рока. Нищета, убивающая окраины некогда процветающих стран, только подогревала опасные настроения, которыми уже готовились воспользоваться самые опасные проходимцы. Постоянные поборы и обманы со стороны тех, кто считал себя элитой, приобретшей «голубую кровь» за выторгованные деньги, обращавшие понятие «справедливость» в пустой звук. Наплывы неисчислимых орд нищих и бедных из мест, где жизнь медленно становилась невозможной, приводила только к нехватке самого необходимого, что на фоне кровопролития и безумия приводило к ещё большим баталиям за самые простые вещи. И настал момент, когда терпение не только одного континента, но и всего мира кончилось. Нараставший дол-



гие и долгие столетия ком рванул с такой силой, что обломки старого мира разбросало невообразимо далеко друг от друга. Старые связи, соглашения, договора и пакты рухнули, как гнилой фундамент под домом, повергнув мир в лоно хаоса. Так подошёл к концу «Закат великого процветания и хрустального мира» и начался Великий Континентальный Кризис.

Люди не выдержат всего того, что на них свалилось – тягости бедности и зависть от самого факта существования тех, кто сколачивал капиталы на чужом горе. Они, уже обезумевшие от медленно подступавшего ада, вышли с оружием в руках и стали требовать возможности на спокойное существование и возвращения «награбленного», не понимая, что своим нетерпением и революционным сумасшествием они лишь приблизили начало Великого Мрака и сами подтолкнули его к краху. И началась жуткая бойня, которую только видел мир. Кровавые стычки происходили каждый день, реки крови потекли по красивым и аккуратным улочкам европейских городов, горы мёртвых заполонили площади азиатских мегаполисов, и целые деревни африканская чума выкашивала за считанные дни, превращая колыбель людской цивилизации в обагрённую арену, где бывшие братья и сёстры сошлись не на жизнь, а на смерть.

Государства, недостаточно жёсткой рукой и мирным голосом пытались всё это предотвратить, но они лишь настроили против себя разъярённый и обезумевший народ. Великие

союзы старого мира – мечта о единой планете распались за считанные дни, да их и так ничего уже не скрепляло. Но кровавой и озлобленной толпе этого не хватило, так как она жаждала продолжения кровавого концерта. Правительства внутри континента падали на колени один за другим и ничего не могло этого предотвратить. Никакие быстротечные военные и политические союзы не удержали от распада целые континенты и страны. Многие военные, чиновники и лидеры, обременённые положением, лишившись дела своей жизни и единственного достатка, отчаялись и стали ревностными сепаратистами, добивавшие свои родины, которые должны были защищать и клялись в верности. Но главное, что случилось в самом начале этого хаоса: никто не стал помогать сохранить старый мир, никто не встал на его защиту все кто мог всего лишь подтолкнули падение старого бытия в раскочегаренную печь адского локомотива, который нёс людей на самое дно социального апокалипсиса.

И после того как со старым миром было покончено, наступил второй этап Великого Континентального Кризиса. По иронии судьбы – народ сокрушивший собственные государства и разорвавший свою родину стал жертвой для алчных хищников революции, которые воспользовались ситуацией, чтобы построить свой мир и только для себя, рассматривая тех, кто привёл их к власти не более как жалких рабов и обслуг. Настало время темнейшей ночи, «Апогей Кризиса», когда человечество оказалось под пятой новых лидеров, упо-

добившихся новым феодалам, а огромное количество сект и убогих культов заменили людям духовную опору, потакая прихоти хозяев положения. Вмиг появились сотни самых удивительных и причудливых стран и новообразований

И на ещё несколько тягостных сотен лет мир окунулся во тьму времён, когда людская жизнь не стоит и ломаного гроша, а на тысячи километров от эпохальных городов древности над многострадальной землёй возвышаются руины былого величия, среди которых теплится ничтожная жизнь людей. Наслала власть мелких царьков и князей, при поддержке марионеточных парламентов или без таковых, и кладбище человеческой культуры уподобилось средним векам. С чего начался восход людей к славе тем и закончился.

Однако всему приходит конец. Вспомните слова Сарагона Мальтийского, великого пророка и чёрного оракула: «Я вижу, вижу как то, что раньше было едино, а потом разбилось о гордыню и ложь, снова соберётся в новом мире. Но я вижу три знамя и три солнца. Эти знамёна станут душой народа, а солнце осветит их путь. Эти знамёна будут чужими близнецами, что переплетутся в борьбе между собой, но будут едины. Бойтесь ласки этих солнц, ибо под ними вы сгорите!».

И вот наступает третий момент Великого Кризиса в Европе и мне удалось увидеть события тех дней своими глазами. Я был там, когда осколки прошлого встали на путь возрождения в новом, мрачном обликии.

Первым протрубил в горн объединения юг Европы. Среди

детей солнечных Апеннин, потомков виноградной Иберией и оливковых Балкан, возвысился отпрыск улиц поверженно-го Неаполя. Молодой и талантливый юноша умело собирал возле себя множество сторонников, чтобы направить их душевные рвения на дело возрождения. Его пламенные речи раскаляли сердца людей и утоляли голод народа по порядку и справедливости. Парень красноречиво говорил о том, чего желали все обычные люди, жившие в новом европейском кошмаре: стойком спокойствии, стабильной жизни, справедливости и того, что укажет им путь в этой тьме. И он добился, чего хотел, пройдя сквозь горнило войн за власть, вырывав её из цепких рук плутократов и разбойников. Он поднял первое знаменем в священной войне против каждого, кто выскажет идею противоречащую единству, гордо взяв на себя титул Канцлера Южно–Апеннинского Ковенанта. Но разве это уняло его безграничных амбиций? Нет, ощущение власти и чувство от несения великой миссии лишь разожгли в нём огонёк воинственности и рвения, превратив его в пожарище, которому суждено хлынуть далеко за пределы бывшей мёртвой Италии. Он собрал возле себя множество самых разных людей: умелых воителей, ещё вчера служивших жадным и жестоким хозяевам и полчища зелёных новобранцев, мастеров управления, искушённых политиков и просто фанатичный народ.

И начался великий поход против всех, ведомый с его железной рукой и пламенными речами. Римский престол, Ил-

лирийская тирания, Венецианская аристократия, Мадридская Республика, Южно–балканская Конфедерация и прочие страны, перечисление которых займёт десяток страниц, были захвачены и безжалостно стёрты с лика мира армиями Канцлера. Он объединил громадные территории заняв все Пиренеи, Балканы, Апеннины, остатки южной Франции да и Константинополь взял в придачу.

Но новый правитель, нарёкший себя Императором, оказался переполнен государственным фанатизмом и жаждой бесконечной власти, которой бесконечно упивался. Он просто восторгался тем, что его стали почитать как первого эмиссара Бога на земле, чем он даже пододвинул главу перерождённой католической церкви. И став сущим демоном, под ангельской личиной, он стал править огнём и мечом, проводя соответствующие мероприятия, свойственные его «славному» правлению: кровавые расправы над всеми, кто был не согласен с ним, жестокость и жёсткость в управлении, порой просто показательно устраивая многотысячные казни, установив, строгость и незыблемый порядок. За самые короткие сроки он навёл полный порядок в воскрешённой державе, просто физически уничтожив всю оппозицию, и даже тех кто просто мыслил, не так как он, поселив такой сильный страх в сердцах людей, что многие боялись поднимать взгляд на него, ибо боялись неправильно посмотреть. И сейчас он продолжает править не зная соперничества во власти. Построив страну, основанную на морали и праведности,

воздвигнутую на столпах тотального контроля, Канцлер дал ей самое подходящее название – Рейх.

Но пока дети юга собирали новое государство, на месте стран восточной Европы протрубили в новый рог и подняли ещё один идейный стяг под которым суждено было объединиться всем тем, кто жаждал прославленного будущего. И вот на востоке вошло новое солнце, окрасив небосвод над теми местами в кроваво-красный. Там восстали сыновья и дочери «Союза Коммун». Люди, обчитавшиеся до фанатизма Маркса, решили делать, что завещал им их идол, чьи кости давно съедены червями. Они решили разжечь жаркие горнила революции. Они за короткое время, своими воспламеняющими души и сердца речами и действиями, сумел разжечь революции во многих новых государствах – Восточно-германский союз, Нацистская Партийная Федерация, Мюнхенская Диктатура, Новый Австро–Венгерский доминион и многих прочих, раскалив народ до красна, так как это делает кузнец с металлом, чтобы затем ему придать нужную форму. Все те, кто попался на пути его красного гегемона, были расплавлены революцией и скованны воедино под новым стягом коммунизма. Тут же эту идею возвели в ранг новой религии, а вождей решили поднять до статуса божеств, устроив целый культ. И создавались новые государственно–партийные структуры, совсем не похожие на то, что было раньше, и название новое – Союз Коммун Нового Коммунизма или Директория Коммун. Но всё было не так хорошо, как может

показаться, ибо став воплощением тоталитарного равенства человеческая суть была настолько извращена, что сами лидеры новой «Директории» настолько испугались результата, что скрыли его от остальных «солнц Европы», иначе империя нового коммунизма была бы сокрушена, смыта с карты.

И вот уже на западе гордо подняли старую хоругвь, отрянув её от пыли и очистив от паутины. Последнее формирование Европы – стало крепчайшим союзом среди крупнейшего олигархата, «свободной богемы» и более мелкой буржуазии множества стран запада, и севера Европы, притравленный идеями максимального раскрепощения и аморализации. И новый либерализм стянул под своим жёлтым знаменем свободы многие страны западной Европы – Новая Английская Республика, Уэльское Содружество, Бретонский Деспотат, Возрождённая Парижская Коммуна и ещё множество стран и государств влились в новый дивный мир, обещавший стать цитаделью тысячи свобод.

Там к власти пришла целая спайка – крупные предприниматели, главы корпораций, смотревшие на мир через призму чистой торговли встали в вечный союз с людьми чьим смыслом жизни стала бесконтрольная и беспредельная свобода во всех возможных аспектах. И вот уже торжествуют духовные права, и свободы, позволяя обычным людям окунуться в омут беспутства и раскрепощения. Появился даже Форум Народа – что-то вроде новоявленного парламента. Но эта страна не оказалась чем-то новым, став осколком старо-

го мира, который и привёл к падению западного либерализма, возведённого до сущей фантазмагии в полный апофеоз. Чем был этот «свободный» мир на самом деле не знает никто.

Что касается ближнего востока – он наконец-то обрёл покой и мир, только когда его разорвали между собой разросшиеся страны султанского абсолютизма и исламского фанатизма. Турецкий Султанат и Аравийская Конфедерация поделили между собой этот сладкий пирог.

Но мало кто обращал свой взор на восток и север, да и мне удавалась там редко бывать. Судьба России туманна и непонятна. Пройдя через страшный кризис, она не раз оказывалась на грани целостности, да может быть и ступала за неё. Слишком давно о ней не поступали сведения.

Что касается наших заокеанских товарищей – США там давно была развязана гражданская война, пепелище которой так и не думает униматься. Непонятно, кто против кого, но самое печальное, что она будет продолжаться ещё очень и очень долго.

Однако Европа мне ближе всего. Я видел её на самом краю перед чудесным перерождением и стал свидетелем её нового восхода. Разделённая на три части её возможный путь неясен. Вот три новых мира, появившихся после долгой ночи – Рейх на юге, Директория Коммун на востоке, а северо-запад купается в сахарных объятиях Либеральной Капиталистической Республики. Их знамёна подняты высоко



вверх, а молитвенные гимны поются от зари до зари. Но их апофеоз, не станет ли началом новой ночи? Или таков должен быть новый мир? Но каков будет этот мир на самом деле?»

...

Спустя двадцать лет.

«Всё является лишь волей и проявлением государства, где общество всего лишь идёт второстепенным прицепом. Весь мир завязан на государстве и существует возле него. Тоталитарные системы обязаны стать естественной сутью этого мира, так как только они способны дать новый мировой режим. Так должно быть, ибо так куётся нерушимый порядок». – Слова Первого Канцлера перед вступлением в новый титул.

Из газеты «Национальное Вещание», государственная типография которой расположена в Генуе: «Наше великое государство продолжить путь к процветанию, наш идеал – полный контроль, ибо только тогда невозможна энтропия и распад. Основываясь на столпах иерархичности и идейной справедливости, мы достигнем процветания и величия. И гниющий либерализм с удушающим всякое добро и человечность коммунизмом не помешают нам достичь вершин развития, мы выьем эту трубу из умов людей. К этой великой победе нас поведёт новый Канцлер. Молитвы в его честь прозвучат подобно боевому кличу, наполнив рвением наши сердца и устрашив наших врагов».

Из газеты «Справедливая коммуна», партийная типография которой расположена в Мюнхенском улье: «Мы всё так же, посредством народного единства, справедливости, честности, солидарности и бесклассовости, будем стремиться к величию нашего «постгосударства» и партии. И всякая либеральная мысль и эта южно европейская чёрная чума не позволят нам отойти от наших притязаний на благополучное будущее ни на шаг. Наша верность идеалам Вождя и коммунизма не будет знать предела. Мы готовы посвятить им свою жизнь. Наше равенство станет нашей силой, что укрепит нас и устрасит врагов. Да здравствует коммунизм, товарищи!»

Из газеты «Liber Spiritus», частная типография которой расположена в Эдинбурге: «Мы живём в спокойном и свободном мире, где есть справедливость, толерантность и понимание. Никто из нас не ущемлён в правах. Мы все уважаем и любим, друг друга за то, кто мы есть. Всё что ранее считалось ненормальным и безумным сейчас встречается, так как должно: с пониманием и спокойствием, ведь выбор человека – это самое святое, что у нас есть. Мы, путём развития капитала и рынков разного рода, стремимся к процветанию и богатству. У нас царствуют равноправие, свобода и права. Сегодня мы празднуем торжество правового государства. Из ума наших людей давно выветрены догмы южного фашизма и несвободной коммунистической ереси. Даже если придётся попать здравый смысл ради воли и права человека, то мы его попрём».

Из пропагандистской записки религиозного союза – «Новое Слово», действующей в Африке: «Мы голодны, мы нищи, но мы едины. Мы едины в своей великой цели. Мы хотим нормальной жизни. Чтоб наши дети не умирали и пухли от болезней и голода. Чтоб взрослые не ели собственных детей и не рылись в помойках в поисках гнилых крыс. Мы так же будем верить и неустанно молиться нашим богам. Ибо они поведут нас в священный джихад на Европу. Именно она отобрала у нас наше будущее. Именно из-за наглости и жадности её лидеров мы оказались в полной нищете, голоде и жажде. Но мы возьмём, что нам причитается. Во имя и славу наших богов, братья и сёстры»!!!

# Приложение

Финикийская царица – Европа – в древнегреческой мифологии дочь финикийского царя. Имя её предположительно происходит от финикийского «заход», Запад.

Лига Севера – итальянская правая политическая партия, основанная в 1989 году и изначально выступавшая за предоставление северным итальянским провинциям независимости и образование самостоятельного государства Падания со столицей в Милане.

Падания – название Пьемонта, Ломбардии и других северных областей Италии (Паданская равнина), где распространены североитальянские языки (ломбардский, венетский, пьемонтский, лигурский, эмильяно-романьольский). Образовано от латинского названия главной североитальянской реки По – Padus

Постапокалиптический либеральный модернизм – искусство, зародившееся во времена Великого Кризиса. Отличительными чертами стали отсутствия всяких моральных ограничений с переложением на стандартный модернизм.

Канал Навильо Гранд – один из каналов Милана, расположенных в районе Навильо. Самым большим, красивым и посещаемым каналом Милана является канал Навильо-Гранде. И это одно из самых необычных мест Милана, в отличие

от прочих достопримечательностей города, прогулка по набережным канала может стать отличным решением для разнообразия досуга.

Церковь Санта-Мария-делле-Грацие главная церковь доминиканского монастыря в западной части Милана. В трапезной этого храма находится одна из самых знаменитых фресок в мире – «Тайная вечеря» Леонардо да Винчи. Строилась с 1469 г. по законам поздней готики под руководством Гвинифорте Солари. В 1490 г. Лодовико Сфорца задумал разместить здесь усыпальницу герцогского дома Сфорца и поручил достройку церкви мастеру ренессансной выучки (считается, что им был Браманте)

Храм святого Петра – католический собор, центральное и наиболее крупное сооружение Ватикана, крупнейшая историческая христианская церковь в мире. Одна из четырёх патриарших базилик Рима и церемониальный центр Римско-католической церкви. Занимает первое место в списке семи паломнических базилик Рима. Над его созданием трудилось несколько поколений великих мастеров: Браманте, Рафаэль, Микеланджело, Бернини. Вместимость около 15 000 человек + 60 тыс. человек на площади.

Площадь Венеции – площадь в центре Рима, названная так по одноимённому палаццо Венеция. Площадь расположена у подножия Капитолия и недалеко от Римского форума. Это место ещё во времена Римской республики было важным транспортным пунктом, здесь пересекались Флами-

ниева дорога с Сервиевой стеной (Porta Fontinalis). В наше время здесь пересекаются улицы Корсо, Плебисчито и Цезара Баттисты.

«Свобода – это рабство» – цитата из книги 1894 Дж. Оруэлла

Район Понте – Пятый район Рима. Район Понте занимает площадь от набережной Lungotevere Tor di Nona на левом берегу Тибра (напротив Замка Святого Ангела) до площадей Пьяцца-Навона до Пьяцца-Кьеза-Нуова. Территорию района Понте пересекает улица Corso Vittorio Emanuele II

Замок Святого Ангела – римский архитектурный памятник, также известный как Мавзолей Адриана иногда называемый Печальный Замок, представляющий собой высокое цилиндрическое здание в парке Адриано на берегу Тибра. Донжон-усыпальница, квадратный двор с окружающей его стеной и мост через реку, украшенный скульптурами, образуют городской ансамбль. Когда-то считался самым высоким зданием в Риме

Виктор Эммануил Второй – король Сардинского королевства (Пьемонта) с 1849 года, из Савойской династии; первый король единой Италии нового времени с 1861 года (столица – Турин, с 1865 года – Флоренция, с 1871 – Рим). Некоторые историки приписывают королю выдающиеся заслуги в объединении Италии. На самом деле его осуществлением руководил Гарибальди, а подготовкой – граф Камилло Кавур. Король славился простым обхождением, за что снискал

любовь итальянского народа.